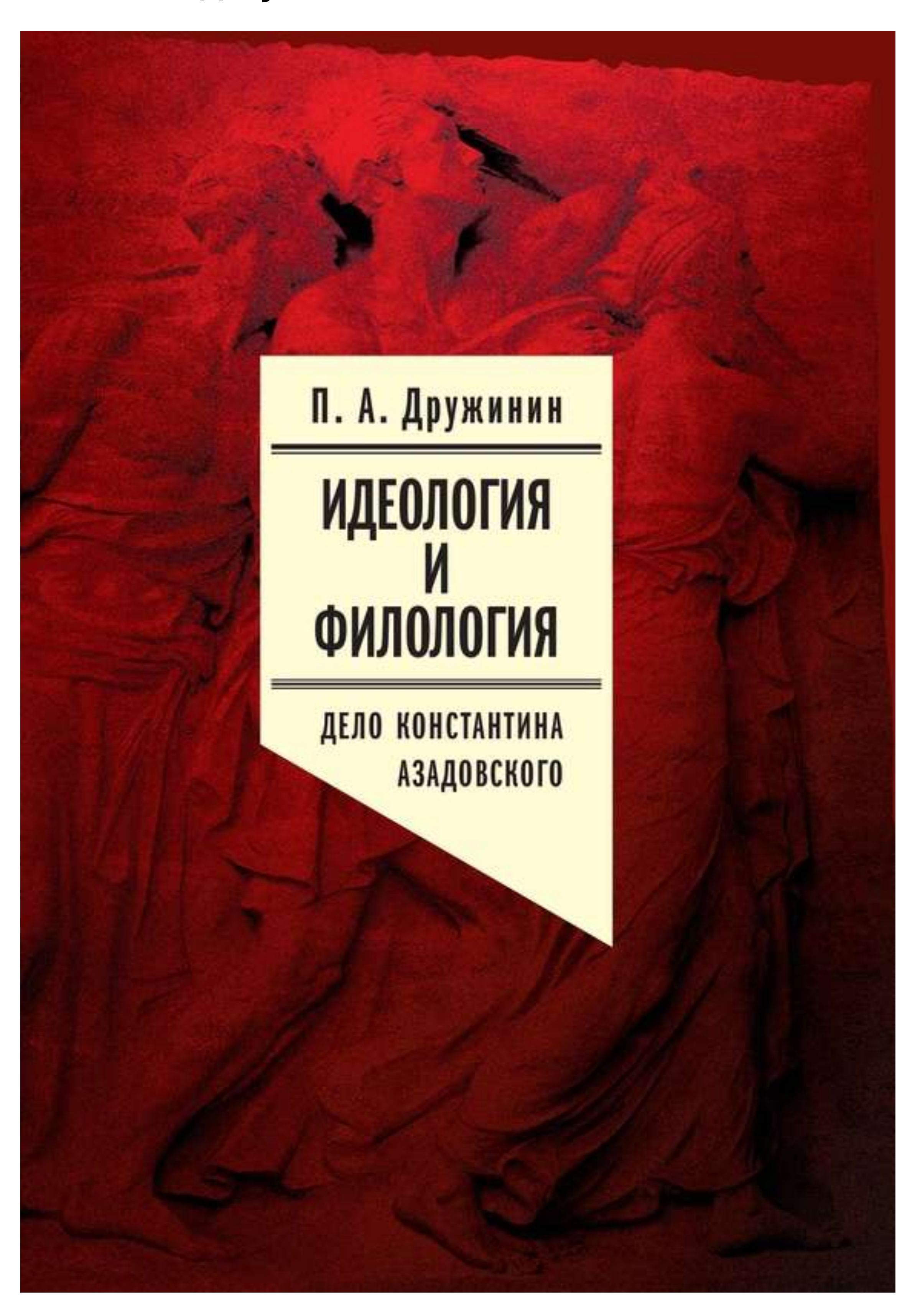
Петр Александрович Дружинин
Идеология и филология.
Т. 3. Дело Константина Азадовского.
Документальное исследование

«Идеология и филология. Дело Константина Азадовского. Том 3»: Новое литературное обозрение; Москва; 2016
ISBN 978-5-4448-0458-2

Аннотация

Ленинград, декабрь 1980 года. Накануне Дня чекиста известному ученому, заведующему кафедрой иностранных языков, и его жене подбрасывают наркотики. Усилия коллег и друзей – от академиков Михаила Алексеева и Дмитрия Лихачева в Ленинграде до Иосифа Бродского и Сергея Довлатова в США – не в силах повлиять на трагический ход событий; все решено заранее. Мирная жизнь и плодотворная работа филолога-германиста обрываются, уступая место рукотворному аду: фиктивное следствие, камера в Крестах, фальсификация материалов уголовного дела, обвинительный приговор, 10 тысяч километров этапа на Колыму, жизнь в сусуманской колонии, попытка самоубийства, тюремная больница, освобождение, долгие годы упорной борьбы за реабилитацию…

Новая книга московского историка Петра Дружинина, продолжающего свое масштабное исследование о взаимоотношениях советской идеологии и гуманитарной науки, построена на множестве архивных документов, материалах КГБ СССР, свидетельствах современников. Автору удалось воссоздать беспощадную и одновременно захватывающую картину общественной жизни на закате советской эпохи и показать – через драматическую судьбу главного героя – работу советской правоохранительной системы, основанной на беззаконии и произволе.

П. А. Дружинин
Идеология и филология. Дело Константина Азадовского. Том 3

Введение

Нам выпала великая честь
Жить в перемену времен…
Б.Г.

Тема «Интеллигенция и власть» остается одной из самых увлекательных и одновременно одной из самых печальных страниц отечественной истории XX века. Трагизм, присущий этим взаимоотношениям, характеризует их не только в эпоху Большого террора или «борьбы с космополитизмом», но и в более позднее время, которое в сегодняшнем восприятии вообще не ассоциируется с таким понятием, как «тоталитаризм», то есть в 1970–1980-е годы.

Интеллигент, вкусивший во всей полноте последние годы советской власти – эпохи невиданного могущества полицейского режима, вряд ли может усомниться в том, что с точки зрения соблюдения демократических свобод этот период истории невообразимо далек от нравственного идеала. Однако свидетели той «прекрасной эпохи» уходят, унося чувство отвращения в мир вечности. Новые поколения, воспитанные не суровой и беспросветной реальностью, а мифотворчеством последних лет, с редким единомыслием выдвигают тезис,

будто на излете советской власти в стране «было хорошо». Если такая точка зрения и справедлива, то лишь в сравнении с 1930-ми годами (что, честно говоря, похвала сомнительная). Но безусловно, что сегодня мы можем воочию наблюдать формирование quasi-истории, которая уже преобладает над реальной действительностью исторических процессов 1970–1980-х годов.

Эта книга, посвященная уголовному преследованию известного филолога и переводчика Константина Азадовского, открывает перед нами механизм системы подавления интеллигенции, слаженно и безотказно функционировавшей в Советском Союзе на закате социалистического строя. То обстоятельство, что арестованный не принадлежал к так называемым диссидентам, а был талантливым и многообещающим ученым, представляется особенно важным, потому что история его преследования – это ни в коем случае не история ареста и осуждения очередного «политического». Это история единоборства советской государственной системы с отдельным человеком, деятелем гуманитарной науки, филологом-германистом и переводчиком. Вокруг этой драмы со временем появилось столь много участников как со стороны государственной машины, так и со стороны интеллигенции, что из персонального дела оно переросло в показательный процесс, наглядно иллюстрирующий эту «благоприятную» эпоху в целом.

Противостояние государства и интеллигенции имеет у нас давние традиции. Будучи пятым колесом, с неумолкающим скрипом своего особого мнения, мыслящая и творческая интеллигенция добавляла в общественные процессы XX столетия свою узнаваемую ноту, вносившую диссонанс в громогласный хор строителей социализма. Власть считала эту ноту фальшью, интеллигенция – голосом совести. Однако сама ситуация, когда некто «шагает левой», была неприемлема для тоталитарного режима. И потому с вольнодумцами успешно справлялись.

Долгие годы использовался универсальный и действенный метод, когда одну часть интеллектуальной элиты удавалось купить, другую – запугать. Подкуп мог быть различным – от возможности занимать определенные посты до орденов и дач; запугивание тоже имело свои градации – от проработок на собраниях до арестов и судебных процессов с последующей отправкой в лагерь. Так сохранялось зыбкое равновесие. Однако у интеллигенции есть еще одна особенность: всегда сохраняется какая-то группа, которую нельзя ни купить, ни запугать. Эффект от таких людей, которых во все времена было очень немного, подобен щепотке дрожжей и способен привести в движение политически лояльные слои общества. С такими выскочками у нас справлялись без реверансов, одновременно напоминая и всей интеллигенции, чтобы она не слишком кичилась своей миссией «мозга нации», потому что «на деле это не мозг, а говно» (В.И. Ленин).

Хрущевская оттепель, выпустившая, как джинна из бутылки, вирус свободомыслия, сильно поколебала этот «общественный договор». И поколение шестидесятников, которое не прошло через унизительный смертельный страх, когда арестовывают кого-то по соседству, оказалось заметно смелее поколения своих родителей. Все большее число образованных и способных людей помышляли о свободе творчества. Подобные разговоры и разговорчики о гражданских свободах в «буржуазном духе» неминуемо начинали представлять опасность для государства.

Чтобы очистить страну от буржуазной пропаганды, в 1967 году было основано Пятое управление КГБ СССР, которое занималось «идеологическими диверсантами». Оно и держало прогрессивных интеллигентов и выросших из их среды диссидентов в узде, периодически отправляя в тюрьмы и лагеря по таким статьям, как 70 (антисоветская агитация и пропаганда) или 190-1 (распространение заведомо ложных измышлений, порочащих советский государственный и общественный строй).

При этом установились и негласные «правила игры», которые действовали в советском обществе 1970–1980-х годов. Они гарантировали, что неучастие в диссидентской деятельности (а тем более сотрудничество с органами госбезопасности) есть верное средство свободного существования гуманитарного ученого в СССР.

История Азадовского показывает, что и это негласное правило было неправдой: повиновение свободомыслящего интеллигента системе не превращало его автоматически в частицу этой системы. «Инакомыслящий», хотя бы и пытающийся приспособиться, рано или поздно обнаруживал себя словами или поступками, диктуемыми не линией руководства, но голосом совести или требованиями чести. А наличие армии осведомителей способствовало раскрытию и ликвидации чуждых элементов.

«Коммунистические формации, – заметил в свое время Яков Гордин, – всегда обладали биологическим чутьем на чужака, носителя иной политической, нравственной, литературной – какой угодно! – культуры. Даже если внешне он вел себя лояльно». Именно об одном из таких «чужаков», жизнь которого была растоптана системой, эта книга.

Константин Маркович Азадовский был гуманитарием, свободомыслящим человеком, который сформировался в 1960-е годы. Но когда времена оттепели сменились временем застоя, он так и не сумел спрятаться в панцирь.

Как и многие шестидесятники, близкие к неофициальной культуре, Азадовский не был в восторге от реалий советского строя. Однако то, что он в 1980 году вместе со своей будущей женой был арестован, демонстративно присоединяло его к людям иных политических взглядов. Ведь он занимался не политикой, а научной работой, заведовал кафедрой иностранных языков, много публиковался и, казалось, не нарушал неизреченных правил игры, заданных государством…

Но именно государство в один день – 19 декабря 1980 года – превратило его жизнь в кафкианский кошмар. Накануне была арестована и его будущая жена. Они были осуждены по одной и той же статье (хотя их дела были искусственно разведены) и получили в 1981 году реальные сроки лишения свободы.

Если бы они обвинялись по политической статье, то история их была бы предметом не менее трагическим, однако чем-то обыденным для того времени, вписываясь в общую картину противостояния интеллигенции и власти. Однако никакого политического обвинения им предъявлено не было: Константин и Светлана Азадовские были осуждены и отбыли сроки по общеуголовной статье 224 УК РСФСР (хранение наркотиков).

Но случилось так, что через много лет после ареста они оба были признаны репрессированными по политическим мотивам. Это стало возможным благодаря беспримерной, совершенно бешеной по напору, изнурительной борьбе, которую долгие годы вел Азадовский ради восстановления честного имени своей семьи. Даже более – он, филолог-германист, самолично расследовал свое собственное «преступление» и «преступление» своей жены и в результате смог назвать истинных виновных.

Дело Азадовского оказалось на поверку политическим, хотя было сфабриковано как уголовное; и только тектонические сдвиги в стране и мире позволили нам увидеть глубинные процессы, происходившие в 1980 году в недрах органов госбезопасности.

Первопричиной разоблачения было то, что организаторы уголовного преследования Азадовских с самого начала действовали грубо и неосмотрительно, подобно слону в посудной лавке, что диктовалось, конечно же, чувством полной безнаказанности. Именно поэтому они оставили настолько много следов, расшифровывая самих себя, что Азадовский – отнюдь не сыщик – смог пройти по этим следам и не сбиться. Благодаря этому и он сам, и затем его жена были полностью оправданы и признаны репрессированными по политическим мотивам.

Было бы нечестно сказать, что Азадовский добился этого один. Ему помогали его друзья и коллеги. Их имена сегодня, по прошествии времени, говорят много даже тем людям, которые никогда не слышали о русском ученом по фамилии Азадовский. Не будет преувеличением сказать, что имена его защитников вписаны золотыми буквами в книгу русской культуры: Дмитрий Лихачев и братья Стругацкие, Натан Эйдельман и Анатолий Приставкин, Иосиф Бродский и Сергей Довлатов, Лев Копелев и Юрий Щекочихин…

Как же могло случиться, что пара обычных уголовников оказалась эпицентром такого общественного события, которое навсегда останется знаменательным для интеллектуальной

истории советской эпохи периода распада? Ответ на этот вопрос мы постараемся дать в этой книге.

* * *

Автор этих строк не принадлежит ни к поколению шестидесятников, ни семидесятников, ни даже восьмидесятников… И все события, которые изложены в книге, – не плод воспоминаний свидетеля эпохи, но результат изучения тех конкретных источников, которые ему удалось собрать при написании этого документального исследования.

И хотя нас всегда интересовала история науки, специфика взаимоотношений советской науки и власти, трудная жизнь гуманитарной интеллигенции под гнетом рабоче-крестьянского государства, мы долгое время оставались в неведении, что же вообще такое «дело Азадовского», поскольку, занимаясь именно «историей», мы до определенного времени не воспринимали 1980-е годы ее частью. Да и герой этой книги оставался для нас всегда исключительно ученым-филологом, а одна из его работ – «Переписка Ю.Г. Оксмана и М.К. Азадовского» (1998) – послужила важнейшим источником для нашей книги «Идеология и филология» (2012).

Но однажды нам выпала редкая удача – ознакомиться с материалами личного архива И.С. Зильберштейна, которые его вдова и душеприказчик Н.Б. Волкова подготовила для передачи в РГАЛИ. Неделями мы искали в сотнях увесистых папок материалы по истории гуманитарной науки. Среди материалов, которые нам удалось найти, была и подборка документов, на обертке которой стояла надпись: «Дело Азадовского»; в ней было собрано несколько ксерокопий начала 1980-х годов: жалоба Азадовского из мест заключения, письмо его матери съезду КПСС, обращение ленинградских ученых к прокурору города… Копии эти попали к Илье Самойловичу в тот момент, когда редактор «Литературного наследства» еще надеялся повлиять на ход уголовного дела Азадовского. Именно в квартире Ильи Самойловича нам удалось в первый раз узнать о трагических событиях в судьбе героев этой книги.

У автора никогда не возникало мысли, что после обращения к биографии профессора М.К. Азадовского, жизнь которого была искалечена в 1949 году «борьбой с космополитизмом», придется под тем же углом зрения обращаться и к биографии его сына, с которым советская власть свела счеты практически на закате своей печальной истории.

С этого материала из архива И.С. Зильберштейна началась наша работа над темой, которая постепенно выросла в целую книгу. Привлекла же нас эта тема как своей неординарностью и многослойностью, так и богатством источников, которые позволяют восстановить истинную картину событий: исследовать не только внешнюю оболочку «Ленинградского дела 1980 года», но и установить, причем совершенно безошибочно, внутренние механизмы этого внешне банального, но невероятно насыщенного историческим содержанием события.

* * *

Жанр настоящей работы мы определили как документальное исследование. Он подразумевает строгую выверенность излагаемых фактов. По этой причине мы обязаны очертить круг источников, которые послужили твердым основанием для объективного исследования произошедшего. Он достаточно широк, хотя хронологическая близость описываемых событий и лимитировала наши возможности в части обращения к документам.

Нашлось и немало общедоступных источников, особенно по истории диссидентского движения. В отличие от самих Константина и Светланы Азадовских, которые долго не могли принять «политическую» версию, правозащитники прозорливо увидели за событиями декабря 1980 года идеологический подтекст и достаточно полно представили дело Азадовского в тех изданиях, которые были рупором диссидентского движения: от «Хроники

текущих событий» до «Материалов Самиздата»; эти издания включают в себя достаточно большой набор сведений по делу Азадовского.

Главным же источником стали личные архивные фонды, отражающие как само дело, так и сопутствующие ему во времени события. Практически все эти материалы были скопированы нами у частных лиц; даже бумаги из архива И.С. Зильберштейна, которые ныне переданы в РГАЛИ и которым предстоит теперь длительная научная обработка, были нами скопированы еще до переезда благодаря любезности Н.Б. Волковой. Некоторые же документы получены из той части его архива, что сохраняется до сих пор в редакции «Литературного наследства». Единственным государственным архивохранилищем стал Отдел рукописей РНБ, где в фонде Д.Е. Максимова нашлась его переписка с Азадовским периода колымского лагеря.

Отдельно нужно сказать о той большой помощи, которая была оказана нам Е.М. Славинским, проживающим ныне в Лондоне. От него мы получили значительные объемы документов, совершенно неизвестных ранее: переписку со скандинавскими учеными относительно дела Азадовского, аналитические материалы радиостанции «Свобода/Свободная Европа» 1981–1982 годов, а также материалы процесса самого Славинского (1969) и многие другие бумаги.

Максимальным по объему комплексом документов, которые освещают дело Азадовского, располагает Архив Института изучения Восточной Европы Бременского университета (Forschungsstelle Osteuropa an der Universität Bremen). Несколько сотен листов документов были переданы в этот архив самим Азадовским, и образовавшийся стараниями Г. Суперфина личный фонд ученого (1-255) оказался поистине незаменимым, исключительным источником для нашей работы.

Другой значительный корпус документов имеется в архиве общества «Мемориал» в Москве; с разрешения хранителя А.А. Макарова мы скопировали его для нашей работы полностью. Это прежде всего личный фонд Азадовского (включенный в ф. 155); он несколько меньше бременского, но исчисляется сотнями листов и содержит документы, которых нет в других собраниях. Представляют также интерес материалы Азадовского, которые входят в фонд «Коллекция Кронида Любарского» (ф. 103), а также в собрание материалов самиздата, поступившее в свое время от В. Чалидзе (ф. 101).

Единичные документы были получены из частных собраний коллег и друзей героя этой книги, а также их наследников; особенно это касается эпистолярного материала, которым мы обязаны Сергею Дедюлину, Александру Лаврову, Габриэлю Суперфину и многим другим…

И, безусловно, мы имели возможность обращаться за справками и документами к Константину Марковичу и Светлане Ивановне Азадовским, особенно когда речь шла об использовании в работе архивных источников, имеющих личный, а не служебный характер. В противовес официальным бумагам – заявлениям, протоколам, приговорам, постановлениям, справкам, частичным копиям уголовных дел и т. д., которые отложились в перечисленных выше архивных коллекциях практически в максимальной полноте, личные документы Азадовских, особенно письма, до сих пор сохраняются в их личной собственности.

То обстоятельство, что Азадовские в свое время не поленились скопировать основной объем своих уголовных дел и сопутствующих «правосудию» материалов, которые впоследствии влились в различные архивные коллекции, оказалось для нас спасительным: несмотря на запросы, которые по нашей настоятельной просьбе предпринимались Азадовскими в процессе подготовки этой книги, их уголовные дела оказались то ли уничтоженными по срокам хранения, то ли вообще утраченными. Более того, в 2015 году Азадовскому наконец было официально сообщено, что сведения о привлечении его к уголовной ответственности отсутствуют в Информационном центре ГУ МВД России по С. – Петербургу и Ленинградской области, самих уголовных дел на хранении не имеется, а вся учетная документация уничтожена по истечении срока хранения. Как будто и не было никакого уголовного дела, отбытого срока, реабилитации, сломанных жизней…

В связи с этим следует сделать небольшое отступление относительно доступности материалов по российской истории XX века, особенно второй его половины.

Владение архивной эвристикой, помогавшее нам при разработке вопросов истории XVIII – середины XX века, для написания данной книги оказалось совершенно бесполезным. Можно констатировать, что государственные и ведомственные архивохранилища наглухо закрыты для исследователя, желающего заняться темой преследования интеллигенции со стороны органов государственной безопасности в 1970–1980-е годы. Ну и особенно – если речь идет о Ленинграде.

Оперативные дела КГБ, хранившиеся в архиве Большого дома, были уничтожены в 1989–1991-м. То, что чудом не было уничтожено, вряд ли будет доступно исследователям в ближайшие десятилетия. Внутренние документы КГБ по делу Азадовского, отложившиеся в материалах архива Инспекторского управления КГБ СССР и Управления КГБ по Ленинградской области, опять же полностью закрыты для историков, поскольку «отражают оперативную работу органов госбезопасности». Какая уж тут эвристика…

Справедливости ради скажем, что единичные исследователи (в основном члены и эксперты комиссий Верховного Совета СССР и РСФСР) смогли в начале 1990-х прикоснуться к подобным «оперативным» материалам. Однако тогда историков в большей степени интересовали материалы Большого террора, нежели события новейшего времени.

Причина, по которой архивные дела КГБ СССР 1980-х годов в абсолютном своем большинстве недоступны независимым исследователям (читай: историкам, которые никак не связаны со спецслужбами или официальными структурами), представляются следующими: во-первых, временно не действовавшие (с 1992 года) грифы секретности на документах КГБ СССР в 1995 году вновь обрели силу, то есть для выдачи их исследователям предусмотрена необходимость соблюдения 30-летнего срока (хотя и по истечении этого срока абсолютное большинство дел продолжает находиться на секретном хранении). Во-вторых (видимо, для того, чтобы не было лишних разговоров), 12 марта 2014 года Межведомственная комиссия по защите государственной тайны принимает решение «О продлении сроков засекречивания сведений, составляющих государственную тайну, засекреченных ВЧК – КГБ СССР в 1917–1991 годах», продлевая еще на тридцать лет срок секретности сведений, охват которых поистине огромен (23 категории), и критерии эти «подходят» практически для всех материалов КГБ СССР. Таким образом, материалы ведомственных архивов КГБ за 1980-е годы будут недоступны еще около тридцати лет – как минимум до весны 2044 года.

Тем не менее за последнюю четверть века значительная часть документов оказалась опубликованной и в сериальных документальных изданиях, и в периодике, в статьях и монографиях. Другой вопрос, что бушующая волна публикаций документов, связанных с работой спецслужб, заметно пошла на убыль, и ныне мы переживаем своего рода «отлив», поскольку доступ к неопубликованным и ранее секретным материалам ужесточился немыслимым образом. Вероятно, многим известны громкие тяжбы, которые историки вели и ведут за доступ к материалам XX века: Георгий Рамазашвили выясняет отношения с архивом Министерства обороны, Михаил Золотоносов – с бывшим Ленинградским партархивом, Никита Петров оспаривает систему навязанной государством секретности в целом…

Банальности о мифических секретах вкупе со страхом работников архивов лишиться работы из-за неосторожной выдачи того или иного документа действуют безотказно, и в этом – основная причина закрытости архивов, хотя нормальная деловая атмосфера легко могла бы поддерживаться строгим соблюдением 30-летнего срока секретности с обязательной последующей передачей архивных дел на государственное хранение. Но получилось не так. Система тотального засекречивания ужесточается, хотя именно эти перегибы приводят, с одной стороны, к таким прецедентам, как «Архив В.Н. Митрохина» (перебежчика, чьи выписки из архивных дел Первого главного управления КГБ, ныне хранящиеся в Кембридже и доступные в Интернете, оказываются наиболее ценным источником по истории советской разведки), а с другой стороны, к уменьшению численности российских историков-архивистов, изучающих политическую историю второй

половины XX века. Ведь альтернатив закрытым документам госбезопасности и партийных органов крайне мало.

Тем не менее для законопослушного историка сохраняется несколько путей их поиска и выявления.

Во-первых, использование копий следственных дел, сделанных ранее, когда система доступа к документам не была столь тягостной. Порой копирование производилось самими жертвами политических репрессий, которые имели доступ к своим следственным и судебным делам, а частью – их родственниками или уполномоченными лицами. Это тем более важно, поскольку сегодня невозможно вообразить ситуацию, когда даже родственникам выдают следственное дело политзаключенного и показывают при этом не только протокол задержания или допроса, но и абсолютно все листы дела, включая доносы и прочие «свидетельства» современников. Случалось, что ученый, заказав следственное дело вторично, по прошествии десяти – пятнадцати лет находил его не просто «похудевшим», а совершенно истощенным.

Во-вторых, в 1991 году, когда закончил свое существование Советский Союз, некоторые его бывшие территории оказались заметно либеральнее в своем отношении к архивам КГБ и ЦК, нежели Россия. А поскольку значительная часть документов, особенно циркуляров Центра, носила всеобщий характер, в настоящее время возможно по экземплярам республиканских и территориальных управлений частично восполнить пробелы в источниках, особенно если речь идет о секретных инструктивных материалах КГБ СССР. Основным источником «утечки» таких документов в 1990-х годах стали страны Балтии; в первую очередь здесь нужно отметить Особый архив Литовской Республики. Одно время казалось, что этим и ограничится, но недавние события на Украине коснулись и архивного дела. 9 апреля 2015 года в Киеве был принят закон «О доступе к архивам репрессивных органов коммунистического тоталитарного режима 1917–1991 годов». Этот акт объявляет все без исключения материалы КГБ Украинской ССР доступными для историков, а значит, и российские исследователи смогут обращаться к тем материалам, аналоги которых в архивах России остаются недоступными.

В-третьих, среди историков и журналистов, получивших в начале 1990-х годов доступ к документам КГБ СССР, МИД СССР и ЦК КПСС, были и те, кто имел возможность заказывать многочисленные копии; впоследствии эти массивы не были отправлены в контейнер, а сохранились в составе частных архивов, предназначенных для научной работы. Порой такие комплексы становятся единственным источником, потому что оригиналы так и не были открыты. Можно вспомнить, например, архив Д.А. Волкогонова, который насчитывал более десяти тысяч документов по советской истории, скопированных в Центральном оперативном архиве КГБ СССР, в Архиве Иностранного отдела ОГПУ – НКВД, в Архиве Политбюро ЦК КПСС и других хранилищах; большинство этих материалов имело в СССР высшую степень секретности, многие из них не рассекречены до сего дня. И когда в 1995 году Д.А. Волкогонов скончался, весь этот гигантский архив был передан его дочерью… в Библиотеку Конгресса (Вашингтон). Если не обсуждать моральную сторону вопроса (российская пресса это назвала «непатриотичным поступком»), можно констатировать следующее: оригиналы этих документов ныне за семью печатями, зато копии в Библиотеке Конгресса доступны ученым из любых стран, в том числе из России.

Таким образом, само извлечение документов по истории второй половины XX века из-под многочисленных запретов – крайне трудоемкое и неблагодарное занятие. И то обстоятельство, что нам не пришлось тратить на него свои силы, серьезным образом сократило срок подбора архивных источников. Наиболее важные документы по делу Азадовского, которые происходят из недр КГБ СССР, имеют свою особую генеалогию.

Речь идет об итоговых материалах ведомственных проверок 1988 года (Следственного отдела и Инспекторского управления КГБ СССР, а также УКГБ по Ленинградской области), которые имели решающее значение для переосмысления дел Азадовского и его жены. Оригиналы этих бумаг, и не только они, несомненно хранятся в архивах спецслужб. Но, как

мы сказали, пытаться получить к ним доступ в настоящее время – заведомо тупиковый путь для независимого исследователя. К счастью для исторической науки, в 1993 году итоговые докладные записки и некоторые другие документы из этого корпуса материалов были скопированы для двух инстанций – Генеральной прокуратуры и Комиссии Верховного Совета по реабилитации жертв политических репрессий. Но дела Комиссии, как и дела Генпрокуратуры за 1990-е годы, опять-таки недоступны для исследователей. Тем не менее с экземпляра Генпрокуратуры были сделаны копии, необходимые для проведения прокурорской проверки в Ленинграде в 1994 году, а по окончании этой проверки вместе с ее результатами эти копии были подшиты к уголовному делу, которое не имело грифа «секретно» (будучи обычным уголовным делом по обвинению в хранении наркотиков). В том же 1994 году Светлана Азадовская получила в архиве Куйбышевского районного суда доступ к своему уголовному делу и в течение недели переписывала приложенные к делу материалы. Вскоре значительная их часть была обнародована Юрием Щекочихиным в «Литературной газете».

От Азадовских эти копии поступили как минимум в два хранилища. Наиболее полный экземпляр был передан в фонд Азадовского в Архиве Института изучения Восточной Европы Бременского университета. Второй, также доступный исследователям экземпляр, хотя и несколько меньший по числу представленных в нем документов, хранится в личном фонде Азадовского в архиве общества «Мемориал» в Москве.

Таким образом, мы практически не использовали материалов из государственных архивов. Это позволило нам не отягощать нашу книгу ссылками, заменив их хронологическим перечнем использованных документов, расположенным в конце книги. Тем более что зачастую один и тот же документ, обычно в копии, имеется в нескольких архивных коллекциях, а сами эти архивные собрания (будь то в Бремене или московском «Мемориале») не имеют привычной для российских госархивов нумерации листов, так что мы были даже не в состоянии дать при цитировании полные архивные ссылки. Материалы архива И.С. Зильберштейна (РГАЛИ. Ф. 3290) также не прошли еще научной обработки. Кроме того, как упомянуто выше, значительная доля материала до сих пор сохраняется в частных архивах. Этот принцип касается и печатных источников – как различных западноевропейских газет, так и мемуаров или иных материалов (их полный алфавитный перечень приводится в конце книги).

Также отметим, что даты жизни нами указаны только при упоминании ныне ушедших персонажей книги.

* * *

Выражаем искреннюю благодарность лицам, не отказавшимся помочь нам как советом, так и материалами. Это Надежда Ажгихина, Анатолий Белкин, Яков Гордин, Сергей Дедюлин, Поэль Карп, Юрий Клейнер, Александр Лавров, Любовь Овэс, Татьяна Павлова, Ефим Славинский, Габриэль Суперфин…

Благодарим Арсения Рогинского, взявшего на себя труд внимательно прочесть рукопись и высказавшего ряд важных замечаний, а также Александра Соболева, чья многолетняя дружеская поддержка немало способствовала созданию и этой книги.

Нельзя не отметить того исключительно доброго отношения, которое автор встретил у главных героев – Константина и Светланы Азадовских. Они не только щедро делились сохранившимися у них материалами, но и терпеливо и откровенно отвечали на порой непростые вопросы, которые возникали у автора в процессе работы. Следует также оговорить то обстоятельство, что в силу хронологической близости описываемых в книге событий мы вынуждены были получить необходимые разрешения на публикацию ряда текстов: стихотворений, переводов, газетных статей, личных писем, а также иллюстраций. Авторы или их наследники сочувственно отнеслись к нашей просьбе, за что мы должны выразить им свою искреннюю признательность.

Наконец, хочется поблагодарить издателя Ирину Прохорову, которая с самого начала горячо поддержала наш замысел, терпеливо дожидалась окончания работы над рукописью и затем сделала все возможное, чтобы эта книга увидела свет.

Глава 1
Начало

Герой этой книги родился 14 сентября 1941 года в Ленинграде, на седьмой день взятия города в кольцо блокады. Отцом долгожданного первенца был университетский профессор-филолог Марк Константинович Азадовский (1888–1954), матерью – Лидия Владимировна Брун (1904–1984), в 1924–1938 годах – сотрудница Государственной публичной библиотеки в Ленинграде.

В марте 1942 года, пережив тяжелейшую блокадную зиму, но сохранив младенца, семья была эвакуирована в Иркутск, на родину отца. Здесь их ждал университет, где Марк Константинович занимал профессорское место до конца войны. 1945 год, принесший победу, оказался особенно труден – напряжение военных лет дало себя знать: отец перенес тяжелый инфаркт. Возвращение в Ленинград было символическим – казалось, что начинается новая жизнь.

Эйфория длилась недолго – в августе 1946 года разразилась новая война, на этот раз идеологическая. Первыми жертвами стали Ахматова и Зощенко, но зона поражения разрасталась: началась борьба с «аполитичностью» советской интеллигенции. Ровно через год она переросла в кампанию против «пресмыкательства перед заграницей», в которой среди прочих пострадали филологи, осмелившиеся проводить параллели между русской литературой и европейской классикой; усилилось восхваление всего русского и поношение всего иностранного, а размах гонений на отдельных ученых и даже целые научные школы недвусмысленно воскрешал в памяти мрачные тридцатые годы.

В 1948 и особенно в 1949 году семье Азадовских стало понятно, что надежды на мирную и благополучную жизнь рухнули: разгром «космополитов от литературоведения» все более набирал силу. Отец Кости, который долгие годы изучал русский фольклор и не без оснований надеялся, что эти баталии обойдут его стороной, оказался в группе тех самых «космополитов». Причем профессор Азадовский был не просто «примкнувшим» – он был избран в качестве одного из главных выразителей ущербной идеологии.

Оказалось, что в числе его более чем трехсот печатных работ нашлась и такая, в которой еще в 1936 году он осмелился утверждать, что Пушкин использовал сюжеты сказок братьев Гримм для написания «Сказки о рыбаке и рыбке» и «Сказки о мертвой царевне и о семи богатырях». В 1930-е годы это наблюдение казалось современникам важным открытием, но в 1949-м воспринималось как преступление. Ученого непечатно склоняли на партсобраниях, «прорабатывали» в печати, шельмовали и называли «клеветником на русскую культуру и великого Пушкина»; всякие исследования в области сравнительного литературоведения, главным представителем которого в русской науке был академик А.Н. Веселовский, беспощадно карались «большевистской критикой».

Впрочем, сейчас мы знаем, что претензии к каждому из «космополитов» были бы найдены в любом случае. Их научные работы сами по себе не имели решающего значения. Кампания 1949 года была насквозь антисемитской: под любыми предлогами громили ученых-евреев, и приговором Азадовскому было его имя, данное ему при рождении в еврейской семье: Марк. Азадовский-отец воспринимал всю эту критику болезненно и в первую очередь – через призму своей научной деятельности; ему, как и другим жертвам ожесточенной травли (Г.А. Гуковскому, В.М. Жирмунскому, Б.М. Эйхенбауму), казалось, что жизнь прожита зря…

В конце концов весной 1949 года его сердце не выдержало; врачи диагностировали второй тяжелый инфаркт, длительное время продержавший его в постели. В мае, когда стало ясно, что он все-таки пошел на поправку, «космополита» Азадовского выгнали с работы – и

из Ленинградского университета, где он заведовал кафедрой русского фольклора (им же в свое время и созданной), и из Пушкинского Дома, где он возглавлял Сектор фольклора. В своем специальном приказе Министерство высшего образования СССР указало причину увольнения: «Крупные идеологические ошибки в научно-педагогической работе».

Вышедший в конце того же 1949 года первый том Большой советской энциклопедии с биографической статьей об Азадовском-отце заканчивался многозначительной фразой о том, что в его научных трудах «сказалось влияние порочного историко-сравнительного метода академика А.Н. Веселовского с его идеализмом и реакционным космополитизмом». Это был волчий билет или, как он сам сказал после прочтения, «осиновый кол».

Следующие годы были для семьи Азадовских очень нелегкими: разница между зарплатой университетского профессора в 6500 рублей и пенсией в 1600 казалась почти фатальной; гонорары прекратились, пришлось расстаться с частью библиотеки, которая любовно собиралась многие годы и уцелела даже в блокаду. Заниматься фольклором отец почти не мог – ни формально, поскольку критике в 1949 году были подвергнуты прежде всего его труды по народному творчеству; ни физически – он много болел, а в 1953 году перенес еще один инфаркт, третий. Впрочем, именно в эти годы им были написаны работы, вошедшие в золотой фонд отечественного декабристоведения. Умер Марк Константинович в ноябре 1954 года.

Гражданская панихида в Доме писателя была весьма многолюдной; речи произносились и на кладбище. А накануне похорон произошло событие, которое запомнилось многим современникам. В квартиру, где стоял гроб, был доставлен венок, на ленте которого красовалось выведенное бронзовой краской: «От Пушкинского Дома Академии Наук СССР». Увидев надпись, Лидия Владимировна попросила домработницу взять такси и отвезти венок «по адресу отправителя» – в Пушкинский Дом, где он был оставлен в вестибюле, у главного входа. Настолько памятен был ей 1949 год…

Итак, в 13 лет Костя остается без отца. Понимал ли он, что с этого момента он – глава семьи? Вероятно, понимал или понял довольно быстро. Теперь он должен был учиться, чтобы стать похожим на отца.

По счастью, он оказался на редкость способным ребенком. Само собою вышло, что мать – немка по отцу – с детства говорила с ним на родном языке своих предков, переселившихся в Россию еще в XVIII веке. Немецкий язык Лидии Владимировны был слегка архаичным – таким, как у большинства петербургских немцев. Так и протекало Костино знакомство с классической немецкой литературой, интерес к которой изрядно подогревался усилиями родителей и друзей семьи.

Собственно говоря, Костя не имел выбора – вся атмосфера вокруг него была прямо-таки насыщена немецким языком и немецкой литературой. К ближайшим друзьям принадлежали Тронские, прославленная чета университетских профессоров, а Мария Лазаревна, германистка, преподававшая на филологическом факультете ЛГУ, была ученицей В.М. Жирмунского, еще одного друга семьи Азадовских.

Важное событие, знаменовавшее, по-видимому, «переход количества в качество», произошло в середине 1950-х годов. Вернувшийся из лагерей Ахилл Григорьевич Левинтон, ленинградский германист и филолог-западник, который не мог устроиться на преподавательское место в вузе, согласился позаниматься с Костей языком и литературой и, видя в подростке благодатную почву, стал вкладывать в него свои знания; именно он открыл ему мир Гете, Гейне и Гофмана.

И надо сказать, что подростка все более увлекал этот волшебный мир немецкой литературы. Ощущение того, что он может сам, не прибегая к чьей-либо помощи, читать на языке оригинала немецкие стихотворения или романы, создавало вокруг его домашних занятий, как и ранее в детстве, ореол таинственности, столь необходимый в этом возрасте для горячего интереса к тому или иному предмету.

Когда пришло время задуматься о выборе школы, родители остановились на 232-й мужской средней школе Октябрьского района (на улице Плеханова, бывшей и нынешней

Казанской). За этим официальным фасадом скрывалось старейшее учебное заведение города – некогда Вторая петербургская гимназия. Для Азадовского-старшего, хорошо помнившего дореволюционный Петербург, это был, как говорится, «знак качества»; к тому же было известно, что в 232-й школе традиционно высоко поставлено изучение иностранных языков. И действительно, когда Костя перешел в четвертый класс, то в 232-й, как, впрочем, и в нескольких других ленинградских школах, был директивно в качестве основного иностранного языка введен испанский. То есть уже ко времени поступления на филологический факультет Ленинградского университета – а других вариантов у него даже в мыслях не было – Костя неплохо знал два иностранных языка. Впоследствии к ним прибавится, хотя и не на таком высоком уровне, знание английского и французского.

Поступив в 1958 году на немецкое отделение филологического факультета Ленинградского университета, Костя просто не имел права учиться посредственно – ведь он был не простым студентом, а сыном своего отца, которого многие сотрудники факультета хорошо помнили. Да и зловещие события конца 1940-х тогда еще тоже не были забыты, и Константин понимал, что означают внимательные взгляды, которыми провожают его подчас знакомые и незнакомые преподаватели. Среди профессоров, которых слышал и у которых учился Константин Маркович, особое значение для его дальнейшей судьбы имел Дмитрий Евгеньевич Максимов, едва ли не единственный в то время профессор, пытавшийся привлечь внимание студентов к культуре Серебряного века, руководитель знаменитого Блоковского семинара.

В 1963 году Азадовский с отличием оканчивает филологический факультет, защитив дипломную работу об австрийском драматурге Франце Грильпарцере, классике австрийской литературы, и влиянии на него испанского театра Золотого века, написанную под руководством известного испаниста Захария Исааковича Плавскина. На последнем курсе он сближается с Аристидом Ивановичем Доватуром и, ощущая нехватку классического образования, просит его о разрешении посещать студенческую группу, изучавшую древнегреческий язык. Эти занятия продолжались и после того, как Азадовский расстался с филфаком.

Тяга к стихосложению, проявившая себя еще в школьные годы, способствовала тому, что Константин, еще будучи студентом, знакомится с молодыми ленинградскими поэтами; среди них были, в частности, Дмитрий Бобышев и Иосиф Бродский. Позднее, через несколько лет, он сблизится с Виктором Кривулиным, Олегом Охапкиным и другими поэтами неформальной ленинградской культуры.

Во второй половине 1960-х годов через своего университетского приятеля Гену Шмакова он попадает в круг артистов ленинградского балета. Особенно часто он встречается с Машей (Марианной) Кузнецовой, танцовщицей кордебалета Кировского театра, умной, обаятельной и, что необычно для артистов балета, трезво оценивающей советскую действительность. Ее комнатка в общежитии театра на улице Зодчего Росси была своего рода центром притяжения: туда под вечер стекались гости, среди них – Геннадий Шмаков, Михаил Барышников… В один из вечеров Азадовский привел в этот райский уголок Бродского…

Можно видеть, что, погружаясь в пучину богемно-артистической и поэтической жизни города, Азадовский в какой-то степени и сам становился частью этой «второй культуры». Что было вполне естественно для молодого человека, пытавшегося писать стихи, увлекавшегося изобразительным искусством и много читавшего (да еще и на иностранных языках).

О серьезности поэтических опытов Азадовского того времени свидетельствует любопытный факт: в 1993 году в первом томе Собрания сочинений Иосифа Бродского было помещено несколько стихотворений Азадовского.

Однако основным направлением литературных занятий Азадовского в тот период становится не оригинальное стихотворчество, а поэтический перевод (как прозы, так и стихов). Уже в студенческие годы публикуются его переводы с немецкого и испанского, но

бóльшую известность в Ленинграде принесли ему переводы произведений Рильке, чьим творчеством он уже тогда увлекался. Так, выполненный им перевод «Песни о любви и смерти корнета Кристофа Рильке» ходил в списках, распространялся в самиздате.

Константин Кузьминский, уехав в Америку, писал в 1983 году: «“Песнь о любви и смерти корнета Мария Рильке” в переводе Кости Азадовского тщетно ищу уже 17 лет…И до, и после читал я немало Рильке – и в переводах [Т.И.] Сильман, слышал переводы [С.В.] Петрова – но сразил меня один Азадовский».

Неудивительно, что Иосиф Бродский, любивший наделять своих друзей кличками, некоторое время звал Костю Корнетом.

Переводить он начал еще в школьные годы. Будучи старшеклассником, пришел в семинар Е.Г. Эткинда, где обсуждались переводы немецкой прозы; знакомство, а позднее и дружба с этим замечательным переводчиком, ученым и публицистом сохранялась до конца жизни Ефима Григорьевича.

В студенческие годы он постоянно посещал переводческие семинары в Ленинградском Доме писателя. Секция переводчиков Ленинградского отделения Союза писателей была в то время редкостным и совершенно особым явлением – талантливые гуманитарии, многие из которых имели за плечами лагерный срок (Т.Г. Гнедич, И.А. Лихачев, А.А. Энгельке и др.), вернувшись в годы оттепели в родной город, задавали тон в Ленинградском отделении Союза писателей. Это созвездие талантов назовут впоследствии «ленинградской школой художественного перевода». Стараясь не пропускать переводческие вечера в Доме писателя, Константин вскоре примкнул к семинару, которым руководила Эльга Львовна Линецкая (в прошлом – ссыльная); молодые люди, объединившиеся в этом семинаре, переводили французских поэтов и, встречаясь, обсуждали свои стихотворные опыты. В этот семинар он привел однажды Геннадия Шмакова, полиглота и знатока французской литературы.

Впоследствии, когда познания Азадовского в истории литературы углубились, Константин Маркович отдалился и от переводов, и от стихов, занявшись историко-литературными разысканиями в области русской поэзии и русско-немецких литературных связей.

Однако уже в студенческие годы ему пришлось решать и другую – отнюдь не филологическую – проблему. Не имея никаких доходов, кроме студенческой стипендии, Константин постоянно чувствовал необходимость содержать и себя, и мать, чьей мизерной пенсии явно не хватало для обоих, не говоря уже о развлечениях, столь соблазнительных в молодом возрасте, или таких удовольствиях, как путешествия (в те годы, естественно, исключительно по родной стране).

И когда весной 1960 года, после окончания второго курса, ему предложили на время летних каникул поработать переводчиком с иностранными туристами, он воспринял это предложение как большую удачу. Перед ним открывалась возможность «посмотреть мир», общаясь с приезжавшими в Ленинград туристами, в том числе «из капстран». Никакой зарплаты там официально не предполагалось, зато можно было – и это в особенности привлекало Константина – прикоснуться уже к современному разговорному, а не старомодно-литературному немецкому языку.

Окончив филологический факультет со специальностью «филолог-германист», Константин не поступает в аспирантуру Ленинградского университета (в сущности, ему этого и не предлагали), а после продолжительных мытарств, связанных с так называемым «распределением», не без труда устраивается преподавателем-почасовиком на кафедру иностранных языков Ленинградского государственного педагогического института имени А.И. Герцена.

А вскоре, в феврале 1964 года, он был призван на трехмесячные офицерские сборы во Львове; по этой причине он смог посетить только первое заседание суда над Бродским 18 февраля 1964 года (к 13 марта он был уже в погонах); зато в декабре ему удалось вырваться на три дня в Норенскую, куда был сослан его друг-тунеядец.

Словно в отместку родному филфаку, Азадовский через год после его окончания

поступает на вечернее отделение исторического факультета – на отделение истории искусств. В центре его внимания оказывается живопись немецкого романтизма, прежде всего Каспар Давид Фридрих, и в 1969 году он защищает диплом на тему «Проблема пейзажа в живописи немецкого романтизма» и становится дипломированным искусствоведом.

Не прекращая преподавания иностранных языков в вузе, он в 1965 году поступает в заочную, а затем, два года спустя, сдав кандидатский минимум, переходит в очную аспирантуру ЛГПИ имени А.И. Герцена и начинает работать над диссертационным сочинением на кафедре зарубежной литературы под руководством одного из крупнейших отечественных германистов Наума Яковлевича Берковского. В своей диссертации он продолжает изучение драматургии Франца Грильпарцера. К осени 1969 года работа была полностью готова; началась подготовка к защите, обсуждался вопрос об оппонентах, готовились необходимые отзывы. Ученый совет должен был назначить дату, чтобы можно было отпечатать автореферат.

Но далее произошло событие, которое если и не перечеркнуло его карьеру, то серьезным образом ее затормозило. Об этом довольно красочно пишет коллега по кафедре зарубежной литературы пединститута Ален Михайлович Жмаев (1934–1987), вскоре исключенный из партии за чтение самиздата и уехавший с «волчьей характеристикой» преподавать – сперва в Харьков, а затем в Ош. В своем дневнике он заменил реальное имя нашего героя именем его отца. Приводим этот текст по публикации в самиздате 1972 года:

> Напевая, подходил я к институту, когда меня остановила Анна Сергеевна [Ромм – профессор ЛГПИ, специалист по английской литературе нового времени].
>
> О, это выражение лица, сразу как будто осевшего всеми мякостями!
>
> – Вы слышали?
>
> – Что? – спросил я, не ожидая ничего хорошего.
>
> – Марк, – выдохнула она едва слышно.
>
> Марк был красой и гордостью нашей кафедры. Такого аспиранта кафедра не знала и в минуты своего расцвета. Он написал диссертацию, которую не поленился прочесть сам Берковский. Переводы Марка с трех языков выходили в красивых изданиях, и он неизменно дарил их Львовичу [Алексею Львовичу Григорьеву, профессору и завкафедрой]. Слушая, как Марк излагает отвлеченную проблему, наши старички млели, а Анна Сергеевна, наверное, думала, почему ее дочь получилась настолько неудачной, что нет ни малейшей надежды залучить блестящего молодого человека в родню. Наум Яковлевич [Берковский], никогда никого не хваливший и не терпевший, чтобы других хвалили в его присутствии, сказал, послушав Марка:
>
> – Юноша изрядной начитанности. Даже можно сказать: образованный молодой человек.
>
> В довершение у Марка была прекрасная родословная: он происходил из семьи потомственных филологов, хорошо известных в Ленинграде…
>
> – Что Марк, – спросил я одними губами. – Политика?
>
> Анна Сергеевна кивнула. Добавила едва слышно:
>
> – И еще хуже… Наркотики.
>
> При аресте группы наркоманов Марка привлекли к суду в качестве свидетеля. Он был полностью оправдан…Но надежда, которую питали все, надежда, что он будет работать на нашей кафедре, была навсегда похоронена.

Содержание событий, как оно преломилось тогда в интеллигентской среде Ленинграда, передано тут вполне верно. То было знаменитое «дело Славинского», по нему-то и был привлечен Азадовский-младший. Дело, как водится, началось с обысков (у Азадовского и многих его знакомых); затем стали вызывать на допросы. Суть состояла в том, что Ефим Славинский, талантливый филолог-англист, действительно в течение 1966–1968 года «покуривал» как сам, так и с друзьями (причем не только с интеллигентами города Ленина, но и, что было уже совсем неосмотрительно, с приезжими иностранцами). Неудивительно,

что место неформального общения будет квалифицировано следствием как притон, а многочисленные гости Славинского будут объявлены наркоманами. «Обвинение, предъявленное Славинскому, – как напишет позже критик и переводчик Виктор Топоров, тогда принадлежавший к этому кругу, – было хотя и верным фактически, но притянутым за уши: судили – и осудили – его не за наркотики и уж подавно не за политику, а за обширные знакомства с иностранцами и за общий стиль жизни». И хотя жанр «воспоминаний» Топорова правильнее в целом определить как пасквиль на современников, в данном случае он как лицо безразличное к Славинскому раскрывает истинную причину дела.

То обстоятельство, что Азадовский тогда даже не курил, было общеизвестным фактом, и привлечь его за употребление наркотиков следствие не смогло. Продолжим цитировать дневник Жмаева:

> Суть его дела была элементарна. В Ленинграде, действительно, разоблачили группу наркоманов. Один из них, называя всех своих знакомых, назвал и Марка. Имя нашего аспиранта попало в «Вечерку» как раз в те дни, когда на кафедре раздавались дифирамбы в честь его блестяще завершенной диссертации. Газету никто в институте не видел, и чудом удалось нашему диссертанту получить рекомендацию к защите перед прологом всех событий. Накануне крохотной информации в «Вечернем Ленинграде» в квартире Марка внезапно произвели обыск. Изъяли все лекарства, шприц, которым делали уколы больной матери, все иностранные журналы, все адресные и записные книжки. Если на обороте конспекта написано было имя, допустим, «Лена», то изымали и конспект. Таким образом набралось около 200 наименований. Конечно, никакими наркотиками дома и не пахло. Но зато журналы, те самые, которые Львович [А.Л. Григорьев] рекомендовал читать и мне, сочли «полуантисоветскими»…

Отметим, что слова относительно оглашения имени Марка в газете – попросту ошибочны, поскольку и статьи-то никакой не было. 5 июня на последней полосе «Вечернего Ленинграда» в рубрике «Происшествия» появилась заметка под громким заголовком «Расплата неминуема»:

> На днях сотрудниками Управления внутренних дел Леноблгорисполкомов задержан Е.М. Славинский – человек без определенных занятий, на квартире которого собирались молодые люди для употребления наркотиков. Следственным управлением УВД Леноблгорисполкомов Е.М. Славинский привлечен к уголовной ответственности. Ведется расследование.

Заголовок и содержание заметки не оставляли никаких сомнений относительно перспектив этого уголовного дела, и огласка в интеллигентской среде Ленинграда была широка. Результатом работы органов внутренних дел оказалось и «Представление», направленное ректору ЛГПИ А.Д. Боборыкину из Следственного управления Ленинграда 12 августа 1969 года. Приведем фрагмент этого документа:

> В процессе расследования было установлено, что среди посетителей притонов Славинского был аспирант кафедры зарубежной литературы Азадовский Константин Маркович. Азадовский неоднократно посещал притоны Славинского, которые он содержал, снимая комнаты у частных лиц, курил там наркотическое вещество – гашиш. Причем Азадовский приводил в притоны Славинского лиц, которые не являлись наркоманами с тем, чтобы приучить их к употреблению наркотиков. Так, в 1968 году он привел к Славинскому гражданина США Л. Лейтона, которому Славинский дал курить гашиш. В 1967 г. Азадовский привел к Славинскому актера театра им. Моссовета Демина В.И. и вместе со Славинским склонил его к употреблению наркотиков, дав ему закурить папиросу с гашишом. На обыске у Азадовского был изъят порошок белого цвета, который Азадовский получил под видом наркотика у гр-на США Филлипса в 1969 году. Кроме того у

Азадовского были изъяты порнографические американские журналы и книги антисоветского содержания.

На следствии Азадовский вел себя трусливо, отрицая очевидные факты, боясь ответственности. К уголовной ответственности Азадовский не привлекается. Однако поведение Азадовского, который хранил дома порнографическую и антисоветскую литературу, а также посещал притоны для употребления наркотиков и курил там гашиш, несовместимо с его будущей профессиональной деятельностью. Азадовский не может быть воспитателем молодежи, ведя сам аморальный образ жизни. Сообщая об изложенном, прошу обсудить поведение Азадовского и принять к нему меры общественного воздействия. О принятых мерах прошу сообщить в месячный строк.

Ректор с содроганием прочитал этот документ и в том же августе 1969 года сообщил в Следственное управление о том, что больше такого аспиранта в ЛГПИ имени Герцена не числится.

Нужно отдать должное ректору – Александру Дмитриевичу Боборыкину (1916–1988), который обошелся с Азадовским все же довольно гуманно. Правда, в защиту аспиранта подали свои голоса и профессор ЛГПИ Б.Ф. Егоров, и другие преподаватели пединститута, и даже директор Пушкинского Дома В.Г. Базанов, однако ректор мог не посчитаться с их мнением и отчислить Азадовского с такой характеристикой, с которой тот не смог бы устроиться не то что в вузе, но даже в сельской библиотеке. Однако ректор, в особенности ценивший Н.Я. Берковского, прислушался к мнению профессора и поступил максимально мягко, а впоследствии, спустя два года, когда дело утихло, даже санкционировал защиту Азадовского в ЛГПИ.

Нельзя умолчать о том, что подлинные материалы судебного процесса по делу Ефима Славинского полностью опровергают положения милицейского «документа», ибо свидетели на суде показали, что гражданин «Азадовский не употреблял наркотики, хотя ему многократно и настойчиво это предлагалось, поскольку относится к наркотикам отрицательно и вообще никогда не курил даже папирос». А «белый порошок», обнаруженный у него в ходе обыска, в действительности оказался всего лишь аспирином, но, будучи импортным, был изъят при обыске для проведения экспертизы.

Вообще обыск 1 июня 1964 года, начавшийся в 6:30 утра, проводился с размахом – оперативные группы работали одновременно по многим адресам, явившись почти ко всем знакомым Славинского. Впечатляет и количество изъятого – у Азадовского, например, вынесли практически весь письменный стол. Кроме записных книжек, переписки с иностранными гражданами, рецептов и лекарств, любых листочков с телефонами, списков членов переводческих семинаров и проч. были изъяты многочисленные иностранные журналы – от «Spiegel» и «New Yorker» до «Esquire» и «Playboy», все «долгоиграющие пластинки иностранного производства», а также изданные за границей собрания сочинений Осипа Мандельштама и Анны Ахматовой и даже вырезки из «Русской мысли». Особый интерес привлекло напечатанное на пишущей машинке стихотворение, начинавшееся со слов «Когда в Неву входили крейсера…». Оно так и не вернулось к Константину, и никто не установил его автора; и даже непонятно, зачем его изъяли. Это было стихотворение его друга, молодого поэта и историка Якова Гордина.

Когда в Неву входили крейсера
В осеннем дыме, в утреннем ненастье,
Я тут же понял, что пришла пора
Подумать о бесславии и счастье.
Пред ними подымалися мосты,
Ни зверю нет пути, ни человеку,
И понял я, что время пустоты

Таким, как я, устроило проверку…

Однако вернемся к присланному в институт документу. Для советской правоприменительной практики вполне показательно то обстоятельство, что милицейское «представление» было отправлено Следственным управлением задолго до суда над Е.М. Славинским, который состоится 24–29 сентября 1969 года. То есть еще до того, как суд рассмотрел это уголовное дело и дал оценку собранным следствием материалам, «вина» Азадовского считалась уже доказанной: понятие «презумпция невиновности» для отечественного права всегда было некой фантастической картинкой западного кинематографа.

Серьезное давление, которое оказывало на Азадовского следствие, не привело к ожидаемому результату – ни на следствии, ни на суде он не дал против Славинского никаких показаний. Но сама обстановка – обыски и допросы – оказала известное влияние на Азадовского, укрепила его личность, дала реальную возможность не только преодолеть это испытание нравственно, но и окончательно прозреть. Об этом свидетельствует запись в том же дневнике А.М. Жмаева:

> – Поскольку я не виноват, – рассказывал Марк, – то и оправдаться невозможно. «Ваше имя фигурировало на суде» – этого достаточно. Ректор со мной хорош. Посмотрел мои оправдательные бумаги и говорит: «Я понимаю и верю, дорогой, но надо, чтобы все утихло». – «Что утихло?» – спрашиваю. «Да вот суд, наркотики, журналы». Жду, когда утихнет. Года через два, думаю, смогу вернуться в Питер. А знакомые на улицах встречают, большие глаза делают: «Как, разве вас не посадили?»
>
> – Тебе вернули то, что отобрали?
>
> – Ничего. Ну, не просить же у них!.. Ты пойми, всё ясно только с уголовниками: украл – садись, не украл – гуляй, работай. А с интеллигенцией – худо. ОНИ понимают, что зло – здесь. – Марк показал на свой высокий, красивый лоб. – Им плевать, чего ты там в своих статьях пишешь. Они знают: вот ЗДЕСЬ – не то содержание. И задача у них – одна: перековка сознания. Они будут тягать, держать в предвариловках, устраивать очные ставки, делать с тобой что угодно с единственной целью: ты должен думать иначе. Убить личность. Убить мозг. Сделать мозги эластичными и послушными, чтобы человек сам ненавидел крамолу, чтобы при виде, скажем, «самиздата» он не просто шарахался, а автоматически срабатывал, стуча на ближнего. Растоптать достоинство. Доказать, что ты – не интеллигент, а такое же дерьмо, как все. Вышибить само понятие о личностном начале. Вот когда ты почувствуешь в них своих людей, когда придешь к ним САМ, они и обласкают, и помогут, и в институт воткнут, пусть хоть у тебя в характеристике написано, что ты маленьких детей резал… Они меня по 20 часов на стуле держали. Но я себе твердил: у тебя есть достоинство. Есть! Ты выйдешь, будешь с людьми, тебе не должно быть стыдно им потом в глаза глядеть… Знаешь, что Берковский сказал? «Когда – говорит – пройдет время, это будет единственным романтическим эпизодом вашей биографии».

То обстоятельство, что слова эти были тогда зафиксированы, а в 1972 году увидели свет в самиздатской книге Жмаева под названием «Туда и обратно: Ретроспективный дневник» (печатное издание – СПб., 1995), могло по тем временам сыграть свою роль: если бы хоть один экземпляр машинописи попал на Литейный, там без особых усилий выяснили бы подлинное имя «Марка». То есть эта эмоциональная речь могла бы оказаться документом – фактическим свидетельством его тогдашних настроений. Попал ли? Этого мы не знаем.

Читая слова Азадовского 1969 года, можно почувствовать окончательно созревшее в нем к тому времени презрение к официальной доктрине, яростное неприятие навязываемой действительности, ясное понимание роли карательных органов. Впрочем, эти чувства и мысли были присущи в ту пору не ему одному. Они характеризуют скорее все поколение

молодой интеллигенции 1960-х годов.

Когда-то Эрнст Неизвестный, говоря о Бродском и его поколении ленинградцев, отметил особенно этот резкий, «злой» стиль отношения к действительности у загнанной в угол талантливой молодежи:

> …Эти маленькие интеллектуальные растиньяки, под серым петербургским небом, набрались растиньяковской желчи и жестокости. По отношению к жизни. И эта жестокость не была жестокостью плебеев, нет. Их петербургская жестокость была почти ницшеанская, жестокость аристократов.

Итак, Константин Азадовский – спасибо ректору – был отчислен с лаконичной формулировкой в трудовой книжке «в связи с окончанием очной аспирантуры», не препятствующей ни трудоустройству, ни будущей защите диссертации. Другой вопрос, что о преподавании в ЛГПИ, как и в любом другом ленинградском вузе, после нашумевшего «дела Славинского» было невозможно даже подумать. Пришлось искать новое место работы, притом на периферии.

Излюбленным убежищем для изгнанников из Ленинграда издавна считался Петрозаводск: ночной поезд отделял Ленинград от столицы Карелии, где для таких, как Константин Азадовский, находились, как правило, вакантные ставки – добровольно мало кто туда ехал, а своих кадров недоставало. Ну а с тем набором иностранных языков, который имелся у Азадовского, можно было даже выбирать. И он выбирает преподавание английского языка на кафедре иностранных языков Карельского пединститута. Поначалу ему приходилось несладко. Ассистентская должность предполагала серьезную учебную нагрузку (до 30 часов в неделю), так что выкроить время для того, чтобы навестить мать, оставшуюся в Ленинграде, практически не удавалось.

Отдадим еще раз дань благодарности ректору ЛГПИ А.Д. Боборыкину, который пошел навстречу ученику Н.Я. Берковского и дал добро на защиту кандидатской диссертации. Весной 1971 года Азадовский смог наконец напечатать автореферат работы, завершенной еще в 1969 году: «Франц Грильпарцер – национальный драматург Австрии (истоки и философско-эстетическая проблематика творчества)». И вот в июне 1971 года состоялась долгожданная защита. Первым оппонентом на защите был Е.Г. Эткинд, в то время профессор Герценовского института; вторым – кандидат филологических наук (в будущем доктор искусствоведения) Б.А. Смирнов, заведующий кафедрой в Ленинградском институте театра, музыки и кинематографии. Через два месяца ВАК утвердил защиту.

Получив диплом кандидата наук, Азадовский остается в Петрозаводске еще на три года; в 1974 году он получает звание доцента. Однако жизнь на два города, почтенный возраст матери и ее болезнь побуждают его искать работу уже в Ленинграде. Как часто бывает, новое место появилось случайно: в Ленинградском высшем художественно-промышленном училище имени В.И. Мухиной объявили конкурс на замещение должности завкафедрой иностранных языков, и вот благодаря положительной характеристике из пединститута и посредничеству преподавателя ЛВХПУ Зои Борисовны Томашевской, дочери известного пушкиниста и давнего друга семьи Азадовских, он был избран по конкурсу. Кроме знания собственно иностранных языков, серьезным козырем Азадовского было в данной ситуации наличие искусствоведческого диплома.

Итак, осенью 1975 года Азадовский становится заведующим кафедрой иностранных языков Мухинского училища. Начинается плодотворное пятилетие его научной и педагогической деятельности, которое знаменуется серией научных и литературных работ. Это прежде всего публикации в области русско-немецких литературных связей, связанные с именами Стефана Цвейга, Томаса Манна и, конечно, Райнера Марии Рильке. Именно творчество последнего становится в тот период главной темой Азадовского-ученого; он печатает переводы писем Рильке на русский язык, исследует связи Рильке с деятелями русской культуры – от Льва Толстого до Александра Бенуа, ведет поиск в отечественных и зарубежных архивах. Результатом переписки с западными архивистами стало подлинное

открытие Азадовского: письма Марины Цветаевой к Рильке 1926 года, которые, соединившись с ответными письмами Рильке и перепиской Цветаева – Борис Пастернак, образовали знаменитый «треугольник», ныне переведенный почти на все европейские языки и признанный выдающимся культурным событием XX века.

Не менее внушителен и другой пласт его научных интересов – история русской поэзии начала XX века (так называемый Серебряный век), прежде всего наследие русского символизма. Именно в эти годы создаются капитальные труды, посвященные Александру Блоку, Валерию Брюсову, Николаю Клюеву…

Явственно формируется в этот период и научный метод Азадовского. Основу его работ составляют, как правило, неизвестные архивные документы либо тексты, ранее не переводившиеся на русский язык, в сочетании с их осмыслением и содержательным комментарием. Это обстоятельство открывает для него страницы не только чисто филологических журналов, но и таких авторитетных академических изданий как «Литературное наследство» и «Памятники культуры. Новые открытия».

Вместе с тем именно в эти пять лет создается база для будущей докторской диссертации: намечается ее план, готовятся к публикации отдельные фрагменты. В научных планах Мухинского училища диссертация Азадовского была обозначена как работа о восприятии русской литературы на Западе на рубеже XIX–XX веков, тогда как на самом деле он пытался разобраться в вопросе, что такое феномен загадочной «русской души» с точки зрения западноевропейского человека. Как и где возникло само понятие, как оно распространилось в художественной литературе, почему оказалось настолько устойчивым и знаковым как на Западе, так и в России.

Наряду с занятиями «русской душой» Азадовский по-прежнему преподавал, хотя, конечно, уже не так много, как в Петрозаводске, поскольку часть своего времени он должен был – в своем новом качестве заведующего кафедрой – уделять административным обязанностям, которые традиционно (и не только в нашей стране) обрастают бесчисленными планами, отчетами и другими довольно бессмысленными бумагами.

Это были для Азадовского годы спокойной и плодотворной работы, подкрепленной относительным материальным благополучием. Заведующий кафедрой в вузе, подчиненном Министерству высшего и среднего образования РСФСР, имел оклад 384 рубля в месяц, что по тем временам было немало. Учитывая, что средняя зарплата в СССР в 1980 году официально составляла по стране 170 рублей, такой оклад был вдвое больше, а если сравнить с рядовыми преподавателями вузов или научными сотрудниками Публичной библиотеки, то втрое или вчетверо. Дополнительно он получал гонорары за переводы и публикации, в том числе и появлявшиеся за рубежом по линии Всесоюзного агентства по авторским правам (ВААП) – обязательного посредника между советским автором и любым иностранным издательством при соблюдении официальных правил.

То обстоятельство, что в 1980 году ленинградский филолог Константин Азадовский (не партиец, не военный, не завмаг) приобрел автомобиль и разъезжал по Невскому на новеньких «Жигулях», демонстрировало его независимость, причем не только финансовую. То, что он при этом умудрился не стать членом партии, просто-таки удивительно, хотя руководители вуза и предлагали ему «определиться». Но если кому-то для продвижения по службе нужно было вступать в стройные ряды КПСС, то Константин вполне довольствовался достигнутым положением. Преподавание, переводы, гонорары давали ему достаточные средства для безбедной жизни в стране победившего социализма, а к иным «благам» он особенно и не стремился.

Однако, имея за плечами и собственный опыт и, помня историю своей семьи, он отдавал себе отчет в том, что и относительная свобода научной деятельности, и материальное благополучие – не повод забывать о стране, в которой довелось родиться. Он знал, что, достигнув определенного положения в советском обществе, необходимо соблюдать если не правила этого общества, то по крайней мере известную осмотрительность, благодаря которому сохраняется status quo. Обыск 1969 года и «дело Славинского» многому

научили его – во всяком случае, он старался быть осторожен в том, что касалось «антисоветской» литературы.

Имел ли он отношение к диссидентскому движению 1970-х годов, столь отчетливо набиравшему силу в Москве? Громкие процессы над «инакомыслящими», нараставшее движение за право выезда в Израиль, «Хельсинкская группа», «Хроника текущих событий» – все это концентрировалось преимущественно в Москве. А в городе на Неве диссидентство лишь слабо теплилось – местные органы безопасности давили его в зародыше. (Еще со времен «Ленинградского дела» вошла в употребление поговорка, хорошо объясняющая суть работы ленинградских органов: «Когда в Москве стригут ногти – в Ленинграде отрубают пальцы».) То есть ленинградский извод инакомыслия был по московским меркам совершенно безобидным и выражался преимущественно в стихах и подпольных (со временем – полуофициальных) выставках ленинградских художников.

Безобидный интерес Азадовского к поэзии и живописи вряд ли мог привлечь к нему внимание органов. Другое дело – так называемые «контакты», иначе – общение с приезжающими в СССР славистами и германистами; большинство их неизменно находилось «под колпаком», а Ленинградский главк КГБ как раз специализировался на приезжих иностранцах. Они-то, видимо, и были причиной разыгравшихся вскоре событий. Не последнюю роль играли знакомые и друзья, уезжающие в Израиль или Европу, – тут он, конечно, не мог переступить через себя и почти всегда отправлялся в Пулково, чтобы проводить их и проститься.

В целом же инакомыслие как жизненное credo было близко Константину. Разумеется, он был «инакомыслящим» уже со студенческих лет. Но что он совершенно не приветствовал и не примерял к себе, так это диссидентского образа жизни и диссидентской деятельности, как и пьянства или других вольностей, которые отвлекают от главного. А самым важным в своей жизни он считал литературную и научную работу. Это было, как ему казалось, его истинным призванием и по-настоящему мужским делом. Здесь он четко формулировал для себя задачи и цели, не жалел времени и средств для поездок в Москву и, не щадя зрения, часами сидел в архивах и библиотеках…

Когда Д.Я. Северюхин составлял «опыт литературной энциклопедии» ленинградского самиздата послевоенной эпохи, то он отдельно указал на непринадлежность Азадовского именно к самиздату как к области распространения своих работ (переводы Рильке, ходившие в машинописи в 1960-е годы, остались в прошлом): «Отмечу, что многие весьма известные авторы, принадлежавшие к этой неофициальной культурной среде (например, Ефим Эткинд, Константин Азадовский или Геннадий Шмаков), насколько нам известно, не распространяли своих произведений в самиздате и потому в энциклопедию не включены». То есть и публикаторская, и литературная деятельность Азадовского протекала в подчеркнуто законном русле.

Он шел твердой поступью, видя знакомые с детства примеры – собственного отца, В.М. Жирмунского, Ю.Г. Оксмана… Всех тех, для кого главным делом жизни стала наука о литературе. В то же время, однако, сформировавшись как личность в эпоху оттепели, он не имел свойственного старшему поколению страха, не сближался с теми, кто ему не нравился, не был согбенно-дипломатичен, даже напротив – слегка заносчив и честолюбив.

Глава 2
Блицкриг

Светлана

Они познакомились в 1975 году. Произошло это довольно банально, поскольку они просто жили в одном доме на улице Желябова. Светлана в то время была вдовой – в 1973 году она потеряла мужа. Отношения развивались неспешно, однако в 1978 году, когда Азадовские переехали на улицу Восстания, Константин Азадовский и Светлана Лепилина,

хотя и не были зарегистрированы, воспринимались многими как семейная пара. «Поначалу, – свидетельствует Виктор Топоров, – к их неожиданно подзатянувшемуся союзу отнеслись с юмором, потом с ужасом (особенно сокрушались потенциальные невесты и их обремененные степенями и заслугами родители – Костя был завидным, вечно ускользающим женихом), потом свыклись…»

Не нужно долго гадать, чем Светлана привлекла Константина, который и без того не был обделен женским вниманием. Эта молодая женщина разительно выделялась на фоне «филологических» и «околопоэтических» ленинградских барышень. Она совершенно не стремилась что-то из себя изображать и «казаться»… Ее неподдельная искренность и доброта, отсутствие какой бы то ни было манерности или наигранности, столь свойственной девушкам в компаниях интеллигентской молодежи, и совершенно не питерская эмоциональность не могли оставить равнодушным никого из окружающих. К тому же она была еще и красавицей с соломенной копной волос.

Осень 1980 года выдалась для него неспокойной: то разлад со Светланой, то неприятности на работе. Подходил к концу пятилетний срок заведования кафедрой; перевыборы должны были состояться в начале осени, но их неожиданно перенесли на декабрь. Безусловно, ни у Константина, ни у сотрудников кафедры не было сомнений в благополучном исходе дела, но сама неопределенность не давала покоя.

К тому же последние месяцы Азадовский постоянно боролся с собственными страхами: в нем нарастало ощущение, будто кто-то за ним наблюдает. Впрочем, год Олимпиады-80 вполне мог преподносить такие сюрпризы. Тем более что и Константин, и Светлана свободно общались с иностранцами, и как раз в тот самый олимпийский год они не раз могли убедиться, что местные сотрудники КГБ держат их под контролем. Масла в огонь подлил один из друзей, которого осенью вызывали в Большой дом для «профилактической беседы»; ему, в частности, задавали вопросы относительно Азадовского. Не в силах заглушить тревогу, Азадовский проверил квартиру на предмет сам– и тамиздата; он не исключал, что к нему могут нагрянуть с обыском. Чувство перманентной тревоги, притупившись, становилось привычным состоянием.

Вечером 18 декабря 1980 года Константин, сидя дома, ждал Светлану. Он не знал, что у нее после работы была назначена встреча с каким-то иностранцем. Поразительная способность Светланы, человека на редкость отзывчивого и доверчивого, заводить неожиданные знакомства раздражала Константина. Слова Светланы «К нам завтра придут гости, они тебе очень понравятся» не были редкостью.

На сей раз помощь потребовалась испанскому студенту, прибывшему в Ленинград на один семестр и боровшемуся то с простудой, то с суровой ленинградской действительностью. Подробности этой ситуации описывают друзья Азадовских, театральные режиссеры Генриетта Яновская и Кама Гинкас:

> Костя с ней не был зарегистрирован, но они встречались уже несколько лет. Она человек очень открытый, со всеми легко знакомилась, помню, как-то у нее гуляли даже суперпопулярные тогда «Поющие гитары». Точно так же случайно она познакомилась где-то с испанским студентом-математиком, который в первый раз попал в Россию, ничего не понимал, был в полной растерянности. Она сразу кинулась ему помогать. Потом он заболел, она возила ему лекарства. И вот очень благодарный испанец уже должен был уезжать. Света встретилась с ним попрощаться. Они даже посидели в каком-то кафе. Сначала он попросил у нее поменять ему доллары на рубли: ему, мол, надо в Москву, а у него нет других денег. Она сказала, что у нее нет с собой денег, предложила зайти к ним домой. Костя жил тогда недалеко у Московского вокзала. «Нет-нет, не надо, я что-нибудь придумаю». Потом он немного проводил ее до дома, все порывался подарить джинсы, просил помочь. Он привез для каких-то людей лекарства, но они с ним так и не встретились, и он попросил ее передать эти лекарства. Они попрощались.

В тот вечер у нее болела голова, и она в последний момент передумала заходить к Азадовскому (о чем они утром договаривались по телефону) и решила, пройдя через их проходной двор, вернуться к себе на Желябова.

«Гражданка, остановитесь!» Кто-то в форме подхватил ее под локоть, другой преградил дорогу, еще двое в штатском – мужчина и женщина – встали рядом. Вообще к ней на улице частенько цеплялись, пытались познакомиться, но тут явно было что-то другое: к ней обратился не обычный прохожий, а милиционер… Да и такое обилие суровых лиц в темном, хотя и знакомом дворе не могло ее не обеспокоить.

А голос… Голос, попросивший предъявить документы. – Как удивительно слилось в нем все мерзостное, что лежало на дне ее не столь уж долгой жизни! Сколько раз она слышала это бесцветное «гражданка», «гражданочка», и это всегда вызывало у нее содрогание.

И сейчас, остановленная в сумраке проходного двора незнакомыми людьми, она вздрогнула и заволновалась. Думая о том, что привычка носить с собой паспорт оказалась как нельзя кстати, она пыталась сохранять видимое спокойствие. Спокойствие, однако, не сохранялось: она подозревала, что сейчас обнаружатся прощальные подарки друга-испанца – импортные джинсы и две пачки сигарет. Ей заранее было известно продолжение – вопросы «откуда» и «зачем»… Тем более что борьба со спекуляцией и фарцовкой развернулась в том году особенно сильно. От волнения сумочка выпала из рук, ее содержимое вывалилось на заснеженный двор…

Вероятно, это было уже последней каплей, поскольку и явное волнение Светланы, и громкие вопросы «Какое вы имеете право?» усугубили раздражение милиционеров. Подняв с асфальта перчатки и остальные вещи, выпавшие из сумочки, ее уже принудительно сопроводили в ближайший «опорный пункт». Пришлось повиноваться.

В опорном пункте охраны порядка, где обычно скучают дружинники или пьет чай участковый в часы приема населения, все было готово к появлению делегации из пяти человек. Милиционеры с фамилиями Арцибушев и Матняк и двое в штатском, оказавшиеся дружинниками, стояли у стола, на который грудой были вывалены вещи задержанной. К счастью, джинсы и сигареты не вызывали вопросов. Но тут она увидела, что милиционер Матняк крутит в руках маленький пакетик из фольги. Именно вокруг этого пакетика, который тут же развернули, и строился дальнейший разговор.

«Даже без экспертизы можно сказать, что это не лекарство», – сказал Матняк. Тональность разговора резко переменилась.

«Чертово лекарство, зачем я его взяла?» – подумала, наверное, Светлана, пережидая крики милиционера. Зачем взяла? А как было не взять? Как же человек сможет получить заграничное лекарство, если она не поможет?

Но тут предстояло еще одно испытание – женщина ультимативно предложила Светлане раздеться. Светлана даже не сразу поняла, что именно требует от нее недружелюбная дружинница, поскольку полушубок она уже сняла. Но все было предельно ясно: прямо здесь, при всех, нужно полностью снять всю одежду. Вариантов никаких. Светлане опять пришлось подчиниться. Ничего не обнаружив, милиционеры позволили ей одеться.

В состоянии близком к душевному расстройству ее вывели на улицу. Там стояла черная «Волга». Как будто в кинофильме про шпионов, ее посадили на заднее сиденье: двое по бокам, она – в середине. Милиционер Арцибушев, старший по званию, сел на переднее сиденье. Ожидая, пока из опорного пункта выйдет водитель, Арцибушев повернулся к Светлане, посмотрел на нее и не без азарта сказал: «Вот и схлопотала три года!»

Машина двинулась в 27-е отделение милиции, переулок Крылова, 3. В отделении краски еще более сгустились: дружинники превратились в понятых, началось следствие, а милиционеры, ознакомившись с содержимым пакетика из фольги, уверенно вынесли свой вердикт, который затем подтвердит и экспертиза: анаша!

Конечно, Светлана не сразу догадалась, в чем дело. С наркотиками ей раньше не приходилось сталкиваться, а если бы сталкивалась, могла бы, вероятно, что-то заподозрить в

том завернутом в фольгу «лекарстве от головной боли», которое предложил ей испанец. Впрочем, это уже не имело значения. Новая реальность обрушилась на нее жуткой тяжестью – статья 224 УК РСФСР. Содержание этой статьи было ей зачитано настолько внушительно, что, будь это не уголовный кодекс, а стихи или басня, милиционер бы мог поступить в театральный институт.

Дальше – больше. В тот же вечер дежурный по Куйбышевскому РУВД майор уголовного розыска Замяткина возбуждает в отношении гражданки Лепилиной уголовное дело № 10196 «по признакам преступления, предусмотренного ст. 224 ч. 3 УК РСФСР» – незаконное приобретение и хранение наркотических веществ.

Начался допрос, который закончился в полночь. Возгласы Светланы в жанре «я никогда не употребляла наркотики» или «я не понимаю, что здесь происходит» вызывали лишь дружный смех. Принадлежность пакетика задержанной была засвидетельствована понятыми, так что ни о какой экспертизе на предмет отпечатков пальцев речи не шло: оперативники вскрыли его собственноручно еще в опорном пункте, а перед отправкой на экспертизу взяли и пересыпали в другой, более надежный конверт. Происхождение наркотика также не слишком волновало дознавательницу Замяткину, хотя Светлана мало что могла пояснить, ведь даже фамилии своего знакомого испанца она не знала, а назвала только имя – Хасан. Впрочем, она сообщила о его учебе в Ленинградском университете, о гостинице, в которой он остановился, и о предстоящем отъезде в Испанию… Так что при желании найти иностранца было бы нетрудно. Но такого желания – ни в тот вечер, ни потом – у следствия не возникло. «С ним мы разберемся, когда его найдем, – сказала Замяткина по поводу иностранца. – А вас мы уже взяли с поличным. Или хотите групповое?» Вопросы следователя совсем не касались испанца, зато ее очень интересовал конечный пункт Светланиного маршрута в тот вечер: почему, например, она шла именно через двор десятого дома. Ответы насчет того, что двор проходной, одобрения у следователя не вызывали. Да и на самом деле: ведь попасть на улицу Желябова с площади Восстания куда проще через Невский и незачем делать петлю через улицу Жуковского, огибать цирк и т. д.

Но поскольку Светлана действительно решила обойти Невский, который в тот вечер из-за разбросанной соли заполнился водянистой жижей, и пройти через заснеженную параллельную улицу, то ничего другого она не могла сказать. Тогда следователь изменила тактику – спросила, кто из ее знакомых живет в десятом доме по улице Восстания. Светлана назвала фамилию, но пояснила, что шла домой…

Но и тут следователь ей не поверила. Словами «Органам о вас все известно» она всячески подводила Светлану к тому, что та направлялась в квартиру 51 к гражданину Азадовскому. Светлана чувствовала недоброе от столь сильного желания майора Замяткиной зафиксировать в протоколе прежде всего факт ее «сожительства» с «гражданином Азадовским». Но как ни билась Замяткина, она так и не получила от Светланы этого признания. Допрос был закончен. Светлану отвели в камеру при отделении милиции.

Через несколько минут начался допрос гражданки З.И. Ткачевой, соседки Светланы по коммунальной квартире, чей сын на пару с мамашей уже не первый год превращал ее жизнь в ад. Откуда Замяткина узнала про Ткачеву, неясно. Ведь еще до того, как она закончила допрос Светланы, она уже распорядилась отправить за Ткачевой дежурную машину.

И гражданка Ткачева подтвердила все слова, сказанные следователем, сопровождая свой рассказ причитаниями и репликами «Я ведь сигнализировала!» и т. д., и подписала протокол допроса, в котором значилось то, чего не удалось получить от Светланы: «Да, Лепилина сожительствует с Азадовским! Да, она практически не бывает у себя дома на улице Желябова, а живет на улице Восстания! Да, они ведут совместное хозяйство и являются сожителями».

Светлана, коротавшая часы в камере 27-го отделения, заснуть в эту ночь так и не смогла. Было ясно, что этот «испанец» подвел ее под монастырь. Но зачем? С какой целью? Кто за этим стоит? Почему столько вопросов о Косте?

Мысли ее возвращались к пакетику из фольги. Почему она не подумала, что это могут

быть наркотики? Ведь получалось так, что она взяла этот злополучный пакетик у малознакомого человека, да еще иностранца, которого и знала-то без году неделя. А как много они говорили той осенью с друзьями о возможных провокациях!

Светлану охватило состояние близкое к панике; она вообще перестала понимать что-либо. Кто же он такой на самом деле, этот «испанец»? При чем тут анаша? Но больше всего она терзалась мыслью о Косте. Прожив рядом с ним пять лет, она лучше прочих знала, что он мог быть замешан в каком угодно идеологическом «преступлении», но только не в употреблении наркотиков. Да и к этому Хасану он никакого отношения не имел. Может, это Ткачева? Но опять же: при чем тут испанец и наркотики? Все получалось как-то сложно и запутанно.

В любом случае этот вечер 18 декабря 1980 года превратился для нее в страшный сон, точнее бессонницу. И, перемежая свои размышлениями слезами, она коротала ночь на скамье «обезьянника».

Но не одна она не могла заснуть в ту ночь. Константин весь вечер ждал от нее звонка, но так и не дождался; дозвониться ей он тоже не смог, стал сильно тревожиться и далеко за полночь наконец заснул.

Не спала и следователь дежурной группы Следственного управления ГУВД майор Замяткина. Уже наступило 19 декабря, и следствие должно было двигаться дальше, не теряя драгоценного времени. Раскручивался клубок уголовного дела, и важно было соблюдать процессуальность. Недаром майор Замяткина так добивалась формальных оснований для «связи» гражданки Лепилиной и гражданина Азадовского: ведь на этом основании можно было ходатайствовать перед прокурором о дальнейшем, в первую очередь – о санкции на обыск.

И чтобы все было неукоснительно по закону, майор Замяткина решает просить прокуратуру о проведении обыска, причем не у гражданки Лепилиной, что было бы логично, а у только что установленного следствием ее сожителя, гражданина Азадовского. Ведь логика у преступников особая, и еще неизвестно, где они хранят анашу… Откладывать она не может, мало ли что выкинет сожитель Лепилиной, догадавшись, что со Светой что-то стряслось. И вот, не робея, Замяткина в полночь звонит заместителю прокурора Куйбышевского района Сергею Владимировичу Зборовскому, который странным образом оказывается в курсе дела; мол, его уже предупредили, и он согласен санкционировать обыск. В час или два ночи к нему приезжает капитан Арцибушев и получает подпись на постановлении.

На этом роль гражданки Лепилиной можно было считать законченной: наркоманка взята с поличным, уголовное дело в отношении ее возбуждено, доказательства ее преступной деятельности налицо; дело за формальностями.

Но она еще два дня проведет в камере 27-го отделения в переулке Крылова.

Днем 20 декабря следователь Е.Э. Каменко спросил Светлану, кому из родственников следует сообщить о ее задержании. Светлана назвала свою близкую подругу Зигриду Ванаг и дала номер ее телефона, который помнила. Следователь действительно позвонил, сказал, что Светлана задержана за хранение наркотиков, и попросил собрать для передачи в следственный изолятор зубную щетку, мыло, полотенце, белье… Таким образом Зигрида Ванаг и ее муж Юрий Цехновицер стали первыми, кто узнал о случившемся. «Нас все это как обухом по голове ударило. Какие-то наркотики…» – вспоминает Зигрида Болеславовна.

Светлана в эти часы пребывала в тяжелом, почти депрессивном состоянии – настолько, что 20 декабря сухой милицейский протокол зафиксирует «попытку самоубийства» и в деле появится соответствующая помета. Ну а потом приедет автозак, и она будет отконвоирована в Кресты – Следственный изолятор города Ленинграда № 1.

«Заезд на тюрьму», и без того способный сильнейшим образом потревожить рассудок молодой красивой женщины, усугубится действиями оперчасти Крестов: контролер СИЗО, проведя обычный в таких случаях личный обыск, распорядится обрить гражданку Лепилину, потому как «длинные волосы могут стать источником антисанитарии».

Была ли это чисто женская месть Светлане со стороны контролерши или же исполнение чужой воли, неизвестно. Или, увидев склонность Светланы к суициду, некто стал опасаться, что, обрезав свои волосы, она совьет из них веревку? Так или иначе, но результат был достигнут, что являло собой классический образец «пытки унижением». Светлана была окончательно деморализована.

Уже в камере она узнает о том, что означает, помимо чувства стыда и унижения, та процедура, которой она была подвергнута: в российских женских тюрьмах бритье наголо применялось сокамерницами к детоубийцам – самому дну женской уголовной иерархии – или же к бездомным и спившимся, которые поступают в следственный изолятор с вшами и прочей заразой.

Светлане в тот момент было неизвестно, что еще 20 декабря, когда она находилась в районном отделении милиции, те же милиционеры, которые ее задерживали, провели обыск у нее дома. Не знала она этого потому, что обыск проводился в ее отсутствие; она прочтет об этом только при ознакомлении с уголовным делом.

Список изъятого при обыске у Лепилиной говорит о том, что его результат оказался явно более скромным, чем ожидалось: это были в основном свидетельства ее увлеченности французским языком. Но главное, что было все же достигнуто в ходе обыска – подтверждение связи Лепилиной и Азадовского.

Приведем, по протоколу, перечень изъятого:

1. Копия плана подготовки спецдружин на 3-х листах.
2. Перечень населенных пунктов Ленинграда.
3. Светло-коричневая женская куртка.
4. 2 записные книжки.
5. Документы, свидетельствующие о связи Лепилиной с Азадовским.
6. Копия диссертации Азадовского.
7. Книга Азадовского с дарственной надписью.
8. Переписка Азадовского с иностранными корреспондентами.
9. Две фотографии, на одной из которых Азадовский запечатлен вместе с Лепилиной.
10. Фотографии Лепилиной, в т. ч. иностранные.
11. Переписка Лепилиной с иностранными корреспондентами.
12. Разорванная записная книжка с адресами.
13. Блокнот с адресами и стенограмма судебного процесса над Ткачевым.
14. Книга С. Маковского «Год в усадьбе».
15. Общая тетрадь с записями 48 листов.
16. Книга Зиновьева о Ленине.
17. Записка, обнаруженная соседкой Ткачевой в почтовом ящике.
18. Книга на ин. языке под названием «Китч».
19. Кожаная записная книжка с записью псалма.
20. Две фотографии с изображением Лепилиной.
21. Журнал порнографический.
22. Журнал «Звезда» 1934 г. три номера.
23. Книга «Совещание деятелей Советской музыки в ЦК ВКПб 1948 г.»
24. Книжка под названием «В дни войны».
25. Книга «Боннар».
26. Книга «Летранже» с дарственной надписью от К.А.
27. Журнал «Обсерватёр».

Обыск

Как установило следствие, «сожителем» Лепилиной был гражданин Азадовский Константин Маркович, 1941 года рождения, уроженец Ленинграда, русский, беспартийный, ранее не судимый, кандидат филологических наук, доцент, заведующий кафедрой

иностранных языков ЛВХПУ имени В.И. Мухиной…

Удивительно, до какой степени следователь Замяткина была озабочена скорейшим производством обыска именно у Азадовского. Вероятно, для этого были причины. Ведь если бы Азадовский был рядовым гражданином, то Замяткина не лезла бы из кожи вон, чтобы получить санкцию; полуночные допросы и поездки к прокурору не были в то время обычной практикой. Такие экстраординарные действия милиции свидетельствовали о серьезной социальной опасности Лепилиной и Азадовского. Но что послужило поводом? Какими данными располагала следователь?

Для ленинградской милиции Азадовский был малоинтересен. В его поведении не было ничего такого, что позволило бы органам внутренних дел взять его на заметку. То обстоятельство, что, будучи филологом-германистом, он занимался не писателями ГДР, а творчеством буржуазного поэта-декадента Райнера Марии Рильке, не Маяковским или Демьяном Бедным, а Блоком и Клюевым, вряд ли кого-то могло насторожить… И хотя впоследствии ему выразят недоверие в связи с тем, «что, дожив почти до сорока лет, он ни разу не был женат», все это никак не могло попасть в поле зрения милиции. Тем не менее уже в ночь с 18 на 19 декабря, получая подпись прокурора на постановлении об обыске, капитан милиции Арцибушев наверняка знал, что ему предстоит проводить следственные действия у человека с довольно криминальной репутацией.

Утром 19 декабря 1980 года Константин Азадовский был разбужен звонком в дверь; женский голос произнес: «Телеграмма». Это была соседка, которую попросили принять участие в оперативном мероприятии в роли почтальона. Телеграмма обернулась группой из шести человек в штатском; четверо из них представились работниками милиции, двое были понятые. Руководивший десантом капитан милиции Арцибушев предъявил служебное удостоверение капитана 15-го отдела ГУВД (отдел по борьбе с наркотиками) и постановление на обыск.

Поскольку Константин Маркович не в первый раз встречал в своей прихожей группу почтальонов с ордером на обыск, то он был скорее возбужден, нежели подавлен. Протянутое ему постановление он нашел странным. В нем дословно говорилось следующее: «18 декабря 1980 г., около 18 часов у парадной дома № 10 по ул. Восстания за незаконное приобретение наркотического вещества была задержана гражданка Лепилина – сожительница Азадовского Константина Марковича». Вследствие этого, «принимая во внимание, что на квартире у гр-на Азадовского Константина Марковича могут находиться предметы и документы, имеющие значение для дела», следователь постановил: «Произвести обыск и выемку в квартире гр-на Азадовского Константина Марковича по адресу г. Ленинград, ул. Восстания 10 кв. 51».

Слово «сожительница» резануло глаз, да и «постановление об обыске и выемке» показалось ему, видимо, сомнительным; во всяком случае, он отказался его подписать, что и было зафиксировано двумя понятыми. Несмотря на такой жест, вряд ли справедливо утверждать, что Азадовский был морально готов к обыску, все-таки подобная процедура – исключительное событие в жизни филолога; с другой стороны, его успокаивала твердая уверенность в том, что посетители не найдут у него ничего такого, что можно будет использовать как улику для обвинения по какой-либо статье.

Гости тем временем не робели, вели себя более чем уверенно, и у хозяина появилось ощущение, что они заранее знали расположение комнат. Например, они сразу прошествовали не в комнату Лидии Владимировны, что была ближе к входной двери, а через коридор – в комнату Константина Марковича. Это было помещение, больше напоминавшее Кабинет Фауста в Публичной библиотеке; с пола до потолка оно было уставлено полками с книгами, завалено папками, на столе и вокруг лежали бумаги в кипах…

Поиск наркотиков начался с осмотра книжного шкафа. Константин, войдя в раж, предлагал: «Как-то вы не тем интересуетесь! А что же наркотики? Вот в соседней комнате, у матери, имеются лекарства, не желаете взглянуть? А в машине посмотреть не хотите?»

Но милиционеры твердо шли по идеологической, а не фармакологической тропе. Позже в письме в ЦК КПСС Азадовский напишет:

> Сотрудники, производившие обыск, интересовались исключительно моей библиотекой, моими научными и литературными трудами (в рукописях), бумагами личного порядка, перепиской и т. д. Поиском наркотиков никто не занимался. Ни к медицинским рецептам, ни к тем наркотическим средствам, которые действительно имелись в квартире (лекарства моей матери), никто из сотрудников даже не прикоснулся. Помещения квартиры (за исключением моей комнаты) не были вообще обследованы или были обследованы крайне бегло. Не был произведен обыск и в принадлежащей мне машине, хотя я сам предлагал это сделать.

Однако представление милиционеров о квартире Азадовского было все же неполным. И когда около девяти часов утра, отобрав внушительную стопку книг иностранных издательств, они наткнулись на огромное количество фотографий русских поэтов начала XX века, стало очевидно, что эта находка для них – полная неожиданность. Озабоченный капитан Арцибушев стал куда-то звонить и просить о подмоге. Закончив разговор, пояснил, что скоро приедет еще один коллега, «специалист».

Но пока специалист добирался до улицы Восстания, произошел ключевой эпизод обыска – было найдено, вопреки уверенности Азадовского, то самое, что послужит главной уликой. Процитируем его показания на суде 1988 года:

> Я стоял около окна и смотрел на улицу, в простенке между окнами находился стеллаж с книгами. [Лейтенант милиции] Хлюпин осматривал книги. Неожиданно я оторвал взгляд от окна и посмотрел на Хлюпина, и в этот момент я увидел, что против рук Хлюпина, на полке, примерно на высоте пятой полки снизу, лежит какой-то пакет завернутый в фольгу, и я довольно резко, как мне вообще свойственно, спросил у Хлюпина, что это тут такое у вас? На что Хлюпин растерялся, смутился и так сказать стушевался; вмешался Арцибушев: вот мы сейчас и посмотрим, что вы тут хранили на полке. Пакет был перенесен на стол, развернут: в нем оказалось вещество с пряным запахом, бурого цвета (ну, я не сомневаюсь, что это была анаша). В общем, понимая, что происходит, я тут же сказал Хлюпину, что этот наркотик им подброшен; наверное, вы вынули его из кармана, сказал я, так появилось это упорное повторение, упоминание про карман в показаниях [понятого] Константинова, что он точно видел, что ни один из сотрудников милиции в течение двух часов руки в карманы не опускал. Сотрудники, производившие обыск мало реагировали на мои восклицания, обыск продолжался, а Арцибушев мне не без удовлетворения стал объяснять, что вот все совпало, все сходится; вчера Лепилину задержали, ее он и задерживал, и вот она, значит, тоже хранила наркотики и даже выбросить его пыталась при задержании, вот теперь и у вас нашли, так что три года вам обеспечено, и многое другое. Обыск продолжался приблизительно до двух часов дня. В результате обыска была изъята, помимо наркотика, сумочка Лепилиной с находящимися в ней вещами; Арцибушев объяснял позднее в следственном управлении ГУВД, он изымал ее, потому что ему необходимо было доказать связь Азадовского с Лепилиной. Кроме этого наркотика и сумочки было изъято восемь печатных изданий, два проспекта и 23 фотографии. Я говорю только о том, что занесено в протокол обыска; того, что не отражено в документах, я вообще касаться не буду, хотя многое в этом деле находится вне документов.

Сотрудник, командированный для изучения печатных материалов и фотографий и вовсе не предъявивший никакого удостоверения, застал апогей обыска – озлобленного Азадовского и торжествующе-спокойных коллег. Прибывший лишь подлил масла в огонь – просматривая фотографии, он то и дело отпускал язвительные замечания. Когда же зазвонил телефон и Азадовский инстинктивно дернулся к трубке, один из милиционеров, моментально отреагировав, резко оттолкнул его в сторону. Тогда Азадовский, не оробев

(инцидент даже придал ему злости), потребовал занести этот факт в протокол обыска, так что Арцибушев вынужден был вписать в протокол данные своего импульсивного коллеги: лейтенант милиции В.И. Быстров.

Что было дальше? Лейтенант Хлюпин, как показывает один из протоколов допроса, «не просто растерялся, но разнервничался до такой степени, что прекратил поиски. “Не дай бог еще что-нибудь обнаружу”, – сказал он». На этом он действительно прекратил свое участие в процессуальном действе, и остальные полки того самого стеллажа, в котором был обнаружен пакетик с зельем, не осматривались ни им, ни другими сотрудниками. Остальные стеллажи также не осматривались, а их было достаточно много (судя по более поздним обращениям матери и друзей Азадовского в различные инстанции, в квартире на тот момент было 12 стеллажей разной ширины, на которых располагалось приблизительно 7–8 тысяч томов).

Затем приступили к оформлению протокола, несмотря на то что обследована была лишь малая часть квартиры: нетронутыми остались, помимо стеллажей с книгами, кухня, ванная, туалет, комната матери, бóльшая часть коридора… Обыск ограничился детальным исследованием письменного стола и наваленных у его подножия бумаг, а также одного злосчастного стеллажа. Но даже для этого оперативникам потребовалось в общей сложности почти шесть часов. К полудню они начали закругляться. Было видно, что борцы с наркоманией торопятся.

Азадовский что-то пытался доказывать, обвинял милиционеров в том, что ему подбросили наркотики, пытался обратить внимание понятых на то немаловажное обстоятельство, что обыск, по сути, не проводился. Но он был бессилен. Как гласит «Руководство для следователей», изданное Всесоюзным институтом по изучению причин и разработке мер предупреждения преступности Прокуратуры СССР в качестве служебного руководства, «успех обыска определяется качеством его подготовки». В случае с обыском у гражданина Азадовского, бесспорно хорошо подготовленным, успех органов был очевиден.

Понятые в тот же день были допрошены следователем и дали показания, призванные опровергнуть заявления Азадовского, что наркотик ему якобы подброшен. Одним из понятых стал сосед по дому (Г.С. Макаров); он был явно испуган происходящим и держался робко. Зато другой, Д.А. Константинов, который оказался «случайно встреченным дружинником», вел себя так, что, только обратившись к протоколу, можно понять, что это еще один понятой, а не сотрудник милиции. Во время обыска он суетился, сам снимал с полок и рассматривал книги, если же какая-то из них казалась ему подозрительной, подносил одному из милиционеров…

> Д.А. Константинов: …Я наблюдал за сотрудниками милиции и четко видел, как сотрудник милиции, осматривающий книжный шкаф, стоящий между окнами, как он достал пачку книг с полки, заглянул за книги и изрек восклицание, после этого достал из возникшей ниши пакет в фольге и положил его на полку. К нему сразу подошли другие сотрудники, и я увидел этот пакет вблизи. Я убедился, что по виду этого пакета можно сказать, что он лежит в аккуратном месте, во всяком случае в кармане его не носили, иначе бы пакет помялся. Кроме того сотрудники милиции ни на секунду не опускали руки в карман. Пакет на моих глазах развернули, и я увидел вещество бурого цвета, издающее запах пряностей.
>
> Г.С. Макаров: …Я не наблюдал за сотрудником, осматривавшим стеллаж, находившийся между окнами. Услышал, что найден какой-то пакет… Пакет этот лежал на полке перед книгами, когда обыск только начался, этого пакета не было. Сотрудник нам показал место с левой стороны стеллажа за книгами. Азадовский сразу стал говорить, что пакет ему подложили.

А на следующий день в деле добавились показания инспектора Хлюпина:

> 18 декабря 1980 г. мой сослуживец Арцибушев пригласил меня с 2-мя понятыми помочь провести обыск в квартире у гр-на Азадовского… Я брал с полок несколько книг, вынимал их, не читая, быстро перелистывал страницы и ставил

книги на место. Так я просмотрел несколько книг, дошел до четвертой полки снизу и стал справа налево вынимать книги и просматривать их. Когда я вынул с левой стороны последние несколько книг, просмотрел их и уже собирался ставить на место, то увидел в образовавшейся от выемки книг нише лежащий на освободившемся участке ниши пакет в бумаге-фольге. Я действительно немного растерялся, а потом взял пакет, переложил его на полку выше и спросил, что это такое. Азадовский в это время стоял около полки у окна и смотрел на меня. Он сразу стал кричать, что этот пакет я достал из кармана и подложил на полку. Пакет был развернут, и там было вещество бурого цвета…

После того, как я нашел этот пакет, обыск продолжался еще около четырех часов, мы продолжали осматривать книги; после того как были записаны все претензии Азадовского, он продолжал что-то говорить не по существу обыска, высказывал какие-то претензии, а я действительно торопился на работу, у меня были свои дела, и я сказал Арцибушеву, что могу подписать протокол, так как обыск закончен, и уйти.

Вскоре посетители ушли, забрав с собой и хозяина. Как отмечено в материалах дела, «в 14–00 он был задержан по подозрению в совершении преступления» и препровожден в то же самое 27-е отделение милиции. Капитан Арцибушев, передавая Азадовского в руки следователя Евгения Эмильевича Каменко, сказал напоследок: «Не по душе мне это все, я только выполняю приказ…»

Следователь Каменко сухо разъяснил Азадовскому, что ему вменяется «незаконное приобретение и хранение наркотических веществ без цели сбыта», то есть преступление, наказуемое в соответствии со статьей 224, пункт 3 УК РСФСР сроком до трех лет лишения свободы. Тогда же надлежало принять решение о мере пресечения обвиняемому (взятие под стражу, подписка о невыезде и т. п.), которое должен был утвердить начальник следственного отдела Куйбышевского района подполковник милиции И.А. Сапунов.

Ознакомившись с материалами обыска и задержания, Сапунов поначалу не дал разрешения на арест – мол, слишком уж слаба доказательная база. Ни отпечатков на фольге, ни показаний свидетелей, ни данных об употреблении – словом, ничего…

– Почему это наркотики именно Азадовского, если вчера с таким же пакетом была задержана его сожительница? А может, эти наркотики принадлежат ей? Почему нет показаний матери, проживающей в той же квартире? Зачем развернули сразу, не сняв отпечатки пальцев? Почему милиционер не сразу заявил об обнаружении, а после перекладываний и рассматриваний?..

Но тут выяснилось, что за ходом дела уже следят в главке и ожидают от Сапунова единственно верного решения. Но он все тянул и не соглашался. Ожидающие в коридоре Азадовский и понятой Макаров слышали обрывки телефонных разговоров строптивого начальника, где вперемешку с матом Сапунов растерянно повторял: «Как же мне его сажать? Ведь материалов-то никаких нет…»

И для укрепления «доказательной базы» в тот же вечер было произведено дополнительное действие: у Азадовского затребовали дубленку и пиджак, которые через полчаса вернули. О том, для чего это было сделано, он узнает позже, когда будет знакомиться с уголовным делом. Оказывается, в 22 часа следователь с коллегами произвел «исследование содержимого карманов дубленки и пиджака», изъяв «крупицы мусора», масса которых составила 0,22 грамма. Вскоре экспертиза установит, что в составе «крупиц мусора» имеется анаша. То обстоятельство, что это доказательство было добыто без соблюдения процессуальных норм (например, при отсутствии понятых), не изменит самого факта, приобщенного затем к набору «доказательств».

Чтобы оценить, насколько ситуация с задержанием Азадовского была для милиции неординарной, следует упомянуть эпизод, в реальность которого даже трудно поверить. Когда днем 19 декабря Азадовского доставили в отделение и милиционеры все не могли между собой договориться о дальнейшей процедуре, его попросили выйти из кабинета и ждать в коридоре. Он вышел, сел и некоторое время слушал, как собачатся между собой

люди в погонах, обсуждая его участь. Но вдруг понял, что рядом-то никого нет – его никто не охраняет, наручников на нем тоже нет…

Он осторожно дошел по коридору до лестницы, потом спустился, вышел на крыльцо и оказался на улице. В те годы на входе в отделения милиции еще не было ни турникета, ни даже дежурного милиционера. По переулку Крылова он дошел до Садовой улицы, где на углу был телефон-автомат. Сперва, выпросив у прохожих монету, он позвонил маме, постарался ее, как мог, успокоить, посоветовал ждать развития событий. Затем позвонил на работу – трубку на кафедре подняла лаборантка Елена Кричевская, которой он сказал, что его несколько дней не будет. Светлане, увы, позвонить было уже невозможно.

Что делать, думал он. Если бы знать, что произошло со Светланой, было бы проще. Однако, по словам Арцибушева, она уже дала «признательные показания». В чем она могла «признаться»? Что будет с ней?

И тут ему в голову пришла идея пойти на вокзал и первым же дневным поездом уехать в Москву (железнодорожные билеты в то время еще не были именными, и для их приобретения не нужен был паспорт). А уже в Москве явиться в Генеральную прокуратуру СССР и сделать заявление – о подброшенном наркотике, незаконном обыске, задержании Светланы…

Однако светлая идея разбивалась о неодолимые (как ему казалось) препятствия. Удастся ли добраться до Москвы? У кого остановиться (с дневного поезда нужно будет ехать к кому-то из друзей на ночлег, тем самым можно превратить друга в укрывателя преступника и потащить его за собой). И, главное, где взять денег на билет? Ведь домой идти нельзя…

Одним словом, Азадовский решил вернуться в отделение милиции, чтобы не ухудшить своего и без того печального положения. К тому же он все-таки надеялся, что его отпустят, по крайней мере под подписку о невыезде. И тогда он пошел назад. Именно в тот момент встретил своего приятеля Вадима Жука (ныне известного актера и литератора) и, поведав ему о случившемся, просил сообщить об этом общим друзьям – Боре Ротенштейну и Гете Яновской.

Дадим слово Генриетте Яновской:

> В середине декабря я ставила спектакль в [театре] Ленсовета. И в самый разгар репетиций у меня началась жуткая пневмония, температура под 40. Лежу дома, Кама [Гинкас] ставит во Владивостоке. Вдруг заходит в комнату Данька: «Мама, к тебе пришли». Кто? Зачем? Входит Вадька Жук почему-то в белых шерстяных носках и, ошалело глядя на меня в койке, тихо говорит: «Арестовали Костю Азадовского». Как? И Вадик рассказывает, как.
>
> Утром он шел по переулку возле Садовой и вдруг увидел идущего навстречу Костю. Даже не успел поздороваться, Костя почему-то прошел мимо, но на ходу успел сказать: «Передай Гете, что меня арестовали. Подбросили наркотики». Всё. Растерянный, ничего не понявший Вадик пришел мне это передать.
>
> Я до сих пор иногда себя спрашиваю, почему Костя просил передать это именно мне? Мы были не самыми близкими людьми. Думаю, просто потому, что, увидев Вадика, сообразил, что Жук из той же театральной среды, что и я, и он меня найдет. А уж я передам по цепочке.
>
> И вот я лежу и совершенно не знаю, что делать. Но тут вспоминаю, что ровно подо мной живет Витя Топоров, который теперь пишет всякие злобные литературоведческие книжки. Вспоминаю, как однажды из нашего подъезда на меня вышли трое пьяных людей: Топоров, Лавров и Гречишкин, и Витя пытался нас знакомить, но опоздал, мы уже были знакомы через Костю. Значит, соображаю я, Витя Топоров тоже знает Костю. И я посылаю к нему Даньку. Витя, конечно, поднялся, я все ему рассказала: так, мол, и так, сообщите Лаврову и Гречишкину. Это уже потом обнаружилось, что матушка Вити, фантастически смелая женщина, прекрасный адвокат, не раз защищала диссидентов. В частности, Бродского.

Когда Азадовский вернулся в следственный отдел и занял свое место перед кабинетом

следователя, то еще с полчаса был никому не нужен. Затем его пригласил Каменко и, помахав какими-то бумагами, сказал: «Следствию стало известно, что Вы уже в 1969 году привлекались по делу о наркотиках». После чего Азадовскому было предъявлено постановление об аресте. Выразительно взглянув на подозреваемого, Каменко в этот момент произнес: «Дело не в наркотиках, а в контактах». Было ли это сказано в порыве откровенности или по подсказке свыше, кто знает.

Ночь с 19 на 20 декабря, как и две следующие, Азадовский провел в КПЗ напротив Публичной библиотеки. Последним документом, который он подписал 22 декабря перед отправкой в Кресты, была доверенность на управление автомобилем «любому лицу по указанию моей матери», удостоверенная милицейской печатью. Вскоре в переулок Крылова прибыл автозак, и Азадовского принял конвой СИЗО № 1. Через час он уже был в Крестах.

Безжалостно, безучастно, без совести и стыда
воздвигали вокруг меня глухонемые стены.

Я замурован в них. Как я попал сюда?
Разуму в толк не взять случившейся перемены.

Я мог еще сделать многое: кровь еще горяча.
Но я проморгал строительство. Видимо, мне затмило,

и я не заметил кладки растущего кирпича.
Исподволь, но бесповоротно я отлучен от мира.

К. Кавафис. «Стены». Пер. Г. Шмакова

Глава 3
В ожидании суда

Книги и фотографии

Как мы упомянули, оперативники пришли за наркотиками, но углубились в изучение бумаг и книг. А когда добрались до коллекции фотографий, вызвали даже подмогу. Это в некотором смысле странно, поскольку четверо оперативников, ясно представлявшие себе, куда и зачем они идут, оказались совсем не готовы к обыску. Во всяком случае, 5 граммов анаши терялись на фоне тех сумок, которые они вынесли из квартиры Азадовского. Это обстоятельство получит в будущем свое объяснение.

Изъятые книги имели вполне очевидную направленность. В протоколе обыска значились: альбом «Марина Цветаева: Фотобиография» (Анн-Арбор, 1980); книги: Михаил Зощенко «Перед восходом солнца» (США, 1967), Борис Пильняк «Соляной амбар» (Чикаго, 1965), Евгений Замятин «Мы» (на немецком языке, 1975), «Письма Зинаиды Гиппиус к Н. Берберовой и В. Ходасевичу» (США, 1976); и др.

Но, повторимся, особый интерес у пришельцев вызвали фотографии. Вероятно, больше от безвыходности: все-таки ни сочинений Солженицына, ни текстов Сахарова обнаружено не было, даже в виде машинописи. А печатные издания, попавшие в протокол обыска, трудно было рассматривать как откровенную антисоветчину. Фотографий же оказалось много, к тому же все они относились приблизительно к одному периоду – началу XX века. Дело в том, что совсем незадолго до обыска собрание Константина Марковича пополнилось коллекцией фотографий его покойного друга Миши Балцвиника.

Михаил Абрамович Балцвиник (1931–1980) был выпускником отделения журналистики филологического факультета ЛГУ (1954), писал стихи. В начале 1960-х годов он попал в

поле зрения органов: ему инкриминировалось «недонесение» на своих друзей, в т. ч. привлеченных «к ответственности». Он пережил обыск, допросы и «профилактические беседы» и в конечном итоге был исключен из партии, уволен с работы, отстранен от журналистской деятельности и навсегда лишен возможности работать по профессии. До конца жизни он зарабатывал себе на хлеб, числясь экономистом в отделе труда на ленинградской фабрике «Красный треугольник». В те годы он и начал собирать фотогалерею русских писателей XX века, и это новое увлечение стало для него смыслом жизни; он прекрасно фотографировал сам, а также умело переснимал фотографии литераторов начала века, главным образом из личных архивов. Именно стараниями Балцвиника были составлены свод фотографий Бориса Пастернака (он много переснимал тогда у Евгения Борисовича, сына поэта) и фотоальбом «Марина Цветаева», выпущенный Карлом и Эллендеей Проффер в небезызвестном издательстве «Ардис» (США) – именно этот альбом и был изъят в ходе обыска у Азадовского.

Цветаевский альбом имел большой успех и выдержал впоследствии еще два издания. Однако хранить его у себя было небезопасно; в своих воспоминаниях Ирма Кудрова, автор текста к этому фотоальбому, признается: «Помню, когда мне передали с оказией экземпляр долгожданного альбома (первого издания), я даже не решилась держать его дома – и отдала его на хранение моему другу Эльге Львовне Линецкой. А она, кажется, передала его еще кому-то…»

У Азадовского же хранился другой экземпляр, который в действительности предназначался Михаилу Балцвинику, но опоздал всего ненамного… Передать этот альбом уже не пришлось – 14 апреля 1980 года Михаил в состоянии тяжелейшей депрессии покончил с собой, выпив дозу лекарств, несовместимую с жизнью. Как написал его друг Сергей Дедюлин в парижской «Русской мысли», «в ночь с 13 на 14 апреля 1980, находясь один в своей квартире, М.А. выбрал для себя путь, показавшийся ему единственно возможным выходом». Нужно сказать, что, кроме труднейших личных обстоятельств, сыграла роль и общая давящая атмосфера той поры. Кроме того, совсем незадолго до смерти Балцвиник был вызван в Большой дом для очередной «профилактической беседы».

В тот роковой год он написал такое стихотворение:

Молитва о смерти

Есть минуты такого отчаяния
И такого безумия дни,
Что становится болью дыхание, —
О, проклятое существование,
Разорвись, уничтожься, усни!

Есть недели такой безнадежности
И такой напряженности страх,
Что и память о страсти и нежности —
Генерация мук безутешности,
И проклятьем скрипит на зубах.

Есть часы беспредельного ужаса
И такого кошмара порог,
За которым бессмысленны мужество,
Доброты и надежды содружество, —
И уходит земля из-под ног.

Есть такая тоска безысходности
И последняя горечь и дрожь,

От которых – мечта о бесплотности
И уверенность в непригодности, —
Мое сердце, Господь, уничтожь!

Пусть беспомощен в жизни и в горе я,
Но, о Боже, прости и даруй
Растворение фантасмагории:
Вознесение в дым крематория
И покой флегетоновых струй.

И в том же номере «Русской мысли», вышедшем 29 января 1981 года, было напечатано стихотворение без названия, посвященное «К.М.А.». К сожалению, К.М.А. не мог видеть этого номера, поскольку томился в Крестах, хотя стихотворение он знал – Миша Балцвиник написал его 27 февраля 1980 года, незадолго до смерти.

К.М.А.

Поблеклый снег и сажевая грязь
Уже настолько в душу нашу въелись,
Что озабочен – как бы не упасть —
Не замечаешь мартовскую прелесть
И, нахлобучив шапку и кашне,
Которое теперь прозвали шарфом,
Идешь по Петроградской стороне,
Грузовикам внимая, словно арфам.
А граждане врываются в хозмаг,
И деловито трусит даже моська,
И ты уже не бродишь просто так —
Стоишь в очередях, скупаешь брак,
Таща портфель взамен былой авоськи.
А в нем – стихи о том, что даже тень
О дикие колосья поистерлась…
Но день высок, как всякий Божий день,
И высь зеленоватая простерлась
Над воздухом, в котором океан,
А, впрочем, извиняюсь, нынче это —
Названье магазина, что нам дан
Для обличенья нашего скелета,
Чтоб с поздней аффектацией поэта,
Прозрев, завыть: «Карету мне, карету!»

И все-таки есть в воздухе микроб,
А может, звать его гидроионом,
Который сохранит вас удивленным,
Чтоб выстоять и не подохнуть чтоб
Среди туземцев, матерных стоустно,
На улице, уродливой, как гроб,
С пивным ларьком и квашеной капустой.

А в городе господствует вода,
И млеют легкие в предчувствьи ледохода,

Уныло верховодит суета,
В контрасте с ней задумчива природа.
Жизнь продолжается, не ведая невроза,
Пушистым облачком взрывается мимоза,
И ясно, как бессмысленны слова,
Когда вот-вот появится трава,
Что истиннее фраз полуживых,
Где куча прегрешений против вкуса,
Где нет императива Иисуса
И даже боли, диктовавшей их,
И где хозяйствуют, приличия отбросив,
Отчаянье, безвыходность, Иосиф.

Вдова Балцвиника, согласно предсмертной записке ее покойного мужа, передала всю коллекцию фотографий – две с половиной тысячи отпечатков и негативы – Константину Азадовскому. Когда после его ареста по городу поползли разного рода фантастические слухи, то распространилась, в частности, и такая версия: иностранцы якобы предлагали ему деньги за это замечательное иконографическое собрание и, если бы не вмешались ленинградские органы, оно могло бы отправиться на Запад. Но Азадовский вовсе не собирался этого делать и позднее, уже в 1990-е годы, передал все собрание в Музей Анны Ахматовой в Фонтанном доме, где оно и хранится поныне.

Из огромного количества фотографий оперативники отобрали 20 отпечатков. Вот их список согласно протоколу обыска:

1. Фотокопия свидетельства о рождении Н.С. Гумилева.
2. Фотография Н.С. Гумилева.
3. Фотография Н.А. Клюева 1933 г.
4. Фотография Б.Л. Пастернака с дарственной надписью М.И. Цветаевой.
5. Фотография трупа С.А. Есенина.
6. Фотография Есенина, Клюева и Вс. Иванова.
7. Фотография Есенина с двумя неизвестными лицами.
8. Фотография Клюева у гроба Есенина.
9. Фотография Н.А. Клюева.
10. Фотография Клюева с неизвестным.
11. Фотография Клюева и А.Н. Яр-Кравченко.
12. Фотография Есенина в гробу.
13. Фотография А. Блока в гробу.
14. Фотография трупа Есенина.
15. Фотография Клюева с дарственной надписью.
16. Фотография Н.А. Клюева.
17. Фотография Н.А. Клюева с подписью «Клюев 1928».
18. Фотография М.И. Цветаевой и ее мужа, С.Я. Ефрона <!> 1911 г.
19. Фотография трупа В.В. Маяковского.
20. Фотография И. Северянина.

Критерии, определившие отбор и изъятие фотографий, видны невооруженным глазом: здесь преимущественно поэты, кончившие свои дни либо в петле, либо от большевистской пули. Зачем изымались именно эти фотографии? Вероятно, когда еще не был окончательно решен вопрос об уголовной статье, которая станет обвинительной для Азадовского, сохранялась вероятность применения статьи 190-1 УК – «Распространение заведомо ложных измышлений, порочащих советский государственный и общественный строй». Кроме того, впоследствии вдова М. Балцвиника расскажет, как в 1981 году сотрудники КГБ СССР приходили к ней и настойчиво требовали показаний относительно этих фотографий: дескать, что они незаконно попали к Азадовскому. Казненные или добровольно ушедшие из жизни

поэты вполне могли в этом случае пополнить «доказательную базу».

В связи с фотографиями можно сказать и о том, что следственные органы, уже безотносительно к Азадовскому, испытывали большое любопытство к «обществу мертвых поэтов». Через несколько лет выяснится, что некоторые из фотографий были скопированы («для себя») сотрудником научно-технической лаборатории угрозыска, а также ходили по рукам среди милицейского руководства – всем было любопытно увидеть Есенина в петле… И однажды, отправившись в очередной раз «по начальству», фотографии не вернулись к следователю. И хотя Каменко, объясняя пропажу, будет пенять на «неисправность сейфа», истинная причина – нездоровый интерес начальства к покойникам.

Особое внимание следствие уделило оборотной стороне фотографий. Дело в том, что на нескольких имелись архивные штампы с указанием номеров фонда и описи. Ленинградским юристам, далеким от работы в архивохранилищах, это показалось подозрительным, и кому-то из них пришла в голову счастливая мысль – попытаться вменить Азадовскому кражу из госархива. Только после экспертизы, проведенной в Музее ИРЛИ, стало очевидно, что применить еще одну уголовную статью не получится. Органы ведь не знали, что по правилам копирования документов, находящихся на государственном хранении, на любой официально выданной копии в обязательном порядке ставился (и ставится – согласно нормам, действующим поныне) штамп архива, а также указание на единицу хранения (фонд – опись – дело), с которой сделана копия.

Впрочем, среди изъятых фотографий была одна, не имевшая ни малейшего отношения к русской поэзии. В протокол обыска она попала из-за своего вызывающего содержания; на ней, как выскажется впоследствии экспертиза Главлита, были изображены «главари фашизма, диссидент-антисоветчик Солженицын и другие одиозные личности».

Как можно видеть, набор изъятого при обыске по делу о наркотиках отличался сильным уклоном в сторону изобразительных материалов и печатного слова. Было ли это случайностью? Нельзя в этой связи не упомянуть об одном поразительном совпадении – и по хронологии, и по существу. 16 апреля 1980 года тот же капитан Арцибушев, чья специализация, как мы знаем, заключалась в расследовании преступлений, связанных с наркотиками, руководил обыском по другому аналогичному делу – у ленинградского поэта Льва Друскина (1921–1990), инвалида-колясочника. Ровно так же, как и в случае с Азадовским, повод для обыска был создан искусственно, и ровно так же изымалась литература «антисоветского содержания». Приведем пространный фрагмент из «Спасенной книги» Льва Друскина:

> …Их было пятеро.
>
> Интересное получилось зрелище. По одной стенке лежу я, по другой на диване лежит Лиля со сломанной ногой, а посредине – если учесть размеры комнаты – целая толпа.
>
> – Арестован ваш знакомый.
>
> – Кто?
>
> – Полушкин.
>
> Я (недоуменно):
>
> – Впервые слышу эту фамилию.
>
> И неожиданный вопрос:
>
> – В больнице Урицкого лежали?
>
> – Ну, лежал.
>
> – Полушкин санитар. Арестован за кражу наркотиков.
>
> – Да я-то тут при чем?
>
> – Сейчас поймете. Вот ордер на обыск.
>
> Читаю и не верю глазам: «В квартире Друскина имеется много импортных лекарств, в том числе и наркотиков».
>
> – Так вы что, наркотики собираетесь искать? – удивился я.
>
> Он подтверждает. Пожимаю плечами:
>
> – Ищите.

Начальник группы инспектор Арцибушев распоряжается <…>

Представление началось. Искали небрежно – скорее не искали, а притворялись. Заглядывали в цветочные вазы, вывернули косметическую сумочку, развинтили губную помаду. Один из обыскивавших подошел к подоконнику, покопался для вида в коробке с лекарствами, явно ничего в них не понимая, и притронулся к папкам. Сердце у меня екнуло.

– Это мои рукописи, – сказал я резко.

Он послушно отошел.

Так они потоптались минут двадцать. Арцибушев лениво наблюдал за обыском.

– Наркотиков не обнаружено, – констатировал он. И оживившись:

– А теперь надо поискать в книгах – нет ли там наркотических бланков?

– Ах вот что, – протянула Лиля, – книги…

Сгрудились у шкафа, вынули томик, другой. Стал обнажаться второй ряд.

Наигранно-изумленный возглас:

– Ой, да тут заграничные издания!

И к Арцибушеву:

– Что будем делать?

– Это не по нашей части. Надо позвонить.

Позвонили.

– Мы на Бронницкой по наркотикам. Обнаружены нехорошие книги.

«Континент»? Нет… кажется, нет. Почитать названия? «Зияющие высоты». – (Ох, недаром я не люблю эту книгу – подвела, проклятая!) – Брать все подряд, потом разберетесь? Хорошо.

Лиля села в коляску, подъехала к шкафу:

– Чего уж там – все равно попались: не взяли бы лишнего.

Они время от времени балдели, не могли разобрать «Ахматова феэргешная и наша – почему ту брать, а эту на место?» Лиля еле отбила «Москву 37-го» [Лиона Фейхтвангера. – *П.Д.*].

– Да вы что? Советское издание. Не отдам. Колебались: про 37-й год – как можно? Но все-таки отступили.

Зато конфисковали переписку Цветаевой с Тесковой.

– Это же издано в братской Чехословакии, – убеждала Лиля, – без этой переписки не обходится ни один диссертант.

Какое там. Напечатано за рубежом. И книжка полетела в общую кучу.

Не шарили ни на стеллажах, ни в кладовке, ни на антресолях: заранее знали, где находится добыча.

– Что же вы бланков не ищете? – напоминали мы. Они только отмахивались.

– Господи, книг-то как жалко! – шептала Алла [соседка, приглашенная понятой].

Еще бы не жалко! Книги появлялись из шкафа – преступные, арестованные, униженные этим грубым сыском: Цветаева, Мандельштам, Короленко, Набоков – весь русский Набоков!

А это что? Ну, конечно, – Библия, Евангелие… и факсимильные – «Огненный столп», «Белая стая», «Тяжелая лира».

Художественных альбомов не брали. Не тронули и Эмили Дикинсон – очевидно, спутали с Диккенсом.

Особенно старался один – низенький, коренастый, со стертым, незапоминающимся, но очень противным лицом. <…>

– Поднимите подушку.

– Сами поднимайте! – вспыхиваю я.

Поднял, бесстыдник.

– Одеяло откинуть?

Не отвечая на издевку, он направляется к пианино, снимает крышку.

– Осторожно – взорвется!

И снова взгляд, полный ненависти.

Какое-то наваждение! Как в дурном сне, ходят по комнате чужие люди,

роются в вещах, в мозгу, в моей прошлой и будущей жизни. А я наблюдаю будто со стороны – вот как это бывает.

Шел третий час обыска. Арцибушев пристроился к столу составлять протокол. Ему диктовали список изъятой литературы, спотыкаясь на каждой фамилии: Мендельштамп, Маерангов…

Заполненные листки складывали на телевизор. Их было несколько, а в них, выражаясь по кагебешному, содержалось 128 пунктов.

И вдруг послышался горестный возглас милиционера. Оказывается, наш кот Иржик прыгнул на телевизор и стал точить когти об эти листки. Протокол был жестоко изорван, покрыт мелкими треугольными дырочками.

– Один мужчина в доме! – сказала Лиля.

Трудно себе представить, как расстроился Арцибушев. Он долго советовался со своими: как быть – составлять все заново или можно подклеить. Устали как собаки, сошлись на втором, но очень опасались выволочки.

Как мы их презирали! Это было, пожалуй, основное чувство, которое мы испытывали.

Наконец прозвучали долгожданные слова:

– Обыск окончен.

Прозвучали для нас, но не для коренастого. Он продолжал перетряхивать коллекционных американских кукол.

– Полюбуйтесь, – съязвила Лиля, – прямо горит человек на работе.

Все грохнули.

Возмездие наступило сразу. Коренастый подошел к дивану и ткнул пальцем в маленькую полочку, забитую журналами и газетами.

– А там у вас что – книга?

– Книга, – вздохнула Лиля, – могли бы и не заметить. – И вытащила свежий беленький «Континент».

Когда я подписывал протокол, меня спросили:

– Вы к нам претензий не имеете?

– Нет. А вы к нам?

И услышал:

– Нет, что вы. Вы же пострадавшая сторона.

Надо же! Никак жалеют?

Явился еще один мужик – с тремя мешками.

– Видите, до чего нас довели? Оба слегли в постель.

Он принял реплику всерьез и виновато ответил:

– У них работа такая.

Трех мешков не понадобилось. Добыча уместилась в одном, не заполнила и половины. Вероятно, улов оказался гораздо меньше ожидаемого…

Тем все и кончилось. С этого все и началось.

Действительно, с этим обыском для Друскина кончилась одна жизнь – в СССР и началась другая – на Западе. 10 июля 1980 года его «за действия, несовместимые с требованиями устава СП СССР, выразившиеся в получении из-за рубежа и распространении антисоветских изданий, в двуличии, в клевете на советское государство и советских литераторов» исключили из Союза писателей, а 12 декабря 1980 года вместе с женой, собакой и котом выдворили из Советского Союза. Приземлившись в Вене, Друскины вскоре поселились в западногерманском Тюбингене. При этом для Друскиных не было секретом, что их дело расследуется КГБ, а ведет его непосредственно Павел Константинович Кошелев, который впоследствии станет подполковником госбезопасности, «руководителем отдела по борьбе с идеологическими диверсиями» УКГБ по Ленинградской области. Так что вопрос о том, кто стоял за этим обыском, формально проводившимся Арцибушевым с целью поиска наркотиков, остается открытым.

Отъезд Друскиных в год Олимпиады вполне отражает то, что происходило в действительности: одних людей выдавливали из страны, а других, кого нельзя выдавить, отправляли в ссылку. Так 12 января 1980 года был задержан и отправлен в Горький академик

Сахаров – с его уровнем секретности не могло быть и речи о выезде на Запад. Да и Константину Марковичу не приходилось, по-видимому, рассчитывать на такую поблажку.

Сопротивление

Учитывая то положение, которое занимал Константин Азадовский на небосклоне ленинградской интеллигенции, его арест не мог пройти незамеченным. А казавшееся абсурдным обвинение еще более привлекло внимание к этому факту. Когда слух об аресте распространился, друзья и коллеги стали обдумывать будущие действия. С одной стороны, чтобы придать этому делу гласность, с другой – указать на политическую подоплеку. Их спонтанные действия не оказались напрасными: дело о хранении 5 граммов анаши быстро получило диссидентскую окраску (хотя, повторимся, де-факто Азадовский, конечно, не принадлежал к диссидентам – он был всего лишь свободно мыслящим человеком и ученым).

«Защита Азадовского» как совокупность усилий ученых и писателей во многих странах будет разворачиваться несколько позднее; поначалу же вся активность оказывается делом его ближайших друзей. Собственно, именно арест сформировал «инициативную группу», сложившуюся легко и естественно. Если бы Азадовский прикидывал заранее, кто не отвернется от него в подобной ситуации, то перечень этих людей был бы, вероятно, иным. К счастью, большинство друзей и знакомых Кости и Светланы оказались на высоте – не отдалились от них, более того – помогали матери, составляли письма, собирали подписи…

Логика действий была проста; ее формулирует в своих воспоминаниях Генриетта Яновская:

> Адвокат Кости Зоя Николаевна Топорова и люди, имевшие какое-то отношение к диссидентству, мне четко объяснили план наших действий: вокруг Кости, если мы его хотим спасти, постоянно должен быть шум, тогда ему ничего не сделают. Все время надо двигаться, как в мороз, чтобы не замерзнуть.

Сегодня трудно сказать, как было бы правильней поступить. Другой вариант, тоже вполне резонный, – полностью затаиться, дождаться хотя бы суда, чтобы не нагнетать ситуацию вокруг арестованных. Тогда, мол, и суд не будет рассматривать дело как политическое. С другой стороны, начало милицейского расследования было настолько резвым, что нельзя было предугадать, не отыщется ли что-то еще, и притом посерьезней, в процессе следствия.

Чтобы представить себе число добровольцев, вступивших в это «сопротивление», дадим алфавитный перечень тех, чья помощь Светлане и Константину запечатлена в документах или письмах к ним обоим «с воли». Эти люди содействовали Азадовским в различной степени: кто-то откликнулся сразу же, кто-то присоединился позднее, но, что важно, все они, находясь в той же системе координат и хорошо понимая риски, сопряженные с такого рода афронтом в Стране Советов, не испугались, не дрогнули. Собственно, доказали свою дружбу и нравственную зрелость в тот критический момент. Вот их имена и фамилии:

Анатолий Белкин, Алла Белкина, Николай Браун, Татьяна Буренко, Зигрида Ванаг, Кама Гинкас, Яков Гордин, Сергей Гречишкин (1948–2009), Вадим Жук, Людмила Жумаева, Лидия Капралова, Нина Катерли, Юрий Клейнер, Альбин Конечный, Владислав Косминский (1936–2014), Елена Кричевская, Ксения Кумпан, Александр Лавров, Ася Латышева, Георгий Левинтон, Дженевра Луковская, Татьяна Никольская, Татьяна Павлова, Александр Парнис, Борис Ротенштейн, Юрий Русаков (1926–1995), Алла Русакова (1923–2013), Ольга Саваренская (1948–2000), Валентина Санникова (1945–2013), Игорь Смирнов, Николай Сулханянц, Мариэтта Турьян, Борис Филановский, Юрий Цехновицер (1928–1993), Татьяна Черниговская, Бэлла Ефимовна (1921–1999) и Кирилл Васильевич (1919–2007) Чистовы, Марина Шустерман, Лев Щеглов, Генриетта Яновская…

Этот список был бы намного длинней, если бы мы включили в него имена и фамилии всех, кто навещал Лидию Владимировну и заботился о ней, проявлял к ней внимание,

посылал Азадовскому – через общих знакомых – приветствия и слова поддержки, а также – имена и фамилии граждан других государств. Но мы оставили в нем только соотечественников, – тех, кто, пренебрегая опасностью, использовал все свои возможности – творческие, финансовые, интеллектуальные, даже служебные, – чтобы придать общественный резонанс «делу Азадовского». Так стал именоваться тот снежный ком, который разрастался вокруг их ареста. Немало усилий для освобождения сына приложила и Лидия Владимировна, принявшая, насколько ей позволяли здоровье и возраст, энергичное участие в «сопротивлении».

В этой группе были свои «активисты» (Зигрида Ванаг, Александр Лавров, Генриетта Яновская и др.). Именно этой небольшой группой лиц было составлено несколько информативных документов, переданных затем в Москву. И вот в номере «Хроники текущих событий» от 31 декабря 1980 года – спустя всего 10 дней – появилось сообщение об аресте Светланы и Константина.

А в январе 1981 года, когда стало понятно, что не произошло никакой «ошибки» и что ни Костю, ни Свету уже не выпустят, они составили и переправили на Запад, прежде всего на Радио «Свобода» (Radio Free Europe / Radio Liberty), своего рода Curriculum Vitae Константина Азадовского. Он был использован для новостных передач «Голоса Америки», Би-би-си, «Немецкой волны», пересказан в иностранной прессе и тогда же размножен в «Материалах Самиздата», печатавшихся в Мюнхене. Приводим этот текст:

> К.М. Азадовский – арестован утром 19 дек. 1980 после проведенного у него в квартире обыска по ст. 224 ч. 3 Угол. кодекса РСФСР (хранение наркотиков без цели сбыта). Накануне вечером, у подъезда его дома была арестована его гражданская жена Светлана Ивановна Лепилина, у которой при задержании были обнаружены наркотики (сведения эти были получены Азадовским, видимо, со слов лиц, производивших обыск). К.М.А. заявил во время обыска (по свидетельству присутствовавшей при обыске его матери, Л.В. Брун), что наркотики были подброшены ему бригадой, производившей обыск (обнаружены 5 гр. наркотического вещества, по протоколу – кокаина; следователь, однако, говорил о гашише, анаше). Обнаруженные наркотики были единственным веским основанием для ареста. Согласно протоколу, у К.М.А. были изъяты также некоторые книги зарубежных издательств (на русском и иностранном языках: роман Замятина «Мы» в немецком переводе, книги издательства «Ардис» – сборник произведений Б. Пильняка, Письма З. Гиппиус к Н. Берберовой и В. Ходасевичу, фотоальбом М. Цветаевой, сборник стихов И. Бурихина и т. п.), фотографии русских поэтов (Маяковский, Клюев, Есенин, Блок, Цветаева и др.), купюра в 5 западногерманских марок. Во время обыска наркотики практически не искали: осталась неосмотренной комната матери, а также стоявший во дворе автомобиль К.М.А., не была полностью обследована и его собственная комната. К.М.А. в последние 5 лет, до ареста, был заведующим кафедрой иностранных языков Ленинградского художественно-промышленного училища им. В. Мухиной. С 1959 по 1980 г. им выпущено в свет около 90 печатных работ. Он выступает как переводчик с западноевропейских языков (немецкий, испанский, английский, французский) – переводы стихов, прозы, драматургии. Наиболее значительные работы в этой области: переводы романа В. Кёппена «Голуби в траве» (вышел двумя изданиями), его же новеллы «Юность», драмы Эдена фон Хорвата «Туда-сюда», стихотворений Фр. Геббеля, П. Целана, Р. Альберти, Р. Дарио, М. Эрнандеса, Р. – Г. Каду, стихотворений, статей и писем Р.М. Рильке. В переводе К.М.А. была издана пьеса Шейлы Дилени «Вкус меда» и поставлена на сцене Ленинградского Малого драматического театра (постановка пользовалась успехом и оставалась в репертуаре театра 6 лет). В 1971 г. К.М.А. защитил кандидатскую диссертацию «Ф. Грильпарцер – национальный драматург Австрии (истоки и философско-эстетическая проблематика творчества)». Творчеству Грильпарцера посвящены несколько его статей. Основные направления литературоведческой деятельности К.М.А. – история немецкой литературы, история русской литературы

конца XIX – начала XX вв., взаимосвязи русской и немецкой литератур. К.М.А. – крупнейший в СССР исследователь творчества Рильке, ему принадлежит ряд исследований и публикаций на тему «Рильке и Россия» (в том числе статьи: Рильке и Горький, Рильке и Л.Н. Толстой, Русские встречи Рильке, Рильке и А.Н. Бенуа: переписка и др.). Неизвестные ранее материалы и, прежде всего, письма Рильке, собранные по архивным источникам СССР, объединены в подготовленной К.М.Л. книге «Рильке в России» – договор на ее издание был заключен с издательством «Insel». В 1980 г. вышла в итальянском переводе неизданная переписка Рильке, М. Цветаевой и Б. Пастернака, подготовленная К.М.А. совместно с Е.В. Пастернак и Е.Б. Пастернаком. Намечены к изданию французский перевод этой книги и ее двуязычное издание в ФРГ. Обе книги были представлены для издания официальным путем через ВААП (Всесоюзное агентство по охране авторских прав). К.М.А. обнаружены и опубликованы также письма С. Цвейга, новые документы, характеризующие русские связи Т. Манна. Совместно с В. Дудкиным им написано обширное исследование «Достоевский в Германии» (1846–1921), опубликованное в 86-м томе «Литературного наследства» («Ф.М. Достоевский. Новые материалы и исследования»). Совместно с Д.Е. Максимовым – столь же фундаментальное исследование «Брюсов и “Весы” (из истории издания)» («Литературное наследство», т. 85. «В. Брюсов»). К.М.А. – наиболее авторитетный в СССР исследователь творчества Н.А. Клюева и так называемой «новокрестьянской поэзии» начала XX в. Им выявлены и опубликованы неизвестные стихотворения и статьи Клюева, напечатаны объемистые статьи, основанные на никогда не вводившихся в исследовательский обиход материалах провинциальных архивов: «Раннее творчество Н.А. Клюева», «Есенин и Клюев в 1915 г.». В 1981 г. должны были выйти в свет большие публикации К.М.А. в томах «Литературного наследства», подготовленных к юбилею А. Блока («Александр Блок. Новые материалы и исследования»): «Письма Н.А. Клюева к Блоку» (публикация с большой вступительной статьей и комментарием, около 10 печатных листов), «Блок в дневниках Ф.Ф. Фидлера», «Воспоминания Иоганнеса фон Гюнтера о Блоке» (перевод фрагментов из книги Гюнтера, со статьей и комментариями).

В последние годы исследовательские и архивные разыскания К.М.А. снискали большую популярность. С докладами и сообщениями о выявленных им рукописных материалах Рильке, Цветаевой, Клюева и др. он неоднократно выступал в Ленинградском Доме писателей им. Маяковского, на научных конференциях в Москве (Блоковская юбилейная конференция в Центральном государственном архиве литературы и искусства), Тарту (Всесоюзная Блоковская конференция) и др. Секция переводчиков Ленинградского отделения Союза писателей ходатайствовала о принятии К.М.А. в члены Союза писателей, рекомендовали его акад. Д.С. Лихачев, проф. В.Г. Адмони, известная переводчица Р.Я. Райт-Ковалева. Голосованием Приемной комиссии кандидатура К.М.А. была отведена (7 против 4), возможно, в предвидении последующего ареста.

Статьи, переводы, публикации К.М.А. печатались в наиболее авторитетных и ведущих советских изданиях («Литературное наследство»; журналы «Русская литература», «Вопросы литературы», «Новый мир», «Звезда»; «Литературная газета»; переводы печатались в серии «Библиотека всемирной литературы»).

К.М.А. оказался душеприказчиком и наследником коллекции фотографий погибшего М.А. Балцвиника, выдающегося коллекционера. Известны попытки следствия выявить какие-то операции, которые можно было бы инкриминировать К.М.А. в связи с этой коллекцией.

Репутация К.М.А. в какой-то степени подкрепляется и тем, что он – сын одного из крупнейших советских филологов, М.К. Азадовского, одного из создателей советской фольклористики, исследователя жизни и творчества декабристов, многих писателей XIX в., в частности – литературы Сибири. В 1969 г. К.М.А. привлекался свидетелем по делу Е. Славинского, обвиненного в распространении наркотиков (точнее – т. к. доказать какую-то корысть в его действиях следствию не удалось – в притонодержательстве); за отказ от дачи

удобных следствию показаний К.М.А. был исключен из аспирантуры Ленинградского Педагогического института им. Герцена и вынужден несколько лет преподавать в г. Петрозаводске.

Ровно таким же образом на рубеже января – февраля в «Материалах Самиздата» появился еще один релиз, в котором содержалась сводка версий относительно причин уголовного преследования:

> Для оценки случившегося следует учитывать ряд обстоятельств, о которых ниже.
>
> Отец К.М. Азадовского, выдающийся русский фольклорист Марк Константинович Азадовский, был одной из жертв борьбы с «космополитизмом» наряду с другими профессорами Ленинградского Университета (1949 г.). Сам К.М. Азадовский также был уже однажды подвергнут административным гонениям: в 1969 г. он был привлечен в качестве свидетеля по делу Ефима Славинского, имевшему явную политическую подоплеку (КГБ стремилось пресечь обильные контакты Славинского с иностранцами), но оформленному как уголовный процесс (Славинский обвинялся в хранении и распространении наркотиков); бескомпромиссное поведение Азадовского на этом процессе привело к тому, что он был лишен возможности работать по специальности в Ленинграде после окончания аспирантуры Педагогического института им. Герцена и был вынужден долгое время жить в Петрозаводске. Заведуя кафедрой в училище им. Мухиной, Азадовский добился (через суд) увольнения с работы сотрудника той же кафедры некоего Равича ввиду нарушения им трудовой дисциплины; Равич угрожал Азадовскому использовать в целях мести свои связи с КГБ. В 1979 г. Азадовский с немалыми трудностями добился того, чтобы суд наказал некоего Ткачева, оскорбившего действием Лепилину и самого Азадовского; и в этом случае Ткачев угрожал Азадовскому местью, для которой он намеревался использовать служебное положение своего родственника, капитана ленинградской милиции. По мнению ленинградской интеллигенции, арест Азадовского был произведен в качестве меры по запугиванию всех лиц, которых КГБ подозревает как носителей неофициальной идеологии. Азадовский был выбран на эту роль, вероятнее всего, по следующим причинам: 1) он хорошо известен самым разным группам интеллигенции (писательская среда, академические круги и т. д.) как в Ленинграде, так и в Москве; 2) он хорошо известен на Западе, и поэтому процесс над ним позволяет КГБ проследить за тем, как Запад будет реагировать на наглую провокацию; 3) то обстоятельство, что Азадовский имеет личных врагов и что он уже выступал однажды в роли свидетеля на уголовном процессе, дает КГБ удобную возможность остаться в тени, не привлекая к себе общественного внимания. Достаточно ясно, что само стремление КГБ запугать интеллигенцию является откликом на события в Польше. Весьма возможно, что дело Азадовского призвано возродить память о гонениях на «космополитов», имевших место в 1949 г.

Нам представляется важным сопроводить этот текст комментарием о «событиях в Польше». Осенью 1980 года в Польше в результате массовых забастовок рабочими был создан независимый всенародный профсоюз «Солидарность», лидером которого стал Лех Валенса. Довольно быстро рабочими стали выдвигаться и политические требования, а экономический кризис усугублял критическую ситуацию, парализовавшую всю страну. Напряжение нарастало в течение всего 1981 года, и в декабре деятельность «Солидарности» была подавлена Войцехом Ярузельским, который ввел военное положение и интернировал несколько тысяч активистов. Этот процесс противостояния власти и общества в Польше, неуклонно нараставший и не закончившийся в 1981 году, привлек к себе внимание всего мира. И именно события в Польше, вернее, страх перед ними вызвали к жизни волну репрессий в СССР, особенно в 1981–1982 годах.

Вернемся к «сопротивлению».

Благодаря усилиям А.В. Лаврова и С.С. Гречишкина, молодых историков литературы, научных сотрудников Пушкинского Дома, появилось на свет «письмо докторов наук»: шесть маститых ленинградских филологов просили прокурора Ленинграда С.Е. Соловьева отпустить Азадовского из-под стражи до суда. Письмо подписали Б.Я. Бухштаб, Л.Я. Гинзбург, Б.Ф. Егоров, Д.Е. Максимов, В.А. Мануйлов, И.Г. Ямпольский. Обстоятельства возникновения этого письма были изложены впоследствии А.В. Лавровым в статье, посвященной Д.Е. Максимову:

> Подвластность господствовавшей идеологической атмосфере – и прежде отнюдь не полная и не безраздельная – к тому времени, когда мне довелось близко узнать Дмитрия Евгеньевича, была им всецело преодолена. Смрад «развитого социализма» он воспринимал совершенно однозначно – с отвращением, от года к году выражая свои эмоции все более прямо и откровенно. С большим воодушевлением реагировал он незадолго до кончины на первые проблески свободы, замаячившей в начале горбачевского правления, досадуя лишь, что не суждено ему на девятом десятке лет этой свободой воспользоваться. По натуре требовательный к себе и другим, обостренно переживавший порой даже незначительные нюансы в своих взаимоотношениях с людьми, он с резкой нетерпимостью реагировал на все те многоразличные проявления подлости и безнравственности, которыми была перенасыщена окружающая социальная среда.
>
> После того как в декабре 1980 г. был арестован (по сфабрикованному «компетентными органами» обвинению) К.М. Азадовский, его соавтор по работе о Брюсове и «Весах», Дмитрий Евгеньевич был первым, кто поставил свою подпись на сочиненном Сергеем Гречишкиным и мною письме от имени ленинградских профессоров в его защиту; от Дмитрия Евгеньевича я уже отправился по цепочке за автографами к Лидии Яковлевне Гинзбург, Борису Яковлевичу Бухштабу, Виктору Андрониковичу Мануйлову, другим достойным людям.
>
> Для человека, имевшего за плечами десятилетия жизни в условиях государственного террора, побывавшего в тюрьме и в ссылке, это был значимый поступок. Изменить что-либо в заранее предрешенной бандитской расправе над невинным человеком такое письмо, конечно, не могло, но все же оно оказалось веским аргументом для адвокатов…

Итак, 11 февраля 1981 года «письмо профессоров» поступило в Прокуратуру г. Ленинграда. Приводим текст этого письма:

> Глубокоуважаемый Сергей Ефимович!
>
> Обращаемся к Вам в связи с делом Константина Марковича Азадовского, арестованного 19 декабря 1980 г. по ст. 224, ч. 3 Уголовного кодекса РСФСР (хранение наркотического вещества «анаша» в количестве 5 граммов).
>
> К.М. Азадовский – заведующий кафедрой иностранных языков в Высшем художественно-промышленном училище им. В. Мухиной, доцент, кандидат филологических наук, известный литературовед и переводчик. Мы знаем К.М. Азадовского как высококвалифицированного специалиста, одного из авторитетнейших знатоков истории русской литературы начала XX века и взаимосвязей русской литературы и зарубежных литератур, автора нескольких десятков фундаментальных статей и публикаций, талантливого переводчика со многих западноевропейских языков и языков народов СССР. Его творческая деятельность снискала известность у широкой читательской аудитории, К.М. Азадовским обнаружены и опубликованы не выявленные ранее письма классиков австрийской литературы Райнера Мария Рильке и Стефана Цвейга, произведения выдающихся русских поэтов начала XX века – М. Цветаевой, Б. Пастернака, Н. Клюева. К.М. Азадовскому принадлежат капитальные труды, посвященные жизни и творчеству Ф.М. Достоевского, М. Горького, А.А. Блока, В.Я. Брюсова, С.А. Есенина; они получили заслуженное признание у исследователей этих классиков

> отечественной литературы. Работы К.М. Азадовского печатались в таких авторитетных советских изданиях, как «Литературное наследство», журналы «Новый мир», «Звезда», «Вопросы литературы», «Русская литература», «Литературная газета». При его ближайшем участии подготовлено первое на русском языке научное издание сказок братьев Гримм для академической серии «Литературные памятники».
>
> Покойный отец К.М. Азадовского – Марк Константинович Азадовский – профессор, ученый с мировым именем, один из создателей современной фольклористики, внесший выдающийся вклад в советскую историко-литературную науку. Его вдова и мать К.М. Азадовского Лидия Владимировна Брун (1904 г. рождения) – ученый-библиограф, в настоящее время серьезно больна (она не в состоянии самостоятельно выходить из дома) и нуждается в постоянном уходе сына, единственного близкого родственника.
>
> Принимая во внимание вышеизложенное, убедительно просим Вас разобраться по существу в деле К.М. Азадовского и изменить ему меру пресечении до момента судебного разбирательства.

Еще ранее, 6 января 1981 года, отдельное письмо прокурору города направил академик Михаил Павлович Алексеев – председатель Пушкинской комиссии АН СССР и председатель Международного комитета славистов. Несмотря на высокое положение в советской научной иерархии, сделать такой воистину ответственный шаг было для него непросто. В том, что академик решился на это, сказались несколько обстоятельств. Вероятно, уговоры А.В. Лаврова, который был в тот момент его референтом в Пушкинском Доме. Но прежде всего, по-видимому, те личные воспоминания, которые связывали Михаила Павловича с отцом Кости. Ведь именно Азадовский-старший в 1927 году пригласил М.П. Алексеева, тогда работавшего в Одесской публичной библиотеке, в Иркутский университет, где он вскоре стал профессором, а в 1933 году – опять же при посредничестве М.К. Азадовского – Алексеев перебрался в Ленинград. То есть можно без преувеличения сказать, что своей блестящей карьерой будущий академик был в немалой степени обязан именно Азадовскому-отцу.

К тому же перед глазами М.П. Алексеева, да и многих, кто помнил кампанию по борьбе с космополитизмом 1949 года и ее последствия, стоял немым укором Марк Константинович – затравленный, больной, несчастный, умерший с чувством напрасно прожитой жизни. Тогда Михаил Павлович проявил малодушие, хотя занимаемые им должности (в том числе декана филологического факультета ЛГУ), казалось бы, позволяли ему даже в то жестокое время протянуть своему другу руку помощи. И вот в начале 1981 года у М.П. Алексеева появилась возможность – спустя тридцать лет! – хоть как-то оправдаться перед семьей своего бывшего благодетеля. И Михаил Павлович пишет отдельное письмо на официальном бланке Международного комитета славистов. Изложив подготовленные А.В. Лавровым тезисы, он добавляет еще один абзац, который красноречиво свидетельствует о его нравственном поступке:

> Я знаю К.М. Азадовского как серьезного ученого и педагога, выпустившего в свет около сотни печатных работ, многие из которых стали значительным вкладом в филологическую науку, и ручаюсь за его надлежащее поведение во время следствия и судебного разбирательства. С семьей Азадовских я поддерживаю отношения в течение многих десятилетий, а с М.К. Азадовским меня связывали долгие отношения личной дружбы и научного сотрудничества.

И, наконец, еще одно письмо в защиту Азадовского написали сотрудники кафедры иностранных языков ЛВХПУ, которой он руководил до ареста. При этом, что крайне важно как свидетельство общественной реакции на обвинения, предъявленные Азадовскому, – это письмо подписали все (!) члены кафедры. Кстати сказать, Азадовский был не самым покладистым завкафедрой; однако чувство вопиющей несправедливости сплотило тогда всех

его сослуживцев. Письмо было адресовано опять-таки прокурору Ленинграда С.Е. Соловьеву, а копия направлена следователю Е.Э. Каменко:

> Мы, сотрудники кафедры иностранных языков ЛВХПУ им. Мухиной, обращаемся к Вам по следующему вопросу. Мы работали длительное время под руководством заведующего кафедрой доцента К.М. Азадовского. 19 декабря 1980 г. он был арестован Куйбышевским РУВД и сейчас содержится под стражей.
>
> В общении с К.М. Азадовским у нас сложилось определенное мнение о нашем руководителе как о человеке идеологически и морально выдержанном. Руководя кафедрой, Константин Маркович смог создать спокойную, деловую обстановку, творческую атмосферу работы. Его профессиональные качества обеспечили ему неизменное уважение со стороны сотрудников.
>
> Зная Константина Марковича Азадовского как ученого высокой квалификации, как умелого руководителя и тяжело переживая его арест, мы просим Вас принять во внимание то высокое мнение о нем, которое сложилось в руководимом им коллективе, как смягчающее обстоятельство при рассмотрении его дела.
>
> Мы знаем также о тяжелом положении в семье Азадовского в связи с его арестом (он является единственным кормильцем 76-летней больной матери, нуждающейся в постоянном уходе). Поэтому мы просим Вас выяснить вопрос о степени его виновности и о необходимости содержания его под стражей.
>
> Все эти обстоятельства заставили нас просить Вас, товарищ Соловьев, взять под личный контроль дело К.М. Азадовского.

Несмотря на все эти обращения, никаких послаблений в отношении Азадовского не последовало и уголовное дело особых изменений не претерпело, если, конечно, не учитывать того странного с юридической точки зрения казуса, что обвинение, предъявленное Азадовскому, неожиданно отделилось от уголовного дела Светланы и образовало отдельное делопроизводство. 17 января 1981 года начальник следственного отдела Сапунов утвердил следующий документ:

> **Постановление**
>
> следователь СО Куйбышевского р-на л-т милиции Каменко, рассмотрев материалы уголовного дела № 10196, установил: 18 декабря 1980 г. гр. Лепилина была задержана во дворе дома 10 по ул. Восстания, и у нее в сумке было обнаружено наркотическое вещество – анаша, которое она незаконно хранила при себе. В указанном доме проживает знакомый Лепилиной гр. К.М. Азадовский, и в связи с этим 19 декабря 1980 г. в квартире по месту его жительства был произведен обыск, в ходе которого на полке с книгами было обнаружено наркотическое вещество – анаша, которое Азадовский незаконно хранил. Таким образом в действиях Азадовского усматриваются признаки преступления, предусмотренного ст. 224 УК РСФСР.
>
> Принимая во внимание, что в ходе следствия не было установлено сговора между Азадовским и Лепилиной на хранение, приобретение или сбыт наркотических веществ и совершенные ими преступления никак не связаны между собой, руководствуясь ст. 26 УПК РСФСР, постановил: Материалы в отношении Азадовского Константина Марковича из уголовного дела 10196 выделить в отдельное производство.

Теперь нетрудно понять, как сооружалась конструкция, получившая название «дело Азадовского», и зачем понадобилось задержание Светланы. Весь этот спектакль был разыгран исключительно для того, чтобы войти в квартиру Азадовского. А когда оба были «изолированы», их дела развели, избавившись тем самым от массы ненужных и даже рискованных для следствия процедур. Ведь если бы дело не разделилось надвое, возникала

бы необходимость следственных действий – очных ставок как минимум. А поскольку такое важное процессуальное решение, как разделение одного уголовного дела на два, было принято следователем без каких-либо следственных действий в отношении арестованных, то представляется, что он пошел по наиболее простому и легкому пути – меньше доказательств, меньше публичности и выше вероятность того, что на суде не будет сюрпризов. Возможно, следователь Каменко и не слишком задавался этими вопросами, а попросту выполнил распоряжение начальства.

Прокуратура города тем временем аккуратно – «в установленные законом сроки» – отвечала на письма. Так, ответ на «письмо докторов наук», подписанный начальником отдела по надзору за следствием В.Н. Тульчинской, был направлен 26 февраля матери обвиняемого:

> Письмо группы профессоров, докторов филологических наук, в том числе Егорова, Гинзбург и др. (обратный адрес указан Ваш), с просьбой изменить Азадовскому К.М. меру пресечения до момента судебного разбирательства, поступившее в прокуратуру Ленинграда 11.02.1981 года, рассмотрено.
>
> Сообщаю, что в ходе предварительного следствия оснований для изменения меры пресечения Вашему сыну Азадовскому К.М. не имелось. В настоящее время уголовное дело в отношении Азадовского К. М. закончено и направлено для рассмотрения в Куйбышевский районный народный суд.

Все эти письма оказались впоследствии на Западе и, появившись в «Материалах Самиздата», получили огласку. Встает вопрос: сильно ли рисковали люди, подавшие свой голос в защиту, а главное, непосредственно занимавшиеся написанием писем и сбором подписей?

Виктор Топоров, наблюдатель и первое время участник тех событий, позднее рассказал о том, как это происходило:

> В деле Азадовского с самого начала была какая-то странность, граничащая с абсурдом. КГБ несомненно приложил руку к этой истории, но было ли это продуманной операцией или всего лишь частной инициативой одного из штатных сотрудников, имеющей личную подоплеку?..
>
> Компания, в которую мы оба входили, была безобидна даже по сравнению с сопредельными и периферийными. Там был самиздат, «эмнести», сборники «Память» и «Хроника текущих событий», – а у нас Костин «Филька» (Рильке), Лаврушкин (и гречишкинский) Андрей Белый, мои переводы и эпиграммы…
>
> …Нас словно бы не замечали – а значит, замечать не хотели. Штаб «борцов за Азадовского» расположился по адресу: Апраксин переулок, 19/21, где на втором этаже с соседями-матерщинниками жили мы с матерью, а прямо над нами – на третьем – Кама Гинкас с Гетой Яновской. (Через площадку от меня жила Светлана Крючкова, но она к этой истории отношения не имеет…)
>
> В нашем штабе одна за другой составлялись и редактировались бумаги, скапливалась и складировалась информация, отдыхала за чашкой кофе рыскавшая без устали по городу, несмотря на столь же глубокую, как у Светы Крючковой, беременность, Зигрида Цехновицер. Только Яша Гордин действовал наособицу… Даже моя заскучавшая на пенсии мать почувствовала себя вновь на важной политической службе.

Однако это только один взгляд. В действительности история с Азадовскими воспринималась в том кругу болезненно и, разумеется, драматически. Кажущаяся легкость происходящего, как это описывает Топоров («…отдыхала за чашкой кофе…» и пр.), дорого стоила Зигриде Ванаг, жене Ю.О. Цехновицера: она потеряла ребенка незадолго до родов. Но и это было еще не все. Некоторых ожидали неприятности по службе.

Приведем письмо С.С. Гречишкина (1948–2009), еще одного участника «сопротивления», которое он написал К.М. Азадовскому спустя более чем десятилетие – 6

января 1992 года:

> …Я набрался смелости известить Вас (может быть, просто напомнить) о некоторых обстоятельствах, возникших после Вашего неправедного ареста, в Институте русской литературы (Пушкинский Дом) АН СССР, где я имел честь тогда служить.
>
> Узнав о Вашем аресте, меня немедленно вызвал к себе тогдашний директор Института А.Н. Иезуитов (Ваши научные интересы, Константин Маркович, лежат в иной сфере, однако, я осмелюсь освежить в Вашей памяти хотя бы начальные вехи творческого пути Андрея Николаевича: «В.И. Ленин и вопросы реализма» (1974, докторская диссертация), «Живое оружие. Принцип партийности литературы в трудах В.И. Ленина» (Л., 1973), «Социалистический реализм в теоретическом освещении» (Л., 1975) и т. д. и т. п.). Разговаривал со мной маститый теоретик литературы весьма неласково, запугивал, однако чувствовалось, что он рад Вашему аресту, возбужденно доволен.
>
> Меня поразило, что Иезуитов узнал о моем визите к Вашему следователю (имевшему место за день до разговора с директором ИРЛИ), к которому я пришел без повестки с целью дать (увы, приходится прибегать к языку неподражаемых отечественных протоколов) «положительную характеристику» Вашей «личности». В конце разговора бдительный начальник заявил безапелляционно, что вскорости после Вашего ареста арестуют А.В. Лаврова и меня.
>
> В тот же день Иезуитов вызвал на «ковер» К.Д. Муратову (главного редактора 4-го тома академической «Истории русской литературы», для которого предназначалась Ваша статья о новокрестьянской поэзии, утвержденная к печати). Иезуитов категорически потребовал изъять из машинописи тома Вашу статью и срочно заказать статью по сходной проблематике другому лицу (А.И. Михайлову из сектора советской литературы). Ксения Дмитриевна (кстати, она и многие другие пушкинодомские ученые – назову лишь М.П. Алексеева, Д.С. Лихачева, А.М. Панченко, Г.В. Маркелова, В.А. Туниманова, Л.И. Емельянова – вела (вели) себя безупречно в истории Вашего ареста и заключения) предложила оставить в томе Вашу статью, но временно объявить в качестве авторских фамилии мою и Лаврова с тем, чтобы потом в корректуре заменить их Вашей. Директор злорадно отказал, сказав (ручаюсь за точность цитаты, разговор с К.Д. Муратовой вечером того же дня я отчетливо помню): «Азадовский уже “полетел”, за ним “полетят” Гречишкин и Лавров…»
>
> Вам известно, конечно, Константин Маркович, что покойный академик М.П. Алексеев обратился в те дни с письмом к прокурору города Соловьеву с ходатайством об изменении Вам меры пресечения (вместо содержания под стражей до суда – подписка о невыезде), в котором (помимо высокой оценки Вашей научной деятельности) ручался честью, что (при изменении меры пресечения) Вы не скроетесь от следствия и суда. Так вот, знаете ли Вы, что после того, как это письмо ушло в прокуратуру (кстати, как узнал Иезуитов об отправке письма и о его содержании?), товарищ директор вызвал Михаила Павловича, угрожал (да, да), в хамской форме требовал отказаться от любой помощи Вам и т. д. Аналогичный разговор состоялся у Иезуитова с академиком Д.С. Лихачевым.
>
> Вот, пожалуй, и все, что я намеревался сообщить Вам. Эти сведения Вам подтвердят А.В. Лавров, К.Д. Муратова и Д.С. Лихачев.

После прочтения этого текста может возникнуть вопрос: почему среди подписавших письма не было академика Д.С. Лихачева? Ведь он в 1980 году рекомендовал Азадовского в члены Союза писателей и относился к нему с явной симпатией. В качестве ответа приведем строки из воспоминаний А.В. Лаврова:

> В январе 1981 года мы с моим другом и соавтором Сергеем Гречишкиным собирали письма в защиту нашего общего друга, известного литературоведа и переводчика Константина Азадовского, ставшего жертвой провокации со стороны

«доблестных органов» и арестованного (ныне реабилитированного). Первое письмо отправил по инстанциям, перечислив все свои высокие титулы, М.П. Алексеев (и получил в ответ хамскую отписку с обращением «тов. Алексееву М.П.»), еще одно письмо пошло за подписями нескольких известных ленинградских профессоров. С аналогичной просьбой обратились мы и к Дмитрию Сергеевичу, но он отказался – и отнюдь не из соображений осторожности: «Письмо за моей подписью только ухудшит в данном случае ситуацию. Для них мое имя в одном может сыграть свою роль – убедить дополнительно в том, что они правильно поступили».

Столь пессимистичный взгляд Д.С. Лихачева, действительно в те годы не имевшего никакого кредита у власти, объясняется ситуацией, сложившейся тогда вокруг его собственного зятя: в тот же период времени и в тех же Крестах сидел доктор физико-математических наук, ученый-океанолог, директор ленинградского филиала Института океанологии АН СССР Сергей Сергеевич Зилитинкевич, муж его дочери Людмилы. Никакие попытки, которые предпринимал Д.С. Лихачев для спасения зятя, не помогли облегчить его участь; сам Дмитрий Сергеевич позднее писал, что его усилия даже повредили. Зилитинкевич несколько лет провел в Крестах (где они и познакомились с Азадовским, оказавшись на короткое время в одной камере) и получил восемь лет заключения, которые отбывал сначала в колонии, а затем на «химии» в г. Выкса Горьковской области.

Кресты и адвокаты

Итак, 22 декабря 1980 года в переулок Крылова приехал автозак, и Азадовского отправили в Следственный изолятор № 1 г. Ленинграда, традиционно и по сей день именуемый Кресты. Здесь он попал в совершенно иной мир – незнакомый, чуждый и, разумеется, опасный. В этой городской тюрьме, построенной еще в конце XIX столетия, большинство некогда одиночных камер было приспособлено в советское время для четырех человек; в действительности плотность заселения их была вдвое, втрое, а то и вчетверо больше. В камере 447, куда доставили Азадовского, находилось в тот момент 6 человек. Пресловутой «параши» уже не было – в 1970-е годы тюрьму оснастили современной сантехникой: в каждой камере стоял унитаз.

Это был так называемый следственный корпус – в нем содержались «первоходки», то есть дожидающиеся первого в своей жизни судебного процесса в качестве обвиняемых. И хотя каждый, кто попадал в советскую тюрьму, знал о существовании оправдательного приговора, реальность была иной: вся система советского уголовного судопроизводства практически исключала оправдание. Даже если обвиняемый совершенно точно невиновен, но уже «закрыт» и дожидается суда в СИЗО, то ему дадут или условный срок, или ровно такой, какой он уже отсидел, отпустив его лишь из зала суда после оглашения приговора. Ничто не должно было дискредитировать советскую судебную систему.

Водворение Азадовского в тюремную камеру происходило рутинным образом: «шмон», сдача под опись личных вещей, душ, получение матраса с подушкой (ясное дело, без белья) и путь по галереям Крестов с этажа на этаж в сопровождении конвойного от приемника до будущего местожительства. В камере были в основном молодые пацаны – лет от 18 до 20, но были и люди постарше (об одном из них речь пойдет далее). В этой камере Азадовский проведет два с половиной месяца, ничего не зная ни о судьбе Светланы, ни о здоровье матери. Его ни разу не вызовут на допрос, словно забыв о его существовании. Каждый день он ждал, что его пригласят к следователю или адвокату – ведь других сокамерников «дергали» чуть ли не ежедневно. Но увы! И в этом информационном вакууме он находился почти два месяца.

О своем тюремном быте Азадовский вспоминал впоследствии редко и нехотя, и об этом периоде его тюремно-лагерной эпопеи мы располагаем очень скудными сведениями. Однако в 1993 году, когда петербургские литераторы делились мнениями (а некоторые –

воспоминаниями) по случаю 100-летия Крестов, он все-таки высказался в одном интервью:

> Первое впечатление – это ужас! Ужас наводит все: обстановка, голые выкрашенные стены, водопроводные трубы, грязь. В этих условиях каждый штрих, каждая деталь вызывает у «новичка» только одно чувство – чувство ужаса.
>
> …Нельзя требовать от человека, чтобы он мог противостоять совершенно ненормальным, аморальным условиям и нести ношу, которая явно не предназначена для среднего нормального человека. Есть люди с ранимой психикой, есть люди очень восприимчивые, есть люди физически слабые. В конце концов, как мы знаем, например, из романа Д. Оруэлла, есть средство сломать любого человека. Нужно просто найти эти средства. Я много видел людей, которые ломались в тюрьме, ломались на зоне. Они причиняли вред другим людям. И они заслуживают осуждения. Но все-таки надо прежде всего задать вопрос себе самому: а мог бы я не дрогнуть или не сломаться, если бы мне сказали: «Не подпишешь – будешь сидеть еще 5 лет». Смог бы я не сломаться, если бы меня там начали избивать?.. К счастью, я сам не попадал в такие экстремальные ситуации.
>
> …Всего в Крестах, кажется, около тысячи камер. И в каждой камере 4 спальных места – 4 «шконки». Значит, в Крестах должно бы находиться 4 тысячи человек. Так вот, в тех камерах, в которых мне удалось побывать, число людей колебалось от 10 до 16. Наверное, это представить себе трудно. Этого я не видел ни в каких фильмах и не читал ни в каких книгах. Сразу возникает вопрос: как спать, как попасть на спальное место, лечь на матрац, положить голову на подушку и накрыться шерстяным одеялом. Тут целая наука, точнее, иерархия. Входящий в камеру, особенно входящий впервые, никогда не попадает на привилегированное место, на «шконку». Путь «наверх» начинается с места на полу, под «шконкой». Когда я оказался в камере, мне сразу объяснили, где мое место – место новичка-первоходки. Потом началось мое «восхождение». Кто-то уходил на суд или на этап, можно было передвинуться, завязывались какие-то отношения – я стал вписываться в эту систему. Но первые дни – это как раз были рождественские праздники 80-го года – я провел под «шконкой» и говорил себе: для такого человека, как ты, здесь, вероятно, и место в этой стране.

Позиция Азадовского, занятая им при первом допросе 19 декабря 1980 года, оставалась неизменной: он полностью отрицал какую-либо причастность к наркотику и продолжал обвинять милиционера Хлюпина, подложившего, по его убеждению, пакет с анашой. Все сокамерники были в курсе его ситуации, а потому, вероятно, оперативники, хорошо осведомленные о разговорах в камере, понимали, что вызывать Азадовского на допрос не имеет никакого смысла.

Именно в Кресты к нему пришел адвокат. Это был не обязательный адвокат, какой полагается каждому арестованному и каких на жаргоне именуют «положняковый», а не без труда найденный друзьями. Им оказался маститый ленинградский адвокат Семен Александрович Хейфец (1925–2012), который позднее, уже в 1990-е годы, слыл легендарным, а под закат жизни почитался в адвокатском сообществе едва ли не наравне с А.Ф. Кони: был награжден званием «Почетный адвокат России» и стал обладателем золотой медали имени Ф.Н. Плевако – высшей награды российской адвокатуры.

Но в тот момент Азадовский не слишком мог оценить талант Хейфеца – он имел с ним только одну-единственную (да, именно так: первую и последнюю) встречу 18 февраля 1981 года – при закрытии уголовного дела. Хейфец, который пришел на встречу со своей помощницей (Аллой Казакиной, выпускницей юрфака), был немногословен; никаких сведений с воли от него получить не удалось. Но составленные им ходатайства – они касались в основном истребования необходимых для суда материалов – были вполне профессиональными.

У других заключенных свидания с адвокатами происходили часто, и товарищи по нарам возвращались всегда со свежими сведениями, а то и сигаретами или жевательной резинкой. К Азадовскому же, судя по всему, адвокатов просто не допускали, тем самым

лишив его права на защиту. Но и долгожданная встреча с защитником обернулась для него горьким разочарованием. Хейфец ничего не сообщил ему о Светлане, лишь его помощница вскользь упомянула, что та полностью признала вину. И еще одну фразу, что-то вроде: «Пытается и Вас выгородить, дала показания…» Это совпадало с тем, что Азадовский слышал от Арцибушева 19 декабря. Кроме того, он только теперь узнал, что его уголовное дело выделено в отдельное производство, что вообще не поддавалось никакому разумению.

Ни Хейфец, ни его помощница не сообщили Азадовскому самого главного, о чем они сами наверняка знали: что суд над Светланой уже назначен и что он состоится на следующий день – 19 февраля.

Конечно, Азадовский был не первым советским узником, попавшим в ситуацию полного неведения. Он, однако, не до конца понимал, что отсутствие вызовов на допросы и встреч с адвокатом – давно отработанная тактика: следователь, если ему это нужно, стремится лишить подследственного каких бы то ни было соприкосновений с «волей». Об этом свидетельствует Владимир Буковский:

> Главное оружие следователя – юридическая неграмотность советского человека. С самого дня ареста и до конца следствия гражданин Н. полностью изолирован от внешнего мира, адвоката увидит, только когда дело уже окончено. Кодексов ему не дают, да и что он поймет в кодексах? Вот и разберись: о чем говорить, о чем не говорить, на что он имеет право, а на что – нет?

Следует сказать, что согласие адвоката Хейфеца защищать Азадовского порадовало далеко не всех. Особенно недоверчиво были настроены те, кто понимал суть процессов такого рода и что-то знал о них, хотя бы из собственного опыта. Ведь Хейфец был не только известным адвокатом, но и адвокатом с так называемым допуском, и с его именем связывались дела, в которых он не слишком помог своим подзащитным.

Об этой системе «допусков» пишет адвокат Дина Каминская (1919–2006), защищавшая в свое время таких именитых «врагов советского государства», как Владимир Буковский (1967), Юрий Галансков (1967–1968), Анатолий Марченко (1968), а потом лишенная статуса адвоката и вынужденная в 1977 году эмигрировать:

> По действующим законам все адвокаты могут вести во всех существующих в стране судах любые уголовные и гражданские дела. Однако в действительности права адвокатов и подсудимых нарушаются самим государством. Я имею в виду систему допуска.
>
> Суть этой системы заключается в том, что по делам, расследование по которым производилось КГБ (это почти все политические дела, а также дела о незаконных валютных операциях, связанных с иностранцами, и некоторые другие), допускаются только те адвокаты, которые получают специальное на то разрешение.
>
> Напрасно специалисты по советскому праву стали бы искать в законах СССР какое-либо указание или намек на систему допуска.
>
> И уголовно-процессуальный кодекс, и «Положение об адвокатуре» исходят из полного равенства всех членов коллегии. Ни опыт, ни способности не дают никаких преимуществ ни в праве на выступление в любых судах и по любым делам, ни в размере гонорара. Фактически же неравенство существует. И это неравенство определяется лишь степенью политического доверия адвокату. Формальным показателем этого доверия является наличие «допуска».
>
> Президиум коллегии, по согласованию с КГБ, определяет число адвокатов, которым такой допуск предоставляется. (В Москве его имело примерно 10 % от общего числа адвокатов, то есть 100–120 человек.)
>
> Допуск всегда дается всем членам президиума коллегии, всем заведующим и всем секретарям партийных организаций юридических консультаций. Кроме того, от каждой консультации допуск получали 3–4 рядовых адвоката, чаще всего члены партии. Я в течение нескольких лет тоже имела такой допуск. (Наверное, я была не

> единственная, но вспомнить, кто еще из беспартийных имел допуск, не могу.)
>
> Надо подчеркнуть, что нельзя ставить знак равенства между допуском адвоката по делам, расследуемым КГБ, и обычной формой получения допуска к секретной документации, которая существует для всех граждан Советского Союза, работающих на секретных предприятиях. Это неравнозначно потому, что большинство тех дел, по которым адвокату требуется допуск, не содержит никаких секретных сведений и документов и часто дела эти даже слушаются в открытых судебных заседаниях.
>
> Государство, которое строго контролирует любое публичное высказывание, имеющее идеологический или политический характер, не могло дать согласие на неконтролируемое использование судебной трибуны адвокатом, не прошедшим дополнительной проверки на политическое послушание. Я довольно быстро была лишена допуска. Не за разглашение каких-то секретных сведений, которых, кстати, ни в одном деле, рассматривавшемся с моим участием, вообще не было. Я лишена была допуска по той причине, что не выдержала этого экзамена на политическое послушание.

О том, какой шлейф тянулся за Семеном Александровичем, можно понять из фрагмента записок его однофамильца – Михаила Рувимовича Хейфеца, арестованного в 1974 году и обвиненного по статье 70 УК РСФСР за предисловие к самиздатскому собранию сочинений Иосифа Бродского, изготовление копий эссе Андрея Амальрика «Просуществует ли Советский Союз до 1984 года?» и тому подобные вещи. Он был осужден на 4 года ИТЛ и 2 года ссылки и после освобождения в 1980 году уехал в Израиль. В своей книге воспоминаний он делает отступление о «еврейских» профессиях, совсем не лишнее в контексте нашего повествования:

> Или возьмем другую «еврейскую» работу: адвокаты с «допуском» к особо важным делам, то есть делам, которые ведет КГБ. Моя жена со смешком рассказывала после суда: «Знаешь, Мишка, я хотела нанять тебе русского адвоката – ну, чтобы не создавалось впечатления, что свой своего покрывает, – ни одного русского не нашла». Так вот, в лагере этих адвокатов зовут «карманными»: они находятся в кармане у КГБ – из одного кармана оно вынимает тебе прокурора, из другого адвоката. Адвокаты, важнейшие помощники следствия на процессе, используются КГБ для выполнения таких тонких дел, которые собственным дуболомам из аппарата не под силу. Именно такую роль, «подстилки КГБ», например, сыграл – увы! – мой однофамилец адвокат Хейфец на процессе моего товарища В. Марамзина, склонив его к «чистосердечному раскаянию» и «отпору Западу» – сами следователи не могли бы сделать это лучше. Но Хейфец из лучших: за политические услуги, оказанные обвинению, он умеет выбить значительное снижение срока заключения, остальные не требуют и этого, радуясь лишь похвале презирающих их кагебистских шефов…

Владимир Марамзин был арестован, как и Михаил Хейфец, в 1974 году за составление машинописного собрания сочинений Иосифа Бродского, а также за распространение запрещенной литературы – книг М. Джиласа, А. Солженицына и др. На суде в феврале 1975 года он признал свою вину и написал покаянное письмо, переданное через МИД СССР во Францию и опубликованное в газете «Le Monde», а по-русски – в «Ленинградской правде» от 21 февраля. В результате такого беспрецедентного раскаяния он получил 5 лет лишения свободы условно, с разрешением выехать во Францию (куда и прибыл в том же году). Обосновавшись в Париже, Марамзин много сделал для правозащитного движения (рассказ о его помощи Азадовскому, с которым он был знаком лично, впереди).

Что касается такого «раскаяния», которое в общем-то можно назвать сделкой со следствием, то вряд ли найдется человек, который осмелится сказать что-либо порицающее в адрес Марамзина. Тот, кто уже находится в узилище и кому грозит длительный срок, имеет, нам кажется, право сделать выбор в пользу свободы, избежав таким образом нескольких лет

заключения. Нужно понимать состояние этого человека, по сути находящегося на дыбе. А поскольку в 1970-е годы советская власть стала проявлять гуманность и попросту высылала диссидентов за границу, то не будем упрекать тех немногих счастливчиков, которым удалось этим воспользоваться.

Проблема в том, что намного чаще такие сделки заканчивались не освобождением в зале суда с последующей отправкой в Париж или Вену, а реальным сроком, который потом еще и «накручивался» в тюрьме или на зоне. Когда же обвинение выступает со статьей, подразумевающей в качестве наказания высшую меру, то покаяние может и не повлечь за собой реальных последствий – человек в этом случае кается без всяких надежд на освобождение, только ради сохранения жизни. Вспомним дело ленинградского распорядителя Фонда Солженицына В.Т. Репина, арестованного в 1981 году; он дал обширные признательные показания и был приговорен к двум годам заключения и трем высылки, хотя поначалу ему грозило наказание вплоть до высшей меры. Об этом деле сообщает ленинградец Валерий Ронкин (1936–2010), бывший политзаключенный:

> Я очень боялся за судьбу Вени [Иофе] и других людей, которых называл Репин. Тогда я еще не знал, что Репина чуть ли не год пугали расстрелом, арестом жены и помещением ребенка, родившегося уже после его ареста, в детский дом. Жаль хорошего парня, которого изломала система.

Адвокат Хейфец был участником громких политических процессов как задолго до 1981 года (например, нашумевшее «самолетное дело» – о попытке захвата самолета 15 июня 1970 года группой отказников-евреев), так и позже, однако его бывшие подзащитные отзывались впоследствии о его «помощи» на удивление единодушно. Когда в 1983 году за хранение запрещенной литературы был арестован очередной ленинградский «политический» – филолог М.Б. Мейлах, то и ему по счастливой случайности достался тот же самый защитник, о котором он спустя несколько лет напишет: «Появился адвокат Хейфец (о котором нельзя даже было сказать “адвокат – нанятая совесть”, так как совести он не имел)». Относительно пользы, которую этот адвокат мог оказать, М.Б. Мейлах делает такую ремарку: «Совершенно бесполезный адвокат, по моим представлениям, годный лишь служить почтальоном». Здесь еще раз отметим: Хейфец в деле Азадовского на себя не взял даже скромной роли почтальона.

В любом случае парижская «Русская мысль», в которой к тому времени уже активно сотрудничал упоминавшийся выше В. Марамзин, никоим образом не могла знать, как и почему Хейфец вошел в дело Азадовского. Однако вывод газетой был сделан следующий: «Факт назначения С. Хейфеца адвокатом Азадовского еще раз указывает, что реально этим делом занимаются органы госбезопасности».

Вернувшись в камеру после встречи с Хейфецем, Азадовский стал обдумывать ситуацию. Как узнать, что происходит со Светой? Что значит «дала показания»? Пытается выгородить? Это могло означать лишь одно: Светлана, все обдумав и взвесив, пытается взять на себя еще и те эпизоды, которые следствие инкриминирует ему. Цель – снять с него обвинение, поставить суд перед необходимостью его освободить.

Но так ли это? Как узнать правду? Можно ли связаться со Светой – она ведь находится совсем близко, на женской половине Крестов. Эти мысли неотступно сверлили мозг, угнетали его и мучили. Что придумать?

Найти выход ему помог один из сокамерников.

Он был посажен то ли за кражу, то ли за мошенничество и проходил, сколько можно было понять из его глухих проговорок, по ведомству БХСС (Главного управления по борьбе с хищениями социалистической собственности МВД). На вид он был чистый аферист – обаятельный еврей, умный, острый на язык… Звали его Вадим Розенберг (но в камере называли Фимой); его слова и мнения были, как правило, дельными, в отличие от детского лепета остальных сокамерников. И довольно быстро в том мире, в котором, как известно, не верят – не боятся – не просят, у Азадовского появился товарищ. Фима действительно

старался помочь ему морально, участливо выслушивал, подсказывал, давал советы. В сущности, он оказался в тот период единственным собеседником Азадовского, с остальными было просто не о чем говорить. (В ретроспективной оценке это обстоятельство также представляется частью общего замысла, который реализовывался в отношении Азадовского.)

Конечно, в глубине души он не слишком доверял Фиме и совершенно не откровенничал с ним: не делился своими мыслями по делу, не называл имен, не сообщал фактов… Но Фима и не настаивал, понимая обстоятельства, однако всячески подчеркивал, что готов помочь. А коммуникативные таланты у него были блестящими – в этом Константин мог не раз убедиться. Розенберг запросто общался с теми, кто является в тюрьме посредником между заключенными и внешним миром: с «баландёрами» (осужденными, раздающими еду) и «контролерами» (надзирателями); именно через них и осуществляется обычно отправка и доставка «маляв». Азадовский не раз видел, сколь успешно Фима оказывал содействие своим сокамерникм – «малявы» уходили по адресу, затем приходил ответ… Что это также могло быть оперативной «игрой», ему вовсе не приходило в голову.

Что беспокоило Азадовского намного серьезней, так это «дружеские» поползновения Фимы иного рода. В своей жалобе в ЦК КПСС от 15 февраля 1982 года он писал: «Я был помещен в камеру с намеренно подобранными в ней заключенными, и один из них, В.Г. Розенберг, постоянно и целенаправленно провоцировал меня на действия, наказуемые по ст. 121 УК». Статья эта карала за мужеложество, притом срок по ней был до 5 лет. Другими словами – мы можем это утверждать определенно, – ленинградские органы, желая вменить Азадовскому еще какую-либо статью (история с фотографиями – одна из таких попыток), прощупывали его на предмет гомосексуальных наклонностей, с тем чтобы в случае положительного эффекта спровоцировать его на какие-либо действия, а затем осудить еще и по 121-й статье, которая, как известно, не обещает осужденному легкой жизни в ГУЛАГе. Ленинградец Л.С. Клейн, который был 5 марта 1981 года арестован формально именно по этой статье, писал впоследствии: «Коллеги арестованного [Азадовского] были уверены, что наркотики ему подброшены при обыске. Заодно многих его приятелей пытались обвинить на допросах в гомосексуальных сношениях с ним». То есть в данном случае Розенберг совершенно точно участвовал в провокации.

Однако Азадовского заботила Светлана. Фиму постоянно вызывали, как он говорил, «на допросы», с которых он возвращался и сообщал Азадовскому детали, живо его волновавшие. Главным образом о Светлане. Однажды, ссылаясь на случайный разговор со знакомой контролершей, сказал, что Светлана сошла с ума. В другой раз сказал, что его вызывали не по его собственному делу, что следователь расспрашивал его о сокамерниках, в том числе об Азадовском. При этом он стал расспрашивать Азадовского: что же такое он все-таки натворил, если дело у него по 224-3, а вопросы задаются такие, что тянет, похоже, на 70-ю. Азадовский старался понять, что в этих словах правда, а что говорится для того, чтобы сбить его с толку. А однажды в начале марта (следствие по делу Азадовского уже подходило к концу) Розенберг даже признался, что его «прижали к стенке» и заставили подписать какие-то показания.

Наряду с терзаниями о судьбе матери и Светланы Азадовский каждый день задавался вопросом об истинных истоках своего уголовного дела. Диссидентскую линию он отметал изначально – он не участвовал ни в каких диссидентских акциях. А потому хотелось понять, почему именно он стал жертвой. И сколько он ни искал ответа на этот вопрос, не мог найти в своих действиях ничего такого, что тянуло бы на «уголовное дело». Оставалось, собственно, только два варианта. И оба – в высшей степени бытовые. Мы приведем их (в сокращении) по тексту жалобы Азадовского в ЦК КПСС, отправленной уже весной 1982 года из колымского лагеря:

> 1. Осенью 1978 г. из ЛВХПУ им. В.И. Мухиной был по моей инициативе уволен за пьянство и прогулы М.М. Равич, преподаватель кафедры, которой я руководил. Увольнение Равича протекало крайне болезненно, в нервной обстановке, ибо на защиту пьяницы и прогульщика выступили его друзья – А.А.

Соловьев, бывший секретарь Училища (ныне инструктор Отдела культуры в Ленинградском обкоме КПСС), и сменивший его на посту секретаря партбюро В.Я. Бобов. И тот, и другой активно воздействовали на ректорат и общественные организации Училища, пытаясь спасти Равича от увольнения. Ситуация усложнилась тем, что и сам Соловьев был в свое время уличен мною в серьезном проступке – незаконной выдаче М.М. Равичу служебной характеристики для поездки в Польшу. Тем не менее администрация Училища приняла, в конце концов, решение уволить Равича. Народный суд Дзержинского р-она г. Ленинграда, куда обратился Равич с заявлением о восстановлении его на работе, поддержал решение администрации и вынес ряд частных определений в адрес руководителей Училища… Тогда же – и в Училище, и в своем выступлении на суде – я со всей остротой ставил вопрос о привлечении Равича не только к административной, но и к уголовной ответственности. В течение ряда лет Равич систематически присваивал себе общественные деньги, используя в частности свои ежегодные командировки в совхоз в качестве руководителя студентов на с/х работах… После увольнения Равича и он сам, и его друзья и знакомые не раз открыто высказывали угрозы в мой адрес. В январе 1980 г., явившись на кафедру в пьяном виде, Равич заявил, что «будет мстить мне всю жизнь», «припомнит мне дело Славинского» и т. п. Равич между прочим сказал тогда, что мне осталось работать в Училище совсем недолго и что он «вместе с Соловьевым», имеющим личные связи в органах КГБ, меня «посадит».

2. Тогда же, осенью 1978 г., пришлось и мне самому обратиться за помощью в Прокуратуру и Народный суд. 5 ноября 1978 г. против меня и Лепилиной было совершено преступление. Гр. А.А. Ткачев, сосед Лепилиной по квартире, будучи пьяным, взломал торцевым ключом дверь в комнату Лепилиной и, грубо оскорбляя ее, намеревался избить. Ткачев переломал в квартире мебель, порвал одежду на знакомом Лепилиной, С. Молчанове, пытавшемся сдержать хулигана, и т. д. Когда вызванный Лепилиной по телефону, я приехал к ней, Ткачев нанес мне сильный удар по голове, после чего я вынужден был обратиться в травматологический пункт. Однако заявление, поданное Лепилиной и мной на имя Начальника РУВД Дзержинского р-она г. Ленинграда, не повлекло за собой ожидаемого результата. Дело о преступлении, совершенном Ткачевым, было закрыто после недолгого и чисто формального расследования. Инициатором закрытия дела оказался знакомый Ткачева, сотрудник ГУВД Ленгорисполкомов, майор Баду М.Г…Возмущенный вмешательством Баду в дело, которое не было ему поручено, я обратился с жалобой в Прокуратуру г. Ленинграда… Дзержинский районный суд (судья Гусаров), всячески стремясь смягчить меру наказания, приговорил Ткачева к одному году (условно) с удержанием 20 % заработка… Я вновь обратился с жалобой в Прокуратуру г. Ленинграда и настойчиво просил лишить майора Баду возможности воздействовать на органы правосудия… В апреле 1979 г. меня вызывал к себе прокурор Прокофьев, который между прочим заявил мне, что я «слишком много жалуюсь» и буду за это «нести ответственность»… После осуждения Ткачева его мать, З.И. Ткачева, тесно связанная с милицией Дзержинского района… установила за Лепилиной настоящую слежку, донимала ее в квартире грубыми обвинениями и угрозами, писала на нее и меня клеветнические заявления в различные инстанции…

Итак, «бытовуха» (во втором случае – коммунального извода). И как после этих «битв конца семидесятых», в которые он невольно оказался втянутым, Азадовскому было думать о какой-то политической подоплеке дела? Он был совершенно уверен, что не было и нет никакой «политики», а есть только месть. Сработали личные связи его недоброжелателей: Ткачев – Баду, с одной стороны; Равич – Соловьев – Бобов и их знакомые в партийных и правоохранительных органах, с другой.

Получалась, однако, очень уж громоздкая и нелепая комбинация: Светлане подложили наркотики и взяли с поличным; ему подбросили наркотики при обыске и на этом основании арестовали; привлечено множество людей, целый милицейский отдел; скоро будет суд, и они

оба наверняка получат реальные сроки. И все это из-за увольнения преподавателя или пьяных домогательств соседа? Учитывая реалии российско-советской жизни, куда проще было бы дать назойливому правдолюбу в парадной все того же дома 10 по улице Восстания металлической трубой по голове; минимум усилий – максимум эффекта.

Это несоответствие сознавал и сам Азадовский; но по природной своей мнительности, развившейся у него, должно быть, после событий 1969 года, а также по врожденной привычке доверять только фактам он оставался в плену своих мыслей о заговорах коммунального толка, не выходил за рамки причинно-следственных категорий. Ведь он совершенно точно знал, что никаких политических дел за ним не числится…

Записка Светлане

Кроме собственной судьбы, которая не могла не беспокоить Азадовского, у него в Крестах (да и все дальнейшее время – вплоть до самого освобождения) были две незаживающие раны: Светлана, за судьбу и душевное состояние которой он не переставал тревожиться, и мать, которая была обречена на гибель, окажись она в полном одиночестве. Больная, убитая горем женщина 75 лет находилась уже в том положении, когда заботиться о себе самой становится трудно, а кроме сына и Светланы у нее никого не было.

Если относительно матери все было предельно ясно, то мысли о Светлане метались и теснили друг друга. С одной стороны, он был уверен в том, что Светлана не употребляла наркотики, с другой стороны, их все-таки у нее нашли. Он знал из постановления на собственный арест, что Светлану задержали с наркотиками во дворе его дома. При этом если у него самого наркотики «нашли» при обыске и он о них даже не подозревал, то у Светланы их нашли при себе, то есть она в этом как-то замешана. Что Светлана не могла их употреблять, покупать или продавать, он был уверен, но тогда что все это могло означать? Тем более и Арцибушев, и помощница Хейфеца сказали ему, что она во всем «призналась» и «дала показания». Он терялся в догадках.

Как у нее оказались наркотики? Где именно ее задержали, во дворе или уже на лестнице? Что такого она могла сказать на допросе, что к нему на утро явились с обыском?

Постепенно поступающие через баландёров и тюремную почту крохи сведений о Светлане, в чем ему энергично помогал Розенберг, начали обретать ясные очертания: он узнал, что Светлана настолько морально сломлена ситуацией, что стоит на грани помешательства. Что она дала исчерпывающие признательные показания: дескать, втайне от Кости прятала наркотики у него дома.

Последнее обстоятельство было для Азадовского страшным ударом – ведь он был с самого начала уверен, что наркотики подброшены при обыске; но тут выяснялось, что он арестован по глупости и неосмотрительности его жены, влипшей в какую-то странную историю. Зачем? Как она могла так поступить?

Но если рассматривать их как подельников, а Светлана берет всю вину на себя, то суду поневоле придется его оправдать. Но так ли это? Как в этом убедиться? Нужно любой ценой добиваться очной ставки. И вечером того самого дня, когда к нему приходил Хейфец, он подал в «кормушку», через которую заключенные обычно и подавали письменные прошения, заявление в следственный отдел Куйбышевского РУВД:

> Сегодня, 18 февраля 1981 г., в момент закрытия уголовного дела, возбужденного против меня по ст. 224 ч. 3, мне стало известно о показаниях моей знакомой, Лепилиной Светланы Ивановны, также находящейся в настоящее время в следственном изоляторе.
>
> Лепилина показывает, что обнаруженное у меня во время обыска наркотическое вещество было спрятано ею у меня в квартире без моего ведома. Кроме того, осенью 1980 г. Лепилина неоднократно надевала и носила принадлежащую мне пальто-дубленку, в кармане которой найдено 0,2 гр. анаши.
>
> В связи с тем, что показания Лепилиной существенно меняют картину дела,

прошу произвести мне очную ставку с Лепилиной.

Азадовскому порой казалось, что он все же улавливает логику происходящего. Светлана, признав вину за найденный у нее пакетик с анашой, пошла дальше – созналась и в том, что ей принадлежит наркотик, обнаруженный в его квартире, а также крупицы анаши в карманах его дубленки. Без сомнений, Светлана пытается его выгородить. Она делает это потому, что знает: ей в любом случае не избежать обвинительного приговора – ведь наркотик был обнаружен при ней, ее взяли, как говорится, «с поличным». И еще, вероятно, потому, что приняла решение: один из них должен выйти на свободу, чтобы действовать и помогать беспомощной Лидии Владимировне. Таков был ход его размышлений.

По сути, признательные показания Светланы полностью разрушали предъявленное ему обвинение. Ведь Светлана наверняка признала, что использовала его квартиру как тайник без его ведома. В этом случае следствию и суду ничего не остается, как выпустить его на свободу. Но тут уже вступали в игру другие чувства: имеет ли он право выйти на свободу такой ценой?

Так он рассуждал, шагая по камере и терзаясь все новыми вопросами. Неясность еще более усилилась, когда Фима Розенберг, вернувшись с очередного допроса, сообщил ему, что суд над Светланой состоялся, что она осуждена и получила полтора года. Откуда Фиме это известно? – Сообщил следователь, который в курсе «дела Азадовского».

Если Свету уже осудили и она получила полтора года, значит, она точно признала и его эпизоды, ведь за один найденный у нее пакетик ей, как ранее не судимой, имеющей работу и положительную трудовую характеристику, не дали бы так много. Значит, она признала и свою, и чужую вину… Но если так, то его должны со дня на день освободить. Почему же его так долго никуда не вызывают?

Он терялся в догадках и наконец пришел к выводу: от него просто пытаются скрыть тот факт, что Светлана признала себя виновной и по его эпизодам. Ведь иначе его обвинение полностью разваливается. Его будут судить отдельно, и все его ходатайства о вызове Светы в суд будут отклонены, потому что теперь задача органов – скрыть ее показания от суда и прокуратуры. И никакой очной ставки тоже не будет.

Для него медленно стало проясняться и то, что еще недавно казалось загадкой: почему вопреки здравому смыслу и юридической логике их уголовные дела оказались разведенными. Теперь понятно: с ними хотят расправиться поодиночке, это намного легче. Можно ли воспрепятствовать этому вопиющему беззаконию? Если да, то каким образом? Нужны какие-то свидетельства, которые никакой суд не сможет игнорировать, например письменные показания Светланы. Имея их при себе, он сможет ходатайствовать о вызове Светланы в суд.

Именно тогда и возник вариант, конечно не идеальный, но, как казалось в той ситуации, вполне удобоваримый (выбора, увы, особенно не представлялось). Ушлый Розенберг придумал следующее: надо послать Светлане записку и получить от нее показания. Но как? Поскольку у Светланы 16 февраля был день рождения, можно собрать небольшой подарок и спрятать в него записку. Передать такой сверток, сказал Фима, не составит труда – тюремная романтика всегда в почете. И заверил, что использует все свои тюремные связи, чтобы помочь сокамернику, с которым они были уже, что называется, «по корешам».

И вот, собрав небольшую посылку, удивительно скудную по меркам людей на воле, но ценную в условиях тюремного быта: кусок мыла, карандаш, несколько леденцов, – Константин пишет Светлане записку и отдает весь этот «подарок» Розенбергу. Приведем текст записки (полностью):

Тузик, роднуля! Наши дела развели, видимо, для того, чтобы снять твои показания, доказывающие мою полную невиновность. Как быть?

Меня явно хотят посадить на три года. Поэтому: не отступай от своих показаний, которые ты дала в декабре, особенно на суде. Я требую сейчас очной

ставки с тобой и буду требовать твоих показаний на суде (у меня). Только твердость и последовательность твоих показаний могут спасти меня.

На вопрос, откуда я знаю о твоих показаниях, я буду отвечать: через баланду. Попросил баландеров передать тебе привет, а ты в ответ сообщила мне о своих показаниях. Было это где-то в январе.

На всякий случай, если тебе не дадут говорить в мою защиту, то мне нужно иметь на руках записку от тебя. Напиши ее в виде письма ко мне и сообщи, как и почему ты спрятала на стеллаже между окнами завернутую в фольгу анашу (4-я полка снизу) и когда ты надевала мою дубленку.

Помни, после [моего] суда эти твои показания уже не будут иметь значения. На это, видимо, у них и расчет.

Итак, мне нужно от тебя письмецо ко мне – твое признание – как документ, как свидетельство.

Мой бесконечно родной, мой добрый и несчастный Тузик. Я ежедневно и еженощно думаю о тебе. Сколько бы лет мы ни получили, где бы мы ни были – я всегда с тобой. Если освобожусь, сразу же найду тебя. Держись, роднуля. У меня все в порядке: здоров и бодр.

Ко дню рождения твоему (прошедшему) – эти мелочи.

Очень жду ответа.

(Напиши, где тебя задержали: на улице, во дворе или парадной; показала ли ты, что шла в квартиру 51?)

Понимал ли Константин, что любая записка в тюремных условиях – операция рискованная? Понимал ли он, что такой сокамерник, как Фима Розенберг, – не лучший сообщник в столь тонком деле? Понимал ли, что его записка, как и любая «малява», легко может стать добычей оперчасти?

Да, он все это понимал, но не видел других вариантов, и отсутствие альтернатив придавало ему смелости в осуществлении задуманного. Но он явно недооценивал возможных последствий в случае неудачи. Содержание записки казалось ему безобидным: он не видел в ней ничего такого, что может навредить ему, тем более Светлане – ведь суд над ней уже состоялся. К тому же просит он всего-навсего подтвердить ее собственные показания, данные ею на суде и отраженные в материалах ее дела, а также просит не менять их в будущем. Пояснения насчет фольги и дубленки – это как бы напоминания, но важные, поскольку для него оставался нерешенным вопрос, признала ли она оба эпизода из его обвинения или только один (отсюда и слова про дубленку).

Что мы можем сказать сейчас об этом замысле подследственного? Конечно, Азадовский был дезинформирован (то есть еще хуже – он был начисто лишен любой информации, кроме неясных намеков от Хейфеца и скудных сведений от сокамерника) и, кроме того, деморализован. Он пытался действовать и – совершил ошибку. Не потому даже, что отправил записку, содержание которой без труда можно истолковать не в его пользу. А потому, что сел за карточный стол с чертом, да еще возомнил, что сумеет его переиграть. Проще говоря, переоценил свои силы. Позднее, поняв, сколь наивен был этот поступок и сколь опрометчив в той сложившейся критической ситуации, он всегда вспоминал об этом эпизоде с горечью и досадой.

«Малява» осталась безответной. Зато через несколько дней его вызвал следователь, предложивший подписать обвинительное заключение. Азадовский отказался от подписи. Это было с самого начала его принципиальной позицией – не подписывать никаких бумаг, демонстрируя тем самым последовательное и неуклонное непризнание вины. При этом он понимал, что отказ от подписи не слишком играет на руку обвиняемому, настраивая против него всех причастных к делу работников следствия, суда и т. д. Впрочем, что касается приговора, то отказ от подписи не имел особенного значения: срок все равно неизбежен.

После этого следователь совершил процедуру, предусмотренную статьей 201 УПК РСФСР: в его присутствии Азадовский смог ознакомиться с материалами, собранными следствием. Прочитал характеристику из Мухинского училища, полистал бумаги, связанные

с делом Славинского, увидел и свое приобщенное к делу заявление с просьбой об очной ставке со Светой. Узнал также, что все ходатайства, заявленные Хейфецем, были следователем рассмотрены и, разумеется, отклонены.

Оставалось ждать, когда будет объявлен день судебного заседания.

Однако буквально накануне суда выяснилось, что адвокат Хейфец не будет участвовать в процессе. Это было и неожиданно, и необъяснимо. Если даже не входить в причины, почему Хейфец отказался защищать Азадовского, сам факт был очень невыгодным для обвиняемого, поскольку со стороны это выглядело следующим образом: Азадовский наотрез отказывается признавать за собой какую-либо вину, а адвокат отказывается его защищать – вина подзащитного настолько для него бесспорна, что он не видит никаких способов оправдать его в глазах суда. Получалось, что даже Хейфец, опытный и известный в городе адвокат, бессилен перед собранными доказательствами (хотя формально – согласно 51-й статье УПК – «адвокат не вправе отказаться от принятой на себя защиты обвиняемого»).

На деле же произошло следующее: вскоре после своего единственного свидания с подзащитным, приблизительно в начале марта, Хейфец позвонил Зигриде Ванаг, которая заключала с ним договор, и попросил ее зайти в юридическую консультацию. И только здесь, с глазу на глаз, сообщил, что выходит из дела. Он открыто сказал, что дело это «насквозь комитетское» и что милиция там «вообще никак не участвует». Растерянная Зигрида пыталась его переубедить, но Хейфец решительно произнес: «Не могу и не буду этим заниматься». Уплаченные в качестве аванса 20 рублей консультация возвратить отказалась.

Что стояло за этим отказом? Стоит предположить, что к тому времени в ленинградском Большом доме (а возможно, и самому Хейфецу) стало известно о статье в парижской «Русской мысли» от 26 февраля. Появление Хейфеца в роли «защитника» толковалось в этой статье как свидетельство участия КГБ в деле. По-видимому, Хейфец решил (и, кстати сказать, небезосновательно), что его участие в деле Азадовского питает такого рода предположения, и почел за благо выйти из этой набиравшей обороты скандальной истории. Другими же словами, – бросил своего подзащитного за несколько дней до суда.

Для защиты Азадовского Зигрида Ванаг быстро нашла другого адвоката, ровесника Хейфеца, также достаточно известного в городе, – Савелия Михайловича Розановского, в будущем еще одного лауреата золотой медали имени Н.Ф. Плевако. Розановский явился в Кресты за день до суда. Представился, объявил об отказе Хейфеца. После чего подсудимый и адвокат обсудили некоторые детали предстоящей процедуры. Розановский, как и Хейфец, держался сдержанно, впрочем, сообщил про письмо академика Алексеева. Сказал, что не видит в действиях Азадовского никакой вины, что следствие проведено предвзято и что в этом он будет выступать на стороне своего подзащитного.

Это внушало надежду, хотя и слабую.

Суд над Светланой

Чем был примечателен этот суд, состоявшийся 19 февраля 1981 года?

Это был типичный уголовный процесс над человеком, раздавленным советской правоохранительной машиной и тюремной реальностью. То есть первое время Светлана отвергала все обвинения; будучи человеком не робкого десятка, она находила в себе силы для какой-никакой, но борьбы. Но сопротивляться Системе молодая женщина, оказавшаяся в страшной, запутанной ситуации, не умела и не могла.

Как и в случае с Азадовским, доказательства вины Светланы решили усилить. Это удалось сделать благодаря обыску в ее комнатах 20 декабря 1980 года, в ходе которого к изъятым бумагам и книгам добавилось следующее: «В кармане принадлежавшей ей куртки были обнаружены крошки вещества буро-коричневого цвета, впоследствии отнесенного экспертизой к наркотическому веществу», вес крошек составил 0,06 гр. Этим обвинение стремилось доказать, что 4 грамма, изъятые при задержании, не случайность.

Поскольку из Дворца культуры имени Кирова, где Светлана работала машинисткой, следствие получило в целом положительную характеристику, то следователь Каменко позаботился и об отрицательной, получив ее 27 января 1981 года от техника жилконторы:

Характеристика

дана на гр. Лепилину Светлану Ивановну, 1946 г. рождения, русскую, прописанную постоянно по адресу: ул. Желябова, д. 13, кв. 60.

Проживает одна в трех комнатах в 4-х комнатной квартире. Поступали жалобы к участковому инспектору на поведение Лепилиной в быту. Длительное время не работала. Приводила в квартиру посторонних лиц, устраивала оргии до утра. Беспокоила соседей по дому. В товарищеском суде не разбиралась.

В начале февраля Светлане предъявили обвинительное заключение, а также дали уголовное дело для ознакомления. Следователь Каменко пошел даже дальше, чем можно было подумать: он разделил изъятый наркотик и обнаруженные «крупицы», представив их в деле как два эпизода. Другими словами, Светлане инкриминировалась уже не статья 224-3 («незаконное приобретение и хранение наркотических веществ без цели сбыта»), а статья 224-4 («те же действия, совершенные повторно»). И, значит, вместо максимальных трех лет лишения свободы в колонии ей теперь грозило до пяти лет.

То обстоятельство, что это не рядовой уголовный процесс, как то пыталось представить следствие, можно было понять опять же по адвокату, который согласился защищать Светлану и которому коллегия адвокатов дело согласилась доверить. Это был опять же найденный друзьями известный в городе адвокат Илья Михайлович Брейман (1929–1983).

Это был также адвокат с «допуском», а также с серьезной генеалогией политической адвокатуры: он, как и Хейфец, в 1971 году участвовал в деле сионистов – был защитником Г.И. Бутмана, одного из обвиняемых на так называемом втором ленинградском процессе («самолетное дело»), что стоило последнему приговора в 10 лет ИТК строгого режима. После 9 лет лагерей он, вместе с остальными участниками «самолетного дела», в апреле 1979 года получает «разрешение на выезд по соображениям оздоровления оперативной обстановки в стране в связи с подготовкой к Олимпийским играм в Москве». Позиция Бреймана при защите Гутмана на процессе подробно изучалась историком судебных процессов над сионистами И. Слосманом, который отмечал: «Подсудимый, несмотря на отсутствие на месте преступления, сотрудничество со следствием и правдивые показания, был на грани расстрела, и адвокат был не особенно против!»

Кроме того, адвокат Брейман участвовал в деле по обвинению членов ассоциации эстонских немцев, которые 11 февраля 1974 года вышли на демонстрацию перед зданием ЦК КПСС в Москве с требованием разрешить им выезд из СССР на родину. Это событие тогда получило значительный резонанс не только потому, что в Эстонии 17 февраля на улицы вышли триста демонстрантов, но еще и потому, что одна из участниц московских событий приковала себя и двоих сыновей к светофору (в те годы это печально известное здание не имело того внушительного «Великого китайского забора», какой был возведен вокруг него в 2011 году). Процесс над ними проходил в Эстонии и был относительно демократичен. Вот что вспоминает Вальдемар Шульц – один из подсудимых, который и получил от государства защитника Бреймана:

Суд над нами состоялся уже не в Таллине, а в Кехра, маленьком эстонском городке под Таллином. Говорят, каждую машину, въезжавшую в город, проверяли, чтобы не допустить на собрание немцев. Наших активистов, которым позволили присутствовать на суде, при входе в здание суда всячески обзывали и оплевывали. Моей дочери с трудом удалось добиться права присутствовать на заседании суда. От защиты на суде я отказался, так как знал, что приговор привезут из Москвы, но

> перед судом появился назначенный мне защитник Брейман, еврей по национальности. Он пошел на обман, убеждая меня и Бергманна, что его выбрали наши люди по совету Андрея Дмитриевича Сахарова и что он добьется условного наказания… Суд над нами закончился так, как мы с Бергманном и предполагали. Сроки назначили в Москве, и КГБ полностью контролировало процесс. 7 августа 1974 года по приговору суда Петр Бергманн был приговорен к трем годам тюремного заключения, я и Герхард Фаст – к двум.

Если постараться не обращать внимания на столь серьезное участие Бреймана в политических уголовных процессах 1970-х годов, то следует остановиться на его адвокатской тактике, которая, как правило, сводилась к тому, чтобы убедить своего подзащитного в необходимости признательных показаний. Как свидетельствует советская судебная практика, этот метод имел свои преимущества, особенно если обвиняемый к моменту суда уже находился в СИЗО. Поскольку заключение под стражу было уже само по себе лишним свидетельством его вины («невинного человека в тюрьму не посадят!»), то при таком состоянии дел, естественно, суд мягче относился к тем, кто готов был «сознаться», нежели к тем, кто упорствовал и не сознавался «в содеянном».

В случае со Светланой это было непросто – она никакой вины за собой не признавала; настаивала на том, что испанец Хасан, место жительства и учебы которого она сообщила следствию, вручил ей подарки и пакет с лекарством для передачи; при задержании она испугалась, и пакет у нее вывалился наружу вместе с остальными выпавшими вещами; наркотики никогда и нигде не употребляла и готова пройти все необходимые медицинские экспертизы.

Небогатые доказательства, собранные следствием, сводились, собственно, к двум фактам: сам наркотик и «крупицы» из карманов куртки. Но пакетик не исследовался на наличие отпечатков пальцев (что было уже поздно делать, да и не входило в планы милиции), а изъятие содержимого карманов куртки, как и обыск в комнатах Светланы 20 декабря, были произведены с нарушениями УПК, в отсутствии самой Светланы и даже без представителя жилконторы. То, что у нее при обыске были изъяты книги, не имело в ее уголовном деле никаких процессуальных следов – ни экспертиз, ни дополнительных постановлений следователя на этот счет.

Кроме того, в обыске, как выяснилось, принимала участие соседка Светланы, мать осужденного Ткачева. Она не только давала показания по делу и участвовала в следственных действиях в качестве понятой, но и с разрешения милиции изымала «свои» вещи – это впоследствии станет предметом особого разбирательства.

Столь ревностное усердие соседки, которая долгие годы надеялась женить своего сына на Светлане и, в общем-то, хорошо к ней относилась, имело свою вескую причину. Дело в том, что, по существующему законодательству, действовало положение статьи 306-5 Гражданского кодекса РСФСР, которая гласила:

> В случае осуждения к лишению свободы, ссылке или высылке на срок выше шести месяцев, если в жилом помещении не остались проживать члены семьи осужденного, договор найма жилого помещения считается расторгнутым с момента приведения приговора в исполнение.

Иными словами, если Светлана получит приговор со сроком более шести месяцев, она останется на улице. И именно это вдохновляло Ткачеву в сложившейся ситуации. Соседка понимала, что, имея основания для улучшения жилплощади, поскольку они с сыном жили в одной комнате, после суда над Светланой – в случае, если приговор окажется более строгим, чем 6 месяцев, – сможет претендовать на освободившиеся комнаты.

Однокамерницы в Крестах быстро просветили Светлану относительно грозящей ей перспективы остаться без жилья и потерять ленинградскую прописку. Да она и сама ясно представляла себе: поскольку ее брак с Азадовским не зарегистрирован, то и вернуться ей

будет некуда.

Тем не менее Светлана и далее придерживалась бы своей линии, если бы дело не взял в свои руки опытный Брейман. Действовал он вполне в том стиле, который был описан В. Буковским:

> Адвокат – помощник только по уголовным делам. В политических делах, как правило, адвокат – помощник КГБ, ими же и назначенный, или, официально говоря, «допущенный». И если следствию, наседкам, свидетелям и юридической безграмотности объединенными усилиями не удалось довести гражданина Н. до раскаяния – за дело принимается адвокат. Он не только откроет кодекс, но и на случаях из своей практики покажет, что чистосердечное раскаяние есть смягчающее обстоятельство.

Так и произошло. Во-первых, Брейман начисто отмел все порывы Светланы взять на себя ответственность за наркотик, инкриминируемый Азадовскому. Хорошо понимая, что и кто стоит за этим делом, Брейман с раздражением отзывался о Константине Марковиче, «втянувшем» его подопечную в такую некрасивую историю. Во-вторых, он доходчиво объяснил Светлане, что полное отрицание вины при собранных следствием доказательствах «к хорошему не приведет». То есть суд не только не поверит Светлане, но и, возможно, будет настаивать даже не на 4-й части 224-й статьи (неоднократное хранение), а на первой (с целью сбыта или сбыт), которая предусматривает до 10 лет лишения свободы и считается тяжким преступлением со всеми вытекающими отсюда не менее тяжкими последствиями.

Если же Светлана поведет себя «правильно», то есть признает факт приобретения наркотика для собственного употребления, то и адвокату будет легче избавить ее от эпизода с найденными «крупицами», поскольку это доказательство добыто следствием с серьезным нарушением УПК. Таким образом, обвинение Светлане будет переквалифицировано на часть 3 статьи, которая предусматривает в максимальном своем виде до трех лет лишения свободы. А с учетом признания вины и того, что эта судимость – первая, она получит если не условный, то минимальный срок и тогда сможет через несколько месяцев подать на условно-досрочное освобождение; а в лучшем случае – и вообще предусмотренные той же частью «исправительные работы сроком до одного года».

И наконец, желая противопоставить показаниям соседки Ткачевой и характеристике из жилконторы хоть какой-то позитив, Брейман пригласил в качестве свидетеля защиты приятельницу Светланы – Майю Цакадзе, вокалистку модного в то время ансамбля «Поющие гитары».

После почти двух месяцев в Крестах Светлана понимала разницу между параграфами своей статьи и уж точно – между сроками заключения. И, не видя лучшего выхода, она пошла на сделку. Если на предварительном следствии она отказывалась от признательных показаний, то на суде полностью признала вину по части 3 статьи 224 УК, тем самым оговорив себя. Выступая в 1988 году на пересмотре дела Азадовского, Светлана скажет:

> Когда на закрытие дела пришел адвокат Брейман, я естественно ухватилась за него, как утопающий хватается за соломинку. Я очень в него поверила, а он, готовя меня к суду, сказал: «Делать нечего, ты должна признать свою вину. Азадовскому все равно ничем не поможешь, дело его ведет КГБ, и песенка его спета». Брейман сказал мне, что если я признаю свою вину, то, может быть, получу полгода и сохраню квартиру, поэтому на суде я признала свою вину. Мои показания на суде были самооговором, впрочем, в том состоянии, в котором я тогда находилась, я могла признать что угодно и подписать что угодно. В тот момент у меня наступило полное безразличие к происходящему.

Нельзя таким образом не признать: Брейман был по-своему прав. Во всяком случае, Светлана избежала максимального срока. Грамотно составленные адвокатом ходатайства, на фоне вопиющих нарушений процессуальных норм помогли переквалифицировать обвинение

и даже закончились частным определением суда в адрес следствия. Впоследствии Светлана всегда говорила о Бреймане как о человеке, который ей сочувствовал и знал, что она невиновна, однако был не в силах изменить ход событий.

Судебное заседание проходило под председательством народного судьи В.В. Лохова (в 1982 году он станет членом Ленгорсуда); прокурором выступал В.А. Позен. Приведем текст приговора, вынесенного 19 февраля 1981 года именем РСФСР Куйбышевским районным народным судом города Ленинграда:

> Суд рассмотрел дело по обвинению Лепилиной Светланы Ивановны, 16.02.46 г. рождения, уроженки г. Брянска, русской, б/п, с образ. средним, вдовой, детей не имеющей, работавшей машинисткой Дворца культуры им. С.М. Кирова в Ленинграде, проживающей в Ленинграде, ул. Желябова 13 кв. 60, ранее к уголовной ответственности не привлекавшейся, под стражей содержащейся с 18.12.80 г. в совершении преступления, предусмотренного ст. 224 ч. 4 УК РСФСР, и
>
> **УСТАНОВИЛ:**
>
> вину Лепилиной в незаконном приобретении и хранении наркотического вещества без цели сбыта: 18.12.80 г. около 18 часов в помещении кафе, расположенного в доме 2/5 по ул. Восстания в Ленинграде Лепилина незаконно приобрела у неустановленного лица для личного употребления 4 грамма наркотического вещества – анаши и указанное количество наркотического вещества хранила при себе с той же целью до момента ее задержания – 18 часов 20 минут 18 декабря 1980 года. Незаконно приобретенное и хранившееся у нее наркотическое вещество было изъято в момент задержания во дворе дома 10 по ул. Восстания в Ленинграде.
>
> Лепилина вину свою признала полностью, вышеизложенное подтвердила, пояснила, что 18.12.80 г. около 18 часов получила от малознакомого иностранного гражданина для личного употребления пакет с наркотическим веществом, после чего, в 18 час. 20 минут во дворе дома 10 по ул. Восстания в Ленинграде была задержана. В момент задержания пакет с наркотическим веществом выбросила.
>
> Кроме личного признания вина Лепилиной установлена: показаниями свидетелей Петрова О.А. и Михайловой Л.В. о том, что 18.12.80 г. около 18 часов 20 минут во дворе дома 10 по ул. Восстания в Ленинграде они принимали участие в задержании Лепилиной. В момент задержания Лепилина выбросила из сумочки пакет, который ими был подобран и при осмотре его содержимого в нем было обнаружено вещество, похожее на наркотик. Лепилина заявила, что хранившееся у нее наркотическое вещество было получено ею от иностранного гражданина по имени Хасан; материалами дела: протоколом задержания Лепилиной и изъятия у нее наркотического вещества; справкой эксперта и заключением судебно-химической экспертизы о том, что изъятое у Лепилиной при задержании вещество является кустарно-изготовленным наркотическим (веществом) – средством – гашишем, его вес 4 грамма.
>
> Оценив собранные доказательства, суд считает виновность Лепилиной установленной, а ее действия квалифицирует по ст. 224 ч. 3 УК РСФСР, как НЕЗАКОННОЕ ПРИОБРЕТЕНИЕ И ХРАНЕНИЕ НАРКОТИЧЕСКОГО ВЕЩЕСТВА БЕЗ ЦЕЛИ СБЫТА.
>
> Суд исключил из обвинения незаконное приобретение и хранение 0.06 гр. наркотического вещества и переквалифицировал действия Лепилиной с ч. 4 ст. 224 УК РСФСР на ч. 3 той же статьи, поскольку: следствием не представлено, а судом не добыто доказательств виновности Лепилиной по данному эпизоду, сама же Лепилина заявила, что о происхождении 0.06 гр. наркотического вещества, обнаруженных в кармане ее куртки она определенно пояснить ничего не может, может высказывать только предположения; нахождение в кармане куртки Лепилиной 0.06 гр. наркотического вещества может свидетельствовать только о том, что в данном кармане куртки прежде находилось наркотическое вещество в большем количестве и пригодное для употребления, поскольку количество

обнаруженного вещества мало, форма его хранения исключает возможность его использования; кроме того, суд учитывает, что протокол обыска по месту жительства не может иметь доказательного значения по делу, поскольку данный документ не соответствует требованиям закона и выполнен с нарушением требований УПК РСФСР к данному документу.

При назначении наказания Лепилиной суд учитывает характер и степень общественной опасности совершенного ею преступления, а также данные о ее личности. Учитывая повышенную степень общественной опасности совершенного Лепилиной преступления, отрицательную характеристику с места жительства, компрометирующие ее данные, содержащиеся в характеристике с места работы Лепилиной, суд считает необходимым назначить ей наказание только в виде лишения свободы, однако не на максимальный срок, поскольку суд считает возможным учесть то, что к уголовной ответственности Лепилина привлекается впервые, вину свою в содеянном признала, по месту работы в большей части характеризуется положительно.

С учетом характера содеянного и данных о личности Лепилиной в совокупности суд не считает возможным применить к ней ст. 24–2 УК РСФСР. Руководствуясь ст. ст. 300–303 УПК РСФСР, суд

ПРИГОВОРИЛ:

Лепилину Светлану Ивановну признать виновной по ст. 224 ч. 3 УК РСФСР и назначить ей наказание по данной статье в виде лишения свободы сроком на ОДИН год ШЕСТЬ месяцев с отбыванием наказания в исправительно-трудовой колонии Общего режима. Срок наказания Лепилиной исчислять с 18 декабря 1980 года. Мерой пресечения Лепилиной оставить содержание под стражей.

Этот приговор, вынесенный в суде первой инстанции, следовало рассматривать как окончательный. Перспективы отмены или смягчения приговора во второй (кассационной) инстанции не было. Статистика ленинградской судебной практики предлагает нам следующие данные: начиная с 1980 года в Ленинграде наблюдалось серьезное увеличение масштабов преступности; только в 1980 году было зарегистрировано 28 920 уголовных преступлений, а судимость в городе в том же году возросла на 11,9 %. В условиях такого всплеска преступности особое внимание уделялось судам – оправдательных приговоров стало заметно меньше. При этом возросла и «стабильность приговоров», то есть процент неизменности приговоров по кассации. Удивительны цифры этих процентов: в 1-м квартале 1981 года по всем поступившим в Ленгорсуд кассационным жалобам на уголовные приговоры этот показатель составил 97 %, а отменен приговор был только в отношении 19 человек (1,1 % осужденных, подавших кассационную жалобу), изменен – в отношении 32 (1,9 %). Естественно, что при всей предрешенности обвинительного приговора Куйбышевского райнарсуда в отношении Светланы адвокат ей сразу сказал, чтобы она на кассацию не рассчитывала. В этом он был опять-таки прав: Светлана не могла даже надеяться, что попадет в тот самый 1 %, чей приговор может быть отменен коллегией Ленгорсуда.

Одновременно с приговором судья вынес частное определение – он не оставил без внимания многочисленные вольности при обыске в комнатах Светланы и выемке «крупиц мусора» из карманов ее куртки, что свидетельствовало «о грубых нарушениях, допущенных при производстве предварительного следствия, о ненадлежащей профессиональной подготовленности работников УУР ГУВД ЛО». Следственное управление должно было в месячный срок отчитаться о принятых мерах.

Приведенный выше приговор суда не вполне отражает то, что на самом деле происходило в зале заседания. Вопреки ожидаемому, версия следствия, изложенная инспектором уголовного розыска Владимиром Яковлевичем Матняком 1957 г.р., задерживавшим Светлану, отличалась от показаний понятых. В своем первом рапорте Матняк написал, что 18 декабря 1980 года, подходя к дому 10 по улице Восстания, «я увидел

женщину, которая быстро шла по улице, оглядывалась, нервничала, и это показалось мне подозрительным». Прокурор Позен, который довольно активно вел процесс и настаивал на вине Светланы, вероятно, не совсем хорошо подготовился и не прочитал всех материалов. Интерес представляют зачитанные показания дружинников О.А. Петрова (л. 5–6) и Л.В. Михайловой (л. 7–8), которые были даны ими в день задержания Светланы:

> Свидетель Петров: 18 декабря 1980 г. в составе группы городского комсомольского оперативного отряда участвовал в рейде по местам скопления наркоманов в центральной части города Ленинграда. Около 18 час. 20 мин. инспектор 15 отдела УУР ГУВД ЛО Матняк, с которым мы проводили рейд, попросил меня и члена городского оперативного отряда Михайлову Л.В. помочь ему в задержании гражданки, которую он укажет. Во дворе дома 10 (у парадного) по ул. Восстания нами была задержана гражданка, одетая в меховой короткий полушубок, темные брюки и светлую вязаную шапочку, которая впоследствии оказалась Лепилиной С.И…
>
> Свидетель Михайлова: 18 декабря 1980 г. в составе группы комсомольского оперативного отряда участвовала в рейде по местам скопления наркоманов в районе Московского вокзала. Примерно в 18 час. 20 мин. инспектор 15 отдела УУР ГУВД Матняк, с которым мы проводили рейд, попросил нас (я была с членом оперативного отряда гр. Петровым О.А.) оказать ему помощь при задержании одной гражданки во дворе дома 10 по ул. Восстания у парадной, в которую она собиралась войти. Мы задержали гражданку, которая была одета в белую вязаную шапочку, меховой полушубок и темные брюки, которой, как выяснилось потом, оказалась гр. Лепилина…

Тем самым версия милиционеров Матняка и Арцибушева, которые настаивали на случайности задержания, терпела фиаско. Это было очевидно как для Светланы, так и для всех присутствующих в зале суда. Судья Лохов, конечно, тоже увидел это вылезшее, как шило из мешка, несоответствие. Но поскольку он уже имел признательные показания обвиняемой, то переквалифицировал дело на часть 3-ю, как и предполагал адвокат, и вынес не слишком суровый приговор. С учетом сложившихся обстоятельств Светлана (да и все прочие) посчитала такой приговор не самым худшим результатом; это было вдвое меньше того, что ей предрекал Арцибушев в день задержания.

На суде присутствовали, кроме Майи Цакадзе, друзья Светланы и Константина. Когда Светлану уводил конвой, она обернулась к присутствующим и громко сказала: «Не верьте ничему, что здесь происходит».

В том же месяце в самиздате появился релиз судебного заседания. Несмотря на многие неточности, поскольку авторы черпали информацию со слов, произнесенных в зале суда, то есть прокурора и судьи (например, что Лепилина специально выбросила пакетик, тогда как в действительности он выпал вместе с остальными вещами, когда милиционеры схватили ее с двух сторон), он представляется нам более интересным, нежели текст приговора:

> Относительно суда над Светланой Ивановной Лепилиной, гражданской женой Константина Марковича Азадовского.
>
> Суд над С.И.Л., арестованной 18 декабря 1980 г. возле дома К.М. Азадовского, состоялся 19 февраля 1981 г. в Ленинграде. Приговор суда: 1,6 года лагерей общего режима. В качестве свидетелей на суде присутствовали двое дружинников, участвовавших в задержании подсудимой, и вызванная адвокатом подруга С.И.Л., долгое время проживавшая совместно с ней. На суде обсуждались следующие два эпизода.
>
> 1) 20 декабря 1980 (т. е. уже после задержания С.И.Л.) в ее комнате (комната находится в коммунальной квартире) был произведен обыск. В кармане куртки, принадлежавшей С.И.Л., были обнаружены при обыске следы марихуаны (анаши) – 0,06 гр. По этому поводу прокурор объявил, что доказательств приобретения анаши у него не имеется, и поэтому он сам вместо предварительного обвинения по

статье 224, ч. 4, Уголовного кодекса РСФСР (неоднократное хранение наркотиков) выдвигает обвинение по статье 224, ч. 3 (однократное хранение наркотиков без цели сбыта). Адвокат указал на то, что данный эпизод вообще нельзя учитывать процессуально, ввиду грубых нарушений закона при составлении протокола обыска. К этим ошибкам относятся: 1) подписи понятых не совпадают с теми фамилиями понятых, которые значатся в протоколе обыска; свидетели-понятые отсутствуют на суде; 2) из показаний соседки С.И.Л. по квартире Петровой ясно, что она присутствовала при обыске; между тем «Петрова» – мать некоего Ткачева, находящегося в заключении за хулиганство, при котором потерпевшей была С.И.Л.; 3) сама С.И.Л. не присутствовала при обыске (в это время она находилась в камере предварительного заключения; в тюрьму она была доставлена лишь после обыска). В результате выступления адвоката данный эпизод более судом не рассматривался, а в адрес следствия было вынесено частное определение суда, в котором подчеркивалась недобросовестная работа следственных органов, протекавшая с нарушениями советского уголовного законодательства.

2) 18 декабря 1980 г. С.И.Л. получила пакет от некоего испанца, назвавшего себя Хасаном, в кафе на ул. Восстания, д. 3/5. Вскоре после получения этого пакета С.И.Л. и была задержана, причем она пыталась при задержании выбросить полученный ею пакет, в котором оказалась анаша. В обвинительном заключении сказано, что задержание было произведено на основании того, что дружинникам показалось подозрительным поведение С.И.Л. Между тем сами дружинники показали на суде, что они получили в милиции приказ задержать С.И.Л. во дворе дома, где проживает К.М.А. (при этом им было дано описание внешности С.И.Л.). Личность испанца Хасана не была установлена судом, а его дело было выделено в особое.

Возможны следующие предположения относительно обоих описанных случаев. Что касается незначительных следов марихуаны (анаши), обнаруженных в куртке, то либо анаша была подброшена милицией, либо соседкой, испытывавшей чувство мести к обвиняемой, либо упоминавшимся Хасаном, которому С.И.Л. давала носить эту куртку (они встречались во Дворце культуры им. Кирова, где С.И.Л. работала машинисткой, а Хасан был зрителем представлений самодеятельного театра). Что касается эпизода с пакетом, то С.И.Л. заявила после суда на свидании с сестрой, что Хасан дал ей этот пакет, сказав, что там – лекарство, которое нужно передать по такому-то адресу. На следствии С.И.Л. подверглась давлению со стороны следственных органов. Ей было сказано, что если она будет придерживаться той версии, которую она впоследствии изложила сестре, то ей грозит тюремное заключение сроком до 10 лет (по статье 224, ч. 1). Ей было предложено, чтобы она признала, будто она взяла этот пакет для своих собственных нужд (что она в конце концов и признала). Несколько странной при этом выглядит попытка С.И.Л. выбросить пакет при задержании, однако естественно предположить, что С.И.Л. почувствовала что-то неладное, какую-то опасность, заключенную в неизвестном ей пакете, и постаралась избавиться от этой опасности (тем более, что уже в течение полутора месяцев до этого Азадовский и она обсуждали вопрос о том, что КГБ начал проявлять повышенный интерес к личности Азадовского). Суду не удалось доказать, что С.И.Л. направлялась к Азадовскому. С.И.Л. придерживалась версии, что она вошла в проходной двор, чтобы затем выйти из него и попасть в магазин на ул. Жуковского. Между тем сам Азадовский (со слов его адвоката) продолжает решительно отрицать свою «вину». Возможно, что суд над ним состоится в течение двух первых недель марта 1981 г.

Суд над С.И.Л. проходил с грубыми нарушениями процессуального кодекса. Так, прокурор утверждал, что наркотики не случайно оказались у Лепилиной, «доказывая» это ссылкой на поставленный им же самим под сомнение эпизод с курткой (в обвинительном заключении значится: «коричневая куртка бежевого цвета»), а также ссылкой на дружбу С.И.Л. с Хасаном (который вообще остался неопознанным) и Азадовским (суда над которым еще не было!). Для С.И.Л. остается возможность подать кассацию в Городской суд. Всякая гласность

относительно произошедшего с ней, безусловно, может оказать воздействие на решение Городского суда.

Надежда на гласность была, разумеется, иллюзорной. Как мы указали выше, вероятность изменения решения в кассационной инстанции была равна 1 %. И действительно, 6 марта 1981 года Коллегия по уголовным делам Ленинградского городского суда оставила приговор без изменения. А Светлана Ивановна Лепилина была этапирована в исправительную колонию УС 20/2 общего режима в поселок Ульяновка Тосненского района Ленинградской области.

Глава 4
Три кита обвинения

Итак, 5 марта 1981 года Азадовскому было предъявлено обвинительное заключение, и теперь он мог, согласно статье 201 УК РСФСР, ознакомиться со своим уголовным делом. «Подписать двести первую», – говорится об этом ритуале на судейско-адвокатском жаргоне; и хотя Азадовский заключение как раз не подписал, суть не менялась: дело закончено расследованием, прокурор его утвердил, и оно отправляется в суд. Собственно, Азадовский узнал, что закончено оно было еще 12 февраля. Однако намного более удивительными были прочие документы, заполнявшие его дело, и, когда он читал их, у него без преувеличения захватывало дыхание.

Лежа на тюремной кровати («шконке»), он многократно перебирал в голове те фактические доказательства, которыми располагало следствие, и каждый раз убеждался, что никаких доказательств его вины нет. Но когда он открыл свое уголовное дело, сразу понял, что глубоко ошибался.

Что же так поразило Азадовского? То были в первую очередь свидетельства, выражаясь языком УПК, «характеризующие личность обвиняемого» и, соответственно, играющие важную роль для формирования у суда мнения о подсудимом. Кроме того, он знал, что, согласно статье 292 УПК, «документы, приобщенные к делу или представленные в судебном заседании, если в них изложены или удостоверены обстоятельства, имеющие значение для дела, подлежат оглашению».

То были – если говорить о «личности» – три документа: 1) экспертное заключение об изъятых при обыске книгах; 2) копия статьи из «Ленинградской правды»; 3) характеристика с места работы.

Заключение цензуры

Экспертное заключение от 22 декабря 1980 года, выданное Управлением по охране государственных тайн в печати (Леноблгорлит), было подписано его начальником Б.А. Марковым.

То обстоятельство, что вся изъятая литература оказалась в этом ведомстве, не сулило ничего хорошего. Борис Александрович Марков (1915–2006) – сейчас это имя мало кому известно, но в те годы Марков был одним из серых кардиналов Ленинграда. Киномеханик по первой профессии, с 1937 года кадровый офицер, участник финской кампании, Б.А. Марков в 1940 году вступил в ВКП(б), и фронты Отечественной войны запомнили его уже политработником, батальонным комиссаром и отважным бойцом (два ранения, одно из которых штыковое, контузия). Затем – инструктор по печати, редактор фронтовой газеты «Сталинский залп», в которой он проработал до самого ее закрытия в 1948 году. Оставшись в политической журналистике, он работал в «Ленинских искрах», а позднее возглавлял ленинградские корпункты газет «Труд», «Советская Россия» и, наконец, «Правда». В 1962 году Ленинградский обком КПСС принял решение о назначении Маркова главным

редактором «Вечернего Ленинграда».

Этот печатный орган благодаря новому редактору превратился на излете оттепели в наиболее консервативную газету города, печально прославившуюся травлей интеллигенции, в частности Иосифа Бродского: 29 ноября 1963 года в «Вечернем Ленинграде» появился пасквиль «Окололитературный трутень», а 8 января 1964 года – его продолжение: «Тунеядцам не место в нашем городе».

Столь внушительные успехи, достигнутые Б.А. Марковым на идеологическом фронте, не могли не найти одобрения в Ленинградском обкоме, и в 1966 году Марков идет на очередное повышение – назначается директором Ленинградской студии телевидения, и в 1969 году – вполне по заслугам – получает почетное звание «Заслуженный работник культуры РСФСР». Но родина сочла нужным призвать Маркова на другой ответственный участок идеологического фронта: после семи лет руководства телевидением он становится во главе Ленинградского управления по охране государственных тайн в печати – Леноблгорлита. Это был главный цензурный орган, утверждавший все выходившее в свет: тексты теле– и радиопередач, статьи в газетах и журналах, книги и кинофильмы…

Несомненно, Ленинградский обком КПСС поставил на эту ключевую должность достойного человека – такого, в чьей квалификации не приходилось сомневаться: Марков «отличался тем, что умел выискивать крамолу там, где ее никогда не было», а все спорные вопросы докладывал в обкоме. Более чем десятилетнее руководство ленинградской цензурой сделало его известным в литературной среде – известным прежде всего своими охранительными тенденциями.

Однако в данном случае заключение цензурного ведомства относилось не к литературоведческим штудиям Азадовского и даже не к его стихотворениям или переводам. Это была экспертиза книг, изъятых у него при обыске 19 декабря 1980 года (изготовление таких документов являлось одним из направлений деятельности этого ведомства).

Российский историк цензуры Арлен Блюм уделил в одной из своих работ особое внимание именно этой сфере деятельности Горлита. Запросы такого рода, сообщает А. Блюм, поступали из Управления КГБ с завидным постоянством, особенно их было много в 1970-е годы. Запрос приходил одновременно с печатными материалами, на которые требовалось заключение; при этом в бумаге обычно указывалась лишь численность материалов, а также номер дела, по которому они проходили. Несмотря на анонимность – цензура не знала, у кого материалы были изъяты, – сам жанр такого запроса, а также запрашивающая организация – Управление КГБ СССР – не оставляли особенного выбора для цензоров в трактовке присланных печатных изданий. Словом, на свой конкретный запрос КГБ всегда получал конкретный ответ, содержание которого было известно заранее. Ведь и книги для такой экспертизы отбирались вполне квалифицированными сотрудниками.

Итак, материалы, изъятые у Азадовского 19 декабря, поступили на экспертизу вечером того же дня. И уже 22 декабря Управление по охране государственных тайн в печати выдало свое заключение, на котором стоял гриф «Для служебного пользования». Приведем содержательную часть этого документа:

> 1. Фотография с неизвестной картины политически вредного содержания, на которой изображены главари фашизма, диссидент-антисоветчик Солженицын и другие одиозные личности. Изданию и распространению в СССР не подлежит.
>
> 2. Альбом на итальянском языке Capolavori dell'arte, содержит эскизы и рисунки непристойного содержания. Ввозу и распространению в СССР не подлежит.
>
> 3. Альбом-фотобиография «Цветаева». Издание антисоветского издательства «Ардис», 1980 г., содержит фотографии литераторов Гумилева, казненного за участие в белогвардейском мятеже в Кронштадте, и Ходасевича, эмигрировавшего из СССР и занимавшегося антисоветской деятельностью за рубежом. Предисловие к альбому Карла Р. Проффера наполнено клеветническими измышлениями по поводу судьбы М. Цветаевой и причинах ее смерти после возвращения в Советский

Союз. Альбом сопровождается комментариями злобных антисоветчиков В. Набокова и Н. Мандельштам. В Советском Союзе изданию и распространению не подлежит.

4. Книга Игорь Бурихин «Мой дом слово». Издание антисоветского издательства «Третья волна», Франция, 1978 г. Содержит стихи религиозно-пропагандистского характера. Предисловие к изданию содержит злобные выпады в адрес КГБ. В Советском Союзе не издавалось, изданию и распространению не подлежит.

5. Книга М. Зощенко «Перед восходом солнца». Издание антисоветского издательства «Международное литературное содружество» (США – ФРГ), 1967 г. Печаталась в 1948 г. в сокращенном виде в журнале «Октябрь». В данном виде в СССР не издавалась, изданию и распространению не подлежит. Кроме того книга содержит рекламу книг злобных антисоветчиков А. Авторханова, Р. Арона, И. Бродского, Н. Бердяева, Г. Струве и других.

6. Рекламный проспект «Sammlung Luchterhand» на немецком языке, издан в ФРГ. Рекламирует книги антисоветчиков А. Солженицына, Г. Лукача. Ввозу и распространению в СССР не подлежит.

7. Рекламный проспект «Reihe Hanser» на немецком языке, издан в ФРГ. Рекламирует книги Мао. Ввозу и распространению в СССР не подлежит.

8. Книга Борис Пильняк «Соляной амбар». Издание США, год не указан. В СССР главы из романа печатались в журнале «Москва», 1964, № 5. На обложке воспроизведена заметка из газеты «The New York Times», в которой тенденциозно освещаются факты биографии и творчества Пильняка. Ввозу и распространению в СССР не подлежит.

9. Книга на немецком языке «Wir» («Мы») Е. Замятина, издана в ФРГ, 1975 г. Роман «Мы» – злобный памфлет на Советское государство. В СССР не издавался. Ввозу и распространению не подлежит.

10. Книга эмигрантки-антисоветчицы З. Гиппиус «Письма к Берберовой и Ходасевичу». Издание антисоветского издательства «Ардис», США, 1978 г. В СССР не издавалась. Ввозу и распространению не подлежит.

Леноблгорлит выдал сие заключение, следователь присоединил его к материалам уголовного дела. Но, как сказано выше, такие документы появлялись на свет большей частью по запросу КГБ, а не следователя райотдела милиции. Однако ничего указывающего на заказчика экспертизы в уголовном деле вообще не имелось. Даже сам факт этой экспертизы вызывает вопрос: законно ли она присутствует в деле? Экспертизу следовало проводить в соответствии со статьей 184 УПК РСФСР, и в кодексе относительно порядка назначения экспертизы черным по белому сказано: «Признав необходимым производство экспертизы, следователь составляет об этом постановление, в котором указываются основания для назначения экспертизы, фамилия эксперта или наименование учреждения, в котором должна быть произведена экспертиза, вопросы, поставленные перед экспертом, и материалы, предоставляемые в распоряжение эксперта».

Ничего этого в деле не было – ни постановления об экспертизе, ни сопровождающих писем, ничего… Впрочем, на свет появилось весьма примечательное постановление лейтенанта Каменко – уже вслед состоявшейся экспертизе:

12 февраля 1981 года

г. Ленинград

Следователь СО Куйбышевского РУВД г. Ленинграда лейтенант милиции Каменко, рассмотрев материалы уголовного дела № 35590,

УСТАНОВИЛ:

настоящее уголовное дело возбуждено в отношении гр-на Азадовского Константина Марковича по признакам преступления, предусмотренного ч. 3 ст. 224 УК РСФСР. 22 декабря 1980 года Азадовскому было предъявлено обвинение и избрана мера пресечения – содержание под стражей.

19 декабря 1980 г. при проведении обыска на квартире у гр-на Азадовского

по адресу: ул. Восстания дом 10 квартира 51 были обнаружены и изъяты различные издания зарубежных антисоветских издательств, содержащие клеветнические измышления в отношении Советского государства, являющиеся злобными памфлетами на Советское государство, не подлежащие ввозу и распространению в Советском Союзе.

Принимая во внимание, что в ходе следствия не установлено фактов распространения Азадовским этих изданий, а приобретение и хранение подобных изданий не образует состава преступления, руководствуясь п. 2 ст. 5 УПК РСФСР,

ПОСТАНОВИЛ

в привлечении Азадовского Константина Марковича к уголовной ответственности по ст. 70 УК РСФСР отказать.

Авантюры над бездной

Второй документ должен был, по замыслу следствия, пролить свет на события 1969 года – дело Ефима Славинского. Но не только. Этот документ, оказавшись в уголовном деле Азадовского, должен был оправдывать ту статью УК, по которой ему было предъявлено обвинение: коль скоро в 1969 году гражданин был привлечен в качестве свидетеля по делу о наркотиках, то нет и не может быть ничего удивительного в том, что в 1980-м у него нашли их дома.

Кроме того, как учит руководство для следователей (1971), «сведения о прошлой жизни и деятельности обвиняемого необходимы, чтобы получить полное представление о нем как о члене общества». Вероятно, именно с этой целью в уголовном деле появилась копия статьи из газеты «Ленинградская правда». Никаких ссылок на процессуальный кодекс, объясняющих приобщение этой никем не подписанной и никем не заверенной машинописной копии к материалам дела, опять же не было; да и к чему какие-то ссылки, если это статья из главной городской газеты! Тем более что материал прекрасно вписывался в канву уголовного дела, красочно отображая «истинное лицо» нашего героя.

«ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНЫЕ АВАНТЮРЫ»… НАД БЕЗДНОЙ

Как уже сообщалось в печати («Вечерний Ленинград» 5 июня 1969 г.), в начале июня сотрудниками Управления внутренних дел был задержан Е. Славинский – человек без определенных занятий, на квартире которого собирались молодые люди для употребления наркотиков.

Началось расследование. Через месяц с лишним был привлечен к ответственности А. Биргер, инженер-строитель, работавший в Узбекистане, двоюродный брат Славинского, доставлявший ему наркотики. Недавно Смольнинский районный суд рассмотрел дело по обвинению Е. Славинского и А. Биргера в содержании притона и распространении наркотиков и приговорил их к различным срокам лишения свободы.

В процессе расследования сотрудниками УВД был допрошен в качестве свидетеля находившийся в Ленинграде в научной командировке профессор Огайского университета (США) Вильям Чалсма. Так как причастность В. Чалсма к посещениям притона и употреблению наркотиков была доказана следствием, то сей господин в соответствии с советскими законами был выдворен с территории нашей страны. Два других американца – профессор Колумбийского университета Антони Филлипс и профессор Корнельского университета Джордж Гибиан также были причастны к этому делу, но они успели к началу расследования покинуть Ленинград. Эти господа объявлены в Советском Союзе нежелательными лицами.

* * *

Таково вкратце содержание «дела Славинского», к которому в дальнейшем юристы еще будут обращаться: впервые в Ленинградской юридической практике перед судом предстал содержатель притона наркоманов. Прецедент не из приятных, и сообщать о нем читателям «Ленинградской правды», понятно, не велика радость. Но сделать это необходимо. Есть вещи, о которых надлежит говорить, как бы они ни были горьки.

…Прогуливались по весеннему Васильевскому острову аспирант Педагогического института К. Азадовский и американец Антони Филлипс. Хотелось им по душам поговорить, но негде было: аспирант жил с матерью, и ее присутствие помешало бы. Тогда Азадовский предложил заглянуть к его приятелю, «настоящему русскому интеллигенту». Как развивались события дальше, рассказывают показания Славинского: «Когда Азадовский привел ко мне Филлипса, то он достал и показал две большие таблетки марихуаны и 3 маленькие. Одну большую таблетку Филлипс дал мне, а также дал 3 маленькие. Деньги он с меня не брал. Одну большую таблетку Филлипс дал, видимо, Азадовскому. Сам я этого не видел, но Азадовский мне говорил, что Филлипс дал ему таблетку и что это таблетка мескалина».

Это не отрывок из детектива «черной серии», а почти протокольная запись событий, происходивших в действительности. Место действия – Васильевский остров, Съездовская линия, маленькая комната, грязная, с ободранными обоями и полуразвалившейся мебелью. Эту комнату Славинский снимал вместе с женой, студенткой ЛГУ. В 1957 году он приехал в Ленинград из Киева, поступил в институт холодильной промышленности, но через год был отчислен. В 1963 году поступил на филологический факультет ЛГУ. После окончания университета по собственной просьбе получил свободный диплом, устроился на работу в местное отделение Института естествознания и техники, проработал недолго, меньше трех месяцев, и уволился по собственному желанию.

Нельзя сказать, что Славинский был принципиально против всякого труда. Напротив – он был убежден, что непременно осчастливит человечество сиянием высокой мысли. Но он был согласен трудиться только тогда, когда ему хотелось. А пока этот идейный наследник Васисуалия Лоханкина добывал хлеб насущный переводами для церковников. В остальное время он полеживал на старом диване с книгой в руках, размышляя о своей роли в потоке истории.

С наркотиками Славинский познакомился в 1965 году. На следствии он довольно грубо объяснил, что от водки у него болел живот, а курение анаши (гашиша) не доставляло ему неприятных последствий. Год спустя он уже курил «баш» за «башем», одну отравленную сигарету за другой. Вокруг Славинского сформировался довольно пестрый круг людей. К нему, естественно, тянулись наркоманы, такие как преподаватель школы И. Мельц, тунеядец А. Сорокин, человек без определенных занятий А. Хвостенко, студент-заочник матмеха ЛГУ А. Нахимовский, сидящий на иждивении у жены, продавщица ларька Худфонда Р. Белоусова. Постепенно круг разрастался. В нем оказались переводчик Ю. Клейнер, натурщица Ж. Блинова, машинистка Института истории Академии наук В. Иерихонова, лаборантка Института океанографии Л. Волохонская, студентка географического факультета Е. Берг-Кирпичникова.

В этом кругу своих знакомых Славинский слыл «интеллектуалом». Не желая писать о нем с чужих слов, автор этих строк провел со Славинским с глазу на глаз почти три часа в тюремной камере в беседе с целью высечь из него хоть искру интеллекта. Искры не было. В студенческие годы Славинский проявил неплохие способности к языкам. Он изрядно начитан. Но он удивительно безволен, бесхребетен. Все, что он говорит, надергано из книг, статей, брошюр. Даже повествуя о своей жизни, пытаясь оправдать свою преступную деятельность, он совершенно неспособен подняться над чужой мыслью.

А вот «клиенты» Славинского, среди которых было немало людей с высшим образованием, восторгались его «высоким интеллектом», даже не пытаясь ответить на простой вопрос: в чем он проявляется? Славинский цепко держал свой кружок, ревниво следил, чтобы кто-либо из его поклонников не остался без наркотиков.

Уезжая в Киев, он посылал жене наркотик в письмах. Белоусовой он переправлял гашиш даже в больницу. Интересна история приятеля Славинского Л. Ентина. Будучи уже наркоманом, он угодил в тюрьму за незаконные валютные операции. Вышел вылечившимся, собирался начать новую жизнь. Но Славинский затащил его к себе и снова приучил курить гашиш.

Три-четыре раза в неделю в притоне Славинского собирались пять-семь человек, иногда больше. В короткой статье нет возможности перечислять всех: на суде о своих художествах были вынуждены рассказывать 27 человек. В обшарпанной комнатке стоял чад от папирос с гашишом. Тут толковали о «свободе воли», о религии и «судьбах мира». Хвастались «независимостью воззрений», а на самом деле этим лишь прикрывали свое интеллектуальное убожество и предельную моральную распущенность. Славинским угощали словно изысканным блюдом. Тот же Азадовский притащил, например, в притон актера театра имени Моссовета В. Демина, чтобы познакомить его с «истым петербуржцем». Киевлянин не из лучших дал ему «баш», и к актеру впору было вызывать неотложку. Под тем же «петербургским соусом» со Славинским вели тесное знакомство Чалсма, Филлипс, Гибиан – американцы. Эта публика не только сосала наркотик, но и хвасталась: «У нас в Америке все курят». Пожалеешь студентов, которых воспитывают такие профессора.

Так и завивался дым веревочкой в комнатенке на Съездовской линии… Уже свихнулся Сорокин, дошел, как выразился сам Славинский, «до полного распада личности». Уже начала испытывать припадки необъяснимого ужаса жена Славинского, «Тотоша», как ее называли в компании. Эта молодая женщина совсем девочкой стала женой наркомана и прошла через все то, что называют растлением личности.

Люди, которых засосал притон Славинского, казалось, не понимали, что они каждый день ходили над пропастью. Паника в среде «интеллектуальных авантюристов» поднялась посла ареста Славинского. Они наивно убеждали один другого: «Молчать! Ничего не говорить следователю! Держаться!» Но в следственном управлении УВД выкладывали все, что знали, беспощадно топя и пиная друг друга.

И вот суд состоялся. Суд нить за нитью распутывал этот преступный клубок. Суд столь обстоятельным разбирательством деталей дела как бы приоткрывал завесу перед оступившимися: смотрите, куда вы шли. Однако в глазах «интеллектуалов» и сам суд был покушением на их «свободу личности». Так, сокурсница Славинского, а ныне сотрудница телевидения Н. Малышева на попытку судей разобраться – что же привело каждого на этот опасный путь – заявила: «Не ваше дело!»

Да, дружки Славинского мало изменились и после суда. Правда, некоторое отрезвление наступило. Многие из них собирались «делать» научную карьеру и уже примеряли кандидатские звания. А сейчас их обуял страх: институты могут отказаться от соискателей, запятнавших себя общностью с наркоманами.

О знакомстве и связях с наркоманами многих знали их приятели и приятельницы, иногда даже родители. Однако до вмешательства милиции никто из приятелей и родителей не встревожился. Наше общественное мнение не дает случаям наркомании того отпора, которого это зло заслуживает. Мы считаем себя словно застрахованными от опаснейшей инфекции, поразившей западные страны мира.

И еще об одном обстоятельстве. Суд не вынес по делу частных определений. И тем не менее институты, где учились эти люди, учреждения и организации, где они работают сейчас, должны сделать для себя выводы, проанализировать недостатки и слабости в постановке воспитательной работы.

«Дело Славинского» – убедительное и тревожное свидетельство того, к чему может привести беспечность. Пусть это дело единично в нашей судебной практике. Все равно говорить о нем надо в полный голос, не преуменьшая нанесенного обществу ущерба.

Любой очаг наркомании, возник ли он с зарубежной «помощью» или без,

должен быть выкорчеван. Слишком глубока та пропасть, на краю которой играли неумные молодые люди. И наш долг поднять из этой пропасти оступившегося человека.

И. Иванов

Таков текст статьи. Впечатление, которое она могла произвести на Азадовского, было тем более ошеломляющим, что ведь он-то абсолютно точно знал: эта статья в действительности никогда не была опубликована. Ее никогда не было! Откуда же она взялась в уголовном деле?

Прежде всего, о подлинности этой «статьи». После суда над Азадовским высказывались мнения, что эта статья – фальшивка, «изготовленная в недрах ленинградского КГБ». Тем не менее этот текст – подлинный, и нет никаких признаков, по которым его можно было бы признать фальшивкой. Он аутентичен событиям осени 1969 года и явно написан по следам судебного заседания 29 сентября, на котором Славинский был осужден по трем статьям УК РСФСР – хранение и приобретение наркотических веществ с целью сбыта (224, часть 1), покушение на те же действия (5-224, часть 1), содержание притонов для употребления наркотиков (226) – и получил в общей сложности 4 года колонии общего режима.

Кроме того, и сам Ефим Михайлович Славинский, ныне проживающий в Лондоне, в разговоре с нами подтвердил подлинность этой статьи. Действительно, пояснил Славинский, уже после суда, когда он дожидался в Крестах решения по кассационной жалобе, к нему пришел «журналист» и долго беседовал с ним. Возможно, он и был журналистом, но его превосходная осведомленность и прежде всего знакомство с материалами дела наводили на мысль о некоторой специфичности его редакционных обязанностей.

В контексте дела Азадовского нетрудно заметить, что статья имеет очевидный уклон: Азадовский здесь стоит как бы особняком; ему уделено больше внимания, чем остальным. На фоне изображенного автором морального ничтожества друзей Славинского – «В следственном управлении УВД выкладывали все, что знали, беспощадно топя и пиная друг друга» – больше всех достается как раз Азадовскому. И тому причиной, по-видимому, принципиальная позиция Азадовского на следствии, когда он не дал вообще никаких показаний против Славинского. Впрочем, Азадовскому в тот момент, даже если бы он признал факт курения гашиша и продемонстрировал «полное раскаяние в содеянном», все равно ничего серьезного не угрожало: по действовавшему в 1969 году Уголовному кодексу ни он, ни другие свидетели не подлежали уголовному наказанию «за травку», и те, кто признал курение анаши в доме Славинского, не считались даже соучастниками. Тем не менее Азадовский занял на следствии резко отрицательную, почти вызывающую позицию, и, вероятно, именно это сыграло особенно раздражающую роль. Попутно опровергнем слова «журналиста» – большинство друзей Славинского держалось на том процессе пристойно и даже твердо. В результате некоторые, как, например, Ю.А. Клейнер, долго потом не могли найти работу по специальности; другие же уехали за рубеж.

Второе, что бросается в глаза, – это обличительные пассажи, посвященные американским профессорам, которые на поверку все как один оказываются злостными «наркоманами». Высказывая сочувствие американским студентам, у которых оказались такие наставники, автор создает обобщенный моральный облик американского преподавателя. А упоминание о том, что эти профессора объявлены нежелательными персонами в СССР, указывало и на более серьезные вещи. Автор как бы дает возможность читателю самому сделать очевидный вывод: мол, эти ученые не просто профессора… И подчеркнутая близость Азадовского к американцам – как минимум тревожный сигнал.

Что касается выдворения Уильяма Чалсмы – это тоже чистая правда: 6 июня 1969 года советское правительство предписало американскому профессору, проходившему стажировку в Пушкинском Доме Академии наук СССР, в течение 24 часов покинуть пределы СССР. Посольство США сообщило об инциденте агентству Associated Press, и затем эта информация сразу появилась в американских газетах. При этом советский МИД, указав

причину высылки («в связи с проводимым уголовным расследованием»), подчеркнул, что никаких обвинений против самого профессора не выдвигается.

В заключительных строках статьи «И. Иванова» опять прочитывается скрытый удар по Азадовскому, когда автор говорит о намерениях «“делать” научную карьеру» и «примерять кандидатские звания». Однако следующие слова – «сейчас их обуял страх: институты могут отказаться от соискателей, запятнавших себя общностью с наркоманами», очевидно, свидетельствуют о том, что корреспондент знал о готовящемся отчислении Азадовского из аспирантуры.

По какой же причине эта статья так и не была в октябре 1969 года опубликована в газете «Ленинградская правда»? Азадовский, как мы уже знаем, был отчислен из аспирантуры по письму из Следственного управления от 12 августа 1969 года в самом начале сентября. То есть к тому времени, как эта статья должна была идти в печать, над Азадовским уже свершилось «правосудие», и смысл публикации во много терялся. Кроме того, уж слишком неприглядно выглядят советские граждане в этом тексте – ведь дело Славинского преподносилось как исключительный случай, тогда как по рассказам автора статьи можно было предположить, что советская молодежь, к тому же не чуждая научной карьеры, расположена к вольным разговорам и курению расслабляющих злаков. Да и нельзя было настолько подрывать официальную установку: в стране победившего социализма нет и не может быть наркомании (потому, кстати говоря, долгое время употребление наркотиков и не каралось законом). Учитывались, кроме того, и внешнеполитические обстоятельства 1969 года: официально провозглашен был курс на «разрядку международной напряженности», и такая статья явно не вписывалась в ту ситуацию, которую лекторы рисовали на политинформациях.

Возникают, наконец, еще два вопроса: кто такой И. Иванов и где эта статья сохранялась более десяти лет? Несомненно, «И. Иванов» – это авторский псевдоним, а псевдонимическая нарочитость умышленна – уже редакция газеты при публикации вольна была заменить его на свое усмотрение.

Второй и более существенный вопрос – из какого нафталина был вынут этот текст. Безусловно, статья никак не могла храниться в уголовном деле Славинского, потому как написана уже после суда и никакого процессуального отношения к этому делу не имеет.

Вот тут-то и остается единственное разумное предположение: этот документ был вынут из другой папки – того дела, которое касалось разработки самого Азадовского или же, что даже вероятнее, Ефима Славинского. Ведомство, в течение более чем десяти лет сохранявшее текст этой неопубликованной статьи, а теперь столь своевременно приобщившее его к материалам нового уголовного дела, могло быть только одно.

Не желая оставлять этот документ без биографического комментария, заметим, что свидетели, проходившие по делу Славинского, как и лица, упомянутые в статье И. Иванова, оказались не настолько уж человеческими отбросами, какими их изображает неизвестный автор.

Энтони Филлипс (A.V. Phillips) был математиком, крупным топологом. Он окончил Массачусетский технологический институт, продолжил образование в Париже, а диссертацию защитил в 1966 году в Принстонском университете и до сих пор занимает профессорское место в Университете Стоуни-Брук (штат Нью-Йорк). Говард Уильям Чалсма (Тьялсма, H.W. Chalsma (Tjalsma)), сотрудник и помощник русского поэта Юрия Иваска в Amherst College Массачусетского университета, знаток и исследователь поэзии русского модернизма, переводчик русских писателей, который благодаря своему знаменитому семинару по истории поэзии русского зарубежья в Корнеллском университете вырастил целое поколение западных русистов. И, наконец, Джордж Гибиан (G. Gibian; 1924–1999), профессор Корнеллского университета, оказался подлинным подвижником русской литературы на Западе: им издано более 20 книг и переводов русских авторов на английский язык; именно он одним из первых открыл миру обэриутов. Он был наиболее близким знакомым Азадовского из названных американских профессоров и, по словам Славинского,

также не курил анашу и приходил в дом «Славы», как его звали друзья, исключительно ради общения.

Но и то «отребье», которое в красках автора статьи представляют собой наши соотечественники, тоже требует комментария. Мы здесь видим литературный (и отчасти богемный) мир – поэты Ленинграда Алексей Хвостенко (1940–2004; с 1978 – за границей), Леонид Ентин (с 1978 – за границей), Игорь Мельц, не без симпатии увековеченный Бродским в «Школьной антологии» (1969): «А здесь жил Мельц…» Остальные тоже, несмотря на дурман, оказались вполне состоявшимися людьми: студент-заочник матмеха Александр Нахимовский (с 1971 – за границей) стал крупным специалистом по математической лингвистике и языкам программирования, профессором Университета Колгейт в Нью-Йорке, а его жена – профессором русской кафедры того же университета; лаборантка Лариса Волохонская (сестра поэта Анри Волохонского) – успешным переводчиком русской классики на английский язык (с 1973 – за границей); студентка Елизавета Берг-Кирпичникова (внучка академика Л.С. Берга) – биологом и литератором (с 1976 – за границей); переводчик с английского Юрий Клейнер ныне – известный лингвист, профессор Петербургского университета…

Характеристика

Впрочем, мы отвлеклись. Перейдем к третьему важнейшему документу уголовного дела – характеристике с места работы. Что можно написать о преподавателе немецкого и английского, который пять лет руководил кафедрой иностранных языков в ЛВХПУ имени В.И. Мухиной, а вместе с рекомендацией к переизбранию на новый срок получил очередное предложение вступить в ряды КПСС? Можно было просто воспользоваться недавней и вполне доброжелательной характеристикой, выданной Азадовскому два года тому назад для представления в бюро обмена жилой площади (ибо какой же обмен без характеристики!).

Но «пособие для следователей» требует иного подхода к столь важному документу:

> Запрашивая характеристики, следователю надлежит предупредить соответствующие организации о необходимости объективно подходить к составлению характеристики… Он должен ставить вопрос об ответственности руководителей предприятий и учреждений, работников общественных организаций, формально отнесшихся к составлению характеристик в отношении лиц, привлеченных к уголовной ответственности.

Это в действительности означает, что арестованный уже не имеет шансов получить положительную служебную характеристику, да и как можно положительно аттестовать сотрудника, если характеристика на него затребована из органов внутренних дел, которые обвиняют его в совершении уголовного преступления. И руководство Мухинского училища нисколько не подвело следователя Каменко – выдало Азадовскому совершенно особую характеристику.

Здесь нужно сказать, что оформление характеристики в те годы, да и вообще в советскую эпоху, было облачено в определенные процедурные рамки: текст ее составлялся, как правило, коллегиально, обсуждался и формально утверждался профсоюзом и/или парторганизацией. То есть сам факт выдачи характеристики подразумевал, что документ этот выдан коллективом и протокольно согласован на заседании парткома или профкома; именно поэтому в личном деле всегда сохранялась копия этого документа.

И вот Азадовский, знакомясь с материалами дела, изумленно читал характеристику, подписанную «треугольником», то есть директором, парторгом и профоргом Мухинского училища. В его случае это были: и.о. ректора В.И. Шистко, секретарь партбюро В.Я. Бобов, председатель профкома Л.Н. Бабушкина.

ХАРАКТЕРИСТИКА

> Азадовский К.М. работает в ЛВХПУ им. В.И. Мухиной в должности заведующего кафедрой иностранных языков с октября 1975 г. За прошедший период Азадовский К.М. много времени уделял решению творческих и научных задач, имеющих непосредственное отношение к его докторской диссертации. В работе по руководству кафедрой у Азадовского не отмечалось особой инициативы и глубины. Успеваемость студентов по кафедре иностранных языков за этот период не выросла. Идейно-воспитательная работа на кафедре не ведется на должном уровне. При попустительстве Азадовского среди сотрудников кафедры имеются случаи нарушения трудовой дисциплины и пьянства…
>
> Рассматривая кандидатуру Азадовского К.М. для участия в конкурсе на замещение вакантной должности заведующего кафедрой иностранных языков, ректорат не имел возможности оперировать документами и фактами, которые более глубоко характеризовали личность Азадовского К.М. Однако материалы, которыми располагает в настоящее время администрация вуза… свидетельствуют о низком моральном облике Азадовского, для которого характерны факты завязывания случайных знакомств с иностранцами, пьянства и дебоша. Поведение Азадовского разбиралось ректоратом и партийной организацией, однако воспитательная работа с ним не дала желаемых результатов.
>
> Администрация вуза, понимая, что личность Азадовского выпадает из ряда «штатных» случаев нарушения общественного порядка, внимательно следила за «вторым лицом» Азадовского К.М., стараясь ограничить возможность его нежелательного влияния на коллектив вуза, ставя Азадовского в условия, не позволяющие ему пропагандировать свои взгляды. Несмотря на удовлетворительно подготовленный отчет на Ученом совете вуза в 1980 г., кандидатура Азадовского К.М. не была вынесена на участие в конкурсе на переизбрание на новый срок.

Все это была самая откровенная ложь от начала и до конца (что через несколько лет будет доказано Азадовским в судебном порядке). Ведь годом ранее ему выдали характеристику, хотя и менее подробную, однако прямо противоположного содержания:

> Зарекомендовал себя как способный молодой руководитель, добросовестно относящийся к своим служебным обязанностям. К.М. Азадовский ведет большую научно-методическую работу, часто выступает в печати по вопросам филологии и истории литературы. Пользуется уважением товарищей в коллективе. Принципиален и морально устойчив. Политически грамотен.

Кроме того, уже было согласовано переизбрание Азадовского в должности завкафедрой на очередной пятилетний срок, 4 сентября 1980 года кафедра утвердила его отчет, и в конце сентября должны были состояться формальные перевыборы. Однако готовилась смена ректора, график переизбрания никак не утверждался – говорили, что «ждут решения министерства»… Вплоть до конца 1980 года вопрос о переизбрании Азадовского так и не был вынесен на Ученый совет.

В общем, несмотря на внушительный объем уголовного дела, Азадовский не нашел в нем ни единого документа, который характеризовал бы его положительно.

Зато как минимум три представленных в уголовном деле документа серьезным образом доказывали вину Азадовского. Нет, не как подсудимого по 224-й статье – в этом случае кроме «обнаруженных» среди книг пакетика, «крупиц» в карманах дубленки, а также результатов экспертизы вещества никаких прямых улик следствие так и не нашло. Вина его была куда более тяжкой, и народный суд не имел внутреннего права вынести ему иной приговор, кроме обвинительного. Перед судом, как свидетельствовали документы уголовного дела, должен был предстать прежде всего человек аморальный, которому нет места в социалистическом обществе.

И само уголовное дело, возбужденное по чисто уголовной статье, было настолько насыщено материалами в духе 70-й или 190-1 статей УК РСФСР, что оно уже естественным

образом смещалось в область морали и даже идеологии. И в результате дело Азадовского оказалось типичным образцом уголовного дела с «политическим» уклоном, подтверждая характеристику, данную В. Буковским:

> Ведь политическое следствие не преступление распутывает, а прежде всего собирает компрометирующий материал. Оно обязано выяснить, почему гражданин Н, внешне вполне советский, выросший в советской семье, воспитанный советской школой, вдруг оказался таким несоветским.

Предварительное следствие по делу Азадовского с такой задачей успешно справилось, и уже не было важно, сколь незыблемы доказательства непосредственного обвинения, потому как следствие доказало более существенные факты – моральную ущербность, червоточину самой личности обвиняемого, его чуждость нашему образу жизни, его неприемлемость для советского общества. И не имело особенного значения, какое ему предъявлено конкретное обвинение – хранение ли наркотиков, спекуляция или тунеядство…

Приговор за само уголовное преступление всегда оказывался в такого рода делах чистой формальностью. Ознакомившись с характеристикой и иными документами, характеризующими «личность», суд всегда вынужден был принять единственно правильное решение, дабы оградить советское общество от влияния «отщепенца».

Глава 5
По когтям узнаю льва

Азадовский и сразу после обыска, и в процессе ознакомления с делом все больше убеждался в том, что следствие по делу ведет не милиция. То есть формально оно велось в Куйбышевском районном УВД, да и находился обвиняемый не на Шпалерной, а в Крестах; но то, что за него серьезнейшим образом взялась более могущественная инстанция, – это он сознавал все более определенно.

Присутствие КГБ в общественной жизни страны было в те годы настолько всепроникающим, а его действия настолько устрашающими, что, даже если бы КГБ никакого отношения к делу не имел, все равно окружающие усматривали бы во всем именно КГБ – таково было реноме этой структуры, умышленно создаваемое в ее недрах и помноженное на психологию советского человека. Ситуация с Азадовским – не исключение. И довольно важно понять, имел ли Азадовский основания предполагать, что решающую роль в его судьбе взяли на себя в конце 1980 года именно карательные органы. Ведь, в конце концов, это дело могло восприниматься как обычная мелкая уголовщина вкупе с распространенной в интеллигентской среде манией преследования.

Следы в уголовном деле

Безусловно, в тех случаях, когда КГБ имел скрытое отношение к тому или иному уголовному делу, его присутствие, как правило, оставалось под спудом. Безусловно и то, что эта спецслужба, самая могущественная в стране, нет-нет да влезала в дела других силовых ведомств, в том числе и в процессы следствия МВД. Доказать такие факты впоследствии было невозможно ввиду полного отсутствия в уголовном деле каких бы то ни было следов КГБ.

Причем даже в те дела, которые велись по статьям, подведомственным КГБ СССР, и расследовались самим Комитетом, а не милицией или прокуратурой, оперативные материалы КГБ никогда не попадали. В секретной многостраничной «Инструкции по учету в органах КГБ при СМ СССР уголовных дел и лиц, привлеченных по ним к уголовной ответственности», утвержденной Ю. Андроповым 9 августа 1977 года, есть единственный

пункт, который во всем тексте выделен жирным шрифтом:

> Документы, содержащие сведения об агентуре или расшифровывающие методы чекистской работы (сообщения агентуры, материалы оперативно-технических мероприятий, наружного наблюдения, справки оперативно-справочных картотек и т. п.), приобщать к уголовным делам запрещается.

Тем не менее в уголовном деле Азадовского, которое формально расследовалось милицией, имеется документ, который сразу ставит точки над i. Наличие в деле этого листочка осведомленному человеку, тем более судье или прокурору, говорило в те времена много больше, нежели в нем написано. Это – приведенное выше постановление следователя Каменко от 12 февраля 1981 года об отказе в возбуждении уголовного дела в отношении Азадовского по статье 70 УК.

Казалось бы, не возбудили, и слава богу… Тем более что 70-я статья относилась к «особо опасным государственным преступлениям» и предусматривала до 7 лет заключения.

Но то обстоятельство, что этот листок все-таки оказался в уголовном деле Азадовского, означает, что его содержание как яркая характеристика «личности» обвиняемого было предназначено для глаз судьи, выносившего решение. А также для всех последующих инстанций – судебных и прокурорских. Однако важно другое – как это постановление вообще могло оказаться в уголовном деле по 224-й статье?

Оно, как мы видим, явилось логическим следствием экспертизы изъятых у Азадовского изданий, признанных антисоветскими. Напрашивается вопрос: на каком же основании следователь райотдела милиции лейтенант Каменко (к слову, не имеющий высшего юридического образования) счел необходимым вынести постановление, в котором затрагивается статья 70 УК, находившаяся тогда в компетенции другого учреждения? Напомним ее формулировку:

> Агитация или пропаганда, проводимая в целях подрыва или ослабления Советской власти либо совершения отдельных особо опасных государственных преступлений, распространение в тех же целях клеветнических измышлений, порочащих советский государственный и общественный строй, а равно распространение либо изготовление или хранение в тех же целях литературы такого же содержания.

Иначе говоря, все процессуальные действия по этой статье не могли проводиться органами МВД СССР – эти дела должны были расследоваться соответствующим территориальным органом Следственного отдела КГБ СССР. Мог ли рядовой следователь районного УВД принять самостоятельно такое решение?!

Данное постановление следователя свидетельствует лишь об одном: что в Управлении КГБ по Ленинграду и области после рассмотрения этого вопроса приняли решение о невозбуждении дела против Азадовского по 70-й статье УК. Вероятно, если бы все зависело от ленинградского главка, эту статью ему, скорее всего, и вменили бы. И наверняка нашлись бы необходимые «доказательства»: появились бы, например, свидетели, утверждающие, что Азадовский давал им читать книги, признанные антисоветскими, произносил в их присутствии антисоветские речи и т. д.

Но причина была, по-видимому, в другом: статья эта считалась политической, и для возбуждения уголовного дела по этой статье требовалось нечто большее, чем компрометирующие печатные материалы. Как свидетельствует начальник 5-го управления КГБ «по борьбе с идеологической диверсией противника» Ф.Д. Бобков, с приходом Ю.В. Андропова на пост председателя КГБ (1967) последовали принципиально важные изменения в работе территориальных управлений:

> Андропов ограничил некоторые права местных руководителей. Это, в

> частности, касалось права на возбуждение уголовных дел по статье 70 УК РСФСР (антисоветская агитация и пропаганда). Такое решение принималось только с санкции центра. Вина привлеченных к уголовной ответственности должна была доказываться документами и вещественными доказательствами. Признание обвиняемых и показания свидетелей признавались лишь как объяснение действий.

И, вероятно, именно приведенное обстоятельство – причина того, что, получив 22 декабря 1980 года заключение Горлита об антисоветском характере изъятой литературы, следствие формально только 12 февраля 1981 года отказалось от возбуждения уголовного дела по 70-й статье: думается, что руководство 5-го управления КГБ в Москве не санкционировало возбуждение уголовного дела по имеющимся на Азадовского материалам (или, возможно, Ленинградское УКГБ, имея определенный опыт в деле подготовки документов для Центра, само отказалось от возбуждения дела).

Здесь стоит еще раз согласиться с Азадовским – он не был диссидентом. И, чтобы наскрести по сусекам его биографии состав преступления по 70-й статье, не хватило оснований. Именно поэтому комитетчики сочли вполне достаточным изолировать его от общества, а по какой статье – это уже не играло особой роли… Причастность Азадовского к делу Славинского указала им на наркотики. Но могли, в сущности, возбудить дело и по какой угодно другой статье.

Кроме того, в уголовном деле Азадовского органы КГБ сами себя скомпрометировали, причем, как нам кажется, непозволительно. Дело в том, что присутствующее в уголовном деле экспертное заключение Б.А. Маркова при внимательном изучении его именно как документа имеет одну физическую особенность. На первом листе этого документа в правом верхнем углу даже зрительно заметна подчистка лезвием и резинкой. Но поскольку пишущая машинка оставляет более глубокий след (в отличие, скажем, от современного принтера), то при внимательном рассмотрении можно разобрать две полустертых строки, которые являлись некогда сведениями о подлинном источнике документа и которые следствие неуклюже попыталось убрать: «Управление КГБ СССР по Ленинградской области».

Конечно, уже тогда Азадовский многое понимал и прозорливо ощущал то, что мы сейчас имеем доказанным. Но было ли ему от этого легче? Вряд ли… Уголовная статья по делу о наркотиках не только перечеркивала его биографию, но и припечатывала ему клеймо уголовника. Нет, не уголовника вообще, поскольку и осужденные по политической статье в СССР также считались «уголовниками», а именно уголовника в смысле содеянного. И если для него как для ленинградского ученого и потомственного интеллигента было бы вполне возможно нести крест политзаключенного, то клеймо уголовника – это был уже явный перебор.

Что касается сроков заключения, то по статье 190-1 («Распространение заведомо ложных измышлений, порочащих советский государственный и общественный строй»), для которой можно было набрать улик на каждого жителя страны, подслушав лишь один его разговор или зафиксировав рассказанный им анекдот, предусматривался ровно такой же срок, как и по его нынешней статье – до трех лет лишения свободы. Почему тогда дело о наркотиках? Могли бы намотать и 190-ю прим. Этого он понять не мог…

Однако постепенно в голове Азадовского стала складываться целостная картина: он вспоминал осень 1980 года, когда ему всюду мерещилась слежка и он постоянно опасался обыска. Он вновь и вновь размышлял о том, почему его так долго не утверждали в должности в ЛВХПУ. Он перебирал в голове эти «не» уже не подсознательно, а вполне осознанно… Память подсказывала ему все новые факты, и он уже отчетливо видел, как в последние месяцы 1980 года вокруг него неумолимо сжималось кольцо…

Он, правда, пытался убедить себя в том, что он «ничего такого» не совершает и что вменить ему нечего. И друзья его успокаивали, объясняя такую подозрительность свойством его характера, врожденной мнительностью и даже подчас подозрительностью. Жизнь показала, что он вовсе не заблуждался. Не случайно Светлана заявила на одном из допросов, что «в последнее время за ней и ее мужем, Азадовским К.М., осуществляли наблюдение

незнакомые лица».

Вне уголовного дела

В сентябре 1980 года к Азадовскому в коридоре подошел проректор Мухинского училища Владимир Иванович Шистко (чья подпись вскоре окажется под служебной характеристикой Азадовского). Он огорошил Константина Марковича сообщением, что к нему обращались «кураторы из Комитета», утверждавшие, что Азадовский «антисоветчик, выступающий якобы перед немецкими туристами с антисоветскими речами», и настойчиво рекомендовали не переизбирать Азадовского на очередном конкурсе. В тот момент Шистко сочувственно отнесся и к Азадовскому, и к ситуации, и – надо отдать ему должное – предложил довольно изящный выход: вступить в КПСС, «чтобы защититься». Азадовский ответил сплеча: «Все это абсурд и нелепость, не надо меня тянуть в партию!» – и счел этот разговор очередной завлекаловкой в парторганизацию вуза.

Понять всю серьезность того, что сказал ему Шистко, он смог буквально через две недели. Ему позвонила одна из его знакомых, Наталья Исаметдинова, и попросила о встрече. Когда они встретились, она сквозь слезы стала рассказывать, что несколько дней назад, 13 октября 1980 года, ее вызвали в милицию прямо с работы. Там, в отделении милиции, люди, назвавшие себя сотрудниками угрозыска, стали ее расспрашивать о «гражданине Азадовском» и убеждать в том, что он является замаскированным врагом советского государства. Начали они издалека, сообщив, что уже его отец был «врагом народа» – «участником сионистского заговора, расстрелянным за антисоветскую деятельность». О самом Константине ей также сообщили много неожиданного: он, дескать, наркоман, частый гость ленинградских наркопритонов, а кроме того, агент западногерманской разведки; и пытались добиться от Натальи подтверждения этим «фактам». Когда это не получилось, ее стали принуждать к даче ложных показаний: требовали написать, что она вступала в связь с Азадовским до достижения 18 лет (120-я статья УК – «развратные действия в отношении несовершеннолетних», до 3 лет лишения свободы). Однако девушка нашла в себе силы дать отрицательные ответы во всех случаях. Тем не менее ей на прощание сказали, что «Азадовский – враг, который должен быть наказан и будет наказан», и взяли у нее «подписку о неразглашении».

Мы не знаем, с кем еще велись осенью 1980 года подобные разговоры; но в данном случае сотрудники органов действовали топорно: пришли к девушке, чтобы под угрозами вынуть из нее компромат на человека, к которому она относилась с симпатией и, несмотря на подписку, смогла ему все рассказать. А сколько знакомых, давших такую же подписку, ему никогда и ничего не сказали…

Конечно, такие истории не могли не обеспокоить Константина. Особенно его настораживало то, что компромат на него собирается не «политический», а определенно «уголовный».

Уже во время следствия, как он узнал вскоре, сотрудники КГБ СССР продолжили оперативную работу по дальнейшему разоблачению враждебной деятельности Азадовского и Лепилиной. Это были сотрудники УКГБ по ЛО Безверхов и Кузнецов. До сих пор в нескольких архивных коллекциях сохраняются клочки бумаги, на которых эти офицеры госбезопасности оставляли свои координаты – рукодельные визитные карточки, прямо как в теледетективе: мол, звоните, ежели чего вспомните! Копии этих «визиток» в качестве доказательства причастности КГБ к своему делу Азадовский позднее прилагал к своим заявлениям в КГБ СССР. В одном из них (1988 года) он, в частности, писал:

> …В январе 1981 г. один из названных сотрудников требовал (по телефону) от гр. Цакадзе М.Г., артистки Ленгосконцерта, чтобы она прервала гастрольную поездку по стране и срочно вернулась в Ленинград только для того, чтобы «переписать» свои показания по делу Лепилиной, которые она (Цакадзе) дала на предварительном следствии. Безверхов и Кузнецов неоднократно беседовали с

> Цакадзе, хвастливо заявляли, что наше уголовное дело наверняка будет иметь продолжение, что нас обоих (меня и Лепилину) «для начала» лишь слегка «пожурили» и т. п.
>
> …В январе 1981 г. Безверхов и Кузнецов приезжали к вдове моего знакомого Балцвиника М.А., убеждали ее в том, что я, будто бы, собирался продать на Запад за 50 долларов коллекцию фотографий, завещанную мне ее покойным мужем и т. д. Пытаясь склонить [Л.Г.] Петрову к лживым показаниям, сотрудники КГБ в сущности преследовали одну цель: «доказать», что я замышлял государственное преступление.

Разберем еще одну ситуацию, которая после ареста Азадовского получила в литературных кругах однозначную трактовку: провал его кандидатуры в члены Союза писателей, когда при голосовании на секретариате Ленинградского отделения СП ему «не хватило всего одного голоса».

Сперва отметим специфическое отношение к переводчикам в Союзе писателей, которое можно видеть по высказыванию Геннадия Шмакова, эмигрировавшего в декабре 1975 года в США и давшего 28 марта 1976 года интервью корреспонденту нью-йоркского бюро радио «Свобода» В.И. Юрасову. Вот что он сказал о коллегах по секции художественного перевода:

> …Труд их оплачивается достаточно высоко, они пользуются правами наравне с другими членами Союза писателей – прозаиками, поэтами, критиками. С другой стороны, они – парии и неугодные личности. Они знают языки, им доступна любая литература и информация, их литературные мерки и критерии высоки, они – элита, и потому советские писатели, в массе своей прекрасно усвоившие, что соцреализм – это способ угодить партийному начальству в доступной им форме и обогатиться, испытывают к ним классовую неприязнь. К тому же они – конкуренты большинству советских писателей, для которых литература – источник привилегий. Ведь чем больше в России выходит хорошей западной литературы, тем выше уровень читательской взыскательности и вкуса…

Вообще же система избрания в Союз писателей в те времена была чем-то похожа на защиту диссертации: она занимала не менее года при самом благополучном раскладе и процедурно вконец изматывала даже карьеристов или приспособленцев, не говоря уже о рядовых писателях и переводчиках, вознамерившихся примкнуть к профессиональному сообществу. Поначалу требовалось собрать и представить рекомендации трех действующих писателей, членов Союза, а также ворох других бумаг; затем получить не менее ⅔ голосов в тайных голосованиях на всех уровнях, которых в общей сложности было четыре! Сперва секция (прозы, поэзии, критики, перевода и т. д.), затем – приемная комиссия, затем – секретариат Ленинградского отделения СП, и уже победным финалом – Москва, формально утверждавшая голосование «на местах». Главная трудность для тех, кто вполне устраивал коллег по писательскому цеху, как раз и состояла в голосовании секретариата Ленинградского отделения, где многим прошедшим два первых этапа обрезали крылышки с формулировкой «не хватило одного голоса».

У Азадовского этот процесс растянулся больше чем на год. В 1978 году он его инициировал и получил необходимые рекомендации. Его рекомендовали три члена Союза писателей: академик Дмитрий Сергеевич Лихачев, доктор филологических наук Владимир Григорьевич Адмони, переводчица Рита Яковлевна Райт-Ковалева.

Так вот, 1 декабря 1980 года секретариат Ленинградской писательской организации как раз рассматривал кандидатов от переводческой секции, уже преодолевших первые две ступени, и Константину Азадовскому не хватило одного голоса. Безусловно, такое решение секретариата было для Азадовского неожиданным, да и весьма огорчительным: ведь членство в Союзе писателей – это не только возможность иметь привилегии согласно статусу, но и некоторый, хотя бы и эфемерный, иммунитет от «органов». Тем более что

ленинградские чекисты всегда внимательно присматривались к тому, что происходило у их соседей-писателей.

И, наконец, еще одна история. Весной 1977 года Светлане позвонили на работу: «С Вами говорит сотрудник управления КГБ по Ленинграду; нам нужно с Вами сегодня встретиться. Подробности будут при встрече. Вам удобно у Летнего сада? Тогда договорились». Светлане было не слишком удобно, но, видимо, это было удобно сотруднику – все-таки недалеко от Литейного, 4. Вероятно, если бы ее вызвали непосредственно в Управление, она бы как-то настроилась на официальный лад, а тут – совсем непонятно; что еще за прогулки по Летнему саду?

Летний сад был уже наполнен бурной весенней зеленью липовых деревьев, людей почти не было. Она пришла раньше и пару минут подождала; они вошли внутрь и медленно шли по боковой аллее у Лебяжьей канавки. Разговор был мягкий, несколько даже с намеком на ухаживание – такой очень вежливый сотрудник, он деликатно коснулся прежней жизни Светланы, ее умершего мужа, потом – нынешней… «Ведь уже два года, как Вы вместе с Костей…»

Такая осведомленность о ее жизни Светлану испугала. Вопросы тем временем становились менее невинными. Уверена ли Светлана в своих друзьях? Понимает ли она, что Родина может в какие-то моменты нуждаться в ее помощи? Знает ли она, какой агрессии, явной и скрытой, подвергается Советский Союз со стороны западных спецслужб?..

Будучи человеком неглупым и прямым, Светлана в лоб спросила его, почему он ведет с ней этот разговор и что конкретно ему от нее нужно – ведь ни в чем предосудительном она не замешана и вряд ли к ней в связи со всем вышесказанным у КГБ могут быть какие-либо претензии. Сотрудник согласился и вообще поддержал Светлану в ее словах, но пояснил: среди ее знакомых есть люди, которые могут оступиться и принести вред не только себе, но и стране; есть те, которые общаются с иностранцами и потому находятся в группе риска…

И сотрудник предложил Светлане изредка, раз в две-три недели, встречаться, гулять, сидеть в кафе, И, быть может, он однажды попросит ее рассказать о ком-то конкретно. «Это только предложение» и т. д. Светлана была не менее откровенна. Она заявила (и, вероятно, не кривила при этом душой), что «это не для нее», что она «все равно не тот человек, который может или хочет иметь двойную жизнь» и т. д. И в конце концов сказала твердое «нет».

Расставаясь, сотрудник попросил не распространяться об этом разговоре: «Это важно и для вашего спокойствия». Буквально через полчаса, встретившись с Константином, она рассказала ему об этом. Впоследствии никто никогда ей об этом не напоминал.

Что это была за встреча? Говоря шершавым языком контрразведки, это был «личный контакт с кандидатом на вербовку в качестве агента, который позволяет выяснить, пригоден ли кандидат к агентурной работе». И действительно, в тот весенний погожий день сотрудник УКГБ выяснил, что Светлана для агентурной работы непригодна. Вероятно, после встречи он так и написал в своем отчете…

Тайна

Но где же берет начало это противостояние? Ведь кроме общения с иностранцами за ним и «вины» – то никакой не было… При этом «иностранцы» – в основном коллеги-филологи, специалисты по русской литературе.

Было ли общение с ними предосудительным? Судя по тому, что приезжали эти коллеги в СССР официально, не без труда получая визы и оформляя стажировки в академических институтах Ленинграда и Москвы, то, наверное, особой политической опасности для Советского государства они не представляли. Но и у них с точки зрения государственной безопасности иногда оказывался «скелет в шкафу». А Ленинградское управление славилось именно разработкой иностранцев.

Для КГБ не было секретом, что многие западные русисты 1960–1970-х годов, особенно

англичане, учили русский язык не в университете. Дело в том, что на заре холодной войны, когда Европа ожидала агрессии от СССР, премьер-министр Великобритании Клемент Ричард Эттли (занимавший этот пост в 1945–1951 годах, в период «междуцарствия» Черчилля) озаботился тем, что почти никто в стране не знает русского языка. Правда, некоторые британские офицеры изучали русский язык в King's College и на кафедре славистики Лондонского университета, а затем жили несколько месяцев в эмигрантских семьях, но это все-таки были разведчики и кадровые дипломаты, и численность их была крайне невелика. Речь же шла о том, что вскоре предстоит полномасштабная война с СССР и армия будет нуждаться в переводчиках в значительно большем объеме.

И тогда в 1951 году Эттли подписал секретное распоряжение о создании в системе вооруженных сил Великобритании сети языковых школ – The Joint Services School for Linguists. Они просуществовали до 1960 года, и набор в них осуществлялся официально по призыву в вооруженные силы; в результате за десять лет было подготовлено более шести тысяч молодых людей, которые знали русский язык наилучшим образом – военная дисциплина поддерживала успеваемость на высочайшем уровне. И хотя эти школы не входили в систему британской разведки и не готовили офицеров для Secret Intelligence Service, выпускникам было запрещено делиться сведениями о своей учебе как представляющими государственную тайну. При этом в СССР – в Первом главном управлении КГБ – ошибочно полагали, что эти языковые школы являются аналогами разведшкол. Именно поэтому, получив сведения о том, что гость Страны Советов имеет за плечами такое лингвистическое прошлое, чекисты не сомневались в его разведывательной миссии.

Много известных писателей и русистов изучило таким образом язык Толстого и Достоевского. Писатели Алан Беннетт и Дональд Майкл Томас тоже учились в этой школе, а последний впоследствии отметил глубину изучения языка, несмотря на военные цели. «Что гораздо важнее, – писал Томас, – она воспитала поколение молодых и позднее влиятельных британцев, испытывавших глубокие, исполненные уважения, трогательные чувства к России – вечной России Толстого, Пушкина и Пастернака».

По-видимому, Азадовский и начал по-настоящему интересовать отечественные спецслужбы именно тогда, когда стал де-факто «связью иностранца» – так на языке КГБ именовались граждане СССР, «имеющие или имевшие контакты с иностранцами, прибывшими в Советский Союз из капиталистических государств». Далее в этой связи внутренние инструкции КГБ СССР подчеркивали: «Наибольший оперативный интерес представляют контакты, устанавливаемые иностранцами из капиталистических государств, причастными или подозреваемыми к причастности к разведывательным, контрразведывательным и иным специальным службам противника».

Впрочем, Азадовский, чувствуя интерес компетентных органов к его «контактам», вряд ли в то время догадывался, что КГБ подозревает практически всех филологов-русистов в разведывательной деятельности, направленной на подрыв обороноспособности СССР.

А вот где он подозревал реальную опасность, так это в своей «прошлой жизни». В студенческие годы Азадовский работал во время каникул гидом-переводчиком в бюро международного молодежного туризма «Спутник», созданном в конце 1950-х годов на волне оттепели (по сути – молодежный вариант «Интуриста»). Эта работа кроме языковой практики и общения с иностранцами имела одно особое обстоятельство – делала фактически обязательным общение с сотрудниками КГБ. Процитируем еще раз в этой связи строки из дневника Алена Жмаева, относящиеся к 1960-м годам:

> Утро я встретил на подоконнике рабочей комнаты, под сенью герани, в обществе молодой женщины с кафедры немецкого языка. Мы дурачились от души, но близился скупой рассвет, а вместе с ним трезвели и мы. Моя дама несколько лет работала в «Интуристе», и, конечно, я стал расспрашивать ее, как мы относимся к иностранцам. Этот вопрос занимал меня давно, а так впервые представилась возможность получит ответ из первых рук.

> – Ужасно! – сказала она. – Просто ужасно. Ведь «Интурист» – официальный филиал КГБ. Все наши гиды у них на учете, и все мы даем подписку, что будем сообщать им обо всем подозрительном. Маршруты для иностранцев расписаны строжайше. Если мы едем в соседний город жарким днем и проезжаем живописную деревушку, а нашим гостям почему-то захотелось остановиться, размять ноги, полежать на травке, может быть, даже молочка попить, мы, гиды, обязаны письменно сообщить, сколько минут стоял автобус, кто и на какое расстояние отходил, не задавалось ли на остановке дополнительных вопросов и т. п. Доверия ни к кому из приезжих: ни коммунистам, ни антифашистам. Это ты у себя на родине, может быть, антифашист, а у нас ты – потенциальный шпион. Мы обязаны фиксировать о них всё: вопросы, замечания, интересы, рассказы о родных местах, – всё, кроме их разговоров о погоде и восхищения русской водкой.

Восемнадцатилетний студент филологического факультета Константин Азадовский, устраиваясь летом 1960 года в «Спутник» гидом-переводчиком, имел обо всем этом отдаленное представление. Его привлекала возможность активизировать свой немецкий язык – пообщаться с живыми носителями. Да и ничего устрашающе-идеологического он при поступлении на эту работу не видел. На дворе стояла хрущевская эпоха, и Константин, как и многие в ту пору, верил, что все кровавые ужасы, о которых он слышал от взрослых, в прошлом.

«Спутник» формально был независим от «Интуриста», в качестве вышестоящей организации им руководил Комитет молодежных организаций СССР (который, в свою очередь, представлял собой внешнеполитическое подразделение ЦК ВЛКСМ и формально был отдельной общественной организацией). Но если «Интурист» имел в своем штате около 800 профессиональных переводчиков и устроиться туда студенту было практически невозможно, то «Спутник» привлекал к работе именно студентов языковых вузов. Несмотря на то что они не имели официального оклада, их труд все-таки оплачивался: во-первых, они обеспечивались наравне с приезжавшими гостями, то есть имели трехразовое качественное питание, которое предлагалось гостям из-за границы советским общепитом; во-вторых, за каждый день работы с группой – от дня приезда до дня отъезда – им выдавалось по 10 рублей карманных денег.

Работал Азадовский в «Спутнике» дважды, по месяцу с небольшим, после второго и после третьего курса – летом 1960 и 1961 годов. Именно в 1961 году он и «влип».

Оказавшись с группой туристов из ФРГ на одном из южных курортов СССР, Константин, как говорится, «расслабился»: днем загорал на пляже, вечера проводил в задушевных беседах с немцами. Участвовали в этих застольях и советские отдыхающие. Говорили на разные темы, часто спорили о «социализме» и «капитализме». Как-то раз в разгаре очередной дискуссии кто-то из присутствующих предложил выпить за капитализм. Константин поддержал этот тост, что-то добавил и от себя. Наутро это стало известно «кому надо». Ни о чем не подозревая, он доставил туристов в Москву, и здесь его вызвали к одному из руководителей «Спутника». Тот хмуро посмотрел на него, сообщил о поступившем «сигнале» и объявил, что отстраняет его от работы. «По какой причине?» – «Не следует языком болтать».

В Ленинград Константин вернулся уже своим ходом. Лето еще не закончилось, студенты должны были где-то работать, и он устроился в университетский комитет ВЛКСМ. Организовывал встречи, координировал работу стройотрядов и пр. Секретарь университетского бюро Володя Калюжный относился к нему с явной симпатией. А осенью на одном из заседаний бюро ВЛКСМ ЛГУ выступила сотрудница из другого бюро – Бюро международного молодежного туризма, которая и сообщила изумленным комсомольцам о поведении студента Азадовского, не оправдавшего доверие, принимавшего участие в антисоветских разговорах и в итоге отстраненного от работы с иностранцами. Поступок студента разбирался на заседание комсомольского бюро, но дело, по счастью, не получило продолжения. Комсомольское руководство (Костя знал их почти всех лично) попросту

замяло эту историю.

Этим, однако, дело не ограничилось. Вскоре его вызвали в «Спутник», где с ним пожелал встретиться некий товарищ, попросивший называть его Николай Михайлович. Расспросив Константина об обстоятельствах курортного эпизода, товарищ в духе весьма благосклонном сказал, что «органы» ему в общем-то доверяют, что они рассматривают его проступок как случайность и предлагают продолжить работу, только не в «Спутнике», а в «Интуристе». Разумеется, не сейчас – учебный год уже начался, – а в будущем сезоне, во время летних каникул 1962 года.

Чем отличалась работа в «Интуристе» от работы в «Спутнике», так это чистописанием. Несмотря на слухи, что «“Спутник” – филиал КГБ», там ничего писать не заставляли, особенно с учетом возраста гидов. В «Интуристе» же дело было поставлено куда основательнее. После работы с группой или отдельным туристом абсолютно все гиды писали отчеты; трудно поверить, что все они без исключения были на крючке у КГБ: наверное, кто-то из них был штатным сотрудником Комитета («офицером действующего резерва КГБ СССР»); кто-то, подобно Азадовскому, был тем или иным способом заловлен в сети; а кто-то, вероятно, вообще не имел никакого отношения к спецслужбам.

Словом, работа была прежней, только с обильной писаниной; но ничего особенного по-прежнему не происходило, все служебные обязанности оставались в рамках переводчика. Лишь изредка его вызывали (в «Спутнике» обычно для расспросов была комната в гостинице, в «Интуристе» же была на законных основаниях спецчасть) и задавали вопросы о ком-то из туристов. «Не показалось ли тебе, что он знает русский?» – «Нет, не показалось». – «Не пытался ли отделиться от группы?» – «Нет, не пытался».

В августе 1962 года Азадовского вновь пригласили на беседу, в этот раз – к одному из руководителей ленинградского «Интуриста». Это случалось и раньше, когда его спрашивали о впечатлении от группы или от конкретного иностранца. Но теперь разговор касался иного. Речь шла о том, что он уже взрослый человек, гражданин своей страны, что мир расколот на два враждующих лагеря и «каждый советский человек» обязан в этой ситуации сделать свой выбор. Что ему, Азадовскому, конечно же, доверяют, но этого недостаточно. Он должен написать расписку в том, что готов помогать органам. Разумеется, все это относится лишь к его работе в «Интуристе» – ничего иного от него не потребуется. В разговоре принимали участие еще несколько человек; один из них был тот самый «Николай Михайлович».

Прямых угроз в этом разговоре не было, хотя и произносились фразы о том, что «стоит подумать о будущем», звучали напоминания о комсомольском билете, о прошлогоднем проступке, на который органы милостиво закрыли глаза.

Растерявшись и с ужасом думая о том, что может случиться, если он сейчас откажется, Константин под диктовку написал то, что от него требовали.

После этого он продолжал водить по городу немцев, австрийцев, швейцарцев… И после каждой работы писал, как и раньше, отчеты. Прошло еще одно лето. Никто к нему более не обращался, и никаких дополнительных расспросов о его подопечных не было.

Однако осенью 1962 года его вызывали в «Интурист» и стали задавать вопросы, уже не имеющие отношения к иностранцам. Интересовались его ленинградскими друзьями и знакомыми, людьми его круга. Он дал всем, о ком его спрашивали, весьма лестные отзывы. Недовольство сотрудников было налицо. С ним довольно сухо попрощались.

Выйдя на улицу, Азадовский наконец понял, в какую скверную историю он вляпался и что его хотят использовать не только в работе с иностранцами. В этот момент он стал думать, что должен решительно порвать с «конторой». Он немедленно сообщил тем, о ком его спрашивали, про повышенный интерес к ним со стороны «органов» и стал размышлять, что ему делать дальше. Он был еще на четвертом курсе – дадут ли ему окончить университет? Не вышибут ли из комсомола (это было бы волчьим билетом – одно только упоминание такого факта в характеристике лишило бы в будущем и аспирантуры, и преподавательской работы), не отправят ли в армию?

Но если еще летом он поддался минутному страху, то теперь у него сомнений не

оставалось. Он должен их «послать подальше» – и будь что будет!

Шли месяцы, его никто не тревожил. Тем временем он переехал с матерью на другую квартиру; в университете появлялся редко. Начался пятый курс – лекций и семинаров было немного, он был занят работой над дипломным сочинением. Ему казалось, что после последней встречи его решили оставить в покое – махнули на него рукой как на «бесперспективного». Собственно, он уже оставил все это в прошлом и думал, что и его оставили…

Однако в начале 1963 года они встретили его утром на улице возле дома (уже по новому адресу), когда он выходил в библиотеку. Старый знакомый «Николай Михайлович» подошел к нему и предложил сесть в машину. Подъехали к дому возле Финляндского вокзала, поднялись в квартиру. Началась беседа, в ней участвовали двое сотрудников. Разговор был уже не таким ровным и сдержанным, как год назад – на него откровенно давили. Да и не таким коротким – он продолжался до темноты.

Трудно объяснить, каким образом Азадовский – ведь на кону стоял университетский диплом и в общем-то вся будущая жизнь – на этот раз не «прогнулся» и не уступил напору. Но за этот промежуток времени между окончательным разрывом с «Интуристом» и доставкой его на явочную квартиру он многое смог передумать и попросту устал от довлеющего, каждодневного ощущения своей причастности к организации, суть и смысл которой ему становились все более очевидными. Будь он поопытней и постарше, он, возможно, подошел бы к такой ситуации цинически, но тогда, в пору расцвета поэтической молодости, он перестал бы сам себя уважать, если бы поступил иначе. Это был не отказ в силу личной смелости – нет, это было скорее безразличие и отчаяние человека, загнанного в угол, но который не может «поступиться принципами».

Закончился разговор только тогда, когда стороны поняли, что договориться невозможно. В состоянии глубокой подавленности вышел Азадовский из дома, который и до сего дня стоит недалеко от Финляндского вокзала… Это тягостное состояние никуда не делось и на улице; не улетучилось и на следующий день…

И в общем-то было от чего прийти в столь подавленное состояние. В те советские годы очень многие люди, особенно молодые, а подчас и не очень, вынужденно или невынужденно соглашались сотрудничать с органами госбезопасности. Однако с уверенностью можно сказать, что отнюдь не многие могли потом найти в себе силы и мужество противостоять этому и навсегда с этим порвать.

И все то время, когда он дописывал диплом, а затем готовился к государственным экзаменам, он жил с огромным грузом, не в силах забыть того долгого разговора. Он опасался, что они явятся к нему снова, и каждый раз вздрагивал от звонка телефона или при виде незнакомых лиц у арки дома или на выходе с факультета… Он ожидал последствий вплоть до того момента, как ему выдали диплом Ленинградского университета.

«Все-таки они дали мне окончить университет!» – говорил он себе и был безусловно прав. Может быть, ему повезло. А может быть, действующие в то время инструкции не позволяли расправляться с отступниками таким прямым способом.

С годами эта история стала забываться. Он никогда ее не афишировал, рассказывал о ней лишь самым близким друзьям. Да и о чем было рассказывать, по большому счету? Но забыть ее и полностью похоронить в себе не получалось.

Процитируем окончание воспоминаний Азадовского о поездке к Иосифу Бродскому в Норенскую; речь идет о стихотворениях, написанных Азадовским в Норенской в 1964 году и отстуканных на машинке Иосифа, а затем, после отъезда гостя, оставшихся в бумагах поэта. По случайному стечению обстоятельств эти стихи оказались опубликованными в 1992 году в первом томе Сочинений Бродского. Вот одно из них:

Лисица не осмелится кружить
за вытянутым домиком, за бродом,
и птицы, не желающие жить,

снижаются всегда над дымоходом.

И путника, усталого на вид,
однако же исполненного цели,
свеча в твоем окне заворожит,
но он не остановится у ели.

И даже неприметная на глаз
снежинка не задержится у тына,
и ангела блуждающего глас
изгнанник не услышит у овина.

Лишь ветер остановится на миг,
спеша от океана к Енисею,
безликий и беспомощный старик
со слабостью к тебе и Одиссею.

6 декабря 1964
Норенская

…Мы встретились только через семнадцать лет в Нью-Йорке и во время каждого из наших американских свиданий обсуждали иные сюжеты, весьма далекие от «затерянной в болотах» деревни. Но однажды Иосиф вспомнил о Норенской. Речь зашла о моих стихах, напечатанных под его именем. «Зачем ты сказал им?» – упрекнул меня Иосиф, имея в виду петербургских издателей «Собрания сочинений». – «А почему? – удивился я. – Тебе это надо?» – «Да нет, – сказал он как-то мечтательно, – была бы у нас с тобой *тайна* ».

И если у Бродского, как замечает автор воспоминаний, было немало тайн, одну из которых Азадовский раскрыл, сочтя ее излишней, то собственная *тайна* Азадовского жила внутри него много лет.

Когда он наконец получил диплом с отличием, у него отлегло от сердца, словно и нет уже никакой *тайны,* просто хотели напугать по молодости лет… Но когда в 1969 году на него посыпятся невзгоды за упорство на процессе Славинского, он будет вспоминать эту *тайну* , поймет, за что ему достается, и оттого станет еще кремнистей. И вот теперь, лежа в тюремной камере и с замиранием сердца наблюдая, как его жизнь катится под откос, он понимал, что это тоже, и не в последнюю очередь, расплата за тот отказ.

Для иных есть час, когда надобно без фальши
сказать во всем величье Да, иль Нет во всем величье
сказать. И тот немедленно становится отличным,
кто Да имел готовое, сказав его, он дальше

идет в чести – попробуйте такого разуверьте.
Сказавший Нет стоит на том. Когда б его спросили снова,
он снова Нет сказал бы… но, как камень, это слово
гнетет его. Хоть вновь он прав. И так до самой смерти.

К. Кавафис. «Che fece… il gran rifiuto». Пер. А.Л. Величанского

Глава 6

Правосудие

Накануне суда

Итак, Константин Азадовский ознакомился с делом. Чтобы понять, насколько качественно лейтенант Каменко справился с расследованием, приведем выдержку из постановления, подписанного в тот же день, когда дело было закрыто следствием, – 13 февраля 1981 года:

> В ходе следствия, – писал лейтенант Каменко, – установлено, что Азадовский в неустановленное время у неустановленного следствием лица незаконно приобрел не менее 5,2 грамма наркотического вещества – анаши, которое незаконно хранил при себе и по месту своего жительства. Принимая во внимание, что в действиях лица, продавшего Азадовскому наркотическое вещество, усматриваются признаки преступления, предусмотренного ст. 224 УК РСФСР, принятыми мерами установить это лицо до настоящего времени не представилось возможным, а срок следствия по делу истекает, руководствуясь ст. 26 УПК РСФСР, постановил: Материалы на неустановленного следствием лица, у которого обвиняемый Азадовский К.М. приобрел наркотическое вещество, выделить в отдельное производство.

Конечно, эта «неустановленность» требовала адвоката, которого Азадовский ждал со дня на день, чтобы обсудить с ним линию поведения на суде. Но Хейфец, как мы знаем, отказался; Розановский появился лишь накануне суда – уже было не до обсуждений…

Сам Азадовский по прочтении дела не слишком надеялся на «самый справедливый суд в мире». Однако сам факт суда – какого-никакого, но все-таки открытого процесса! – был для него шансом к сопротивлению. К тому же он не оставлял надежды убедить суд вызвать Светлану в качестве свидетеля.

Однако начались неожиданности. 10 марта в камере 447 Крестов была проведена внеплановая проверка, другими словами, «шмон». Будь Азадовский зэком боязливым и сдержанным, может, и пронесло бы, но он сделал контролеру («цирику») замечание, тот ему что-то ответил, Азадовский добавил еще какое-то слово, в ответ – сильный удар металлической дверью камеры, который пришелся по голове. Результат – кровоподтеки и сильное сотрясение мозга (к счастью, обошлось без особых увечий). Хорошо понимая, что его главное оружие – это бумага и перо, Константин пишет одно за другим заявления начальнику СИЗО, в которых просит наказать виновных в избиении, оказать ему медицинскую помощь, а также пригласить прокурора. При этом он называет свидетелей – сокамерников, готовых дать показания. В результате Азадовского все-таки отвели в медчасть, зафиксировали сотрясение мозга и назначили курс уколов и постельный режим. После этого, буквально за три дня до суда, Азадовского переводят в другую камеру.

То обстоятельство, что сотрудники исправительно-трудовых учреждений так реагируют на упреки, имело и свое «научное» объяснение, которое мы не без удивления можем прочитать в ведомственном журнале МВД «К новой жизни» (№ 1, 1978):

> Все без исключения сотрудники ИТУ воспитаны и воспитываются в духе принципов социалистического гуманизма, уважения к человеческому достоинству людей, уважать которых подчас очень трудно. Поэтому наш сотрудник, постоянно слышащий о необходимости быть чутким и внимательным к осужденным, к их законным требованиям и просьбам, сам становится более ранимым к проявлению черствости и невнимательности по отношению к нему самому.

16 марта 1981 года

День суда для заключенных, которых конвоируют из СИЗО, всегда был (и кажется до сих пор остается) крайне трудным. Красочное описание процедуры сборов в суд можно почерпнуть из записок Альфреда Мирека (1922–2009), который проделал этот путь в 1985 году:

> Ежедневно утром, кроме субботы и воскресенья, с четырех часов до пяти хлопают кормушки: дежурный произносит фамилию – остальное говорит тот, кого должны сегодня вызвать в суд. День вызова в суд сообщается заранее, и обычно к нему начинают готовиться с вечера, обдумывая: чей возьмет матрац, какую миску и кружку…
>
> В районный суд, где дело оканчивается обычно одним заседанием, забирают все – и казенные, и свои вещи. В городском суде заседание не одно, и можно брать с собой только необходимые для суда документы, остальное остается в камере.
>
> Наступило время и моих поездок. Процедура эта долгая и довольно изматывающая: ранний подъем и вывод из камеры, ожидание, пока вызовут и соберут всех; очередь в «обезьяннике», где сдают матрацы и прочие казенные вещи. И, наконец, «собачник» – одна из камер, в которую собирают отправляющихся в суд…Называют их «собачниками», очевидно, потому, что они мрачные, темные, обычно набиты людьми и в них стоит шум, как в собачьих клетках, в которых животных возят на живодерню.

Приезжает автозак, и конвой забирает группу заключенных для развоза по городу. После прибытия в тот или иной райнарсуд подсудимого конвоируют в специальное небольшое помещение для ожидающих решения своей участи.

Заседание в Куйбышевском райсуде, назначенное на час дня, началось с заметным опозданием. В коридоре теснилось множество людей, и Азадовский, пока его вели в зал заседаний, успел заметить несколько знакомых лиц.

«Встать! Суд идет!» Молодой и уверенный судья Александр Сергеевич Луковников, выпускник юрфака ЛГУ, занимает свое место под гербом РСФСР. Азадовский первым делом подает председательствующему ходатайство о переносе судебного заседания в связи с состоянием здоровья (рассказывает о нанесенном ему по голове ударе дверью). Судья вызывает по телефону доктора из Крестов. Приезжает доктор – тот самый, что несколько дней назад поставил диагноз «сотрясение мозга», измеряет подсудимому давление и письменно свидетельствует, что «гражданин Азадовский практически здоров» и может участвовать в процессе.

Как проходил этот «открытый суд»? Это, конечно, был суд в лучших советских традициях абсолютного бесправия обвиняемого и торжества союза судьи и прокурора, когда адвокату отведена роль статиста, а судьба обвиняемого предрешена заранее.

Желая присутствовать в зале суда, пришло около сорока человек – друзей и знакомых Азадовского. Однако попасть на это заседание удалось не многим. Зал был забит полностью, так что большинство пришедших осталось за дверью. Писательница Нина Катерли, которая тоже пришла на суд, вспоминала впоследствии:

> Этот суд я хорошо помню. Точнее, то, что происходило под дверью зала заседаний, куда мне попасть не удалось. Я пришла заранее и была растрогана, увидев в коридоре множество молодых людей. «Студенты. Волнуются. Пришли “поболеть” за своего преподавателя».
>
> Однако перед самым началом заседания «студенты» как по команде поднялись и сгруппировались, загородив дверь. Я подошла к этой двери раньше них и стояла к ней вплотную. Но войти в зал мне не удалось. У «студентов» были крепкие локти, меня притиснули к стене, а чтобы не дергалась, один из них стиснул в руке цепочку кулона, что был у меня на шее, и так потянул, что я чуть не задохнулась. А пока он меня душил, вся команда «студентов» мгновенно

> заполнила зал. О заседании и приговоре я узнала потом от Якова Гордина, который все-таки проник в зал, предъявив членский билет Союза писателей, которого у меня тогда не было.

Исправим небольшую неточность – это были на самом деле не студенты, а курсанты школы милиции. В результате из друзей подсудимого в зал попали пятеро, да и то чудом: Яков Гордин и Поэль Карп предъявили удостоверения членов Союза писателей СССР, а Генриетта Яновская проявила находчивость:

> Воспользовавшись сумятицей, я тоже попробовала рвануть вперед. И вдруг (не знаю, как это случилось, не понимаю, почему?) я крикнула офицеру в дверях, который их пропускал, что я своя, и пролезла у него под рукой. Уселась в зале и стала вокруг себя занимать места – шарфиком, сумочкой, перчатками. Вдруг вижу в дверях близко Каму, подскакиваю к офицеру, опять говорю: «Это свой, это со мной», хватаю его за рукав и с силой втаскиваю в зал. Но всех наших ребят, кроме меня с Камой, в зал так и не пустили, сказали: «Вы не помещаетесь».

Пятой «просочилась» в зал приятельница Азадовского – специалист по истории костюма Алена Спицына. Этими пятерыми, собственно говоря, число сторонников Азадовского на суде и ограничилось.

Такой принцип наполнения зала был испытанным средством и применялся, как правило, в процессах над диссидентами. И это обстоятельство опять-таки добавляло происходящему «политическую» окраску.

Итак, оглашаются участники процесса. Помимо судьи Луковникова, заседатели – Иванов И.П. и Запорожец Г.Р. Государственное обвинение представляет прокурор В.А. Позен – тот же, который прокурорствовал на суде над Светланой. Адвокат – Розановский С.М. От Мухинского училища – «общественный обвинитель» В.И. Шистко. Обвинение – статья 224-3: незаконное приобретение и хранение наркотических веществ без цели сбыта.

О том, что происходило в тот день в зале суда, долго потом говорили в Ленинграде; об этом сообщали «Хроника текущих событий», «Материалы Самиздата», а также «вражеские голоса». Мы же хотим здесь поместить документ, который ранее не публиковался, но может считаться объективным описанием процесса Азадовского 1981 года. Речь идет о записи, сделанной свидетелем этого действа, известным переводчиком, искусствоведом и публицистом Поэлем Мееровичем Карпом. С Азадовским они познакомились в переводческой секции Союза писателей и, в частности, на почве немецкой поэзии – Поэль Карп был талантливым переводчиком с немецкого; в 1978 году в «Литературных памятниках» вышел его перевод поэмы Гейне «Атта Тролль», а в 1970 году в журнале «Звезда» была напечатана рецензия Азадовского на переведенный Поэлем Карпом с немецкого том стихотворений Йозефа Эйхендорфа.

Пытавшийся что-то фиксировать в блокноте по ходу процесса (ему, высокому и статному, выглядевшему внушительно и солидно, не били по рукам), Поэль Карп вечером того же дня переведет сделанные им пометы в связный текст, убористо перепечатав его затем на машинке. Мы не беремся утверждать, что эта запись лишена неточностей, не пытаемся обсуждать и некоторые оценки автора записи. Однако в ней много деталей, не зафиксированных в других материалах.

Прежде чем дать слово летописцу, два слова про сам этот жанр – «запись судебного процесса». Это ни в коем случае не стенограмма, которую ведет секретарь суда и которая часто не слишком отражает реальность, особенно после судейской редактуры. Речь идет именно о журналистской записи судебного процесса. Начало этому специфическому литературному жанру было положено у нас Фридой Абрамовной Вигдоровой (1915–1965), записавшей в 1964 году суд над Иосифом Бродским. Итак, слово Поэлю Карпу:

> Уже с двенадцати в коридоре толпа, – частью знающие подсудимого

преимущественно люди лет сорока, частью – молодые люди и девушки, явно из одного коллектива. Понемногу число последних нарастает, и они перетекают ближе к двери. Около двух, когда заседание с опозданием на час начинается, десяток молодых людей, появившись из соседней с залом комнаты, оттесняя публику, занимает передние ряды. Потом они сдвигаются, оставляя толпе лишь узкий проход, пропуская к двери своих и тормозя прочих. Двое стоят в дверях, перекрыв их полностью, девушки проскальзывают между двумя крепкими телами, которые, ощутив прикосновение, раздвигаются. Лишь немногим посторонним удается пройти в зал, вместивший человек сорок. Когда зал заполняется, милиция, спокойно наблюдавшая за происходившим, берет на себя наблюдение за порядком, и он немедленно устанавливается. Милиционеры безупречно вежливы и на просьбу пропустить в зал отвечают: «Мест нет!» или «Там полно!». Между тем, речь идет о сугубо уголовном обвинении: приобретение и хранение пяти граммов наркотического вещества без цели сбыта.

Обвиняемый не признает себя виновным. Он просит отложить суд, поскольку у него сотрясение мозга. 10-го вечером при обыске в камере ему, по его словам сознательно, был нанесен удар железной дверью по голове. 11-го утром тюремный врач установил сотрясение мозга, назначил строгий постельный режим на две недели, – суд происходит 16-го. Обвиняемый просит наказать виновных и передает судье список сокамерников, готовых подтвердить его слова. Объявляется перерыв. После перерыва судья сообщает, что врач, осмотрев обвиняемого, счел, что давать показания он может. Факт избиения не обсуждается и не оспаривается. В конце, огласив приговор, судья сообщит, что суд вынес частное определение. Определение он не только не зачитывает, но даже не укажет, в чей адрес оно вынесено, и лишь это даст основание предположить, что все же в адрес тюрьмы.

Обвиняемый дает отвод общественному обвинителю, проректору Мухинского училища Шистко. Повод: проректор только что, как председатель конкурсной комиссии, голосовал за утверждение обвиняемого заведующим кафедрой на следующее пятилетие и предлагал ему обдумать вопрос о вступлении в Коммунистическую партию, а сегодня приходит в суд с характеристикой порочащей его прежнюю жизнь. По мнению обвиняемого, это беспринципно. Прокурор, однако, указывает, что если и можно тут говорить о беспринципности, то лишь о сугубо личной, а в суде обвинитель выступает от имени общественности, чему личная беспринципность помешать не может. Отвод отклоняется.

Поводом для проведения утром 19 декабря у обвиняемого обыска, завершившегося арестом, было задержание вечером 18-го неподалеку от его дома его сожительницы Лепилиной, у которой при досмотре обнаружили наркотическое вещество. Обвиняемый возражает против слова «сожительница». Признавая, что Лепилина в течение нескольких лет была его фактической женой, хотя она и тогда проживала отдельно – в одном из соседних домов, он заявляет, что с августа близкие отношения прекратились. При этом дружба сохранялась, Лепилина по-прежнему располагала ключами от квартиры и продолжала в ней бывать, часто навещая мать обвиняемого даже в его отсутствие. Обвиняемый также утверждает, что в ходе предварительного следствия неоднократно требовал очной ставки с Лепилиной и сейчас так же настоятельно просит вызвать ее в суд как свидетеля. Суд ходатайство отклоняет.

Итак, обнаружение у Лепилиной наркотика имело, по мнению обвинения и суда, столь прямое отношение к обвиняемому, что правомерно повлекло за собой немедленный обыск у него, а удачные результаты этого обыска, обнаружение наркотика у обвиняемого, не только не повели к естественному рассмотрению дела о наркотиках как общего дела обвиняемого и Лепилиной, но повлекли за собой разделение дел и, более того, вопреки всякой логике выяснения истины даже категорический отказ обвинения и суда вызвать Лепилину хотя бы в качестве свидетеля.

Обвинение основано на том, что при обыске инспектор милиции обнаружил на книжной полке пакетик из фольги с пятью граммами коричневого вещества, признанного экспертизой за анашу. Инспектор был вызван в суд в качестве

свидетеля, но не явился, находясь, согласно справке из милиции, в командировке. Суд счел возможным рассматривать дело в его отсутствие, учитывая, что он дал показания в ходе предварительного следствия. По ходу процесса выяснилось, что этот инспектор не числился среди направленных для производства обыска и принял в нем участие по личному приглашению другого инспектора, туда направленного.

Согласно цитировавшимся показаниям инспектора, он, обнаружив на полке пакетик из фольги, перенес его на следующую полку, а затем стол, где его и раскрыли. Обвиняемый подтверждает, что инспектор действительно переставил пакетик из фольги с полки, где он появился сначала, на следующую, а затем на стол. Он лишь подчеркивает, что ему неясно, откуда пакет вообще появился, – ему он не принадлежал, он не открылся, когда убрали стоявшие впереди книг, а возник на чистом месте, хотя обвиняемый и не видел, чтобы инспектор доставал пакет из кармана или из рукава.

Первый свидетель, которого, по его словам, пригласили быть понятым около метро, пообещав показать при обыске редкую фотографию Есенина, утверждает, что инспектор, обнаружив пакет, передвинул его по той же полке, а затем перенес на стол, где выяснилось, что в пакете коричневое вещество. Второй понятой, из квартиры в том же доме, показывает, что увидел пакет уже на столе и что в нем было серое вещество. Этот же свидетель рассказывает, что, прежде чем идти к обвиняемому, милиция и понятые задержались на нижней площадке, а один милиционер поднялся, позвонил в соседнюю квартиру и попросил вышедшую женщину позвонить к обвиняемому и сказать, что ему телеграмма. Когда обвиняемый открыл, милиционеры и понятые поднялись в его квартиру.

В ходе заседания выяснилось также, что обыск был сосредоточен в кабинете обвиняемого, остальная часть квартиры, в том числе аптечка, содержащая наркотики, употребляемые престарелой матерью обвиняемого для облегчения болезней, практически не осматривались. Выяснилось также, что во время обыска в помощь к четырем производившим его сотрудникам был приглашен и прибыл пятый, специально исследовавший бумаги обвиняемого, но не упомянутый в протоколе обыска.

Обвинение предъявило суду написанную в тюрьме записку обвиняемого Лепилиной, находившейся в той же тюрьме. Подлинность записки обвиняемый не отрицал. Согласно записке, обвиняемому стало известно о показаниях Лепилиной на суде над ней, происходившем ранее, в которых она якобы признала, что спрятала пакетик из фольги на четвертой полке в кабинете обвиняемого, и обвиняемый просил держаться в дальнейшем этих показаний. Обвинение, толкуя записку как попытку убедить Лепилину взять на себя вину за хранение наркотика, утверждает, что сама такая попытка является доказательством вины обвиняемого. Но подсудимый мог с одинаковой вероятностью стремиться свалить на другого свою действительную вину и вину, лишь приписанную ему обвинением. Предположив, что подсудимый мог стремиться свалить на другого только свою действительную вину, суд наперед признал как доказанное то, что на самом деле обвинению надлежало доказать. Несколько раздраженный тон записки, хотя и наполненной ласковыми словами, мог бы скорее дать повод подумать, что обвиняемый сам подозревал Лепилину в употреблении наркотиков (ее первый муж умер от отравления наркотиками) [эти слова прокурора были ложью, так как В. Лепилин (1949–1973) умер от пищевого отравления, что подтверждено медицинскими документами. – *П.Д.*] и теперь в подтексте сам упрекает ее за несчастья, которые по ее вине на него свалились. Но как записку ни толковать, пусть даже предельно невыгодно для морального облика обвиняемого, сама по себе она ни в малейшей степени не подтверждает его вины в хранении наркотика. Она лишь побуждает тщательнее выяснить отношения обвиняемого и Лепилиной по поводу наркотиков и должна бы стать дополнительным стимулом для вызова. Искренняя горячность, с которой судья Александр Сергеевич Луковников, все остальное время пребывавший в состоянии с трудом скрываемой досады, указал обвиняемому на то, что он начинает записку со своих нужд и только потом

поздравляет близкую женщину с днем рождения, сама отчасти свидетельствовала, что судья, молодой, но явно неглупый, вполне сознавал отсутствие доказательств, необходимых для обвинительного приговора.

И судья, и прокурор, и общественный обвинитель много говорили о моральном облике подсудимого. Прокурор даже воскликнул: «Что говорить о моральном облике человека, который, дожив до сорока лет, ни разу не был женат!» Общественный обвинитель, отдавая подсудимому должное как ученому и преподавателю, обвинил его в двойной жизни, проявлявшейся в частой смене женщин. Упреки такого рода, не опровергавшиеся обвиняемым, создавали атмосферу обличения, в которой не нужны доказательства конкретной вины. Эту атмосферу нагнетали и многократные ссылки на привлечение подсудимого в 1969 году к делу Славинского, называвшего его в числе употреблявших наркотики, хотя утверждения эти тогда судом не проверялись, поскольку наркомания рассматривается как преступление лишь с 1974 года.

Адвокат принял дело за два дня до заседания. Дело вел известный в городе адвокат по политическим делам Хейфец, выступавший в процессе Марамзина и др., он неожиданно отказался от защиты ввиду занятости в другом процессе. Новый адвокат просил оправдать подсудимого, поскольку его вина не доказана. Оспорив утверждение прокурора, что обвиняемого непременно надо подвергнуть реальному лишению свободы, и указав, что закон предполагает по данной статье и более мягкие наказания, адвокат подчеркнул, что не углубляется в вопрос о возможном наказании потому, что подсудимый невиновен и обвинение построено не на доказательствах, а на предположениях. «Моего подзащитного, – сказал адвокат, – обвиняют в том, что он приобрел у неизвестного лица и хранил наркотическое вещество. Можно допустить, что обвинению не удалось установить, у какого именно лица приобретен наркотик, но на каком основании утверждается, что он приобретен? Я понимаю, что не улучшаю этим положение моего подзащитного, но ведь он мог и сам изготовить наркотик. А раз такое тоже возможно, обвинение, прежде чем что-то утверждать, обязано выяснить, какая из возможностей на деле осуществилась. Оно этого не делает, не считая нужным проверять и доказывать свои утверждения. И так во всем».

Адвокат подробно анализирует характеристику, выданную Мухинским училищем, отмечая, что при таком мнении о подсудимом руководство училища не могло бы накануне ареста рекомендовать его для переизбрания на должность заведующего кафедрой, а, между тем, оно его рекомендовало, и переизбрание его, как и ряда других лиц на аналогичные должности, было задержано лишь в связи с приходом нового ректора, а не по каким-либо другим причинам. Адвокат указал и на прямое искажение фактов, в частности на то, что обвиняемому ставится в вину грубое нарушение дисциплины одним из сотрудников, который как раз был уволен именно по настоянию обвиняемого, что подтверждается материалами гражданского дела по иску этого сотрудника о восстановлении на работе. Тут судья, державшийся достаточно корректно, резко оборвал адвоката: «Я не разрешаю ссылаться на материалы, затребование которых было судом отвергнуто».

В последнем слове обвиняемый повторил, что не считает себя виновным, не берется утверждать, что наркотик был ему подложен милицией, поскольку не видел, как это было сделано, и не может до очной ставки с Лепилиной сказать, что наркотик принадлежал ей. Он, однако, твердо знает, что наркотик и самый пакет из фольги не принадлежали ему, что он не прятал пакет на книжной полке, что он никогда не хранил и не употреблял наркотиков, что и двенадцать лет назад, когда он привлекался по делу Славинского, он не употреблял наркотиков и утверждение прокурора, что, будь закон 1974 года принят до 1969 года, он был бы осужден еще по делу Славинского, неправомерно, поскольку и тогда не было доказано, что он употребляет наркотики. «Возможно, я совершил в своей жизни много ошибок, – сказал обвиняемый, – но я общался со Славинским не ради наркотиков, они мне не были нужны тогда и не нужны теперь. Я не знаю, – сказал он далее, – о чем просить суд, ибо каждое мое слово здесь поворачивают против меня. Но я должен сказать о матери. Дело не в 39 рублях ее пенсии, а в ее 77 годах. Поэтому приговор,

> который суд вынесет, будет вынесен не мне, а ей».
>
> После двухчасового совещания огласили приговор, соответствующий требованию прокурора: два года в местах заключения общего режима. Судья повторил: «Приговор может быть обжалован в течение семи суток» – и переспросил обвиняемого: «Вам понятно? Семь суток». Приговоренный кивнул, и его увели. Секретарь суда, торопя публику к выходу, внятно произнес: «Концерт окончен!»

Впрочем, были в тот день еще возгласы. Запомнились присутствующим как минимум два. Первый – когда общественный обвинитель В.И. Шистко, представлявший Мухинское училище, с пафосом завершил свою речь восклицанием: «Дайте ему побольше! Я прошу уважаемый суд: дайте ему побольше!»

Второе – когда уже после оглашения приговора Азадовского выводили через толпу, он успел выкрикнуть: «Позаботьтесь о маме!»

Еще раз о записке

Итак, на суде появилась та самая записка Светлане, которую Азадовский отправил из камеры через Розенберга. Появление ее было неожиданным и возымело запланированный эффект. Это был в некоторой степени триумф стороны обвинения, особенно тот момент, когда прокурор оглашал текст и попросил приобщить записку к материалам уголовного дела.

Предварялось это чтением рапорта тюремной охраны Крестов об обнаружении во внутреннем прогулочном следственного изолятора некой записки, которая и была затем приобщена к уголовному делу.

Азадовский же, когда прокурор объявил о новой улике, сразу понял, о чем идет речь. Та самая записка!.. Впрочем, если читать эту записку непредвзято и учитывать породившие ее обстоятельства, то найти в ней доказательства вины Азадовского невозможно. Но поскольку на суде не было озвучено заявление, написанное Азадовским в день закрытия уголовного дела (оно нами приводилось выше), то прокурор, естественно, трактовал эту записку как способ давления на Светлану: вот, мол, ясно, что подсудимый пытается переложить на сожительницу всю вину за содеянное и тем самым уйти от ответственности. На фоне остальных «доказательств» в уголовном деле записка не слишком выделялась и вполне укладывалась в стилистику следствия, которое вел лейтенант Каменко: ни одной прямой улики.

Несмотря на это, Азадовский был расстроен и даже подавлен. Как же могло случиться, что он, сорокалетний ученый с четырьмя иностранными языками и двумя высшими образованиями, так запутался и попался как школьник! И винить уже было некого, разве что самого себя. Фима Розенберг оказался «наседкой».

Несколько лет спустя Азадовский опять увидит своего даровитого сокамерника. Можно точно назвать дату этой поистине знаменательной встречи – 19 февраля 1985 года. В этот день Центральное телевидение выпустило в эфир документальный фильм «Заговор против Страны Советов» (режиссер Е. Вермишева), направленный против инакомыслия, насаждаемого иностранными разведслужбами.

Этом фильм был сделан – именно «сделан», а не снят, в 1984 году Центральной студией документальных фильмов (Москва). Он представляет собой эталон грязно-пропагандистского жанра под вывеской «документального»: в фильме специально перемешаны политические преступники новой эпохи – диссиденты перемежаются с полицаями, карателями, предателями времен Великой Отечественной войны. По такой логике любой нынешний диссидент неизбежно оказывается изменником Родины и, соответственно, должен быть заклеймен как пособник фашизма. Эта беспроигрышная и эффективная метода, основанная на подмене понятий – вечная, она может использоваться, с небольшими коррективами, для борьбы с инакомыслием в любой момент истории.

Вводное слово перед демонстрацией киноленты держал политический обозреватель

Генрих Боровик, известный журналист и борец с сионизмом и буржуазной пропагандой. Он говорил о «прихвостнях ЦРУ», показанных в фильме, а также изложил четкую политическую программу и объяснил, с чем должно ассоциироваться у рядового советского гражданина понятие «диссидент». Его рассуждение достойно быть процитированным:

> Всякое диссидентство, какими бы благородными фразами оно ни прикрывалось, заканчивается одним: услужением Центральному разведывательному управлению, а значит, союзом с нацистами, с сионистами, с бывшими полицаями и прочим человеческим отребьем.

Именно в этом фильме Азадовский увидел своего бывшего сокамерника – бойкого, холеного Вадима Розенберга. Авторы фильма представили его как «некоего Розенберга» – двурушника, который служил распорядителем «так называемого фонда Солженицына», главная задача которого заключалась якобы в том, чтобы под видом перевода денег «узникам совести» «закупать грязные души» в СССР.

«Некто Розенберг», как и все интервьюируемые в этом фильме «отщепенцы», в том числе и «идеологические диверсанты» Валерий Репин и Лев Волохонский, говорили вынужденно, но риторика остальных по сравнению с Розенбергом была совершенно иной. Розенберг оказался поистине находкой создателей киноленты – он был убедителен и отвратителен одновременно. Вот что он говорит, например, о работе Русского общественного фонда помощи политзаключенным и их семьям, основанного А. Солженицыным в 1974 году:

> Когда был арестован распорядитель фонда помощи по Ленинграду и Ленинградской области Репин, дела по фонду приняла его жена Елена Юрьевна. И вот, так сказать, меня уполномочили принять активное участие в делах фонда. Так сказать, меня в шутку или всерьез, не знаю как это расценить, называли начальником снабжения Русского общественного фонда. Доставая, там, различные дефицитные товары, продавая посылки с Запада, отправляя переводы, бандероли. На общем фоне, вот, в массе своей, это, конечно, люди, которые прежде всего боролись за собственное самоудовлетворение, даже за самоутверждение: то есть, вот, желание вкусно покушать, насолить ближнему, чтобы он не объел его, вот, сегодня и завтра; одеться получше, как-то устроить свои жилищные условия, как-то обзавестись какой-то обстановкой, интерьер облагообразить. То есть вот – суть этих людей. Это прежде всего – сборище рвачей, лицемеров, подонков, вымогателей!

Важно учесть: В.Т. Репин был арестован органами КГБ СССР 8 декабря 1981 года, и только после этого Розенберг оказался вовлечен в дела Ленинградского отделения Фонда Солженицына. То есть он оказался при делах фонда уже после того, как провел два с половиной месяца в Крестах с Азадовским, выполняя там свое очередное задание. И нетрудно догадаться, какая именно организация освободила его из Крестов и «уполномочила принять активное участие» в деле раскрытия антисоветского подполья в Ленинграде.

Но и на этом Розенберг не успокоился: «Вести из СССР» Кронида Любарского упоминают его также и в 1983 году. В марте Вадим Розенберг, «ранее судимый по уголовной статье», выступал в качестве свидетеля по делу И.З. Цурковой (жены А.З. Цуркова, осужденного в 1979 году по 70-й статье УК). Ирина Цуркова была арестована 20 декабря 1981 года и обвинялась по статье 190-1; на показаниях Розенберга, который подтвердил распространение ею самиздатского сборника антисоветских анекдотов, суд основывался при вынесении приговора. Она была осуждена на три года ИТК.

В начале 1990-х Розенберг, женившись на эстонке, появился в Таллине под именем Аарни Нейвонен и 22 октября 1992 года открыл там фирму по трудоустройству. Пользуясь массовой безработицей, он взимал с испуганных и доверчивых граждан Эстонии «предоплату за оформление документов на трудоустройство в Южной Америке и

авиабилеты», после чего скрылся с деньгами, а несколько тысяч обманутых обнаружили свои контракты в мусорном контейнере возле офиса фирмы. В 1993 году он появился на Украине (под именем Даниил Розенберг), где собрал с граждан «предоплату за поставку автомобилей из США и Японии в размере одной тысячи долларов» и затем так же исчез. Летом 1994 года он объявился в Болгарии в качестве гражданина Норвегии и «состриг», теперь уже с болгар, крупные купюры «за трудоустройство». После этого он оказался в международном розыске и в конце концов по просьбе жены-эстонки (чью квартиру он умудрился продать без ее ведома) был признан пропавшим без вести, хотя, вероятно, до сих пор здравствует.

Розенберг сыграл свою зловещую роль и в деле Азадовского. Но насколько это было решающим? Если на минуту представить себе, что Азадовский не написал бы той злосчастной записки и прокурор не устраивал бы на суде целый спектакль, то каков был бы приговор суда? Нет сомнений: ничего бы не изменилось.

Глава 7
Узник совести

Арест и осуждение Константина Азадовского и Светланы Лепилиной были повсеместно восприняты как очередной шаг в усмирении и запугивании инакомыслящей интеллигенции, и основания для такого взгляда были более чем вескими. Дела эти считались уголовными только в канцеляриях ленинградских судов. На Западе же это стало причиной громкой истории, получившей общественный резонанс как «The Azadovsky Affair».

Наверное, дата ареста Азадовского была в некоторой степени случайной, но произошло это не только накануне Дня чекиста, но и как раз в канун католического Рождества; тем меньше можно было рассчитывать, что европейская пресса даст информацию об этом событии. И все же, как только праздники стихли, пошла информационная волна. 1 января 1981 года сообщение об аресте напечатала парижская «Русская мысль»; и в те же дни это известие попало через Associated Press на телетайпы новостных агентств.

Реакция на арест очередного советского интеллигента последовала быстро. Главные газеты Европы сообщили об этом в первых числах января. Приведем перечень основных газет. Западногерманские: боннская «Der General-Anzeiger» – «Исследователь Рильке арестован за контакты с иностранцами», гамбургские «Die Welt» – «Советский германист арестован в Ленинграде» и «Die Zeit» – «Ленинградский германист арестован», берлинская «Der Tagesspiegel» – «Советский германист арестован»; швейцарская «Neue Zürcher Zeitung» – «К.М. Азадовский в тюрьме»; французская «Le Monde» – «Арест ученого в Ленинграде»; итальянская «La Reppublica» – «Азадовский арестован в Ленинграде»… И вплоть до скандинавских газет – Копенгагена, Стокгольма и Упсалы.

То есть с самого дня ареста 19 декабря 1980 года, хотел Азадовский того или нет, он стал узником совести. И он уже ничего не мог с этим поделать, потому что события разворачивались помимо его воли и участия; образ Константина Азадовского как гонимого ученого на несколько лет отделяется от его физического существа, томящегося в камерах пересыльных тюрем, столыпинских вагонах, бараках и штрафных изоляторах колымской зоны…

И уже сама власть, которая из ученого-филолога и поэта-переводчика демонстративно сделала политического заключенного, мало что могла изменить – запущен был механизм, не предусматривающий обратного хода. И чем настойчивей было упорство советской карательной системы, тем прочней становилась общественная репутация Азадовского как узника совести.

А сам Азадовский, известный в интеллигентских кругах в качестве интеллектуала и даже сноба, стал нравственно эволюционировать, переосмыслять историю своей страны, где для познания «русской души» нужно пройти через застенки. Последнее объясняется сугубо

российской традицией, которая прочила особое место в лучшем мире для невинно осужденных. В истории XX века деятели культуры, гонимые властью, обретали со временем мученический ореол. Анна Ахматова, чье имя получило мировую известность благодаря постановлению 1946 года, узнав в 1964 году о приговоре Иосифу Бродскому, со знанием дела воскликнула: «Какую биографию делают нашему рыжему! Как будто он кого-то нарочно нанял». То же самое мог сказать о себе и Константин Азадовский, для которого в 1980 году началась другая жизнь.

Что было важнее всего для тех, кто оставался на воле? Конечно же, предать гласности сам факт этого «знакового посвящения» – ареста и процесса. Сложность состояла не только в подготовке материалов, но и в переброске их на Запад. Мы имеем точные сведения по крайней мере об одном таком «перебросе» – когда сразу после суда над Азадовским его друзья, к счастью хорошо и профессионально пишущие, подготовили релиз о процессе. После этого конверт с машинописью был передан единомышленникам, отправлявшимся в Москву, а именно Арсению Рогинскому, историку и диссиденту (он будет арестован через несколько месяцев, 12 августа 1981), и его другу Александру Даниэлю. Они на следующий день, после прибытия поезда Ленинград – Москва, ехали на московскую квартиру Сахарова на улицу Чкалова (академик с 1980 года жил в ссылке в Горьком), где постоянно шла кипучая деятельность. Там они передали ленинградские бумаги Ивану Ковалеву (арестован 25 августа 1981). Теперь можно было надеяться, что эти документы, если их не изымет КГБ (а Комитет не спускал глаз с этой квартиры), отправятся на Запад.

Цензура

Очевидным знаком, свидетельствующим о политической составляющей в уголовном преследовании Азадовского, стала невозможность издания его научных текстов в СССР – даже в составе коллективных сборников. Вообще такую процедуру претерпевали тогда все «политические», чьи работы с корнем удалялись из любых печатных изданий.

Наиболее показательным и одновременно наиболее болезненным для автора стал запрет на публикацию его работ в самом престижном советском историко-литературном издании – «Литературном наследстве».

Эта серия была задумана Ильей Самойловичем Зильберштейном (1905–1988) в конце 1920-х годов; первый том вышел в 1931 году. Участие в «Литературном наследстве» считалось почетным для любого советского гуманитария. С главным редактором этого издания семью Азадовских связывали долгие годы тесного сотрудничества. Отец нашего героя, профессор Марк Константинович Азадовский, принимал активное участие в делах «Литературного наследства» еще в 1930-е годы. Причина, однако, заключалась не столько в дружеской симпатии – И.С. Зильберштейн и Азадовский-старший были давно и хорошо знакомы, – сколько в качестве работ Азадовского-старшего, чем Илья Самойлович особенно дорожил. Он вообще стремился сделать «Литературное наследство» эталоном советской науки о литературе.

Так случилось и с Константином Марковичем, который еще в начале 1970-х годов оказался в числе молодых ученых, удостоившихся приглашения к сотрудничеству в «Литературном наследстве»: его большая работа «Достоевский в Германии (1846–1921)», написанная в соавторстве с В.В. Дудкиным, вошла в том, посвященный Достоевскому (1973), а в томе «Валерий Брюсов» (1976) была напечатана новаторская для того времени статья «Брюсов и “Весы”», написанная Азадовским вместе с его университетским профессором и старшим товарищем Д.Е. Максимовым.

И.С. Зильберштейн не упустил возможности привлечь младшего Азадовского и к подготовке задуманных им книг 92-го тома «Литературного наследства», посвященных Александру Блоку; они предполагались к изданию по случаю 100-летия со дня рождения поэта. Кроме титульных редакторов тома – И.С. Зильберштейна и Л.М. Розенблюм – серьезное участие в подготовке этого тома приняла З.Г. Минц, супруга Ю.М. Лотмана. К

работе были привлечены также молодые филологи – С.С. Гречишкин, Н.В. Котрелев, А.В. Лавров, А.Е. Парнис, Р.Д. Тименчик… Все они со временем станут классиками отечественной науки о литературе.

Планировалось издать несколько книг. Сперва наметили две, но издание разрасталось, материал решили вместить в три книги, но и этого оказалось недостаточно (в результате между 1980 и 1987 годами вышло пять книг). Константину Азадовскому пришлось взяться за несколько работ. Во-первых, он оказался незаменим при расшифровке дневника Ф.Ф. Фидлера (1859–1917), озаглавленного «Из мира литераторов» – замечательного и тогда еще совсем неизвестного источника по истории русской литературы конца XIX – начала XX века. То обстоятельство, что Фидлер был немцем и вел дневник на своем родном языке (и готикой), требовало от публикатора свободного владения этим языком вкупе с палеографическими способностями, а также знания эпохи и литературы рубежа веков. Другого такого специалиста сыскать в ту пору даже в Ленинграде было непросто. А получить для юбилейного тома подборку о Блоке из этого источника казалось Илье Самойловичу принципиально важным.

Более значительной работой, которая также была доверена Азадовскому, стала подготовка публикации писем Николая Клюева к Блоку (к тому времени у Азадовского уже было напечатано несколько статей о жизни и творчестве Клюева). Редакция «Литературного наследства» выделяла и высоко ценила именно эту публикацию, о которой было объявлено в «Литературной газете» еще тогда, когда вторая книга 92-го тома, для которой была предназначена публикация Азадовского, находилась в типографии:

> По письмам Н.А. Клюева, сохранившимся в архиве Блока, можно видеть, каким волнующим для обеих сторон был этот эпистолярный диалог, начавшийся осенью 1907 г. (некоторые из посланий крестьянского поэта Блок цитировал в статьях 1907–1908 гг.). Известно, что в период после первой русской революции Блок мучительно искал путей преодоления разрыва между народом и интеллигенцией, эти его устремления нашли, видимо, глубокое выражение в письмах к Клюеву…Чрезвычайно интересны вызванные, несомненно, письмами Блока рассуждения Клюева о народности подлинного искусства и в этом смысле – поэзии самого Блока, имеющей «общелюдское» содержание, близкое «каждому сердцу». Ценность связки уцелевших 44 писем Клюева к Блоку тем более велика, что, к сожалению, ответные письма до нас не дошли.

Том был уже набран, когда в Ленинграде разразились события, рассказанные нами в предыдущих главах. На очереди была цензура, и Зильберштейн, наизусть знавший всю «кухню» советской издательской жизни, решил заранее согласовать вопрос о публикации Азадовского. Это происходило в январе 1981 года, то есть в тот момент, когда Азадовский был уже арестован, но до суда оставалось еще более двух месяцев (другими словами, вина еще не была доказана). О создавшейся коллизии А.В. Лавров писал автору этих строк:

> Я был у Зильберштейна вскоре после ареста [Азадовского], но еще до суда. Дело заключалось в сохранении публикации писем Клюева к Блоку, которая была в составе верстки второй книги Блоковского тома Литературного наследства. При мне Зильберштейн звонил идеологическому аппаратчику из ЦК Альберту Беляеву и получил у него дозволение сохранить публикацию в составе книги. Десять минут спустя, однако, Беляев перезвонил Зильберштейну и потребовал публикацию изъять (безусловно после консультации с карательными инстанциями).

21 января 1981 года вторая книга 92-го тома была подписана в печать в значительно «похудевшем» виде. А когда том вышел в свет, то в парижской «Русской мысли» была напечатана статья С. Дедюлина «“Литературное наследство” и дело К. Азадовского», в которой говорилось о политической подоплеке гонений на ученого. Автор задавался вопросом:

> Что же заставило редакторов «Литературного наследства», одного из солиднейших гуманитарных изданий (абсолютно «независимого», разумеется, как все у нас на родине, от каких бы то ни было посторонних инстанций), пойти на предательство своего собрата и тем самым – своей любимой науки: пустить под нож готовые публикации?

Впрочем, этот вопрос был скорее риторическим. Сущность карательного меча была давно и хорошо известна.

По тому же поводу – о сохранении статей Азадовского – к Зильберштейну обращалась и Нина Катерли. Позднее она вспоминала:

> Принял он меня любезно, внимательно выслушал, но вот речь зашла о необходимости вмешаться, заступиться… И тут Илья Самойлович переменился в лице. Руки у него задрожали, и он, понизив голос, сказал, что помочь, к несчастью, нельзя, потому что дело совершенно не в наркотиках, и ему из очень хорошо информированных источников точно известно, что здесь – политика, все очень-очень серьезно, вмешиваться бесполезно…

Однако сюжет разрастался. Как раз в процессе работы над 91-м томом «Литературного наследства» – «Русско-английские литературные связи» (сдан набор 18 июля 1980 года, вышел в свет только в 1982 году), подготовленного академиком М.П. Алексеевым, и двумя первыми книгами блоковского 92-го тома в издательстве «Наука» начался затяжной конфликт: директор Г.Д. Комков решил, что, во-первых, гонорары, выплачиваемые авторам, слишком велики, а во-вторых, объем комментариев к текстам не должен составлять более 15 % объема издания; кроме того, директора раздражали многочисленные корректуры, хотя в данном случае их оказалось так много не по вине авторов, а из-за небрежного набора в подчиненной издательству типографии.

Чтобы реализовать свои преобразования, директору нужно было найти способ преодолеть волну возмущения академических сотрудников – от редакторов до академиков. По этой причине одновременно с подачей в марте 1981 года документов в Отдел науки ЦК КПСС, вызвавших впоследствии бурю писем, в том числе и от «Литературного наследства», Г.Д. Комков подал вице-президенту Академии наук, председателю редакционно-издательского совета АН СССР (и многолетнему члену ЦК КПСС) П.Н. Федосееву другую бумагу.

Учитывая тот факт, что Г.Д. Комков был крупным специалистом по истории КПСС – кандидат исторических наук, защитивший в 1954 году диссертацию на тему «Идеологическая работа КПСС среди тружеников тыла», автор монографии «На идеологическом фронте Великой Отечественной», в которой «на высоком идейно-теоретическом уровне раскрываются недостаточно освещенные в советской историографии вопросы идеологической работы Коммунистической партии в советском тылу», – тон его циркуляра был соответствующий. А поскольку руководитель всей гуманитарной части Академии наук и непосредственный начальник Комкова академик П.Н. Федосеев также был крупнейшим авторитетом по части идеологической работы, то зерно упало на благодатную почву. Эта записка с резолюцией Федосеева «Прошу рассмотреть и уточнить профиль издания» была передана 2 апреля 1981 года академику-секретарю Отделения литературы и языка Академии М.Б. Храпченко (документ сохраняется в редакционном архиве):

> Серия «Литературное наследство» как уникальное издание снабженных соответствующим научным аппаратом новооткрытых документов по истории русской литературы и общественной мысли пользуется высоким авторитетом у нас в стране и за рубежом.
>
> Поскольку ценность этого издания, его престиж определяются прежде всего публикацией неизвестных материалов и комментариев к ним, издательство

«Наука» не может не отметить, что за последнее время указанные отправные условия недостаточно тщательно выполняются редколлегией «Литературного наследства»: удельный вес не издававшихся документальных материалов из эпистолярного и художественного наследия видных писателей заметно уменьшается, зато возрастает объем интерпретаций, в особенности монографических статей. Так, в 92-м томе, посвященном А.А. Блоку, наследие поэта составило всего 25 % общего объема, а том 91-й целиком представляет собой монографию академика М.П. Алексеева о русско-английских литературных связях. Отмеченная тенденция представляется нежелательной. Одна из причин та, что до сих пор на определен статус издания, соотношение в нем статей, комментариев и новооткрытых документов.

Кроме того, участились факты некачественной подготовки рукописей при сдаче в издательство. Так, автор упомянутого 91-го тома обнаружил на стадии верстки настолько много допущенных им неточностей, что по его исправлениям в корректуре приходится рассыпать более 10 а.л., а в остальных 70 а.л. правка в десятки раз превышает допустимую норму. Имеют место случаи недостаточной требовательности при подборе авторов различных статей и комментариев издания. Так, один из авторов 92-го тома (Азадовский) привлечен к уголовной ответственности за антигосударственную деятельность, что повлекло за собой значительные выдирки в книге.

В связи с этим просим Вас дать указание Институту мировой литературы им. Горького и редколлегии «Литературного наследства» разработать и утвердить оптимальный статус «Литературного наследства» в качестве ориентира для редколлегии, авторов и издательских работников с целью поддержания и в дальнейшем – с учетом возросших требований – высокого уровня этого важного научного издания.

Несмотря на командный тон, тот же Г.Д. Комков, отчитываясь в 1982 году перед Президиумом Академии, предъявил в числе несомненных достижений и первые две книги блоковского «Литературного наследства», хотя и допустил толику самокритики, заметив в своем докладе, что «издательское “сито” должно более тщательно, чем прежде, очищать планы от всякого рода шлаков».

Таким «шлаком» и оказалась публикация Азадовского, занимавшая в наборе приблизительно сто страниц; благодаря ее изъятию вторая книга блоковского тома выглядит заметно тоньше, чем остальные книги этого монументального издания, что наглядно показывают все пять томов, поставленные на полку.

В третьей книге должна была появиться публикация Азадовского «Из дневника Ф.Ф. Фидлера» – о ней мы упоминали выше. Том с этой относительно небольшой работой был сдан в набор 29 сентября 1981 года – Азадовский к тому времени как раз добрался до колымской зоны. Но когда в начале 1982 года том увидел свет, то и статья, как ни удивительно, тоже вышла! Однако было указано, что публикация подготовлена неким «К.М. Константиновым».

Почему эта публикация все-таки появилась? Работа о взаимоотношениях Ф. Фидлера и А. Блока более чем в десять раз уступала по объему публикации писем Н.А. Клюева, и, видимо, редакция на свой страх и риск решила ее сохранить. А чтобы отвести от себя упреки и подозрения, напечатала под псевдонимом. Конечно, для большинства читателей «Литературного наследства» этот псевдоним был насквозь прозрачным, но это уже была русская рулетка: напишет ли кто-нибудь донос, что редакция пропустила в печать статью отбывающего срок по уголовной статье, или не напишет. На этот раз редакция выиграла – никто никуда не написал.

Здесь нужно воздать должное инициатору и главному вдохновителю «Литературного наследства» – Илье Самойловичу Зильберштейну. В тех случаях, когда он имел возможность, он помогал гонимым авторам, поскольку главным мерилом у него была не политическая безупречность, а качество научной работы автора. Он поддерживал многих –

от С.Н. Дурылина до Ю.Г. Оксмана, а его заместитель по редколлегии С.А. Макашин был и вовсе вызволен Зильберштейном из заключения. Поддерживал он и Азадовских. Сам Илья Самойлович писал Константину об этом в 1970-х годах:

> Ваш отец, выдающийся ученый, был в 1952 году освобожден [директором Н.Ф.] Бельчиковым от работы в Пушкинском Доме, в силу тогдашних обстоятельств, и был лишен возможности печататься.
>
> Готовя в те годы декабристские тома «Литературного наследства», я обратился к президенту Академии наук СССР С.И. Вавилову, с которым был близко знаком и который неоднократно приходил нам на помощь в трудных обстоятельствах, с просьбой разрешить привлечь М.К. Азадовского к участию в наших декабристских томах. Конечно, Сергей Иванович разрешил. И Марк Константинович тогда сделал для этих томов 6 работ…

Действительно, в 59-м томе «Литературного наследства» (1954) благодаря смелости И.С. Зильберштейна были помещены четыре (!) работы Азадовского-старшего, две из которых вышли под псевдонимом «М.К. Константинов». А напечатанный там обзор «Затерянные и утраченные произведения декабристов» до сих пор является одной из основополагающих работ в истории движения декабристов.

И вот теперь, спустя почти тридцать лет, Илья Самойлович тем же самым образом помогал его сыну, оставив – видимо, просто доверившись судьбе – и тот же самый псевдоним.

Публикации в «Литературном наследстве» оказались важной составной частью той драматической и напряженной коллизии, что разворачивалась вокруг уголовного дела с 5 граммами анаши. Понимая всю значимость этих публикаций для судьбы ее сына, Лидия Владимировна Азадовская, давно и близко знакомая с Зильберштейном, обратилась к нему 12 ноября 1981 года со следующим письмом:

> Дорогой Илья Самойлович!
>
> Я решила обратиться непосредственно к Вам, так как вот уже несколько месяцев живу ожиданиями того, как решится судьба Костиных работ, подготовленных для «Литературного наследства». Мне передавали, что Вы еще в ту пору, когда участь моего сына не была решена и вокруг нагнетались угрожающие и противоречивые слухи, решительно и энергично стремились спасти его работы, поместить их хотя бы под псевдонимом. Понятно, что тогда, зимой и весной, когда Костино положение еще не определилось, эти попытки должны были вызвать настороженное отношение и сопротивление. Я глубоко благодарна Вам за эти хлопоты. Сознание того, что Вы не сложили руки и стремились добиться справедливого решения, поддерживало меня в моем нелегком положении.
>
> Сейчас Костина участь более или менее, как Вы знаете, прояснилась. Самое позднее через год он должен выйти на свободу, без дальнейшего ущемления прав. Говорят и об амнистии, ожидаемой в ближайшие месяцы, которая может на него распространиться. Наконец, самые большие упования сейчас возлагаются на пересмотр дела в Москве, этим энергично занят Костин адвокат Е.С. Шальман. В последнее время пришлось убедиться, что и литературное имя Кости не подверглось полной дискриминации. Мне показывали недавно вышедшую библиографию Брюсова, где перечислены Костины работы за подлинной подписью. Английская пьеса Ш. Дилени «Вкус меда» в его переводе по сей день регулярно идет в Ленинградском Малом драматическом театре, и фамилия Кости печатается на всех афишах, развешанных по городу. Вышла «Лермонтовская энциклопедия» с его статьями (подписаны инициалами). Я еще не видела экземпляра книги, но знаю, что вышли вторым изданием сочинения Вольфганга Кеппена – роман «Голуби в траве», входящий в эту книгу, переведен Костей. Очень хочу надеяться, что и его работы, сделанные для блоковского издания, и прежде всего работа о Блоке и Клюеве, не пропадут, что Вы, в свете изменившихся

и прояснившихся обстоятельств, сумеете добиться в издательстве их опубликования. Ваше имя, Ваше влияние, Ваш авторитет здесь так много значат! Кроме восстановления справедливости и важности помещения значимых в историко-литературном отношении материалов, не последнюю роль в положительном решении этого вопроса для меня сыграла бы и денежная поддержка – ведь я осталась с минимумом средств к существованию. Очень прошу Вас, дорогой Илья Самойлович, продолжить начатое Вами благородное дело, возобновить Ваши хлопоты, и внутренне глубоко верю в их благоприятный исход.

Л. Азадовская

К счастью, изъятые в 1981 году из второй книги письма Клюева к Блоку смогли все же выйти в свет, хотя часто такие цензурные изъятия оказываются фатальными для научных работ и их авторов: наука не стоит на месте, материал публикуется другими, устаревает, становится неактуальным… Все же эти сто страниц Константина Азадовского не погибли; они вошли в 4-ю книгу того же блоковского тома, вышедшую в свет в 1987 году (работа переиздана в 1993 году отдельной книгой).

Конечно, основная причина состоявшейся в 1987 году публикации – изменение общей ситуации в стране (хотя и в 1987 году продолжались приговоры по антисоветским статьям). Но формально, по советскому законодательству, к тому моменту, когда том вышел в свет, с Азадовского по истечении трех лет (считая с даты освобождения из мест лишения свободы) была снята (погашена) судимость. То есть он «как бы» и не должен был рассматриваться как уголовный преступник. Конечно, для власти этого «как бы» никогда не существовало – ведь судимость является несмываемым пятном, – но для научной редакции этого было достаточно, чтобы издать в свет долгожданную работу, тем более в 1987 году.

«The Azadovsky defence committee»

Конечно, наибольший общественный резонанс арест и суд над Азадовским вызвали на Западе. Этому в немалой степени способствовала массовая эмиграция 1970-х годов – так называемая «третья волна», к которой принадлежали и деятели русской культуры, составлявшие ее гордость и цвет. Многие из них знали Азадовского лично, а потому восприняли его арест близко к сердцу и стали думать, как и чем они могут помочь. Это в значительной степени предопределило общественную реакцию в ряде западных стран.

Наиболее активное участие в создании и работе «The Azadovsky Defence Committee» – именно так они стали называть себя – приняли Иосиф Бродский, Сергей Довлатов, Владимир Марамзин, Сергей Дедюлин и некоторые другие ленинградцы, оказавшиеся за границей.

Здесь необходим краткий комментарий. Если отношения Азадовского с Бродским в комментарии не нуждаются, то стоит сказать несколько слов об остальных. С Сергеем Довлатовым Азадовский познакомился в годы учебы на филологическом факультете, и долгое время они были в одной компании. Сергей Дедюлин был близким другом Михаила Балцвиника. Владимир Марамзин хорошо знал Азадовского по кругу ленинградской литературной молодежи; незадолго до своего ареста, оказавшись в Петрозаводске, он несколько дней гостил у него.

Уже 1 января 1981 года парижская «Русская мысль» сообщила в колонке новостей про обыск на квартире Азадовского. Затем настало время тех, кто готов был выступить не анонимно, а лично от себя. Особенно здесь нужно выделить Иосифа Бродского, чей голос был крайне важен. Лев Лосев, автор биографии Бродского, пишет: «Бродский, при всем его прокламируемом презрении к политике, при всей сложности поэтического мышления, которой соответствовал подчас эпатирующий парадоксализм его эссеистики и публичных выступлений, невольно оказался в роли представителя мыслящей России на Западе. Признавал он это или нет, но общественным темпераментом он обладал и то и дело оказывался втянутым в события политической жизни». И поскольку сам Бродский осознавал вес и значимость своего голоса, он не замедлил вступиться за своего единомышленника.

15 января 1981 года «Русская мысль» напечатала интервью, которое он дал по телефону Владимиру Марамзину. Затем этот текст был перепечатан Сергеем Довлатовым в русскоязычной нью-йоркской газете «Новый американец»:

23 ДЕКАБРЯ В ЛЕНИНГРАДЕ
АРЕСТОВАН КОНСТАНТИН АЗАДОВСКИЙ

Арест Константина Азадовского, как любая подобная акция по отношению к деятелям культуры, свидетельствует об определенной закономерности: это результат общего невежества, но и стремление стабилизировать это невежество, ибо только невежество гарантирует устойчивость власти. Более того, речь идет даже не о власти в целом, а об органах госбезопасности, стремящихся навязать населению впечатление, что главной категорией существования является зависимость от них, что именно они распоряжаются существованием. Подобное восприятие действительности возможно только в обстановке отсутствия культуры, ибо всякая интеллектуальная деятельность в принципе ставит под вопрос авторитет власти.

Иосиф Бродский
7 января, Нью-Йорк (дано журналу «Эхо»)

Далее «Русская мысль» поместила текст своего сотрудника Владимира Марамзина, уже более подробный:

Константин Азадовский, 40-летний поэт и переводчик немецкой литературы (Рильке, Фюрнберг, Грильпарцер), известен на Западе по книге «Седьмой сон» («Il settimo sogno»): «Марина Цветаева. Борис Пастернак. Райнер-Мария Рильке. Письма 1926 года», составителем и автором предисловия которой он является.

Его арест означает новый этап войны с интеллигенцией, войны, которая идет в СССР непрерывно, но особенно усилилась в последнее десятилетие. В Москве, центре правозащитного движения, главная охота идет за теми, кто вступается за гонимых. На Украине, в Эстонии, Литве, Армении – за теми, кто хочет сохранить национальную независимость. В Ленинграде, городе культурных традиций, главная забота властей – уничтожить культурный слой и рассечь культурные связи.

Почему в этот раз именно Азадовский? Об этом можно лишь гадать. Прежде всего, КГБ давно затаил на него злобу. В 1969 году суд вынес в адрес Азадовского частное определение за отказ от дачи показаний на процессе его друга (Е. Славинского). Это у нас не прощается и рано или поздно прорастает. Кроме того, семья Азадовских одна из тех старых петербургских интеллигентских семей, которые связывают нас с прежней культурой. Профессор Марк Константинович Азадовский был одним из главных собирателей и теоретиков фольклора, известным не только в России (о его работах по фольклору пишет Ромен Роллан в романе «Очарованная душа», книга 4-я). Его сын долгие годы преподавал немецкий язык и литературу в Ленинграде и Петрозаводске, а последнее время заведовал кафедрой в Ленинградском Художественно-промышленном училище им. Мухиной. Сегодня пришла его очередь. Зловещий знак в том, что его не обвиняют по политической статье (не смогли собрать материала?). Следствие ведет милиция – переулок Крылова, 3. КГБ совершенствует тактику: пакетик с героином, «найденный» на профессорских полках с книгами, – знак времени. Кому-то они подбрасывают валюту, кого-то избивают на улице и после судят за драку. А теперь они все чаще прибегают к наркотикам, считая, что Запад не вступится. Но Запад уже многое понимает. Об аресте Азадовского писала французская газета «Монд» (6 января 81 г.), большую статью дала итальянская «Република» (8 января 81 г.), передавала «Немецкая волна», писали американские газеты. Ленинградский КГБ в который раз демонстрирует свою бездарность. В списке его славных дел рядом с поэтом-«тунеядцем» Бродским теперь стоит профессор-«наркоман» Азадовский.

Владимир Марамзин

9 января, Париж

Благодаря релизам, написанным ленинградскими друзьями, 26 февраля 1981 года «Русская мысль» дала большую аналитическую статью «Дело Константина Азадовского», содержащую канву дела и предположения относительно его причин.

Но не только во Франции «зашевелились» защитники Азадовского. В конце января 1981 года получило известность выступление супругов Льва Копелева и Раисы Орловой, которые в ноябре 1980 года выехали из СССР в ФРГ в научную командировку, а 22 января 1981 года узнали, что «за действия, порочащие звание гражданина СССР» они лишены советского гражданства и, соответственно, не могут вернуться в СССР. Это была, разумеется, спланированная акция, иначе никакая советская инстанция не санкционировала бы их выезд за рубеж, да еще и в «капстрану». Но если для кого-то лишение гражданства и право жить на Западе казалось благом, то для четы Копелевых было трагедией; в тот момент они думали, что больше никогда не увидят своих детей, внуков, друзей, словом, всех тех, кто остался за Железным занавесом.

Копелев был не только правозащитником и соратником Солженицына, но еще и знатоком немецкой культуры, ближайшим другом Генриха Белля (за период их дружбы Белль стал в 1972 году лауреатом Нобелевской премии по литературе). Знакомство Азадовского с Копелевым состоялось в начале 1960-х годов. Азадовский не раз навещал Копелева, наезжая в столицу, причем нередко в 1970-е годы, когда Копелев уже находился «под колпаком» и открыто преследовался за критику власти и публикации за границей. Впоследствии оба – и Копелев, и Азадовский – станут обладателями престижной премии имени Фридриха Гундольфа Германской академии языка и литературы – этой премией награждают писателей и ученых за особый вклад в популяризацию немецкой культуры за рубежом.

При этом Лев Копелев, следует сказать, никогда не называл себя «диссидентом» – он даже сердился, когда его пытались так представить. И это понятно: духовная независимость и твердая гражданская позиция – это не столько качества диссидента/правозащитника, сколько нравственный императив образованного человека в любой исторической ситуации.

И вот, едва оказавшись в Германии, Лев Копелев при первой же возможности упомянул об аресте Азадовского. Его заявление было передано по «Немецкой волне» и другим радиостанциям, а затем напечатано в парижской «Русской мысли» 19 февраля:

Заявления Льва Копелева и Раисы Орловой

О том, что мы лишены гражданства, мы узнали 22 января, в годовщину высылки Андрея Дмитриевича Сахарова. Это случайное совпадение для нас символично.

Нам сейчас очень худо, но куда хуже приходится тем нашим соотечественникам, тем друзьям, которые сейчас в тюрьмах, в лагерях, в тюремных психбольницах. Именно сейчас я хочу снова назвать хотя бы некоторые имена. Это Игорь Огурцов, Сергей Ковалев, Микола Руденко, Татьяна Великанова, Виктор Некипелов, Глеб Якунин, Леонард Терновский, Юрий Орлов, Александр Лавут и недавно перед Рождеством арестованный ленинградец Константин Азадовский. В эти часы я думаю о них и прошу всех, кто услышит или прочтет мои слова, думать и помнить про них. Помнить, что, пока у нас в Советском Союзе преследуют таких людей, как Андрей Сахаров, и всех, кто выступает за правду и справедливость, никто на нашей планете не может чувствовать себя в безопасности.

Мы приехали в Федеративную Республику Германию в ноябре, и, как я уже сказал в первый день журналистам, приехали по приглашению друзей, как частные лица, приехали, чтобы учиться, смотреть, слушать – и не хотели, не собирались заниматься никакой общественной деятельностью. Потому что мы хотели и надеялись вернуться на Родину. Вернуться к нашим детям, внукам, друзьям, к нашим московским письменным столам. Именно поэтому я решительно избегал высказываться на политические темы, потому что знал: любое высказывание

может быть злонамеренно истолковано.
И все-таки нас лишили гражданства. Это должно означать, что нас лишают Родины. Но это столь же подло, сколь и глупо. Наша Родина всегда с нами, всегда в нас, пока мы живы. Мы не можем вернуться туда. Это, пожалуй, самое тяжелое, самое горькое, что можно представить себе сегодня. Но это ничего не меняет в нас. Мы остаемся такими же, как были. Вопреки всему, мы верим в Россию, верим в ее бессмертный дух, в ее будущее.

Лев Копелев

Можно построить стены и границы, можно прислать бездушную бумагу, «…за действия, порочащие…», но нельзя лишить меня того, что я родилась и выросла в Москве, стала литератором, родила дочерей, у меня растут внуки, нажила единственное огромное богатство – друзей в радости и в горе.

Знаю, что тем, кто сидит в тюрьмах, хуже, чем нам. Знаю, что мы – не первые и не единственные, кого лишили гражданства. Но, как и моих предшественников, меня нельзя лишить Родины, родных, родной речи, памяти, любви. В этом для меня единственное утешение в самые страшные часы моей жизни.

Раиса Орлова

Известность и авторитет Льва Копелева в Германии привели к тому, что ряд немецких газет, в том числе и влиятельная «Süddeutsche Zeitung», поместили 24 января перевод его заявления с перечислением всех упомянутых русских фамилий, включая фамилию Азадовского.

26 января 1981 года в самом известном западногерманском журнале «Der Spiegel» было напечатано трехстраничное интервью редакции с Копелевым, которое тот дал в Бонне. В ходе беседы его специально спрашивали об Азадовском, ибо факт обнаружения наркотиков у Константина и Светланы вызывал на Западе определенное недоверие. Но Копелев отрезал, сказав, что истинная причина ареста – «контакты с заграницей, с диссидентами и их друзьями».

И, наконец, когда 18 октября 1981 года Копелеву вручалась Премия мира Немецкого общества книготорговли во Франкфурте (с учетом уровня Франкфуртской книжной ярмарки эта премия для Германии далеко не рядовая), то в своем выступлении, озаглавленном «Не покладать оружия слова», Копелев опять же не упустил случая напомнить миру о том, что «Константин Азадовский – германист, особенно много потрудившийся в развитии русско-немецких литературных связей, – находится в лагере».

Важной вехой оказалась заметка в одной из главных газет Италии – «La Repubblica», притом помещенная в центре полосы и выделенная полужирным шрифтом. Это сообщение появилось благодаря итальянской славистке Сильване Де Видович, которая была знакома с Азадовским еще с середины 1960-х годов, когда она приезжала на практику в Ленинград. Анатолий Найман в своих «Рассказах об Анне Ахматовой», написанных в 1986–1987 годах, цитирует рассказ Азадовского о событиях 11 сентября 1965 года – в тот день ему стало известно об освобождении Бродского:

Кто-то позвонил мне по телефону и сказал, что Ося Бродский освобожден из ссылки. Не помню: то ли меня попросили сообщить об этой радостной новости Ахматовой, то ли я сам решил, что надо бы это сделать. В тот день, когда мне позвонили, у меня в гостях была итальянка Сильвана Де Видович, писавшая тогда в Ленинграде свою дипломную работу про Сухово-Кобылина, и я предложил ей поехать со мной в Комарово.

Домик Ахматовой я нашел, расспрашивая прохожих. Анна Андреевна, конечно, не узнала меня, и я назвал ей свою фамилию и напомнил про зимний визит. Познакомил ее с Сильваной. У Анны Андреевны и на этот раз гостила какая-то незнакомая мне дама, оказалось – Э.Г. Герштейн. Я объяснил причину нашего внезапного вторжения. Анна Андреевна выслушала новость об Иосифе,

> сообщенную мной, внимательно и, я бы сказал, сдержанно, что меня слегка удивило. (Мне показалось, что она уже об этом знает от кого-то другого.) Тем не менее она произнесла вслух: «Ну что ж, это большая радость, сейчас мы будем ликовать»…

Сильвана (Silvana De Vidovich), которую друзья звали Сизи, стала филологом-русистом, театроведом, переводчиком; впоследствии вышла замуж за философа Мераба Мамардашвили. Ее связывала и многолетняя дружба с Бродским, который не раз навещал ее в Риме.

Если благодаря Владимиру Марамзину и Сергею Дедюлину за судьбой Азадовского зорко следила «Русская мысль», то основная поддержка – Иосиф Бродский и Сергей Довлатов – сосредоточилась в Нью-Йорке. Издаваемая при участии С. Довлатова еженедельная газета «Новый американец», офис которой находился на Восьмой авеню, стала одновременно и штаб-квартирой «The Azadovsky Defence Committee».

Итак, в номере «Нового американца» от 14/20 января 1981 года, посвященном в значительной мере делу Азадовского, появилось следующее воззвание:

ПИСАТЕЛЯМ, ЛЮДЯМ ИСКУСТВА, УЧЕНЫМ!

Арестован ваш коллега, даровитый молодой филолог-германист, знаток поэзии, исследователь творчества Рильке.

Зовут его – Константин Маркович Азадовский. Многие из вас знают его как блестящего специалиста, умного, привлекательного человека.

Константин Азадовский невиновен. Тем не менее, ему грозит серьезная опасность. Его арест – следствие произвола ленинградских органов КГБ.

Мать Константина Азадовского, вдова известного профессора-фольклориста – больная, старая женщина. Ей 79 лет, и она совершенно беспомощна.

Вы можете помочь этой семье. Действуйте всеми разумными способами. Направляйте письма в советские руководящие инстанции. Обращайтесь в западные правозащитные и культурные учреждения.

Не принимайте как должное этот возмутительный акт беззакония!

Помните! Единственное, что может подействовать на тиранов из КГБ, – это голос зарубежного общественного мнения!

Иосиф БРОДСКИЙ
Сергей ДОВЛАТОВ
Руфь ЗЕРНОВА
Владимир МАРАМЗИН
Илья СЕРМАН
Людмила ШТЕРН

Вслед за этим был помещен текст главного редактора:

НАСТУПЛЕНИЕ НА ИНТЕЛЛИГЕНЦИЮ ПРОДОЛЖАЕТСЯ

Я знаю Константина Азадовского лет двадцать. Трудно вообразить себе человека, более далекого от политики.

Блестящий молодой ученый, эрудит, ценитель изящной словесности, поглощенный академическими занятиями филолог. Разумеется, Азадовский был поборником духовной свободы, как все настоящие интеллигенты. Однако правозащитной деятельностью – не занимался. Да и не подходила ему, откровенно говоря, эта роль. Не обладал Костя железным характером, беззаветным мужеством, запасом аскетизма и самопожертвования.

Повторяю, это был типичный интеллигент, обаятельный, немного легкомысленный, честный и добрый.

И вот мы узнали, что Костя арестован органами госбезопасности. Эта новость

поразила всех, кто его знал. Чем он мог восстановить против себя функционеров КГБ? Зачем понадобилось арестовывать безусловно невиновного (даже с их точки зрения), всеми уважаемого человека?!

Тут надо знать особенности работы Ленинградского КГБ. Компенсируя свою бездарность утроенной жестокостью, местные идеологические службы нарушают элементарную логику. В своем захолустном рвении они то и дело превышают генеральные установки Москвы.

Как известно, московская госбезопасность действует по-другому. Неугодных интеллигентов «сомнительного происхождения» вынуждают уехать за границу. Жестоким репрессиям подвергаются лишь те, кто активно сопротивляется режиму.

Мы не знаем, как будут развиваться дальнейшие события. Хочется думать, что зловещая ошибка ленинградских властей будет исправлена.

Чем еще можно утешаться?

С. ДОВЛАТОВ

Но никаких «утешений» не последовало. В колонке редактора Довлатов в марте поместил цитаты из писем, которые приходили из СССР. Поскольку переписка с заграницей очень была похожа на переписку из тюрьмы с волей, то многие важные вещи передавались эзоповым языком. И именно в этой связи Довлатов пишет в номере газеты за 10–16 марта:

Переворачиваю страницу:

«…Костя очень плох. Врачи совсем его замучили. Заставляют принимать лекарства. Костя отказывается…»

Костя? Костя Азадовский! Около двух месяцев под следствием. Инкриминируются наркотики. Виновным себя не признает…

Информация «Нового американца» вызвала резонанс, и в номере от 27 января – 2 февраля редакция поместила два письма из откликов на печальную новость из Ленинграда. Это были письма врача Евгения Вульфовича и его матери Валентины Ильиничны Гинзбург (литературный псевдоним – Алексеева) – близких Константину людей, которые в то время уже обосновались в Нью-Йорке:

ПОРА БИТЬ ТРЕВОГУ!

Уважаемый господин редактор!

Меня потрясло опубликованное в вашем журнале сообщение об аресте в Ленинграде Константина Азадовского, известного филолога и моего близкого друга.

С Костей нас свела судьба в 1973 году в Петрозаводске, где он преподавал в университете; затем мы оба вернулись в Ленинград, и он стал заведовать кафедрой иностранных языков в Высшем Художественно-промышленном училище им. Мухиной.

Меня привлекали в Косте широчайший круг интересов, исключительная образованность, глубокая интеллигентность. Дружба наша продолжалась до последнего дня моего пребывания в Советском Союзе.

Расставались мы в Пулковском аэропорту с болью и горечью, понимая, что разлука эта надолго, может быть – навсегда, и что нас обоих ожидают большие испытания: меня, потому что я уезжал, его – потому, что он оставался. Когда мы говорили о будущем, возможность ареста в голову нам не приходила. Его ждали недописанные книги, новые исследования, завершение докторской диссертации.

Последнее Костино письмо, полное новогодних пожеланий, я получил 31 декабря.

О себе он писал мало, упомянул о «всяческих разбирательствах» и закончил строчками:

А за окнами белый день.
А за окнами белый мороз.
Там бредет моя белая тень
Мимо белых берез…

Как сейчас понимаю, это было написано всего за несколько дней до ареста.

Еще один человек стал жертвой кафкианского «процесса». И как это страшно!

Я, как и вы, верю и надеюсь, что ужасное испытание, выпавшее на долю моего друга, не сломит его, что он вернется к свободе, к литературе, которой посвятил свою жизнь.

С уважением, Евгений Вульфович.

Следом было опубликовано письмо Валентины Алексеевой (Гинзбург):

Уважаемый господин Довлатов!

Я с ужасом прочла в «Новом американце» сообщение об аресте видного советского ученого Константина Азадовского.

В течение многих лет он был другом моего сына. И из того, что я слышала от Кости и о нем, мне было ясно, что никакой политической деятельностью он не занимался.

К. Азадовский – известный и за пределами СССР лингвист и литературовед (окончил два факультета). И помимо всего – на редкость образованный, талантливый и интеллигентный человек. Последние три качества, как известно, не всегда совпадают и не всегда способствуют карьере. Интеллигентность же в наше время является даже скорее препятствием к служебным успехам.

Когда-то я поинтересовалась, не собирается ли Костя эмигрировать. Он ответил отрицательно: «Мое место здесь. Я смогу работать только в России».

В прошлом году вышла его книга, написанная в соавторстве с итальянской слависткой Сереной Витале, посвященная переписке Пастернака, Цветаевой и Рильке. На Костины доклады (в Доме писателя) приезжали ученые из Италии и ФРГ.

У Кости осталась мать, у которой кроме него нет никого на свете. Лидии Владимировне 80 лет. Она давно и тяжело больна, почти никогда не выходит из дому. И я со страхом думаю – что с нею теперь будет? Перенесет ли она тяжелый удар? Для беспомощной и беззащитной женщины вся жизнь была в сыне. А его у нее отняли.

Страшные дела творятся в Ленинграде! Вы правы, Сергей Довлатов, надо бить тревогу, надо приложить все силы, чтобы спасти людей!

Валентина Алексеева.

Но когда в Ленинграде 16 марта 1981 года состоялся суд над Азадовским, то релиз, подготовленный друзьями в Ленинграде, перекочевал за границу СССР – сначала в Париж, а затем в США: Владимир Марамзин отправил его 6 апреля за океан к Валерию Чалидзе, сопроводив письмом, которое заканчивалось словами «Жалко очень Костю».

«Новый американец» решил откликнуться на это событие подробной статьей, которая по решению Довлатова была поручена Наталье Шарымовой, сотрудничавшей тогда в «Новом американце». Такое решение редакции отчасти стимулировал Бродский – он болезненно переживал случившееся с Азадовским, и Довлатов это видел и знал; хотя и вся редакция была единодушна в необходимости осветить это событие максимально полно. В результате получился материал на целый разворот плюс отдельная врезка – заявление Бродского журналу «Эхо». Обзор заканчивался следующим пассажем:

Константин Азадовский заявил, что он никогда не употреблял наркотиков,

> хотя сейчас по Ленинграду поползли слухи, что он «баловался». Интересно было бы спросить у тех, кто повторяет эти слухи там и здесь, от кого им это стало известно. Ведь все сплетни могут исходить из Большого дома.
>
> Академическая карьера Константина Азадовского скорее всего «там» закончена или прервана, по крайней мере, лет на десять. Азадовский себя виновным не признал, заявил, что никогда наркотики не употреблял, и подал апелляцию в городской суд.
>
> Что происходит в недрах КГБ – к сожалению, никто не знает, даже американская разведка. Почему КГБ всегда активизируется в конце года? План они перевыполняют, что ли, в надежде получить лишнюю, 13 получку?..
>
> Если они решили в очередной раз припугнуть местную интеллигенцию, то почему выбор пал на К. Азадовского. Он всегда был далек от политики, публично не высказывался отрицательно в адрес существующего порядка, занимался своими архивными изысканиями, но… в нем нельзя было обнаружить типичного затравленного филолога. И образован он был слишком – даже древние языки знал, и знакомства у него не совсем те – от Генриха Белля до покойного Кости Богатырева, и интересовался он – то Рильке, то Цветаевой, нет чтобы Сергеем Михалковым или Александром Прокофьевым. Студенты любили его. И за границей тоже его знали. Возможно, Костю Азадовского подвела именно яркость его натуры и поведение, не укладывающееся в выверенные стандарты.
>
> Но чтобы за границей шум не поднялся – кто-то решил обвинить К. Азадовского по уголовной статье. За наркотики. Тогда ни один сенатор, ни один конгрессмен не поднимет голос в его защиту, сколько бы ни обращались к ним университетские профессора, личные знакомые Азадовского. Да и простой человек – эмигрант или местный житель – покачает головой: «Дыма без огня не бывает»…

Здесь Наталья Шарымова действительно приоткрывает то, о чем она доподлинно не знала, но что логически вытекало из обвинения и сопровождало дело Азадовского даже по ту сторону океана, создавая значительные трудности как самому Азадовскому, так и тем, кто боролся за его освобождение.

Во-первых, слухи насчет предъявленного обвинения, которые начали циркулировать по городу, распространялись органами. Это прозвучало, в частности, на специальном собрании в Мухинском училище, куда во время следствия, еще до суда, приезжал следователь Каменко и говорил о пагубной привычке Азадовского, «известной органам еще с 1969 года» (об этом собрании мы еще расскажем).

Во-вторых, обвинение именно по уголовной, а не по политической статье оказывалось крайне сложным моментом для привлечения международного (не эмигрантского) внимания к делу Азадовского. В те годы практика подобного рода еще была внове, и нарушения законности в виде фабрикации улик были исключением; только впоследствии этот способ, сколь беспроигрышный, столь и простой с точки зрения формирования обвинения, будет принят на вооружение как органами внутренних дел, так и прочими спецслужбами. Пока же, повторюсь, это воспринималось как нонсенс, тем более что и реальных проступков у раздражителей власти было вполне достаточно, для того чтобы возбудить уголовное дело: тунеядство Иосифа Бродского, или подделка подписи на отношении в архив Арсения Рогинского, или гомосексуализм Льва Клейна, или самиздат у Михаила Мейлаха… То есть всегда было достаточно хотя бы мелочи, которую можно было квалифицировать согласно УК РСФСР. Но все-таки эта мелочь изыскивалась органами следствия в реальной жизни обвиняемого, тогда как в деле Азадовского формальная причина была изначально фальсифицирована. Однако доказать этого Азадовский, конечно, не мог и вынужден был периодически в течение целых двух лет отвечать на вопросы сокамерников и солагерников: «Баловался ли?» и «Какой сорт предпочитаешь?».

Третий момент, который привлекает внимание в статье Шарымовой, – упоминание «покойного Кости Богатырева». Когда Азадовский годы спустя прочтет это место в статье Натальи Шарымовой, оно отзовется болью в его сердце.

Константин Петрович Богатырев (1925–1976) – известный переводчик-германист, сын выдающегося московского исследователя фольклора, профессора МГУ Петра Григорьевича Богатырева. В 1951 году он был обвинен по 58-й статье, приговорен к расстрелу, замененному сроком 25 лет лагерей, в 1956-м реабилитирован. Еще в лагере начал заниматься переводами немецкой поэзии, был плодовитым и даровитым переводчиком, членом Союза писателей. Близость Богатырева к правозащитному движению привлекла к нему внимание «органов», в 1966 году он выступил в защиту А. Синявского и Ю. Даниэля, затем поддержал обращение Солженицына к Съезду писателей… Он общался с иностранцами (известными писателями, русистами, переводчиками), дружил с Львом Копелевым, Владимиром Войновичем, Владимиром Корниловым… Но в один прекрасный день ему в подъезде, у самой двери его московской квартиры проломили голову. Его кончина стала трагическим моментом для московской, да и не только московской литературной интеллигенции. А.Д. Сахаров, который был на похоронах Богатырева в Переделкине, записал:

> С самого момента ранения Богатырева очень многими стало овладевать глубокое убеждение, что Костю убил КГБ. Не случайные собутыльники (были у него и такие при его свободной и «легкой» жизни), а подосланные убийцы, по решению, сознательно и заранее принятому в кабинетах Лубянки. Какие доказательства? Зачем? Надо прямо сказать, что на оба эти вопроса нет сколько-нибудь исчерпывающих ответов… Я же, интуитивно и собирая в уме все факты, считаю почти достоверным участие КГБ. А совсем достоверно я знаю следующее: объяснить случайными хулиганскими или преступными действиями «людей с улицы» все известные нам случаи убийств, избиений, увечий людей из нашего окружения невозможно – иначе пришлось бы признать, что преступность в СССР во много раз превышает уровень Далласа и трущоб Гонконга! Что же заставляет меня думать, что именно Константин Богатырев – одна из жертв КГБ? Он жил в писательском доме. В момент убийства постоянно дежурящая в подъезде привратница почему-то отсутствовала, а свет – был выключен. Удар по голове, явившийся причиной смерти, был нанесен, по данным экспертизы, тяжелым предметом, завернутым в материю. Это заранее подготовленное убийство, совершенное профессионалом, – опять же в полном противоречии с версией о пьяной ссоре или «мести» собутыльников.
>
> Расследование преступления было начато с большим опозданием, только когда стало неприличным его не вести, и проводилось формально, поверхностно. Не было видно никакого желания найти нить, ведущую к преступникам. Естественно, что преступники или, возможно, связанные с ними лица не были найдены. Возникает мысль, что их и не искали.
>
> О возможных мотивах убийства Богатырева КГБ. Богатырев был очень заметный член писательского мира, являющегося предметом особой заботы КГБ в нашем идеологизированном государстве, – недаром Сталин назвал писателей «инженерами человеческих душ». Вел он себя недопустимо для этого мира свободно; особенно, несомненно, раздражало КГБ постоянное, открытое и вызывающее с их точки зрения общение Богатырева с иностранцами в Москве. Почти каждый день он встречался с немецкими корреспондентами, они говорили о чем угодно – о жизни, поэзии, любви, выпивали, конечно. Для поэта-германиста, говорящего по-немецки так же хорошо, как по-русски, и чуждого предрассудков советского гражданина о недопустимости общения с иностранцами, – это было естественно. Для КГБ – опасно, заразно, необходимо так пресечь, чтобы другим было неповадно. Очень существенно, что Богатырев – бывший политзэк, пусть реабилитированный; для ГБ этих реабилитаций не существует, все равно он «не наш человек», т. е. не человек вообще, и убить его – даже не проступок. Еще важно, что Богатырев – не диссидент, хотя и общается немного с Сахаровым. Поэтому его гибель будет правильно понята – не за диссидентство даже, а за неприемлемое для советского писателя поведение. И, чтобы это стало окончательно ясно, через несколько дней после ранения Богатырева «неизвестные

> лица» бросают увесистый камень в квартиру другого писателя-германиста, Льва Копелева, который тоже много и свободно общался с немецкими корреспондентами в Москве, в основном с теми же, что и Богатырев. Копелев и Богатырев – друзья. К слову, камень, разбивший окно у Копелевых, при «удаче» мог бы разбить и чью-нибудь голову. Конечно, всего, что я написал, недостаточно для обвинения КГБ на суде. Но во всех делах, где можно предполагать участие КГБ, остается такая неопределенность.

Даже сейчас, когда читаешь этот текст Сахарова, приходит в голову мысль о невероятной близости Кости Богатырева и Кости Азадовского. Они не просто имели одинаковые имена. Их отцы были знаменитыми русскими фольклористами, причем Азадовский-старший и Богатырев-старший с большим уважением относились друг к другу. Сохранилась фотография, где они запечатлены в 1947 году в квартире Азадовских в Ленинграде. Оба отца – один в Ленинграде, а другой в Москве – были разоблачены в 1949 году за свой «космополитизм в фольклористике», оба были изгнаны из университетов – один из ленинградского, другой из московского. Дальше – больше: их дети оба стали переводчиками с немецкого, и надо же такому случиться, что делом жизни Кости Богатырева оказался перевод стихов Райнера Марии Рильке! Он считался лучшим в Москве переводчиком этого поэта, а в 1977 году, уже после его трагической гибели, в серии «Литературные памятники» был издан том Рильке в его переводах. Часто останавливаясь в Москве у Богатыревых, Константин Азадовский запомнил фотографию Б.Л. Пастернака, отправленную Богатыреву в лагерь с надписью: «Дорогому Косте Богатыреву с верой в его судьбу и будущее. Борис Пастернак».

Оба они имели много общих друзей, таких, например, как Лев Копелев, оба они не были диссидентами в полном смысле этого слова; но оба они были литераторами, поэтами-переводчиками, внутренне свободными людьми. И вот один из них погибает насильственной смертью при невыясненных обстоятельствах. Похороны его на кладбище в Переделкине собрали множество народу – от А.Д. Сахарова и Елены Боннэр до Владимира Войновича, надгробная речь которого произвела на присутствующих неизгладимое впечатление. В числе тех, кто провожал тогда Костю Богатырева в последний путь, был и Костя Азадовский.

И неспроста Наталья Шарымова упомянула о Константине Богатыреве в своем обзоре – имеющий память должен был понять эту связь.

Вернемся, однако, к «Новому американцу». За большой статьей Натальи Шарымовой следовало письмо-отклик, озаглавленное «Человек и беззаконие»; автором этого письма была Мария Шнеерсон, бывшая выпускница филологического факультета Ленинградского университета, которая «прославилась» в послевоенные годы тем, что на волне так называемой «борьбы с космополитизмом» ей, еврейке, удалось, правда с третьего раза, защитить кандидатскую диссертацию. Не в том смысле, что ее не допускали до защиты, – это обычное дело, но ей пришлось написать три совершенно разные диссертации, потому что утвердили только третью. В 1978 году она уедет из СССР и, совершив пересадку в Израиле, в марте 1979 года поселится в США. Здесь она прославится своей книгой «Александр Солженицын: Очерки творчества» («Посев», 1984). В начале 1980-х Мария Шнеерсон была практически сотрудницей «Нового американца», поскольку в редколлегию входил ее племянник Алексей Орлов (он вел новостной отдел), и она опубликовала в этой газете следующий текст:

> **ЧЕЛОВЕК И БЕЗЗАКОНИЕ**
>
> Когда я читала стенограмму процесса Константина Азадовского, в памяти моей с пронзительной ясностью возникло иное судилище. Я увидела не заплеванный зал народного суда, украшенный портретами Дзержинского и Брежнева, а светлый белоколонный актовый зал Ленинградского университета. Я увидела не невежественных судей и народных заседателей, а профессоров и доцентов,

восседающих на сцене. Увидела я заполняющих зал – не продажных клакеров, не наемников ГБ, а студентов – милых девушек и юношей, с лицами, ничем не омраченными. Большинство из них не понимало происходящего.

В 1981 году передо мной возникла картина незабываемого сорок девятого…

Солнечным апрельским утром началось заседание ученого совета ЛГУ. А закончился этот гнусный спектакль к вечеру. Хотя на повестке стоял лишь один вопрос: разгром «безродных космополитов».

Подсудимых было четверо, и все четверо – ученые с мировым именем: М.К. Азадовский, Г.А. Гуковский, В.М. Жирмунский, Б.М. Эйхенбаум.

Марк Константинович Азадовский – крупнейший фольклорист, собиратель и исследователь русского народного творчества, а также автор многочисленных трудов по истории декабристской литературы. Но вот теперь его обвиняли в преклонении перед буржуазным Западом, в антипатриотизме, в идеологической диверсии.

Ученый совет готовился заблаговременно. Партбюро собирало досье на каждого «космополита». Грязные руки клеветников рылись в письменных столах, подбрасывали в портфели компрометирующие документы, копались в личной жизни «лжеученых, позорящих честь советской науки». Травля свалила с ног людей уже пожилых, не крепкого здоровья. Присутствовал на совете один лишь Гуковский (после судилища он заболел, а осенью был арестован и погиб в застенках ГБ).

Марк Константинович так и не оправился. Он умер через несколько лет. Помню его лежащим в постели, помню его слабый голос, прежде ясные голубые глаза, отныне навсегда сохранившие выражение какой-то затравленности…

На гражданской панихиде Александр Дымшиц – в ту пору сам битый-недобитый и лишь позднее переметнувшийся в стан кочетовых, – произнес смелые слова: «Азадовского убили».

И вот теперь – Костя… Единственный, долгожданный поздний ребенок, родившийся в блокадном Ленинграде и чудом спасенный родителями… Теперь и его заглатывает та же пасть.

Мария Шнеерсон

Завершающей, можно сказать программной статьей, опубликованной «Комитетом в защиту Азадовского», стала статья Иосифа Бродского «The Azadovsky Affair», опубликованная 8 октября 1981 года в авторитетном еженедельнике «The New York Review of Books». Этот текст был написан тогда, когда на Западе уже стали известны и приговор, и безуспешность его обжалования, и место, куда отправили Азадовского. Бросается в глаза та насмешливо-злая язвительность, что струится сквозь строки этого текста: Бродский был явно взволнован, когда писал свое «Письмо в редакцию».

ДЕЛО АЗАДОВСКОГО

Восемь месяцев тому назад – 19 декабря 1980 года – профессор Константин Азадовский, заведующий кафедрой иностранных языков Высшего художественно-промышленного училища имени В.И. Мухиной, был задержан на улице. Три месяца спустя он предстал перед судом по сфабрикованному обвинению в хранении наркотиков. Сейчас, когда вы читаете эти строки, он отбывает двухгодичное наказание в лагерной зоне под Магаданом.

Если вы захотите отыскать это место на карте СССР, я советую начать с реки Колымы, впадающей в Северный Ледовитый океан примерно на 62-м градусе северной широты. От самого слова «Колыма» каждого русского бросает в дрожь – не потому, что там свирепствуют морозы, а потому, что слой вечной мерзлоты, по которому пролегает русло этой реки, стал могилой для миллионов советских граждан, погубленных в сталинских лагерях.

Профессор Азадовский – даже если бы обвинения против него соответствовали действительности – не должен был бы оказаться в столь отдаленных местах, как

Колыма, хотя бы потому, что согласно правилам советской карательной системы виновные в незначительных преступлениях отбывают срок в пределах территории, административно подведомственной месту их фактического проживания. Крайний Север традиционно предназначается для политических заключенных. К последней категории вряд ли можно причислить профессора Азадовского.

На сегодняшний день Константин Азадовский – один из виднейших исследователей в области сравнительного литературоведения. Он автор почти девяти десятков публикаций, разнообразных по объему и тематике. В их числе «Достоевский в Германии», монография о Грильпарцере, статьи об Александре Блоке и «крестьянских поэтах» (Николае Клюеве и Сергее Есенине), исследование о Рильке и Толстом и многие другие. Он безусловно лучший в России специалист по творчеству Рильке, чьи произведения сам активно переводил, а также по творчеству поэтов Франции и Испании – Пауля Целана, Антонио Мачадо, Рубена Дарио, Рене-Ги Каду и других. Благодаря своим широким интересам он поддерживал профессиональные связи с многими учеными на Западе, занимающимися сходным кругом проблем.

Этот последний вид деятельности сам по себе чреват в России большими неприятностями для ученого – разумеется, за исключением случаев, когда такие связи возникают по инициативе самой власти или поддерживаются государственными органами. Изучение фольклорных мотивов в творчестве Грильпарцера вряд ли может нанести ущерб государственным интересам. Тем не менее за двадцать лет академической карьеры профессор Азадовский неоднократно подвергался притеснениям: ему запрещали печататься, отстраняли от преподавания в родном городе (в поисках работы он был вынужден переехать на север, в Петрозаводск); его вызывали на допросы, угрожали преследованием – в общем, государство действовало в соответствии с заведенным порядком. Но уважающий себя ученый тоже действует в соответствии с порядком – своим собственным.

Причиной ареста и последующей высылки профессора Азадовского на Колыму стали чисто академические обстоятельства. В начале нынешнего года в Италии вышел том переписки Марины Цветаевой с Борисом Пастернаком и Рильке – Константин Азадовский нашел в архивах, подготовил к изданию и опубликовал эти письма, предпослав им большую вступительную статью. В научный обиход впервые был введен бесценный материал, проливающий новый свет на творческое общение трех великих поэтов, составлявших уникальный платонический треугольник. Открытию и исследованию этих важнейших для истории литературы фактов профессор Азадовский посвятил немало усилий и по меньшей мере десять лет своей жизни. Рукопись сборника была передана западному издателю (кстати, целиком прокоммунистическому) совершенно легально, через посредство ВААПа. Но вскоре после выхода тома профессор Азадовский был арестован за наркотики, жестоко избит тюремщиками (ему нанесли несколько ударов по голове металлической дверью камеры) и больным доставлен в суд. Своей вины он не признал и по приговору суда был отправлен в места, которые вы с трудом отыщете на карте. Что касается обвинения в хранении наркотиков, в нем можно усмотреть парадоксальную перекличку с известным марксистским лозунгом: «Религия – это опиум для народа». К опиуму в данном случае приравнивается культура.

Все это может показаться вам совершенно бессмысленным, однако следует помнить, что описанные события имели место в Ленинграде – городе, носящем гордое имя «колыбели революции»: там местному КГБ предоставлена полнейшая свобода действий. Я не хочу сказать, что города, не так громко прославленные в истории, намного отстают от Ленинграда по части повседневного беззакония, – как раз наоборот. Просто местная власть отчасти опасается неожиданных проверок из центра. В Ленинграде таких опасений нет; иностранных журналистов там тоже не боятся – в Москве их все-таки побаиваются.

Плохо, что государство держит при себе сторожевого пса; еще хуже, если действия этого пса централизованно планируются. В социалистическом государстве, как и везде, бдительность и эффективность полиции измеряется статистически. К сожалению, в задачи КГБ не входит реальное сокращение преступности: главное –

продемонстрировать результаты собственной борьбы с потенциальным криминалом. Отсюда поводы для арестов, отсюда отрезок времени, к которому они приурочены. Профессор Азадовский был арестован 19 декабря 1980 года не столько потому, что против него были собраны веские улики, сколько потому, что заканчивался календарный год и в КГБ хотели приплюсовать к ежегодному отчету еще один арест. Более того, решение о его высылке на Дальний Север принималось скорее не из настоятельной потребности изолировать столь опасного преступника, а из желания КГБ напомнить интеллигентской общественности, а заодно и собственным сотрудникам, что хоженые арестантские маршруты рано закрывать – они еще пригодятся. К тому же в отдаленных местах легче предъявить осужденному любое дополнительное обвинение и продлить ему лагерный срок. А в свидетели сгодится первый встречный белый медведь.

То, что КГБ вновь обращается к своей прежней практике, вызывает особую тревогу. В деле профессора Азадовского опасная тенденция проявилась во всей наглядности, и поэтому мы призываем всех, кто прочтет это письмо, использовать все возможные пути и способы, чтобы убедить советское руководство отменить приговор и освободить осужденного. Помимо всего прочего, на руках у Константина Азадовского тяжелобольная старая мать, вдова знаменитого российского ученого-фольклориста Марка Азадовского, в свое время также пострадавшего от произвола властей, – в кампании против «безродных космополитов», в 1949 году.

В этом случае, как и во многих других, надежда на успех, разумеется, невелика. Тем не менее не исключено, что ваш протест поможет отвести от головы профессора Азадовского очередной обломок железной трубы.

Иосиф Бродский
[перевод И.Б. Комаровой]

Наконец, уже осенью 1981 года, когда после ареста Арсения Рогинского стала очевидной новая тактика КГБ по аресту свободомыслящих граждан не по политическим, а по уголовным статьям, газета «Новое русское слово» (Нью-Йорк) поместила статью «Потерянное поколение ученых», которая затем была полностью перепечатана в «Русской мысли». Автор ее – Борис Гаспаров, уехавший в 1980 году из СССР и к тому времени занявший кафедру в Стэнфордском университете. Приведем лишь выдержку:

…В жизни ленинградской интеллигенции произошли два трагических события: аресты Константина Марковича Азадовского и Арсения Борисовича Рогинского. Между этими событиями много общего. Оба арестованных – крупные ученые-гуманитарии, достигшие к 35 годам широкого признания и международной известности. Оба они не были диссидентами, но всегда отличались независимостью научных взглядов и личного поведения. И наконец, отцы обоих стали в свое время жертвами сталинского террора. В этих арестах отразилась уникальная ситуация, сложившаяся в СССР в 70-е годы в сфере гуманитарных наук и совершенно неизвестная и немыслимая в здоровом обществе: наличие целого поколения выдающихся специалистов, которые, ведя интенсивную научную деятельность и будучи общепризнанными авторитетами в своей области, не имеют никакого официального положения и формальных прав на занятия наукой и в течение многих лет ведут жизнь изгоев и потенциальных жертв политических репрессий…

Судьба Азадовского – доцента и заведующего кафедрой – казалась счастливым исключением, пока арест не восстановил и тут общую закономерность. И это только самые лучшие, люди исключительных способностей и силы характера; что же говорить о тех, кто просто не сумел реализовать свои способности в этих условиях. Это целое поколение, которое начинало входить в науку в относительно благоприятные времена, в атмосфере научной предприимчивости, свободы и широты взглядов, чтобы со временем обнаружить, что перед ним встала глухая стена, отделившая его от тех, кто успел достигнуть

прочного положения до начала «нового ледникового периода»…

Северные братья

То, что русская культурная эмиграция оказала столь серьезную информационную поддержку арестованному соотечественнику и другу, можно было без труда предугадать. С не меньшей степенью вероятности можно было предсказать, что информация об аресте будет транслироваться по западному радио и дойдет до слушателей «вражеских голосов» внутри Советского Союза.

Однако с самого начала было ясно, что помощь соотечественников никоим образом не достигнет основной цели – изменить к лучшему положение и судьбу Азадовского. Для воздействия на советских руководителей требовались более авторитетные защитники. Казалось бы, Бродский – Довлатов – Копелев, куда уж серьезней? Но если сегодня эти имена известны во всем мире, то в 1981 году эти трое были для советской власти шлаком – всего лишь непризнанными литераторами, выброшенными на свалку истории…

И поэтому важно, что огромную поддержку Азадовскому оказали его коллеги-ученые, обвинить которых в политической ангажированности было сложнее, чем бывших советских граждан.

Так, Комитет по защите демократических прав и свобод Рурского университета в Бохуме (ФРГ) 27 января 1981 года принял в связи с арестом Азадовского и Лепилиной специальное обращение, направленное чрезвычайному и полномочному послу СССР в ФРГ В.С. Семенову – Комитет потребовал его личного вмешательства в расследование уголовного дела известного германиста, а также, ни много ни мало, допустить немецких юристов к судебному разбирательству в качестве наблюдателей. Приводим перевод этого текста:

> 19 декабря 1980 г. в Ленинграде был арестован Константин Маркович Азадовский. Этому предшествовал арест его жены Светланы Лепилиной, состоявшийся месяцем раньше, 18 ноября 1980 г. С тех пор оба содержатся в ленинградской тюрьме «Кресты». Расследованием их дел занимается Куйбышевский районный отдел Главного управления внутренних дел по Ленинградской области. Можно предполагать, что расследование будет завершено в феврале текущего года, после чего оба будут осуждены.
>
> Причиной ареста Азадовского и Лепилиной послужило обвинение их в хранении «пяти граммов гашиша». Согласно заявлению, сделанному Азадовским в протоколе обыска, эти «пять граммов» были подброшены ему в ходе обыска. Исходя из факта, что хранение «наркотиков» или «валюты» является со стороны КГБ излюбленным предлогом для того, чтобы придать правовой характер делам, имеющим на самом деле политическую окраску, следует и в данном случае полагать, что заявление Азадовского соответствует действительности. Именно в таком духе интерпретируют действия советских властей западногерманские средства массовой информации, обратившие внимание на это событие («Die Zeit» от 26 января 1981 г.; «Süddeutsche Zeitung» от 24 января 1981 г.). Поскольку господин Азадовский не проявлял себя как «политический диссидент», однако пользовался немалой известностью в кругах ленинградской и западной научной интеллигенции и интеллектуальной элиты как ученый высокого уровня, истинные причины его ареста по столь надуманному поводу следует видеть в попытке запугать советскую интеллигенцию мерами полицейского преследования.
>
> Мы усматриваем в этой попытке продолжение политики запугивания и устрашения советских людей, которая – применительно к рабочей среде – выразилась, например, в том, что горнорабочий Владимир Клебанов был помещен в днепропетровскую психиатрическую лечебницу. Клебанов выступал за создание в СССР свободных и независимых профсоюзов, и вот уже целых 2½ года как он подвергается в названном учреждении лечению психофармакологическими

препаратами, воздействующими на личность. На фоне такого рода демократических тенденций в Вашей стране акция, направленная против Азадовского, известного и морально чистого представителя русской интеллигенции, представляется нам реакцией на события в Польше, где в результате союза рабочих и интеллигенции возникла «Солидарность», «независимая профсоюзная организация», вызывающая, по-видимому, панический страх у советских правителей. При взгляде на нынешнюю тактику советского руководства (см. также акцию в отношении Льва Копелева, указавшего в своем заявлении по поводу лишения его советского гражданства на дело Азадовского и другие подобные случаи) у непредвзятого наблюдателя возникает впечатление, что в СССР пытаются в зачатке подавить саму возможность такого союза.

Мы требуем, господин посол, чтобы Вы безотлагательно предприняли действия, способствующие освобождению господина Азадовского и его жены. Мы требуем также, чтобы в дальнейшем, коль скоро дело в отношении Азадовского и его жены дойдет до суда, к участию в процессе были допущены выбранные ими адвокаты и иностранные юристы в качестве наблюдателей. Только таким путем советская юстиция сможет освободиться от подозрения в том, что она является не чем иным, как преступной пособницей КГБ.

Или вот, например, библиотекарь Королевской библиотеки в Копенгагене Инга-Берета Мольтке (в действительности графиня фон Мольтке) направляет 30 января 1981 года письмо на бланке Королевской библиотеки к прокурору Ленинграда с просьбой о беспристрастном расследовании дела Азадовского… (За этим обращением стоял, по-видимому, Борис Вайль (1939–2010), который с 1978 года работал библиографом в Королевской библиотеке.)

Вероятно, газетные публикации вызвали еще целый ряд обращений из-за рубежа, но мы имеем сведения лишь о малой части. Позволим себе поэтому задержаться подробнее на «центрах сопротивления» – научных коллективах, которые не остались равнодушными к беде своего товарища и предприняли конкретные действия в его защиту.

Особенно в данном случае нужно отметить активность скандинавских филологов. Первоначально на трагедию Азадовского откликнулся датский русист Петер Альберг Йенсен (Peter Alberg Jensen), впоследствии профессор Института славистики Стокгольмского университета. Будучи специалистом по истории русской литературы начала XX века (творчество Алексея Ремизова, Бориса Пастернака, Бориса Пильняка), он как раз в момент ареста Азадовского был занят подготовкой диссертации (в 1981 году он станет обладателем докторской степени).

Именно он не только инициировал ряд писем ученых, но и возглавил целое движение «борцов за Азадовского» на севере Европы, объединив в группу сочувствующих друзей и коллег. Именно он подготовил сообщение об аресте Азадовского для Ritzau – крупнейшего новостного агентства Дании – и вступил в обширную переписку с друзьями и коллегами заключенного: он обратился к Ефиму Эткинду и Ефиму Славинскому, пытаясь узнать у них подробности биографии Азадовского, переписывался с редакторами скандинавских газет относительно публикации материалов и т. д.

Интересно дать ему слово, тем более что мы располагаем благодаря Ефиму Славинскому копиями писем к нему Йенсена.

Первое свое письмо в Лондон Йенсен послал наобум – просто потому, что имя Славинского упоминалось в связи с биографией Азадовского, распространявшейся в СМИ. В те далекие годы, когда не существовало Интернета, нахождение координат даже публичных людей представляло трудность, но поскольку было известно, что Славинский долгое время трудился в Русской службе Би-би-си, то Йенсен направил свое письмо в главный офис радиостанции: Portland Place, London. Русская служба тогда располагалась в здании Всемирной службы Би-би-си, знаменитом Bush House на Kingsway Road. При этом Йенсен перепутал не только адрес, но и имя адресата. Тем не менее это письмо дошло по назначению. Написанное Йенсеном на русском языке, оно представляется нам очень важным для биографии нашего героя.

25/01/1981 г.

Дорогой Лев Славинский!

Еще с неделю назад попросили меня написать тебе и послать вырезки того, что появилось в датской прессе об аресте Кости Азадовского. А тянулось письмо, потому что, к сожалению, тянулось появление нашего выступления. В общем, оно привилось в провинции, а в Копенгагене трудно было его втиснуть. Мы, четверо коллег-приятелей Кости, молокососы в этом деле, и отправили копии нашего текста в ряд редакций. Впоследствии меня вразумительно учили «а копии в руках редактора худо». Набираем опыта. Коротко о газетах:

«Kristeligt Dagblad» – небольшая столичная

«Vestkysten» – провинциальная, г. Есбьерг, солидная

«Politiken» – Копенгаген, самая большая утренняя [газета] страны

«Aalborg Stiftstidende» – провинция, г. Аалборг, солидная…

Еще ждем появления в двух важных копенгагенских, сказали, что будет на днях.

Завтра соберемся чтобы решить следующие меры. Одна из них – написать более подробно о Косте, охарактеризовать его судьбу. В этой связи было бы очень хорошо, если бы ты мне написал коротко о том, как поведение Кости на деле против тебя выглядело с твоей точки зрения – да, вообще, о тебе только знаю от прилагаемого русского текста! Ты где-либо о себе написал? Укажи, пожалуйста. Весьма важный вопрос биографии Кости, который нам неясен, следующий: как повлияло твое дело на его судьбу? Наше знакомство с ним началось с весны 75 г., значит уже после его возвращения из Петрозаводска, и подробностей не знаем.

Кто мы? Петер Ульф Меллер, Лена Шаке и я – русисты-филологи-литераторы, Нильс Бьервиг – русист-лингвист, все из Копенгагена. В качестве расширенной визитной карточки прилагаю титульный лист недавно у меня вышедшей книги о Пильняке.

Также ищем точные сведения о судьбе Марка Азадовского в 49 г. – ты не скажешь, где об этом можно читать?

Прилагаю копию с немецкой газеты Ди Цейт. И русский текст об Азадовском, на основе которого мы написали свое первое выступление.

Прошу тебя написать мне, что в Англии было, и что ты сделаешь. Всего доброго, Петер Альберг.

P.S. Следи за шведской газетой «Expressen» – там должно появиться, в Норвегию мы также написали, но там, кажется, Костиных приятелей нет… Нет ли у тебя каких-либо снимков, которые могли бы пригодиться, или быть может других материалов. Извини, если [письмо написано. – *П.Д.*] невежественно!

Как позиционирует себя в этом письме Петер Альберг Йенсен, он представлял группу скандинавских филологов, которые известили Северную Европу об уголовном преследовании Азадовского и его жены. И это были, повторюсь, именно ученые-филологи – совсем не политики, не правозащитники, даже не журналисты…

Петер Ульф Меллер (Peter Ulf Møller) из Копенгагенского университета, с 1960-х годов – один из ведущих специалистов по русской литературе; в 1967 году он напечатал свою первую статью о творчестве Блока, в 1977 году вместе с Петером Йенсеном подготовил и выпустил отдельным изданием большую подборку писем А. Ремизова и В. Брюсова к датскому писателю Оде Маделунгу; диссертацию защитил по русской прозе 1890-х годов в свете произведений Льва Толстого. Ныне – профессор Копенгагенского университета, один из крупнейших исследователей в области русско-скандинавских связей, издатель писем и документов датского мореплавателя Витуса Беринга.

Лена Шаке (Lene Tybjærg Schacke), выпускница Лундского университета в Швеции, в тот момент преподававшая в Копенгагенском университете; в 1970-е годы она получила известность как автор статей о советской литературе, а также как исследователь творчества А. Солженицына; переводчик текстов Надежды Мандельштам и Андрея Сахарова. В связи с

делом Азадовского нам известны написанные ею в феврале 1981 года письма-релизы к известным датским журналистам: сотруднику Радио Дании Петеру Дальхофу (Dalhoff-Nielsen, 1924–1998) – журналисту, унаследовавшему от русских родителей и язык, много лет проработавшему в СССР в качестве корреспондента Радио Дании; а также другому датскому специалисту по СССР Самуилу Рахлину, сыну еврейских эмигрантов, живущему с 9 лет в Дании и работавшему подолгу корреспондентом датского телевидения в Москве.

Нильс Бьёрвиг (Nils Bjervig), изучавший русский язык в Копенгагенском университете, после чего он год стажировался в России и два года в Корнеллском университете (США). Работал редактором и переводчиком, а с 1983 года занялся собственным издательским делом.

Эта группа в январе представила в редакции датских газет собранные ими материалы об Азадовском, и несколько редакторов согласились их напечатать. Источником этих публикаций послужили материалы об Азадовском, подготовленные в Ленинграде его друзьями. Получив на Западе широкое распространение через русскую эмиграцию, они были использованы северянами. В различных вариантах эта скандинавская четверка несколько раз публиковала свое заявление: 20 января – в копенгагенской «Kristeligt Dagblad» под названием «Советский ученый стал жертвой кампании»; 21 января – в «Vestkysten» (Эсбьерг) под заголовком «Политический арест»; а 23 января еще один вариант того же текста («Арест советского ученого») был напечатан в ольборгской газете «Aalborg Stiftstidende». Эта же позиция была 27 января отражена в статье Йенса Томсена (Thomsen) в известной датской газете – копенгагенской «Berlingske Tidende» («Друг датских ученых арестован в Ленинграде»).

Они же вовлекли в свою деятельность корреспондента ведущей датской газеты «Politiken» и Радио Дании Кая Спангенберга (Spangenberg), одного из бесстрашных датских журналистов: арестовывался в ГДР в 1962 году, в Польше в 1970-м, в Аргентине в 1974-м; был в 1968 году в Праге и в прочих горячих точках, оставаясь корреспондентом этой газеты с 1969 вплоть до 1999 года. Его политическая активность очень способствовала защите Азадовского. В 1981 году Спангенберг напечатал несколько текстов по делу Азадовского, начиная со статьи, появившейся 22 января в ведущей датской газете «Politiken», – «Суровое наказание для советских диссидентов».

Эти статьи были приложены к письму Славинскому в Лондон, и Ефим Михайлович, впечатленный, по-видимому, бурной деятельностью северян, ответил им следующим посланием:

6 февраля

Дорогой Петер,

спасибо за письмо. Оно шло очень долго, потому что вы неправильно указали имя и адрес. Меня зовут не Лев, а Ефим, и Русская служба Бибиси, где я работаю, расположена не на Портланд-плейс, а в другом месте. Но письмо все-таки дошло, и я рад, что у Кости столько друзей. Кроме вас, судьбой Кости озабочены: Сильвана Де Видович в Италии, Владимир Марамзин в Париже и Иосиф Бродский в Нью Йорке. Их адреса и телефоны см. ниже. Что можно для Кости сделать – об этом я спрашиваю себя ежедневно и безрезультатно. Как ни странно, за пять лет, что я в Англии, у меня не появилось никаких полезных в этом смысле знакомств, – например, среди журналистов. В одной из наших радиопрограмм на русском языке мы упомянули о Косте, всего пять строчек (то, что было в газете Ле Монд), и это все. В английских газетах не было ничего. Как только появится, мы сразу передадим.

О себе. Меня судили в сентября 69-го года, в народном суде Смольнинского района г. Ленинграда, за курение марихуаны и гашиша. При обыске было найдено около грамма гашиша. Надо сказать, что я действительно подкуривал, один и с друзьями (но Костя не курил никогда). Среди друзей были и иностранцы, за одним

из них КГБ вело наблюдение, и поэтому они обратили внимание и на меня. На суде Костя категорически отказался давать какие-либо показания против меня. Судья была очень недовольна этим, и помимо приговора мне, суд вынес определение, в котором говорилось, что Азадовский вел себя на суде враждебно, отказался давать показания, выгораживал преступника (то есть, меня) и тем самым затруднял работу суда. Это определение, конечно, попало к начальству Кости (к сожалению, не могу вспомнить, где он тогда работал, – во всяком случае, преподавал в Ленинграде), после чего он был уволен и вынужден был уехать в Петрозаводск. Впрочем, он уже бывал в Петрозаводске и до этого, кажется. В 72-м году я вернулся в Ленинград, и мы с ним несколько раз виделись. Помню, что к тому времени у Кости уже все было в порядке с карьерой. После того, как я эмигрировал, мы не переписывались (чтобы не портить ему карьеру), и до меня доходили лишь отрывочные сведения о его успехе – говорили, что он скоро защитит докторскую диссертацию, что он преподает, много пишет, переводит, и так далее. Известие о его аресте было для меня совершенно неожиданным. Костя не диссидент, он никогда не делал никаких гражданских выступлений. Он по натуре культуртрегер, и эмигрировать он не хотел именно потому, что считал своим долгом распространить культуру там, где она нужнее всего, то есть в России.

Мой арест упоминается в диссидентских «Хрониках текущих событий»…

Как только узнаете что-нибудь новое – сразу напишите мне.

Ваш Е.С.

Когда Йенсен обращал внимание Славинского на газету «Expressen» – одну из главных газет Швеции, он уже знал о готовящемся там большом материале, автором которого был Магнус Юнггрен (Ljunggren), близко знакомый с Азадовским. Магнус был выпускником Стокгольмского университета, где и преподавал на кафедре славистики с 1963 по 1976 год; увлекшись изучением русского символизма, он достиг в этой области больших высот. В 1977–1978 годах он приехал в качестве иностранного стажера, как это тогда называлось, в Ленинградский университет, после чего вернулся в Стокгольм. В 1982 году М. Юнггрен защитит диссертацию и в 1983 году поедет в качестве стажера в Московский университет и сможет встретиться с героем своей статьи при визите в Ленинград. Его работы о русских символистах – Андрее Белом, Эмилии Метнере, Эллисе – создали ему научное имя, и ныне он по праву считается одним из главных европейских специалистов по истории русского модернизма.

Именно он взялся написать большую статью о своем русском друге, тем более что всегда был горячим сторонником правозащитного движения. 11 февраля на четвертой полосе стокгольмской «Expressen» появилась его статья о деле Азадовского под хлестким названием «Как исчезают слова, лица, люди в застенках» (вероятно, «застенки» в данном случае – наиболее подходящий по смыслу перевод слов maktens gömmor). В своей статье шведский филолог подробно описал и интересы Азадовского, и произошедшее в 1949 году с его отцом, и запрещение публикации писем Клюева к Блоку… Заканчивал он словами о том, насколько же трагично родина обошлась с человеком, который главной целью своей жизни поставил изучение ее литературы и культуры.

Кроме Юнггрена в Швеции на арест Азадовского откликнулся еще один филолог-русист – Анника Бэкстрем (Bäckström), преподававшая в Упсальском университете. Впоследствии она прославилась как переводчик русской литературы на шведский: ею изданы книги Марины Цветаевой, Иосифа Бродского, Саши Соколова, Геннадия Айги… Она приезжала в Ленинград еще в 1960-е годы и помнила Азадовского выпускником филологического факультета. Анника была сторонницей либеральных идей, причастной к политическим движениям современности. В 1974 году в Ленинграде она познакомилась с А. Сахаровым и Е. Боннэр. Анника написала большой текст для газеты «Uppsala Nya Tidning»: 11 февраля эта газета вышла со статьей «Русский ученый-литературовед арестован», в которой Анника, ссылаясь на парижскую «Русскую мысль», изложила общую канву уголовного дела Азадовского в контексте политических арестов в СССР, но при этом

поделилась и личными воспоминаниями:

> Костя поражал нас своей начитанностью, знанием иностранных языков, осведомленностью в европейской культуре. Он был общительным и щедрым человеком, и находиться в его компании было для нас удовольствием, хотя в силу нашего шведского академического образования мы чувствовали себя подчас немного простоватыми.
>
> Литература была Костиным дыханием, жизненным эликсиром, а не средством, которое принимают в умеренных дозах, чтобы произвести впечатление на других. В Ленинграде, где большую часть года господствует серый и давящий климат, Костя казался чуть ли не экзотическим существом. Он был другом Иосифа Бродского.
>
> Один из наших коллег навестил его в ноябре прошлого года (за месяц до ареста). Он занимался тем, что уничтожал свои записи (видимо, предчувствовал, что его ожидает). На письменном столе лежала его недавно завершенная диссертация на тему о русской душе. Он не знал, дадут ли ему возможность когда-нибудь и где-нибудь ее защитить. Русские диссертации, как это было и в Швеции до университетской реформы, требуют огромного количества работы. На том же письменном столе стоял небольшой бюст насмешливо улыбающегося Вольтера, поборника разума и терпимости.

Кроме этих двух шведских статей, которые произвели определенный эффект и безусловно повлияли на дальнейшие события, отметим еще один северный след: в датском Орхусе в «Morgenavisen Jyllands-Posten» под псевдонимом Leander 28 января 1981 года была напечатана статья «Пара веских слов…» – об аресте в СССР ученого-германиста Азадовского.

Череду этих акций венчает обращение датских славистов 23 марта 1981 года с коллективным письмом в Институт славистики Копенгагенского университета. В этом письме содержалось предложение пригласить Азадовского в Копенгаген для чтения лекций.

Rilke-gesellschaft

В Швейцарии узнали об аресте Азадовского 8 января 1981 года, когда в крупнейшей газете Конфедерации «Neue Zürcher Zeitung» появилась статья «Азадовский в тюрьме». Автором ее был швейцарский филолог-славист, публицист и поэт Феликс Филипп Ингольд (Ingold).

Свое образование он получил в Базельском университете, куда поступил в 1961 году, а затем в Сорбонне, где изучал славянские языки и в 1968 году защитил диссертацию по творчеству Иннокентия Анненского. Много печатался в газетах, вел передачи на радио; как славист проходил стажировку в Чехословакии, а с 1969 года начал работать корреспондентом в странах Восточной Европы; затем работал в посольстве Швейцарии в Москве. Он не только проявил себя как поэт и прозаик, но и прославился в качестве талантливого переводчика русских авторов на немецкий (Бродского, Мандельштама, Цветаевой…). Кроме того, уже в 1970-е годы под его редакцией на немецком языке выходят переводы сочинений Солженицына, Бердяева, М. Булгакова, Р. Якобсона… Одним словом, Феликс Ингольд стал со временем крупнейшим в Швейцарии специалистом по русской литературе; с 1971 года и поныне он является профессором русского языка и культуры швейцарского Университета Санкт-Галлена.

Важным объединяющим моментом для Ингольда и Азадовского был общий интерес к творчеству Рильке – Ингольд посвятил этой теме несколько работ, особенно в связи с русскими контактами Рильке. Собственно, и знал-то он Азадовского прежде всего как исследователя Рильке (подробные письма Азадовского к Ингольду, как и весь архив швейцарского автора, ныне переданы Литературному архиву Национальной библиотеки Швейцарии и доступны для исследователей).

После появления статьи Ингольда в бой вступило Rilke-Gesellschaft – Международное общество Рильке, штаб-квартира которого тогда находилась в Базеле. Самое деятельное участие в деле Азадовского принял один из наиболее влиятельных членов Общества, крупнейший специалист по творчеству Рильке – доктор Иоахим Вольфганг Шторк (Storck, 1922–2011).

Не сильно мешкая, Шторк подготовил официальное письмо Общества Рильке, подписанное тогдашним президентом Общества доктором Петером ван Ротеном (van Roten, 1916–1991) и секретарем общества Ингрид Мецгер-Будденберг (Metzger-Buddenberg). Но направлено оно было отнюдь не в газеты, а непосредственно «Его превосходительству Владимиру Сергеевичу Лаврову, послу СССР, Бруннадеррайн 37, Берн»:

> Ваше превосходительство,
>
> в газете «Нойе Цюрхер Цайтунг» от 9 января появилось сообщение о том, что член нашего Общества Константин Маркович Азадовский арестован в Ленинграде службой государственной безопасности.
>
> Мы знаем Константина Марковича Азадовского как члена нашего Общества и как выдающегося знатока славянской и немецкой литератур, поэтому известие о его аресте повергло нас в глубокое изумление.
>
> Позвольте в этой связи почтительно обратиться к Вам со следующим вопросом: основывается ли сообщение в здешней печати на фактах и действительно ли этот арест имел место и продолжается до настоящего времени? Если это так – чего мы весьма опасаемся, – то хотели бы просить Вас от имени нашего Общества, насчитывающего множество членов, предпринять какие-либо шаги с тем, чтобы этот ученый с мировой известностью и блестящий представитель русской науки мог продолжать свою работу в нормальных условиях.
>
> Примите, Ваше превосходительство, наряду с благодарностью, выражение нашего чрезвычайного уважения.

Чтобы не терять времени даром, Шторк написал еще одно официальное письмо – также на бланке Общества Рильке; однако подписал его лично. Оно отправилось 4 февраля «Его превосходительству господину послу Владимиру Семеновичу Семенову, Посольство СССР, Викторсхёэ, Вальдштрассе 42, Бонн»:

> Ваше превосходительство,
>
> обращаюсь к Вам как вице-президент Международного общества Рильке, которое с момента своего возникновения всегда уделяло большое внимание изучению русско-немецких литературных отношений.
>
> Недавно в некоторых немецких газетах появилось сообщение о том, что выдающийся советский германист, исследователь и публикатор документов, посвященных германо-русским взаимовлияниям, кандидат наук К.М. Азадовский арестован в Ленинграде. До настоящего времени я не смог получить подтверждения этой информации, которой отказываюсь верить. Но в случае, если это сообщение окажется верным, оно наверняка повергнет в изумление как членов Общества Рильке, насчитывающего более двухсот человек, так и всех компаративистов, чьи научные интересы и занятия лежат в области германо-славянских литературных контактов.
>
> В течение последних лет мне не раз приходилось знакомиться с весьма ценными работами этого советского ученого – такими, например, как «Рильке и Толстой» или «Рильке и Горький», его статьями о русских поездках и русских знакомствах Рильке, а также трудами, обращенными к другим темам и авторам. Я уже давно предпринимаю усилия к тому, чтобы некоторые из этих работ были переведены на немецкий язык. Невозможно представить себе, какой потерей обернется для международной компаративистики та ситуация, при которой этот замечательный знаток и исследователь не сможет продолжать работу над своими еще не завершенными научными проектами.
>
> Вот почему, побуждаемый к этому шагу членами нашего Общества в разных

странах, я хотел бы искренне и со всей учтивостью просить Вас: в случае, если упомянутое выше сообщение подтвердится, передать в соответствующие инстанции Вашей страны наше общее пожелание – освободить ленинградского ученого и предоставить ему возможность вернуться к своей работе.

Примите, Ваше превосходительство, выражение моей благодарности и уверения в нашем чрезвычайном уважении

Иоахим Шторк

Но Общество Рильке не ограничилось этими письмами. Не получив, разумеется, никакого ответа ни от советского посольства в Швейцарии, ни от посольства в ФРГ, Шторк подготовил публичную акцию – релиз, который был распространен Обществом 5 мая 1981 года. Он назывался «Акция в поддержку Константина М. Азадовского». Перечисляя в этом печатном листке наиболее важные обстоятельства уголовного преследования Азадовского – от ареста и осуждения, реакции в европейском мире до значения научных трудов, – Общество Рильке просило всех, кому небезразлична судьба русского ученого, содействовать его освобождению. Был рекомендован и наиболее целесообразный способ – письменные обращения в его поддержку, а в качестве адресатов таких писем были приведены все те же: посольства СССР в Берне и Бонне.

Остров Свободы

Благодаря Петеру Альбергу Йенсену оказалось возможным предать гласности дело Азадовского и в Соединенном Королевстве. Как видно из приведенного выше ответа Славинского, Русская служба Би-би-си могла давать в эфир только ту информацию, которая была в прессе; никакая отсебятина не допускалась.

Имея в виду это обстоятельство, Йенсен написал письмо английскому писателю, переводчику и журналисту Майклу Скэммелу (Scammel), слависту и знатоку русской литературы. В годы службы в армии он изучил русский язык на знаменитых курсах JSSL, затем получил диплом лингвиста в Ноттингеме и уехал в докторантуру в Колумбийский университет (США). В 1965 году вернулся в Великобританию и занялся переводами русских классиков, а также ранних книг Набокова, перевод которых был осуществлен при участии самого автора. В 1970-е годы Скэммел не скрывал своей позиции относительно советской власти: он стал переводчиком книг диссидентов Владимира Буковского и Анатолия Марченко, собрал и выпустил по-английски Антологию Самиздата.

Но еще более он привлек всеобщее внимание своими выступлениями за права писателей, заключенных в тюрьмы, а также как противник цензуры; с 1971 года он издавал ежеквартальный журнал «Index on Censorship». Русские реалии Скэммел знал не только по переводческой работе – он неоднократно бывал в СССР (получив в Москве прозвище Миша Скамейкин), был лично знаком со многими русскими писателями. Уже позднее, в середине восьмидесятых, Скэммел прославится фундаментальной биографией Солженицына, которая принесет ему Пулитцеровскую премию и профессорское место в США, но станет причиной охлаждения к нему со стороны его героя – по поводу этой биографии Солженицын напишет эссе «Испытание пошлостью».

Итак, весной 1981 года Скэммел получает письмо от Йенсена. Это было большой удачей: отправив 3 марта из Копенгагена в Лондон пакет с материалами дела Азадовского, Йенсен вскоре получит и ответ, отправленный из Лондона 13 марта. А 31 марта 1981 года главная газета Соединенного Королевства «The Times» опубликует подробную статью Скэммела под названием «Профессор заявил, что наркотики ему подбросили».

Последствием этой статьи Скэммела стало письмо-воззвание филологов Англии и Шотландии «В защиту осужденного советского ученого», которое подписали девять человек. Оно вышло 13 июля 1981 года в «The Times», на одной из самых читаемых британцами полос – «Письма в редакцию». Никакой надежды на то, что эта публикация состоится, изначально не было – и «The Times», и все королевство были полностью поглощены

приготовлениями к свадьбе принца Уэльского Чарльза и леди Дианы Спенсер, назначенной на 29 июля 1981 года. Тем не менее шеф-редактор «The Times» – в тот момент им был сэр Гарольд Мэтью Эванс (Evans) – счел письмо английских профессоров достойным публикации.

> Мы, группа университетских профессоров и переводчиков с русского и немецкого языков, и, в частности, поклонников Рильке, обращаемся к Вам, чтобы выразить нашу тревогу по поводу ареста и заключения в тюрьму знаменитого ленинградского ученого Константина Азадовского. Серьезный исследователь и критик, опубликовавший целый ряд работ (о Грильпарцере, Достоевском, Брюсове, Клюеве, Блоке, Пастернаке), Азадовский известен как ведущий советский специалист по Рильке. В марте нынешнего года он был приговорен к двум годам заключения за хранение пяти граммов марихуаны. Это обвинение, которое Азадовский последовательно отрицает и которое плохо соотносится со всем тем, что мы знаем о его характере и жизненном пути, представляется нам, не знакомым с подробностями этого процесса, недостаточно обоснованным и может свидетельствовать о судебной ошибке.
>
> Перерыв в работе Азадовского и, возможно, ее полное прекращение нанесут серьезный ущерб сравнительному литературоведению. Кроме того, этот казус способен отрицательно повлиять на культурные отношения между Советским Союзом и Западом. Мы хотели бы посредством Вашей газеты подтолкнуть советские власти к тому, чтобы пересмотреть это дело и освободить Азадовского.

Это обращение было подписано девятью университетскими профессорами; первая подпись принадлежала той, кто это письмо, собственно, и инициировала, – Анджеле Ливингстоун. Именно она написала текст и собрала под ним подписи своих восьми коллег. Почти все они знали Азадовского как ученого и человека или же были осведомлены о его научных работах. Это было условием Анджелы – поставившие свои подписи должны были быть не просто «сочувствующими», но и «знающими». Итак, под письмом было девять подписей с указанием университетов, в которых эти люди работали. Перечислим их.

Анджела Ливингстоун (Livingstone) окончила Кембриджский университет и в 1956 году с группой кембриджских студентов впервые посетила СССР; затем жила в Австралии, с 1964 года работала в британском МИДе, а в 1966 году ей было предложено занять кафедру в новом Университете Эссекса, где она и проработала более тридцати лет. Она приезжала в СССР и позднее; в 1975 году была в Ленинграде, посещала в Москве Евгения Пастернака, поскольку творчество его отца было одним из главных направлений ее научных занятий. Благодаря усилиям Анджелы как переводчика английский читатель смог узнать произведения Цветаевой, Пастернака, Андрея Платонова. Не обошла она вниманием и творчество Рильке – ее перу принадлежит сравнительный анализ «Охранной грамоты» Пастернака и «Записок Мальте Лауридса Бригге», а также монография о Лу Андреас-Саломе, приятельнице Рильке. Через Е.Б. и Е.В. Пастернаков с ней познакомился и Константин Азадовский, который неоднократно встречался с Анджелой до событий 1980 года.

Джозеф Петер Стерн (Stern, 1920–1991), один из наиболее известных и авторитетных филологов-германистов в Великобритании. Он родился в Праге, учился в Праге и Вене, после войны был принят преподавателем в Бедфорд-колледж в Лондоне, затем преподавал в Кембридже, а в 1972 году занял профессорское место в Лондонском университетском колледже (UCL), где работал до 1986 года. Полем его научной деятельности была и долгое время оставалась немецкая литература XIX–XX веков – Ницше, Кафка, Манн, Рильке… А интерес к политической истории нашел отражение в его книге о Гитлере, переведенной на другие европейские языки.

Майкл Хамбургер (Hamburger, 1924–2007), немецкий эмигрант из еврейской семьи, нашедшей в 1933 году убежище в Британии. Окончил Оксфордский университет, в 1943–1947 годах служил в британской армии, затем долгие годы преподавал в Лондонском университетском колледже (UCL). Его научные интересы лежали в области немецкой

литературы, которую он изучал как филолог и переводил как поэт. Позднее он стал переводить с французского. Именно переводами он и прославился – в его переложении англичане до сих пор читают Бодлера, Брехта, Бюхнера, Гельдерлина, Гете, Рильке…

Генри Гиффорд (Gifford, 1913–2003), профессор английского языка и сравнительного изучения литератур Бристольского университета. Окончив Оксфордский университет, преподавал в Итоне, занимался сочинительством. В 1946 году он получил место профессора кафедры английской литературы в Бристоле, а в 1963 году основал там кафедру русской литературы, где и проработал долгие годы. Он является автором работ о русской литературе XX века, начиная от Льва Толстого и заканчивая Пастернаком и Мандельштамом.

Кристофер Барнс (Barnes), выпускник Кембриджского университета, специалист по русской литературе, музыковед; автор двухтомной биографии Бориса Пастернака. В 1963–1964 годах проходил стажировку в Московском университете, в 1971 году защитил диссертацию в Оксфордском университете; с 1967 по 1989 год преподавал в старейшем университете Шотландии в Сент-Эндрюсе, а в 1989 году занял место профессора кафедры славистики Университета Торонто. Автор статьи «Пастернак и Рильке» – одной из первых на эту тему.

Эдвард Эдмунд Папст (Papst), немец по происхождению, преподаватель кафедры немецкого языка и литературы Университета Саутгемптона, с 1976 года – профессор. Специалист по творчеству Гете, а также автор нескольких работ об австрийском драматурге Грильпарцере, которому, как мы помним, была посвящена и кандидатская диссертация Азадовского.

Дональд Рейфилд (Rayfield), знаменитый британский литературовед и лингвист, окончил Кембриджский университет; в 1978 году там же защитил диссертацию. Специалист по истории русской литературы, русской политической истории, составитель грузинско-английского словаря. С 1964 года преподавал в Квинслендском университете в Австралии, с 1967 года – в Лондонском университете (Queen Mary), с 1991 года – профессор. Неоднократно бывал в Грузии и России. Широко известен своими работами о творчестве Чехова, прежде всего биографией писателя. Лингвистические способности Рейфилда позволили ему переводить с русского и грузинского (в том числе стихи).

Ирина Фроуэн (Frowen, урожд. Minskers, 1915–2007), преподаватель кафедры германской филологии Лондонского университетского колледжа (UCL). Когда ей было пять лет, родители-немцы бежали из Советской России в Германию, а в 1938 году она уже сама переезжает в Англию; сначала учится в Лондонском университете, в котором позднее преподает немецкий язык и его диалекты, а также немецкую литературу. Она великолепно знала творчество Гете, Кафки, Рильке. Ее перу принадлежит несколько работ о Рильке.

Самым младшим из подписавших письмо был Леон Бёрнетт (Burnett), преподававший в то время на кафедре литературы Университета Эссекса, которой руководила Анджела Ливингстоун; изучал творчество Достоевского, Тургенева и Чехова, а также поэзию начала XX века в контексте европейской литературы. Впоследствии он напишет работу, озаглавленную «Бродский и Рильке».

International P.E.N

Никакие «письма ученых», однако, не возымели действия: все посылаемое в советский МИД отскакивало как от стенки горох – ни официальных ответов, ни звонков… Вся корреспонденция словно проваливалась в бездну.

И уже в начале марта 1981 года, наряду с письмами университетских профессоров, на Западе начались акции иного рода – в дело вступили международные организации, в том числе Amnesty International. Однако наиболее действенная и масштабная помощь была оказана писательским объединением, именуемым International P.E.N. – Международным ПЕН-клубом.

Эта неправительственная организация, объединяющая писателей по языковому

принципу, была основана в 1921 году в Англии; ее возглавил Джон Голсуорси, в 1932 году его сменил Герберт Уэллс, которому в 1936 году пришел на смену Жюль Ромэн, и т. д… Строго говоря, ПЕН-клуб не является писательским «клубом», каковыми являются традиционные национальные союзы писателей – он имеет иные цели: защиту прав писателя и журналиста, борьбу за свободу слова и личности. С 1960 года в его составе действует специальный комитет, занимающийся судьбами арестованных писателей, – Writers in Prison Committee; его штаб-квартира, как и основного ПЕНа, размещается в Лондоне.

И как только стало известно об аресте Константина Азадовского, несколько национальных отделений ПЕН-клуба начали действовать в его защиту.

Уже в начале 1981 года, когда Азадовский находился в следственном изоляторе, датский ПЕН рассмотрел тревожные сигналы по поводу судеб советских писателей и предпринял попытку воззвать к совести советских коллег. 18 февраля 1981 года датский ПЕН подписал коллективное обращение к Союзу писателей СССР:

> Мы обращаемся к вам как представители датских культурных организаций, которые, в частности, занимаются развитием международного сотрудничества писателей и ученых.
>
> В течение многих лет мы придавали большое значение тому, чтобы сотрудничество и обмен опытом с коллегами из Советского Союза и других социалистических стран расширялись в интересах обеих сторон.
>
> В последнее время мы с глубокой озабоченностью наблюдали ряд репрессий против некоторых советских ученых и писателей, которые тем или иным образом старались осуществить цели Хельсинкского договора, под которым стоит также и подпись Советского Союза.
>
> Особенно обеспокоены мы фактом лишения советского гражданства в недавнее время таких известных писателей, как Лев Копелев, который много лет работал в области международного культурного сотрудничества, и Василий Аксенов, который с большим талантом внес значительный вклад в развитие «молодежной культуры» и советской литературы, прежде всего через посредство известного журнала «Юность».
>
> Подобным же образом мы выступаем против того, что литературовед и переводчик, кандидат в члены ССП Константин Азадовский был арестован в связи с какими-то сомнительными обвинениями. Для нас неприемлемы попытки уничтожить результаты его научной деятельности, так как такие действия являются дискриминацией общепризнанных научных работ.
>
> Мы обращаемся с настоятельным призывом к вашей организации использовать все свое влияние для того, чтобы фундамент нормального обмена литературной и научной мысли не был разрушен или серьезно поврежден.

Под этим документом стояло пять подписей: лингвист и писатель Серен Егерод (Egerod, 1923–1995), специалист по общему языкознанию, член Датской академии наук, писатель и поэт; издатель Эрик Ван Йенсен (Vagn Jensen, 1930–1995), секретарь и член правления датского ПЕН-клуба; писатель Уффе Хардер (Harder, 1930–2002), в тот момент председатель датского ПЕН-клуба, переводчик с четырех европейских языков, член Датской академии наук; писатель и политический журналист Ханс Йорген Лембурн (Lembourn, 1923–1997), председатель Союза писателей Дании; и, наконец, профессор-славист Копенгагенского университета Айгиль Стеффенсен (Steffensen, 1927–2011), председатель датского объединения славистов, многократно приезжавший в СССР; в 1967 году он защитил диссертацию о творчестве Гоголя, а позже написал для датчан биографию Чехова…

Но главными козырями этой пятерки были не академические регалии – важна была политическая и общественная позиция «подписантов». Только Ханса Лембурна можно было обвинить в предвзятом отношении к коммунистам, тогда как остальные отличались скорее «просоветскими» настроениями. Эрик Йенсен был убежденный коммунист, имевший репутацию левого; Йенсен и Стеффенсен входили в президиум Общества датско-советской

дружбы. Кроме того, и датский ПЕН не был уж настолько враждебен СССР: в 1967 году трое из этой пятерки – Егерод, Йенсен и Стеффенсен – посетили СССР как официальная делегация писателей Дании.

Это письмо было отправлено не только в Москву, но и в датскую прессу: Кай Спангенберг, в продолжение темы, поднятой им 22 января, опубликовал 2 марта в копенгагенской «Politiken» статью «Протест Дании против преследования советских писателей: Письмо в Союз писателей СССР», пересказав в ней содержание документа.

Очень ко времени – в конце февраля 1981 года – в Копенгагене собралась конференция Международного ПЕН-клуба, на которой шведская делегация официально внесла в программу конференции специальный пункт «о советском историке литературы Азадовском». И когда 25 февраля делегаты Копенгагенской конференции голосовали по пунктам итоговую резолюцию, «призыв к немедленному освобождению советского историка литературы Константина Азадовского» был принят единогласно.

Однако на судьбу Азадовского это никоим образом не повлияло – 16 марта, как мы помним, Куйбышевский райнарсуд Ленинграда вынес ему обвинительный приговор.

Скандинавские друзья были хорошо информированы, и сразу после суда – в начале 20-х чисел марта – главные газеты Дании публикуют информацию о приговоре. «Politiken» печатает уже третью статью Кая Спангенберга – «Советский диссидент осужден за наркотики. Датские писатели выступают в его защиту», а «Information» помещает большую статью Вибеки Сперлинг (Sperling) «Литературовед Азадовский приговорен к двум годам», в которой не только сообщается о приговоре, но и оглашается ставший к тому времени достоянием общественности факт об изъятии статьи Азадовского из блоковского тома «Литературного наследства».

То обстоятельство, что материал для «Information» был подготовлен именно Сперлинг – известной политической журналисткой, занимавшейся проблемами Восточной Европы, – свидетельствовал о полном понимании редакцией политической подоплеки дела. Вибека Сперлинг изучала языки в Орхусском университете, а в 1978 году сменила науку на журналистику: в 1978–1981 годах она руководила отделом СССР и стран Восточной Европы в газете «Information», а в 1981–1982 годах работала в Московском бюро как корреспондент датской «Politiken». Впоследствии она многие годы провела в СССР и России в качестве политического журналиста датских СМИ; особенно много писала о правах человека. Но в 2003 году МИД России запретил ей въезд – вследствие ее «некорректных» статей о войне в Чечне.

Несмотря на безуспешность первых усилий, ПЕН-клуб продолжал защиту Азадовского. Летом 1981 года два национальных ПЕН-клуба Европы (немецкий и швейцарский) избрали Константина Азадовского своим действительным членом. Эти действия вполне укладывались в практику ПЕН-клуба тех лет – помогать гонимым писателям и журналистам как из «стран народной демократии», так и из СССР.

27 июня 1981 года на своем ежегодном собрании такое решение было принято швейцарским отделением ПЕН-клуба (PEN club della Svizzera Italiana e Retoromanica) «в надежде, что это поможет усилиям, предпринимаемым International P.E.N. к облегчению участи писателей, находящихся в заключении». Этому решению в немалой мере способствовало то обстоятельство, что членом комитета национального швейцарского ПЕН-клуба была Магдалена Кереньи (Kerényi, 1914–2004) – исследовательница и публикатор переписки Рильке, супруга знаменитого филолога-классика Карла Кереньи.

А 14 августа в Дармштадте на конференции западногерманского ПЕН-клуба Азадовский будет принят в его члены уже как «крупный советский германист и переводчик». К этому избранию имел отношение секретарь западногерманского ПЕНа Фридрих Кристиан Делиус (Delius), литературовед по своей первой специальности, ныне известный писатель.

Возникает резонный вопрос: почему же усилия Международного ПЕН-клуба не возымели никакого действия на судьбу Азадовского и его Frau? Казалось бы, отношение советской власти ко всякого рода «творческим союзам» было вполне лояльным. Ответ

заключается в том, что в Советском Союзе ПЕН-клуб считали еще и политической организацией.

СССР не имел своего отделения ПЕН-клуба, хотя после Второй мировой войны вопрос о его создании не раз обсуждался. Эта мысль возникла на фоне борьбы против атомной войны, и некоторые европейские писатели видели прямую необходимость в принятии советских писателей в свои ряды. Так высказался, в частности, Бертольт Брехт в 1955 году: «Я, как и прежде, полагаю, что Международный ПЕН-клуб, если бы в него вступили советские писатели, приобрел бы совершенно новое значение».

Руководители Союза советских писателей, обсудив весной 1955 года это предложение, пришли к выводу, что загранкомандировки лишними не будут, и подали в ЦК положительный отзыв, резонно замечая, что «было бы желательно оказать на эту пока чисто буржуазную аморфную организацию наше организующее влияние».

Однако слова Брехта о том, что со вступлением советских писателей ПЕН-клуб приобретет совершенно иное значение, воспринимались некоторыми европейскими писателями и буквально. Как раз об этом и заявил президент ПЕНа драматург Чарльз Морган (1894–1958) 14 июня 1955 года. Свою речь на открытии 27-го Международного конгресса организации в Вене, где предполагалось обсудить вопрос о вступлении советских писателей, он начал с опасности проникновения коммунистических идей, а затем уже недвусмысленно заявил:

> Писатели, бежавшие от тирании, могут претендовать на нашу защиту, а писатели, являющиеся орудием тирании, не могут претендовать на то, чтобы мы их приняли.

На следующий день эти слова повторила вся западная пресса, включая «The Times». Несмотря на одинокие голоса в защиту, например, Наоми Митчинсон (1897–1999), которая была известна своей лояльностью к СССР, речь Моргана произвела должный эффект. В том числе и на ЦК КПСС, который в том же месяце констатировал:

> Вступающие в ПЕН-клуб писатели должны присоединиться к Хартии Пенклубов, которая направлена на защиту свободы слова и мысли в буржуазном духе. Хартия Пенклубов содержит неприемлемые для советских литераторов положения: выступать против цензуры, использовать свое влияние в целях предотвращения классовой борьбы, критиковать правительство и т. п.

Таким образом, вопрос о присоединении к Международному ПЕНу был решен отрицательно, потому как никакие организации, исповедующие «буржуазные ценности», никогда на 1/6 части суши не приветствовались.

Gloria mundi

Политическое преследование, несомненно, способствовало известности научных работ Азадовского. Становилось ясно, что если он и освободится из лагеря, то выйдет оттуда совсем не доцентом Мухинского училища, а «крупным советским германистом и переводчиком» с европейской известностью.

Собственно, обсуждение личности Азадовского в связи с уголовным делом, естественно, привлекло внимание именно к научно-литературной стороне его деятельности. Она стала на этом фоне более заметной. Так, Иосиф Бродский в своей статье назвал его «одним из виднейших (one of the best) русских исследователей в области сравнительного литературоведения», а Майкл Скэммел в своей большей статье в «New York Review of Books» от 15 апреля 1982 года также квалифицировал Азадовского как «блестящего специалиста (brilliant scholar) в области сравнительного литературоведения в СССР».

Но для такой репутации требовались не скандалы вокруг уголовного дела о наркотиках,

а серьезные научные труды. По счастью, к сорока годам их было у Азадовского уже изрядное количество, хотя бóльшая их часть была напечатана на языке Пушкина и Толстого.

Как будто понимая необходимость представить миру не только гонимого коммунистами интеллигента, но и филолога, историка литературы и поэта-переводчика, Провидение само распорядилось произвести необходимые действия. Два незнакомых и никак не связанных между собой человека в двух разных странах взяли на себя труд составить и издать библиографии научных работ Константина Марковича.

Это были Иоахим Шторк в Германии и Сергей Дедюлин во Франции. Стараниями Иоахима Шторка Азадовскому оказался посвящен почти целиком ежегодник Международного общества Рильке (Blätter der Rilke-Gesellschaft) за 1982 год. Об этом говорилось во введении, первой статьей был помещен немецкий перевод статьи «Райнер Мария Рильке и Максим Горький», затем следовал фотопортрет Азадовского размером во всю страницу (он отыскался в фотоархиве газеты «Die Welt»), за ним – краткая статья-заметка «Рильке и Россия», написанная к столетию со дня рождения Рильке и в 1975 году опубликованная по-немецки. Далее редакция ежегодника поместила подготовленный тем же Шторком свод документов, касающихся политического преследования Азадовского, и наконец библиографию его научных работ, касающихся Райнера Марии Рильке.

Отдельно заметим, что статья «Райнер Мария Рильке и Максим Горький» была написана Азадовским в соавторстве с его другом Леонидом Натановичем Чертковым (1933–2000), отсидевшим в СССР по 58-й статье, а в 1974 году эмигрировавшим в Западную Европу и к тому времени уже преподававшим в Кельнском университете. Перевод этой статьи для ежегодника Общества Рильке был выполнен известной переводчицей русских авторов Хедди Просс-Веерт (Pross-Weerth, 1917–2004). Именно она, обладая литературным даром, перевела для немецкого читателя книги Каверина и Бабеля, Пастернака и Ивинской, Тендрякова и Домбровского, Солженицына и Копелева… Впоследствии она станет переводчиком на немецкий язык переписки Рильке – Цветаевой – Пастернака, подготовленной к печати Константином Азадовским совместно с Е.Б. Пастернаком и Е.В. Пастернак.

Сергей Владимирович Дедюлин, о котором уже говорилось выше, покинул родину в 1981 году. Он уезжал из Ленинграда за границу после обыска, допросов в ленинградском КГБ и настоятельных советов не задерживаться в СССР. В Париже он вскоре устроился на Радио Свобода и в газету «Русская мысль». Именно он, друживший с Азадовским в Ленинграде, подготовил и передал в самый авторитетный французский журнал по русской истории и литературе XX века – «Cahiers du monde russe et soviétique» – библиографию научных работ Азадовского, снабженную биографической справкой. Она вышла в двух частях: осенью 1981 года основная часть, а весной 1982 года – полученные дополнения. В предваряющей заметке Сергей Дедюлин подчеркивал, что эта библиография «призвана защитить честь молодого советского ученого, чья научная продукция была удивительной (surprenante)».

А осенью 1982 года его же усилиями парижское бюро Радио Свобода подготовило сюжет, приуроченный к 14 сентября 1982 года – дню рождения Азадовского. В конце сентября эта передача вышла в эфир. Приводим текст этой радиопередачи:

> В сентябре исполнился 41 год ленинградскому литературоведу и переводчику Константину Марковичу Азадовскому. Но встретил он свой день рождения не дома, а за тысячи километров от него, на принудработах в Магаданской области. Это уже второй его день рождения в неволе: Константин Азадовский был арестован по грубо инсценированному обвинению в хранении наркотиков 19 декабря 80-го года.
>
> Тот день запомнился мне очень хорошо. Как раз мы договорились на тот вечер, чтобы встретиться: Костя хотел показать неизвестные мне переводы из немецкого поэта Райнера Марии Рильке. Мы жили тогда неподалеку друг от друга – на улице Жуковского в Ленинграде. Но телефон его упрямо не отвечал. А на

следующий день его старенькая мама, Лидия Владимировна, собрав все силы, напряженным голосом отвечала на телефонные звонки, что Кости долго не будет дома и звонить пока не надо…

Дело Азадовского стало широко известно и в Ленинграде, и среди его коллег-филологов, да и среди немалого числа знатоков и любителей русской литературы во многих странах мира. Оно отличается поразительными фальсификациями и прямыми закононарушениями.

Костя родился в семье всемирно известного русского ученого, литературоведа и фольклориста Марка Константиновича Азадовского. Костя в совершенстве изучил несколько языков и впоследствии много работал как высокопрофессиональный переводчик стихов и прозы с испанского и немецкого. Получив филологическое образование, занимался в аспирантуре Герценовского пединститута в Ленинграде и затем защитил диссертацию, посвященную немецкой литературе, представлявшую собой настоящую научную работу. Все, за что бы Константин Азадовский ни брался в науке, он делал блестяще и как следует. Его работы о Грильпарцере, о Стефане Цвейге не раз упоминаются в статьях его коллег. Но главные темы его научных занятий – это творчество и биография Райнера Марии Рильке и замечательного русского поэта Николая Клюева.

Костя является, по мнению многих специалистов, лучшим знатоком Рильке у нас в России. Самая известная из его последних публикаций в этой области – общая переписка Рильке, Марины Цветаевой и Бориса Пастернака (Азадовский выполнил эту работу в соавторстве). Обширный свод писем этих великих поэтов был опубликован в Советском Союзе по частям, в частности, в журнале «Вопросы литературы», и уже вышел за границей в переводе на итальянский. Должны были появиться переводы и на другие языки, но после ареста Константина Азадовского это дело застопорилось, так как зависит от советской организации ВААП.

Вклад Азадовского в изучение биографии Николая Клюева просто трудно переоценить. Из немногих статей о Клюеве в СССР в последние годы публикации Азадовского отличаются богатством нового, неведомого ранее материала и высочайшим профессионализмом публикатора.

Видимо, стремительно растущий авторитет ученого и непродажность его сидели как бельмо в глазу у ленинградского КГБ. Тоталитарная власть органически не переваривает честности и независимости. А честность свою и верность друзьям Азадовский показал в самых суровых условиях – еще в 69-м году, когда его обыскали по делу его друга Ефима Славинского и, запугивая, требовали дать на того показания о наркотиках. Но Костя Азадовский не мог показать того, чего не видел. Наверно, с того времени кто-то в недрах КГБ из местных карьеристов и затаил ненависть к молодому ученому. Мстительность их откровенно проявилась в бездарной попытке снова смешать имя Азадовского, напряженно занимающегося много лет умственным трудом, с наркотиками, что абсурдно.

Не знаю, принесла ли эта авантюра лишние звездочки на погоны тем, кто «смело и благородно» состряпал это дело в кабинетах ленинградского КГБ, но раздражение и настороженность по отношению к Советскому Союзу, к его политике среди ученых мира только от этого увеличились. Константина Азадовского избрали в члены Международного ПЕН-клуба, и это, как очевидно для всех, – абсолютно безошибочный выбор. Друзья Азадовского – прозаики, поэты, филологи – опубликовали во многих частях света статьи с рассказом об этом постыдном для ленинградских властей судебном фарсе. Серьезного ученого и раньше не раз приглашали для чтения лекций и участия в научных конференциях многие научные общества и университеты мира; нет сомнения, что и сейчас, когда Азадовский освободится, он получит предложения о работе из многих научных центров, где любят русскую культуру и ценят серьезное изучение ее. Правда, если еще Константин Азадовский в самом деле будет освобожден в ближайшем декабре, как следует из приговора; но в последние годы бывало не раз, что неправедно осужденным узникам дают новые сроки, продолжая безудержно мстить им за свою же собственную жестокость и несправедливость.

Коллеги Константина Азадовского не забывают о такой опасности для своего

> товарища по международному научному сообществу. Только что Общество имени Рильке в Швейцарии опубликовало большую подборку сведений об ученом и о его деле. С этой подборкой ознакомятся во многих странах мира. Один из крупнейших французских журналов по изучению русской культуры «Кайе дю монд рюс э совьетик» в своих последних двух номерах опубликовал обширную библиографию трудов Константина Азадовского.
>
> Костя, сейчас ты еще продолжаешь ломать пальцы на тяжелых работах за тысячи километров от твоих родных мест. Но я надеюсь, что когда ты в отчаянье от издевательств начальства вскрывал себе вены, ты все же не сомневался в своих друзьях – и дома, и вдали от него; мы были с тобой постоянно вместе. И хотя твои способности и знания насильно загнаны «специалистами по культуре» из ленинградского КГБ в такие условия, где лишь можно прозябать, мы уверены, что ты еще внесешь свой вклад в отечественную науку. И что это будет скоро.

Даже сейчас, много лет спустя, перечитывая все эти многочисленные статьи, письма и отклики, удивляешься тому, сколь высоко были оценены современниками научные заслуги Азадовского, с какой теплотой и каким сочувствием отмечены его профессиональные и личные качества. Подводя итог, можно сказать, что ему досталось международное признание, немыслимое для сорокалетнего ученого-гуманитария в Советском Союзе. «Панегирики!» – восклицали тогда многие, скептически покачивая головой…

Драматизм ситуации заключался в том, что это были вовсе не панегирики; это были некрологи. Ведь никто не знал в тот момент, выйдет ли Азадовский из мест заключения и когда именно, а если и выйдет, сможет ли когда-либо вернуться к научной деятельности.

Глава 8
Русская правда

Мама

Лидия Владимировна Брун-Азадовская (1904–1984) была дочерью титулярного советника, делопроизводителя отдела зернохранилищ Государственного банка, дворянина и потомственного почетного гражданина города Санкт-Петербурга Владимира Карловича Бруна (1877–1942), чьи предки с середины XVIII века жили в столице Российской империи. Сначала Лидия Владимировна училась в Москве, в частной женской гимназии Н.Е. Шписс, располагавшейся в знаменитом доме страхового общества «Россия» на Сретенском бульваре; затем – в частной женской гимназии В.Н. Хитрово в Петрограде. Летом 1917 года семья вынуждена была уехать из Петрограда, и свое среднее образование Лидия Владимировна завершила уже в Феодосийской женской гимназии. Однако о том, чтобы продолжить образование по ее окончании, можно было даже не мечтать – годы Гражданской войны в Крыму выдались жаркими: Феодосия постоянно переходила от красных к белым и наоборот, и главной жизненной задачей для всех оказавшихся в этом пекле было только одно – уцелеть. Зато неплохое знание английского и французского языков (не говоря уже о немецком, который она знала с детства), а также владение пишущей машинкой дали ей возможность найти работу машинисткой в АРА (Американская администрация помощи) в 1921–1923 годах, что было тогда, вообще говоря, обычным занятием для людей «из бывших».

Когда же в 1923 году семья смогла вернуться в Петроград, Лидия Владимировна поступила на Высшие курсы библиотековедения Публичной библиотеки, которые окончила в 1925 году. А с 1924 года она начала работать в Публичной библиотеке научным сотрудником; впоследствии заведовала Межбиблиотечным абонементом, занимая одну из ставок с громким наименованием «главный библиотекарь». Первым мужем Лидии Владимировны был книговед и библиограф Д.Д. Шамрай (1886–1971), сын псаломщика,

уволенный из Публичной библиотеки в 1929 году в ходе «чистки».

В 1935 году Лидия Владимировна вышла замуж за М.К. Азадовского, а в 1938 году решила оставить Публичную библиотеку и поступить в Педагогический институт иностранных языков. Это стало возможным вследствие двух обстоятельств: Марк Константинович зарабатывал достаточно, и Лидия Владимировна могла не служить; а во-вторых, Сталинская конституция сняла ограничения для «бывших людей», и она могла без рабочего стажа поступить в вуз.

В 1941 году у них рождается сын, а в марте 1942 года семья эвакуируется самолетом через линию фронта (вместе с семьей Б.В. Томашевского) сначала в Москву, а оттуда поездом в Иркутск, родной город Марка Константиновича, где жила его мать. Проведя три года в Иркутске, семья возвращается в Ленинград весной 1945 года. О последних годах жизни Марка Константиновича написано в настоящее время немало, так что мы сознательно опускаем этот период.

После смерти мужа в 1954 году Лидия Владимировна полностью посвятила себя изданию его научного наследия. Она проделала огромную работу с тем, чтобы неизданные труды М.К. Азадовского, в том числе и главный из них – «История русской фольклористики», смогли увидеть свет. Занималась она и собственными разысканиями. Немало откликов получил в свое время убедительно документированный ею авантюрно-исторический сюжет о подделке писем М. Горького и Ленина. Но в 1970-е годы здоровье ее сильно пошатнулось, и с конца 1970-х годов она практически перестала выходить из дома; свое 77-летие она встречала 15 февраля 1981 года уже без сына и невестки, денег было в обрез – приходилось довольствоваться пенсией, назначенной ей в далеком 1959 году, – 39 рублей 30 копеек.

Нужно отдать должное Лидии Владимировне: наблюдая все происходящее вокруг ее сына, видя отзывчивость и верность друзей, взявших на себя заботу о ней, она не собиралась сама оставаться в стороне и не сидела опустив руки. Уже на этапе следствия она написала несколько писем, которые обратили на себя внимание именно в тех «инстанциях», куда она обращалась.

Так, 3 февраля 1981 года она направила пространное обращение в Президиум XXVI съезда КПСС – наивысшую партийную и общественную инстанцию в тогдашнем СССР. Съезд проходил в Москве с 23 февраля по 3 марта 1981 года. Понимая, что до съезда ее письмо может не дойти, Лидия Владимировна на следующий же день, 4 февраля, написала еще одно письмо. Оно было обращено к члену ЦК КПСС, делегату XXVI съезда КПСС, лауреату Сталинской и Ленинской премий, Герою Социалистического Труда (причем дважды Герою: в 1984 году он – второй после Михаила Шолохова и последний из советских писателей – станет носителем этого почетного звания), словом, чуть ли не «сверхчеловеку» и одновременно председателю Правления Союза писателей СССР Георгию Мокеевичу Маркову (1911–1991).

Лидия Владимировна имела полное право писать ему. И Азадовский-старший, и Георгий Марков, оба сибиряки, хорошо знали друг друга, тем более что в 1943–1945 годах, находясь в Иркутске, Марк Константинович тесно общался с писательницей Агнией Кузнецовой, женой Маркова, в то время секретарем Иркутского отделения Союза писателей. Высоко ценя историко-бытовой аспект прозы Маркова, Азадовский не раз поддерживал земляка и отзывался о его прозе весьма сочувственно.

Но важно и другое. В эпоху застоя Георгий Мокеевич оказался достаточно близок к первой персоне советского государства – Генеральному секретарю ЦК КПСС. Именно он, Марков, будучи еще и председателем Комитета по Ленинским и Государственным премиям в области литературы, искусства и архитектуры, вручал 31 марта 1980 года в Кремле Л.И. Брежневу Ленинскую премию по литературе 1979 года – за его выдающуюся трилогию. Впрочем, и с Андроповым, председателем КГБ СССР, Георгий Марков тоже имел постоянный контакт. Короче говоря, Лидия Владимировна обратилась к наиболее влиятельному из тех лиц, к кому она вообще могла обратиться, и имела все основания

надеяться, что ее письмо будет прочтено адресатом.

Глубокоуважаемый Георгий Мокеевич,

вчера я обратилась с письмом в Президиум XXVI съезда, копию письма прилагаю. Но прежде чем Вы начнете его читать, прошу Вас просмотреть эти мои предварительные строки, обращенные исключительно к Вам.

Мне хотелось бы Вам напомнить о нашей семье, когда судьбы наши как-то соприкасались, я отлично понимаю, что Вам при Вашем объеме работы и при том потоке лиц и событий, которые окружают Вас, трудно и даже просто невозможно запомнить все встречи и разговоры, имевшие место за последние 39 (!) лет.

Я начну с Иркутска (лето 1942 года), куда мы приехали из блокадного Ленинграда. Именно тогда произошло Ваше знакомство с моим мужем, Марком Константиновичем Азадовским. В 1965 году (к 10-летию его смерти) в родном Вашем городе Томске вышла книга, посвященная его памяти, я посылаю Вам фотокопию с нее, чтобы Вы могли представить себе это издание. Возможно, что у Вас не сохранилось фотографий тех лет и Вам будет приятно посмотреть на карточку почти 40-летней давности, мы уехали из Иркутска 20 февраля 1945 года, но перед отъездом братья-писатели устроили нам «отвальную», которая происходила в квартире Агнии Александровны [Кузнецовой – жены Маркова], являвшейся душой этого мероприятия.

В послевоенные годы Вы не меняли своего доброго отношения к Марку Константиновичу, доказательством чему служит роман «Строговы» [Иркутского издания 1946 года] с теплой надписью.

После смерти Марка Константиновича, будучи в Москве в 1956 году, я обращалась к Вам с просьбой организовать комиссию по его литературному наследию (председатель А.А. Прокофьев), и Вы помогли мне в этом.

Но наиболее ярко мне запомнилась наша последняя встреча в Ленинграде (осень 1963 года), когда я приходила к Вам на прием как к депутату Верховного Совета от нашего Дзержинского района. Приходила я к Вам по квартирным делам, т. к. наша квартира (ул. Желябова, д. 13, кв. 83) после капитального ремонта была превращена из 2-х комнатной в однокомнатную. В связи с этим я говорила и о своем сыне, которому исполнилось уже 22 года, который только что окончил Университет, занимается в переводческих семинарах при ССП, уже печатался и которому пророчат большую будущность как поэту-переводчику и как многообещающему ученому-литературоведу.

Я сказала еще: «И он мечтает о том, что впоследствии, когда это заслужит, он тоже будет членом Союза Писателей», на что Вы очень благосклонно сказали: «Ну конечно же будет. Как же, сын такого отца! Только вот подрасти ему еще следует».

1 апреля 1977 г. сын подал документы в ССП с просьбой принять его в число членов. Рекомендации ему дали: Д.С. Лихачев, В.Г. Адмони, Рита Яковлевна Райт-Ковалева. За истекшие 3 года и 8 месяцев его успели провести только через секцию переводчиков (единогласно) и отборочно-приемную комиссию. 1 декабря 1980 г. его кандидатуру рассматривали на Секретариате, и он не прошел (не добрал одного голоса).

Наступившая в середине декабря катастрофа смела все эти вопросы, я пишу Вам о них только потому, что Вы стоите у руля всего литературного процесса в нашей стране.

Катастрофа, нагрянувшая в середине декабря, сломала наши три жизни менее чем за одни сутки. О ней изложено в моем обращении к Президиуму XXVI съезда.

Что я еще должна сделать? Если бы я только могла это знать…

Я обращаюсь к Вам как к члену ЦК, как к руководителю нашей литературы и науки о литературе и наконец как к человеку, хорошо знавшему моего покойного мужа.

В письме к Съезду я написала, что не прошу «милости или снисхождения». Я хочу только одного – правды и справедливости.

Л.В. Брун-Азадовская

4 февраля 1981 г.

Далее следовала копия ее письма съезду.

В Президиум XXVI съезда Коммунистической партии Советского Союза

19 декабря 1980 г. в моей квартире был произведен обыск, длившийся 6 часов. Завершив обыск, бригада, производившая его (5 агентов и 2 понятых), увезла с собой моего сына Константина Марковича Азадовского (1941 г. рождения). Больше я своего сына уже не видела.

В самом начале обыска (я еще спала и не вставала) один из агентов подложил на 5-ю полку книжного стеллажа, стоящего между окон в комнате моего сына, маленький пакетик (аптекарского вида) с наркотическим веществом (много позже мне сказали, что это была «анаша» в количестве 5 граммов). О том, что пакетик был подложен, мне с глубоким возмущением сказал сын, когда я, привлеченная движением и шумом в коридоре, поднялась с постели и вошла в его комнату. Мне продемонстрировали это «вещественное доказательство» уже в запечатанном конверте темно-синего цвета.

Одновременно я узнала, что 18 декабря вечером возле нашего дома задержана и арестована жена моего сына (с 1975 г.) – Светлана Ивановна Лепилина (1946 г. рождения). Возвращаясь после работы, нагруженная сумкой и авоськой с продуктами, она в момент задерживания, якобы, попыталась выбросить на улицу пакетик с наркотическим веществом, который, мол, она несла для передачи моему сыну. Выслушав все это, а главное, прочтя это обвинение как основание для обыска в нашей квартире, я не сдержалась и сказала: «Ересь какая!»

В момент увода сына сказали, что если в течение трех дней он не вернется домой, то мне будет об этом сообщено. Однако и через пять суток я так и не знала, кем арестован мой сын, куда он увезен и где находится. 24 декабря, доведенная неизвестностью до полного отчаяния, я, будучи больной, с трудом села в такси и поехала на розыски сына. Накануне весь вечер был посвящен расшифровке иероглифов, обозначающих название организации, арестовавшей моего сына. В итоге этой головоломной работы я пришла к выводу, что это 15 отделение милиции Куйбышевского района (ул. Брянцева, 5). Когда я приехала по этому адресу, оказалось, что это 15 отделение милиции Калининского района. Мне сказали, что я не туда попала и что мне нужно обратиться в 15 отдел ГУВД (Литейный пр., 4). На Литейном мне подтвердили, что 15 отдел у них имеется и что действительно К.М. Азадовский значится за этим отделом. Но у них только его дело, а его самого нужно искать в Куйбышевском РУВД (пер. Крылова, 3). Приехав по этому адресу, я наконец-то нашла следователя, который ведет дело К.М. Азадовского. Следователь – Евгений Эмильевич Каменко, кабинет 54, тел.: 310-29-15. Он мне объяснил, что мой сын и его жена арестованы и находятся в тюрьме «Кресты».

Я дала следователю показания. Допрос продолжался 50 минут, на них сыну моему было уделено минут 5, а все оставшееся время следователь посвятил личности Светланы. Все, что можно было сказать грязного и гнусного о молодой красивой женщине, было им сказано. Я все время отрицательно качала головой и говорила: «Нет, нет, не верю… этого не может быть…» Затем я произнесла речь в защиту Светланы как человека и как женщины. Во время допроса я раз пять спрашивала следователя, в чем же все-таки вина моего сына? Что именно ему инкриминируется? Он ответил мне: «Хранение наркотиков». – «Что же, он их употреблял сам или занимался их распространением?» – «Это еще не доказано, следствие покажет. Но хранение налицо. Это запрещено законом. Кстати, вес наркотиков у Светланы и у Константина одинаковый, 5 граммов. Так что, видимо, расфасовка была одна и та же!» На мои слова, что неужели человек,

употребляющий наркотики, был способен за короткий срок создать до 100 печатных работ и неужели эти 5 граммов перевешивают 100 печатных работ, следователь ответил: «Закон есть закон».

Меня поражает процедурная сторона дела, на чем я хочу остановиться подробнее.

Прежде всего сам обыск. Присланные 5 агентов (плюс два понятых) были явно некомпетентными людьми. Может быть, в квартире, где нужно изъять ворованную мануфактуру, они были бы вполне на месте и с честью справились бы с возложенными на них обязанностями, но в нашем доме, где над всем доминируют книги, делать им было абсолютно нечего. Библиотека сына – несколько тысяч томов – состоит на три четверти из книг на иностранных языках (немецкий, английский, французский, итальянский). Пришедшим было весьма трудно разобраться с этими книгами, ибо и русским языком они владеют не лучшим образом. Еще большую загадку представлял для них творческий архив Константина, содержащий огромное количество папок с рукописями, архивными выписками, фотографиями, ксерокопиями, фотокопиями, библиографическими карточками и т. д. Ключей ко всему этому у них, понятно, не было, я сама видела, как они внимательно штудировали связку его школьных тетрадей, которые он хранил как память о девятом и десятом классах. Уходя, они оставили копию протокола обыска. Этот удивительный манускрипт можно рассматривать только с юмористической точки зрения. По форме это что-то невыразимо грязное, небрежное, неудобочитаемое. Многие слова так и не удалось разобрать. Они старались воспроизвести названия книг, которые изъяли при обыске. (Кстати, названия книг на иностранных языках – несколько экземпляров, зафиксированных в протоколе, – они не списывали, а перерисовывали). Например, в протоколе обыска указаны книги: М. Зощенко «Перед восходом солнца»; Б. Пильняк «Соляной амбар»; «Фотолетопись жизни Марины Цветаевой», изданная в 1980 г. в США. У сына хранилось в папках большое количество издательских проспектов и книготорговых каталогов, которые ему присылали со всех концов света. Оказавшись в этом безбрежном море, они очень удивлялись и спрашивали о том, что это такое. Сын им объяснил, и они, на всякий случай, прихватили с собой малую толику. Но особенные муки доставил им иллюстративный материал (фотографии), в котором действительно можно захлебнуться и утонуть. Мой сын – историк литературы, специалист по русской литературе начала XX века и по связям русской литературы с зарубежными литературами. Естественно, что он хранил в своем архиве фотоизображения тех писателей и поэтов, о котором он писал, чьи письма он публиковал и т. д. Почему-то это вызвало недоумение у агентов, производивших обыск. В протоколе обыска зафиксированы, например, такие фотографии: «лежащий труп С. Есенина», «труп Маяковского в постели» и т. д. Была изъята даже моя фотография, где я снята летом в саду вместе с сыном и его женой.

Сын вообще отказался подписать протокол обыска, он неоднократно выражал жалобы и протесты по ходу обыска, отмечая все нарушения и погрешности этого процесса. Подписи понятых имеются далеко не на всех страницах протокола.

Я написала о том, что видела собственными главами. Теперь перехожу к тому, что слышала. Разумеется, вся внутренняя сторона следствия за семью печатями. Я питаюсь только теми слухами, которые доходят до меня. Вначале говорили о едином деле по наркотикам (Лепилиной и Азадовского), но потом дело Светланы как-то отпочковалось и велось особо.

Одновременно со всем этим до меня дошли слухи о том, что у сына моего были враги, которые открыто грозились ему мстить. Действительно, тут я припомнила, что у сына на кафедре был преподаватель английского языка некий Равич М.М.

…Еще более трагично складывалась за последние годы жизнь Светланы. Живя в коммунальной квартире вместе с З.И. Ткачевой и ее сыном Александром, она постоянно подвергалась угрозам и травле. Это было не только страшно, но и опасно, так как А. Ткачев был постоянно пьян и держал у себя в комнате огнестрельное оружие. <…> Разумеется, я всего этого совершенно не знала и даже не подозревала об этом. Оберегая меня от волнений, щадя моя возраст,

больное сердце, нервную систему и т. д., и сын, и Светлана скрывали от меня ту борьбу, которую они вели как на работе, так и в жизни. Только после ареста сына я, разобрав документы, хранившиеся в его письменном столе, узнала об этих судебных разбирательствах и неприятностях.

Мой сын – честный человек, и он, и его жена не имели и не имеют никакого отношения к наркотикам. Им предъявлено обвинение по статье 224 ч. 3 УК РСФСР. За хранение наркотиков закон предусматривает наказание: 1 г. исправительно-трудовых работ либо до 3-х лет тюремного заключения. В январе 1981 г. с письмом к прокурору г. Ленинграда С.Е. Соловьеву обратился академик М.П. Алексеев, председатель Международного Комитета славистов. В письме охарактеризована научная деятельность моего сына и содержится просьба об изменении до судебного разбирательства меры пресечения в отношении его (замена содержания под стражей на подписку о невыезде). С аналогичным по содержанию письмом в Прокуратуру Ленинграда обратилась группа ведущих филологов, докторов наук. Ответа на эти письма не последовало.

Я пишу эти строки не для того, чтобы просить милости или снисхождения для моих детей. Пусть свершится правосудие! Но пусть будет при этом сохранены все процессуальные гарантии.

И в заключении несколько слов о себе. Одним ударом меня лишили моих детей – молодых, здоровых и сильных. Я осталась без поильцев и кормильцев в самом буквальном смысле слова: мне 77 лет, у меня поражена сердечно-сосудистая система, отказываются ходить ноги. Я не могу пользоваться общественным транспортом, не могу и шага пройти по улице без посторонней помощи. Я второй месяц живу за счет сострадания и благородства добрых людей.

Л.В. Брун-Азадовская

3 февраля 1981 г.
г. Ленинград

Оба этих письма, написанные на старенькой пишущей машинке Азадовских, не похожи по своей стилистике на обычные прошения и жалобы советских людей. Они искренни, человеческая речь в них явно преобладает над канцелярской. Правда, друзья и знакомые, прочитав эти послания Лидии Владимировны, сочли их скорее наивными. С точки зрения прагматической они, видимо, таковыми и были. Но нельзя, с другой стороны, не удивиться тому, что человек, проживший всю жизнь в Советском Союзе, не утратил способности говорить раскованно, без оглядки.

Случившееся было для нее страшным потрясением. Имея за плечами и без того несладкую жизнь, Лидия Владимировна не могла ожидать, что в старости она получит такой удар судьбы. Будучи по отцу немкой, она тем не менее разделила судьбу именно русской женщины, пережившей и революцию, и Гражданскую войну, блокаду и эвакуацию, болезнь и смерть мужа, безденежье, а теперь, «под занавес», – арест и тюрьму Константина и Светланы.

Ей разрешили только одно свидание с сыном – уже после суда. Но обнять или поцеловать его она не могла: всего один час, через стекло, с микрофоном и наушниками. И, конечно, с обязательным незримым присутствием того, кто прослушивал их беседу.

Она день и ночь мучилась главным вопросом: сможет ли она перед смертью увидеть еще хотя бы раз единственного сына? Достойно восхищения то, что Лидия Владимировна, подавленная рухнувшим на нее несчастьем, не была тем не менее сломлена и сохранила волю к борьбе.

Ответов на свои письма она не получила – ни от «дорогого Георгия Мокеевича», ни из Президиума XXVI съезда. Однако ни одно из них не затерялось. К очередному партийному съезду обращались в СССР сотни тысяч граждан, поэтому был необходим механизм по «работе с письмами». На самом верху они, как правило, не рассматривались, а сразу же – после беглого ознакомления с их содержанием – направлялись «по подведомственности». И

поскольку в письме гражданки Азадовской содержалась жалоба на незаконные действия ленинградских правоохранительных органов, то ее письмо было «спущено» в прокуратуру г. Ленинграда, призванную «надзирать» и пресекать нарушения законности.

Только этим обстоятельством мы можем объяснить тот факт, что 19 февраля на заседании Куйбышевского районного суда, на слушаниях уголовного дела по обвинению Светланы Лепилииой, прокурор В.А. Позен с возмущением упомянул о «письмах матери гражданина Азадовского, которые дышат злобой на советскую власть» и представил это в качестве отягчающего обстоятельства при вынесении Светлане приговора.

После суда над Константином Лидия Владимировна, ободряемая друзьями сына, продолжила писать в инстанции. В 1982 году она напишет три большие жалобы в ЦК КПСС в защиту Константина и Светланы – 30 мая, 1 июня, 29 сентября. Письма эти вскоре стали известны, поскольку издаваемые в Мюнхене радиостанцией Свобода «Материалы Самиздата» посвятили свой выпуск от 22 июля 1983 года делу Азадовского; в этот выпуск и вошли письма Лидии Владимировны.

В ожидании этапа

Итак, 16 марта 1981 года Куйбышевский районный народный суд приговорил Константина Азадовского к двум годам лишения свободы в исправительно-трудовой колонии общего режима. Обвинительный приговор, каким бы ожидаемым он ни казался, психологически воспринимается крайне тяжело; по сути, это точка невозврата, когда рушатся все, хотя бы призрачные надежды; в этот момент обвиняемый превращается в осужденного. По силе воздействия на человека судебный приговор подобен впечатлению от ареста. Окончательный же крах происходит тогда, когда кассационная жалоба, направленная в вышестоящую инстанцию, отклоняется и приговор вступает в законную силу.

Кассационные жалобы Азадовского и его адвоката С.М. Розановского на приговор Куйбышевского районного суда были рассмотрены 16 апреля в заседании коллегии по уголовным делам Ленинградского городского суда под председательством В.Г. Овчаренко, в присутствии адвоката.

> Судебная коллегия, проверив и обсудив доводы кассационных жалоб, находит приговор законным и обоснованным. Вина Азадовского в совершении преступления доказана… Наказание ему назначено с учетом характера и степени общественной опасности содеянного, данных о личности и всех обстоятельств, смягчающих или отягчающих его ответственность, и является справедливым. Судебная коллегия находит, что обстоятельства дела органами предварительного расследования и судом исследованы с достаточной объективностью… Данные о личности Азадовского в материалах дела содержатся также достаточно полно… Исходя из изложенного, коллегия не находит основания для отмены или изменения приговора по мотивам кассационных жалоб…

Несмотря на полный крах надежд, которые Азадовский питал в преддверии суда, он, насколько можно судить, все-таки оставался во власти идеалистических представлений о «торжестве справедливости» и лелеял надежды на скорое освобождение. Он допускал, что мать обратится к Г.М. Маркову и И.С. Зильберштейну. Не исключал Азадовский и того, что его собственная жалоба дойдет до ЦК КПСС, а проверка дела сразу выявит нарушения, из-за которых его держат в Крестах. Ведь он умышленно писал в своих жалобах о нарушении социалистической законности именно в Ленинграде, как бы пытаясь спровоцировать проверку, которая бы в результате могла помочь и в пересмотре приговора по его делу.

Провокационно выглядела и задержка Азадовского в Крестах после суда и вступления приговора в законную силу: его не отправили сразу же в колонию, а продолжали держать в СИЗО. Как принято, он уже не вернулся в ту камеру, в которой находился до суда; это был уже другой корпус, для осужденных. Поскольку, как гласит Исправительно-трудовой кодекс

РСФСР, «каждый осужденный обязан трудиться», Азадовский и был направлен туда, где преступникам предоставлялась возможность исправиться через ежедневный добросовестный труд. В Крестах для этой цели большого выбора не представлялось – с конца 1950-х при СИЗО функционировала картонажная фабрика, проще говоря, «картонажка», где осужденные трудились над изготовлением картонной тары для нужд города. Именно там доцент Азадовский и приступил к исполнению своего гражданского долга. Поначалу он даже подумал, что его вовсе не отправят в колонию, а оставят на «картонажке».

Однако клеить коробочки ему пришлось всего несколько дней. Вскоре его «выдернули» оттуда и поместили в камеру с другими осужденными, ожидающими отправки на этап или решения по кассации, и он опять гадал, когда и куда его отправят. Там и произошла его встреча с доктором наук С.С. Зилитинкевичем, океанологом, геофизиком, метеорологом, зятем академика Д.С. Лихачева. Осужденный по надуманной уголовной статье, Сергей долгое время провел в Крестах, дожидаясь решения по своей кассации. Позднее его отправят на зону в Рязанскую область, оттуда (по амнистии 1981 года) – «на химию» в г. Выкса Горьковской области, где ему придется работать первое время «реечником-замерщиком» на стройке, зато через несколько месяцев он дорастет до «трубоукладчика 2-го разряда» – будет рыть вручную траншеи и укладывать в них трубы. В мае 1983 года Азадовский навестит его в Выксе, и они проведут вместе несколько дней. А в марте 1984 года, отбыв пятилетний срок заключения, Зилитинкевич вернется в Ленинград.

Получив от своего адвоката Е.О. Костелянец известие об осуждении Азадовского, Зилитинкевич, уже обжившийся к тому времени в Крестах, смог устроить так, что Константина перевели в его камеру. И хотя в четырехместной клетке и без Азадовского было пятнадцать человек, тем не менее, став шестнадцатым, он ни разу не пожалел о своем прежнем обиталище.

Когда в 1994 году Константин Азадовский писал вступление к тюремным запискам С.С. Зилитинкевича, вскоре напечатанным в журнале «Звезда», он живописно отобразил свое совместное пребывание с автором в этом маломерном и не слишком комфортабельном пространстве:

> В камере была духота. Духота и вонь. В каменном кубе, рассчитанном некогда на четырех человек, теснились двенадцать полураздетых зэков. Лежали на полу, под дверью, возле унитаза; сидели на корточках, скрючившись, вдоль стены. Кто-то дремал, кто-то двигал самодельные нарды, кто-то бранился с соседом. Время ползло, тягучее, тягостное. Отбой, подъем – ничего не менялось. Нескончаемый гул снаружи, чтобы заглушить голоса из окон, нескончаемый тяжеловесный мат в коридорах и камерах. И «солнце» – негасимый свет на потолке камеры, горящий и днем, и ночью. Чтоб каждый был на виду!
>
> На верхней шконке сидел человек, поджав ноги, в позе египетского писца. Не обращая внимания на шум и возню, он что-то писал на листе бумаги, перечитывал, перечеркивал, брал новый лист, писал снова. Зэки тревожили его редко. Уважительно поглядывая наверх, говорили: «Профессор работает…» Иногда обращались к нему с вопросами. Он отвечал – терпеливо, доброжелательно. И снова писал.
>
> В такой вот экзотической обстановке я впервые увидел Сергея Сергеевича Зилитинкевича, доктора наук, профессора, всемирно известного ученого. Я сам был кандидатом наук, доцентом (так сказать, чином ниже), а как оказался в одной камере с профессором – про то особая история. И вот, очутившись вместе, мы коротали с Зилитинкевичем (увы! недолго – всего неделю-другую) тоскливые тюремные часы. На дворе был март 1981 года… Два с половиной года провел Зилитинкевич в «Крестах»…

Впрочем, когда администрация спустя две недели наконец дозналась, что осужденный Азадовский переместился в другую камеру, то немедленно вмешалась и восстановила status quo. И опять потянулись долгие дни ожидания – судьба его никак не могла решиться.

Правда, теперь он начал получать письма – от мамы, друзей и даже коллег по кафедре.

Это долгое ожидание было само по себе показательно – значит, вокруг него что-то происходит… Приняли бы решение – через неделю бы отправили в колонию. Что стояло за этой продолжительной паузой, Азадовский не понимал. Лишь впоследствии ему станет ясно: в это самое время в кабинетах на Литейном и, возможно, еще выше решался вопрос о его будущем трудоустройстве.

А на воле тем временем продолжались хлопоты. Через московских друзей Азадовского – прежде всего через А.Е. Парниса – неутомимая Зигрида Ванаг нашла еще одного адвоката, и притом какого! То был Евгений Самойлович Шальман (1929–2008), не просто адвокат, а известный московский адвокат. В 1978 году он был адвокатом Ю.Ф. Орлова, затем А.П. Подрабинека, в 1979 году – С.Л. Ермолаева, М. Джемилева и многих других «политических», которые были обвинены и осуждены по политическим и неполитическим статьям Уголовного кодекса РСФСР. Да и 1981 году он должен был принять участие в очередном процессе Александра Подрабинека, но ему не дали «допуска» (суд состоялся 6 января 1981 года в Якутске без участия адвокатов). Впоследствии А. Подрабинек описал их первую встречу летом 1978 года:

> …На свидание ко мне пришел адвокат Шальман.
>
> Евгению Самойловичу Шальману было около пятидесяти, и он был в расцвете своей адвокатской карьеры. Кроме того, он был заядлый пушкинист и мог наизусть прочитать «Евгения Онегина» от начала до конца – весь роман! Мы с ним хорошо поладили, невзирая на различный подход к предстоящему процессу. Я намеревался устраниться от дела, как только станет очевидна предвзятость суда. Он считал, что надо активно защищаться и в любом случае использовать все возможности правосудия. Он же был адвокатом – что еще он мог предложить своему подзащитному? У него не было особого доверия к советскому суду, но участие в процессе отвечало его профессиональной позиции.
>
> Евгений Самойлович был отличным адвокатом. Он не любил советскую власть и был одним из немногих в московской адвокатуре, кто брался за политические дела. Однако предыдущий процесс, похоже, надломил его. Он защищал Юрия Федоровича Орлова и столкнулся с таким произволом, которого не мог себе представить. Дело не в том, что его ходатайства немотивированно отклонялись, судья [В.Г.] Лубенцова откровенно хамила защите, а приговор Орлову дали по максимуму – семь лет лагерей и пять лет ссылки. И даже не в том, что творилось у здания суда – тройной кордон милиции и сотрудников КГБ, проход в здание суда по специальным пропускам, провокации и задержания. Елену Георгиевну Боннэр милиционер ударил по голове, она в ответ дала ему пощечину, ее скрутили, а кинувшемуся ей на помощь Сахарову заломили руки, обоих бросили в милицейскую машину и увезли в 103-е отделение… Иру Валитову, жену Юрия Федоровича, пустили в зал суда, но при первой же попытке выйти из него во время перерыва обыскали, раздев догола в присутствии трех кагэбэшников. Все это было возмутительно и незаконно, но… обычно. Необычно было то, как обошлись с адвокатом.
>
> «Вы представляете, – рассказывал мне на свидании Шальман, – я остался в перерыве в зале суда, а меня выволокли оттуда и заперли в какой-то комнате». Голос его дрожал, он волновался, вспоминая пережитое два месяца назад унижение. С адвокатом, профессионалом и равноправным участником процесса, обошлись как с провинившимся школьником, посаженным в темную комнату под ключ. К счастью, в комнате оказался телефон, Шальман позвонил в коллегию адвокатов, оттуда пошли звонить по инстанциям, и в конце концов Евгения Самойловича выпустили из комнаты и разрешили пройти в зал суда.
>
> Я честно предупредил Шальмана, что откажусь от его услуг, если реальная защита будет невозможна. «Воля ваша», – ответил мне Евгений Самойлович совершенно по-пушкински.

Этот рассказ тем более интересен, поскольку по стечению обстоятельств осужденный Азадовский так и не встретился с адвокатом, который в мае 1981 года взялся за составление кассационной жалобы по его приговору. Впервые они лично встретятся только после его освобождения. Да и вообще, как можно заметить по ситуации с тем же Зилитинкевичем, адвокаты обычно хоть чем-то (или даже серьезным образом) помогают своим подзащитным, дают им сведения о происходящем; в деле Азадовского этого не было вовсе.

Е.С. Шальману дело Азадовского представлялось неординарным, и, будучи отличным профессионалом, он сразу увидел перспективы для пересмотра приговора. Позиция осужденного была близка адвокату, к тому же он выявил столько нарушений в ходе следствия и суда, что верил в возможность протеста со стороны Прокуратуры РСФСР – эта инстанция, по действовавшему законодательству, могла отменить любой вступивший в силу приговор. Именно это огромное количество нарушений и придавало Шальману уверенности. Пусть даже следствие и получило улики (обнаруженный при обыске наркотик), но следственные действия были проведены топорно и непрофессионально, «с нарушением социалистической законности», а суд подошел к рассмотрению дела односторонне и поверхностно – такова была его адвокатская позиция.

Как бы то ни было, Евгений Самойлович согласился защищать Азадовского. Договаривались с ним Зигрида Ванаг и Генриетта Яновская, которая вспоминала, что «он был любитель-пушкинист, который занимался разными научными изысканиями, вполне серьезно, и ему все хотелось с нами о Пушкине говорить. Это нас ужасно раздражало, потому что нас интересовало другое».

Но когда с Е.С. Шальманом был заключен письменный договор и он приехал в Ленинград – это было в июне 1981 года, – Азадовского аккурат перед этим отправили на этап. Была ли между этими событиями связь – неизвестно, быть может, просто совпадение.

Впоследствии, 12 октября 1981 года, Шальман все-таки направил жалобу в Прокуратуру РСФСР, но она, разумеется, была оставлена без удовлетворения. Надежда на московского адвоката померкла у друзей Азадовского ровно так же, как и надежды Лидии Владимировны на Г.М. Маркова или И.С. Зильберштейна…

Азадовский же, перемежая ночные сновидения с дневными заботами, постепенно втягивался в тюремную жизнь, и камера Крестов, какой бы она ни была, уже казалась ему более надежным убежищем, нежели любая неизвестность в его дальнейшей зэковской жизни. Дни, как известно, медленнее всего тянутся в начале и в конце срока, так что постепенно его тюремные будни обрели некую размеренность; оторопь первых недель сменилась тупой сменой суток с негаснущим тюремным солнцем – тусклой лампочкой на потолке камеры, а также бубнящим радио с гимном по утрам и дежурным объявлением перед отбоем, текст которого он скоро помнил так же точно, как и текст гимна:

> Внимание, внимание! Граждане заключенные, в следственном изоляторе объявлен отбой. Категорически запрещается играть в настольные и другие игры, переговариваться, ходить по камере, закрывать свет бумагой. Администрация предупреждает, что нарушители будут строго наказаны.

Лучшее, что было в течение дня, – клетки внутреннего двора, куда на час в день выводили на прогулку, но и там был риск, что конвойная овчарка будет на тебя натравлена просто ради забавы.

Так закончился апрель, прошел май, наступил июнь… Ничего не происходило, Азадовский продолжал оставаться в Крестах и уже совершил восхождение в иерархии своей очередной камеры до личной шконки, подушки, одеяла…

Коллеги по нарам прочили ему исправительную колонию либо в Обухове, либо в Яблоневке – они находились вблизи от города и предназначались для «первоходок» с общим режимом. Азадовский и сам знал, что срок его заключения – два года, из которых полгода уже почти минули, – гарантировал, что колония будет недалеко от Ленинграда. Он ждал, но его почему-то все не отправляли и не отправляли. Каждый день он думал о том, что его

положение все-таки должно измениться. Чем длительнее ожидание, тем больше рождается фантастических предположений и безосновательных надежд, обычно разбивающихся о бетонную стену Системы. Это объяснимо: людям, оказавшимся в безвыходном положении, свойственно ждать чуда и надеяться…

В Ленинграде стали циркулировать слухи, будто итальянская компартия ведет переговоры с ЦК, чтобы Азадовского на кого-то обменять, но никак не могут найти адекватную замену… Вспоминается частушка, которая родилась после обмена политзаключенными в декабре 1976 года – В.К. Буковского на лидера чилийских коммунистов, начинавшаяся строками «Обменяли хулигана / На Луиса Корвалана…».

Эти слухи 1981 года были, вероятно, отголосками событий, относящихся к весне 1979 года, когда в порядке обмена на пойманных спецслужбами США и осужденных за шпионаж двух советских разведчиков в Америку из советских тюрем были отправлены сразу пять граждан, преследуемых советской властью по религиозным или политическим мотивам, – Э.С. Кузнецов, А.И. Гинзбург, М.Ю. Дымшиц, В.Я. Мороз и Г.П. Винс.

Что касается «итальянской компартии», то уместно предположить, что разговоры такого рода – следствие резонанса, который сопровождал итальянское издание тройственной переписки (Рильке – Пастернак – Цветаева), осуществленное в 1980 году усилиями Серены Витале в римском издательстве «Editori riuniti». А поскольку «Объединенные издатели» были официальным издательством Коммунистической партии Италии, то отсюда и слухи.

Но Константин все-таки сознавал, что участь Буковского ему не грозит, – в конце концов, он был простой филолог; нечто подобное, с другой стороны, оказалось бы для него также трагедией: ведь из тюрьмы он все-таки надеялся когда-то выйти и застать маму в живых, а из заграницы он не мог бы вернуться никогда. Пока она была жива, он не имел права расстаться с ней.

Кроме разнообразных мечтаний, которые неизбежно приходят в голову любому арестанту, по Крестам, как и по другим тюрьмам, начали ходить слухи о грядущей амнистии. В 1982 году страну ждало празднование 60-летия образования СССР, и приготовления к нему уже начались – репродуктор вещал о празднике единения советских народов с завидной частотой. Впрочем, к началу восьмидесятых обитатели пенитенциарных заведений стали называть их «параша об амнистии». В действительности амнистий было значительно меньше, чем ожиданий у заключенных. К примеру, в 1970 году, когда отмечалось и 25-летие победы, и 100-летие со дня рождения Ленина, амнистия так и не была объявлена, а в 1977 году, к 60-летию революции, наоборот, состоялась. Так что угадать было трудно. Но вера в лучшее (в Чудо) – единственное, что доступно узнику.

Надолго задержавшись в Крестах, Азадовский подумывал о том, что мог бы оспорить свое долгое пребывание в СИЗО, однако воздержался от этого шага. Ему стало известно, что, задерживая его отправку на зону, администрация поступала в соответствии с законом – она попросту не имела формальных оснований расстаться с ним до того времени, как получит копию определения о вступлении приговора в законную силу.

Возникшая ситуация была чисто бюрократической. Согласно статье 14 Исправительно-трудового кодекса РСФСР, осужденные к лишению свободы направляются в места отбытия наказания не позднее десятидневного срока со дня вступления приговора в законную силу. Приговор вступил в силу после рассмотрения кассаций в Ленгорсуде 16 апреля, следовательно, до конца апреля Азадовский должен был быть этапирован к месту отбытия наказания.

О вступлении приговора в законную силу он был официально уведомлен 22 апреля. Из Ленгорсуда в СИЗО должны были направить и копию определения, но по обстоятельствам, о которых можно только догадываться, она поступила в канцелярию «Учреждения ИЗ-45/1» лишь 5 июня 1981 года – эта дата указана на входящем штампе. И только с этого момента началась подготовка осужденного к этапу.

Тем временем в жизни матери нашего героя события развивались не только по «уголовной линии», подтверждая вечную истину: «Беда не приходит одна». На Лидию

Владимировну свалилось и другое несчастье – бытового порядка, но оттого не менее тяжкое. Дом на улице Восстания, в котором жили Азадовские, дал трещину и подлежал ремонту. В январе 1981 года его начали расселять, и многие жильцы уехали, переместившись во временный фонд. Предлагали и Лидии Владимировне, но такой переезд был ей уже не под силу. В подъезде отключили свет, и друзьям Азадовского, навещавшим Лидию Владимировну, приходилось подниматься на четвертый этаж в полной темноте, ощупью. Грозились отключить и водоснабжение.

К счастью, в этот критический момент она не осталась в одиночестве. Е.И. Кричевская, лаборантка кафедры, которой заведовал Азадовский, предложила ей комнату в своей трехкомнатной квартире – у станции метро «Лесная». Это предложение обдумывалось и обсуждалось. Лидия Владимировна хорошо понимала всю привлекательность такого решения, но… как оставить квартиру, заполненную дорогими картинами и множеством книг? Здесь опять-таки помогли друзья. Решено было на время отсутствия Кости и Светланы распределить картины и книги по другим адресам. Началась работа. Борис Филановский и Владислав Косминский вынесли на руках огромное полотно Ильи Машкова и доставили его на Петроградскую сторону, в квартиру Аллы и Юрия Русаковых, известных ленинградских искусствоведов (Юрий Александрович был сотрудником Эрмитажа). По тому же адресу отправились и картины поменьше. А что касается книг, тут все оказалось непросто. Лидия Капралова и Валентина Санникова приходили после рабочего дня в Публичной библиотеке и, обдирая руки до крови, увязывали пачки – одну за другой. Попутно упаковывали и архив, к тому времени уже весьма обширный. В итоге пачек оказалось несколько сотен, и, заказав машину, книги и бумаги стали развозить по городу – для них нашлось место у Зигриды Ванаг и Юрия Цехновицера, Елены Кричевской, Бориса Филановского и Татьяны Буренко, Мариэтты Турьян и Генриетты Яновской…

Процитируем воспоминания Генриетты Наумовны:

> Когда Костю арестовали, мы узнали, что Л.В., оставшись совсем одна, беспомощная, стала продавать какие-то книги, картины. А там были Маковский, Петров-Водкин… В доме стали появляться чужие, какие-то странные люди, явно надеясь чем-нибудь поживиться. Мы тогда страшно испугались, что Л.В. все распродаст. «Я же должна на что-то жить?» – резонно говорила она. «Л.В., не оскорбляйте нас, как-нибудь выкрутимся. Мы должны сохранить все это до Костиного возвращения. Мы найдем деньги». – «Но у вас же тоже их нет?!» – «Не волнуйтесь. Будем записывать каждую копейку. Костя когда вернется, все отдадите».
>
> Дальше произошли две очень страшные вещи.
>
> …Вдруг объявили о выселении Костиного дома. Оказывается, после капитального ремонта, сделанного, видимо, с нарушениями, по дому пошла трещина, и как раз через Костину комнату. Вот такое трагикомическое стечение обстоятельств. Ситуация стала очень опасной. Дом стали целиком выселять. В итоге все выехали, осталась только одна Л.В., картины и книги. Картины тогда взял на хранение один из работников Эрмитажа (я его не знаю). А мы с Мариэттой Турьян забрали к себе книги. Мои актеры из «Синего моста» помогали их упаковывать. Я взяла к себе и коробки с хорошей посудой, мебель же стояла в доме до последнего. Л.В. оставили, на чем есть, сняли ей квартиру, оплачивали, на тот последний случай, когда ей прикажут выметаться. Потом у нее начались сердечные приступы. А какие врачи к ней приезжали! Стоило только бросить клич, и появлялись лучшие кардиологи города. Л.В. же повторяла только одно: «Я должна его дождаться, иначе его здесь не пропишут».

1 мая 1981 года Лидия Владимировна писала сыну о происходящем:

> Итак, прежде всего книги, о которых ты упоминаешь. Дело в том, что библиотеки как таковой не существует – она вся уложена, связана и упакована в

связки. Кроме того 60–65 % уже вывезено из дома. Увязали ее всю 2 человека – Лидия Федоровна [Капралова] и Валя [В.А. Санникова] из ГПБ. Работа эта была произведена ими и быстро и совершенно артистично…

12-IV к Гете вывезли твой архив и все книжки из твоей комнаты плюс начало книг из коридора. 13-IV – к Зигриде 8 ящиков книг («апельсины из Марокко» – ящики фанерные) и 50 пачек книг (центр коридора – большой стеллаж) и 14-IV – к Елене Игоревне [Кричевской] 51 пачку книг. Таком образом, вывезено 159 пачек. Сейчас связанными, но не вывезенными еще лежат 139 пачек, их тоже на днях вывезут. Это – мой архив, книги из моей комнаты и конец коридора. Что касается картин (их оказалось до 30 единиц), их взяли Аллочка [А.А. Русакова] с Юрой [Ю.А. Русаков]. Юра сам приезжал со своим лаборантом, и они совершили все действия и увезли.

На выход! С вещами!

Наконец 14 июня 1981 года в «кормушке» послышалось: «Азадовский! На выход! С вещами!» Ему стало ясно, что это этап.

Нет, он не обрадовался, какая уж там радость… Но это было что-то новое, знак того, что жизнь продолжается. Через несколько часов он будет доставлен в одну из колоний Ленобласти. И очень скоро, буквально через две-три недели, сможет увидеть маму уже не через стекло и разговаривать с ней не через наушники. Ну и, наконец, право получать и писать письма без всяких ограничений – уж этим-то он, конечно, воспользуется!

Зона после тюрьмы – абсолютно новое состояние. Тюрьма, кроме того что она просто тюрьма, травмирует психологически: постоянная гнетущая скука, даже неумолкающий голос радио кажется пыткой, тягучее и медленное течение времени, долгота дней, вереницы людей, которые уходят на суд и не возвращаются, или уходят на этап, или неожиданно появляются на время и так же внезапно исчезают… Все это вместе почти не оставляет никаких следов в памяти, сохраняясь в виде ощущения горькой тоски; надолго запоминаются тюремные кошмары – убийства, изнасилования, особенно тяжелые избиения, свидетелем которых заключенный оказывается на протяжении всего времени пребывания в тюрьме. Зона после тюрьмы воспринимается как явное облегчение; увидеть небо без решетки – дорогого стоит… Хотя и на зоне все может в одно мгновение оборваться – либо тебя вынут утром из петли, и никто не станет разбираться, как ты в ней оказался, потому что соседей – целый барак; или же утром ты не встанешь на построение, а будешь лежать уже синий под одеялом с заточкой в горле. Словом, в жизни заключенного может случиться что угодно и когда угодно. Многое зависит от того, в какую осужденный попадет зону, с какой он туда приходит статьей и с каким сроком, от его психологической и физической силы, однако сама перемена обстановки знаменует новый период жизни арестанта.

Если бы у Азадовского была политическая статья, скажем, 70 («Антисоветская агитация и пропаганда»), считавшаяся тяжкой, или хотя бы 190-1 («Распространение заведомо ложных измышлений, порочащих советский государственный и общественный строй»), то неизвестно, пришлось бы ему легче или нет…

Для особо опасных «политических» в 1972 году была реорганизована пермская зона ВС 389/36 особо строгого режима, где содержались осужденные по 70-й статье, а также по 64-й («Измена родине»); но с этими статьями продолжали отправлять и в другие зоны строгого режима – в Мордовию и другие места. Что касается статьи 190-й прим, которая не относилась к тяжким, то осужденных по ней отправляли на обычные зоны общего режима, стараясь при этом упрятать подальше.

Как сиделось «политическим» на обычных зонах? В 1981 году доля осужденных по статье 190-1 была значительно меньше, чем в 1930–1950-е, а уважение к ним – значительно выше. Осужденный по таким статьям в брежневскую эпоху становился «авторитетом» уже в СИЗО, если, конечно, ему удавалось держать себя сообразно действующим в той системе

требованиям.

И в тюрьме, и позднее на этапе и в лагере Азадовскому постоянно приходилось объясняться со своими новыми знакомыми и попутчиками, которых живо интересовало: как и почему он, доцент и заведующий кафедрой (все это явствовало из его приговора), оказался судим по статье 224 части 3. Азадовский, не входя в подробности, старался намекнуть им о реальной подоплеке дела. Зэки, в особенности «блатные», в большинстве своем хорошо понимавшие, как устроена советская жизнь, относились к его словам доверительно и в конце концов оставляли его в покое, хотя от любопытных и назойливых сокамерников не было отбоя.

Кроме того, шумиха в иностранных газетах и на западном русскоязычном радио все-таки сделала свое дело: зная, что осужденный Азадовский находится на особом контроле «свыше», тюремная, а позднее лагерная администрация относилась к его жизни внимательней и бережней, нежели к жизни обычного заключенного, не стоящей, как известно, и ломаного гроша. Надзор за Азадовским таким образом дисциплинировал и тюремное, и лагерное начальство. Всем было ясно, что случайное «самоубийство» или «смерть от перитонита» создадут немало проблем, так что некоторый иммунитет от «беспредела» у Азадовского все же был.

Но такое «паблисити» имело и обратную сторону: после шумной реакции на Западе инстанции приняли единственно верное решение: чтобы как-то ограничить любые возможные контакты, отправить его с глаз долой. Не в переносном смысле, а в самом что ни на есть прямом.

18 июня 1981 года Лидия Владимировна, уже истомившаяся в ожидании отправления сына в Ленобласть, неожиданно получила письмо с уже знакомым ей обратным адресом: Учреждение ИЗ-45/1. Писал ей осужденный Сергей Зилитинкевич:

> *14 июня 1981 .*
>
> Глубокоуважаемая Лидия Владимировна!
>
> Сегодня Костю отправили на этап. Он умудрился только что (сейчас вечер) подойти к моей камере и через глазок в двери передать, что в карточке у него стоит Магадан. Конечно, это неприятно. Хуже всего путешествие по этапу – оно длится около двух месяцев. Но сама магаданская зона общего режима (лесоповал), как утверждает один из моих сокамерников, лучше ленинградских – гораздо меньше хулиганья и, вообще, спокойнее.
>
> Не исключено, впрочем, что Костя что-нибудь напутал. Его взяли из камеры утром одновременно со многими другими; и тогда говорилось, что готовится этап в Обухово. Если так, то Вы очень скоро узнаете: в Обухове Костя оказался бы уже завтра и, разумеется, немедленно написал бы оттуда.
>
> Но если и Магадан, не огорчайтесь. Может быть, даже и лучше ему оказаться подальше от Ленинграда.
>
> Ведь в августе истекает треть срока, и он может претендовать на «химию».
>
> Я в курсе его дел, так как некоторое время мы провели вместе в одной камере (это была большая удача), а после того, как нас разъединили, иногда имели все еще возможность видеться.
>
> От души желаю, чтобы Косте удалось вырваться как можно скорее.
>
> ***Ваш Серг. Зилитинкевич***

В тот же день Лидия Владимировна отправит омытую слезами телеграмму на имя прокурора Ленинграда и вскоре получит ответ от старшего помощника прокурора города А.А. Смирнова, датированный 23 июня. Ей официально разъяснят, что «вопрос о направлении осужденных для отбытия наказания в исправительно-трудовые учреждения разрешается органами внутренних дел… в соответствии с установленным в приговоре видом режима», а потому никаких «оснований к вмешательству органов прокуратуры в настоящий вопрос» прокуратурой не усматривается. Дескать, все сделано в соответствии с законом.

Правда, если вспомнить о законе, статья 360 УПК РСФСР гласила, что «администрация

места заключения обязана поставить в известность семью осужденного о том, куда он направляется для отбытия наказания», чего официально сделано не было; но на фоне остальных нарушений о такой мелочи даже смешно вспоминать. Однако действовала также и статья 6 Исправительно-трудового кодекса РСФСР, которая практически исключала подобные «путешествия»:

> Лица, впервые осужденные к лишению свободы, отбывают наказание, как правило, на территории РСФСР, в пределах автономной республики, края, области, на территории которой они проживали до ареста или были осуждены. В исключительных случаях, в целях более успешного исправления и перевоспитания осужденных, они могут быть направлены для отбывания наказания в соответствующие исправительно-трудовые учреждения другой союзной республики.

Тем не менее, вполне согласуясь со приведенной статьей, налицо был тот самый случай, когда надлежало отправить подальше. Слова Азадовского на суде, что вынесенный ему приговор станет и приговором его матери, сбывались.

По Золотому кольцу

Даже в наши дни Магадан представляется не самым близким местом, и свободные граждане обеих столиц если и достигают этой точки на карте, то исключительно самолетом. Для этапирования же заключенных прямых рейсов не предусмотрено.

Непосредственное место назначения живого груза известно лишь при отправке из СИЗО. На «личном деле арестованного», в просторечии «тюремном деле», обычно ставится соответствующее указание, само дело едет в том же вагоне, что и осужденный, и хранится у конвойных в опечатанном конверте. На сопроводительной же карточке указано, куда этапируется конкретный осужденный. И «груз» едет, не ведая адреса, если, конечно, ему не сообщил конвой или он каким-то образом не подсмотрел этого сам.

Азадовский узнал место назначения вполне законным образом: услышал из уст «контролера», распределявшего зэков на этап. Увиденное на арестантской карточке превращало мысли о матери в страдание. Как позднее выяснилось, он этапировался даже еще дальше – в глубь Колымского края, в город Сусуман.

Поселок Сусуман был основан в 1936 году на берегу реки Берелёх (верховья Колымы) заключенными ГУЛАГа; в 1937 году здесь начало работу золотодобывающее предприятие. В 1938 году Сусуман уже является центром новообразованного Западного горнопромышленного управления Дальстроя, и к 1941 году до него, опять-таки заключенными ГУЛАГа, строится знаменитая «трасса», соединяющая его с Магаданом. С 1953 года Сусуман становится центром граничащего с Якутией Сусуманского района. По-видимому, труд заключенных был настолько востребован родиной, что в 1964 году Сусуман, оказавшийся центром Западных горнопромышленных лагерей Дальстроя, получает статус города.

Несмотря на то что географически Сусуман расположен южнее Полярного круга (62°47′, тогда как Полярный круг начинается с 66°33′), климат там суров, а расположенный в 350 км якутский Оймякон официально считается Полюсом холода. В Сусумане в июне – июле средняя температура около +11 (в июле даже бывает до +14), ночью в марте может быть уже минус 40º, а в зимние месяцы стоит лютая стужа – даже средняя температура декабря и января ниже минус 50º по Цельсию. Обычная температура в самые холодные недели – минус 60º (вплоть до официально зафиксированного рекорда в минус 67° по тому же Цельсию).

Большая часть следования Азадовского в это заповедное место прошла в «столыпине» – железнодорожном вагоне, приспособленном для этапирования спецконтингента. Чтобы понять, как это выглядит, представьте себе бывший плацкартный

вагон, где проход отделен решеткой, а в каждое из специальных «купе» ведет решетчатая же дверь с навесным замком; обычно пять «купе» общих, еще два – разделенных пополам стенкой, образующие два отделения с тремя полками, – это «тройники», в которых транспортируются либо особо опасные, склонные к побегу, либо душевнобольные, либо женщины. Остальные – для конвоя, хранения еды и воды. Окон в «купе» нет – только щель на уровне верхних полок, открываемая в теплое время года; окна со стороны прохода зарешечены изнутри и обычно закрашены серой краской. По виду такой вагон можно принять за почтово-багажный. Путешествовать таким «транспортом» довольно мучительно, хотя в автозаке еще хуже…

Полки жесткие, разумеется, без матрацев, подушек и одеял. Формально в каждом отсеке семь мест, но опыт участников таких путешествий говорит, что нередко в такое «купе» запихивали более 20 человек. Питание – сухой паек (черный хлеб и селедка), который дается раз в сутки, и кипяток. Поскольку вагон цепляют к самым разным поездам, не обязательно пассажирским, и никакого строгого расписания у него нет, то идет он обычно вдвое дольше пассажирского поезда, подолгу простаивая на запасных путях в ожидании очередного состава. Зимой в вагоне холодно, летом – особенно когда вагон загоняют на запасной путь – нестерпимо жарко (впрочем, клопы, так терзавшие осужденных прежних десятилетий советской власти, к 1981 году в «столыпиных» уже были изведены). В уборную должны водить раз в четыре часа, но только на ходу; то есть долгие часы, когда вагон пребывает в ожидании очередного состава, оправки нет. Да и часто конвой не стремится в точности выполнять инструкцию: не дает воды либо, наоборот, дает напиться воды, но не водит на оправку, одним словом, – «беспредельничает». Если «столыпин» прицеплен к пассажирскому поезду, конвой ведет себя сдержаннее, старается не провоцировать осужденных, тем более что опытным зэкам известен способ воздействия на конвой. Это так называемая «раскачка» (отработанное и эффективное средство воздействия на конвойных автозаков): все находящиеся в вагоне в одном ритме наклоняются в определенную сторону, и скоро вагон начинает отрываться от рельсов и постукивать колесами то с одной, то с другой стороны. И когда впереди пассажирский состав, то конвой хоть как-то реагирует; если же впереди товарняк, приходится еще сильнее раскачать вагонзак, чтобы конвой начал исполнять обязанности.

Переброска заключенных из тюрьмы в вагон обычно производится на автозаке. Но если погрузка в тюрьме – процедура будничная, то посадка в вагон – воистину драматическое действо: конвой с овчарками, собаки захлебываются лаем, конвойные – криками и матом. Выгрузка из автозака на землю: стоять нельзя, только сидеть на корточках, глядя в землю и держа руки за головой; смотреть по сторонам нельзя. Когда весь автозак выгружен, начинается перебежка до вагона – обычно через пути; останавливаться нельзя, крики и лай подгоняют, падения – обычное дело. Еще подробность: при отправке из изолятора осужденные еще в своей одежде и обуви, но обувь у многих – с вынутыми при аресте шнурками, в ней не то что бегать, но даже ходить непросто; как результат – в вагон многие попадают уже или босиком, или с потерей одного ботинка. Перемещение из вагона в автозак и переезд в очередную пересыльную тюрьму ровно такие же: корточки – собаки – бег – лай – мат. Кажется редким счастьем, когда железнодорожное полотно подведено вплотную к зданию тюрьмы.

Но и это далеко не самое неприятное. Между перегонами в вагонзаке – транзитные камеры больших пересыльных тюрем. Впрочем, заключенные попадают туда не сразу. Сперва камера-отстойник, оттуда уже небольшими группами – на обыск (для личного досмотра и осмотра вещей в личном мешке); потом обязательно душ и «прожарка» (вещи на крючьях проходят термическую камеру для ликвидации вшей и прочего, в том числе пластмассовых пуговиц) и уже после этого – транзитная камера. Через несколько дней или недель будет сформирован этап по тому направлению, которое указано в карточке, и, стало быть, опять автозаком в «столыпин».

Чем дальше от Москвы и Ленинграда, тем хуже с продуктами, тем более скуден

тюремный рацион, лишь отдаленно напоминающий то, что следовало бы называть едой. Зато строже проводится «осмотр вещей» осужденного, и усердием контролеров можно запросто лишиться не только шерстяных носков или рукавиц, но и консервов, чая, сигарет… Этим досмотр порой не ограничивается, все зависит от настроения контролеров – они охотно займутся изучением личных писем (уже цензурой просмотренных), станут читать их вслух, комментировать женские фотографии…

Каждая тюрьма встречает по-своему. Самой большой «транзиткой» считалась в те годы Свердловская пересыльная тюрьма – пуповина тюремных дорог, великая топь, где сходились пути большинства этапов. Там обращение было жестоким, особенно доставалось москвичам, которым вообще приходится несладко вдали от малой родины; ленинградцев же «дербанили» меньше, чем москвичей. Новосибирская «пересылка» славилась жестокостью обращения, а также баней, где из кранов льют ледяную воду с переменой на кипяток.

Но все это мелочи. Главное же: что ждет тебя в новой тюрьме? Как примут тебя «блатные»? Этап – своего рода русская рулетка. Беспредел в «транзитных» тюрьмах давно вошел в тюремный (равно и русский народный) эпос, и оставить там вещи, здоровье, достоинство, а то и жизнь – будничный и обычный расклад.

В силу постоянной перемены пересыльных тюрем, частых обязательных проверок, смены конвоев, непрекращающихся бытовых неудобств этап представляется самой тягостной частью срока каждого осужденного.

Для Константина Азадовского этап растянулся более чем на два месяца, а общая протяженность «несентиментального путешествия» по необъятной родине составила 11 225 (одиннадцать тысяч двести двадцать пять) километров: «столыпиными» до Хабаровска, а оттуда – не в трюме корабля до Ванино, как было при ГУЛАГе («Я помню тот Ванинский порт…»), – уже гражданским самолетом до Магадана (в браслетах и с конвойными – на радость и потеху другим, «обычным» пассажирам) и далее автозаком до Сусумана.

Для того чтобы представить себе этот Azadovsky Grand Tour, начавшийся 14 июня, а завершившийся 21 августа 1981 года, перечислим основные достопримечательности:

Ленинград, Кресты, 14 июня 1981 года
вагонзак Ленинград – Свердловск, 2080 км
Свердловская тюрьма (примерно неделя)
вагонзак Свердловск – Новосибирск, 1550 км
Новосибирская тюрьма (пять дней)
вагонзак Новосибирск – Иркутск, 1840 км
Иркутская тюрьма (пять дней)
вагонзак Иркутск – Хабаровск, 3200 км
Хабаровская тюрьма (более недели)
самолет Хабаровск – Магадан, 1980 км
Магаданская тюрьма (около четырех недель)
автозак Магадан – пос. Омчак, 375 км
Омчак, ИТК особого режима (ночевка)
автозак пос. Омчак – Сусуман, 200 км
Сусуман, ИТК-5, 21 августа 1981 года.

Как уже упоминалось выше, переписка подследственным запрещена строго-настрого, осужденным же разрешается лишь после суда и затем – с момента прибытия в места отбывания наказания. На этапе письма отправить можно только с разрешения начальника, и далеко не всегда есть возможность просить об этом.

Но именно этап дает возможность пользоваться иным видом коммуникации с внешним миром – «русской почтой», основанной на чувстве сострадания, которое встречается еще в русских людях. Согласуясь с этим чувством, которое усиливается по мере удаления от столиц, нельзя пройти мимо выброшенного из «столыпина» конверта. Более того, порой выброшенный в щель вагона клочок бумаги, на котором, кроме собственно письма, написан и адрес, силою сострадания обретает конверт, марку и отправляется по указанному адресу. В

годы Большого террора, когда за подобную благотворительность можно было схлопотать срок, и то находились добрые люди. В послевоенные годы вероятность того, что выброшенное на остановке письмо дойдет по назначению, еще более увеличилась. Выбрасывались эти письма в основном на крупных станциях, где вагон перецепляли от поезда к поезду.

Конечно, об этом способе коммуникации знали и «органы», но тут уж силы были явно неравными. Это сколько же нужно отрядить сотрудников, чтобы они дежурили на запасных путях областных центров и на крупных железнодорожных узлах…

В таком письме «с дороги» можно было все-таки, пускай и с оглядкой, писать о вещах, немыслимых для тюремной и лагерной переписки, где всегда присутствовал цензор – непременный посредник между отправителем и адресатом.

«Русской почтой» воспользовался и Азадовский. Неизвестно, сколько им было написано за два с лишним месяца таких «подметных писем», но некоторые из них в конце концов оказались в руках Лидии Владимировны. Когда имелась возможность обзавестись конвертом, письмо шло не на домашний адрес, чтобы не искушать судьбу. Когда конверта не было, из окошка выбрасывался листок бумаги – в надежде, что все равно дойдет. Наверное, если бы он мог себе представить, что его не перевезут в Обухово, а потащат этапом через всю страну, он хотя бы запасся конвертами; теперь же ему такой возможности не представлялось, поэтому, если он отправлял письмо с этапа в конверте, – значит, ему удалось выклянчить этот конверт у соседей по вагону.

Первое письмо, которое дошло по назначению, было написано в Вологде 15 июня, на следующий день после отправки этапа из Ленинграда, на клочке бумаги – вероятно, единственном, который удалось раздобыть, а отправлено, как гласит штемпель, из Архангельска 17-го. Казалось бы, при чем здесь Архангельск – ведь чтобы попасть из Ленинграда в Свердловск, не надо заезжать в Архангельск! Все это означает, что какой-то добрый человек подобрал письмо в Вологде, садясь на архангельский поезд, и уже по прибытии отправил его по указанному адресу. 24 июня письмо, судя опять-таки по штемпелю, прибыло в Ленинград и 25-го числа оказалось в руках у Лидии Владимировны.

> 15 июня, Вологда
>
> Мамочка, меня везут через Свердловск в Магадан. Этап может быть долгим (около месяца), поэтому не волнуйся, если от меня долго не будет вестей. Все, как видишь, делается сознательно, намеренно и последовательно.
>
> Обо мне, ради Бога, не беспокойся. Я напишу сразу же, как только будет возможность.
>
> Надзорную жалобу в Верх. Суд я не отправил, так как не знаю, сочтет ли это адвокат [Е.С. Шальман] (и все вы) целесообразным. Мне неясно, какая тактика наиболее уместна на данном этапе. Напиши мне все это в первом же своем письме ко мне.
>
> Мне лично кажется, что адвокат мог бы использовать экземпляры моей жалобы (и без моей подписи), апеллируя в разные инстанции (Прокуратура РСФСР, Отдел идеологических вопросов в связи с разбором жалоб по уголовным делам при ЦК КПСС – узнай, кстати, что это за отдел, газета «Правда» и т. д.).
>
> Жалобу из Л[енингра]да в «законном порядке» я не отправил, между прочим, и потому, что она просто-напросто не дошла бы.
>
> Обнимаю тебя крепко-крепко. Все время думаю о тебе. Держись.

Второе из писем, дошедших до Ленинграда, было выброшено из вагона на стоянке в Байкальске Иркутской области 4 июля, но отправилось оно оттуда почтой только 17-го числа. А вечером 22 июля его уже читала Лидия Владимировна.

> Мамочка, родная моя,
>
> сегодня, 4 июля, я прибыл и на несколько дней остановился в родном Иркутске. Видимо, конечной цели своего пути я достигну не ранее 1 августа.

Этап протекает быстрее и спокойнее, чем это обычно бывает. Много, конечно, бытовых неудобств, но все это мелочи. Главное теперь, в какую колонию я попаду и как я там устроюсь.

Я писал тебе последний раз 15 июня, не знаю, получила ли ты это письмецо. Считаю нужным еще раз повторить, что все мои надежды связаны теперь с Москвой и только с ней. Надзорной жалобы в Верховный суд я не отправил, т. к. не хотел этого делать без консультации с московским адвокатом. Хотелось бы также знать, знакома ли ты с текстом моей надзорной жалобы. Мне кажется, теперь вы все, прежде всего адвокат Ш[альман], должны действовать самостоятельно.

Ежедневно думаю о тебе, о всех проблемах, с которыми ты вынуждена управляться в одиночку, и очень страдаю от отсутствия вестей. Как ты себя чувствуешь в это лето? Кажется, в Л[енингра]де не слишком душно? Навещают ли тебя друзья и знакомые?

Конечно, особенно тяжела мне мысль о невозможности видеть тебя полтора года, целых полтора года. Но что тут можно поделать?? Моя командировка на Колыму – завершающий (надеюсь!) удар, который нанесли по мне любящие меня питерские органы. (Можно ли оспаривать это, требовать возвращения на местную зону? – не знаю.)

А, может быть, этот акт каким-то образом направлен и против тебя – в отместку за твои решительные и целенаправленные действия.

Как С[ветлана]? Если ты поедешь к ней, то передай ей от меня самые нежные слова и мою уверенность в том, что она сохранит себя сквозь все тяготы женского «общака»…

Целую тебя. Будь здорова и благополучна.

P.S. Адвокат Р[озановский] – трус, ничего, решительно ничего он для меня не сделал, разве что окончательно дезориентировал меня накануне суда. Ничего не плати ему сверх – деньги, возможно, еще понадобятся и мне, и Св[етлане], особенно когда мы вступим во вторую половину срока.

Третье письмо с этапа – единственное в конверте, заполненном рукой Азадовского, – прибыло по адресу: Ленинград, ул. Жуковского, д. 6, кв. 6, Б.К. Филановскому (для Лидии Владимировны). Отправитель же указал свои данные следующим образом: г. Чита, Главпочтамт, до востребования, Н.А. Бестужев.

Это письмо не только самое пространное, но и самое свободное из всех, написанных Азадовским за время заключения. Он не думал о цензоре, который будет читать письмо перед отправкой, даже наоборот – должно быть, наслаждался вырванным у судьбы моментом свободно высказаться. Писалось письмо, как можно видеть, не в один момент: откладывая его отправку (а может быть, просто не имея такой возможности), он дописывал абзацы до того самого момента, как поезд остановился на какой-то станции.

Судя по почтовому штемпелю, это была станции Архара на Транссибирской магистрали (райцентр Амурской области). Конверт был выброшен на платформу через оконную щель, и неведомый человек поднял его и опустил в почтовый ящик. 12 июля письмо отправилось почтой в Ленинград, 18-го числа было доставлено Борису и Татьяне Филановским, а 20 июля Лидия Владимировна уже смогла его прочитать.

10 июля 81 г.

Мамочка, вчера мы проехали Читу и приближаемся к Хабаровску. Завтра меня высадят (либо в Хабаровске, либо в Биробиджане), и где-то до 20-го числа я рассчитываю прибыть в М[агада]н. Не волнуйся, если ты не получаешь от меня писем. Я стараюсь писать тебе при любой возможности (это, кажется, четвертое письмо, которое я пишу тебе после 14 июня), но возможности мои очень ненадежные, и доходят ли до тебя мои письма, – не знаю. Во всяком случае, я в каждом письме повторяю самое основное из того, что касается моего дела: 1) надзорные жалобы в Верховный Суд РСФСР я из «Крестов» не отправил, 2) один экземпляр я попытался отправить тебе с тем, чтобы ты его перепечатала в 10 экз. и использовала так, как вам покажется целесообразным; мне очень важно знать,

получила ли ты его? 3) считаю, что вы теперь должны действовать без оглядки и расчета на мою инициативу, которая и в «Крестах» – то была всячески ограничена, а уж теперь…

Чувствую я себя нормально, хотя путешествовать по пересылкам, конечно, утомительно. Вообще, прошу тебя за меня не беспокоиться, ибо я уже достаточно освоился в этой новой и специфической среде. С питанием тоже все благополучно: в общем, кормят. Другое дело – на зоне. Для того чтобы там как-то прожить в нынешних условиях, необходимо иметь наличные [что правилами режима запрещено. – *П.Д.*]. Это не только питание, диета, но и освобождение от работы, досрочное освобождение и многое другое. Как только и если найдется «канал», я дам тебе знать. Вообще, как я убедился, деньги делают здесь абсолютно все, и будь я рядовым зэком, я бы уже в декабре – январе, не сомневаюсь, вернулся бы в Л[енингра]д. Но увы: меня, это совершенно ясно, сопровождают всякие негласные инструкции и указания. (Поэтому и роль денег в моем случае ограничена, хотя все равно очень велика.)

Именно в силу этих негласных инструкций мне, видимо, трудно будет выйти «на химию» или по УДО. Да и какой, в сущности, смысл работать на химии где-нибудь в Уссурийске или даже в Тагиле?! Условия на химии страшные… все бегут или просятся обратно в зону. Другое дело – химия в Лен[инградской] области. У меня есть все основания ходатайствовать, если меня отпустят на химию, о переводе в Лен[инградскую] область, но на решение этого вопроса уйдет опять-таки несколько месяцев.

В общем осталась у меня единственная сейчас надежда – Москва. Если решение ленингр[адских] органов «правосудия» не будет опротестовано Москвой, то, значит, мне придется пробыть на зоне до декабря 1982 г. Малоутешительный, но вполне трезвый вывод!

Более всего меня тяготит мысль, что еще целых полтора года я не смогу тебя видеть. Да и переписываться, боюсь, окажется не просто: письмо в один конец будет идти не менее трех недель (из-за цензуры). (Другое дело, если я найду «канал»!) Так подолгу не иметь новостей о тебе, о твоем самочувствии, о делах в Л[енингра] – де и Москве – это для меня очень мучительно! Поэтому и хотелось бы, чтобы приговор Куйбышевского Нарсуда был если уж не отменен, то хотя бы изменен.

Я не знаю, какова ситуация вокруг моего дела сейчас в Л[енингра]де и вне Л[енингра]да. Адвокат Р[озановски]й, трус и двойник, заверял меня в мае, что, дескать, «слава Богу, все утихло». Очень плохо, если на самом деле так. Ибо помочь мне реально, считаю, могут два момента. Первый: самая широкая гласность. Второй: кулуарные закулисные переговоры в Москве (на разных уровнях и по разным линиям). Все прочее – чушь и адвокатская писанина. (Хорошо было бы, кстати, если бы оба упомянутых мной момента действовали одновременно и как бы независимо друг от друга.)

Известно ли тебе, кстати, что в марте я написал довольно подробное и открытое письмо в Комиссию по правам человека при ООН. Одновременно я написал в «Литературную газету» и просил этот славный орган вмешаться и прислать своего представителя на суд. Все это было изъято у меня при очередном обыске и впоследствии не возвращено. Это так – к сведению.

*** * ***

Как только я приду на зону, сразу же напишу тебе и сообщу адрес. Письмо от тебя очень поддержит меня психологически. Когда будешь писать (и каждый раз впоследствии), обязательно вкладывай в письмо два чистых авиаконверта. Это же должны делать и все, кто надумает писать мне на зону. (Авиаконверты – дефицит!)

* * *

Лето наполовину прошло и, кажется, на берегах Невы оно было не особенно знойным. Надеюсь, ты по-прежнему живешь на ул. Восстания. Какова ситуация с домом? Неужели переезд состоялся или все-таки предстоит? Обо всем этом страшно подумать! Как решился (и решился ли) вопрос с моей статьей в «Л[итературном] Н[аследстве]»?

В общем – множество вопросов и проблем, и все они давят и тяготят меня, и единственное, что меня утешает, – что срок, оставшийся Светлане, исчисляется уже не годами, а месяцами. Как она? Если поедешь к ней, как предполагалось, 11 августа, передай ей от моего имени самые нежные слова. Я представляю себе, каково ей и как она мучается. Женская зона в известном отношении хуже мужской. Удастся ли ей сохранить себя?

* * *

Покидая Иркутск, я краем глаза смог посмотреть на Ангару и отель «Интурист», который много комфортабельней, чем та гостиница, в которой я провел пятеро суток. А потом – неожиданная радость. Весь участок до Улан-Удэ я проехал на второй полке (единственное место, откуда можно смотреть в окно, когда – это бывает нечасто – его приоткрывают) и видел Байкал во всей его красоте. Ничего подобного по силе впечатления я давно не испытывал, хотя местами байкальские пейзажи немного напоминали мне Онежское озеро. А потом замелькали с детства знакомые названия – Петровский завод, Чита, Нерчинск… Мама, я пересек в столыпинском вагоне уже почти всю страну с запада на восток. Многое видел я за последний месяц и многое слышал. Когда-нибудь я смогу рассказать тебе много-много интересных и смешных, и страшных вещей. Скорее бы только наступило это «когда-нибудь»…

* * *

В «Крестах» остались две доверенности на твое имя. По одной из них (часы и кольцо) ты сможешь получить вещи. По другой – нет, ибо ремень и шарф я захватил с собой. На лицевом счете у меня оставалось в «Кр[ест]ах» около 50 р., и эти деньги пойдут за мной в колонию. Придут они туда, правда, не ранее декабря, так что рассчитывать на них покамест не приходится. (Вообще, я еще раз повторяю тебе, в зоне имеют значение только наличные деньги, а не те, которые на лицевом.)

Твое финансовое положение, вопреки твоим заверениям, продолжает беспокоить меня. Я смогу делать тебе переводы, видимо, не раньше, чем в конце года. Подумай. В одном из писем из «Крестов» я уже писал тебе, что прежняя жизнь разрушена и возврата к ней (т. е. к прежнему благополучию) быть не может. Когда я выйду, речь может идти только о строительстве какой-то новой жизни. Я верю в эту новую жизнь и не сомневаюсь, что смогу ее теперь построить. Но нужно продержаться («выжить») оставшиеся полтора года, даже меньше, ибо, как только освободится Светлана, все станет проще (только вот вопрос о ее прописке беспокоит меня). Короче говоря, не дорожи вещами, картинами, книгами. Надо, чтобы у тебя было сейчас в резерве 3–4 монеты.

Когда Тамара Ив[ановна – сестра Светланы] поедет на личное свид[ание] к Светл[ане], пусть также захватит с собой (зашьет в подол или спрячет в обувь) приблиз[ительно] 75 р.

* * *

Когда я попаду на зону, мне можно будет послать одну бандероль весом до 1 кг. Что именно посылать, я сообщу тебе отдельно. А в декабре я имею право на посылку до 5 кг. Подумай: не наладить ли экспедицию всех этих вещей из Иркутска, ведь это вдвое ближе, да и продукты не сгниют дорогой. Беда лишь в том, что в самом Иркутске, по слухам, ничего нет и иркутян самих надо подкармливать.

Книги и электробритву можно будет, видимо, отправить и помимо этих посылок. Кстати, о книгах: посылать их мне нужно с тем расчетом, что их придется оставить на зоне. Поэтому трудно доставаемые и дорогие книги – не посылать.

* * *

Ну вот, получилось большое письмо. Извини за почерк: пишу в вагоне, очень трясет. На всякий случай отправляю (впервые) на адрес Бори и Тани: вдруг вся твоя корреспонденция «под надзором».

До М[агада]на попробую написать еще раз.

Будь здорова, мамочка. Жди.

К.

Последнее письмо с этапа, которое получила Лидия Владимировна, было из Магаданского следственного изолятора, куда этап прибыл 18 июля. Оттуда Азадовский также послал письмо, но уже законным образом, хотя это было непросто: осужденные могут посылать письма только из места заключения либо с санкции начальника учреждения. И эта санкция была получена, она до сих пор читается на конверте. В конце июля письмо было отправлено и 11 августа пришло в Ленинград.

Магадан, 22–25 июля 81

Мамочка, это я. Пробыв совсем недолго в Хабаровске, откуда я писал тебе ровно неделю назад, я уже 18-го был доставлен сюда – на берег Охотского моря. Через несколько дней меня повезут в колонию, которая находится где-то на Севере (т. е. к северу отсюда) в поселке, точнее, городке Сусуман. Это почти на границе с Якутией. Вот куда забрасывает жизнь человека!

Все, что я слышу и узнаю здесь, говорит о том, что колымские места заключения выгодно отличаются от материковых. Здесь, например, хорошо кормят, дают теплую одежду, лечат и т. п. Как только прибуду в Сусуман, сразу же сообщу тебе мой окончательный адрес.

Что именно ожидает меня в Сусумане, сказать пока не могу.

О том, что перед отъездом из Л[енингра]да я набросал подробную надзорную жалобу в Верх[овный] Суд РСФСР (которую, впрочем, еще не отправил), я уже писал тебе. Других новостей о том, как развивается (и развивается ли) мое дело, сообщить не могу. Конечно, все новости – если таковые имеются – могут исходить сейчас только из Л[енингра]да или Москвы.

Мне нужен был бы твой совет по некоторым вопросам. Например, решение Ленинградского Управления отправить меня в Магадан я считаю незаконным и необоснованным и [хотел бы] обратиться с соответствующим заявлением к Прокурору по надзору (Магаданской обл.) и, может быть, написать в Москву, на Б. Бронную, в Главное Управление [исполнительно-трудовых учреждений МВД СССР]. Но я допускаю, что, предупредив мои действия, кто-либо из вас (или ты, или адвокат) уже подали жалобу по этому поводу. А может быть, вы считаете действия такого рода совсем ненужными? Вот обо всем этом (как и о многом другом) я хотел бы знать.

Не задаю бесконечных вопросов о тебе, о Светлане, о доме и т. д., но, естественно, все это волнует меня в первую очередь.

Сам я чувствую себя нормально, но, говоря честно, радуюсь, что этап уже почти завершен.

Целую и обнимаю. Береги себя. Начинай готовить мне ответное письмо.

P.S. 27-го утром. Я еще здесь. К. А.

Однако «здесь» он оказался надолго. Если до этого момента передвижение по просторам необъятной родины шло обычным и не самым медленным темпом, то в Магадане стоп-кран оказался кем-то сорван, и Азадовский пробудет в учреждении ИЗ–47/1 почти месяц. Это было печально известное место, пересыльный пункт магаданских и частично якутских лагерей. Над этим местом тяготел призрак ГУЛАГа, незримо стояли тени миллионов, прошедших через Колыму в 1930–1950-е годы. А колония в Сусумане, куда этапировался Азадовский, могла показаться даже благополучной – в том смысле, что это была единственная зона общего режима в Магаданской области, куда определялись «первоходки» и «легкостатейники». Другие колонии Магаданской области были страшнее: в поселке Талая – колония усиленного режима, для первоходок с тяжелыми статьями (там ранее отбывал наказание Андрей Амальрик); еще две колонии – строгого режима: в районе Новая Веселая под Магаданом и в поселке Уптар; и, наконец, в поселке Омчак, где заночевал конвой по пути из Магадана в Сусуман, – тюрьма особого режима (для «полосатиков», то есть в полосатых робах). Эти подробности приводятся нами исключительно по той причине, что адресаты всех перечисленных заведений содержались в тесном Магаданском СИЗО практически вместе, с отделением только особо опасных.

Но в действительности почти месяц пребывания в магаданской тюрьме оказался не столь тяжким, если сравнивать с другими «транзитками», выпавшими на долю Азадовского. Как можно понять по способу, каким Азадовский добирался из Хабаровска в Магадан, сама практика этапирования заключенных с «материка» в учреждения Магаданской области в те годы уже была редкостью. Потому и использовались регулярные рейсы «Аэрофлота», где наряду с пассажирами летел конвой и зэки с вещмешком и «браслетами» на руках. Магаданские «исправительные учреждения» обслуживали преимущественно Магаданскую область и отчасти Якутию.

Эта географическая отделенность былой столицы ГУЛАГа от «материка» уже не производила в 1981 году того чудовищного впечатления, какое ожидалось. Азадовский с удивлением отмечал, что магаданская тюрьма оказалась ощутимо лучше, нежели прочие тюрьмы, с коими он познакомился во время этапа. И по условиям, и по обстановке, и даже по кормежке. И когда впоследствии Азадовский делился своим впечатлением с теми, кто тоже имел опыт и право сравнения Магаданской тюрьмы с «материковыми», он находил полное сочувствие. Почему так? Почему после пяти больших тюрем магаданская оказалась каким-то «оазисом»? Неужели тени тех миллионов, чьи кости легли в магаданскую землю, осеняли ее и напоминали о себе нынешней власти?

Итак, он провел здесь почти месяц. Причина этого «усиления режима» до сих пор документально не установлена, хотя в то же время и совершенно прозрачна: она была ровно той же, по которой он долго оставался в Крестах. Опять где-то кто-то решал его судьбу: что с ним делать? Высылать – не высылать. Но в конце концов решение было принято, и 20 августа в «кормушке» камеры раздалось знакомое: «Азадовский! С вещами!» Автозаком он был довезен до зоны строгого режима в поселке Омчак, где была запланирована ночевка. Неизвестно, увидел ли он большой транспарант, который запечатлен в воспоминаниях об этой зоне:

РАБОТА ОТГОНЯЕТ ОТ НАС ТРИ ВЕЛИКИХ ЗЛА:
СКУКУ, ПОРОК И НУЖДУ

Вольтер

Вечером 21 августа 1981 года конвойный автозак привез его в Сусуман, и на следующий день он уже писал матери:

…Спешу сообщить тебе, что с сегодняшнего дня я нахожусь в колонии и что

теперь, наконец-то, ты можешь беспрепятственно и неограниченно писать мне по адресу, указанному на конверте.

Меня очень тревожит долгое отсутствие вестей от тебя, твое самочувствие. Хотелось бы также знать состояние моего дела и что от меня требуется…

Получала ли ты письма, которые я писал тебе из Магадана, Хабаровска и т. д.?

Я совершенно здоров (и физически, и психологически).

Как сложится моя ситуация здесь, в Сусумане, сказать пока трудно. Во всяком случае, дни идут, и уже одно это обнадеживает.

Это письмо Лидия Владимировна прочитает 5 сентября. Но 3 сентября она уже получила извещение из колонии – оно было отправлено 26 августа, но не проверялось цензурой, а потому добиралось до Ленинграда неделей меньше.

«26» августа 1989 г. 25/5-4286
гр. Брун Лидии Владимировне г. Ленинград,
Ул. Восстания 10, кв. 51

Извещение

Сообщается, что Ваш сын Азадовский Константин Маркович прибыл «21» августа 81 г. для отбывания срока наказания в учреждение АВ-261/5 по адресу: г. Сусуман, Магаданской области.

В соответствии с законом осужденный Азадовский имеет право в течение года получить две бандероли, три краткосрочных свидания, два длительных свидания, отправлять без ограничений писем в месяц, получать письма без ограничения.

По отбытии половины срока наказания также разрешается получать в течение года три посылки или передачи весом не более 5 килограммов.

В посылках и иных почтовых отправлениях, а также в передачах запрещается пересылать осужденным предметы, изделия или вещества, перечисленные на обороте. Им может быть направлен также ограниченный ассортимент продуктов питания.

Свидания осужденным разрешаются не более чем с двумя взрослыми лицами. О времени прибытия на свидание осужденный Азадовский Вас известит.

Начальник: учреждения АВ-261/5
«21» августа 1981 г. А.А. Ещенко

Перечень предметов, изделий и веществ, которые запрещено направлять осужденным

Предметы, изделия и вещества, изъятые из гражданского оборота.

Все виды огнестрельного и холодного оружия.

Деньги, ценные вещи и ценные бумаги.

Оптические приборы.

Наручные и карманные часы.

Все виды алкогольных напитков, духи, одеколон и иные изделия на спиртовой основе.

Наркотические и лекарственные вещества, предметы медицинского назначения.

Любую радиоаппаратуру, пишущие машинки, множительные аппараты. Ножи, бритвы (кроме механических) и другие острорежущие и колющие предметы, зажигалки.

Всевозможный слесарный, столярный и другой инструмент.

Игральные карты.

Фотоаппараты, фотоматериалы и химикаты.

Любые документы, кроме копий приговоров и определений судов.

Топографические карты, компасы.

Военную и другую форменную одежду, принадлежности к ней, а также верхнюю

одежду, головные уборы и обувь (за исключением тапочек).
Цветные карандаши, краски, копировальную бумагу.

Перечень продуктов питания, которые можно направлять осужденным в посылках (передачах)

Хлеб, хлебобулочные изделия.
Сельдь.
Консервы рыбные, мясо-растительные, сало-бобовые, овощные, фруктовые.
Жиры (масло растительное, масло сливочное, маргарин, комбижир, сало шпик).
Сыр.
Конфеты, повидло, джем.
Лук репчатый, чеснок.
Табачные изделия (за исключением папирос и сигарет).
Примечание. В бандеролях из продуктов питания разрешается направлять только сухие кондитерские изделия, за исключением шоколада и изделий из него.

Глава 9
Химия и жизнь

ульяновка

Вернемся к Светлане. На вынесенный ей 19 февраля 1981 года Куйбышевским райсудом обвинительный приговор она подала кассационную жалобу, написанную при помощи адвоката Бреймана. В сущности, она лишь просила смягчить наказание, потому что приговор лишал ее жилья – трех сугубо смежных комнат на улице Желябова: они подлежали изъятию сразу после вступления приговора в законную силу. Но коллегия по уголовным делам Ленгорсуда, что нетрудно было прогнозировать, в своем заседании 5 марта не изменила решение суда первой инстанции.

Без долгих проволочек, сразу же после Международного женского дня 8 марта, гражданка Лепилина была этапирована в учреждение УС-20/2 – женскую исправительно-трудовую колонию общего режима в поселок Ульяновка (до 1922 года – Саблино) Тосненского района Ленинградской области. Колония эта существует поныне, сохранилась и неразбериха в названиях: поселок Ульяновка путают с расположенной там же железнодорожной станцией Саблино, посему это воспитательное заведение именуют чаще всего саблинской женской зоной.

Светлана прибыла на зону в подавленном состоянии, хотя свежий воздух после Крестов давал себя знать; после тюремных камер ей дышалось легче. А кроме того, она не столкнулась с этапом, что было, конечно, счастьем. Близость к Ленинграду обещала свидания, положенные ей по закону. Исправительно-трудовой кодекс предполагал в ее случае три краткосрочных свидания (до четырех часов) и два длительных (до трех суток) в год; хотя краткосрочное, по усмотрению администрации, могло оказаться и получасовым, ведь абсолютно все – и количество, и продолжительность свиданий – зависело от начальства.

Собственно, только в Саблине Светлана смогла узнать, наконец, о судьбе Кости – после 16 марта ее настигло известие о вынесенном ему приговоре. Светлана была раздавлена, чувство вины душило ее. Внушала себе, что, если бы не она, не было бы и повода для обыска, не было бы и приговора; чувствовала себя и виновницей, и обузой. Она была на последней грани, но помета на ее деле заставляла администрацию колонии следить за тем, чтобы новоприбывшая зэчка не совершила с собой что-нибудь непоправимое.

Вероятно, относительно женской зоны у читателя, может быть, существует мнение, что она не столь жестока, как мужская. В действительности это, увы, не так, и нравы на женской зоне еще более суровы. (Это обстоятельство роднит их, нам кажется, с совершенно

несопоставимым – с женским монастырем, имеющим ровно то же отличие от мужского.)

Но начальство зоны не гнобило Светлану умышленно, и она не чувствовала на себе какого-то особенного внимания. Начальство не лишало ее свиданий, не закрывало в штрафной изолятор. Вообще она довольно быстро поняла, что и на зоне тоже живут люди. А сильный характер и доброе, отзывчивое сердце помогли ей вписаться в лагерную жизнь – быстро и без особых конфликтов.

Как и всякая зона в СССР, саблинская лечила заключенных не только положенным питанием, пением гимна по утрам, политинформациями и маршами на плацу, но и повседневным трудом. Коль скоро советское государство не терпело тунеядства на воле, то его тем более не было и в заключении. Рабочий день на зоне был восьмичасовой, с одним выходным в неделю, однако были и «поражения в правах»: осужденные не имели права на отпуск, а отработанные в неволе месяцы или годы не засчитывались в трудовой стаж.

За отказ от работы или невыполнение нормы выработки – дисциплинарные взыскания, лишения посылок и свиданий. Собственно, и в дни длительных свиданий, которое «до трех суток», заключенного запросто могли обязать трудиться в цехе положенные восемь часов. Женская зона имела профильное производство – швейное, однако по нескольким направлениям: от рукавиц и спецодежды – фирменной, так сказать, классической продукции советских зэков и зэчек, до таких тонкостей, как изготовление демпферов к роялям «Красный Октябрь».

Она не была ни отказницей, ни буйной, нормально трудилась, вырабатывая норму в швейном цеху, так что не было ничего такого, что могло бы помешать положенным ей свиданиям с близкими. В Саблине ее навещала сестра, Тамара Ивановна, а также подруги. Некоторые подробности посещений сохранились в воспоминаниях Генриетты Яновской:

> Понимая, что происходит со Светкой, я решила во что бы то ни стало навестить ее в Саблино. Время, конечно, изменилось, но я не хочу называть имен и должностей тех людей, которые мне тогда помогли. В общем, мне удалось попасть на зону. Я вошла туда как официальное лицо, предъявив паспорт. Отдала и вошла. В дипломате (я купила самый большой) лежала курица, клубника, очень много чая и сигареты. Он был набит битком.
>
> Когда Светку вызвали в кабинет, я стояла у окна в самом скромненьком синеньком платьице, которое нашла дома, нормальной длины, не размахай, не брюки. Она вошла в платочке, в сине-белом платье сатиновом, с номером на груди, и громко сказала свой номер: заключенная такая-то прибыла, гражданка начальница. Она меня сначала не узнала. Наша встреча – это страшное воспоминание. Я помню, что я ее кормила. Потом у нее были неприятности из-за моего посещения у товарок. Они же видели, как ее вызвали к начальнику, а потом она вернулась с хорошими сигаретами, решили, что «стучит».
>
> Когда Свету отправили на зону, ей разрешили бандероль на килограмм. Я собрала все, что можно: крем для рук, для лица, какие-то тапочки, носочки, – и примчалась на почту. «Девочки, я на зону посылку отправляю, можно только один килограмм». Как они тщательно ее взвешивали! А потом сказали, что можно еще 40 г положить, и я бегала по магазинам, искала еще какой-то крем. А когда вернулась, было уже поздно, они уже запечатали мешки с почтой. «Девочки, ведь мне на зону». И они их распечатали и сунули туда этот тюбик. Вот что такое в России отношение к заключенным. Могли завтра послать, но они распечатали, чтобы посылка поскорей дошла. Не потому, что я просила, а потому, что они так считали…
>
> В следующий раз к Светке на зону в Саблино мы ездили уже с Зигридой вдвоем, как Светкины сестры. Это считалось свиданием с родственниками. Умереть от смеха! Она – Светлана Ивановна Лепилина, а «сестры» у нее: одна – Зигрида Цехновицер, а другая – Генриетта Яновская…
>
> Когда я во второй раз пришла к Свете, она уже получила письмо от Кости, что его отправили этапом. Но я договорилась, что сначала впустят меня, а потом уж отдадут письмо, я ее как-то подготовлю. Конечно, было страшно – ходить по

> зоне, чувствовать себя на зоне и не знать, выпустят ли тебя обратно, смотреть через окно, как заключенные строятся во дворе… Я отпаивала Свету валерьянкой, хотя бы она это у меня на руках пережила, было не так страшно.

Саблинская зона с ее швейным производством, 4-м отрядом, лагерным бытом, а также известие об отправленном этапом в Магадан Косте, вероятно, могли бы окончательно сломать Светлану. Неизвестно, выстояла бы она тогда, если бы не товарищеская помощь других зэчек, из которых следовало бы выделить двух, с которыми она особенно сблизилась в колонии. Первая – Наталья Михайловна Лазарева, по образованию театральный художник, арестованная 26 сентября 1980 года в Ленинграде за участие в самиздатском феминистском журнале «Мария». Когда другие участницы уехали на Запад, поскольку это было условием КГБ, Наталья осталась – она, наивная женщина, надеялась вступить в Союз художников СССР. В это самое время у нее произвели обыск, обнаружили написанный ее рукой текст воззвания к женщинам мира против ввода советских войск в Афганистан и предъявили обвинение по статье 190-1 УК. 12 января 1981 года Ленгорсуд приговорил ее к 10 месяцам колонии общего режима, после чего она была этапирована в Ульяновку, где и отбыла весь срок полностью.

Учитывая то обстоятельство, что советский феминизм 1970-х годов – это больше «феминизм наоборот», то есть борьба не за равноправие женщин с мужчинами, а скорее за ограничение такого равноправия – против женщин-шпалоукладчиц, женщин-асфальтоукладчиц и т. д., нельзя не увидеть иронию судьбы в том, что Светлана, отправленная вскоре на «химию», оказалась именно в тех условиях, против которых и выступала ее лагерная подруга.

Другим близким к Светлане человеком на саблинской зоне оказалась искусствовед Геня Борисовна Гуткина, арестованная 3 июня 1977 года и осужденная сразу по нескольким статьям. Главным предъявленным ей обвинением была контрабанда, и дело расследовалось Следственным отделом УКГБ. Это было знаменитое в свое время дело, прогремевшее не только на Ленинград, – о контрабанде антиквариата, в том числе шести работ Павла Филонова. Впрочем, роль Гуткиной как руководительницы ОПГ представляется с нынешней точки зрения в достаточной мере мифологизированной.

После суда Гуткина была этапирована в Ульяновку, впоследствии переведена на зону в Горьковской области и освобождена в 1982 году «по сотой», то есть статье 100 ИТК – «по тяжелой болезни». Говоря проще, была отпущена домой умирать (и действительно умерла через несколько недель).

Гуткина была знакома с Азадовским, поскольку долгие годы вращалась в компаниях любителей искусства и хорошо знала ленинградских коллекционеров. Мы еще не упоминали о том, что участки стен в квартире Азадовских на улице Восстания, свободные от книжных полок, были завешаны живописью и графикой; в этой коллекции, собранной Азадовским-старшим, преобладали известные мастера начала XX века – Илья Машков, Борис Григорьев, Александр Бенуа, Борис Кустодиев, Николай Фешин… И Гуткина, которая в действительности представляла собой, как теперь говорится, арт-дилера, хорошо знала коллекцию Азадовских, хотя интересовалась главным образом работами ленинградских художников-нонконформистов.

Когда же Светлана попала на зону в Ульяновку, то Геша – так все звали шестидесятилетнюю Гуткину – отнеслась к ней с большой теплотой, помогла ей освоиться в новом и опасном мире, ничего не требуя взамен, просто по своей доброте. Несмотря на тяжелые статьи и авторитет у зэчек, что могло бы свидетельствовать, напротив, об отрицательных свойствах характера, Геша столь разительно выделялась своими душевными и товарищескими качествами, что оказалась самым достойным человеком из всех, кого Светлана встретила в заточении.

Горьковский автозавод

Совершенно ясно, что после суда и отправки в колонию Светлана уже не представляла интереса для тех могущественных сил, что упекли ее за решетку. Этим объясняется и отсутствие к ней особенных претензий со стороны начальства, то есть ей не возводилось препятствий в виде взысканий, которые бы отрезали осужденному путь к выходу на «химию».

«Химией», напомним, согласно статье 53-2 УК РСФСР называлось «условное освобождение из мест лишения свободы с обязательным привлечением к труду». Таким способом принудительного труда наша страна была обязана Н.С. Хрущеву, хотя сам принцип использования труда заключенных имеет, конечно, более глубокую историю. «Химия» – это неволя наполовину. Оказавшийся на «химии» формально свободен, но должен оставаться и работать там, где приказала родина, а также постоянно отмечаться в спецкомендатуре.

Начало этому способу изыскания рабочих кадров было положено майским Пленумом ЦК КПСС 1958 года, когда, выслушав доклад товарища Хрущева «Об ускорении развития химической промышленности и особенно производства синтетических материалов и изделий из них для удовлетворения потребностей населения и нужд народного хозяйства», Пленум 7 мая единогласно принял постановление, проводящее основные положения этого доклада в жизнь. Поскольку размах начинания, получившего название «Большая химия», был огромным – планировалось выделение в течение нескольких лет 100 миллиардов рублей, – постановление послужило мощнейшим импульсом для развития в СССР химического производства. В своем докладе Н.С. Хрущев отметил:

> Достигнув уровня производства самого развитого капиталистического государства, мы не остановимся на этом. Мы потом еще более стремительно двинемся вперед, наращивая темпы развития, умножая общественные богатства, созданные народом и для народа. Вот тогда те люди, которые пока еще пугаются коммунизма, и даже те лакеи империализма, которые сочиняют о социалистических странах всякие небылицы, похожие на сказки для детей, увидят, что такое коммунизм на деле, в жизни.

Но «на деле, в жизни» оказалось так, что Президиум Верховного Совета СССР вынужден был 20 марта 1964 года принять Указ «Об условном освобождении из мест лишения свободы осужденных, вставших на путь исправления, для работы на строительстве предприятий народного хозяйства», в результате которого и на «Большую», и на прочую «химию» потекли эшелоны «освобожденных условно на неотбытый срок», и с тех пор спрос на них в промышленности только возрастал, а законодательство соответственно корректировалось. Причем когда в конце 1970-х годов поток «химиков» вдруг стал оскудевать, то указующим перстом для сотрудников исправительно-трудовых учреждений стала статья Ю.М. Чурбанова – заместителя министра внутренних дел СССР (и зятя Генерального секретаря ЦК КПСС Л.И. Брежнева), опубликованная в 1980 году в ведомственном журнале для работников ИТУ МВД СССР «К новой жизни», где недвусмысленно говорилось:

> Нельзя не видеть тревожной тенденции к уменьшению числа условно осужденных и условно освобожденных на стройках и предприятиях. Следует не свертывать, а всемерно расширять институт условного осуждения и условного освобождения, руководствуясь законом, ибо, как показывает опыт, эта гуманная практика помогает оступившемуся человеку распрямиться, трудом доказать свое исправление.

Условное освобождение применялось к заключенным, «если дальнейшее исправление и перевоспитание таких лиц возможно без изоляции от общества, но в условиях

осуществления за ними надзора». Для осужденных на срок до десяти лет лишения свободы направление на «химию» могло быть применено лишь после того, как они отбудут треть назначенного им срока. В случае со Светланой, получившей полтора года, рассчитывать на «химию» можно было уже после шести месяцев. А для нее, безусловно, такая перемена была в любом случае лучше, чем жизнь за колючей проволокой, хотя бы чисто психологически: ведь тогда она могла бы говорить по телефону и даже повидаться с Лидией Владимировной.

Когда минула треть срока, Светлана подала ходатайство, а через полтора месяца, 4 августа 1981 года, Тосненский районный суд Ленинградской области рассмотрел дело Лепилиной и «условно освободил» ее, направив на стройки народного хозяйства сроком на 10 месяцев 14 дней. По условиям выхода на «химию» оставшийся срок гасился только рабочими днями, то есть в реальности, поскольку Кодекс законов о труде никто не отменял, срок «химии» был несколько дольше.

При этом «химия» была отнюдь не синекура, а напротив – тяжелая и вредная работа на производстве, куда обычные граждане не стремились. Зарплата, правда, в те годы была у «химиков» приличная, много больше, нежели у библиотекарей, посудомоек или дворников. Но поскольку не все зэки и зэчки спешили расстаться со здоровьем или просто не слишком хотели «вкалывать», то многие из них чаще стремились подать ходатайство на УДО – условно-досрочное освобождение. Однако для ходатайства об УДО требовалось отбыть не менее половины срока, то есть даже при благополучном исходе, в чем Светлана сомневалась, пребывание в колонии могло бы продлиться для нее еще три месяца. Рисковать она не хотела. К тому же, как мы сказали выше, стране требовалась рабочая сила, а не условно-досрочно-освобожденные, на что ей вполне конкретно намекали в колонии.

Ходатайство, направляемое осужденным в суд для выхода на «химию», должно было содержать (и, конечно, содержало) ритуальные фразы относительно признания вины в совершенном преступлении и желания послужить на благо родины на любом участке, куда бы ни отправили.

Светлану отправили в город Горький (ныне – Нижний Новгород). Вернее сказать, не «отправили», а этапировали, поскольку, согласно действовавшему законодательству, зэки, покидавшие зону ради строек народного хозяйства, направлялись к месту своей будущей трудовой деятельности «в порядке, установленном для лиц, осужденных к лишению свободы». Женский этап ничем не отличался от мужского: те же автозаки, те же «столыпинские» вагоны, те же перебежки на полусогнутых и те же конвойные с овчарками, заливающимися злобным лаем и готовыми рвать и грызть насмерть перепуганных зэчек. Доставленная в Горький 18 августа, Светлана в тот же день была освобождена из-под стражи и получила на руки выписанную еще 4 августа справку об освобождении – основной документ, который будет удостоверять ее личность все последующие месяцы. Местом ее работы стал арматурный цех Горьковского автозавода – здесь изготовлялись детали для черных «Волг», предназначенных в СССР для высшего чиновничьего состава.

Основанный в 1932 году, ГАЗ был гигантом советской автомобильной промышленности. Только в марте 1981 года с его конвейера вышел десятимиллионный автомобиль, через несколько месяцев, 22 декабря 1981 года, начнется выпуск новой модели «Волга» – ГАЗ-3102, а в январе 1982 года предприятие будет праздновать свое 50-летие. Безусловно, при советском типе хозяйствования такие промышленные гиганты, как ГАЗ, требовали не менее гигантских финансовых и людских ресурсов. Если финансы планировались Министерством автомобильного транспорта и Госпланом, то рабочими кадрами помогали не только горьковские ПТУ, но и ГУИТУ МВД, поставляя на Горьковский автозавод тысячи и тысячи зэков. Лишней иллюстрацией этого «коммунизма в жизни» служит удостоверение ГАЗа, выданное условно освобожденной Светлане: внизу указан тираж в 5 тысяч экземпляров, то есть только на одном Горьковском автозаводе в 1981 году работали тысячи зэков.

Чем дальше катилось в пропасть плановое социалистическое хозяйство, тем больше заключенных требовалось для его поддержки на самых трудных участках, куда добровольно

граждане идти отказывались, даже несмотря на неплохую по советским меркам зарплату. А поскольку «химия» была официально узаконенным (и, как правило, облегченным) продолжением невыносимо тяжелой жизни за колючей проволокой, то кадровый голод советских предприятий утолялся любыми требуемыми объемами человеческой массы: наблюдательные комиссии, руководство исправительных учреждений, районные суды активно помогали народному хозяйству, особенно после понуканий со стороны руководства страны.

Посчастливилось и Светлане. Ей, безусловно, сильно повезло с жильем: она поселилась вдвоем с другой условно освобожденной в светлой комнате кирпичного пятиэтажного общежития рабочих Горьковского автозавода, построенного в 1971 году и еще не пришедшего в упадок. Теплая чистая комната, ванна с горячей водой, чистое белье… Все это казалось земным раем после тюремного барака, который еще долго ей будет сниться. Только отметки в спецкомендатуре РУВД, запрет покидать район, а также обязательство возвращаться на ночь в общежитие напоминали о том, что она несвободна.

Уже в Горьком она узнает, что Константин достиг-таки места своего назначения – сусуманской колонии, и, значит, им можно наконец переписываться. Ведь официально они не были женаты, а потому для их переписки оставалась непреодолимым препятствием 30-я статья ИТК: «Переписка между содержащимися в местах лишения свободы осужденными, не являющимися родственниками, запрещается». С выходом Светланы на «химию» появилась возможность продолжить роман уже в письмах.

В арматурном цехе, куда определили Светлану, стояли огромные американские станки, доставленные в Горький еще в начале 1930-х из штата Оклахома. На этих станках и трудились прибывшие на «химию» женщины. Никакого инструктажа по технике безопасности с ними не проводилось: пришла с этапом, устроилась в общежитии – и на другой день шагом марш к станку. Этап Светланы насчитывал 30 человек, и уже вскоре некоторые из них стали инвалидами – не успели выдернуть руку из-под падающего пресса и лишились пальцев. Но Светлана, по счастливой случайности, избежала работы у станка. В течение всего трудового дня она должна была промывать в специальном растворе готовые автодетали, покрытые слоем мазута. Но и эта работа оказалась далеко не безвредной: химический раствор, выплескиваясь из металлической ванны, попадал на кожу и оставлял ожоги на руках и ногах, не говоря уже о ядовитых испарениях, которыми мойщице приходилось дышать.

Единственной защитой для рук были бы перчатки из толстой резины, которые употребляются при высоковольтных работах, но в Горьком их купить было негде, а потому их поиск стал главной целью ленинградских друзей Светланы. Шерстяные носки, которые разъедались кислотой, тоже постоянно сменяли друг друга…

Вслед за переводом на «химию» появились надежды на условно-досрочное освобождение. Оно применялось, как было прописано в 53-й статье УК, при условии, что осужденный «примерным поведением и честным отношением к труду доказал свое исправление». Но поскольку у нее и до зоны не было проблем с честным отношением к труду, а работы она не боялась в принципе, тепло принявший ее коллектив арматурного цеха… не слишком спешил с ней расстаться.

Здесь нужно сказать о том, что в случае со Светланой, для которой кислород не был перекрыт всесильным ведомством, можно было уже попытаться использовать какие-то личные связи, чтобы ускорить ее освобождение с «химии», постепенно убивавшей организм молодой женщины. И здесь решающую роль сыграл муж писательницы Нины Катерли – Михаил Григорьевич Эфрос (1933–2000). Он был крупным инженером, ведущим специалистом в Ленинграде по абразивам, членом КПСС, всю жизнь работавшим на заводе «Ильич». Лишь «инвалидность пятой группы» не позволила ему в свое время поступить в театральный институт, однако по окончании Технологического института он нашел себя в абразивах – как на заводе, где он быстро стал начальником цеха и затем через несколько лет и.о. главного инженера (в те времена на заводе выше пятого пункта прыгнуть было

невозможно), так и в науке, заняв должность заместителя директора по науке крупного отраслевого «абразивного» института. Именно Михаил Григорьевич и нашел – через инженеров Горьковского автозавода, его личных знакомых, – возможность повлиять на администрацию ГАЗа. В скором времени Светлане сообщили, что она может готовить документы «на комиссию».

При наличии такого разрешения препятствий более не чинилось, и уже в начале 1982 года был поставлен вопрос об освобождении по УДО. Сохранилась копия документа, выданного старшим мастером цеха. Он по-рабочему лаконичен:

Производственная характеристика

на условно-освобожденную Лепилину Светлану Ивановну 1946 г. рождения

Лепилина Светлана Ивановна работает на Горьковском автомобильном заводе в Арматурном цехе ПРиГ на участке «Механическая обработка» мойщицей с 19 августа 1981 г.

За время работы зарекомендовала себя с положительной стороны. Норму выработки выполняет на 130–140 %. Все задания мастера выполняет беспрекословно.

В коллективе пользуется уважением.

11.02.82

Однако в тот момент, да и, наверное, всегда, сама процедура условно-досрочного освобождения была очень небыстрой. Лишь 7 апреля 1982 года Ленинский райсуд города Горького под председательством судьи Н.И. Орлова рассмотрел материалы, представленные спецкомендатурой для условно-досрочного освобождения Светланы. Среди них было ходатайство, подписанное коллективом цеха, а также положительная характеристика. Ко времени судебного заседания она отбыла 1 год 3 месяца 19 дней. Суд вынес следующее определение:

Лепилину Светлану Ивановну освободить от отбывания дальнейшего наказания условно-досрочно на срок 2 месяца 11 дней. Определение является окончательным, обжалованию не подлежит.

Сразу же, на следующий день, она приехала в Ленинград. Три комнаты на улице Желябова, которые она занимала до ареста, уже были «взяты в казну» – то есть, согласно действовавшим законам, поступили в собственность государства и были решением райисполкома предоставлены «ветерану войны Ткачевой Зое Ивановне», так усердно потрудившейся для следствия.

Светлана поселилась у Лидии Владимировны.

Глава 10
Колымская сага

Сусуман

Итак, Исправительно-трудовая колония № 5 г. Сусумана Магаданской области. Если бы Азадовский задумал мемуары, то мог бы употребить ровно те же слова, какие написал Андрей Амальрик: «Я был рад Магадану чуть ли не как дому родному, двухмесячная дорога измотала меня». И это правда: окончание изматывающего этапа было сродни глотку свободы. Особенно после месяца в камере магаданской тюрьмы, проведенного вперемешку с осужденными, ожидающими этапа на колымские зоны общего, усиленного и строгого

режима.

Общий режим, который ожидал Азадовского, вовсе не означает, как можно подумать, более «легкий» или даже «щадящий» режим заключения. Он, безусловно, отличается от зон усиленного и строгого режима (от «усилка́» – для впервые осужденных к лишению свободы на срок свыше трех лет за тяжкие преступления; и от «строгача́», для уже отбывавших ранее наказание в виде лишения свободы либо совершивших особо опасные государственные преступления) режимом содержания, количеством разрешенных посылок или передач, бандеролей и писем, регламентом свиданий с родственниками и т. д. Тем не менее колония общего режима, куда попадают, как правило, по первой судимости, вызывает у «неофитов» глубокое нравственное потрясение. Столкновение несведущего человека с зоной – почти всегда шок; и его испытывают почти все «первоходки». Эту особенность отметил Ю.Т. Золотарев, бывший сотрудник колонии в соседнем Уптаре, оставивший любопытные воспоминания о магаданских реалиях той поры:

> Самый тяжелый, самый неуправляемый контингент заключенных – это колонии общего режима. Люди с первой судимостью, попавшие в такую колонию, очень болезненно проходят период адаптации. Само по себе лишение свободного передвижения в пространстве, отсутствие бытовых условий, к которым привык, – это уже тяжело переживается. А тут еще распорядок дня, все по командам, да и окружение таких же, как сам, – бодрости не добавляет.

Если говорить о зоне ИТК-5, что в городе Сусумане, то по тогдашним меркам она была не такой большой (всего несколько сот человек). Воровская иерархия, в 1980-е годы еще влиятельная на «материковых» зонах, была здесь заметно слабее, а настроение начальства определялось контингентом, характерным для колоний общего режима, – то есть шпаной, осужденной в основном по статье «хулиганство», а также за разные мелкие прегрешения – кража, угон автомобиля, подделка документа, нарушение паспортного режима и т. д. Значительная часть (в основном ингуши) сидела «за золото», то есть незаконное старательство, ведь золотодобыча была издавна основным колымским промыслом.

Исправительно-трудовые учреждения Магаданской области обслуживали преимущественно нужды самой области, принимая осужденных местными судами. Это, с одной стороны, формировало настороженность к «чужакам», но, с другой, – несколько смягчало ситуацию. Ни беспредела блатных, ни беспредела «ментов» в Сусумане не было – во всяком случае, по сравнению с «материковыми» зонами. Когда ты надеешься выйти на волю и вернуться домой, где ты почти точно встретишь соседей по нарам или их родственников, то стараешься вести себя, сообразуясь с этими обстоятельствами.

Подытоживая, можно сказать, что сусуманская зона была далеко не худшим местом, куда можно было попасть, чтобы досиживать год и четыре месяца.

Стоит отметить, что весть об этапировании Азадовского из Ленинграда в Сусуман поначалу не у всех укладывалась в голове: длительное ожидание этапа в Крестах, а затем и сам двухмесячный этап послужили поводом для информационного недоразумения. «Вести из СССР», издаваемые в Мюнхене Кронидом Любарским, сообщили: «К. Азадовский условно освобожден с обязательным привлечением к труду. Он находится на “стройках народного хозяйства” в г. Сусуман Магаданской обл.». То есть мало кто даже на воле мог принять за правду, что Азадовского по его «легкой» статье отправили в Колымский край на зону; другое дело – на «химию», это казалось более правдоподобным.

Абсурдность этой ситуации действительно била в глаза: осужденного по «легкой» статье тащат через всю страну, и он прибывает в Сусуман досиживать срок, когда ему остается 1 год и 4 месяца. Зачем? С какой целью?

Уже 10 лет назад, когда диссидент Андрей Амальрик был арестован в Москве, этапирован для суда в Новосибирск, а затем со сроком 3 года усиленного режима по статье 190-1 – на колымскую зону, эта ситуация воспринималась как нечто из ряда вон выходящее. Амальрик попал на зону усиленного режима в поселке Та́лая (на полпути между Магаданом

и Сусуманом). В своих записках он вспоминал, с каким недоверием к нему относились и сами заключенные, и работники пересылочных тюрем, конвоев и колонии и как они объясняли его длительное перемещение по стране:

> – Антисоветчик, что ли? С таким сроком – и на Колыму!..
> – Антисоветчик, – сказал я, почувствовав даже гордость…

Никто не верил, что со сроком 3 года могут этапом гнать на Колыму без политической подоплеки. Ровно то же самое происходило и в 1978 году, когда по той же статье 190-1 из Москвы сперва в Иркутскую область, а затем и в Усть-Неру Якутской АССР (на 380 км дальше по трассе, чем Сусуман) этапировали Александра Подрабинека.

Когда же на колымскую землю вступил Азадовский, удивления было не меньше. Его рассказы о сроке в два года по 224-й статье вызывали лишь улыбку. На все доводы Азадовского относительно «бытовой» версии, – которой, как мы уже говорили, он некоторое время придерживался, – «коллеги» как правило, кивали, но не верили, а некоторые из сидельцев говорили ему об этом открыто.

Встретили Азадовского в колонии настороженно. По прибытии состоялись ритуальные беседы начальства с вновь прибывшим. Сначала вызвал начальник оперчасти, затем «замполит» – заместитель начальника по ПВР (политико-воспитательной работе). Начальство колонии не слишком скрывало свое неудовольствие в связи с появлением Азадовского. Отношение к «политическим» у сотрудников исправительно-трудовых учреждений по традиции заведомо отрицательное: обычно от них ждут письменных жалоб, а также голодовок и прочих «нарушений режима содержания». Такие заключенные, за которыми тянется «шлейф», могут при определенных условиях сильно осложнить жизнь лагерного начальства. Лишняя головная боль!

Решая вопрос о том, в какой отряд и на какую работу направить Азадовского, администрация не могла не учитывать специфики «новобранца». Тем более что главк в то время инструктировал: отношение к так называемым диссидентам должно быть настороженное и жесткое.

Следы такой «установочной линии» мы можем найти даже в служебных изданиях той поры, например в журнале МВД СССР для сотрудников ИТУ «К новой жизни», в январском номере которого за 1979 год была напечатана программная статья под названием «“Узники совести”? Нет, люди без чести!». Она начинается с «письма читателя» З.П. Довганича из Пермской колонии ИТК-36. Вот что рассказал этот зэк о своих солагерниках:

> Они – действительно враги советского народа, эта жалкая кучка отщепенцев, сделавших своей профессией подрывную работу против социализма. Но делают они свое грязное дело отнюдь не из каких-то идейных соображений, а за деньги, за валюту. И во имя своей корысти эти мелкие, ничтожные по своей натуре людишки, у которых нет в душе ничего святого, да и сама душа-то вряд ли есть, готовы оплевать все, что угодно. Вся их «борьба», все их «убеждения» – только показуха, предназначенная для Запада в расчете на лишнюю пригоршню медных грошей от покровителей и заказчиков. Платят им за ложь и клевету на свое Отечество, за то, чтобы они изображали из себя «страдальцев». И чтобы создавать вокруг себя шумиху, они постоянно изобретают всевозможные провокации. Их любимый метод – всяческое поношение представителей администрации колонии.

Не ограничившись публикацией этого письма, журнал командировал в зону корреспондентов, и они расспросили осужденного подробнее обо всем том, что он сообщил ранее: о липовых голодовках сионистов, о том, как у В. Буковского на зоне была «целая торговая контора», как другой осужденный, С.А. Ковалев, «стряпает» жалобы… И вообще, отмечает издание, эти «инакомыслящие» с высшим образованием («Выучил их народ!») – все они только и делают, что пишут. Казалось бы, чего им недостает?

> Вся территория нашей колонии летом покрыта травой, много зелени. Есть скверик, цветы. Аллея – липы, рябина, черемуха, березы – где-то около двух сотен деревьев в колонии. Есть у нас спортивная площадка. На работу ходить всего триста метров. В цехах сухо, тепло… Есть библиотека, кино. Осужденные выписывают любые советские газеты и журналы. Только вот используют господа «диссиденты» свой досуг не на добрые дела. Они строчат и строчат клевету на Советский Союз, фабрикуют разные крикливые «обращения», «петиции», в которых ни слова правды…
>
> Таковы они, отщепенцы – люди без стыда и совести. Но пусть не создается у читателя впечатление, что подобны этой жалкой кучке предателей все советские граждане, оступившиеся в жизни. Конечно же, подавляющее число людей, вступивших в конфликт с нашим советским правопорядком, искренне раскаялись и полны желания загладить свою вину перед народом.

Такая пропаганда, проводившаяся в среде сотрудников исправительно-трудовых учреждений силами другой спецслужбы, безусловно формировала предвзятое отношение к политзаключенным. Отдельно нужно указать на следующий факт: к моменту публикации этого письма Довганича сам он уже был на свободе – его отпустили по УДО 5 сентября 1978 года. Нетрудно понять, почему и за какие заслуги. А в 2013 году В.А. Белов, бывший в 1972–1980 годах начальником отряда в ИТК-36, заявил в своем интервью пермскому изданию «Суть времени», что Довганич «политическим» вообще не был…

Итак, Азадовский прибыл на Колыму с ореолом «политического». Думается, что эта характеристика так или иначе должна была найти отражение в «личном деле арестованного Азадовского К.М. 1941 года рождения…», заведенном еще при поступлении в Кресты и сопровождавшем его все время заточения (а впоследствии уничтоженном по срокам хранения). Да и без характеристик в Магаданском ОИТУ быстро разобрались, что к чему, – там хорошо знали, каких заключенных им то и дело присылают «с материка» гражданскими авиарейсами. Задержка на месяц в магаданской тюрьме – лишнее свидетельство его «особого» статуса.

На сусуманской зоне перед Азадовским возникла новая проблема: как ему, зэку с таким «ореолом», держаться среди солагерников, что делать, чтобы как можно скорее и безболезненнее освоиться в новых условиях. Ведь одно дело – статья, другое – сам человек и его поведение среди других узников. Об этом ясно сказал все тот же Александр Подрабинек:

> Именно поведение зэка – «кто он есть по жизни» – определяет его положение в тюремном мире. При этом статус на воле имеет второстепенное значение. Жестокость условий, экстремальность ситуаций поляризует людей, обнажает их интересы, обостряет конфликты. Характер человека, быть может, остающийся загадкой на воле не только для окружающих, но и для него самого, выпукло проявляется в тюрьме. Сами по себе антисоветские взгляды политзэка, его деятельность на воле не имеют решающего значения. Оценка политического окружающими зависит от соответствия его взглядов фактическому поведению. Политзэк может быть интересен другим арестантам именно как пример реального сопротивления режиму. И отношение к нему определяется не его словами, но его делами. Что толку, к примеру, от антисоветских взглядов, если политзэк, «опустив гриву», сносит притеснения тюремщиков! Или того хуже – работает на придурочной должности: бригадиром, нормировщиком, поваром, дневальным, кладовщиком, библиотекарем…

Нужно отдать должное герою нашего повествования: он хотя и шел по 224-й статье, но старался держать себя естественно и сообразно истинным причинам своего уголовного преследования. Обитатели «общака́», не слишком искушенные в оттенках противостояния интеллигенции и власти, восприняли его прежде всего как «грамотного» и наградили прозвищем «профессор». С этой «кликухой» он и пройдет через все этапы своего

сусуманского бытия. При этом следует пояснить, что отношение к «грамотным» в зэковской среде далеко не однозначно: одни взирают на «образованного» с уважением, другие же (как правило, «блатные») относятся к «шибко грамотным» с нескрываемой неприязнью, не упускают случая поиздеваться и показать свое превосходство.

Что же касается лагерной администрации, то она действовала, конечно, с оглядкой на сопровождавшие Азадовского «дополнительные сведения», и никаких послаблений, никаких льготных («придурочных») должностей ему по этой причине даже не предлагали. Да он, скорее всего, и не согласился бы.

Привыкать к атмосфере колымской зоны после девяти тюрем было нелегко. Суть, конечно, не столько в суровом климате, сколько в суровой обстановке. Несмотря на то что осужденные содержатся не в камерах, а в бараках, чувство уязвимости на зоне возрастает. Если в камере ты постоянно на виду, всегда рядом с тобой свидетели, то на зоне иначе: не проснешься утром – виновных не будет.

Прибыв на зону, Азадовский узнал о том, что Светлана вышла на «химию» и уже достигла Горького. Это известие, когда он получил его, было для него серьезной моральной поддержкой – все-таки хоть один из них уже не за колючей проволокой. Светлану выпустили с зоны, и она может теперь звонить, а то и приезжать в Ленинград – это сильно успокаивало его при мысли о матери.

Куда более Азадовский опасался (и, как покажут дальнейшие события, вполне обоснованно), что Сусуман – это только начало его лагерной биографии; было известно, что и в колонии легко можно «заработать» новый срок, не успев даже выйти на свободу. Кто-то пишет под давлением «явку с повинной» по делу о неведомых ему преступлениях; а кто не пишет сам – на того напишут солагерники, якобы «слышавшие его рассказы о совершенном преступлении». Потому что в замкнутом лагерном пространстве нетрудно получить любые «свидетельские» показания. Ради того, чтобы выйти по УДО, многие осужденные без колебаний засвидетельствуют что угодно – сами или под диктовку «кума». Тут требуется лишь воля начальства, нацеленная на определенный план либо по «раскрытию» преступлений, либо в отношении конкретного заключенного.

«Политические» сами на себя не пишут. Но и в этом случае не возникало трудностей в том, чтобы найти кого-то из солагерников, готовых дать показания о «разговорах». В результате заключенный, обычно незадолго до освобождения, получает новый срок, не глотнув свободы (впрочем, с выездом в районный суд для демонстрации советского правосудия). Подобная практика не была редкостью – она применялась в отношении как диссидентов, так и верующих. Достаточно вспомнить приговоры А.А. Амальрику в 1973 году, Н.Г. Батурину в 1983 году, Т.С. Осиповой в 1985 году…

Конечно, если лагерная администрация начинает «шить новое дело», то противостоять этому исключительно трудно, а порой и невозможно. Единственное, что остается, – попытаться не провоцировать такое развитие событий, что отчасти зависит от самого заключенного. Именно поэтому Константин, наученный горьким опытом своего общения с Фимой Розенбергом, старался быть предельно осторожным в знакомствах и разговорах. В каждом, кто набивался к нему в друзья, он готов был видеть провокатора.

Работа ему досталась не самая скверная и весьма характерная для многих советских зон: швейный цех, пошив рукавиц. Впрочем, нормы выработки были такими, что отдыхать в цеху не получалось практически никогда. Поначалу он вообще не справлялся с нормой (особенно не давался ему двойной шов), приходилось выкручиваться: договариваться с мастером ОТК или просить других «пацанов» о помощи, расплачиваясь за эти услуги чаем или, что случалось чаще, обещанием написать письмо, заявление или «помило́вку»…

К Азадовскому стали обращаться с подобными просьбами, как только выяснилось, что в его лице на зону попал очередной писатель. Вообще в силу специфики лагерного существования недостатка в писателях там, как правило, не наблюдается: пишут многие – от стихов и мемуаров до философских трактатов. Но Азадовский писал не в матрац и не в тумбочку, а старался сделать свои писчебумажные опыты достоянием гласности, обычно

направляя их в адрес прокурора Магаданской области, Магаданского ОИТУ, прокурора РСФСР, начальника ГУИТУ, в отдел писем ЦК КПСС и т. д… Многостраничные жалобы принесут ему, как мы увидим, раздражение начальства и уважение уголовников.

Андрей Амальрик, который, отбывая срок на Колыме, также не брезговал этим ремеслом, впоследствии вспоминал:

> Я, со своей стороны, выискивал, на что бы подать жалобу, я видел в этой писанине… элемент комизма, вместе с тем это едва ли не единственное легальное орудие сопротивления для зэка, и чем скорее пропадет ваша воля к сопротивлению, тем скорее вы начнете разрушаться как личность. «Если бы все зэки были такие, как вы, никто не пошел бы в тюрьму работать», – раздраженно сказал мне офицер в Магадане, и это был один из самых больших комплиментов за мою жизнь.

И как только на зоне стало известно, что «профессор» умеет еще и грамотно составлять надзорные жалобы, соседи начали обращаться к нему с просьбами. Разумеется, не «блатные», которые вообще избегают письменного самовыражения: «понятия» запрещают им писать какие бы то ни было ходатайства. Но другие, не отягощенные «кодексом чести», обращались к нему постоянно, особенно после того, как одна из написанных Азадовским жалоб все-таки принесла хоть и малый, но эффект.

Ситуацию описывает Александр Подрабинек, находившийся в то время на зоне Большая Махра близ Якутска:

> Хотя зона и не была «красной», но стукачей в ней хватало. Куму донесли, что я пишу зэкам помиловки и надзорные жалобы. Это не было нарушением закона или правил внутреннего распорядка, но создавало мне в лагере авторитет, а начальству этого очень не хотелось. Я не рвался писать зэкам жалобы, понимая, что добром это для меня не кончится. Однако и отказывать было невозможно. Настоящий ажиотаж начался, когда одна из моих надзорных жалоб каким-то чудом была принята к рассмотрению. Зэки ко мне выстроились в очередь, а начальство решило положить этому конец.

В этом же духе протекали и лагерные будни нашего героя.

Первые встречи

Азадовский меньше всего ожидал найти на зоне кого-либо из своих знакомых. Тем неожиданней было для него в первый же день по прибытии узнать, что еще недавно здесь содержался один из его земляков, только что отправленный на «химию». «Из Ленинграда… Может, ты его знаешь…» На это Азадовский, стараясь сдержать улыбку, ответил, что ленинградцев в природе несколько миллионов. Но ему начали объяснять, что это был не обычный ленинградец: «Картины собирал, Михайлов фамилия…»

Азадовский понял, о ком идет речь. Это был «Жора» – Георгий Николаевич Михайлов (1944–2014). Окончив в 1966 году физфак ЛГУ по кафедре радиофизики, он остался преподавать в университете и одновременно – в Физико-математической школе-интернате № 45 при ЛГУ; последнее весьма показательно, потому как речь идет об интернате для особо одаренных детей. Но в 1977 году Михайлова отстраняют от преподавания, а 21 февраля 1979 года арестовывают, предъявив обвинение по нескольким статьям: 153 части 2 («Коммерческое посредничество, осуществляемое частными лицами в виде промысла или в целях обогащения») и 162 части 2 («Занятие промыслом, относительно которого имеется специальное запрещение, совершаемое в значительных размерах»). 18 сентября 1979 года Михайлова приговаривают к четырем годам колонии общего режима с конфискацией имущества и отправляют, естественно, в Магаданскую область, в ИТК-5 города Сусумана, куда он и прибыл в конце 1979 года. Такова внешняя сторона дела.

Суть же была несколько иной. Имея вкус и тягу к живописи, Михайлов заинтересовался современным искусством и начал его коллекционировать, а во второй половине 1970-х сблизился со многими из ленинградских нонконформистов и постепенно превратился в фигуру, ставшую для них центром притяжения. Поначалу в дополнение к зарплате педагога он зарабатывал цветной фотографией, обслуживая в основном все тех же художников, а на вырученные средства покупал картины. Кроме того, он стал проводить в своей двухкомнатной квартире неофициальные выставки (первая состоялась в 1972 году). Михайлов занимался не только коллекционированием, но и «дилерством» – посредничал между художниками и покупателями, в том числе иностранцами (хотя, к счастью, незаконных валютных операций за ним не числилось; это могло бы обернуться статьей 88 УК – вплоть до расстрела). Но и такое посредничество, даже в рублевом измерении, имело на тот момент отчетливую квалификацию в УК РСФСР, не говоря уже о том, что и сами художники-нонконформисты не слишком приветствовались местной властью. Когда же в октябре 1978 года Михайлов устроил у себя дома выставку Михаила Шемякина, выдворенного из СССР еще в 1971 году, над ним начали сгущаться тучи. Дальнейшее известно.

Азадовский был лично знаком с Михайловым, хотя друзьями они никогда не были. Но сложилось так, что оба были отправлены на сусуманскую зону. Узнав о том, что до него здесь побывал Жора, Азадовский признал «земляка», рассказал о его ленинградской жизни, и это было сродни «входному билету»: Михайлов оставил о себе добрую славу среди зэков. То есть на зону в результате «заехал» не просто некто со статьей 224-3, но еще и «Жорин кореш». Это, бесспорно, помогло ему в первые дни. Сам же Михайлов оказался неподалеку – он работал на «химии» в поселке Талая, где находилась зона усиленного режима, на которой ранее отбывал свой срок Амальрик. И поскольку зэки – народ ушлый, то на Талую быстро «заслали маляву» – узнать у Михайлова, не «гонит» ли новый арестант. Разумеется, Жора все подтвердил, более того, все то время, пока он оставался на Талой, пытался «подогреть» Азадовского – «перекинуть» ему то чай, то продукты. Однако Азадовский был так «обложен», что никакой «грев» до него не доходил.

Выйдя в 1982 году по УДО, Михайлов начал кампанию по возвращению коллекции живописи, изъятой при аресте и приговоренной к уничтожению. В 1985 году его арестовали еще раз, теперь уже по статье 93-1 («Хищение государственного или общественного имущества в особо крупных размерах»); наказание по этой статье предусматривало «смертную казнь с конфискацией имущества». В 1987 году, с началом перестройки, он был освобожден, но сразу же уехал из СССР и увез с собой более четырехсот живописных работ, на тот момент официально «не представляющих ценности». В 1989 году Михайлов был оправдан по всем статьям «за отсутствием события преступления».

В общем, повстречаться с Жорой на сусуманской зоне Азадовскому не пришлось: они «разминулись». Зато он встретит там других узников, которые скрасят ему тягостную лагерную жизнь.

Сионист

В конце марта 1982 года в Сусумане появился «новенький» с довольно обычной для общего режима статьей – 191-й («Оказание сопротивления работнику милиции или народному дружиннику при исполнении этими лицами возложенных на них обязанностей по охране общественного порядка»), осужденный на один год лишения свободы. Но этапирован он был не из Магадана, а из самой Москвы, и этот факт свидетельствовал о том, что на зону прибыл очередной «политический».

Борис Моисеевич Чернобыльский (1944–1998), радиоинженер по профессии, отец двоих детей, подал в 1975 году заявление на выезд из СССР в Израиль. В 1976 году ему было отказано «по соображениям секретности», что постепенно сделало из него активиста еврейского движения. В том же году Борис участвовал в известной сидячей забастовке в

приемной Верховного Совета СССР; в последующие годы неоднократно арестовывался на 15 суток за участие в митингах и пикетах отказников; работал электриком. О событиях, предшествовавших появлению Бориса на сусуманской зоне, подробно сообщает «Хроника текущих событий». Мы же очертим их кратко:

10 мая 1981 года группа примерно из 150 евреев-«отказников» организовала выездной пикник в километре от подмосковной станции Опалиха, где хотела отпраздновать День независимости Израиля и почтить память евреев, погибших во Второй мировой войне. В полдень в лес прибыл внушительный наряд милиции и дружинников, которые заявили собравшимся, что постановлением Мособлисполкома от 12 апреля 1981 года запрещены массовые гулянья без санкции поселковых советов, а затем выгнали всех участников этой акции из лесу, причем один из милиционеров громко подгонял их криками «шнель! шнель!». Услышав это, Чернобыльский назвал его «фашистом», что и было зафиксировано людьми в штатском.

9 июня Борис был задержан на улице и отправлен в подмосковный Красногорск «по месту совершения преступления». Там ему было предъявлено обвинение, однако 12-го числа он был отпущен под подписку о невыезде.

9 декабря состоялось заседание Красногорского суда. Личность обвиняемого характеризовалась медалью за работу на целине, а также бумагой из ЖЭКа, в которой отмечалось, что его квартиру «часто посещали граждане еврейской национальности с иностранными лицами». Свидетелями обвинения выступали дружинники и милиционеры. Смелый адвокат – фронтовик В.И. Петров – первым же делом «выразил сожаление», что милиционеры говорят неправду, а свидетели-дружинники, совсем еще молодые люди, «начинают свою жизнь со лжи»; кроме того, он отметил, что за 30 лет адвокатской практики «впервые столкнулся с таким неправым делом». Речь адвоката была настолько резкой, что судья стала беспокоиться о рабочих красногорских предприятий, которых нагнали на этот процесс в качестве публики, и заметила адвокату, что он «дискредитирует советские следственные органы». Петров не оробел: «Я готов повторить свою оценку действиям и методам следствия по делу Чернобыльского в любом месте; я – член партии и отвечаю за свои слова».

Чернобыльский же в своем последнем слове заявил, что не раскаивается в том, что назвал милиционера фашистом, и что если в будущем он окажется в таких же обстоятельствах, то сделает ровно то же: «Вещи надо называть своими именами».

Приговор – год в колонии общего режима. Но поскольку подобные политические дела фабриковались не милицией (милиция и дружинники, как еще раз подтвердил этот процесс, были всего лишь послушным орудием), даже один год «органы» решили сделать для Бориса памятным – отправили его окинуть взором красоты Колымского края. Таким образом в начале 1982 года он оказался на сусуманской зоне, где и сдружился с Азадовским. Это было достаточно важно – иметь рядом пусть даже не единомышленника, но хотя бы человека, с которым можно вести разговоры не только на бытовые темы.

Весь 1982 год они проведут на зоне вместе; Борис освободится на две недели раньше. Хотя были основания думать, что он задержится там подольше: постоянно доходили слухи о том, что зэков опрашивают на его счет, снимают показания… Но он все-таки вышел в срок, а в 1989 году его семье наконец-то дали разрешение выехать в Израиль. Он умер в 1998 году – утонул в море во время отдыха.

Баптист

Среди товарищей Азадовского по несчастью был еще один, который не мог его не заинтересовать. Увидев этого человека, Азадовский сразу почувствовал его необычность. Его звали Анатолий Сергеевич Редин (1931–1988); ко времени «заезда» на сусуманскую зону ему было 50 лет.

Он был плотник, рабочий, из рязанских мужиков; вся его молодость прошла в обычном

для русского человека состоянии – пьянстве и гульбе. Но однажды, когда он поздним вечером возвращался в свою деревню Канищево, ему в поле предстала сияющая фигура в белом одеянии, обратившаяся к нему со словами укоризны; и с того момента Анатолий Редин, подобно Савлу, «обратился»: стал искать Бога и нашел его у Евангельских христиан-баптистов (ЕХБ). Со временем он стал даже пресвитером Рязанской общины ЕХБ, входившей во Всесоюзный совет ЕХБ, а в 1977 году примкнул к так называемому Совету церквей ЕХБ, отколовшемуся от основной церкви, и был избран там благовестником.

Совет церквей образовался в начале 1960-х годов и в связи с компромиссом, на который пошел с властью Всесоюзный совет ЕХБ, занял резко отрицательную позицию по отношению к государству. Советская власть именовала Совет церквей «наиболее экстремистским и антиобщественным» направлением среди баптистов, потому что там, кроме прочего, не признавали господства светской (читай: советской) власти. В 1984 году в тюрьмах и лагерях находилось почти 170 членов этой общины, причем многие не в первый раз; им, как и «политическим», всякий раз незадолго до освобождения наматывали новый срок, и они продолжали гнить на зоне.

Периодически власть пыталась официально зарегистрировать общины, но, когда с них потребовали полные списки приходов (то есть полные анкетные данные на каждого, включая место работы), а также предупредили о противозаконности ряда служений, в том числе молений за узников, они наотрез и окончательно отказались от регистрации. «Процесс регистрации общин нашего братства, – писал в 1979 году баптистский “Братский листок”, – приобретает в последнее время все более опасный характер, поскольку регистрация используется атеистами как средство антиконституционного вмешательства во внутренние дела церкви с целью ее окончательного подчинения себе, разложения и уничтожения».

Редин был арестован 15 апреля 1981 года; ему было предъявлено обвинение по нескольким статьям УК РСФСР: 190-1 («Распространение заведомо ложных измышлений, порочащих советский государственный и общественный строй»), 227 («Посягательство на личность и права граждан под видом исполнения религиозных обрядов)» и 209 («Систематическое занятие бродяжничеством или попрошайничеством»). Приговоренного 14 октября 1981 года Рязанским областным судом к 5 годам ИТК общего режима Редина этапировали подальше от паствы – в Сусуман. Суд вынес этот приговор, зная, что Редин не был судим и имеет на иждивении четверых детей.

Отношение к Редину на зоне сложилось достаточно уважительное: как-никак, пятидесятилетний возраст и опыт евангельского служения. Анатолий Сергеевич умел слушать других, и зэки тоже прислушивались к его словам и считались с его мнением, хотя он был простым деревенским мужиком с образованием 5 классов. Но годы служения воспитали и просветили его. Редина использовали на зоне как искусного плотника и столяра: он ставил двери, утеплял окна, чинил мебель… Летом 1982 года Азадовский устроился к нему в помощники и недолгое время общался с ним ежедневно. Редин полностью отбыл свой срок и в 1986 году вернулся в Рязань. 16 июля 1992 года Постановлением Президиума Верховного суда он был полностью реабилитирован. Посмертно.

Романтические цветы

В башенном покое темно.
Но улыбками они освещают друг другу лица.
Они находят один другого наощупь, как слепые дверь.
Почти как дети, которым страшно ночью, прижимаются они телом к телу.
И все-таки они не боятся.
Ведь ничего им не угрожает: нет ни Вчера, ни Завтра.
Ибо время рухнуло. И они цветут на его развалинах.

Он не спрашивает: «Кто твой супруг?»
Она не спрашивает: «Как твое имя?»
Они встретились, чтобы быть друг для друга новым началом.

Песнь о любви и смерти корнета Кристофа Рильке
Пер. К. Азадовского, 1963

Жизнь порой ставит каждого человека перед выбором, иногда непростым и даже мучительным. Но случается и так, что выбора нет: оказывается, что все, что находится по ту сторону, ничего не сто́ит и вся жизнь состоит исключительно в том, чтобы сделать один-единственный шаг.

Каждый из них – и Светлана, и Константин, – находясь в заключении, иначе взглянули не только на всю свою прожитую жизнь. О будущем они задумываться не могли – не решались думать о том, что принесет им завтрашний день. Было просто страшно.

Находясь в заключении и думая друг о друге, они в течение первых восьми месяцев не могли переписываться. Приступив к работе в арматурном цехе Горьковского автозавода, Светлана поначалу даже не знала, куда отправить письмо. И только в сентябре 1981 года, когда Лидия Владимировна получила уведомление из Сусумана, она смогла сообщить Светлане адрес Константина. Вряд ли у нас есть право подробно цитировать эти письма, но и без писем ясно, что после таких тяжких испытаний ни у Светланы, ни у Константина не было более близких людей, чем они сами.

Осенью они решили узаконить свои отношения. Слово «решили» тут выглядит странно: двое осужденных – один на зоне, другая на «химии», а между ними – десять тысяч километров… Ждать до полного освобождения Светлана не хотела, да и не могла, наверное… Но как добиться разрешения на отъезд к жениху? Это стоило ей невероятных усилий. Пришлось унижаться, просить, вымаливать… И все-таки ее отпустили – она полетела на Колыму, вышла замуж и вернулась в Горький. Оглядываясь назад, Светлана воспринимала это как чудо.

Когда-то, бросая во время этапа из «столыпинского» вагона один из конвертов, он написал обратный адрес: «Чита. До востребования. Н.А. Бестужев». Что тогда было в душе Азадовского? Мы не знаем. Может быть, то, что Николай Бестужев был одним из любимых героев его отца, неоднократно писавшего о декабристах; или он проводил горькие параллели между ссыльным Бестужевым и самим собой? Но уж если допустить, что Константин Маркович в тот момент ассоциировал себя с декабристом, то насколько же органично в данный сюжет вписалась Светлана! Она-то на самом деле оказалась «женой декабриста», продолжив традицию лучших русских женщин. Она, впрочем, и была такой – решительной и страстной.

Из Горького она доехала до Ленинграда, где провела два дня; оттуда ее провожали многочисленные друзья. Провела несколько дней в Москве, остановившись у Камы Гинкаса; 22 декабря почти в полночь она вылетела из аэропорта Домодедово в Магадан, причем на сохранившемся билете есть надпись: «Пассажир следует в город Сусуман, без права выхода в город Магадан». От Магадана, куда они прилетела утром 23-го числа, до Сусумана оставалось 630 км. Эту часть пути она преодолела на рейсовом автобусе. Сидячих мест не было, и Светлана 18 часов сидела на полу в проходе. Стояла настоящая колымская стужа, температура снаружи по мере приближения к Сусуману подползала к цифре минус 50 градусов, и на окнах автобуса был толстый слой наледи.

Процитируем фрагмент воспоминаний Генриетты Яновской и Камы Гинкаса:

> КАМА. И вот ребята решили пожениться… Это было самое смешное. Значит, из камеры в камеру жениться нельзя, а поехать через всю страну, выйти замуж, провести с мужем три законные (в данном случае положенные) брачные ночи и возвратиться назад, – это можно.
>
> ГЕТА. Как мы ее собирали! Я распаковала их ящики с посудой, достала оттуда две серебряные ложечки, две хорошие тарелочки, чашечки, салфеточки, и

Света это все потащила с собой. Везла с собой дикое количество еды, сама – в валенках, в тулупе, с варежками. В автобусе ей вообще пришлось на полу сидеть, хорошо, что она была тепло одета.

КАМА. Мы все участвовали в организации этого путешествия. Сначала Света приехала в Москву, остановилась у меня в подвале, в общежитии МХАТа, откуда я должен был везти ее в аэропорт. Света – женщина крупная, но ее рюкзак даже для нее выглядел просто гигантским. А у нее еще что-то в обеих руках было. На дворе зима, декабрь месяц, морозы. Сначала ей надо лететь до Магадана, да с пересадкой, потом трястись на автобусе, а потом еще в открытой машине. И всюду тащить с собой свое барахло, эти «кутули». Это ее словечко.

Наш подвал был очень взволнован этой свадьбой. Катя Васильева [актриса, игравшая тогда во МХАТе. – *П.Д.*] перед самым Светкиным отъездом побежала на базар, чтобы у замерзших азербайджанцев купить цветы. Тогда это был жуткий дефицит. А какая свадьба без цветов? Но надо было найти цветы, которые не сдохнут до Магадана. Катя долго искала. Когда же она рассказала азербайджанцам, по какому случаю и для каких специфических молодоженов эти цветы, кто-то из продавцов обежал всех своих коллег, еще раз пересказал эту историю, и они, с миру по нитке, отобрали пять самых лучших гвоздичек со всего базара. И даже сами упаковали. И всю дорогу Светка везла эти цветочки: в самолете, лежа в автобусе на полу, на своих кутулях. И довезла! Хотите верьте, хотите нет, но эти гвоздики простояли у ребят все три дня и сдохли только в последний день. И это не миф. Это выглядит невероятно. Как сказка. Но это было именно так.

ГЕТА. Поженились они 25 декабря, в Рождество. Она пробыла у него три дня. Расставаясь, договорились, что он перебросит ей через забор тетрадку со своими жалобами, чтобы направить их потом прокурору. Светка облазила тогда все сугробы, но так ничего и не нашла.

Позднее поэтесса Любовь Турбина, узнав о свадебном путешествии Светланы, напишет стихотворение, начало которого мы приводим:

Тюремный романс

Светлане Лепилиной, которая в 1981 г. поехала в Магадан к К. А. и там вышла за него замуж

Она полетела к нему в Магадан,
Там был он в мужья ей законные дан,
Укуталась сверху в три шали,
Цветы на морозе не вяли.

Она нарядилась в солдатский тулуп,
К тому полетела, кто до смерти люб,
Бывает такое на свете,
Три белых гвоздики в газете.

Она поклонилась ему до земли…
Три дня те гвоздики в бутылке цвели,
Три дня – ослепительно мало,

И время разлуки настало.

Весть о том, что к «профессору» едет его невеста «на роспись», и притом тоже зэчка, отпросившаяся для этого с «химии», произвела настоящий фурор у солагерников, не избалованных такого рода романтикой. И хотя на сусуманской зоне не было проблем со свиданиями – начальство особенно не зверствовало, и свидания осужденных с родственниками, как правило, допускались, – однако предстоящая свадьба Азадовского

воспринималась все же как исключительное событие.

Когда новость стала достоянием «широких масс», в один прекрасный день к Азадовскому подошел зэк по имени Эдик Куцерубов, с которым у него сложились приятельские отношения. Спросил: «Правда ли?» – «Правда». – «Ну а если правда, то к свадьбе полагается подарок». И, взявшись за дело, Эдик и его помощники выточили в столярном цехе изящный латунный перстень-печатку с подковой сверху. Подкова, символ везения и удачи, как ничто другое выражал чувства «профсоюза». Настоящий точеный перстень (в противовес «дешевой штамповке») оказался и неожиданным, и почетным даром. Когда зэк уже не первый год за решеткой, он хорошо понимает, что означает такой подарок, – он ценится во много крат выше, чем изделие из чистого золота.

Оставалось одно важное «но» – как передать подарок невесте? Другими словами, как вынести его из зоны? Способов, собственно, было два – «пронос» или «переброс». И, конечно, Светлана не должна делать это сама: ее будут досматривать и до, и после «ДС» – длительного свидания. К тому же для сусуманского начальства не было тайной, что и она – зэчка. Подкупить охрану? И трудно, и дорого, и не поймут, в чем суть, – начнут что-то подозревать, испортят дело. А то и просто «сдадут». И уж наверняка отберут перстень.

Азадовский с Эдиком нашли выход. Часть зэков – тех, что были на хорошем счету, или просто «умельцев» – ежедневно выводили из зоны на работу в городе; утром – за колючую проволоку, вечером – обратно. С одним из «расконвоенных» удалось сговориться, конечно, небезвозмездно. План был следующим: в тот день, когда Светлана должна будет уезжать, солагерник утром вынесет с зоны пакет, в котором будет перстень и школьная тетрадка с жалобой, написанной Азадовским в Верховный суд РСФСР, и спрячет в заранее условленном месте у забора.

Регистрация брака состоялась 25 декабря в одном из помещений администрации колонии. Светлана приехала накануне. Прибыв в Сусуман около трех часов ночи, автобус остановился возле местной гостиницы. На улице было минус 60; в номере, куда она вселилась, плюс 5. Из крана лилась холодная вода; горячей не было вовсе. После долгого и утомительного путешествия невеста принялась приводить себя в порядок. Она вымыла голову, обмотала ее полотенцем и, укутавшись в тулуп, заснула. А проснувшись в 9 утра, помчалась в ЗАГС – за регистраторшей, взяла такси и повезла ее на зону. Из-за морозной дымки нельзя было разглядеть ни людей, ни машин. В такси она поблагодарила сотрудницу – сунула ей две палки копченой колбасы, добытые в Москве именно с этой целью. Подъехав к КПП, обе прошли в указанное им помещение; стали ждать. Вскоре отрядник привел Азадовского. Увидев его, Светлана расплакалась. Расписывались через стекло: он по одну сторону перегородки, она по другую. Свидетелем был начальник 1-го отряда, старший лейтенант внутренней службы В.В. Зарубин; вторую подпись без возражений поставила сотрудница ЗАГСа. Бракосочетание свершилось. Однако перед тем, как остаться наедине с законным супругом, Светлане предстояло пройти еще одну унизительную процедуру. Контролерша (прапорщица Л.И. Давиденко) раздела ее донага и стала проверять, не спрятала ли она на себе что-либо недозволенное, в первую очередь деньги.

Молодожены провели вместе три дни и три ночи. «Три дня счастья», – говорила потом Светлана. Комната, предназначенная для свиданий, была небольшая, но уютная и теплая, с большой двуспальной кроватью. За окном же стоял лютый колымский мороз, температура в те дни опускалась почти до минус 65° по Цельсию. Светлана привезла кучу продуктов, и можно было съесть бутерброд с икрой и запить лимонадом. В первый раз со дня ареста он наелся досыта и как следует выспался. А потом начались рассказы. Только теперь он впервые узнал о том, что, собственно, произошло за минувший год. Опасаясь, что комната прослушивается, Светлана шепотом рассказывала ему о здоровье Лидии Владимировны, о письмах в его защиту, о выступлениях Льва Копелева в Западной Германии, о «вражеских голосах»… И, само собой, о друзьях, проявивших чудеса героизма, спасавших его архив, библиотеку, картины, самоотверженно заботившихся о Лидии Владимировне.

Через три дня им пришлось расстаться. Возвращаться в барак после комнаты свиданий

было для него (впрочем, как для любого зэка) испытанием не из легких. А Светлана провела в Сусумане еще один день. Вечером она подъехала к зоне и стала искать пакет с перстнем и тетрадкой. Почти целый час, при температуре минус 60, она бродила вдоль забора в глубоком снегу и все не могла отыскать пакет; она страшно замерзла и уже было решила, что пора закругляться и махнуть рукой на свадебный подарок, но в последний момент увидела его – пакет лежал у забора, припорошенный снегом. Раскрыв его, она поняла, почему так долго не замечала: тетрадки с жалобой в нем не оказалось, был только перстень. Вероятно, солагерник посмотрел тетрадь и решил не рисковать: одно дело «гайку» пронести, совсем другое – жалобу. А может, просто отнес ее в оперчасть. Для работ за периметром использовались в основном проверенные…

Но это еще не все. Забрав перстень, Светлана положила на его место книгу. Константин заранее написал Светлане о том, что хочет сделать подарок одному из своих лагерных друзей, желательно – книгу Стругацких. Но как и где достать книгу? В то время это было непосильной задачей и для обычного человека, не то что для «химички», появившейся на два дня в Ленинграде. На помощь пришла писательница Нина Катерли, ученица Бориса Стругацкого. Она объяснила автору, в чем дело, и он охотно дал один авторский экземпляр. Это был сборник «Неназначенные встречи».

Согласно договоренности, Светлана вложила в книгу 50 рублей и сунула в тот же пакет. На следующий день расконвоенный вышел на работу, а вечером, возвращаясь, забрал пакет и принес на зону. Он передал его Куцерубову, но денег в книге, конечно, не оказалось. «Не было никаких денег!» Тем не менее книга осчастливила Эдика. А перстень до сих пор хранится у Азадовских и представляет собой одну из драгоценных семейных реликвий. Светлана же возвращалась на «материк», ее ждал тяжкий труд условно освобожденной…

Когда – под крылом – добежит земля
К взлетному рубежу,
Зажмурь глаза и представь, что я
Рядом с тобой сижу.

Пилот на табло зажег огоньки,
Искусственную зарю,
А я касаюсь твоей руки
И шепотом говорю:
– Помолимся вместе, чтоб этот путь
Стал Божьей твоей судьбой.
Помолимся тихо, чтоб где-нибудь
Нам свидеться вновь с тобой!

Я твердо верю, что будет так, —
Всей силой моей любви!
Твой каждый вздох и твой каждый шаг,
Господи, благослови!

И слухам о смерти моей не верь, —
Ее не допустит Бог!
Еще ты, я знаю, откроешь дверь
Однажды – на мой звонок!

Еще очистительная гроза
Подарит нам правды свет!
Да будет так!
И открой глаза:

Моя – на ладони твоей – слеза,
Но нет меня рядом, нет!

А. Галич. «Песенка-молитва», 1972

Противостояние

Наступающий 1982 год, который Азадовский встречал со сдержанным оптимизмом, достаточно быстро показал, что легкой жизни не будет. События стали разворачиваться по сценарию, который в конце минувшего года никак не угадывался. Дело в том, что 14 сентября 1981 Президиум Верховного Совета СССР принял указ об амнистии в отношении осужденных по так называемым «легким» статьям, к которым относилась и статья 224-3. И уже в ноябре – декабре 1981 года «административные» и «наблюдательные» комиссии, которые создавались для решения таких вопросов при каждом исправительно-трудовом учреждении, стали рассматривать дела осужденных. Колония постепенно редела. Некоторых освобождали «подчистую», однако большинство уходило на «химию».

Азадовский сомневался, что его вызовут на комиссию. Для досрочного освобождения, согласно Указу, требовалось отбыть не менее трети назначенного срока – эта «треть» у него исполнилась в момент прибытия в Сусуман. Но было и другое требование: администрация должна была расписаться в том, что осужденный «встал на путь исправления», не нарушал режима содержания, участвовал в тех или иных «общественно полезных» мероприятиях… Зная обо всем этом, Азадовский с самого начала взял за правило не конфликтовать с администрацией. Он соблюдал все предписанные «режимом» правила, аккуратно носил зэковскую форму, заправлял постель, содержал в чистоте тумбочку и т. д. В октябре 1981 года он даже вступил в «общеобразовательную секцию», надеясь, что его смогут использовать в школе при ИТК-5 как преподавателя иностранных языков. В колонии работала и другая секция – культурно-массовая (КМС), проводившая своего рода «клубные мероприятия». Однако ни школе, ни библиотеке, ни клубу его знания и опыт так и не потребовались.

Первое время после отъезда Светланы его жизнь, казалось, шла своим чередом. Он по-прежнему работал в швейном цехе, исправно ходил на политинформации, бессмысленно отнимавшие время, писал письма, а в остававшиеся часы с наслаждением читал десятитомное собрание сочинений Лескова, оказавшееся в лагерной библиотеке.

Надо сказать, что Азадовский уже не раз задумывался о своем освобождении раньше срока и даже допускал вероятность, что ему, как и Светлане, удастся выйти по крайней мере на «химию». На досрочное освобождение «подчистую» надеяться не приходилось по той простой причине, что без признания вины, которую «доказало» следствие и утвердили суды двух инстанций, сусуманский суд не стал бы даже рассматривать его ходатайство.

Но тут его одолевали сомнения. И на этапе, и на зоне мнение о «химии» было достаточно консолидированным: ужасные бытовые условия, а работа, как правило, до того невыносима, что зэки придумывают разные способы, чтобы вернуться на зону. Он знал, что в большой город, такой как Магадан или Хабаровск, его не направят и он мог оказаться в каком-нибудь захолустном леспромхозе или на лесосплаве в тайге или, как вариант, на недостроенном участке БАМа. На этих «стройках народного хозяйства» царили в большинстве случаев пьянство и беспредел. Но «химия» имела для него и привлекательную сторону, поскольку давала некоторые вольности, которых он был полностью лишен на зоне: бесцензурную переписку, ничем не ограниченные телефонные разговоры с мамой и друзьями, отпуск и даже возможность договориться о законном отъезде (чем сумела воспользоваться Светлана). Как поступить? В ноябре 1981 года он делился со Светланой своими опасениями, спрашивал ее совета.

И вот 22 января 1982 года Азадовский узнает, что администрация колонии готова отправить его на «химию».

Вчера, – сообщает он Светлане на другой день, – меня вызывали на административную комиссию, которая в конце концов приняла решение отправить меня на стройки народного хозяйства, точнее – ходатайствовать об этом перед следующей инстанцией. Таких инстанций, как ты знаешь, впереди еще две. Что из всего этого получится, не знаю.

Перед комиссией, о которой я, в сущности, узнал только накануне, я еще раз взвесил все «за» и «против» относительно «химии», все плюсы и минусы. Плюсов оказалось больше. Главный же довод, которым я руководствовался, это, конечно, мама (то есть возможность увидеться с ней как можно раньше). Ради этого я готов на все.

Однако через несколько дней ситуация радикально меняется. Один из солагерников, В.С. Седлецкий, доверительно сообщает Азадовскому, что зону посетили два человека («явно приезжие»), которые беседовали с ним, Седлецким, а также с другими заключенными. Вопросы, которые они задавали, касались исключительно взглядов и настроений Азадовского: как он себя держит, с кем общается, что рассказывает о своих друзьях в Ленинграде, какие ведет разговоры и т. п.

После этого начались события, о которых можно узнать из жалобы Азадовского в ЦК КПСС, датированной 15 февраля 1982 года:

22 января 1982 г. я был вызван на административную комиссию. Поскольку за 13 месяцев, прошедших после моего ареста, я не имел никаких нарушений режима содержания и добросовестно относился к своим обязанностям на производстве, комиссия рекомендовала направить меня на стройки народного хозяйства. Однако через несколько дней после состоявшегося решения в колонии появились лица, назвавшие себя сотрудниками КГБ (один – приезжий из Ленинграда, другой – местный); вызывая для беседы осужденных, воздействуя на них, они пытались собрать дискредитирующий меня материал. Кроме того, они оказали давление на администрацию колонии, которая – ввиду предстоящей наблюдательной комиссии – оформила мне в течение трех дней (1–3 февраля) три! нарушения режима содержания. Каждое из этих нарушений, якобы совершенных мной, является надуманным и необоснованным, противоречит Правилам внутреннего распорядка ОИТУ МВД СССР и Исправительно-трудовому кодексу РСФСР. Цель действий, предпринятых администрацией ИТК-5, совершенно ясна: представить меня на следующей комиссии как злостного нарушителя, систематически нарушающего режим содержания. По поводу этих незаконных и недостойных действий администрации я обратился 3 февраля 1982 г. с заявлением в Прокуратуру г. Сусумана и в ОИТУ УВД Магаданской области; однако заявление мое осталось без ответа.

Совершенно ясно: делу о досрочном освобождении из колонии был дан обратный ход, и притом решительно.

Какие же проступки, совершенные осужденным Азадовским, побудили администрацию превратить его в «злостного нарушителя»? Попробуем восстановить события тех дней по сохранившимся черновикам его протестов и жалоб.

Два первых взыскания были наложены на Азадовского по той причине, что его якобы навещали осужденные из других отрядов. Ходить из барака в барак действительно запрещалось, на эти вольности требовалось разрешение отрядника или дежурного помощника начальника колонии (ДПНК). Опротестовывая это решение администрации, Азадовский указывал, что в первом случае осужденные заходили в барак вообще не к нему, а к другим лицам. Что касается второго случая, то осужденные из другого отряда, объяснял Азадовский, находились у него «в рассечке» с разрешения прапорщика Климчука Н.А., «который спустя несколько часов тем не менее составил рапорт о моем “нарушении”… Акт за подписью “Климчук” я видел собственными глазами. Между тем сам Климчук

утверждает, что он никакого рапорта не писал».

1 февраля 1982 года капитан Галкин производит у Азадовского обыск, так сказать, в индивидуальном порядке. В результате, пишет Азадовский, «у меня было изъято два листа бумаги. На одном из них был черновой набросок жалобы осужденного Сколодчука (в акте этот документ вообще не упомянут). На другом – стихотворение английского поэта XVII века Дж. Бэньяна. (Оба листа мне до настоящего времени не возвращены; изъятие их считаю необоснованным.)»

Успешно проведя обыск, капитан Галкин оформляет Азадовскому «нарушение режима содержания». Причина, согласно акту, – «антисанитарное состояние тумбочки».

> Желая подкрепить акт капитана Галкина другими документами, – пишет далее Азадовский, – администрация вызвала на следующий день вечером дневального первого отряда осужденного Коровкина, который присутствовал при обыске, выполняя функции понятого. Старший лейтенант Горщак и старший лейтенант Черненко требовали от него подтверждения тем данным, которые изложены в акте капитана Галкина. Однако, несмотря на оказанное на него давление, осужденный Коровкин отказался писать под диктовку и написал лишь то, что соответствует действительности.

В начале февраля ситуация еще более обостряется. Ее динамику можно проследить по письмам к Светлане.

5 февраля:

> За последние два дня мне было оформлено сразу несколько нарушений режима содержания; одно из них касается тебя, Светулик: лишение очередного длительного свидания.

Дальше – больше. 8 февраля:

> Мне оформили здесь еще одно нарушение – выговор!! И еще одно – лишение отоварки!!.

«Отоварка» – это возможность «отовариваться», пользоваться магазином колонии, где осужденный мог раз в месяц (на деньги с собственного счета) приобрести кое-какие продукты, в том числе и наиболее ценный из них – чай. Для колоний общего режима (статья 62 ИТК РСФСР) был установлен лимит разрешенных покупок в сумме не более 7 рублей в месяц. Впрочем, лишение «отоварки» предусматривалось за мелкие нарушения. А за более серьезные – лишение бандероли (их дозволялось получать две в год) или же пятикилограммовой посылки с продуктами (по отбытии половины срока кодекс дозволял осужденному три посылки или передачи в течение года) или – самое тяжкое – лишение очередного свидания с родными. Именно эти меры и были применены к Азадовскому.

12 февраля:

> Посылку и бандероль для меня собирать не надо – я лишен всего этого специальным постановлением.

В связи с этим «нарушитель» многократно обращается в прокуратуру Сусумана (3 февраля, вторично – 10 февраля, в третий раз – 2 марта) и просит прокурора по надзору за местами лишения свободы явиться к нему. Мотивировка – претензии по поводу незаконно оформленных ему нарушений. Все заявления он отправляет официально, регистрируя их в спецчасти колонии. Однако прокуратура не реагирует.

Чем была вызвана такая перемена и та явная нервозность, с которой действовало руководство колонии? Объяснение может быть только одно: информация о планах начальства – выпустить Азадовского условно-досрочно и тем самым снять с себя

ответственность за беспокойного осужденного – вышла за пределы колонии и, попав в иные сферы, встретила там явное неодобрение. Иначе говоря, инициатива администрации колонии не получила поддержки той инстанции, за которой было последнее слово. Не исключено, что в той же инстанции попросту «прохлопали» сусуманскую свадьбу, и именно это событие вкупе с решением отпустить Азадовского на «химию» стало поводом для «принятия мер».

Можно предположить, что освобождение Азадовского после двух лет заключения вообще не входило в первоначальные планы тех, кто обрек его на жизнь зэка. И хотя такая версия может кому-то показаться «конспирологической», дальнейшие события определенно указывают на то, что решение «попридержать» Азадовского на сусуманской зоне если и не было принято, то, во всяком случае, вынашивалось.

Так в начале 1982 года после ряда формальных процедур Азадовский превращается в «злостного нарушителя режима содержания». Эту эволюцию еще недавно примерного заключенного доносят до нас его жалобы, которые он чуть ли не веером начнет рассылать по магаданским инстанциям в марте – апреле.

Полагая, что только голос общественности может помочь ему предотвратить драматическое развитие событий, Азадовский ставит Светлану (и через нее – друзей) в известность о надвигающейся опасности.

26 февраля:

> Что касается моих дел и их разрешения, то главное сейчас – активность наших депутатов. Возможно, именно сейчас (т. е. вскоре) потребуется еще одно письмо в мою защиту от ленинградских писателей и ученых (в сущности – прежних ходатайств по другому адресу и с упоминанием о некоторых новых факторах). Но обо всем этом я тебе еще дам знать.

Поясним, о каких «депутатах» идет речь. Во время свидания Светлана сообщила Азадовскому, что его делом обеспокоился известный ленинградский поэт М.А. Дудин, член Верховного Совета РСФСР; как раз в 1981 году он получил Государственную премию СССР, и его фамилия постоянно мелькала в газетных заголовках. После разговора с некоторыми ленинградскими писателями, друзьями Азадовских, Дудин выразил готовность оформить так называемое «личное поручительство», что дало бы Азадовскому возможность претендовать на условно-досрочное освобождение, причем с немалыми шансами на успех. Рекомендации членов Верховного Совета РСФСР и СССР обычно принимались во внимание. (Особенно нужно отметить помощь, которую оказал в этой попытке помочь Азадовским Кирилл Васильевич Чистов – историк, этнограф и фольклорист.)

Ситуация же вокруг Азадовского все более обострялась. Азадовский чувствовал, что петля вокруг его шеи начинает затягиваться. Сотрудники колонии, которые вели себя с ним до этих событий нейтрально, а порой и сочувственно (вспомним отрядника В.В. Зарубина), резко переменились. Даже блатные, которые хотя и не держали Азадовского за своего, но как-то уже свыклись с ним, стали иначе на него посматривать. К нему стали подходить со странными разговорами, пытались вызвать на откровенность, искали поддержку в откровенно антисоветских высказываниях… Словом, заваривалось что-то явно нехорошее. Лишение очередной, столь вожделенной пятикилограммовой посылки казалось мелочью на фоне остальных напастей. Дело сводилось уже не столько к «химии», сколько к реальной возможности провести на зоне еще год-другой.

Приведем отрывок из записок Александра Подрабинека, описывающего свои мытарства в якутском лагере в те же самые месяцы:

> Мой первый срок в ПКТ [помещение камерного типа – для нарушивших условия содержания. – *П.Д.*] поначалу показался мне просто эпизодом лагерной жизни. Вероятно, начальство колонии решило перестраховаться, думал я, и запрятало меня туда, где я всегда буду у них на виду. Но я ошибся, не сразу поняв их намерения. Я исходил из того, что, закрыв меня в лагерь, КГБ посчитало свою

задачу выполненной. Тут я их недооценил…

Довольно скоро Азадовский перестал нормально спать – мысль о втором сроке, который вот-вот будет оформлен процессуально, начала обретать реальные очертания и вконец извела его.

Он продолжает действовать, используя единственное доступное ему средство защиты: бумагу и перо. 15 февраля 1982 года он направляет в Особый отдел ЦК КПСС цитированную выше жалобу, которая уже не слишком похожа на жалобу осужденного по 224-й статье УК. Автор этого многостраничного послания демонстрирует качества, которые были в нем и раньше, но окрепли и развились благодаря его жизненной ситуации – прямолинейность, решительность, упрямство. Вместе с тем нельзя не заметить, что суждения Азадовского относительно своего уголовного дела за истекший период сильно эволюционировали. На следствии и суде он хотя и допускал мысль об участии КГБ, но все-таки лишь в качестве дополнения к другим обстоятельствам. Коммунальные дрязги и конфликт в Мухинском училище казались ему «локомотивом» всего дела. Однако пребывание в Крестах, этап на сусуманскую зону и особенно история с январскими визитерами заставили его переосмыслить все происшедшее: он убедился в том, что в его судьбе действует одна главная сила, которая контролирует и направляет прочие события. И именно теперь он окончательно убедился в том, что и арест Светланы – также часть этого дьявольского замысла.

Приведем еще один принципиально важный фрагмент из жалобы Азадовского в ЦК КПСС от 15 февраля, впоследствии получившей распространение в самиздате:

> …Решение «посадить» меня было принято ленинградскими органами МВД и КГБ задолго до моего ареста. В течение 1979–1980 гг. сотрудники этих органов систематически наблюдали за мной и, пытаясь собрать дискредитирующий меня материал, вызывали и расспрашивали обо мне отдельных граждан…
>
> О том, что решение «наказать» меня было принято еще до моего ареста, дал понять аудитории следователь Каменко Е.Э., выступая 13 февраля 1981 г. на расширенном заседании Совета и партактива Училища им. В.И. Мухиной, где я до конца 1980 г. работал в должности заведующего кафедрой иностранных языков…
>
> Не собрав никаких порочащих меня материалов, сотрудники МВД и КГБ (?) произвели 19 декабря 1980 у меня на квартире по месту моего жительства обыск, который считаю незаконным…
>
> На предварительном следствии и в ходе судебного заседания я дал подробные показания о том, как протекал обыск в моей квартире. Сотрудники, производившие обыск, интересовались исключительно моей библиотекой, моими научными и литературными трудами (в рукописях), бумагами личного порядка, перепиской и т. д. Поиском наркотиков никто не занимался…
>
> В моих показаниях на следствии и в суде подробно описан также тот момент, когда я обнаружил действия л-та Хлюпина Н.Н., пытавшегося подложить пакет с анашой на полку с книгами. Хочу подчеркнуть, что показания всех трех свидетелей (двух понятых и самого Хлюпина), которые суд использовал как основное доказательство моей вины, полностью опровергают друг друга, не совпадая в наиболее существенных деталях. Оба понятых, например, заявляют, что не видели, как и когда Хлюпин извлек из-под книг наркотик. Описание того, как это происходило, выглядит в показаниях понятых и в показаниях самого Хлюпина совершенно различно…
>
> Кроме того, в ходе обыска был совершен ряд грубых процессуальных нарушений. Имею в виду насильственные действия в отношении меня со стороны л-та Быстрова, а также искажение протокола обыска (обыск производили 5 человек, тогда как в протокол занесены фамилии только двух из них) и др…
>
> Характерно, что вопрос о том, с какой целью мог я приобретать или хранить у себя дома анашу, был полностью исключен из рассмотрения как следствием, так и судом. Подготавливая мой арест, сотрудники ленинградских органов основывались лишь на том единственном обстоятельстве, что в 1969 (!) г.

я привлекался в качестве свидетеля по делу Славинского Е.М…

Считаю нужным отметить, что в разговорах со мной работники МВД не пытались скрыть или отрицать факт подлога. Например, капитан Арцибушев, производивший обыск, заявил мне 19 декабря 1980 г. в помещении РУВД Куйбышевского р-на, что он лишь «выполнял распоряжение», которое ему самому «не по душе», а следователь Каменко, когда я 20 декабря говорил ему об истинных обстоятельствах ареста Лепилиной, сказал, снисходительно улыбаясь, что все это «недоказуемо» и этому «никто не поверит». В этот же день… следователь заметил, что «дело не в наркотиках, а в контактах», имея в виду мои официальные и частные контакты с иностранными гражданами…

Перечень конкретных нарушений, допущенных следственными органами и судом, может быть значительно расширен. Но и на основании изложенных выше фактов нетрудно сделать основной вывод: следствие и суд действовали крайне тенденциозно и, выполняя решение органов КГБ «наказать» меня, стремились не к выявлению истины, а напротив – к ее искажению.

То, что инициатива в создании против меня искусственного обвинения принадлежит именно органам КГБ, представляется мне бесспорным. В течение 1980 г. ряд лиц в г. Ленинграде предупреждали меня о том, что в органах КГБ готовится против меня какая-то акция… Причастность КГБ к моему делу подтвердилась в последние полгода в ИТК-5 Магаданской области, где я нахожусь с 21 августа 1981 г.

…Для какой цели понадобилось ленинградским органам КГБ и МВД осудить Лепилину и меня за преступление, которого ни она, ни я не совершали? Каковы истинные причины этих двух уголовных дел (в сущности – одного уголовного дела)? И наконец: как и почему стало в Ленинграде возможным организовать и узаконить подобное дело?

…Мой арест и выдвинутое против меня нелепое обвинение в приобретении наркотиков вызвали широкую волну возмущения научной и литературной общественности в СССР и за рубежом. Тогда, стремясь как-то оправдать и обосновать свои незаконные действия, организаторы «дела Азадовского» перенесли центр тяжести на идеологическую сторону (которой, впрочем, с самого начала отводилась существенная роль). На всех уровнях и во всех инстанциях, имеющих отношение к моему уголовному делу, стали распространяться утверждения о том, что я – «антисоветчик», человек «чуждых взглядов», что я веду «аморальный» образ жизни или «двойную жизнь», что я связан с иностранцами, что мои контакты с ними носят преступный характер, и т. д. и т. д.

Но никаких конкретных фактов, подтверждающих такого рода мнения обо мне, работники КГБ привести, разумеется, не могли и ограничивались в основном многозначительными намеками. В результате вопрос о необходимости осудить Лепилину и меня был согласован и решен в г. Ленинграде на всех уровнях: в партийных и судебных органах и даже в Прокуратуре. Вполне естественно, что поданные мной жалобы (и кассационная, и надзорная) не имели и не могли иметь никакого эффекта.

По поводу предъявляемых мне (в основном – закулисно) обвинений идеологического порядка считаю нужным пояснить следующее. В течение ряда лет я действительно встречался с коллегами из-за рубежа и с официальными представителями Запада в нашей стране. По образованию своему я – филолог-западник, многие из моих статей и книг печатались и печатаются в настоящее время на Западе. Все это делалось и делается совершенно легально; своих занятий и контактов я никогда и ни от кого не скрывал; я знал, что органы КГБ проявляют ко мне известный интерес, но относился к этому спокойно, ибо ничего предосудительного и тем более преступного в моих знакомствах и связях не было. Мне хорошо известны советские законы, и я их всегда соблюдал.

По поводу моих «взглядов». Хочу подчеркнуть, что я – хотя на некоторые вещи и смотрю критически – никогда не позволял себе никаких публичных высказываний или заявлений. В своих общественных выступлениях, как и в личных разговорах, с кем бы они ни велись, я всегда стремился отстаивать

> достоинство и культуру своей страны. Я считал и считаю себя русским советским ученым и литератором, а потому незаконная и недостойная кампания, развернутая против меня отдельными сотрудниками КГБ, является двойной несправедливостью…
>
> Я ни в чем не виновен и осужден безвинно, за преступление, которого не совершал!
>
> Обращаюсь в ЦК КПСС с убедительной просьбой:
>
> 1. Сделать запрос в Комитет Государственной Безопасности о фактах, которые мне реально инкриминируются. Ознакомить меня с этими фактами, чтобы я мог их либо признать, либо опровергнуть (так как я не исключаю возможности фальсификации).
> 2. Взять под контроль прохождение моей надзорной жалобы в Прокуратуре РСФСР. Исключить подспудное вмешательство ленинградских сотрудников КГБ при рассмотрении жалобы.
> 3. Обратить внимание ОИТУ МВД РСФСР на незаконные действия, которые осуществляет в отношении меня администрация ИТК-5 Магаданской области.
> 4. Способствовать скорейшей отмене приговора в отношении меня и моей жены, С.И. Лепилиной.
>
> Прошу помощи и защиты!

Ситуация тем временем усугублялась. Из писем к Светлане:
2 марта:

> На днях здесь произошел возмутительный инцидент – приходил адвокат, к нему мог обратиться любой осужденный. Я заранее сделал заявление, что мне нужно с ним переговорить. Однако была разыграна комедия, в итоге которой меня к нему не допустили.

4 марта:

> Сусуманского прокурора не было, и я – в связи с некоторыми новыми обстоятельствами – направил ему 2 марта еще одно (уже третье! за один месяц) заявление с просьбой немедленно вмешаться в действия администрации…
>
> Вторая комиссия (наблюдательная) состоялась вчера. «На химию» я, разумеется, не прошел. Подал председат[елю] комиссии (зам. председателя Сусуманского горисполкома) подробное заявление, в котором просил: 1) Внимательно изучить все материалы о “нарушениях”, якобы допущенных мной 31 января – 3 февраля с.г., и решить вопрос о их законности; 2) Довести до сведения прокурора г. Сусумана содержание настоящего заявления; 3) Рассмотреть вопрос о моем условно-досрочном освобождении (УДО).
>
> Председатель наблюдательной комиссии заверил меня, что заявление будет разобрано и что я получу ответ в установленный законом срок (т. е. до 3 апреля).

На другой день – новое обращение в местную прокуратуру (прокурору по надзору за действиями органов МВД и КГБ):

> Положение мое в колонии в настоящий момент является критическим. С 3 февраля с.г. я тщетно добиваюсь встречи с прокурором по надзору (за месяц я трижды обращался в прокуратуру г. Сусумана). Я был лишен возможности консультироваться с адвокатом (26 февраля в колонии проводил прием для осужденных юрист Рябов, однако, несмотря на заранее сделанное мной заявление, администрация не допустила меня к нему). Руководители колонии уклоняются от встреч со мной, не позволяя мне при этом отправлять из колонии мои жалобы и ходатайства (в ЦК КПСС и другие инстанции).
>
> Руководствуясь ложными сведениями обо мне, полученными от ленинградских органов КГБ, оперчасть колонии составляет на меня «досье»,

вызывает осужденных и требует от них данных о моих контактах в колонии и моих разговорах. Мне инкриминируются слова и поступки, которые я не произносил и не совершал. Вся моя переписка контролируется не столько цензором колонии, сколько сотрудниками КГБ; часть писем (моих и ко мне) произвольно изымается.

В последние недели имели место провокационные действия против меня со стороны осужденных (26–27 февраля произошел инцидент в столовой, в результате чего я был вынужден дважды отказаться от приема пищи).

У меня есть все основания предполагать, что администрация – под давлением извне – производит сбор материалов с тем, чтобы возбудить против меня новое уголовное дело.

В этой ситуации возникает вопрос о целесообразности содержать меня дальше в ИТК-5. Конфликт между мной и администрацией углубляется с каждым днем…

Убедительно прошу рассмотреть и решить вопрос о возможности моего дальнейшего пребывания в ИТК-5.

Из писем к Светлане:
17 марта:

Сусуманский прокурор еще не приходил, но мне обещано – придет на следующей неделе. Ссылаются на его «занятость», но дело, конечно, не в этом.

24 марта:

Как ты уже знаешь, прокурор по надзору г. Сусумана т. Нейерди приходил ко мне 18 марта. Я вручил ему свою жалобу от 10–23 февраля, заявление от 5 марта (оно касается моего нынешнего положения в колонии: ставлю вопрос о возможности дальнейшего моего пребывания в ИТК-5). Кроме того, я дал ему для ознакомления текст моей жалобы в ЦК КПСС. Он обещал прийти ко мне для разговора на этой неделе. Покамест не приходил.

В том же письме – некоторые подробности жизни за колючей проволокой:

…Администрация колонии продолжает свою политику в отношении меня. В марте я был лишен совершенно безосновательно отоварки на 4 руб. (якобы я не своевременно встаю при подъеме). Сейчас собираются оформлять очередное нарушение по поводу того, что я заходил в помещение другого отряда к осужденным за журналами («Вопросы литературы» и «Вопросы философии»). Но самое главное в том, что, несмотря на мои неоднократные протесты, по колонии продолжают циркулировать слухи, порочащие меня как личность и как гражданина СССР. Об этом я пишу (ссылаясь на конкретные случаи и факты) почти во всех своих жалобах и заявлениях.

И еще одно важное добавление, в том же письме:

То, что мои осложнения в колонии – дуновение… с берегов Невы, я не только знаю, ибо это нетрудно понять, но знаю потому, что много общался за последние недели с офицерами колонии, вольными мастерами и т. д.

29 марта:

У меня был 24 марта прокурор по надзору из прокуратуры Магаданской области [А.А. Нейерди]. В течение двух с половиной часов я рассказывал ему о моем (т. е. о нашем) деле. Ничего обнадеживающего он мне, впрочем, не сказал. К 2 апреля, а может, и раньше, будет официальный ответ на мои жалобы в Сусуманскую прокуратуру и в ОИТУ УВД Магаданской области. Кроме того,

рассчитываю получить ответ на мое заявление в прокуратуру от 5 марта, в котором я прошу рассмотреть вопрос о возможности (в смысле – невозможности) моего дальнейшего пребывания в ИТК-5. Я просил прокурора, чтобы меня «закрыли» на 6 месяцев в ПКТ – это единственная возможность избежать контактов с осужденными, которых администрация науськивает на меня и из которых вытягивает всеми способами «показания».

14 апреля (день возвращения Светланы из Горького в Ленинград):

Ответа из Сусуманской прокуратуры, как и из ОИТУ УВД Магаданской области еще не поступало. Если будет отказ, напишу (о нарушениях, незаконно мне объявленных в феврале и другое) на имя министра МВД СССР тов. Н.А. Щелокова. Слишком уж явный, очевидный и доказуемый характер носит это очередное допущенное в отношении меня беззаконие в феврале, определившее и нынешнюю позицию администрации (агрессивную позицию!).

Ситуация сильно тревожила и ленинградских друзей. Было ясно, что Азадовский не преувеличивает возможность того, что его попытаются задержать на зоне. «Депутат» тем временем уклонился от конкретных действий (впоследствии станет известно, что как раз в те недели с ним тоже «беседовали» в Союзе писателей и объяснили, что его вмешательство в данном случае будет рассматриваться как «неуместное»). Зато совершенно иначе повели себя доктора филологических наук и члены Союза писателей СССР Б.Я. Бухштаб, Л.Я. Гинзбург, Д.Е. Максимов и др., к ним присоединился и К.В. Чистов, избранный 29 декабря 1981 года членом-корреспондентом АН СССР и с радостью употребивший свое новое звание во благо.

«Ты уже, вероятно, знаешь, – писала сыну Лидия Владимировна 10 апреля 1982 года, – что 1-IV ушло в ЦК письмо от группы ученых. Оно небольшое, 1½ страницы, но очень фундаментальное и добротное. Подписано 7 лицами, ты всех знаешь…». (К сожалению, текст этого обращения мы не смогли разыскать.)

Для Азадовского же ситуация нарастала и становилась совсем невыносимой. Он постоянно думал о том, что бы еще предпринять, дабы заставить администрацию полностью изолировать его от окружающих – любой контакт мог обернуться новым письменным заявлением о его «взглядах» или новым конфликтом. Оперчасть колонии (ее возглавлял майор внутренней службы с фамилией Потайчук) вела себя все более топорно: вызывала осужденных, задавала вопросы и требовала «бумагу», обещая за это скорейшее освобождение… Складывается впечатление, что от администрации колонии настойчиво требовали оснований для процессуальных действий в отношении осужденного.

Из писем к Светлане:

20 апреля:

Встреча наша может отложиться [имеется в виду встреча в декабре 1982 года. – *П.Д.*], поскольку на этот счет администрация опять-таки имеет «указания»…

Факты, коими я располагаю, я изложил прокурору из Магаданской облпрокуратуры и капитану Кондратюку (из ОИТУ УВД Магаданского облисполкома). Об этом же я писал и в моем заявлении в сусуманскую райпрокуратуру от 5 марта. На этом же основании (главным образом – на этом основании) я требовал и требую, чтобы меня либо изолировали на весь оставшийся срок (в ПКТ или ШИЗО), либо перевели на другую зону.

29 апреля:

Положение мое в колонии – без изменений. Я буду на днях решительно вновь ставить вопрос о том, чтобы меня «закрыли» на весь оставшийся срок в

ШИЗО или ПКТ. Находиться в отряде и вести обычный для колонии образ жизни более невозможно.

В тот день, когда было написано это письмо, на зону опять явился зампрокурора Сусуманского района Александр Альфредович Нейерди (он же – прокурор по надзору, в будущем – прокурор Магаданской области), о чем Азадовский писал на следующий день, 30 апреля:

> Я был у него, получил обратно первый вариант своей жалобы в ЦК и задал ему ряд вопросов, касающихся моего положения в колонии. Он не стал обсуждать со мной всю эту проблематику, сославшись на то, что моей жалобой и моими делами занимается сейчас не он, а прокурор по надзору за местами лишения свободы из Магаданской облпрокуратуры…
>
> Прокурор сказал мне также, что считает возможность второй судимости, лишенной реального основания (т. е. сфабрикованной), маловероятным делом. Это меня несколько успокоило.

«Спокойствие» длилось недолго; каждый день он получал все новые подтверждения тому, что его не оставляют в покое. В первые дни мая он понял, что нужно действовать, иначе развитие событий, наметившееся еще в феврале, станет необратимым.

Ранним утром 5 мая, до выхода на работу, он написал письмо Светлане – довольно деловое и ровное – и поставил на нем дату 6 мая, рассчитав, что письмо окажется в Ленинграде приблизительно в середине мая и, значит, еще долгое время жена и мать будут думать, что у него все в порядке.

В тот же день в помещении швейного цеха Азадовский вскрыл себе вены.

ШИЗО и больничка

Суицид – норма лагерной жизни. И если на воле это воспринимается как чрезвычайное происшествие, то для жизни заключенных в таком факте нет ничего удивительного. Потрясения, связанные с арестом, следствием и судом, мир размером с тюремную камеру, этап и беспредел конвоя, непосильный для многих физический труд, безнадежно тягостный лагерный быт, борьба за выживание и отношения с солагерниками, криминальная иерархия, в которой не каждому удается найти свое место, – все это зачастую приводит к попыткам самоубийства. Заключенные калечат себя, глотают иголки и прочие металлические предметы, морят себя голодом, а то и просто вскрывают вены или лезут в петлю. «Психика не выдержала», – сочувственно говорят в таких случаях те, кто знаком с этой формой человеческого существования.

Но все это вряд ли можно отнести к Азадовскому. Конечно, с января по май 1982 года ему пришлось пережить немало тяжких минут, но до отчаяния, казалось, было далеко. Испытанный способ – писание жалоб – был бесполезен, потому что надзорные инстанции упорно не реагировали. Он все искал и не находил выхода из замкнутого круга, который неумолимо сужался. Ситуация подвела его к решению, которое казалось ему единственно верным.

Тем не менее его поступок не был вызван желанием расстаться с жизнью. Скорее можно предположить обратное: это было желание ее спасти.

Впоследствии Генриетта Яновская вспоминала:

> Костя со Светой постоянно переписывались. Он уже был на зоне, и вдруг она мне звонит и сообщает, что приехал «человек с зоны», говорит, что от Кости и что ему шьют новое «дело». Приехали на зону двое, всех зэков расспрашивают и обещают скостить срок за дачу показаний против Кости. А мы не понимаем, правда это или провокация?..
>
> Я еду в Москву к прокурору, попадаю на прием, у меня от Л.В.

> доверенность, что я имею на это право. Объясняю ему про тех двоих, нам, мол, сообщили, и требую объяснений. На голубом глазу он меня спрашивает: «А что вы так нервничаете? Он же жив?» – «Пока!» – говорю я зловеще. Потом я узнаю, что Костя отправлен в ШИЗО, штрафной изолятор, за попытку самоубийства: он резал себе вены. Когда я его потом спрашивала, зачем он это сделал и не страшно ли ему было, он мне сказал: «А выхода другого не было»…

После оказания осужденному Азадовскому необходимой медицинской помощи администрация составила акт об очередном нарушении режима содержания («членовредительство с целью уклонения от работы») и отправила «нарушителя» в штрафной изолятор, где он пробудет ровно месяц.

Оправдан ли был этот «крайний шаг»? Дальнейшее развитие событий побуждает нас ответить на этот вопрос скорее утвердительно. Ибо, вскрыв себе вены, Азадовский получил то, чего не мог добиться иными средствами, – полную изоляцию от «коллектива» на целый месяц. Создается впечатление, что этот поступок был хорошо продуман и на самом деле не представлял опасности для его жизни. Однако документы сообщают нам подробности, позволяющие усомниться в подобной версии. 25 августа 1982 года Азадовский писал в жалобе на имя прокурора Магаданской области:

> 5 мая в результате систематического и неоправданного притеснения со стороны администрации и руководства швейного цеха, где я в то время работал, я, находясь в состоянии психического аффекта и тяжелой депрессии, вскрыл себе вены на левой руке. Администрация истолковала мои действия как акт членовредительства, и я был водворен в штрафной изолятор на 5 суток. Через день срок моего пребывания в изоляторе был изменен на 15 суток. В связи с очередным припадком, который случился со мной в штрафном изоляторе, я вторично пытался порезать себе вены. Это послужило для администрации предлогом продлить мое пребывание в изоляторе до 30 суток.

То есть Азадовский, как можно видеть, предпринял даже не одну суицидную попытку. И если вскрытие вен в швейном цехе может кому-то показаться провокативным поступком, то попытка свести счеты с жизнью в камере штрафного изолятора, где он продолжил начатое стеклом от разбитой электрической лампочки, уже определенно походит на акт отчаяния и глубокой депрессии.

Итак, в общей сложности месяц штрафного изолятора. Если от притеснений со стороны окружающей его «среды» Азадовский действительно получил психологическую передышку, то условия содержания в «кандее» граничили с пыткой другого рода – физической: никакого питания, кроме воды и хлеба, раз в неделю миска тюремного бульона, отсутствие свежего воздуха, заиндевевшие бетонные стены камеры, ни малейшей возможности присесть в течение дня (предназначенная для сна деревянная лавка в шесть утра поднималась и наглухо закреплялась дежурным надзирателем, а вечером отстегивалась – ровно на восемь ночных часов). Все это никак не способствовало сохранению здоровья.

Со здоровьем же на самом деле начались проблемы – полтора года, проведенные в тюрьме, на этапе и в лагере, проявлялись все чаще, и местами весьма болезненно. Требовалась медицинская помощь. Именно поэтому в день освобождения из ШИЗО он сразу попадает на больничную койку.

«Если в аду может быть райский уголок, – резонно замечает Александр Подрабинек, – то это лагерная больница». Туда, «на больничку» (зэки не говорят «в больницу»), и попал 5 июня 1982 года Азадовский. Формально это была даже не больница сусуманской колонии, а примыкавший к ее территории отдельный корпус Центральной больницы Магаданского УВД, которая обслуживала не только учреждение АВ–261/5 (как официально именовалась ИТК-5 Магаданской области), но и прочие подразделения областного ОИТУ. Она была построена на месте той больницы, в которой в 1945 году лежал Варлам Шаламов.

Даже если не говорить о самой медицинской помощи, на больничке зэка ждет масса

вещей, о которых на зоне можно только мечтать: освобождение от работы, белое постельное белье, возможность выспаться, не говоря уже про еду – дают даже хлеб с маслом…

Но важнее другое: «на больничке» Азадовский познакомится с людьми, о которых будет всегда вспоминать с благодарностью. Первый – это магаданский строитель Эрик Исаакович Райский (1923–2009). После Гидротехнического института в Одессе, который он окончил в 1955 году, Райский был распределен в «Куйбышевгидрострой», где и работал мастером и начальником участка. Когда же в 1959 году вся гидросистема Куйбышевской ГЭС была введена в эксплуатацию, то одессит Райский переехал на Север. С 1961 года он работал в Магадане – начальником управления, главным инженером, начальником треста «Магадангорстрой»; в 1978 году защитил в Москве в МИСИ диссертацию «Совершенствование управления городским строительством на Крайнем Севере» и стал кандидатом технических наук, после чего заступил на пост главного инженера всего объединения «Северовостокстрой». Магаданская область была его вотчиной – он знал там всех.

Однако в конце 1970-х годов он вступил в конфликт с обкомом партии… В результате тот самый прокурор области, с которым он не раз парился в бане, дал санкцию на его арест. И на этом восхождение Эрика Райского по карьерной лестнице было навсегда закончено; обвиненный в хищении государственной собственности и причинении крупного ущерба государству, он получил 10 лет. Но поскольку он был серьезно болен (начал прогрессировать рассеянный склероз, и приговор Райский выслушал, стоя на костылях), отправлять его в тюрьму или на зону уже не имело смысла. Некоторое время он провел в магаданской тюрьме, участвуя в работе над строительными проектами в системе местного МВД, а когда совсем перестал ходить, был переведен в больницу областного ОИТУ в Сусумане. Двадцатилетние личные связи обеспечили ему относительный комфорт и в магаданской тюрьме, и в сусуманской больнице.

Но главным в Эрике были другие качества, которые отличают многих одесситов и так редки на Колыме, – юмор, доброжелательность, интерес к другим людям; кроме того, он уже в 1970-е годы получил на Севере известность в качестве интеллектуала, и оставленные им мемуары рисуют его действительно как незаурядного человека. Член партии и «большой начальник», Райский отличался широтой взглядов; он хорошо понимал, «где живет». У него был широкий круг общения, причем не только среди коллег по строительству. В Магадане он дружил с Вадимом Козиным; в 1970-е годы опекал Андрея Амальрика.

Увидев Райского в лагерной больнице и услышав его манеру выражать свои мысли, Азадовский подошел к нему, сел на край койки, сказал несколько приветственных слов. Так завязалось знакомство, продолжавшееся до самой смерти Райского.

Спешите делать добро!

Вторым человеком, с которым Азадовский познакомился в больнице и кто позднее протянул ему руку помощи, был совсем не зэк. Это был «лепила», то есть врач; еще точнее – капитан внутренней службы Михаил Семенович Фейгинзон (1937–2008).

Он был родом из Белоруссии, в 1961 году окончил Минский медицинский институт с дипломом психиатра, но для врача с такой фамилией места в больнице не нашлось, и Михаил Семенович долго работал врачом на «скорой помощи». В Сусуман он приехал с женой и ребенком в 1970 году, использовав представившуюся возможность получить не только штатное место врача, но и значительно бо́льшую зарплату; к тому же семейным военнослужащим на Колыме предоставляли квартиру.

Врач Фейгинзон представлял собой персонаж совершенно нетипичный для колымского и тем более лагерного пейзажа: писал стихи, устраивал поэтические и философские вечера в сусуманской библиотеке; одно время даже бегал по утрам (при температуре в минус 50º – это надолго запомнилось окружающим); пережив первый инфаркт, бегать перестал, но своей просветительской деятельности не оставил.

Сусуманская городская газета порой доносит до нас следы его общественной активности с конца 1970-х по 1982 год. «На очередном заседании клуба “Собеседник” шел разговор о русской поэзии конца XIX – начала XX века. С лекцией на эту тему выступил президент клуба М.С. Фейгинзон. Он дал подробную характеристику литературным течениям того времени, остановился на творчестве А. Блока, В. Брюсова, А. Белого, А. Ахматовой и других поэтов». Проводил и вечера, посвященные современной поэзии. С возникновением в стране движения книголюбов Фейгинзон стал председателем общества книголюбов Сусумана, причем в одном из отчетов 1981 года можно видеть, каков был его метод просветительской работы: «Непринужденный, заинтересованный разговор о той или иной книге, о творчестве писателя гораздо легче и свободнее вести в небольшой аудитории, за “круглым столом”, где каждому доступно высказать свое мнение, поделиться знаниями, принять участие в дискуссии».

Но суть дела не сводится к высокому культурному уровню этого человека (хотя Сусуман никогда не был местом стечения интеллектуалов). Суть – в нравственном облике «бороды», как его называли обитатели исправительно-трудовых учреждений Колымского края.

Азадовский впервые увидел его тоже на зоне – Фейгинзон время от времени приходил к зэкам с лекциями о гигиене и здоровом образе жизни. Вообще сама тематика таких выступлений, конечно, не слишком вдохновляла Азадовского (чего нельзя сказать о зэках, которые «лепилу» уважали и выносили из его рассказов много для себя нового). Но его живая интересная речь – с каким-то белорусским еврейским говорком, колоритная, но одновременно литературная и серьезная – привлекала внимание.

Наверное, может показаться странным наше очередное упоминание о том, что главным достоинством человека на зоне, по крайней мере его первым отличительным признаком, для Азадовского была речь. Но когда месяцами с утра до вечера слышишь вокруг себя грязную матерно-блатную тарабарщину, то со временем начинаешь в большей степени ценить то, что некогда казалось обыденностью, – правильный русский язык.

При этом, следует подчеркнуть, Фейгинзон не был ни «странным», ни «полусумасшедшим» – он был уверенным в себе, спокойным и сдержанным, серьезным врачом-психиатром, который хорошо разбирался в своем медицинском ремесле и был сострадателен к людям. Это поначалу даже настораживало: ведь, каждодневно сталкиваясь с «ментами», зэки видели в них если не врагов и нелюдей, то по крайней мере существ далеких и потенциально опасных. Фейгинзон же на этом фоне воспринимался как человек с другой планеты.

Сравнение, которое казалось Азадовскому наиболее точным, когда он впоследствии вспоминал о Фейгинзоне, – главный врач московских тюрем Федор Петрович Гааз (1780–1853), немец и католик, так много сделавший для несчастных, до которых и единоверцам, и соотечественникам решительно не было никакого дела. Книга А.Ф. Кони про доктора Гааза, увековечившая этот образ, знакома практически каждому человеку, который прожил большую часть своей жизни в XX веке. В какой-то степени этот образ идеалистичен, а потому далек от нашего прагматичного времени: что это за удивительный человек, который сделал своим жизненным кредо евангельскую фразу «Спешите делать добро»!

Фейгинзона помнили все, кто когда-либо попадал в сусуманскую больницу. В 1983 году, когда семейные обстоятельства вынудили его вернуться «на материк», он вышел в отставку и 29 декабря навсегда покинул Колыму. Вернувшись с семьей в родной Минск, он смог применить накопленный опыт и стал там известным психотерапевтом (он практиковал даже гипноз и групповую психотерапию), что было ему значительно интереснее традиционной психиатрии. В то же время, не изменяя своей любви к русской культуре XX века, он увлекся эзотерикой – стал в 1990 году одним из инициаторов создания Белорусского фонда Рерихов. Уже незадолго до смерти, немощным стариком, пережившим три инсульта, уехал в Израиль.

Любопытен рассказ Софьи Абрамовой, минской знакомой Фейгинзона, о том, как в

1990-е годы она приехала по делам в Петербург и, гуляя по городу, столкнулась с одним из знакомых Михаила Семеновича:

> …Мы заинтересовались небольшой багетной мастерской, в окнах которой были выставлены графические работы. Внутри оказалось еще более интересно – картины на тему: «Балет». Я стала выражать восторг и сожалеть, что у меня нет возможности купить хотя бы одну картину. На мои бурные «охи» и «ахи» вышел человек примерно моего возраста и сказал, что он хозяин этой галереи-мастерской и может предложить мне репродукции этих картин.
>
> Узнав, что я из Минска, мы разговорились. Речь зашла о работе нашей благотворительной организации, и мы как-то вышли на тему работы психологов. Я сказала, что у нас время от времени работает замечательный человек Михаил Семенович и что он помогает нам справляться с тяжелыми ситуациями. Лицо собеседника изменилось, и он спросил: «Это Фейгинзон?!!» Когда я кивнула, стал рассказывать:
>
> – Я был советским диссидентом, меня осудили, сидел в лагерях. Врачом там работал Михаил Семенович. Это был очень честный, независимый, свободный от страхов человек. Он передавал на «большую» землю все, что мы писали, рисовали или делали для своих семей, друзей…
>
> Собеседник оставил свои телефоны и адрес, приглашал Михаила Семеновича приехать в Санкт-Петербург. Но тот не смог воспользоваться приглашением – силы его были на исходе. Три перенесенных инсульта еще давали какую-то возможность время от времени работать, но ворошить старые эмоции он уже не отваживался.

Автор не называет фамилии хозяина «багетной мастерской», но мы-то легко можем догадаться, что это все тот же Жора Михайлов (в то время – владелец собственной галереи на Литейном проспекте); значит, не только Константин, но и другие люди сохранили сквозь годы яркое воспоминание о Михаиле Фейгинзоне.

Азадовский для Фейгинзона, как нам удалось выяснить, также не был одним из бесконечной череды заключенных. Конечно, нельзя сказать, чтобы в Азадовском доктор увидел «родственную душу» – слишком была велика, почти что непреодолима разница в их положении (с Райским Азадовскому было намного проще – ведь они оба были осужденными). Но то впечатление, которое Азадовский своими рассказами произвел на доктора, было настолько велико, что Фейгинзон, не в силах сдержаться, рассказал дома историю необычного заключенного. Как свидетельствует вдова доктора Маина Аркадьева (Фейгинзон), ныне проживающая в Хайфе, это было исключительным случаем: Михаил Семенович вообще не любил говорить дома о своей работе. Но история Азадовского произвела впечатление на доктора, и, несмотря на богатый опыт общения с заключенными, Фейгинзон не только поверил уголовнику, но и постарался, как мы увидим, облегчить его участь в меру своих возможностей.

В завершение нашего рассказа о Михаиле Семеновиче приводим его стихотворение, написанное в конце 1970-х годов в Сусумане:

Письмо другу

Давай-ка по душам поговорим,
Нам откровенность повредить не может.
Твоим упрекам рад я, как своим,
Моя беда всегда тебя встревожит.

Ведь ты с моей натурою знаком:
Когда тебе помочь сумею в чем-то,
Я брошу все, отдамся целиком,
Как вдохновенью первого экспромта.

Да только вот… не знаю, как начать…
Я потому не жду с тобою встречи,
Что не о чем нам вместе помолчать,
А новостей не хватит мне на вечер.

За десять лет отстал я от тебя.
В отъезде был, потом семья, работа.
У каждого из нас своя судьба,
У каждого из нас свои заботы.

Признайся, друг, я прав на этот раз,
И мы с тобою в том не виноваты,
Что будущее разное у нас,
А вспоминать о прошлом рановато.
Мне передали как-то в декабре —
Ты на мое отсутствие в обиде.
Я потому не прихожу к тебе,

Что слишком долго я тебя не видел.

Письмо Андропову и подполковник Кобзарь

В начале июля 1982 года Азадовский вернулся на зону после месяца, проведенного «на больнице». Позади вскрытые вены, ШИЗО, операция, отдых в палате, знакомство с Райским и Фейгинзоном… Его переводят из швейного цеха в строительную бригаду, и он по договоренности с Рединым работает его помощником в «звене столяров-интерьерщиков».

Напряжение на зоне уменьшилось, но лишь до известной степени, потому что внимание администрации, и прежде всего оперчасти, к Азадовскому оставалось прежним: опять пошли рассказы солагерников о том, что их вызывают, расспрашивают, какие он ведет разговоры, давят… Убежденный в том, что ему все равно готовят статью 190-1 – «распространение заведомо ложных измышлений, порочащих советский государственный и общественный строй», он обдумывает дальнейшие оборонительные действия. Именно в это время он и принимает решение – обратиться напрямую к руководству КГБ СССР и начинает готовить текст заявления.

21 августа, в годовщину своего прибытия на сусуманскую зону, Азадовский неожиданно узнает о том, что без всяких жалоб и просьб с его стороны он направлен «на больницу» – «подлечить психику». И действительно, ДПНК отводит его в расположение Центральной больницы, где заключенный поступает в распоряжение М.С. Фейгинзона. Здесь он проведет целый месяц.

> На этот раз я нахожусь в терапевтическом отделении, – пишет он матери 23 августа, – под присмотром врача-психиатра, очень хорошего специалиста. У меня находят «реактивное состояние», проявляющее себя в том, что я плохо сплю, до чрезмерности возбудим, одержим «навязчивыми идеями» и т. д. Все это не так опасно, но подлечиться не мешает. Я пришел в эту систему совершенно здоровым человеком и хотел бы выйти из нее также здоровым – и физически, и нравственно.

Вторично оказавшись в больнице, Азадовский быстро заканчивает набросанное им днями ранее заявление на имя председателя КГБ СССР Ю.В. Андропова и отдает его в спецчасть для отправки, то есть не просто задумывает, но и осуществляет достаточно

ответственный шаг, о котором, безусловно, сразу же становится известно начальству колонии. На этот раз Азадовский нисколько не сомневался в том, что его жалоба не будет «потеряна» – уж очень был тогда высок авторитет Комитета, а еще более велик страх, даже у сотрудников МВД, перед всесильным ведомством.

Давно понимая, кто стоит за его «уголовным делом», Азадовский тем не менее долгое время воздерживался от обращений по этому адресу. Но теперь ему показалось, что время наступило. Возможно, это был опять-таки жест отчаяния или же одно из проявлений его «реактивного состояния». В целом же этот шаг воспринимается как очередная попытка переломить опасную для него ситуацию.

Текст этого послания доступен нам лишь в черновом варианте (машинописные копии Азадовский сможет оставлять лишь после того, как ему вновь станет доступна пишущая машинка). Процитируем некоторые фрагменты:

> О том, что «идеологический» момент играет существенную и даже основную роль в моем уголовном деле, говорят также и некоторые фигурирующие в нем материалы, в частности, – отклоненное прокуратурой ходатайство следственных органов о возбуждении против меня уголовного дела по статье 70 УК РСФСР.

Не имея в то время при себе никаких выписок из уголовного дела, Азадовский допускает неточность: речь идет о постановлении следователя Каменко от 12 февраля 1982 года (ранее мы анализировали этот документ). Однако верная трактовка Азадовским этого, казалось бы, второстепенного (в контексте его чисто уголовной статьи) документа убедительно свидетельствует об осознании им своего истинного статуса – «политического» заключенного.

> С первых же недель моего пребывания в колонии я убедился в том, что администрация располагает информацией обо мне, поступившей из Ленинграда, из Комитета государственной безопасности. В течение года мне не раз приходилось слышать о том, что я «диссидент», «антисоветчик», «ученик Сахарова» и даже… «сионист». По поводу этих безответственных, оскорбительных для меня заявлений и разговоров, исходящих от отдельных сотрудников колонии (прапорщик Климчук, лейтенант Сухов), я обращался с жалобами к руководителям колонии и представителям прокуратуры Магаданской области.
>
> В начале февраля 1982 г. (после того как я был представлен администрацией к условно-досрочному освобождению с направлением на стройки народного хозяйства) в колонию прибыли двое сотрудников КГБ… В течение трех дней они вели переговоры с администрацией, распространяя в отношении меня клеветнические сведения и позволяя себе недопустимые, на мой взгляд, голословные утверждения… Кроме того, они вызывали других осужденных (Седлецкий, Ковальчук, Качаев) и пытались получить от них дискредитирующий меня материал. В результате, под их прямым давлением, администрация объявила мне подряд три нарушения, из которых каждое является фальсификацией. Все действия сотрудников КГБ и администрации ИТК-5 были обжалованы мною в законном порядке в прокуратуру и УВД Магаданской области.
>
> Материалы проверки, проведенной в апреле сего года капитаном Кондратюком, полностью подтвердили достоверность фактов, изложенных в моей жалобе, тем не менее УВД Магаданской области отказалось – вопреки очевидности – признать действия администрации ИТК-5 необоснованными.
>
> Обстановка вокруг меня в колонии продолжает оставаться весьма тревожной. Администрация, руководствуясь рекомендациями, полученными на мой счет, относится ко мне пристрастно (я искусственно превращен в злостного нарушителя режима содержания, постоянно идут разговоры о новой судимости, об административном надзоре и т. п.). Отзывы обо мне, которые позволяют себе – со ссылкой на КГБ – некоторые из офицеров, в частности, лейтенант Сухов (Азадовский – «враг», Азадовского «нужно расстрелять» и т. п.), отличаются

> крайней злонамеренностью, а поскольку такие разговоры ведутся и с осужденными – носят провокационный характер (натравливание на «инакомыслящих»).
>
> Как я уже пытался объяснить в своем письме в ЦК КПСС, я крайне далек от всего того, что закулисно инкриминируется мне начиная с декабря 1980 года. Я не принадлежу к диссидентам, никогда не занимался антисоветской деятельностью, не знаком лично ни с кем из диссидентов. Ко мне тем более не приложимо определение «сионист».

Следует дать пояснение относительно «сиониста», которым Азадовский, как ни толковать это слово, разумеется, никогда не был. На официальном жаргоне 1970-х годов «сионист» означало просто «еврей», и ничего более. Этим термином обозначались прежде всего те, кто собирался покинуть страну, подал заявление на выезд, оказался «в отказе»… Но это понятие употреблялось и расширительно, охватывая всех инакомыслящих, «диссидентов», а то и просто интеллигентных, грамотных людей, желающих уклониться от сотрудничества с советским режимом. Но поскольку антисемитизм был формально под запретом, то вместо того, чтобы произносить или писать «еврей» (а тем более «жид»), приходилось прибегать к эвфемизму (ровно так же в 1940-е годы использовалось понятие «космополит»).

> Антисоветскими я свои взгляды также назвать не могу. Я критически смотрю на отдельные явления советской действительности, однако никогда не допускал никаких общественных заявлений. Пропагандой своих взглядов, как утверждают сотрудники ленинградского управления КГБ, я не занимался…
>
> Я действительно печатался за границей, однако все мои зарубежные публикации были осуществлены законно через ВААП [Всесоюзное агентство по авторским правам. – *П.Д.*]. С иностранцами (коллегами по работе и своими личными друзьями) я встречался регулярно, но во встречах моих не было ничего предосудительного. Мне известны советские законы, и я их всегда соблюдал.
>
> Прошу Комитет государственной безопасности ответить мне, каковы реальные претензии, имеющиеся в отношении меня, и чем вызван контроль надо мной и моим уголовным делом, который осуществляется в течение последних лет.

Письмо было зарегистрировано в спецчасти колонии, где оно получило исходящий номер. Желая удостовериться в его отправке, Азадовский вскоре увидел (и успел скопировать) служебную помету: «Направлено 23.VIII.82 нач. Сусуманского отделения КГБ тов. Кобзарю В.А. для выяснения вопроса по существу изложенного».

В начале сентября Азадовский узнает, что администрация лишила его продуктовой посылки (несмотря на то что в августе он получил на нее официальное разрешение). Присланные из Ленинграда продукты были отправлены обратно. Это вызвало у него новую вспышку ярости и, само собой, новую череду жалоб. В письме к Светлане он сообщает 15 сентября: «История с посылкой совершенно вывела меня из того душевого равновесия, к которому меня привел врач за первые две недели моего пребывания в больнице. (По поводу посылки я написал отдельно в сусуманскую райпрокуратуру – прокурору по надзору.)»

Как ни странно, эта попытка самозащиты в конце концов увенчалась успехом. Прапорщица Л.И. Давиденко и начальник отряда старший лейтенант В.В. Зарубин (тот самый, который был «свидетелем») получили взыскание.

Собственно, за два года, проведенные в заключении, Азадовский получит одну продуктовую передачу (под новый, 1981 год в Крестах), одну пятикилограммовую посылку и две вещевые бандероли. Остальные уйдут обратно или пропадут вовсе. 29 сентября 1982 года Лидия Владимировна уже в полной безнадежности писала в своем обращении в ЦК КПСС:

> За время пребывания в учреждении АВ 261/5 мой сын получил положенную 5-ти килограммовую посылку только один раз. 2-й посылки он был лишен в

наказание. В августе он написал мне о разрешении на очередную 5-ти килограммовую посылку. Я собирала ее по крохам, имея за плечами 79 лет и 39 руб. 30 коп. пенсии! Думаю, можно представить, чего мне это стоило! И теперь из письма сына я узнаю, что посылка без объяснения причин ему не выдана и отправлена мне обратно. Я не говорю даже об испорченных продуктах. Я говорю об очередном издевательстве и незаслуженной сердечной боли. Когда же все это кончится?!

Лечению психики не слишком благоприятствовали и такие инциденты, как словесное препирательство с одним из прапорщиков, случившееся 14 сентября. Ниже мы приводим текст жалобы, написанной Азадовским сразу же после этого события начальнику больницы подполковнику В.А. Несмелову. Малозначительный эпизод передает, как нам кажется, всю сложность лагерной ситуации для людей, подобных Азадовскому, болезненно реагирующих на любое унижение, вплоть до самых мелких придирок, со стороны «персонала»:

Сегодня в 11 ч. 30 м. я был остановлен при входе в магазин ЦБ [Центральной больницы] грубым окриком прапорщика Теслюка: «Азадовский, куда идешь?» Это происходило в момент, когда магазин уже был открыт и возле него толпилось много осужденных.

Я повернулся к прапорщику и ответил ему (как и обычно поступаю в подобных случаях), что прошу его прежде всего обращаться ко мне на «вы» (как того требуют правила внутреннего распорядка ИТУ МВД СССР). После этого я зашел в магазин. Прапорщик Теслюк бросился вслед за мной (я стоял уже у прилавка и разговаривал с продавщицей), стал тянуть меня за рукав бушлата и кричать: «А ну, давай выйдем». Я повторил прапорщику, что прошу называть меня на «вы».

Тогда, изменив тон, Теслюк сказал, что просит меня пройти вместе с ним в расположение спецпалаты больницы. Я выполнил его требование. Закрыв за мной дверь, прапорщик стал выкривать фразы, содержащие угрозы в мой адрес («Мы еще посмотрим, чья возьмет!», «Я вам устрою сладкую жизнь» и т. п.). При этом постоянно повторялось слово «интеллигент», употребленное в негативном (т. е. бранном) смысле.

Вошедшему в момент разговора контролеру, дежурившему по больнице, Теслюк сказал: «У Азадовского была расстегнута телогрейка. Это нарушение формы одежды. Напиши-ка на него рапорт». Контролер ответил: «Ладно, напишу».

Считаю, что действия прапорщика в отношении меня были предвзятыми и вызванными лишь одним: его намерением лишний раз меня унизить и оскорбить.

Прошу затребовать у прапорщика Теслюка объяснений, на каком основании он остановил меня столь бесцеремонным образом в присутствии других осужденных и, кроме того, отдал распоряжение составить на меня рапорт по нелепому, явно надуманному поводу.

Можно себе представить, какие эмоции вызывали подобные действия Азадовского у офицеров и как их раздражали его письменные жалобы по любому поводу. И как в общем-то комично выглядел в таких ситуациях сам Азадовский, принимаясь переносить на бумагу незначительные эпизоды «коммунального быта» колонии.

Но по крайней мере в данном случае прапорщик Теслюк – по результатам жалобы осужденного – получил «замечание». Случай, вообще говоря, довольно редкий. Когда эта новость дошла до заключенных, наблюдавших сцену у магазина, то они, возможно, сделали для себя правильный вывод: оказывается, и «ментам» не все сходит с рук.

Комментируя этот эпизод, нельзя не сказать о его неоднозначности. С одной стороны, о неадекватной и, возможно, даже нездоровой реакции Азадовского, способного в условиях тотального беззакония реагировать на мелочи такого порядка. А с другой стороны, позиция бесправного зэка, готового постоять за себя даже в неравном поединке, дать отпор любому, кто пытается его «задеть», кто не боится мести со стороны администрации, достойна

уважения.

Тем временем в недрах госбезопасности внимательно изучалась бумага Азадовского. По всей вероятности, она так и не достигла высокого адресата, но была принята к рассмотрению в Сусуманском отделении КГБ, которое, несомненно, должно было в этом случае запросить дополнительные данные об Азадовском с «материка».

Здесь нужно сделать отступление и сказать о том, что доктор Фейгинзон был знаком с начальником Сусуманского райотдела КГБ подполковником госбезопасности В.А. Кобзарем. Причем не только по службе. Дело в том, что в сусуманском книжном магазине была дальняя комната, где лежало то, что обычно не попадало на прилавок, а раздавалось по городскому начальству, – «дефицит»; там же «льготные категории» могли оформить подписку на собрания сочинений классиков. А так как Фейгинзон был председателем городского общества книголюбов, то имел доступ в эту «каптерку». Там они и познакомились – просматривая очередные поступления. И в сентябре 1982 года у них, по всей вероятности, состоялся какой-то разговор.

Так или иначе, но в сентябре 1982 года В.А. Кобзарь счел нужным встретиться с Азадовским лично. Встреча эта происходила в ординаторской сусуманской больницы и велась в присутствии лечащего врача – М.С. Фейгинзона. Разговор протекал спокойно и был достаточно содержательным – оказалось, что начальник местного КГБ досконально осведомлен о биографических подробностях осужденного; Азадовский в жизни не встречал человека, столь точно оперирующего фактами из его биографии. Отталкиваясь от письма Андропову, В.А. Кобзарь опровергал утверждения Азадовского относительно его «чистоты» перед советским государством. Доводов было два.

Первый: Азадовский в 1970-е годы неоднократно посещал в Ленинграде консула одной из капиталистических стран. Это, по словам Кобзаря, является серьезным проступком. И никакие отговорки о том, что это был якобы «коллега» и профессиональный славист, по службе оказавшийся дипломатом, не снимают с Азадовского ответственности за такое поведение.

Этот момент очень важен. По сути, В.А. Кобзарь, будучи лицом официальным, сообщил Азадовскому, какие претензии имеет к нему госбезопасность. За этим угадывалось нечто попахивающее изменой Родине и шпионажем. Об этом же в декабре 1980 года обмолвился в разговоре с Азадовским и следователь Каменко, но это было сказано тогда вскользь, между прочим, и не имело, казалось, никакого отношения к сути предъявленного обвинения.

Второй довод: сознательно отказавшись в 1963 году от сотрудничества с КГБ, Азадовский вообще не имеет права говорить о себе как *советском* гражданине (о чем он писал в письме к Андропову). Его поступок свидетельствует как раз об обратном: о его негативном отношении к КГБ и советскому государству в целом.

Выслушав заверения Азадовского в том, что его отказ от сотрудничества был вызван не политическими, а моральными соображениями, начальник местного КГБ предложил ему засвидетельствовать это в письменном виде. То есть взял с него расписку в лояльности.

Итак, на исходе второго года заключения ситуация более или менее прояснилась. Причина его невзгод была обозначена: неофициальные контакты с Западом.

В заключение беседы Азадовский спросил: «Что бы там ни было по вашей линии, но стоило ли подбрасывать наркотик? И при чем здесь моя жена?» Слегка посуровев, Владимир Александрович ответил: «Ну, этого я не знаю. Наркотик был обнаружен у Вас при обыске. А насчет жены – это уж Вы там у себя в Ленинграде разбирайтесь».

Азадовский понял, что «игра» продолжается. Конечно, он мог вздохнуть с облегчением: появилась надежда, что теперь его выпустят. То ли бумага «сработала», то ли наверху произошли «подвижки» – этого он не знал. Но ответы начальника свидетельствовали о том, что были еще какие-то причины… Или, наоборот, не было никаких причин.

Подлечив свою «расшатавшуюся психику», Азадовский вернулся на зону. Он снова

попал в швейный цех – тот самый, с которого год назад начиналась его лагерная карьера. До конца срока оставалось менее трех месяцев, но ситуация не стала менее напряженной. Столкновения с начальством происходили чуть ли не ежедневно. Об одном из них повествует заявление Азадовского в прокуратуру Магаданской области от 19 октября 1982 года (ровно два месяца до освобождения):

> Сегодня, 19 октября, я пришел в ОТИЗ [Отдел труда и заработной платы. – *П.Д.*] колонии, где имел с сотрудницами разговор относительно неправильно начисленной мне зарплаты за август сего года. Через минуту после того, как я вышел из комнаты ОТИЗа, туда зашел майор Полин Р.И., начальник производства. Сотрудники ОТИЗа передали ему разговор со мной и содержание моих претензий. Тогда майор Полин пришел в негодование и сказал: «Правильно все говорят, что Азадовский против советской власти». Эту фразу он повторил раза два или три. Я находился в коридоре, дожидаясь своей очереди у кабинета начальника учреждения, и слышал все это собственными ушами. Возмутившись, я вошел в комнату ОТИЗа и спросил Полина, на каком основании он позволяет себе клеветнические заявления на мой счет. Полин замешкался, смутился и, ничего не ответив, вышел из комнаты.
>
> Довожу этот факт до Вашего сведения с тем, чтобы показать, что мнение обо мне как о «враге» носит в колонии устоявшийся характер и разделяется всеми сотрудниками. Находиться при такой ситуации в колонии я не могу, тем более что беседы обо мне ведутся и с осужденными, а это чревато серьезными последствиями (например, лейтенант Сухов «доказывал» осужденному Беликову, что я – «враг» и меня надо «расстрелять» или «повесить»).
>
> Все мои претензии по поводу идущих обо мне разговоров администрация отклоняет, ссылаясь на то, что они либо не подтверждаются, либо недоказуемы.
>
> Однако инцидент с майором Полиным вполне доказуем: все это происходило в присутствии как минимум трех человек.
>
> Прошу привлечь майора Полина к ответственности за клеветническое высказывание в мой адрес.

В Отдел труда и заработной платы, упомянутый в приведенном документе, Азадовскому в те месяцы приходилось заглядывать неоднократно. Между ним и администрацией колонии завязался новый конфликт, куда более опасный, чем в начале года. В ноябре Азадовский составил новую жалобу на действия администрации. В этот раз, однако, он не защищал самого себя, а выступал в интересах целого коллектива. Дело в том, что с августа по октябрь 1982 года осужденных, трудившихся в швейном цехе, заставляли работать по 10, 12 и даже 14 часов подряд без соответствующего приказа начальника учреждения, без последующей оплаты дополнительного труда, без отгулов и т. д. Осужденные выбивались из сил, на сон у них оставалось три-четыре часа, не более. Видя в этом явное нарушение трудового законодательства, установленного для мест лишения свободы, Азадовский от имени всей бригады обратился с письменным заявлением как в прокуратуру, так и к руководству местных УВД и КГБ. И, в отличие от его писаний в свою защиту, эта жалоба была воспринята надзорными инстанциями всерьез и принесла результат: 14-часовая смена в отношении всей бригады была срочно отменена. Зато руководство колонии, не раз прибегавшее к такого рода «авралу» для выполнения плана, стало воспринимать Азадовского как личного врага. Противостояние Азадовского и администрации достигло воистину опасной черты.

В этот момент на сцену вновь выступил Фейгинзон. Трудно сказать, какие он нашел доводы, но ему удалось убедить администрацию колонии в том, что и для них, и для самого осужденного будет спокойней, если оставшиеся ему недели он проведет в больничной палате. Ведь если Азадовского вынесут с зоны вперед ногами, то проверок и нервотрепки будет потом предостаточно. Полагаем, что Фейгинзон говорил с начальником колонии А.А. Ещенко именно в таком ключе.

В результате этих переговоров Азадовский примерно за месяц до своего освобождения был переведен в больницу и помещен, опять же усилиями Фейгинзона, в отдельный бокс – вместе с Райским, ожидавшим в то время медицинской комиссии.

В больнице его вновь навестил подполковник В.А. Кобзарь, прочитавший заявление Азадовского об экономических злоупотреблениях администрации. Выслушав обстоятельства, побудившие Азадовского написать новую жалобу, он удалился со словами «это не по моей части»…

Совместно с Эриком Райским Азадовский провел около двух недель. Они много разговаривали, играли в шахматы. 15 декабря Райского вызвали на медкомиссию, рассмотревшую его документы и отпустившую его на волю «по сотой» (статья 100 ИТК РСФСР). Что оставалось делать врачам? Перед ними был безнадежный инвалид!

Трудно было тогда представить себе, что этот человек, который с огромным трудом передвигался на костылях, проживет еще четверть века, сумеет многое осуществить и многого добиться.

В больничном дворе, уже садясь в прибывшую за ним «Волгу», Райский столкнулся со Светланой, только что прибывшей в Сусуман. Он узнал ее по рассказам Кости, окликнул, представился; сообщил ей последние новости. Света спешила в администрацию – надеялась, что им предоставят свидание. Но неожиданно, без объяснения причин, получила отказ.

Не зная подробностей и обстоятельств, она провела два последующих дня в гостинице, звонила в Ленинград и Москву, волновалась и с нетерпением ждала 18 декабря.

Освобождение

Конец 1982 года в СССР был богат на события. Сусуманская зона, как и весь советский народ, следила за их развитием. Для зэков это было особенно важно: они ждали в 1982 году новой амнистии. Праздновалось 60-летие образования СССР, о котором практически ежедневно через все динамики трубило радио: тут и взятые колхозниками соцобязательства, тут и улицы и площади, названные в честь славного юбилея… Даже в Ягодном, поселке близ Сусумана, в честь 60-летия СССР был назван целый квартал. Понятное дело, что уж амнистию непременно должны были объявить…

Но 1982 год подходил к концу, а ни о какой амнистии речи не заходило (отчасти обнадеживало лишь то обстоятельство, что и 1-й Съезд Советов принял эпохальное решение лишь 30 декабря 1922 года). Амнистия, которую все ждали уже с 1981 года и о которой каждый день говорили, по-прежнему маячила в отдалении.

Зато появилась другая новость, потрясшая всю страну. Почти целый день 10 ноября Всесоюзное радио передавало классическую музыку, вечером, к немалому огорчению начальства колонии, был отменен телевизионный концерт, посвященный Дню милиции, а 11 ноября 1982 года в 10 часов утра радио сообщило, что скончался Генеральный секретарь ЦК КПСС Леонид Ильич Брежнев (в этот день Азадовский уже был «на больнице»). Пройдет еще полтора месяца, и 27 декабря 1982 года Президиум Верховного Совета СССР действительно объявит амнистию, формально – «в связи с 60-летием образования Союза ССР», хотя мало кто сомневался в действительной причине – смена главы государства традиционно сопровождалась в СССР амнистией заключенных.

Но для Азадовского, который, если начистоту, тоже много месяцев ждал амнистии, уже не было до нее никакого дела. Он готовился к освобождению и теперь был уверен, что оно состоится. Желая забрать с собой все бумаги, скопившиеся у него в Сусумане, он 14 декабря обратился в оперчасть колонии с тем, чтобы получить разрешение на вынос.

Список личных бумаг осужденного К.М. Азадовского, переданных на досмотр в оперчасть учреждени АВ 261/5:

1. Письма от матери Л.В. Брун (49 + 1 фотография)

2. Письма от жены С.И. Азадовской (76 + 1 фотография)
3. Письма от адвоката Е.С. Шальмана (28)
4. Письма от разных лиц (207)
5. Телеграммы от родственников и других лиц (102)
6. Записная книжка с вкладными листами (38 лл.)
7. Черновик надзорной жалобы в Верховный суд РСФСР (10 лл.). 2 экз.
8. Копия надзорной жалобы в Верховный суд РСФСР (18 лл.)
9. Копия жалобы в Сусуманскую райпрокуратуру от 10 февраля (4 лл.)
10. Копия жалобы в ЦК КПСС от 15 февраля 1982 г. (в двух тетрадях на 18 лл.)
11. Черновик жалобы на имя министра МВД СССР Н.А. Щелокова (4 лл.)
12. Копия кассационной жалобы в судебную коллегию по уголовным делам Ленгорсуда (6 лл.)
13. Тетрадь № 1 с выписками и записями – 76 лл.
14. Тетрадь № 2 с записями на отдельных листках – 36 лл.
15. Тетрадь № 3 с черновыми записями писем, жалоб, обращений и ходатайств в советские и государственные органы Магаданской области и РСФСР – 115 лл.

А утром 18 декабря он написал свое последнее сусуманское заявление – единственное из всех, которое не будет опущено в ящик у входа на КПП, а уйдет обычной почтой. Написано оно на имя начальника ОИТУ Магаданского облисполкома полковника внутренней службы Б.М. Шамрая.

> Считаю нужным довести до Вашего сведения, что уже после официальной беседы с Вами 12 декабря сего года имело место еще одно нарушение законности в отношении меня со стороны администрации ИТК-5: я был незаконно лишен краткосрочного свидания со своей женой Азадовской Светланой Ивановной, прибывшей в г. Сусуман 15 декабря сего года.
>
> Вопрос о предоставлении мне краткосрочного свидания был поставлен мной и согласован с администрацией еще в октябре сего года.
>
> Отказ зам. начальника ИТК-5 по РОР [режиму и оперативной работе. – *П.Д.*] майора Масалкова удовлетворить мою просьбу о свидании с женой был поводом для голодовки, которой я хотел прежде всего выразить свой протест по поводу действий администрации на мой счет, продолжавшихся практически в течение всего 1982 года и принявших под конец открыто издевательский характер.
>
> Таким образом, начиная с 16 декабря и вплоть до момента освобождения я не принимал пищи. Моя просьба, обращенная к начальнику учреждения: разъяснить мне причины отказа в предоставлении свидания – не была удовлетворена.
>
> Прошу Вас приобщить данное заявление к прочим жалобам и ходатайствам, с которыми я обращался в УВД Магаданской области в 1982 году.

Потом он собрал свои вещи и стал ждать, когда за ним явятся, чтобы отвести на КПП. Там он получил паспорт и справку об освобождении, обнял Светлану и вместе с ней вышел через ворота ИТК № 5.

Дверь хлопнула, и вот они вдвоем
стоят уже на улице. И ветер
их обхватил. И каждый о своем
задумался, чтоб вздрогнуть вслед за этим.

И. Бродский. «Переселение», 1963

Они остановились на автобусной остановке, и Азадовский впервые видел «свою» зону снаружи: длинная бетонная стена, сверху ряды колючей проволоки, вышки с автоматчиками – все как положено. Подошел автобус, и они доехали до гостиницы. Немного отдохнули, потом отправились на почту – отправлять журналы и книги, которые он вынес с зоны. Заказали два телефонных разговора. В Сусумане был уже день, в Ленинграде же – поздний

вечер предыдущего дня. Первый звонок был маме; она уже спала, но успела расслышать его голос. Что она сказала, он не смог разобрать: связь прервалась. Затем он позвонил Гете Яновской. Она взяла трубку. «Гета, это я». Она ответила: «Костя! Мы ждали». На этом, собственно, разговор и закончился. Телефонный звонок свидетельствовал, что он вышел на волю.

Всю ночь они ехали автобусом в Магадан, все те же 18 часов по колымской трассе, и без конца наперебой говорили. Что их ждет впереди? Этого они оба не знали. Два советских зэка с непогашенными судимостями. Ему уже точно не быть преподавателем. А ученым? Наука за два года ушла вперед – придется теперь усиленно наверстывать… Но об этом он старался не думать. Главное, мама была жива, и он сможет ее скоро увидеть.

Какие чувства, накипевшие в тюрьмах и на зоне за эти два года, теснились в нем? Желчь вперемешку с яростью? Да, безусловно. Но что более важно – он чувствовал уверенность и спокойствие. Он сильно повзрослел; ему посчастливилось выдержать испытание.

Рейс Магадан – Москва опоздал на четыре часа. В аэропорту Домодедово их встречали друзья – Кама Гинкас и Саша Парнис. Эта встреча навсегда запомнится ее участникам. Они взяли такси и поехали на квартиру, которую уступили им на несколько дней друзья Гинкаса и Яновской. Сидели полночи, пили шампанское, разговаривали.

К вечеру следующего дня, выспавшись и поговорив по телефону с мамой, он вышел из дому и оказался на улице. Впервые за два года. От городского шума и множества людей ему стало дурно; сильно кружилась голова. Он совсем отвык жить на воле. На метро, что тоже оказалось для него психологическим напряжением, он поехал навестить Борю Чернобыльского; тот по-прежнему сидел «в отказе», но не терял надежды выехать на родину предков.

Два дня и две ночи Константин и Светлана провели в Москве, а утром 22 декабря 1982 года вышли из вагона на перрон Московского вокзала в Ленинграде. Их встречала толпа друзей. Цветы и объятия…

Жизнь начиналась заново.

Глава 11
Сусуманские письма

Что представляет собой сам жанр переписки с человеком, пребывающим в местах заключения? Это письма, на которых всегда задерживается цепкий взгляд цензора. Но не такого цензора, каким был Ф.И. Тютчев или И.А. Гончаров, а советского тюремного цензора «эпохи распада», с его кругозором, требованиями многочисленных запретительных инструкций, настороженным отношением ко всему, что приходится читать… Вероятно, даже читая газеты, он иногда думает: «Это бы я точно не пропустил!..»

И каждое такое письмо пишется с оглядкой на цензора. Человек, который посылает его на зону, знает, что письмо будут придирчиво читать, и пишет, не забывая об этом. А зэк? Он еще более осторожен, потому что если люди с воли рискуют лишь тем, что их письмо будет изъято и уничтожено, то для зэка, если он начнет писать недозволенное, могут возникнуть серьезные неприятности; однако чаще письмо просто возвращается как не дозволенное к отправке. Конечно, эзопов язык порой выручает, но и недооценивать цензуру тоже нельзя. Именно поэтому письма с воли к отбывающему наказание оказываются подчас более интересными, чем письма из неволи.

Практика вычеркивания непозволительных строк, которая так памятна нам по корреспонденции времен Великой Отечественной войны, впоследствии была сочтена излишней, и если в письме содержались сведения, запрещенные специальной инструкцией МВД, то оно безвозвратно изымалось. Да и зачем церемониться? Это же переписка уголовников!..

Находясь в Крестах, Азадовский несколько месяцев не имел права отправлять и получать письма. По действовавшему УПК, переписку дозволялось вести только *осужденным* , то есть первое время, пока идет следствие, никаких писем не может быть и в помине (если иметь в виду переписку, разрешенную законом). Когда же подследственный переходит в категорию осужденных, он, как правило, разом получает целый ворох писем, которые по рассмотрении их цензором копились в СИЗО, ожидая, пока приговор в отношении адресата вступит в законную силу. Так оно и произошло. 22 апреля 1981 года Константин написал первое письмо Лидии Владимировне; оно начиналось так:

> Сегодня утром меня известили (официально) о том, что приговор с 16.IV. вступил в законную силу. Это означает, что я могу теперь писать и получать письма, в принципе – неограниченное количество. Правда, я сам покамест никому писать не собираюсь, да и записной книжки у меня здесь нет; буду только отвечать на полученные письма.

Достаточно быстро переписка осужденного Азадовского утомила цензора Крестов, поскольку на него хлынул вал писем. А через месяц, поняв, что объемы только возрастают, начальство СИЗО, само или после вмешательства иных сил, решило урезать его переписку. Он был уведомлен о введенных ограничениях и 7 июня сообщил матери:

> Позавчера меня вызывал к себе зам. начальника следственного изолятора и пояснил мне (кстати, очень спокойно и доброжелательно), что я – временно – имею право переписки только с тобой. Все письма от других лиц, как и мои письма к ним, будут задержаны. Мне было также сказано, что наши (т. е. мои и твои) письма должны по объему не превышать одной-полутора страничек. Очень прошу тебя придерживаться этого распоряжения и сообщить о нем всем друзьям и знакомым. Неограниченную переписку – так было мне сказано – я смогу вести из колонии.

Так и было. Переписка Азадовского 1981–1982 годов охватывает преимущественно тот период, когда он находился в сусуманской колонии. Этот эпистолярный корпус открывает нам другую сторону его жизни, совершенно отличную от тех событий, о которых повествовали предыдущие главы. Мы получаем возможность увидеть совсем другой, параллельный мир, в котором, оказывается, продолжал жить этот человек. Это мир литературы, науки, книгоиздания. Мир далекий и, казалось бы, совершенно недостижимый для него в тот период. Но, оказывается, и в гибельных обстоятельствах может протекать полнокровная интеллектуальная жизнь.

Сразу оговоримся: мы не используем семейную переписку, оперируя лишь теми письмами, которые оказались нам доступны в государственных или частных архивах. Отсутствие в нашем тексте переписки с матерью и женой в какой-то мере приглушало для нас боль и трагедию, неизбежно отразившиеся там во всей глубине. Однако письма эти полностью сохранились и помогают – в необходимых случаях – восстановить последовательность и суть событий.

Важно отметить еще одно обстоятельство: на протяжении всего своего заключения Азадовский не написал ни одного письма первым. Кроме, конечно, жалоб и прочей «деловой переписки». Однако переписка с друзьями воспринималась, разумеется, иначе, и, зная свой статус не только уголовника, но еще и уголовника с политической окраской, Константин Маркович никого не хотел компрометировать письмами из ИТК-5 г. Сусумана Магаданской области. Однако этот принцип имел и другую смысловую подоплеку – он должен был получить письмо как свидетельство того, что человек от него не отрекся и не опасается поддерживать связь с осужденным.

Ниже публикуются письма друзей и коллег Азадовского, полученные им в Сусумане, а также его собственные письма из Сусумана, оказавшиеся в нашем распоряжении. Последовательность писем – по алфавиту корреспондентов.

Анатолий Белкин

Анатолий Павлович Белкин, художник-нонконформист, отчисленный в 1972 году из Института живописи, скульптуры и архитектуры имени Репина, а потому, возможно, и выросший в большого художника. Они сдружились в середине 1970-х; в 1976 году Белкиным был написан знаменитый портрет Константина Азадовского.

1

Ленинград, 7 октября 1981

Родной и любимый наш Костенька, здравствуй!

Здравствуй, говорю я из твоего города, который помнит тебя и вспоминает часто. И вот вчера в ресторане Витебского вокзала сидели твои друзья, сидела и плакала твоя и наша Света, и сидел ты. Мы пока здесь, а ты – Там. Это «Там» такое огромное и страшное, просто непредставляемое для нас, и ты – в «Нем». Я думаю о тебе и думаю, что твоя блестящая судьба так неразрывно связана с историей и судьбой этой страны, которую так любил Рильке.

Страшно и почти кощунственно звучит, но думаю, что этот страшный и бесконечно длинный этап твоей жизни обогатит тебя безмерно. Цена ужасна, но с твоей головой, с твоим опытом и с твоей культурой мы еще увидим невиданные всходы работы, которую ты творишь! Знаю, дорогой Костик, что время бежит здесь не так, как на твоей планете. Но ведь, слава Богу, и у тебя дни сменяют ночи. Мы здесь почти не знаем им цену.

И еще потому ты счастливый человек, что у тебя есть Света. Не приведи Господь вынести то, что пережила она. Но первое, что вырвалось у меня, когда я ее увидел, было: «Какая красивая!» Какая она красивая! Светлый, светлый человек.

Костик, милый, мне как-то даже неловко рассказывать о нас, о наших делах. Пишу письмо, а сам вспоминаю год 80-й, как ты провожал меня до Военкомата, как я сидел у тебя на кухне и рассказывал детективные истории… Многое, многое вспоминается. Помню тебя и твое отношение к Алке [Алла Константиновна, жена], письма с адресом «Вологда, в/ч», все помню. Знаю, что значит письмо с земли и по мере возможности (не моей писать, а твоей получать) буду слать тебе весточки из Пальмиры, тем паче уже получил твой адрес.

Целуем крепко, вспоминаем светло и часто.

Целуем

Алла &атр; Толя.

2

Ленинград, 19 января 1982

Здравствуй, дорогой Костенька!

Пришел домой и… «восстал на пути Магадан, столица Колымского края…». Лежит твое письмо, дошло за девять дней. Почта работает отменно. Еще вчера собирался сесть за письмо и описать одно важное и приятное событие, произошедшее два дня назад, но пробегал до вечера и так не собрался. И хорошо, ведь сегодня я еще смогу ко всему и подтвердить получение твоего письма, а это важно!

Итак, два дня назад в Главном выставочном зале, сиречь, в Манеже, что неподалеку от ул. Якубовича, открылась беспрецедентная выставка «Русская графика XVIII – XX в. и портреты художников XIX–XX в.».

Уникальность экспозиции в том, что весь Манеж заполнили два замечательных коллекционера Я.Е. Рубинштейн и И.В. Качурин. Ты не можешь (и никто не мог) себе представить: весь первый этаж Манежа и еще половина первого этажа – всё Яков Евсеевич Рубинштейн! Невероятно! Количество не уступает качеству. Удивительно.

Приехал Яков Евсеевич с женой Танечкой и с сыночком Женей, мальчонкой 52-х лет (тоже с женой). Все Рубинштейны остановились в «Астории» на втором этаже. Сам Я[ков] Евсеевич открыл выставку и дал банкет человек на 35 в Союзе архитекторов. Мы с Аллочкой были приглашены и даже имели честь слушать Танечкин тост за нашу живопись, вследствие чего расслабились маленечко и замечательно напились. (Слава Богу, Аллочка рядом сидела.)

Я им, т. е. Танечке и Яков Евсеевичу, сказал, что обязательно напишу тебе об этом дне. Они, в свою очередь, велели передавать приветы и кланялись тебе.

Все тебя помнят и вспоминают достойно, можешь на этот счет не волноваться. С Лидией Владимировной, Бог даст, все будет хорошо, тем более что она не одна, сам знаешь. Думаю, что самое страшное она уже пережила и доказала нам, что она покрепче многих будет. Но ты не волнуйся, все будет хорошо, только бы дни у тебя короче были.

Новый год налетел, и уже весна на пороге, правда, лучше не торопиться это повторять, еще дожить надо. А у меня был месяц неработы. Ничего не мог делать, на сердце тоска, иногда даже места себе не находил, пил чуть-чуть. Завтра с Аллочкой уедем на неделю в Прибалтику, а потом надо браться за работу. До марта нужно сделать две заказных работы. Но не могу пока себя заставить думать о работе, все больше о другом думаю, о своем будущем. Очень хочется его увидеть. Тебе в этом безусловно поможет Света. Она уже есть твое замечательное Завтра. Впереди большая работа и ее достойная оценка.

Держись, Костенька, держись и «…верь, взойдет она…».

Целую крепко всегда твой

Толик

Зигрида Ванаг

Зигрида (Зигфрида) Болеславовна Ванаг, близкая подруга Светланы и жена Юрия Орестовича Цехновицера (1928–1993), архитектора, художника, фотографа, одного из ярких персонажей ленинградской культуры 1960–1980-х годов. Мы уже говорили, что забота о Косте и Светлане дорого стоила Зигриде, но даже такие трагические обстоятельства не охладили в ней дружеских чувств и желания облегчить участь своих близких друзей.

3

Сусуман, 21 ноября 1981 г.

Дорогой и добрый друг Зигрида Болеславовна!

С того самого момента, как в середине февраля адвокат Х[ейфец] назвал мне Ваше имя, и до самых последних недель, когда оно вновь и вновь повторяется в письмах Ленинград – Сусуман, на всех перепадах и перепутьях своего последнего года, я знал, что однажды напишу Вам письмо. И вот теперь, когда все готово и я собрался начать с Вами эпистолярный диалог, с изумлением и ужасом ощущаю, что у меня не хватает слов. Ибо написать Вам, дорогая Зигрида, для меня означает прежде всего выразить Вам глубочайшую и взволнованную благодарность за всю ту помощь, которую Вы оказали и оказываете маме и Светочке. О себе, т. е.

о Вашем участии в моем деле я уже не говорю. Помощь Ваша воистину неоценима, и, думая об этом, я всякий раз чувствую себя тронутым до глубины души. Но когда я пишу Вам об этом, то – как человек литературный – хорошо вижу всю недостаточность общепринятых слов. Что же мне делать? – задаюсь я извечным мучительным вопросом тех, кто видел пределы человеческого слова. Утешаюсь тем, что при встрече, лицом к лицу, я, быть может, точнее и чище сумею передать Вам свое чувствование, чем в письме издалека.

В общем так: сказанное здесь пусть останется на бумаге, а несказанное – на будущее.

С ностальгической тоской я думаю о Вас с Юрой, о тех вечерах и ночах в вашем доме, именно в вашем… «И катится тяжелая река» (откуда это, между прочим?) В свое время многие люди, бывшие у меня, говорили потом, что мой дом – «чисто петербургский». Но они говорили это, разумеется, лишь потому, что не бывали в вашем.

О себе умолчу. Не из скромности (мне это качество вряд ли свойственно) и не из недостатка времени (хотя времени и маловато). А просто потому, что все то, о чем я мог бы здесь написать, Вам и так уже известно. Замечу лишь, дорогая Зигрида Болеславовна, что за минувший год я, по всей видимости, несколько приблизился к Вашему мужскому идеалу, ибо Вам всегда нравились мужчины с насыщенной биографией, прошедшие через водовороты, омуты и смуты жизни. Не правда ли? Вот теперь у Вас одним таким знакомым больше.

С сильным запозданием поздравляю Вас с днем рождения и, сильно опережая время, – с Рождеством и Новым Годом. (Вы – первая, кого я поздравляю в нынешнем году с этими святыми днями.)

Если (и когда) Вы дозреете до ответного письма, пожалуйста, расскажите, как Вам отдыхалось в Нальчике и часто ли бываете на берегах Даугавы? Еще меня интересует и беспокоит Вильно. Как там?

Привет милому, дорогому Юре (помню его растерянное и тревожное лицо в день 16 марта [на суде] и Ваше – смеющееся); привет всем, кто не верит в меня как в новоявленного наркомана. Кстати: читал в «Лит. газете» отзыв В. Каверина о Нине [Катерли] и очень за нее порадовался. Передайте ей мои поздравления.

Я обнимаю Вас.

К.

P.S. Передайте, пожалуйста, Юре, что «морж» по-чукотски – «рыркы» [Юрий Цехновицер был страстным «моржом». – *П.Д.*].

4

25 ноября 1981

Милый Костя, здравствуйте!

Вчера приехала от Светочки. Хотела написать Вам сразу, но не было сил, т. к. спали мы в последнюю ночь с нею всего два часа, а в пять по-горьковскому и в шесть по-московскому мы уже расставались. Светочка – на завод, а я – в аэропорт. И прямо из аэропорта я приехала на работу. Приезжала я на выходные. В субботу Светочка с [ее сестрой] Тамарой, которая приехала в пятницу, встречали меня на вокзале. В этот же день Тамара уехала. В воскресенье мы не выходили из комнаты и весь день провели в разговорах, конечно же, о Вас, о Светочкиной поездке, она сейчас только этим и живет. Светочка очень похудела и помолодела, выглядит совсем девочкой, не девочкой-Светиком, о которой и помину нет, а Светланой и для очень близких – Светочкой. Вы писали, что ехать к Вам Светочке или не ехать, решать нам. Костя, никто, ни мы, никто другой не может, не смеет и не должен ее задерживать. Вы для нее – всё. Она к Вам босиком и пешком пойдет, никого не

спросит. Что Вам сказать об обстановке, в которой она живет? Вполне сносная. Говоря честно, я несколько побаивалась этого общежития, когда туда ехала. Но в общежитие я попала не сразу. Мы сдали вещи в камеру хранения и немножко погуляли по городу. Так что, когда мы приехали в общежитие, оно на меня не произвело тяжелого впечатления, такие же люди, как везде в городе. Светочкина соседка – человек спокойный. Они со Светочкой себя уже там поставили так, что у них в комнате проверок не бывает, и я жила у нее, даже не сдавая паспорта. Через несколько дней отправим Вам посылку. Светочка отдала для Вас тушенку и шпроты, которые привезла ей сестра. Я не хотела брать, говорила, что мы достанем сами, но она и слушать не хотела. Посылку будем посылать авиа, т. к. она идет всего пять дней.

Костя, я и Гета [Яновская] на Вас обижены, и говорю я Вам это серьезно. Костя, я понимаю, что как мама Ваша, так и Вы не хотите ни у кого ничего брать, быть кому-то обязанным, вам легче расстаться с какой-нибудь вещью. Но поверьте, Костя, что и мы не хотим, чтобы Вы были кому-то обязаны. Если что-то все делают, то делают это с желанием и только сами. Кроме того, если бы была необходимость, то поверьте, Костя, мы бы воспользовались Вашим советом в плане реализации. Так что позвольте, Костя, всему Вам принадлежащему дождаться хозяина…

Мы с Юрой крепко целуем Вас. Вам кланяются все наши друзья, знакомые и незнакомые Вам.

Зигрида

Сергей Гречишкин

Сергей Сергеевич Гречишкин (1948–2009), выпускник филологического факультета ЛГУ, участник Блоковского семинара Д.Е. Максимова; блестящий архивист, исследователь русской литературы эпохи символизма; в тот момент – сотрудник Рукописного отдела Пушкинского Дома Академии наук СССР; позднее – поэт, публицист и литературный критик, выступавший под псевдонимом Василий Пригодич (ряд его стихотворений имеет посвящения К. Азадовскому). Вместе с А.В. Лавровым оказал в тот тяжелый момент большую помощь и поддержку Константину Марковичу – начиная от участия в «сопротивлении» до заботы о научных работах арестованного друга. Письмо обращено к Сергею и его супруге Дженевре Игоревне Луковской, профессору юридического факультета ЛГУ.

5

Сусуман, 31 марта 1982

Дорогие друзья!

Прошу извинить меня за этот мятый, непристойного вида листок бумаги, на котором пишу. Случилось так, что у меня образовалось сейчас (в рабочее время) пол свободных часа, а ничего другого под рукой нет. (А, вообще, никаких проблем с бумагой, конвертами и т. п. для меня давно уже – благодаря Светочке – не существует.)

Я получил несколько дней тому назад Ваше письмо от 16 марта – лишнее подтверждение тому, что эта дата не стерлась в памяти немногих. Благодарю Вас от души; особенно же, дорогой Сережа, меня волнует и трогает Ваше заботливое отношение к Лидии Владимировне, для которой эти регулярные визиты друзей и участливое человеческое слово значат сейчас гораздо больше, чем это можно вообразить. Собственно, у нее сейчас вся жизнь сводится к этим беседам, которые и оживляют ее, и скрадывают бесконечно длящееся, мучительное ожидание.

Кончится ли для нее (иначе: дождется ли)? Развитие событий вокруг меня в колонии и те далеко поставленные цели, которыми, оказывается, и по сей день вдохновляются устроители моего «дела», заставляют меня самого вновь и со всею остротою повторять «проклятые» вопросы (и увы! более чем обоснованные, ибо они не возникли бы, не будь для того конкретных фактов и поводов).

Вам, должно быть, известно, что я уже 3 февраля обратился с заявлением в прокуратуру г. Сусумана, в котором просил прокурора по надзору явиться ко мне в колонию с тем, чтобы я мог вручить ему свою жалобу (о событиях 1–3 февраля), а также осветить ряд иных обстоятельств, связанных с моим пребыванием в ИТК–5. 10 февраля я вторично обратился по тому же адресу с аналогичным заявлением (на этот раз – в запечатанном конверте, опущенном в ящик при свидетелях). Это заявление было официально отправлено (т. е. через спецчасть колонии) 16 февраля. Не получив ответа из прокуратуры в течение двух недель, я в третий раз отправил заявление (написано 2 марта, отправлено из колонии – 11-го). И лишь после всего этого, 18 марта, ко мне пришел прокурор по надзору из Сусуманской райпрокуратуры т. Нейерди. Я вручил ему свою (давно уже написанную) жалобу, заявление от 5 марта, в котором перечислены незаконные действия администрации в отношении меня и содержится просьба изолировать меня от других осужденных (ибо от осужденных то и дело требуют «данных» обо мне), и, наконец, – подробную и обстоятельную жалобу в ЦК КПСС (во 2-й сектор Особого отдела по борьбе с беззаконием). Последний документ я дал прокурору с тем, чтобы он мог составить себе представление о моем деле в целом. Он взял все это, обещал прочитать и придти через несколько дней – «для разговора». Но вместо него пришел другой – прокурор по надзору из Магаданской областной прокуратуры. Это было 24 марта. В течение двух с лишним часов я рассказывал ему о моих делах и обстоятельствах (начиная с Ленинграда и кончая Сусуманом). Он выслушал меня очень внимательно и, не слишком обнадежив, ушел, пообещав придти еще раз. Но больше ко мне никто не приходил. Таковы мои новости.

Склонен думать, что приход ко мне обоих прокуроров был вызван не столько моими отчаянными заявлениями, сколько теми конкретными энергичными мерами, которые были предприняты в марте «с воли» – мамой и нашими друзьями.

Что и как будет дальше, сказать сейчас очень трудно. Я, несколько отстранившись от собственных забот, жду сейчас со дня на день известий из Горького. И если только я получу оттуда долгожданную весть, быть может, впервые смогу тогда остановиться, перевести дух и даже позволить себе немного расслабиться. Впервые – за 15 месяцев неостановимого, нестерпимого гона.

Очень надеюсь, что вы навестите Светочку, как только (и если) она объявится в Питере. У бедной моей девочки, насколько могу судить по ее письмам и телеграммам, под конец совсем начали сдавать нервы. И ей, как и маме, очень нужны сейчас эти инъекции успокоительных дружеских бесед…

О делах научных и литературных (на фоне дел уголовных) думать не приходится. В 4-й том Л[итературного] Н[аследства] верится слабо, уже писал Вам почему. Но насчет этого я беспокоюсь меньше. «Будет туман – прорвемся» – есть и такое присловье.

От вас я узнал, что Петр Исаакович [Консон] вернулся в строй. Ну что ж… О том, что с ним стряслась беда, я узнал лишь где-то в ноябре от Толика [Белкина]. Сам же он не писал мне ни разу (что, впрочем, от него и не требуется). Рад, что он навестил Вас. Но было бы еще лучше, если бы он навестил мою маму, которая в течение нескольких лет видела в нем одного из самых близких моих друзей!

Сереженька, я хочу вновь обеспокоить Вас указанием на издания, которые, быть может, еще доступны (для Вас). Живо интересуют меня очерки о Чехове и русском реализме, исполненные Г.А. Бялым (Л.: Наука, 1981); далее – библиография работ П.Н. Беркова. 1896–1969 (М.: Наука, 1982; эту книжечку можно, думаю, попросить для меня у Нат. Кочетковой) и, наконец, книга А. Хватова о Литературном музее Пушкинского Дома (Л., 1982). Есть еще такое издание: «Русская наука о литературе в конце XIX – начале XX века» [Монография ИМЛИ под ред. П.А. Николаева] (М., 1982), но состав его и содержание мне

неизвестны. Если это серьезно, то захватите и для меня экземплярчик.

Все это, как я писал Вам в одном из писем, отнюдь не обязательно. Просто чтобы Вы знали – на всякий случай.

О встрече с Вами я думаю покамест как об очень далекой, почти еще несбыточной радости. И вечера на берегу Ладожского озера тоже отступают в далекую блоковскую даль. Единственная реальность на ближайшее время – письмо, которого буду ждать от Вас с нетерпением.

Обнимаю Вас и желаю Вам блага.

Ваш К. А.

Поклон от меня С.В. Белову.

Лидия Капралова

Лидия Федоровна Капралова, библиограф, многолетний сотрудник Публичной библиотеки; с Константином Марковичем познакомилась еще в 1960-е годы в стенах Ленинградского университета. Близкий друг семьи Азадовских; заботилась о Лидии Владимировне, занималась (вместе с В.А. Санниковой, сотрудницей Публичной библиотеки) упаковкой книг в квартире Азадовских в начале 1981 года.

Переписка с Капраловой в 1981–1982 годах по количеству писем значительно перевешивает переписку Азадовского с другими корреспондентами.

6

г. Сусуман, 12 сентября 1981 г.

Дорогая Лида!

В начале июня, еще в Ленинграде, я получил твое письмо, которое доставило мне огромную радость. Сразу вспомнились наши последние встречи и беседы, а затем мне стало тоскливо и грустно: я подумал о том, что мне еще долго не придется видеть тебя и ходить в любимую мной Публичку, рыться в каталогах и обращаться за справками к всесведущим библиографам. Да, что и говорить, – резко и трагично повернулась жизнь. Самое страшное, конечно, в том, что вместе со мной пострадали два ни в чем не повинных человека. Особенно тяжело приходится маме – хватит ли у нее моральных и физических сил вынести до конца это испытание?!

Не говорю уже о том, что я осужден безвинно, за преступление, которого не совершал… Это особый и трудный вопрос. Разумеется, ни один нормальный человек и не смотрит на меня как на новоявленного наркомана, и в твоем письме я нашел тому еще одно подтверждение. Однако большинство все еще считает, что суть и подоплека моего дела – идеология, тогда как в действительности все, увы, гораздо прозаичнее и проще, ибо мой арест – лишь ответ на мои собственные действия против воров и расхитителей в ЛВХПУ им. В.И. Мухиной, нашедших себе, к сожалению, в Ленинграде высоких покровителей. Обо всем этом я подробно пишу сейчас в своей надзорной жалобе, адресованной в Верховный Суд РСФСР и Прокуратуру РСФСР. Но не уверен, что и там пойдут на то, чтобы разоблачить ленинградское начальство… Придется, видимо, апеллировать к еще более высоким официальным лицам.

Из маминых писем мне известно, Лидочка, какое живое и искреннее участие ты приняла в моей судьбе и какую неоценимую помощь ты оказала маме в

трудный момент. От всего сердца благодарю тебя за сочувствие и помощь и не знаю, как это выразить словами. Очень прошу тебя передать мою глубокую признательность Вале [Санниковой] – ее доброе отношение тронуло меня очень глубоко и остро. Я представляю себе, какую огромную и нелегкую работу вы проделали вдвоем! – ведь за последние годы книг у меня скопилось множество…

Как и когда я вернусь к научной и литературной работе – это покамест вопрос риторический. Очень боюсь «деквалифицироваться», отстать, потерять то, что еще до недавнего времени так прочно держалось в памяти. Вот уже девять месяцев, как я ни разу не видел «Книжного обозрения» и плохо осведомлен о том, что ценного и важного для меня появилось в печати. Ничего не знаю и о судьбе собственных работ, в том числе – большой публикации «Блок и Клюев». В связи с этим у меня к тебе небольшая просьба. В ноябре 1980 г. я сделал две работы о Достоевском и отдал их Серг[ею] Влад[имировичу Белову]. Не могла бы ты поинтересоваться у него, как с ними решено поступить. Если они обе отклонены, то пусть С.В. заберет машинопись и держит ее у себя. И, кстати, передай ему от меня дружеский привет.

Тебя же, Лидочка, я, как и прежде, прошу иметь меня в виду, если на пути твоем возникнет какая-либо ценная библиография. Что мне нужно и что меня интересует, ты ведь прекрасно знаешь.

И главное: не оставляй вниманием мою маму, которой, повторяю, приходится сейчас хуже всех. Да и состояние ее как моральное, так и физическое, судя по ее письмам, очень ненадежное. Любые слова поддержки, не говоря уже о чисто практической, бытовой помощи, для нее сейчас как воздух, важнее воздуха.

Я буду бесконечно рад каждому письму от тебя, ибо письма «оттуда» (т. е. с воли) – единственное, что мне осталось. (Свиданий я ведь практически лишен – надолго и начисто.) Сам, правда, я никому не пишу, но на каждое полученное мной письмо отвечаю исправно…

Твой К.

7

Сусуман, 7 ноября 81 г.

Лидочка, дорогой мой друг!

Благодарю тебя за письмо (со стихами), полученное мной пару дней назад. С интересом читал я и перечитывал твои строки, повествующие о «дамском рукоделии» в Отделе рукописей ГБЛ, и взгрустнулось мне, ибо из всех известных мне архивов я более всего любил работать именно в этом опрятном и удобном рукописном отделе, где все содержалось в порядке и не было «крайностей» по отношению к посетителям. (Теперь там, увы! многое изменилось – пришло новое руководство.)

За последние недели я получил немало писем, рассказывающих мне о разных событиях питерской и московской жизни, но прежде всего – о маме, которую помнят, навещают, поддерживают. Я чувствую себя теперь немного спокойней, чем раньше, но все равно тревога за маму не покидает меня. Из ее писем мне видно, как нелегко даются ей то хладнокровие и та выдержка, с коими она несет ныне свой крест.

О том, как протекает нынешняя моя жизнь, ты имеешь представление, пусть самое общее; о деталях писать не буду – их подскажет твое воображение. Главное неудобство здешнего существования – лютые морозы, которые, достигая в ноябре минус пятидесяти, держатся на этой черте до марта. (Сусуман в переводе с местного, эвенского языка означает «долина холода».) Сейчас уже мороз упорно держится на тридцати градусах ниже нуля. Правда, воздух здесь, в отличие от

нашего, балтийского, очень сухой и чистый (не «простудный»), но теплее от этого все равно не становится.

Лидочка, я тоже бывал в Загорске, два раза в жизни. Один раз ездил с очень сведущими людьми, сам будучи еще весьма молодым человеком. Они мне многое объясняли, показывали. Было это в середине 60-х гг., и многое там выглядело не так, как сегодня. А второй раз я побывал там два года назад и вынес немало впечатлений, в том числе и негативных, ибо это место ныне чересчур «замузеено». У меня там есть знакомые, очень образованные люди; о беседах с ними я часто вспоминаю в последнее время с волнением и благодарностью. И многое, чего я не понимал тогда, в своей обычной суете и повседневности, открывается мне теперь, когда наружная моя и внутренняя жизни текут раздельно, каждая сама по себе, и первая не мешает второй и не тяготит ее, как было прежде. Странно подумать, но внешняя несвобода почему-то способствует проявлению сокрытых прежде импульсов, их высвобождению… Об этом мне хотелось бы написать тебе многое, но нет возможности.

Благодарю тебя за стихотворение [Иосифа Бродского], которое, впрочем, я и сам держу в памяти уже приблизительно двадцать лет и очень люблю. Хорошо помню его в авторском исполнении в тот вечер, когда я впервые познакомился с ним. Помню и много других его строк, хороших и разных, и относящихся к разному времени. «Сжимая пространство до образа мест, где я пресмыкался от боли…» И многое другое.

Лидочка, вспоминай обо мне, но излишне не тревожься за меня, не надо. После этапа и того кризиса, который я пережил (верней сказать: до которого был намеренно доведен) в феврале – марте я чувствую себя крепче. Я вжился в эту систему и свыкся с ней, научился не замечать того, что первоначально больно било меня по ушам, глазам и нервам. Единственное, за что я постоянно и глубоко переживаю, это, конечно, мама. Прошу тебя все о том же – навещать ее время от времени, чтобы она неустанно чувствовала близ себя заботу и внимание. (Впрочем, я напрасно повторяюсь в письмах: и ты, и другие друзья помнят об этом и без моих напоминаний.)

О книгах я уже писал тебе ранее и добавить мне нечего. Мне достали оба тома «Лит. наследства» (блоковского), «Лерм[онтовскую] энциклопедию» (где, кстати сказать, две моих статьи), «Ежегодник Рук[описного] отдела ИРЛИ» (без двух моих статей, о чем я очень сокрушаюсь), справочный том к «Яснополянским запискам» [Д.П. Маковицкого]. Тебя же, Лидочка, прошу «курировать» меня в плане библиографии, малотиражных изданий (ГПБ, ГБЛ) и т. д.

Ну вот, пора прощаться. Мир тебе и благодарение за все, что ты для меня делала и делаешь. Мой душевный привет Валечке [Санниковой] и Валентину Александровичу [мужу Л.Ф.]. И еще – Городу, по которому ты бродишь и который мне часто снится. «В Петербурге мы сойдемся снова…»

Твой К.

8

8 января 1982

Костя, дорогой, здравствуй!

Спасибо большое за новогоднее поздравление, из такой холодной дали ты находишь возможность порадовать меня добрыми словами. Сейчас, когда уже большие события в твоей жизни свершились, я поздравляю тебя со всеми вместе. Заранее боялась, т. к. человек я суеверный, мнительный, боялась спугнуть, предвосхитить. Так что – с женитьбой, Новыми Годами (н[ового] ст[иля] и ст[арого] с[тиля]), с Рождеством поздравляю сразу и желаю тебе только здоровья и

терпения. Сейчас, когда Светлана Ивановна уже в Горьком и все обошлось или прошло, если можно сказать, благополучно, еще ярче понимается, какие подвиги вы совершаете, и не только нравственные. Что такое перелет на Дальний Восток, я немного представляю, т. к. иногда летаю к маме на Сахалин. Одна дорога чего стоит, а у С[ветланы] И[вановны] все осложнено было. Я, к сожалению, не повидала ее, она ведь очень занята делами, когда приезжает. Говорила с ней лишь по телефону. И по ее звенящему от ликования, счастливому голосу поняла, как она счастлива прежде всего тобой. О своих переживаниях, физических и эмоциональных нагрузках за это время она не говорит ни слова, а ведь это такой груз. Только о тебе. Так что, Костя, дорогой, если еще и справедливы слухи, что Светлана Ивановна еще и красива необыкновенно, это дамские сплетни, то я рада за тебя, что у тебя столь героическая жена, и дай вам Бог скорее и навсегда быть вместе. Эта поездка, и особенно подробный рассказ о ней, и особенно вид счастливой невестки в Лидию Владимировну вдохнули новые силы. Я видела ее 2 янв[аря], говорила по телефону 7 января и радуюсь за нее. Мама твоя очень благородная женщина, и я целую ей руки. Радость в ее положении сейчас самое лучшее лекарство, поэтому поездка Светланы Ив[ановны] была кстати.

Все, что я услышала о тебе, еще раз подтверждает слухи о твоем мужестве и благородстве в этой трагической ситуации. За что опять-таки огромное личное спасибо, ибо ваши поступки, поведение, вся трагичность жизни вашей для меня лично и, хочу надеяться, и для других – большая ежедневная моральная поддержка, т. к. теперешняя жизнь наша, если не внешне, то внутренне, нуждается в таких струях именно человеческого, настоящего, поскольку много вокруг, кроме липкой суеты, еще и печальных обстоятельств. Лично мне всегда нужны сравнения, и часто я теперь свою жизнь и поступки ежедневные сверяю по сусуманским часам. <…>

Не осуждая позднего раскаяния. Не искажая истины условной, ты отражаешь Авеля и Каина, как будто отражаешь маски клоуна. Как будто все мы – гости поздние, как будто наспех поправляем галстуки, как будто одинаково погостами покончим мы, разнообразно алчущие. Но, сознавая собственную зыбкость, ты будешь вновь разглядывать улыбки и различать за мишурою ценность, как за щитом самообмана – нежность. О, ощути за суетностью цельность и на обычном циферблате – вечность. Пишу [«Сонет к зеркалу» Бродского] по памяти, поэтому знаки расставь сам, ведь ты помнишь их мелодию. С тех далеких дней я что-то больше поэзии не запоминаю. Иногда в журналах попадается проза.

Кстати, Костя, ты не обращаешься ни с какими просьбами. Пожалуйста, почту за честь. О маме не тревожься. Она ждет тебя, и чем можно мы помогаем ей. Смогу ли я посылать тебе бандеролью «Литературную газету» или сохранить до тебя? Получил ли ты посылку, послали 9 декабря. Пиши, дорогой Костя, помним тебя. Валечка молится за тебя. Валентин Александрович, когда я впадаю в панику по поводу, каково тебе при –50º С, успокаивает меня, говорит, что ты хоть и филолог, и поэт, и эстет, но, черт возьми, мужчина. Я верю ему и надеюсь. И хотя здесь тоже –20º, не жалуюсь. Бог с тобой. Береги себя.

Лида.

Александр Лавров

Александр Васильевич Лавров, филолог, текстолог, исследователь русской литературы начала XX века (ныне – академик), близкий друг Азадовского с начала 1970-х годов, его соавтор по ряду работ, среди которых – фундаментальное исследование «Переписка В.Я. Брюсова с М.А. Волошиным» (1994). С 1971 года – сотрудник Пушкинского Дома. После ареста и осуждения Светланы и Константина Азадовских принимал (вместе с женой Татьяной Павловой) непосредственное и деятельное участие в защитных акциях; инициировал (вместе с С.С. Гречишкиным) ряд писем в поддержку Азадовского.

9

13 сентября 1981

Дорогой Костя!

надеюсь, что это письмо, в отличие от предыдущих, отправленных по Вашему прежнему адресу, дойдет до Вас. На днях я был у Лидии Владимировны, которая показала мне последнее Ваше письмо, а также официальное уведомление о месте Вашего пребывания, полученное одновременно. Лидия Владимировна, как мне показалось после почти месячного отсутствия (я жил в отпуске на Сиверской), выглядит сейчас довольно хорошо, во всяком случае лучше, чем в ту пору, когда Вы с ней виделись на свидании; то же самое находит и врач [Ирина Ефимовна] Ганелина (жена Якова Соломоновича Лурье, видный кардиолог), которая ее осматривала на днях. Сейчас ждем встречи со Светочкой, которая должна приехать в отпуск в начале октября (предполагалось, что 18 сентября, но там сместилась очередь отпусков).

Все время, прошедшее с конца декабря минувшего года, не было у нас дня, когда мы не думали бы о Вас, не волновались и не тревожились бы о Вас, не порывались бы предпринять какие-то шаги, как видите, не увенчавшиеся пока заметным успехом. Надеемся, что глухота, на которую суждено было повсеместно натыкаться в Питере, будет преодолена на московских предстоящих путях; если предвзятое отношение в данном случае не распространяется так далеко, то есть все основания ожидать каких-то ответов; но трудно, после всех неудач, заранее Вас обнадеживать. К сожалению, пока ничего утешительного не могу сообщить и из области литературных дел. Только что вышел последний «Ежегодник» [Рукописного отдела ИРЛИ] без публикаций Цветаевой и дневника Фидлера; Ксения Дмитриевна [Муратова] добивалась, чтобы они вышли за подписью К.М. Маркова, издательство на это согласилось, но наша дирекция воспрепятствовала…

Илья Самойлович [Зильберштейн] зимой и весной очень энергично собирался отстаивать клюевскую публикацию в самых высоких инстанциях, расспрашивал меня обо всем и был готов рваться в бой, но на сегодняшний день, кажется, ничего не добился; во всяком случае, его намерение открыть Клюевым третью книгу блоковского тома не реализовалось, и теперь он предполагает, если удастся, дать публикацию в четвертой книге; в своих планах он стремится выйти на А. Ваксберга, почему-то связывая с этим свои хлопоты за клюевскую публикацию. Ждем сейчас корректуру 3-й книги.

Все мы очень встревожены и озабочены, помимо самого факта путешествия на край света, тем, чтó Вас там встретит, чем придется заниматься. Понимаю всю сложность эпистолярного обмена в этой связи, все же хотелось бы знать, чем можно отсюда помочь: что можно и нужно послать, что предпринять. Напишите хотя бы в двух словах.

Этим летом у нас состоялся квартирообмен. Теперь у нас отдельная двухкомнатная квартира по адресу: 197101, Кировский пр., 16, кв. 9. Отняла эта процедура массу времени и сил, впереди еще заботы и расходы по внутриквартирному благоустройству, так что и в этом отношении постоянно приходится мысленно возвращаться к Вам и учитывать Ваш опыт. Самое трогательное, что первый звонок «со стороны» (т. е. не по обменным делам), который раздался в начале сентября (нет, 31 августа) в нашем новом жилище, был от Светочки из Горького (она узнала телефон у Лидии Владимировны); мы очень хорошо поговорили; сейчас Света очень воспрянула духом (в сравнении с февралем, когда мы с ней виделись в последний раз), больше всего беспокоится о Вас, подготовила для Вас посылку, которую Вы, наверное, уже получили.

Обнимаю вас, Костя, и все же не оставляю надежды увидеться раньше, чем в конце предстоящего года; не теряйте мужества и силы духа; даст Бог, переместится ход этой истории на другие рельсы. Все мы с Вами, любим Вас, внутренне разделяем Вашу судьбу.

Ваш Ал. Лавров

10

14 октября 1981

Дорогой Костя,

огромную радость суждено было испытать, снова услышав в письме Ваш голос и почувствовав незыблемость и неистребимость прежних хорошо знакомых интонаций. Пришло оно в дни, когда здесь была Светочка; с нею мы изо дня в день общались, собирали по такому поводу в нашем новом жилище гостей и даже побывали вместе [в ресторане] на Витебском вокзале. Живет Света, конечно, всецело своим нынешним положением, но думает и беспокоится все время исключительно о Вас; проявляет она такую самоотверженность и такую силу духа, какие трудно было предугадать в ней даже нам, давно ее знавшим и ценившим ее душевные качества, ее редкостную доброту, отзывчивость.

В моей судьбе за последнее время случились тоже серьезные изменения. 19 сентября скоропостижно скончался Михаил Павлович [Алексеев] (мгновенная смерть, то ли инсульт, то ли обширный инфаркт); похоронили в Комарове, через могилу слева от Ахматовой. Возглавить сектор назначен Баскаков (исполняющий обязанности); я же частично должен буду заниматься изданием работ М.П., частично – продолжать работу по Блоку (академическое полное собрание). Последние недели практически полностью поглотило случившееся; хотя М.П. исполнилось недавно уже 85 лет, такой развязки сейчас никто не ожидал, она потрясла и ошеломила. Наше учреждение неуклонно продолжает развиваться в известном Вам направлении, и смерть М.П. может грустным образом сказаться еще во многих отношениях и по многим поводам, о которых пока только догадываемся. 9-го или 10-го сентября случилось еще одно трагическое событие – погибла, сбитая автомобилем, дочь Д.С. Лихачева Вера Дмитриевна. Дм. Серг. сейчас в тяжелом состоянии, из которого только начинает, как говорят, понемногу приходить в себя. Таковы судьбы двух Ваших защитников. (Михаил Павлович собирался возобновить свое ходатайство по Вашему поводу, теперь уже для московских инстанций; Д.С. также обещал свою помощь для Москвы.) Не знаю, сумел ли чего-либо добиться на сегодняшний день Зильберштейн; постараюсь узнать и по возможности напомнить о данных им обещаниях. За это время вышла «Лермонтовская энциклопедия» с двумя Вашими статьями (о Рильке и о Лермонтове в Испании), к сожалению, подписанными только инициалами (К.А.); В.А. Мануйлов подписал для Вас экземпляр, и он сейчас у Лидии Владимировны. Думаю, что все эти печатные дискриминации имеют сугубо перестраховочный, а не глобальный характер; доказательством тому является только что вышедший четвертый том библиографии «Русские советские писатели. Поэты», где напечатаны дополнения к брюсовской ереванской библиографии и где указаны за Вашей подписью не только работы собственно о Брюсове, но и статья о Клюеве в «Русской литературе».

Ваши публикации в «Ежегоднике» были доведены до первой корректуры, но не далее; корректурные оттиски остались в издательстве, у Ксении Дмитриевны их нет; она обещала возвратить 2-й или 3-й машинописный экземпляр, оставшийся у нее, и тогда я попробую повести дальнейшие разговоры; для обращения к «Памятникам [культуры]», наверное, даже лучше прибегнуть к машинописи, чем к непошедшей корректуре? Конечно, при всем доброжелательстве тамошней редакции, предвижу, что сразу не удастся получить на этот счет каких-либо гарантий. К[сения] Д[митриевна] больше «Ежегодником» не занимается (вообще более не подготовлено ни одного выпуска), пытается организовать библиографическую группу для нового издания своей библиографии по литературе XIX – начала XX в. (за последние годы).

Книгу Баскакова «Пушкинский Дом», указатель к «Яснополянским

запискам», две первые книги блоковского «Лит. наследства» я для Вас раздобыл, они сейчас у Лидии Владимировны; надеюсь кое-что из вышедшего непосредственно подарить Вам уже при встрече; конечно, буду иметь в виду Ваши просьбы и вообще литературные интересы. Не знаю, нужна ли Вам «История литературы ФРГ» (фактически шестой том «Истории немецкой литературы» ИМЛИ), ее можно купить, она доступна.

Как и Вы, мы сейчас всецело надеемся на столицу, и надо сказать, что Е[вгений] С[амойлович Шальман] прилагает в этом направлении решительные усилия (он должен где-то на днях послать Вам выработанное им заключение по делу). Хочется думать, что швейные работы, изнурительные сами по себе, все же позволят Вам сравнительно безбедно скоротать сибирскую зиму. И Таня, и я, и многие, читавшие Ваше письмо, рады, что Вы внутренне остаетесь свободны от «местного колорита», что духовно Вы над обстоятельствами, а не наоборот. Обнимаю Вас и желаю доброго здоровья, силы, твердости.

Сердечно Ваш Ал. Лавров

11

16 апреля 1982

Дорогой Костя,

давно уже не приходилось мне писать Вам, хотя все эти месяцы я был в курсе Ваших дел, знакомясь со всеми поступавшими от Вас известиями. Понимаю, что все мои прежние призывы к особой осмотрительности были излишни и что это для Вас самоочевидно.

Стоит ли говорить, как тяжело воспринимали мы все сообщения о тревожных симптомах, окрасивших Вашу и без того тяжелейшую ситуацию. Вы знаете, что хлопоты вокруг Вашего дела не прекращаются; в частности, в апреле прежние Ваши заступники вновь обратились с просьбой разобраться в Вашем деле – в инстанцию, на которую, может быть, имеет смысл возлагать какие-то надежды…

Позавчера мы вновь увиделись со Светланой. Для нее, слава Богу, наступил прежний круг обычных мирских забот (акклиматизация в городе, трудоустройство и т. д.). Внешне она (не работая последнюю неделю в Горьком, а лишь подписывая бумаги) восстановила свой прежний, так хорошо знакомый облик, элегантна, свежа, фактически не несет на себе отпечатка последних полутора лет своей жизни; внутренне же, конечно, очень изменившийся человек, помудревший и окрепший в своих самых лучших душевных качествах. Думаю, что и для Вас, в Вашем остром и чреватом переменами положении, немалое облегчение то, что она, наконец, вернулась в «нормальную» жизнь.

О «Лит. наследстве», к сожалению, ничего нового сообщить не могу, давно не имел от них никаких известий. Знаю только, что корректуры 3-й книги долго держал и правил [В.Р.] Щербина, но [публикация из дневника. – *П.Д.*] Фидлера, сколько знаю, эта правка не коснулась. Отложил для Вас экземпляр только что вышедшей третьей книги о Пушкинском Доме (статьи, документы, библиография). Эволюция нашего учреждения неуклонно продолжается в том направлении, о котором Вы помните еще по 1980 году, и впереди есть реальные шансы продолжать свои «труды и дни» вне его стен; правда, блоковское издание является еще каким-то более или менее прочным плацдармом, но и оно, при желании, может не остеречь от определенных решений, если таковые будут настойчиво вынашиваться… Все это, разумеется, пока только сослагательное наклонение, и, хочется надеяться, таковым и останется. Во всяком случае, все это – совсем не в той системе координат, к которой Вы вот уже полтора года принуждены привыкать. Всем сердцем уповаю на то, что мы увидимся в этом году. Мужайтесь, Костя, помните прежде всего о необходимости сохранить свое здоровье.

Таня Вам кланяется.

Сердечно Ваш Ал. Лавров

Дмитрий Максимов

Дмитрий Евгеньевич Максимов (1904–1987), выдающийся историк русской литературы. Главной темой всей его жизни была поэзия русского символизма (творчество Брюсова, Блока, Андрея Белого). Вероятно, он мог бы стать биографом и других русских символистов, но эпоха не предоставила ему свободы выбора. Будучи профессором Ленинградского университета, Дмитрий Евгеньевич долгие годы вел на филфаке Блоковский семинар, из которого вышло немало будущих исследователей Серебряного века. Азадовский еще студентом слушал курс Максимова по русской поэзии начала XIX века. Сближение профессора с бывшим студентом, обернувшееся дружбой и совместной работой, произошло позднее. В начале 1970-х они подготовили для «Литературного наследства» (т. 85) обширное исследование, посвященное символистскому журналу «Весы».

Лагерная переписка с Д.Е. Максимовым имела для Константина Марковича большое значение: ведь даже в 1980-е годы не каждый мог позволить себе такой шаг, как написать письмо осужденному… И то, что Дмитрий Евгеньевич, который сам в 1930-е годы пережил испытание ссылкой, не отступился от него, оказалось большой психологической поддержкой.

Хотелось бы сказать о Дмитрии Евгеньевиче много слов в превосходной степени, но оставим читателя наедине с письмами.

12

12 октября 1981

Дорогой Костя – горячий привет Вам из Ленинграда. Радуюсь, что появилась возможность к Вам написать. Но и до сих пор, пока пора писем еще не пришла, я и мы много думали о Вас, точнее, думали все время и очень за Вас болели и продолжаем болеть. Сейчас предпринимаются новые, очень серьезные шаги, направленные к восстановлению справедливости. Хочется думать, что они приведут к положительным результатам.

Саша [Лавров] показывал мне Ваше недавнее письмо, написанное бодро, с полным присутствием духа. Хорошо думать, что Вас не покинули стойкость и мужество. Хорошо, что Вы так живо интересуетесь литературными делами. 3-й и 4-й выпуск Литнаследства [посвященные А. Блоку] еще не набираются, и, может быть, еще не все шансы потеряны. А кроме того, на 1982 г. планируется новый блоковский сборник, в котором, возможно, найдется место – если в Литнаследстве не выйдет – и для Вашей работы. Что же касается новых выходящих изданий, то они для Вас резервируются. Среди них – и только что вышедшая моя книга о Блоке – 2-е издание с небольшими дополнениями.

Не так давно был у Вашей мамы и нашел ее в состоянии вполне удовлетворительном. Мы очень оживленно разговаривали. Переживая Ваше дело, она интересуется всем другим и очень трезво обо всем рассуждает. Я нашел ее не только в «полной форме», но даже красивой. Ваши молодые друзья о ней заботятся очень и рады помогать ей во всех смыслах. Особенно я вижу это на примере Саши, человека в высшей степени достойного и заслуживающего самой высокой оценки по всем линиям.

Сегодня он зашел ко мне, после того как проводил Светлану на вокзал в Горький. Ей трудно, но трудности в пределах ее возможностей, и она справляется. Я понял, что и в ней есть присутствие духа. Есть надежда, что и жилищные ее дела могут быть разрешены благоприятно.

О том, какие потери понесла филологическая наука, Вы знаете, наверно.

Умер М.П. Алексеев и Стеблин-Каменский. Погибла любимейшая дочка Дм. Сергеевича [Лихачева] – Верочка (под колесами машины). Отец ее в ужасном состоянии. Она была лучшим его другом и произведением его творчества. Оправится ли он хоть отчасти, неясно.

Желаю Вам больше надежды и такой же стойкости, как до сих пор.

Крепко Вас обнимаю и думаю о Вас. Л[ина] Як[овлевна] очень Вам сочувствует.

Напишите и мне.

Ваш Д. Максимов

13

Сусуман, 22 октября 1981 г.

Дорогой Дмитрий Евгеньевич!

Вчера получил Ваше письмо от 12 октября и был ему несказанно рад. За последние десять месяцев не раз и не два я вспоминал и думал о Вас. Уже давно, в одном из своих писем, мама передавала мне от Вас привет, а теперь, наконец, меня достигли Ваши собственные строки. При виде Вашего почерка, при виде текста, отпечатанного на Вашей хорошо мне знакомой машинке, многие воспоминания нахлынули на меня, и весь вечер я находился в каком-то радостном возбуждении. Я живо припомнил, в частности, наше первое знакомство, которое состоялось в 1960-м году… на экзамене по русской словесности начала XIX столетия. Я, помнится, отвечал Вам тогда поэзию Жуковского и все время пытался свернуть на немецких романтиков (уже тогда я хотел писать о них – главный из многих моих неосуществленных сокровенных замыслов!). Вы внимательно и, как мне казалось, не без интереса слушали мой ответ, изредка задавали кое-какие вопросы. Думалось ли Вам тогда, что через двадцать с лишним лет вам придется писать мне в Магаданскую область?!

Последний год оказался для меня исключительно насыщенным: я проехал через всю страну, многое, очень многое видел, слышал и пережил. Писать об этом мне сейчас трудно да и незачем – ведь основное Вы и сами знаете. В той драме, которая разыгралась со мной и вокруг меня, самым тяжелым для меня было и остается нынешнее положение мамы… Я знаю, что друзья заботятся о ней и ведут себя воистину героически, и, тем не менее, мысли о маме неотступно владеют моим сознанием, и никуда мне от них не деться. Спасибо Вам, дорогой Дмитрий Евгеньевич, что Вы навестили маму и морально поддержали ее!

Очень беспокоит меня также и Светлана, несмотря на то что положение ее – внешне – изменилось к лучшему. Вы правы, в ней есть присутствие духа; все эти месяцы она держалась и держится молодцом, но я-то знаю, какое у нее хрупкое и ранимое сознание, как легко поддается она приступам ужаса, паники и отчаяния. (В феврале и марте, в Крестах, мне ежедневно и настойчиво внушалось, что она сошла с ума, и я, стыдно признаться, почти поверил в это.) Сейчас она провела неделю на берегах Невы, и я очень надеюсь, что любовь и трогательная забота, которой окружили ее друзья, сама ситуация, которая налагает на нее определенную ответственность, помогут Светочке продержаться до конца срока на волжских берегах.

Научные и литературные мои дела пришли за эти месяцы в полный упадок. Работать в тех условиях, в коих я пребываю, практически невозможно; нет времени, нет книг, нет даже письменного стола и стула. Еще в Ленинграде я попытался записать некоторые из своих мыслей о трагическом конфликте в литературе – тема, как Вы понимаете, гигантская и неплохо изученная (на Западе). Чтобы справиться с ней, надо прочитать огромное количество разного рода произведений. (В частности, я очень плохо знаю русскую трагедию начала XIX века, Озерова, Катенина и др. – уроки Ваши, увы! со временем стерлись в памяти.) Но я набросал с грехом пополам «концептуальную» часть и не теряю надежды, что

мне когда-либо удастся переделать набело сей черновой набросок.

Очень горюю, разумеется, о судьбе некоторых своих (уже доведенных до конца) работ; среди них – огромная книга «Рильке и Россия», известная Вам публикация писем Клюева и др. Впрочем, друзья пишут мне по этому поводу ободряющие слова и заверяют меня, что рукописи не горят.

В местной библиотеке имеется кое-что: не знаю, хватит ли мне этого до конца срока, но покамест – чтения достаточно. Помимо текущей периодики, широко представлена русская и зарубежная классика, и в свободные часы (которых немного) я лихорадочно восполняю пробелы. Так, в данный момент я читаю (впервые!) «Захудалый род» Лескова. А до того читал А. Франса, Диккенса, Золя. Контрасты.

Поздравляю Вас со вторым изданием Вашей книги и благодарю за «резервацию» для меня одного экземпляра. Жалею, что не быть мне (как предполагалось) ее рецензентом. А над чем Вы работаете в нынешнем сезоне? Как сложилась судьба Вашей работы о Вл. Соловьеве? Обо всем этом мне очень хотелось бы знать – я уже чувствую себя сильно отставшим от той жизни, частичкой которой был в последние годы.

С декабря 80-го года я не держал в руках ни одного номера «Книжного обозрения», но знаю, что немало ценного вышло в свет или готовится к выходу. Очень прошу Вас, Дмитрий Евгеньевич: ежели Вам в Лавке Писателей или по случаю подвернется лишний экземпляр какого-нибудь дефицитного издания – вспомните обо мне (какого именно, не уточняю, ибо круг моих интересов Вам хорошо известен).

В отношении своего «дела» я не питаю (и не питал с самого начала) никаких особых надежд и иллюзий, и больше всего, говоря честно, я уповаю не на официальные инстанции, а на поддержку общественности, о чем я уже неоднократно писал и маме, и всем друзьям.

В Вашем письме, дорогой Дмитрий Евгеньевич, Вы ничего не написали о себе. Почему? Если Вы сочтете нужным ответить на это мое письмо, то очень прошу Вас рассказать подробно, как Вы себя чувствуете, как Вам живется, как Вы провели минувшее лето и т. п. Как Лина Яковлевна, как ее здоровье? Очень прошу Вас тепло поблагодарить ее за привет и сочувствие…

Здесь давно уже наступила зима. Каждое утро – минус двадцать, а затем «холодный белый день», ибо кругом возвышаются занесенные снегом сусуманские сопки. Скоро станет еще холодней (до пятидесяти ниже нуля); Сусуман, наряду с Верхоянском и Оймяконом, – один из полюсов холода. К северу – Чукотка, к Западу (совсем рядом) – Якутия. А вокруг – легендарная Колыма.

Желаю Вам здоровья, спокойствия и бодрости душевной. Еще раз благодарю Вас за письмо и память.

Ваш К. А.

14

30 ноября 1981

Дорогой Костя, рад был получить Ваше письмо, собранное, бодрое, устремленное к будущему. В свое время, в трудный момент своей жизни я постоянно вспоминал пушкинское: «Так тяжкий млат, дробя стекло, кует булат». Эти стихи так вошли в мою жизнь, что мне кажется, я уже приводил их Вам в прошлом письме…

В настоящее время «булатом» себя никак не назову. Энергично зашевелился мой полиартрит, чувствую себя отвратно и как-то безвылазно. Особенно плохо ходят ноги, полуходят. Поэтому вопреки своему желанию не посетил еще раз Вашу маму. Ограничился телефонным разговором. К счастью, она, по моим впечатлениям, чувствует себя относительно удовлетворительно и бодрится. Прямых квартирных угроз пока нет. Покупает Вам книги. А вот я по этой части

плох. Добраться до Лавки писателей для меня – подвиг силы беспримерной. Прирост моей библиотеки определяется только тем, что присылают.

Литературная жизнь переваливается ни шатко, ни валко. Недавно в Музее Достоевского проводилась трехдневная конференция, говорят, малоинтересная. Получены чистые листы «Петербурга» [Андрея Белого в серии «Лит. памятники»]. Дмитрий Сергеевич [Лихачев], кажется, начинает приходить в себя от горя: смерти дочери. В Москве отмечался его 75-летний юбилей.

Не тоскуйте, дорогой Костя, не унывайте, Вас помнят и делают, что можно.

Крепко и сердечно жму Вашу руку.

Ваш Д. Максимов

15

2 марта 1982

Дорогой Костя! Давно Вам не писал – слишком плохо у нас было дома: сильно болела Лина Яковлевна, и я на несколько ступенек спустился вниз. Все труднее становится жить с грузом годов и недугов, все труднее работать…

Зато о Вас я слышал хорошее – конечно, в тесных рамках возможного. Слышал, что Вас можно наконец поздравить – и я с радостью делаю это. Я не знаком со Светланой, но верю, что это будет по-настоящему – прочно и светло. Вы прошли через общие серьезные испытания – и это связывает крепче и надежнее, чем всяческие идиллии и легкие радости. Да будет Вам обоим хорошо в предстоящей Вам большой жизни. Кстати сказать, я слышал, что она к апрелю возвращается в Ленинград…

На Вашем квартирном фронте, как мне сказала Лидия Владимировна, – большая удача. Дом отремонтирован, и никаких переселений ей и Вам больше не угрожает. Навестить ее, к сожалению, я пока не могу – передвигаюсь с трудом: полиартрит решил заняться моими ногами. Но от ее голоса по телефону очень хорошее впечатление. Она говорит собранно, бодро, логично, самоуправляемо. Такое же впечатление бодрости и стойкости, как от Ваших писем.

Из литературных новостей, пожалуй, самая большая – выход «Петербурга» А. Белого с прекрасными примечаниями Саши [Лаврова] и его друга [Сергея Гречишкина]. Книгу эту очень трудно достать, но, надеюсь, ему удастся это сделать для Вас.

Интересное и новое явление – открытие клуба молодых, нонконформистских поэтов и прозаиков, таких, как известная Вам Лена [Шварц] и мн. другие. Они собирались уже при многочисленной длинноволосой публике раз пять, и им разрешено выпустить небольшим тиражом альманах. Все это – на базе музея Достоевского…

Что касается меня самого, то живу тихо и замедленно. Получил корректуру Блока и В. Соловьева из провинции, а летом надеюсь увидеть в журнальной публикации свои воспоминания о Белом…

Кажется, все, достойное внимания.

Обнимаю Вас и крепко жму Вашу руку.

Ваш Д. Максимов

16

Сусуман, 22 марта 1982

Дорогой Дмитрий Евгеньевич!

Ваше письмо от 2 марта благополучно и своевременно попало в мои руки, и я благодарен Вам за новости, которые оно содержит. Не скажу, что они меня

чересчур порадовали. Вы мало сообщаете о себе, но я мог почувствовать, что недомогание Ваше по-прежнему беспокоит Вас и осложняет Вашу жизнь, мешая работать. Впрочем, судя опять-таки по Вашему письму, Вы работали за то время, что мы с Вами не виделись, весьма плодотворно. В каком журнале должны увидеть свет Ваши воспоминания о Белом? В какой из провинций явятся Соловьев и Блок? Впрочем, где бы и когда бы это ни произошло, Вы – я надеюсь – не забудете, что я принадлежу к числу Ваших постоянных читателей (и по-читателей). Действительно, Дмитрий Евгеньевич, я ведь читал и хорошо помню все написанное Вами, начиная со статьи о «Новом пути». Так что поддержите эту традицию, не дайте ей прерваться.

О моей жизни и печальных переменах, наметившихся в ней с 1 февраля с.г., Вы, должно быть, слышали. Сейчас мои жалобы рассматривает сусуманский прокурор по надзору; если меры не будут приняты, мне придется обращаться дальше и выше.

Радует и обнадеживает меня лишь то, что мама, кажется, оправилась насколько возможно от страшного удара, какой был нанесен ей моим арестом, и что Светочка должна в апреле освободиться «подчистую». О своем я уже не заплачу, как писала Ахматова, но судьба этих двух страдающих (из-за меня, но не по моей вине) женщин – это главное бремя, которое с самого начала тяготит мое сознание, не очень-то приученное к таким «перегрузкам».

У вас уже началась весна, а у нас еще лишь еле угадывается. Морозы держатся между тридцатью и сорока. Все это продлится еще приблизительно месяц, а потом начнется колымская весна, и это (психологически) будет для нас самое трудное время. Об этом даже в песнях поется…

Дело мое находится сейчас в Москве и рассматривается зам. прокурора РСФСР. В ближайшие недели должен быть какой-то результат. Я думаю, что лишь теперь, начиная с этих московских ступеней, настает пора всерьез заняться моим делом («беспрецедентным», как я характеризую его в одной из своих жалоб), вынести протест и пересмотреть приговор. Сам я возлагаю более всего надежды на свое обращение в ЦК КПСС, очень подробное и насыщенное фактами, которое, я предполагаю, где-то около 1 апреля отправится, наконец, в Москву.

А все, что было до того (имею в виду хлопоты и беспокойства по моему делу), было уже ab ovo обречено на неудачу, особенно на ленинградском уровне.

Между прочим, здесь в колонии я гораздо больше, чем раньше, имею возможность знакомиться с нашей отечественной периодикой (за отсутствием иного, конечно). Регулярно просматриваю «Вопр. лит-ры» и «Вопр. философии», и «Книжное обозрение», и многое другое. Между прочим, встречается немало любопытного, причем в таких изданиях, как «Огонек» или журнал «Ровесник»… Историко-литературный уровень статей и публикаций, напечатанных в этих массовых многотиражных журналах, как правило, достаточно высокий. Я с удовольствием отметил для себя это явление и сделал некоторые выводы применительно к своей будущей научной и литературной деятельности.

Ну вот. Немного пообщался с Вами, и стало на душе полегче, как будто провел полчаса наедине с Вами в Вашем кабинете на Петербургской стороне. Всего Вам доброго.

Берегите себя и не перегружайте себя работой.

Поклон от меня Лине Яковлевне.

Ваш К. А.

17

6 мая 1982

Дорогой Костя! Давно Вам не писал: очень уж омерзительно себя чувствовал, почти не занимался. Теперь стало немного лучше – из горизонтального положения привожу себя в вертикальное, привычное, у стола.

Справляюсь о Вас у разных людей. Они дополняют Ваше последнее письмо. Сегодня говорил с Вашей мамой. Она в восторге от Светланы. Как хорошо: древняя тревожная ситуация «невестка в доме» у Вас оказалась не только не тревожной, а наоборот, лучшей из возможных. Вам повезло. Светлана хлопочет.

Лидия Владимировна на днях переселяется в Пансионат АН в Павловске на месяц. Ей выхлопотали эту трудно добываемую путевку. Время очень подходящее для отъезда из города – сегодня яркое солнце и плюс 21°, похоже на то, что перелом к лету (пишу об этих погодных прелестях с опаской: ведь у Вас, вероятно, еще очень холодно и контраст для Вас огорчителен).

Зимней своей работой резко недоволен: сделал меньше, чем когда-нибудь. Подползаю к «Петербургу» Белого, но медленно, не как черепаха, а, скорее, как рак, который пятится назад. Печатаются вещи старые, сделанные 2–3 года назад, и их мало. Любопытно только, как прозвучит мой мемуарный опус (о Белом) – жанр для меня новый, но соответствующий возрасту. Устал я от всего, и ряды близких очень, очень поредели, да и есть ли близкие?

Нашу тихую литературоведческую жизнь в Ленинграде за последнее время «взволновали» два юбилея: Л.Я. Гинзбург (весьма пышно и изысканно в С[оюзе] П[исателей]) и Макогона [Г.П. Макогоненко] в ЛГУ – еще более пышно и менее изысканно. ИРЛИ все более стервеет, а Блоковская группа работает плохо – я, слава Богу, от нее отмежевался… В. Орлов оч. болен и совсем ослеп.

Все Ваши друзья надеются на предстоящее Вам в скором времени возвращение. Дай Бог, чтобы оно состоялось раньше положенного срока. Хорошо, что Вы вернетесь в хороший, полный тепла и душевного уюта дом.

Напишите о себе подробнее – о внешнем и внутреннем. В мае и в начале июня мы будем в городе…

Крепко и дружественно жму Вашу руку.

Л[ина] Я[ковлевна] шлет сердечный привет.

Ваш Д.М.

Как Ваша Муза? По всем умозрительным данным она должна себя проявить активно.

18

4 июля 1982

Дорогой Костя! Мы с Линой Яковлевной и с другими знакомыми и не знакомыми с Вами людьми много о Вас вспоминаем, сопереживаем и беспокоимся. Поверьте, что это не только слова, но и подлинная правда. Конечно, это очень усилилось с получением тревожных известий о Вас, о перипетиях в Вашей жизни. Теперь, как будто, у Вас все относительно утихомирилось, и в декабре, а может, и раньше мы с Вами встретимся.

Ответил Вам не сразу, т. к. у нас в нашей маленькой семье беда. Очень серьезной и длительной болезнью заболела Лина Яковлевна. Но все же решили ехать «на дачу», в бывшие владения Владисл. Евг. [Евгеньева-Максимова]. Завтра, кажется, едем, и сегодняшний день проходит в предотъездных хлопотах. В Вашем семействе, насколько мне известно, все благополучно и самое утешительное и радующее – душевный союз Вашей мамы и Светланы (с нею я еще не познакомился, но если она пожелает, рад был бы встретиться – до Вашего возвращения, а после оного – само собой).

В литературном мире для меня самое большое событие – выход «Философии общего дела» Федорова. Увы! мне она не досталась. В Лавке писателей я по небрежности прозевал годовую подписку. Вышла также книга Л.Я. Гинзбург с небывалой для нее и литературоведения мемуарной частью. Скоро и мои короткие

воспоминания об Анд. Белом, надеюсь, появятся в печати.

Беспокоят дела Саши [Лаврова] в П[ушкинском] Д[оме]. Хочется думать, что все обойдется, но… Во всяком случае, он так созрел и так любим и уважаем всеми, что не пропадет. Я радуюсь за Вас и завидую Вам, что у Вас есть такие друзья. Верю, что за короткое время и Ваши литературные дела восстановятся и достигнут прежнего уровня и превзойдут его. Во всяком случае, та школа «русской классики», которую Вы заканчиваете, Вам пригодится. Да поможет Вам Бог!

Крепко и сердечно обнимаю Вас.

Л[ина] Я[ковлевна] кланяется.

Ваш Д. Максимов

19

27 сентября 1982

Дорогой Костя!

Мы давно не обменивались с Вами письмами. Сведения о Вас я имею от Саши [Лаврова]. Твердо надеюсь пожать Вашу руку в декабре. Очень радует меня и внушает уважение Ваша мужественность, стойкость и способность к борьбе за свое достоинство. Я очень верю в Вашу судьбу, в Вашу способность ею управлять и в Ваше будущее…

У нас особенных перемен нет. Работа идет медленно, но сижу упорно. Мои воспоминания об Анд. Белом Вы, вероятно, читали уже в «Звезде» (№ 7). На днях вышла из печати в Иванове (изд. Ивановского ун-та) моя большая статья о Блоке и Вл. Соловьеве. Это – вдвое или втрое разросшаяся работа 1956 г., напечатанная тогда в ученых записках. Вообще меня тянет к переделке моих старых работ, написанных тем относительно близким человеком, который был когда-то мною.

На прошлой неделе видели два фильма: «Амаркорд» Феллини и «Осенняя соната» Бергмана. Второй – в высшей степени понравился, а первый – нет. Я пожалел о прежнем гениальном Феллини времени «Дороги» и «Ночей Кабирии». Мне показалось, что в его новых работах какой-то признак духовного истощения… Впрочем, все скоро сами увидите и выразите свое мнение. Об «Амаркорде» у нас споры.

Привлекают внимание официально разрешенные вечера молодых нонконформистских поэтов и прозаиков. Было несколько таких вечеров. Они подготовили к печати несколько альманахов. Может быть, выйдут. Занятно, я бывал у них, хотя старшее «печатное» поколение, вроде Саши К[ушнера], их не посещает.

Всей душой хочу, чтобы Ваше время текло скорее, чтобы месяцы превратились в недели и дни.

Крепко жму Вашу руку. Д. Максимов

В начале октября [Р.Д.] Тимечник защищает (в Тарту) диссертацию о ранней Ахматовой. Судя по автореферату, диссертация превосходная, с уклоном в «поэтику».

Михаил Мейлах

Михаил Борисович Мейлах, филолог-романист, историк литературы; друг юности Азадовского. В июне 1983 года был арестован в Москве и этапирован в Ленинград. В ходе процесса, состоявшегося в апреле 1984 года, виновным себя не признал; приговорен по 70-й статье УК РСФСР к 7 годам ИТЛ строгого режима и 5 годам ссылки. Срок отбывал в ИТК-36 Пермской области для политических (лагерь, известный как «Пермь-36»). Освобожден в

связи с демократическими преобразованиями в стране в феврале 1987 года (формально – в виде удовлетворения просьбы о помиловании в связи с тяжелой болезнью отца). Ныне – профессор Страсбургского университета.

20

Милый Костя!

Прости, что до сих пор не писал тебе. Оседлая жизнь началась для меня в этом году очень поздно – только в середине декабря, а к концу января должен был сдать гигантскую работу, которую отвозил в Москву. Работы, собственно, не прекращаются, но это не тема для разговора.

Милый Костя, нет ни языка, ни метаязыка, чтобы можно было сколь-нибудь соответственно тебе написать. Я и все друзья постоянно о тебе думаем и желаем прежде всего силы и выносливости.

Я вспомнил, что почти двадцать лет назад у нас была с тобой обширная переписка. Тогда мы были очень молодыми и писали друг другу долгоиграющие письма. Теперь же, если ты не против, я буду писать тебе часто и короткие письма с какими-то новостями, событиями, с тем, что, может быть, будет тебе интересно. Я также буду бесконечно рад откликнуться на любые специальные просьбы и пожелания.

Прошу тебя считать это короткое письмо лишь пред-вступлением. Всегда помню и люблю

8 марта 1982
Миша Мейлах

Татьяна Никольская

Татьяна Львовна Никольская – приятельница Азадовского с 1960-х годов. Автор работ, посвященных русским поэтам и поэтессам начала XX века; занимается также изучением русско-грузинских связей. В бытность студенткой филологического факультета посещала семинар Д.Е. Максимова. Константин Азадовский был дружен с ее мужем, поэтом и знатоком русской культуры Леонидом Натановичем Чертковым (1933–2000); в конце 1960-х годов оба выполнили в соавторстве несколько работ о русских связях Рильке. В 1974 году Леонид Чертков эмигрировал; одним из провожавших его в ленинградском аэропорту был Азадовский.

21

[*19 ноября 1981*]

Дорогой Костя!

Была очень рада твоему письму, тому, как ты охарактеризовал Светочку, позволив мне ее лучше понять. Она часто звонит, и я слышу ее голос, жалуется, что работа тяжелая, мечтает о поездке к тебе.

Что касается «женской дружбы», меня этот вопрос интересовал, когда я занималась С. Парнок. Анну Мар я знаю, хотя читала лишь «Женщину на кресте» с обильными многоточиями, из коих я поняла, что речь идет о битье розгами. Любопытно было бы проследить этот мотив дружбы в прозе 20-х годов, поскольку от своих старушек я знаю, что такая дружба была в те годы очень популярна.

Я написала статью о группе «эмоционалистов» ([Михаил] Кузмин, Вагинов, А. и С. Радловы, А. Пиотровский, [Юрий] Юркун). Эта группа просуществовала с

1921 по 1925 год, издала альманах «Часы» и 3 выпуска «Абраксаса», приветствие немецким экспрессионистам, декларацию, которая перекликается рядом положений с футуристами. К этому времени относится и кузминская «Лесенка» в так называемой хлебниковской манере. Проходила у нас конференция по Достоевскому, менее представительная и посещаемая, чем прежде. Обычного «гвоздя» [Г.С.] Померанца не было; по слухам, он прислал тезисы доклада «Сладострастие у Достоевского», кои были ему завернуты, и обиженный докладчик заявил, что ноги его в Музее не будет. Выступил [Ю.Ф.] Карякин, рассматривавший «Бесов» как реакцию Достоевского на «Войну и мир», [Саша] Осповат с остроумными гипотезами по поводу записки Белинского к Достоевскому, [Г.А.] Федоров с докладом «Был ли убит отец Достоевского?». С последним докладчиком произошла достоевская история. Он говорил долго, растекаясь по древу, и был предупрежден о регламенте, после чего на полуслове сошел с трибуны и ринулся к выходу. За ним бросились уговаривать, объявив между тем перерыв. Докладчик не уговаривался, считая призыв соблюдать регламент личным выпадом ленинградцев против москвича. Началось второе заседание. Федоров снова оказался на трибуне, извинился и доказал, что отец убит не был и что история следствия отражена в «Неточке Незвановой». Еще проходил вечер памяти [Н.П.] Акимова, на котором очень хорошо выступала [Е.В.] Юнгер с рассказом о вещах из мастерской Акимова. Вечер получился очень веселый, поскольку все вспоминали острые слова покойного.

Скончался скоропостижно Боря Вахтин. Рассказывают, что в пятницу он почувствовал себя плохо, вызвал неотложку, открыл дверь на лестницу. Врач застал его с валидолом в одной руке, телефонной трубкой – в другой. Во вторник были похороны. Панихида в Союзе. Народу неимоверное количество. Говорили [Поэль] Карп, Эльга Львовна [Линецкая]… Читали телеграмму из «Нового мира». Похоронили в Комарово рядом с могилой [Веры] Пановой. Поехало туда пять автобусов, но всех желающих не удалось захватить. На кладбище тоже говорили, читали стихи, раздавали кутью. На поминки я не пошла. Это уже вторая смерть за осень. Первым был Михаил Иванович [Стеблин-Каменский], велевший панихид не устраивать и чтоб никто не видел его лица. Не хочу кончать на мрачной ноте, поэтому упомяну о замечательной выставке экспрессионистов из Западной Германии, что открылась на днях в Эрмитаже.

Всего доброго.

Таня

22

11 января 1982

Дорогой Костя!

Получила твое новогоднее поздравление. Могу тебя обрадовать. У меня есть лишний экземпляр каталога выставки немецких экспрессионистов. Собственно говоря, каталог – громкое слово, это просто перечень картин с очень маленьким предисловием о музее Вильгельма Лембрука в Дуисбурге. На обложке два фото этого музея и репродукция одной из картин. Еще есть, если тебе интересно, такого же типа каталог выставки Шагала, что проходила в фойе Эрмитажного театра, на которой было выставлено четыре книги, иллюстрированные Шагалом: «Мертвые души», «Басни» Лафонтена, «Тот, кто говорит нечто, ничего не говоря» Арагона и «И на земле» А. Мальро. Все книги в несброшюрованных томах, в папках, с автографами Шагала – это его подарок, переданный в Эрмитаж весной 1981 года. Еще была на одной выставке – в зале на Охте – ученицы Филонова Т.Н. Глебовой. На днях будет обсуждение. Очень интересны ее работы 29 года, когда она училась у Филонова. Они демонстрировались на открытии, будут и на обсуждении, а в остальные дни автора предупредили, что оставлять их без присмотра опасно, так как в связи с всеобщим увлечением Филоновым [они] могут быть взяты на память

поклонниками его таланта. А в Москве была выставка моего любимого художника Д. Какабадзе, в ЦДЛ. Там же проходило обсуждение Лермонтовской энциклопедии. Один из выступающих сказал, что в энциклопедии ошибочно написано о любви Лермонтова к белым лошадям, когда на самом деле он любил серых, другой посетовал, что не вошла статья о командире, под начальством которого служил Лермонтов, Ильине втором, а поэт Ваншенкин поведал собравшимся, что хорошо вообще издавать забытых писателей, в частности, – Е. Гуро. Что касается моих занятий русско-грузинскими литературными связями, то я прошлой весной окончила книгу на десять листов. Пока что опубликована на эту тему лишь одна статья в «Литературной Грузии», № 11 за 1980 год, о «Фантастическом кабачке». В 81-м должна была появиться вторая, на полтора листа, может быть, напечатают в 82-м. Книгу хочу попробовать издать в Грузии. Кое-какие переговоры на сей предмет велись, нужно, однако, самой поехать в Тбилиси, на что пока нет денег. Где печатать статью про «эмоционалистов», не знаю. Это одна из частей моей работы о Вагинове и его времени, чем сейчас в основном занимаюсь. Новый год я встречала в симпатичной компании у Саши с Таней [Лавровых] на новой квартире. На следующий день на продолжении празднования появилась Света, от которой знаю о твоем житье-бытье. Невольно вспоминаются строки [Бориса] Поплавского «Есть ли елка в аду? Как встречают в тюрьме Рождество?». Еще была на Гетином спектакле по «Диалогам» Володина. Очень интересная постановка. На днях собираюсь на «Красную шапочку» Шварца в той же режиссуре. Вот, пожалуй, и все светские новости.

Твоя Таня.

23

16 ноября 1982

Дорогой Костя!

Прости, что долго не писала. Письмо твое получила несколько недель назад – когда, точно не помню. Готовилась к докладу и ничего интересного сообщить не могла.

Клюева, насколько я помню, в альбоме Юркуна не было. Бывший со мной Саша П[арнис] переписал всех авторов и может уточнить. Я ездила на конференцию в Таллин и лишь сегодня вернулась. Экземпляр тезисов для тебя зарезервирован, их давали только по пять экземпляров – один авторский и четыре за деньги. Спешу передать привет от Юрмиха [Ю.М. Лотмана]. Зара Г[ригорьевна Минц] очень переживает ненапечатание Блока и Клюева в «Литнаследстве» и в своем докладе о типах литературного поведения в начале века упоминала твою работу как ненапечатанную. Конференция длилась три дня под Таллином. Поскольку Тезисы есть, пересказывать содержание напечатанных докладов не буду. Из ненапечатанных тоже были интересные. В первую очередь – Юрмиха [Ю.М. Лотмана] и [М.Л.] Гаспарова. Хорошие – у Зары Г[ригорьевны], Ромы [Тименчика], Гаррика Л[евинтона]. Гаспаров говорил о вторичности и традиционности на примерах Дрожжина и Шестакова. Он считает, что Дрожжин вовсе не непосредственный самородок, а посредственный поэт, тщательно отбиравший свои стихи, печатавший после выдерживания, для которого важно было сдать экзамен на знание образцов, и приводил примеры, как Спиридон драл, в частности, с переводов Бернса, их пересказывая и пр. П. Шестаков – то же самое на другом уровне, филолог-классик, подражавший безмерно Фету.

Юрмих разбирал оду Ломоносова о Иове и выискивал, почему в ней бегемот и Левиафан, которых в славянской и греческой библиях нет, обозначены часто в определенном контексте. И что в Средние века ведьм жгли мало и с адвокатами, а Ренессанс внес дисгармонию и отсутствие презумпции невиновности. И про Сатану тогда особенно много говорить стали. А конец сему положила философия Лейбница, и нужна была поэзия против Дьявола, чтобы его значение принизить,

откликом чего ода Ломоносова прозвучала, т. к. он жил в Германии и атмосферу чувствовал. Гаррик говорил о живописи у Мандельштама, в частности, – Чурлюнисе и «черном солнце». Рома [Тименчик], который с месяц назад в Тарту по поэтике Ахматовой диссертацию защитил, с оппонентом Лидией Яковлевной [Гинзбург], – про акмеизм. Я – про фольклор у футуристов. Желающих было больше, чем времени, и регламент мешал. На обсуждение конечное осталось минут 20 – помещение отбирали, и некоторые уезжали. Организовано все было предельно хорошо, с прибалтийским сервисом.

Если успеешь, напиши.

Таня

Евгений Пастернак

Евгений Борисович Пастернак (1923–2012) познакомился и сблизился с Константином Азадовским во второй половине 1970-х годов, во время их совместной подготовки переписки Рильке – Цветаевой – Пастернака («Письма 1926 года»), которая в свое время воспринималась как литературная сенсация, была переведена на несколько языков, а в 1990 году полностью издана и в России.

24

25.10.81

Милый Константин Маркович!

Спасибо за письмо. Хорошо, что Вы не стеснены в переписке и что (судя по Вашим письмам Лидии Владимировне) окружающие Вас условия легче, чем Вы поначалу рассчитывали. Боюсь, что зима окажется трудной и долгой – климат в Восточной Сибири тяжелый.

Книжка переписки Рильке, Цветаевой и Пастернака, судя по сведениям из Всесоюзного агентства авторского права, переводится сейчас на французский, немецкий и английский языки со сроками выхода в свет где-то к осени 1982 года. Пока тут никаких затруднений не возникло, оттяжка же сроков объясняется скрупулезностью и малой работоспособностью Хеллы Зибер-Рильке, которая представляет Рильковских наследников. С ее характером Вы знакомы по длительной истории Вашей книги «Рильке и Россия», которая, как говорят в том же ВААП’е, тоже успешно выползает на свет в обеих Германиях. Заключаются, как будто, и новые контракты. Словом, насколько я знаю, тут Ваше отсутствие не сказывается.

У нас довольно много работы, т. к. в этой пятилетке запланированы издания [сочинений Б. Пастернака] в «Сов. писателе», «Гослите» и «Науке», поэтому мы живем довольно замкнуто и стремимся к сосредоточенности. Иногда это удается.

Вышел из печати Ежегодник рукописного отдела Пушкинского дома на 1979 год, но до Москвы дошли пока только экземпляры, посланные по почте авторам и их друзьям. В продажу эта довольно тоненькая книжка тут еще не поступила. Надеюсь, что Вам ее из Ленинграда уже послали.

Напишите, чем можем быть полезны и как Вам живется.

Будьте терпеливы, здоровы и благополучны.

Всего Вам хорошего.

Все Вам кланяются и желают бодрости.

Е. Пастернак

25

14.1.82 г.

Милый Константин Маркович!

Спасибо за новогоднее поздравление. Простите, что отвечаю с опозданием, но нужно было в ВААП'е справиться по интересующим Вас вопросам. О ходе издания Вашей книги в DDR они знают только, что издательство не меняло своих планов и не посылало им ничего нового. Похоже, что это не исключение и не вызывает беспокойство. Переписку Рильке, Цветаевой и Пастернака переводят еще на испанский и голландский. Профессиональные вопросы были только от французов (дополнительно к тем, о которых я Вам вскользь написал), из чего следует, что они близки к окончанию перевода и вскоре собираются приступить к изданию. Немцы и американцы живут внутриутробно, хоть и поговаривали о начале 1983 г. Вот, пожалуй, и все, что я обо всем этом узнал. В Лит. наследстве куча текущих работ, а еще более – споров и ссор. Я эту публику все меньше понимаю, хоть именно с ними, в апреле, должна была бы протекать главная часть моей работы.

Радио сообщает о морозах в Ваших краях, и мы от всей души сочувствуем Вам, частично представляя себе, каких физических и душевных сил стоит такая зимовка.

У нас невесело – 4-го января скоропостижно скончался мой дядя – Александр Леонидович Пастернак. Стараемся понемножку комментировать стихи для 2-х томного собрания, запланированного в Гослитиздате. Получается интересно, но медленно. Сдали в производство 93-й том того же Лит. Наследства, где довольно много (~ 10 п/л) нашего материала. Словом – забот хватает.

Будьте здоровы и благополучны.

Всего Вам в наступившем году хорошего.

Е. Пастернак

Евгений Рейн

Дружба с Евгением Борисовичем Рейном, начавшаяся в 1960-е годы, когда Константин Маркович много занимался поэтическим переводом, продолжилась и позднее – после того как Евгений Рейн перебрался в Москву. Азадовскому посвящено его стихотворение «Пушкинский Дом» («В петербургской таможне, в пустом кабинете…»).

Приводимое здесь письмо интересно еще и тем, что оно – единственное из публикуемых – не достигло адресата; оно было возвращено Азадовскому лагерной цензурой и таким образом осталось в его архиве.

26

Сусуман, 21 июня 82

Женюра, дорогой мой! Запоздание, с коим я отвечаю на твое письмо, имеет свои причины. Излагать их в подробностях означало бы исписать десяток, не менее, листов бумаги. Поэтому вкратце: в тот самый день, когда ты написал мне (т. е. 5 мая), я попал в штрафной изолятор, где провел ровно тридцать суток. Непосредственным поводом для водворения меня в ШИЗО был совершенный мною «акт членовредительства» – я вскрыл себе вены на левой руке. В сущности это был не столько акт членовредительства, сколько отчаянья и в какой-то мере, разумеется, протеста против той ситуации, которая создается и нагнетается вокруг меня… Действовал я в состоянии аффекта, никакого конкретного умысла у меня не было. Тем не менее, администрация колонии и магаданское Управление

использовали это и «наказали» меня.

После ШИЗО я был переведен в Центральную больницу Магаданского УВД (это здесь же, в Сусумане), откуда и пишу тебе. Десять дней тому назад мне сделали небольшую, не слишком серьезную операцию на ноге, и теперь я отлеживаюсь и залечиваю все свои раны. Рука зажила, нога заживает. До 1 июля я вернусь на зону – для новых «испытаний на прочность». Мне осталось ровно полгода.

С удивлением узнал я из твоего письма о том, что в отношении меня в Москве продолжает царить «некоторое недоумение». Мне-то как раз кажется, что дело мое – кристально чистое по своей структуре, т. е. по тому вопиющему беззаконию, которое оно собой являет. Причины его коренятся в двух судебных процессах, которые предшествовали моему и в которых я был участником, свидетелем или потерпевшим: дело Равича (Мухинское училище) и дело Ткачева (сосед Светланы). Что же касается наркотика (т. е. того, как он оказался в моей квартире), то здесь вообще все шито белыми нитками. И всем, с кем я сталкиваюсь в последние полтора года, это сразу же становится ясно. Чего же тут недоумевать?!

За всеми событиями мая-июня проблемы, связанные у меня с Л[итературным] Н[аследством], отступили на задний план. Поэтому сегодня я о них не пишу.

Потрясен тем, что ты написал мне о своей маме. Как же так? И главное – что ты теперь будешь делать? Ведь все это ложится на твои плечи. Мужайся, Женюра… Я обнимаю тебя и надеюсь вскоре получить от тебя весточку. Привет нашим общим…

К.А.

Ольга Саваренская

Ольга Сергеевна Саваренская (1948–2000), театральный художник и живописец, училась на курсе Н.П. Акимова и не без блеска освоила переданное ей мастерство; входила в число друзей Азадовского «театрального круга», к которому принадлежали также режиссеры Генриетта Яновская и Кама Гинкас, муж Ольги актер Вадим Жук и др. С Азадовским познакомилась в начале 1970-х годов в Петрозаводске, где Азадовский преподавал иностранные языки в местном пединституте, а Ольга после окончания ленинградского Института театра, музыки и кинематографии оформляла спектакли в петрозаводском Финском драматическом театре (позднее переименованном в Национальный театр Карелии).

27

19 сентября 1982

Здравствуйте, дорогой Костенька!

Ваше летнее письмо мне переслали в июне, и с тех пор по сегодняшний день я терзаюсь угрызениями совести. Причина моего столь долго молчания – в полном отупении: сначала из-за двухмесячного шума мисхорских волн, потом – из-за несерьезного, но длительного и занудного недомогания.

В результате окончательного размягчения мозгов я поступила на курсы французского языка в Дом офицеров, Костя! И дважды в неделю, рядом с биллиардной, где только генералы, офицеры и прапорщики СА гоняют киями шары, мы хором разучиваем [œ] и [ə].

Вадик серьезно предполагает, что на самом деле я регулярно бегаю на танцы, но, уважая мою инстинктивную жажду омоложения, не делает никаких расспросов.

Видимо, это было бы правильнее с моей стороны… офицеры, как птицы, с массой пуговиц вокруг! Красиво!

А выставки, Костенька, сейчас неинтересные. Шишкин, например. Или же в Манеже «Садовое и парковое искусство Петербурга – Ленинграда». Может быть, я опять неправа – но очень уж скучная, чертежная у них афиша. Сейчас открылся в ГРМ Кипренский. Надо будет проверить. Как-то мы зашли в Русский и прошлись по всем залам (за исключением икон и, увы, закрытого на ремонт любимого периода нач. XX в.). Поразились чудовищной надуманности и неестественности знаменитого Брюллова. Вставленные личики в заранее нарисованные фигуры, по вкусу сравнимые, пожалуй, с Нестеровым! В репродукциях все значительно облагороженней. Очень красивый – Рокотов – нежный живописец. Замечательный Антропов, но, к сожалению, всего три работы. Зал Сороки и Щедровского и по соседству – Федотов.

И после этого начинается запах смазных сапог, кислой капусты и честной правды. Запах этот заполняет всю оставшуюся часть музея.

Ну да описывать Вам достопримечательности Ленинграда совсем непонятно зачем.

Среди ровно текущей моей жизни, заполненной многочисленными хозяйственными заботами и насыщенной материнской любовью (Ванечке по состоянию здоровья детский сад противопоказан, а няня наша умерла в прошлом году), – так вот, в этой женской моей жизни было за истекший период два лишь эмоциональных потрясения.

Отрицательное – украли часть книг из моей старой мастерской на В[асильевском] О[строве]. Причем выбор был крайне странный – пощадили, по счастью! – все дорогие (антикварные и французские) книги. Вытащены почти все примитивисты (включая даже наборы открыток с украинскими примитивистами), толстый и нужный словарь по истории костюма и еще непрочитанный Перрюшо «Жизнь Ренуара».

Все это напомнило детектив Жапризо, как будто сама я в сомнамбулическом состоянии собрала самое важное, положила в старый портфель и перепрятала где-то. Ей-Богу, если бы кто-нибудь захотел меня в этом убедить, ему это ничего не стоило бы.

А хорошо было вот что – 14 сентября я была приглашена на день рождения (Вадик сидел дома с Ваней). Ваша мама была очень красива! В черной бархатной блузке с глубоким вырезом и золотым медальоном на груди, с белыми облачками мелких кудряшек на висках и затылке – она была красивее всех, красивее даже Светы, и выглядела почти счастливой.

Света приготовила кучу всего, выглядела немножко усталой, но хороша была как всегда. У нее есть поразительное свойство быть очень женственной в любом виде и в любой одежде.

Чтобы Вы не думали, Костя, что я к Вам подлизываюсь и хочу чудовищной лестью слегка загладить свою вину (см. начало письма), то должна Вам сообщить, что красивых в тот вечер было трое! Третьим был Кама Гинкас, неотразимый в своем новом пиджаке, с лицом, разгладившимся после многих лет безработицы и ожидания.

Как любителю красивых женщин посылаю Вам красивое фото.

Робко целую Вас и жду письма.

Большой привет от Вадика.

Саваренская

Борис Филановский

Борис Касриэлович Филановский, близкий друг Азадовского начиная с 1960-х годов; химик, известный в ленинградской научной среде еще и потому, что дважды защищал диссертацию по электропроводности электролитов – в 1975 году (защита не состоялась) и затем (уже с положительным результатом) – в 1978-м. Талантливый литератор, Борис писал

стихи и прозу, часто обсуждал свои сочинения с Азадовским. Переписка с Филановским и его женой Татьяной Буренко, химиком, в настоящее время – художницей, была в 1981–1982 годах весьма интенсивной; именно в их адрес Азадовский посылал письма с этапа, приведенные нами в соответствующем разделе.

28

26 мая 1981 г.

Дорогие друзья!

Тронут был вашим письмом и от всего сердца благодарю тебя, Боря, за те хлопоты, которые ты взял на себя в связи с трагическим поворотом моей судьбы. Сколько времени пришлось тебе потратить на поездки ко мне, стояние в очередях и пр. Страшно подумать! Огромное спасибо за все.

Состояние мое в настоящее время нормальное. Кажется, я полностью и без последствий оправился от переживаний первых двух месяцев. Жду теперь этапа; когда и куда – неизвестно.

Ежедневно думаю о маме и Светочке, и мысли о них – это самый тяжелый груз, который мне приходится нести. Очень прошу Вас помочь маме чем только возможно, особенно в момент переезда. (Она ведь – человек гордый, и даже в такой ситуации сама просить никого не станет!) Понимаю, что просьба моя такого рода, адресованная к Вам, неуместна, ибо Вы и без того, как мне известно, делаете все возможное. Но пишу Вам об этом, ибо все, что связано с мамой, тяготит и мучает меня ежедневно, еженощно, неотступно…

Работать мне здесь довольно трудно. Мыслей много, но записывать их почти нет возможности. Набросал (вчерне) главку о трагическом конфликте в западноевропейской драматургии XIX века, но закончить ее смогу лишь тогда, когда многое перечитаю, ибо со времен моей кандидатской диссертации я, ведь, ни разу к трагедии не возвращался. (Докторская, (так, увы! и не завершенная), была посвящена «контактам» России и Запада.)

Что нового в «Лит. Памятниках»? Когда выйдут Волошин и Белый? Выйдут ли? (Для Волошина, кстати, я писал в свое время комментарий.) Эти книги надо бы иметь в домашней библиотеке!

О других книжных новинках (за последние полгода) я вообще ничего не знаю.

Показывала ли Вам мама мою книгу, изданную в Италии?

И наконец последнее (last not least). Для меня очень важно, чтобы все друзья не забывали о Светочке и писали ей. Очень благодарен Вам, что Вы это сделали без моего напоминания. Она все время должна видеть и верить, что ее любят и не забывают, что она нужна. Я немножко за нее боюсь, хотя внешне с ней, кажется, все «благополучно». Надеюсь, это понимают многие и шлют ей весточки (тем более, что писать ей проще, чем мне)…

Если захочется еще раз написать мне – пишите. Дорога проложена.

Обнимаю Вас

К.

P.S. Простите за почерк и перечеркивания. Причина – не дурман в голове, а поза: пишу лежа.

29

19 ноября 81 г.
г. Сусуман

Дорогой Борис!

Ты искренне заблуждаешься, полагая, что наша почта работает неисправно или с перебоями. Твое сентябрьское письмо я получил своевременно, а вчера пришло и твое письмо, брошенное (сужу по штемпелю) 13-го в один из ленинградских почтовых ящиков. Вот видишь: и надежно, и быстро!

На то сентябрьское твое письмо я – вопреки своему обыкновению и воспитанию – не ответил, в чем хочу перед тобой повиниться: одолела повседневная суета. На деле же письмо твое было для меня чрезвычайно важным, ибо из него я смог, наконец, хоть что-то узнать о маме. Теперь, слава Богу, ситуация изменилась, и в письмах, которые я получаю, друзья и Светочка извещают меня о мамином состоянии, да и сама мама пишет мне время от времени. Но все равно я очень за нее тревожусь. Это – моя главная забота и боль.

В остальном же моя нынешняя жизнь отличается завидным покоем: регламент, распорядок, режим. Стабильность. Никаких проблем и масса времени для раздумий, которые невозможно записать и которыми не с кем поделиться. Обдумываю и «пишу в уме» целые статьи, не говоря уже о стихах и переводах.

Стабильность эта, впрочем, граничит для меня со стагнацией. Я выпал из потока, в котором жил и двигался, и чувствую сам – остановился на месте. Это меня весьма беспокоит. За 11 месяцев ни разу не слышал иностранной речи, не прочитал ни одной иноязычной книги, не говорил сам. Ни разу не держал в руках «Книжного обозрения» и не имею представления о новинках. Что нового появилось в «Библиотеке поэта»? В «Лит. Памятниках»? И даже такое событие, как упомянутый тобой вечер Булгакова, воспринимается мной уже как отголосок далекой и изрядно забытой моей прошлой жизни. Что же будет через год? – спрашиваю я себя.

Единственное, что мне удается, – читать, хотя и урывками. В здешней библиотеке причудливый и сумбурный подбор книг. Кое-что из классики и по истории культуры, и в этой мешанине я то и дело выуживаю для себя нечто любопытное и «восполняю пробелы». Получаем мы и кое-какую периодику, «Новый мир», например, в 9-м нумере которого я не без охоты прочитал записки Натальи Ильиной – о том, как она разъезжает по Италии. Приятно читать про Италию, когда за окном барака трещит сорокоградусный колымский мороз!..

Обнимаю вас, дорогие друзья, и очень надеюсь, что наша встреча, хотя и нескорая, все же не за горами.

Ваш К.А.

30

Сусуман, 17 февраля 82
6 ч. 15 мин. (утром)

Дорогие друзья!

Отвечаю разом на оба ваших письма (твое, Танечка, и твое – Боря). И хотя, как многие выдающиеся люди, вы писем ваших не датируете, но почтовый штемпель доверительно сообщил мне, что оба письма были опущены в городе Ленинграде 29 января с.г.

Кажется, в нашей с вами переписке наступила ясность, т. е. мы выяснили, что ничто не утрачено. Увы! Это приложимо, к сожалению, далеко не ко всем моим письмам, как и письмам ко мне.

Моя колымская жизнь течет как и прежде, ровно, однообразно, тоскливо. Главное событие – ослабление морозов, которые в декабре – январе люто свирепствовали, достигая шестидесяти и выше (в смысле – ниже!). Сейчас, последнюю неделю, температура держится где-то на тридцати, рассеялся морозный дым, два с лишним месяца висевший над Сусуманом, стало проглядывать солнце. Раз или два у нас было такое ощущение, будто дохнуло (отдаленно и совсем не заметно) весной, до которой, разумеется, еще очень далеко; месяца два, не меньше.

Мне радостно узнавать (и не только от вас), что вы навещаете маму, беседуете с ней, шутите… Именно это (Боря называет это «сочувствием», а я – «помощью») я и прошу вас делать по возможности часто. Ибо мама, ее состояние (и физическое, и нравственное) по-прежнему – основной источник моих забот и волнений, хотя все и уверяют меня, что для переживаний в настоящее время оснований нет. Возможно, и все-таки…

Сейчас я занят тем, что пытаюсь решить вопрос о мамином летнем отдыхе. Пытаюсь снять дачу в Сестрорецке (дело делается из Сусумана через Москву); не знаю, что получится (получится ли). Я говорил Светлане и считаю очень важным, чтобы мама – хотя бы этим летом – пожила на природе. Светочка будет около нее, а я буду здесь, на Колыме, но зато совершенно спокоен…

Сейчас, когда я пишу вам, перед глазами моими почему-то все время возникает наш родной «литературный» микрорайон: Жуковского, Некрасова, Чехова (где-то на отшибе – Короленко). Хорошо бы побродить, поговорить, почитать… Но это так, «сантименты». Через три минуты будет дана команда, и я зашагаю в свой швейный цех (скоро уже будет полгода, как я работаю «на производстве»).

И потому спешу закончить. Еще раз благодарю вас за все и желаю вашему семейству радости и блага.

Ваш К.

31

22 июля 1982

Сусуман

Дорогая Танечка!

В середине июля, в самое затишье (имею в виду свою переписку с внешним миром, которая с наступлением лета – по понятным причинам – ослабла, чтобы не сказать умерла) я получил твое письмо, содержащее красочные описания вашего с Борей отдыха на туркменских песках. Выразительность твоего слога произвела на меня впечатление, и я как бы сам ощутил на себе дыхание среднеазиатских пустынь, что может быть мучительно, если находишься в Туркмении, но благодатно, если на Колыме. Лето здесь, вопреки предсказаниям моих друзей с Чукотки, оказалось в этом году худосочным, похожим на ленинградское: дождь, туман, даже снег. (Мне здесь вообще «повезло» с погодой; зима была чрезмерно холодной, а лето – пасмурное.) Хотелось бы окунуться (хотя бы на день-другой) в туркменскую жару! И еще, прочитав твое письмо, я твердо решил, что со временем, если Бог даст, я непременно съезжу в Туркмению, чтобы испытать на себе все крайности природы и климата (от –64 до +45). Все прочие крайности (так называемые «экстремальные состояния»), которые дарует нам подчас окружающая среда, мне уже известны. Осталось (для полноты опыта) лишь одно – Туркмения.

Видишь, на какие размышления натолкнуло меня твое письмо. Кроме того оно натолкнуло меня на такой вопрос: получено ли мое июньское письмо, адресованное Боре? И знакома ли вам моя ситуация последних месяцев, которая оставляет желать?

Что интересного прочитали вы за минувшие полгода? Какие новые издания украсили ваш интерьер? Кстати о новых изданиях: хорошо бы достать Рембо Артюра, выпущенного в серии «Лит. Памятники»! Там есть циклы «Озарения» и «Одно лето в аду», ранее незнакомые русскому читателю, каковым я считаю себя.

Рекомендую вам также заглянуть в шестой номер журнала «Студенческий меридиан» (за нынешний год, разумеется) и ознакомиться с повестью «Ловец» (имя автора [Юрий Вигорь] мне ни о чем не говорит), в которой рассказывается о человеке, живущем в наши дни и умудряющемся приобретать («ловить») для своей домашней библиотеки книги Хлебникова, иллюстрированные Бурлюком и Ларионовым…

Нежный привет Оленьке – путешественнице. Я в тот (т. е. студенческий) период в экспедиции не ездил, а сидел дома и читал книги на иностранных языках, и, как видите, до хорошего это чтение меня не довело. Надо было и мне ездить в экспедиции (впрочем, это тоже бывает небезопасно). Пишите мне.

Обнимаю К.

32

Сусуман, 24 августа 82

Мой дорогой Боря!

Твое последнее письмо, как и все предыдущие, благополучно достигло меня здесь, на дне сусуманского котла, где не по своей воле я нахожусь уже второй год. 21 августа был своеобразный юбилей: ровно год назад я пришел на зону. Но день этот ознаменовался для меня не продолжительными чаепитиями и застольным речами, а переводом на больницу, в которой я оказался вторично. Первый раз я был здесь в июне, в хирургическом отделении; теперь же я нахожусь «в терапии», где меня курирует врач-психиатр. Ибо душевное мое состояние, очевидно, требует ремонта; сказываются перегрузки последних двадцати месяцев. Угнетенное состояние духа, плохой сон и вдобавок – навязчивые идеи о собственной невинности в отношении инкриминируемого мне преступления. И еще – конфликт (длящийся уже восемь месяцев) с администрацией колонии. И еще – окрестные колымские пейзажи. Какая психика может все это выдержать?!

Я рад, что ты прочитал (и более того – стал почитателем) Айтматова. Это воистину замечательный автор. Сейчас я знакомлюсь с другим «нацменом» – Юрием Рытхэу, который, как и мы с тобой, постоянно прописан на берегах Невы, но пишет о своей родной чукотской земле. Читаю с живым интересом, ибо за последний год я много общался с сыновьями Чукотки и, будучи в швейном цеху, одно время даже работал в звене, состоящем преимущественно из чукчей. Начинал учить их древнейший язык, но вскоре прекратил это безнадежное занятие. Рытхэу намного слабее Айтматова, и берет он не столько нравственной проблематикой, как киргиз, сколько экзотическими деталями никому не известной Чукотки. Но все равно «Сон в начале тумана» – очень хорошая книга.

Боря, у меня к тебе небольшая просьба. В издательстве «Художественная лит-ра» только что издана книга «Песни Фредмана». Автор ее – К.М. Бельман. Но не бойся и не беспокойся за национальную принадлежность автора и его героя. Это всего-навсего шведские имена. Да и вся книга – перевод со шведского. По разным причинам, о которых не буду, мне знаком этот автор, и потому хотелось бы иметь книгу. Может быть, она тебе попадется на глаза. Ты окажешь мне этим неоценимую услугу.

Огромный привет Танечке и Ольге, которая – нет сомнений – встала на правильный путь. Ибо российская старина – это вечно живой источник, а вся иноземщина (в том числе и иностранные языки) – от лукавого, в чем можно было убедиться на примере

Любящего вас

К.А.

P.S. Ц/б (на конверте) означает «Центральная больница»

Юрий Цехновицер

Юрий Орестович Цехновицер (1928–1993), архитектор, художник и фотограф; сын

литературоведа О.В. Цехновицера. Вместе со своей супругой Зигридой Ванаг оказал в те годы огромную поддержку семье Азадовских. Публикуемое письмо выполнено в виде рукописной грамоты, где в качестве почтового знака нарисован автопортрет автора с супругой.

33

Костя,

посылаю тебе Эпиграммы Лессинга и свою интерпретацию к ним и к этой жизни в целом. У Светы есть шансы вскоре вернуться в этот знакомый до слез, до прожилок, до… Как бы нам всем хотелось увидеть и тебя, но не будем заниматься маниловщиной. Спасибо за открытку к новому году. Был неверный Рейн и хвастался двумя письмами от тебя. Открытка твоя замечательна по легкости и изяществу изложения, которые я смог оценить. Наль [Лазаревич Подольский; 1935–2014] стал руководителем лит объединения при музее Достоевского, подробности у Пудовкиной [Елена Олеговна, поэтесса], нам он устроил тяп с самогоном. Зигочка стала работать. От Роланда [Роландас Растаускас, поэт, драматург] была роскошная открытка и все. Я ему написал твой адрес. Сообщи, пишет ли он тебе. Лидия Вл. жива и здорова. Жмем тебе руки.

Ю.Ц
Февраль 1982 г.

Мы в восхищении от Гетиных спектаклей, особенно по Володину. Тает. Мы все переживаем перипетии, касающиеся как твоей апелляции в московских инстанциях, так и хлопот, связанных с действиями депутата. К сожалению, во всех этих делах страшно мешает разобщенность, сепаратизм и полное отсутствие опыта. Наряду с желанием помочь, есть и всякие грязные слухи, в частности, распространяемые Петей Консоном. Сейчас твои дела находятся в критической стадии, или – или. Мы все боимся на что-либо надеяться, так как уже столько раз надежды оказывались напрасными, но… Ты конечно знаешь, что Светины дела как будто благополучно завершаются и она скоро сама сможет тебе помочь. У нас тут пропал один ингушский друг, и все мы очень за него беспокоимся, совершенно не зная, где его искать. А этот человек вызвался помочь в твоем деле, но теперь, по-моему, сам попал в беду…

Генриетта Яновская

Генриетта Наумовна Яновская, или просто Гета, так много сделавшая для Лидии Владимировны, Светланы и Константина Азадовских после декабря 1980 года; продолжала трогательно заботиться о них и позднее. С Азадовским они познакомились в 1972 году. Переведенная Азадовским в соавторстве с Т.Г. Голенпольским пьеса Шейлы Дилени «Вкус меда» была поставлена Г. Яновской в 1973 году на сцене ленинградского Малого драматического театра, имела большой успех и оставалась в репертуаре даже в годы заключения Азадовского.

34

[*Ленинград 05.10.81* .]
Костенька, дорогой!

По моим подсчетам, я уже должна была получить от Вас письмо, а т. к. его нет, я пишу заново.

Костенька, я просила Вас выслать мне ответ от председателя городского суда на Вашу надзорную жалобу. Этот ответ нам сейчас очень нужен для ведения дела в Москве. Все остальное уже готово.

Я виделась в Москве с адвокатом. В Ленинграде он был и знаком с делом полностью. Его надзорная жалоба уже готова. Скоро он пришлет ее Вам для ознакомления. Очевидно, Вам разрешена переписка с адвокатом. Его адрес: г. Москва, Пушкинская ул. д. 4. Юридическая консультация. Шальману Евгению Самойловичу. Костенька, ни в коем случае не посылайте свою надзорную жалобу, не связавшись предварительно с адвокатом. Дождитесь текста, который предлагает он, и спишитесь с ним. Не предпринимайте, пожалуйста, без него никаких шагов. Насколько я могу понять, он серьезно занят и озабочен Вашим делом. И не только фактом Вашего освобождения, но фактом Вашей реабилитации.

Костенька! Я понимаю, что Вы очень волнуетесь о маме. Я вижусь с ней часто, очень часто. Мы много беседуем и по делам, и не только по делам. Она прекрасный и цельный человек. Ее выдержке, силе воли и самообладанию можно только позавидовать. Когда в марте, в середине марта, поздно вечером [после суда] я пришла к ней, первым ее вопросом было: «Как он держался?»

О состоянии ее здоровья, Костенька, мы заботимся не меньше, чем заботились бы Вы, если бы были дома. Состояние ее нормальное. Но профилактически я приводила к ней очень хорошего и крупного профессора. Та сказала, что Лидия Владимировна ее обрадовала (тьфу-тьфу-тьфу!). Все предписанные ей медикаменты мы достали. Это общеукрепляющий цикл.

Костенька, милый, со Светочкой у нас очень прочная, не прерывающаяся связь. Она приедет в Ленинград на 19 дней, и мы очень ждем этой встречи. Кама, который сейчас в Москве, хочет приехать, чтобы тоже с ней повидаться. Вы можете гордиться обеими женщинами Вашей жизни. И мама, и Света в этой страшной ситуации проявили себя так, как далеко не каждый мог бы себя проявить.

Костенька, Вы, очевидно, уже получили массу поздравительных телеграмм. Нам стыдно, что мы пропустили в заботах и суете 14 сентября и спохватились позже. Когда мы отправляли телеграмму, я побежала к маме. Она спокойно выслушала меня и сказала: «Не волнуйтесь, я не забыла, как Вы догадываетесь. И Светочка тоже отправила ему телеграмму. Я просто не хотела тогда об этом говорить».

Костенька! Дай Вам Бог здоровья и терпения, дай Вам Бог хоть немного удачи, и тогда мы встретим Ваш день рождения вместе. Мы так надеемся на это. Наши надежды связаны с разными инстанциями и разными сроками. Но они не иссякают, Костя. После отказов возникает новая надежда.

Костенька, наша любовь, наша вера с Вами.

Большой привет от Камы, мамы, Дани.

Гета.

35

2 ч. ночи. 14/XII 1981

Костенька, дорогой Костенька!

Если учитывать, что каждый человек перед кем-нибудь в жизни виноват, то самая моя большая вина сейчас перед двумя людьми – перед Даней [Даниил Гинкас, сын] и перед Вами. Я таскаю в сумке Данино письмо с 6 ноября (!). Я знаю, что очень виновата. Но дело в том, что я хотела вместе с его письмом отправить свое и написала их уже два. Так что истина не в том 1) что я не пишу и 2) не в том, что я пишу и не отправляю. И не потому, чтобы я искала краcóты слова либо глубины мысли, а лишь потому, что соображения мои, предостережения и

размышления по поводу некоторых событий были, видимо, излишни. Дай Бог, чтобы излишни. Когда Вы вернетесь, Костя, мы поговорим обо всем, и Вы, надеюсь, простите меня за этот перерыв в письмах. Простите меня и сейчас, Костя, ибо это не было молчание, это был лишь перерыв в письмах.

Пожалуйста, прошу Вас, не продавайте меня Дане. Он очень ждет Вашего ответа. Волнуется, что письмо не дошло, а я говорю ему, что это, видимо, случайность и надо подождать еще немного. А это «немного» по моей вине так тягостно растянулось.

Я говорила со строителями по поводу Вашего домашнего ремонта (месяц назад). Скорее всего в Вашей квартире они работать будут. (Хотя, кажется, недолго.) Работать, как ни странно, они собираются в комнате, выходящей во двор. С ними можно договориться (я уже закинула удочку и пока удачно), чтобы Лидия Владимировна пожила в другой комнате, а они бы поработали. Но я очень боюсь, что в таких условиях она может простудиться. Есть вариант, на мой взгляд, гениальный. Его предложила Леночка (Ваша Елена Игоревна [Кричевская]). Она приглашает Вашу матушку пожить у нее этот период времени. 1-ый этаж! Удобная большая квартира со всеми удобствами! У Л.В. будет своя комната. В квартире двое: Леночка и ее мама, 49 лет от роду, готовая все делать для Вашей матушки. Она, по словам дочери, активно присоединяется к приглашению. Мне представляется, что это вариант без изъянов (в случае необходимости покинуть свой дом). Только один крошечный изъян – нам с Зигридой надо будет дальше ездить, чтобы навестить Лидию Владимировну. Сама Л.В., по-моему, относится к этому приглашению благосклонно. А мы будем дежурить в квартире по очереди.

Только сейчас я подумала, что, проносив эту новость в сумке месяц, я зря так длинно пишу, т. к. Вам об этом, очевидно, написали. И к тому же я поняла, что вы получите это письмо либо за день до приезда Светочки, либо сразу после ее отъезда и все-все будете знать и так.

С блоковской публикацией скорее всего ничего не получится. Как это ни горько, но сегодня получила этому очередное подтверждение. Я виделась неоднократно с Ильей Самойловичем [Зильберштейном], и он, казалось, вот-вот разовьет бешеную энергию, но… Саша Лавров пытался со всех сторон подействовать на него, но…

А сегодня я узнала об этом не от Зильберштейна.

Зато будет в Югославии цветаевская переписка, но об этом Вам подробно напишет мама (и о многих других событиях).

Везде висят афиши «Вкуса меда» – прежние [с фамилией переводчиков].

Костенька! Я хочу поместить на оставшемся кусочке бумаги все свои поздравления. Первое и главное (хотя и заранее) – с официальным подтверждением Вашего и Светочкиного брака. Дай Бог вам обоим счастья! Надолго! Надолго! Счастья и свободной воли! Второе – с Рождеством! Как знаменательно и прекрасно, что на этот день назначен ваш брак! И третье – с Новым годом! В этом году мы увидимся! Все, кто ждет Вас!

В следующий конверт положу конверты и еще напишу.

От мамы большой привет. И от друзей.

Гета

36

Ночь на 28 августа [1982]

Костенька, дорогой Костя!

Я не могу даже оправдываться в связи со столь долгим молчанием. Оправдываться нечем, кроме своего патологического неумения писать письма, не связанные со сколько-нибудь деловой (или нужной кому-либо) информацией. Я уже говорила Светочке, что Вам за это время я написала больше, чем вообще за свою жизнь (есть и неотправленное в связи с тем, что сомневалась в советах,

которые пыталась давать).

Писать о своих планах (и Каминых) я тоже не могу. Во-первых, т. к. я очень суеверна. Во-вторых, в этих планах очень много «если…». В-третьих, дней до встречи с Вами, которые мы считаем, становится все меньше, и мы наговоримся. А что касается фактов, – я буду ставить на Рубинштейна «Стеклянный зверинец» Уильямса, который должна выпустить вскоре после Вашего возвращения в конце декабря. Кама сейчас во МХАТ'е. Должны менять квартиру, но, как Вы понимаете, это очень сложно.

Ваша матушка говорит, что ее очень не радуют наши планы об обмене квартиры, но добавляет – «эгоистически». Когда Вы предложили мне тему о крымском «сосьете», Вы поставили передо мной такую сложную задачу, выполнить которую я оказалась просто не в силах. Лучшим моим сосьете (самым приятным и близким) была Олечка Саваренская, с которой мы отдыхали вместе. А т. к. впервые в жизни я отдыхала тупо и прекрасно, то несколько избегала и всякого сосьете. Когда же к августу оно стало слишком обширным и знакомым, мы просто уехали в Вильнюс, куда к моим ненадолго приезжали Оленька с Вадиком.

Данька ничего не переводил, но когда написал какие-то очередные стихи, то сказал, что пошлет их Вам на отзыв. Пишет он патологически безграмотно и еще более патологически небрежно. Поэтому он не нашел ничего лучше, как сочинить и написать на обложке своей тетради по литературе:

Небрежность не порок,
И знаний перейти порог
Она не может помешать.
Вы вдумайтесь!
Я не слова сейчас бросал,
Небрежно Гений наш писал!

В этом письме три! ошибки, но Гений с большой буквы. Он очень взволнованно относится ко всему, что связано с Вами, и ждет Вас, по-моему, почти так же, как мы.

Может, станет под Вашим влиянием умного и уважаемого человека лучше учиться. Удивительный лодырь! Ваша мама меня все время успокаивает, хотя и обещает по опыту, что мне предстоит очень трудный год. (Мужику четырнадцатый год.)

Мы вернулись в Ленинград 27 августа, и в этот же день пришла Светочка. Я пишу сейчас после нашей встречи. Она доехала до дома. Мы созвонились, что она уже дома и ложится спать, а я села писать Вам письмо. Выглядит она (тьфу, тьфу, тьфу) прекрасно. Очень красивая, загорелая, бодрая, деятельная, активная. Мы сидели, пили сухое вино, ели конфеты и говорили… говорили. Как ни смешно, среди всего, о чем мы говорили, возникла тема о нашем обучении режиссуре. И мы с Камой вспоминали, что Товстоногов когда-то велел нам завести тетрадку с названием «Что входит в профессию режиссера». И, по-моему, первой заповедью было: «Дипломатия входит в профессию режиссера». Актеры часто не должны знать и догадываться, как мы дальше поведем себя в отношении пьесы. «Зачем им знать, что вы будете делать потом», – говорил Товстоногов.

Что-то я вдруг расписалась о режиссуре. Завтра едем с Камой и Светочкой в Лахту к Вашей маме. Вернее, не завтра, а уже сегодня.

После этого сразу Вам напишу. Попробую за эти 3 месяца и 3 недели как-то загладить, хотя бы частично, свою вину.

Очень ждем Вас, дорогой друг.

Поклон от моей мамы.

Гета, Кама, Даня

Сусуманские песни

Вероятно, почти каждый, кто имеет некоторое понятие о поэзии, попадая в такие условия, в которых два года провел Константин Маркович, начинает сочинять стихи. А поскольку стихосложение было близко ему с юного возраста и одно время даже обещало стать его основной профессией, то, конечно, оказавшись на зоне, он не мог противиться внутреннему голосу. Совершенно справедливы слова понимающего его тогдашнее состояние Д. Максимова: «Как Ваша Муза? По всем умозрительным данным она должна себя проявить активно».

Другое дело, что все роившееся в голове невозможно было записывать, находясь в тюрьмах, вагонзаках, лагерных бараках и «на больничке». Ни клочка бумаги, ни стола, за который можно присесть… Кое-что он восстановил в памяти и записал уже после возвращения в Ленинград, но в какой степени была завершена эта реконструкция, мы не знаем. Можем лишь сказать, что на бумагу были перенесены три стихотворения, которые, как гласит аннотация, составляли фрагмент задуманного на Колыме цикла «Сусуманские песни».

Публикуемые стихотворения, датированные 1982 годом и буквально чудом попавшие к нам в руки, вошли в 1984 году в машинописный альманах «Третье зазеркалье», посвященный 75-летию Эльги Львовны Линецкой (1909–1997). В течение нескольких десятилетий она вела семинар художественного перевода при ленинградском Доме писателя и, как писал Константин Маркович в сборнике, посвященном ее памяти, «раздаривала себя, безраздельно и страстно погружаясь в общение с учениками, правильней сказать, с теми, кто поступал в ее семинар как начинающий переводчик, но становился со временем ее воспитанником, помощником и другом».

* * *

Не слезинка – искупленья зарок,
не клепсидра, не свеча на столе —
незаметно оплывает мой срок
в сусуманской опалимой земле.
Что ни утро, до подъема восстав
и готовясь на отлет, как Икар,
все, что было, – от растрав до расправ —
я снимаю с этих лет как нагар.

И покуда предрассветный фантом
поднимается с колымского дна,
вспоминается мне строчка о том,
что свобода – горицвет, купина.

* * *

Не душа и не сома
отягчается тут,
ибо ткань невесома,
что Психеей зовут.

А уставшее тело —

это прах все равно.
Достигая предела,
иссыхает оно.

И поэтому тенью
в перегрев и мороз,
как бессмертью и тленью
уготованный Стос,

в перепадах межзонья,
где облом и обрыв,
я бреду, как спросонья,
отрешившись, отбыв.

И ни стужи, ни зноя —
сусуманская мгла…
Только память со мною,
потому что цела.

*** * ***

В эту озимь и оторопь, в самом углу
мирозданья, где скопище руд,
в этот коцаный лед, что, противясь кайлу,
мертвецов своих прячет под спуд,

в эту падь – ибо сам и клеймлен, и строптив —
я опущен был въявь и живьем,
и ветра по-жигански свистели мотив,
матерясь на излете своем.

И как сука скуля, зазывала метель
в эту тысячелетнюю тьму…
Так в полях Галилеи пастушья свирель
напевала о Царстве Ему.

Глава 12
Начало большого пути

Желания и решимости действовать ради очищения собственного имени было у Азадовского более чем достаточно. Однако он не слишком понимал, что может принести успех, а что лишь измотает и его, и Светлану, отнимет силы и время. Именно поэтому нельзя сказать, что он придерживался какой-то определенной тактики – все-таки слишком много было разочарований.

Не в силах сидеть без дела, он действовал «методом проб и ошибок» – и в результате все-таки находил какое-то уязвимое место обвинения, имеющее, как ему казалось, перспективу в процессуальном плане. Железная хватка и неотступность – его верные спутники – помогали тут, как ничто другое. На любой полученный отказ следовали жалобы в различные инстанции, и длилась такая переписка годами. Вряд ли можно сказать, что борьба

с Системой была плодотворной – вероятно, если бы он не тратил годы на написание жалоб и кассаций, он бы был более полезен обществу. Однако общество в лице советской правоохранительной системы уже выразило свое отношение и к научным занятиям Азадовского, да и к нему лично. И теперь он просто не мог не бороться против многоголового дракона, сломавшего ему жизнь.

При этом нужно отметить, что ситуация в стране оставалась той же, какой была и до ареста Азадовских: ничего не изменилось. Конечно, теперь у кормила страны стоял не Брежнев, а Андропов, но никаких перспектив либерализации в любом случае не угадывалось. И хотя еще в 1970 году был напечатан знаменитый трактат Андрея Амальрика «Просуществует ли Советский Союз до 1984 года?», в 1983 году это вопросительное заглавие воспринималось скорее как утвердительное. И если в 1970 году еще можно было заняться подобным футурологическим размышлением, то практика подавления либеральных настроений в 1970-е годы сняла вопросительный знак. Да, просуществует! И много дольше, чем до 1984 года. Так тогда казалось.

Вернулись Азадовские в ленинградскую провинциальную трясину. Провинциальную не изначально, но вынужденно. Начиная с 1918 года, когда советское правительство переехало в Москву, подальше от границы, началось втаптывание Петрограда – Ленинграда в болото провинциальной жизни. Одно то, что бывшая столица империи в советские годы была низведена до уровня рядового областного центра с соответствующим скудным финансированием, весьма показательно.

Инакомыслия здесь не было с довоенного времени; и если в городе на Неве и возникало нечто относительно свободное, то выкорчевывалось без всякой пощады. Но поскольку именно сам этот город, как бы он ни назывался, с его каменным застывшим сердцем и есть неиссякаемый источник свободы, то никакая карательная сила не имеет над ним абсолютной власти. И те люди, в которых город на Неве вдохнул свою душевную силу, жили своей отдельной жизнью – свободно в несвободной стране. Их было не много, но они были подобны соли. Поколение Бродского в этом смысле особенно показательно.

Жесткость и еще неотступность – вот те слова, которые приходят на ум, когда погружаешься в безбрежное море судебных бумаг Азадовского. И за каждой бумагой, будь то заявление в суд или прокуратуру, отказ в возбуждении дела, кассационная жалоба, решение суда, стоят украденные часы, дни, месяцы, которые вместе соединяются в украденные годы.

Именно таковой была цена, которую должен был заплатить человек, поставивший перед собой цель: возвращение своего честного имени. Вопрос был в том, принесут ли эти усилия какой-либо действительный результат.

Впрочем, почти все друзья Азадовских, понимая тщетность этой борьбы, его отговаривали. Нет, не смириться, конечно, но успокоиться, попытаться забыть, оставить все пережитое позади, чтобы посвятить свою новую, можно сказать, заново подаренную свободную жизнь чему-то более светлому и полезному, чем борьба с драконом.

А дракон не спал: так называемая ленинградская волна арестов интеллигенции, первым в которой был Азадовский, вторым – Л.С. Клейн (5 марта 1981 года), затем – А.Б. Рогинский (12 августа 1981 года), продолжалась: в июне 1983 года в Москве был арестован ленинградец М.Б. Мейлах, филолог-романист, ученик В.М. Жирмунского. Ему было предъявлено обвинение по 70-й статье УК (то есть арест его был санкционирован следственным управлением КГБ СССР в Москве). 14 июля в парижской «Русской мысли» была напечатана заметка Юрия Кублановского по этому поводу. Начиналась она следующим:

> Прошло около двух недель со дня ареста ленинградского ученого Михаила Мейлаха, а до сих пор неизвестна статья, по которой он арестован. Обвинения могут быть самые разные – в зависимости от причудливости фантазии КГБ. Филолог К. Азадовский был, к примеру, осужден за «наркотики», историк А. Рогинский – за «подделку отношений в архив»… Но как бы ни изощрился на этот раз КГБ, всем ясно: и Азадовский, и Рогинский, а теперь и Мейлах – арестованы за

одно: независимую научную и культурологическую деятельность без постоянной оглядки на официальную оказененную науку.

Одним словом, никаких поблажек Азадовские не ждали и никаких иллюзий насчет своего будущего в стране победившего социализма не испытывали. Они начинали жизнь заново – как освободившиеся уголовники, обладатели волчьих билетов. Светлана сразу же (Константин еще был на зоне) взяла в руки главное орудие русской женщины – метлу (летом) и лопату (зимой), не без труда устроившись дворничихой в трест жилищного хозяйства и получив временную прописку. Константин после возвращения пытался жить частными уроками, продажей картин и книг домашней библиотеки и редкими гонорарами за публикацию на Западе переписки Рильке – Цветаевой – Пастернака.

Реальной опасностью для него могло оказаться в этот момент обвинение по 209-й статье УК, то есть в «паразитическом образе жизни», иными словами, в тунеядстве, потому как в Стране Советов нужно было, как известно, иметь официальное место работы; четыре месяца без стажа уже создавали состав преступления. В филологической и писательской среде это обычно преодолевалось получением места литературного секретаря у члена Союза писателей СССР, либо секретарством у кого-либо из академиков: по своему статусу они имели право содержать на свои средства помощников. Заключался договор в свободной форме и предъявлялся в контролирующие органы.

Но кто его формально оформит секретарем? Те писатели, к которым можно было обратиться напрямую или через знакомых, отшатывались от него как от зачумленного, боялись. Откликнулся, правда, Федор Абрамов и просил передать, что ждет звонка: дескать, он может оформить Азадовского и сам, а может подыскать подходящий вариант среди членов Ленинградской писательской организации. Азадовский в тот момент находился в Москве; сразу по возвращении он должен был связаться с Федором Александровичем, который почти оправился после перенесенной в сентябре 1982 года операции. Но когда Азадовский вернулся, то к Абрамову было уже не пробиться: врачи взяли его в кольцо и готовили ко второй операции, на которую писатель долго не мог решиться. Их встреча произошла только 18 мая 1983 года в Доме писателя на улице Воинова – в этот день город прощался с прославленным писателем.

Согласилась его оформить только детская писательница Жанна Александровна Браун (по мужу Грудинина; 1931–1996), и Азадовский с 21 марта 1983 года формально стал ее литературным секретарем.

Восстановление Азадовского в качестве ученого протекало трудно, но Константин Маркович был готов тогда писать и в стол – ему важно было просто «вернуться в форму», доказать самому себе, что он способен возвратить то, что было упущено в заключении. По счастью, для науки о литературе тогда были не самые «быстрые» годы, и материалов по локальным областям, которыми занимался Азадовский, появилось за время его отсутствия не слишком много. В начале 1980-х годов гуманитарная научная мысль, сдерживаемая цензурой, болезненно и тяжело обретала печатную форму.

Е.Г. Эткинд в изъятом цензурой предисловии к двухтомнику «Мастера русского стихотворного перевода» (1968) отмечал: «…Лишенные возможности до конца высказаться в оригинальном творчестве, русские поэты – особенно между XVII и XX съездами – говорили со своим читателем устами Гете, Орбелиани, Шекспира, Гюго…» Описанная ситуация не слишком изменилась и в дальнейшем, в частности после XXVI съезда КПСС. А потому Азадовский решил продолжить свой труд переводчика.

Наиболее важным как с материальной, так и с моральной точки зрения было возобновление договора с ленинградской редакцией «Литературных памятников» на новый русский перевод «Сказок братьев Гримм». Это произошло благодаря члену редколлегии академику Д.С. Лихачеву; при пролонгировании договора 1977 года Азадовскому была выплачена часть гонорара. Несмотря на то что перевод впоследствии был сделан и сдан в издательство, наступление нового времени с сопутствующими ему трудностями

книгоиздания не позволило книге выйти в свет. Перевод не издан до настоящего времени.

Борьба за отмену приговора посредством заявлений и жалоб к 1983 году исчерпала себя окончательно – на десятки многостраничных писем Азадовский получал отписки или же подробные ответы, но все равно всегда отрицательные. Вероятно, последней каплей был ответ председателя Ленгорсуда В.И. Полуднякова, датированный 27 апреля 1983 года:

> Ваша вина в совершенном преступлении установлена судом совокупностью доказательств, проверенных в судебном заседании. В частности лично Вами написанной записке Лепилиной инструктивного содержания, на предмет выработанной версии о якобы Вашей непричастности к обнаруженной у Вас при обыске анаше. Суд правильно дал оценку собранным доказательствам и обоснованно признал Вас виновным.

И тогда Азадовский изменил тактику, уже пытаясь не оспаривать приговор в целом, а опровергать отдельные факты или частные доказательства, принимавшиеся в расчет при его вынесении.

Дело о пропавшем имуществе

Итак, новый, 1983 год семья Азадовских встречала вместе, в их квартире на улице Восстания. Два бывших зэка и Лидия Владимировна, которая в течение двух лет ни на минуту не забывала: не доживи она до возвращения сына – квартира отойдет государству.

Светлана, в соответствии с законодательством, жилплощади своей была лишена. Еще 27 июля 1982 года Дзержинский райисполком города Ленинграда вынес решение «о предоставлении семье участницы Великой Отечественной войны Ткачевой, состоящей из трех человек, трех комнат… взамен комнаты по тому же адресу». То есть усилия соседки были вознаграждены – после ареста и суда над Светланой она получила три ее сугубо смежные комнаты в четырехкомнатной квартире.

Если бы к тому времени советское государство не имело за плечами десятилетий истории и практики, когда жители коммунальных квартир всеми силами писали доносы на своих соседей, чтобы вселиться потом в их комнаты, то мог бы возникнуть вопрос: как же это так вышло, что соседка переехала из одной своей комнаты в три освободившиеся? Но вопросов никаких не было – деятельное участие соседки в деле Светланы было, как видно, вознаграждено.

Зоя Ивановна Ткачева (в девичестве Григорьева) родилась в 1923 году в Петрограде, образование 8 классов, училась в Вагановском училище, работала по специальности, с началом войны поступила на арматурный завод имени И.И. Лепсе и в сентябре 1942 года была призвана в армию; служила писарем в автомобильном полку резерва на Ленинградском фронте. В 1943 году вышла замуж за своего однополчанина, старшего лейтенанта, оперуполномоченного военной контрразведки Смерш Аркадия Дмитриевича Ткачева, члена ВКП(б); демобилизована 6 января 1944 года по беременности в звании ефрейтора, награждена медалью «За оборону Ленинграда». После войны она получила с сыном комнату на улице Желябова. С 1970 года в этой квартире поселилась семья Лепилиных.

В 1973 году первый муж Светланы скончался, и отношение Ткачевой к ней изменилось – она не только навязывала свое общение, но и выступила в качестве свахи, желая устроить судьбу своего сына. Когда же на небосклоне появился Константин Азадовский, то всякие матримониальные перспективы для Ткачевой окончательно улетучились и она стала действовать иначе.

Сначала это были скандалы, затем начались доносы по месту работы Светланы и Константина, наконец в 1978 году, после очередной выходки Ткачева, Азадовский решил положить конец его хулиганским действиям и обратился к органам власти. Но милиция, с которой у соседки была связь через местного оперуполномоченного, попыталась замять дело. И когда Азадовский своим неутомимым пером все-таки довел дело до обвинительного

приговора, хотя и не связанного с лишением свободы, то Ткачева буквально начала выживать Светлану из квартиры. К тому времени она уже нащупала (или ей подсказали?) уязвимое место у ненавистной ей пары: контакты с иностранцами, аморальный (антисоветский) образ мысли и поведения.

И как только вечером 18 декабря 1980 года неожиданно выяснилось, что на Светлану нужны порочащие сведения, то Ткачева буквально через пару часов оказалась у следователя Замяткиной, чтобы подписать нужные показания: и о моральном облике Светланы, и о ее знакомствах в среде музыкантов, и, само собой, о сожительстве с Азадовским. Но Ткачевой двигала не только ненависть. Ее активное содействие следствию имело и другую причину: расчет. Она, как никто, понимала, что формальная нужда в улучшении жилищных условий послужит – в случае обвинительного приговора Светлане – веской причиной получить три ее комнаты. Так и случилось – после вступления приговора в законную силу Ткачева незамедлительно начала ходатайствовать об улучшении жилищных условий за счет освободившихся в ее квартире комнат.

Вероятно, решающим фактором явилось и то обстоятельство, что в паспортной службе их жилищного треста работала жена майора милиции М.А. Баду, который был хорошо знаком с Ткачевой и деятельно участвовал в ее конфликтах с Азадовскими, что отражено в многочисленных судебных бумагах. Впоследствии Азадовский писал об этом «механизме улучшения жилищных условий» в своих жалобах, но ни Министерство внутренних дел, ни прокуратура на нашли в этом ничего противозаконного.

Однако если своей недвижимости Светлана вернуть не могла, то она по меньшей мере имела право на все то движимое имущество, которое находилось в ее комнатах в момент ареста. К моменту освобождения Светланы ее вещи уже были свалены в подвале Треста жилищного хозяйства № 2 Дзержинского района г. Ленинграда. Впрочем, там оказалось далеко не все.

Между тем в результате служебной прокурорской проверки, инициированной Азадовскими, выяснилось, что кольца и серьги Светланы были изъяты соседкой во время обыска, а конфискованные при аресте вещи: сумочка Светланы с личными вещами и фотографии русских поэтов, обнаруженные у Азадовского, – безвозвратно пропали из сейфа следователя Е.Э. Каменко «по причине неисправности замка». Это было хотя бы небольшой, но зацепкой для законных претензий к следователю, способствовавшему фабрикации уголовных дел. И Азадовские подают заявление, чтобы за нанесенный моральный и материальный ущерб следователь Каменко был привлечен по 172-й статье УК («халатность»), предусматривающей наказание в виде увольнения от должности, или исправительных работ на срок до одного года, или даже лишения свободы на срок до трех лет.

Конечно, никто бы никогда не привлек следователя к уголовной ответственности, но, во-первых, Азадовские не могли простить ему содеянного, а во-вторых, в России трудно предугадать, от какого действия будет прок.

Проведенная силами ГУВД в ноябре 1983 года проверка не нашла в действиях Каменко состава преступления. Кроме того, оказалось, что Каменко, который 28 марта 1983 года выдавал оставшиеся вещи из хранилища вещественных доказательств, уже не работает в милиции: «Уволен из органов МВД по несоответствию». Мы доподлинно не знаем, в чем состояла действительная причина этого увольнения, но весьма примечательно, что за ним не последовало отчисления Каменко с юридического факультета ЛГУ, где он в то время оканчивал заочное отделение.

Материальный ущерб, нанесенный действиями следователя, был сочтен незначительным и не давал оснований к обвинению его по уголовной статье. Однако признание самого факта ущерба давало Азадовским право получить от государства денежную компенсацию за утраченное имущество. Иска к Ткачевой они не подавали, поскольку та «добровольно выдала» изъятые ею при обыске драгоценности Светланы.

Дело о возмещении Куйбышевским РУВД нанесенного ущерба продолжалось почти

пять лет и имеет значительный документооборот – на каждый отказ следовало новое заявление Азадовского. В результате 13 мая 1988 года народный судья Куйбышевского районного народного суда г. Ленинграда Л.А. Донецкая вынесла решение о возмещении материального ущерба (за фотографии и книги, утраченные органами следствия). Несмотря на кассационную жалобу, которую подал Каменко, привлеченный в качестве третьего лица, приговор в пользу Азадовских был подтвержден вышестоящей инстанцией и вступил в законную силу.

И хотя присужденные им 315 рублей 50 копеек в 1988 году были не столь значительной суммой (хотя и не мелочью), важнее тут была пускай даже скромная, но победа. А самое главное: благодаря тому, что Азадовский сумел довести этот гражданский иск до конца, он получил информацию, до которой иначе никогда бы не добрался.

Дело о сожженных книгах

Среди действий следствия, которые с самого начала пытались обжаловать Константин и Светлана, было уничтожение книг, изъятых при обысках. Собственно, только уголовное дело Азадовского содержало сведения – заключение Горлита – об антисоветской литературе, изъятой у обвиняемого. В деле Светланы ничего подобного не было, ведь ее дело было вовсе лишено каких бы то ни было признаков политического – «чистая уголовщина». Однако и в ее уголовном деле, уже после освобождения из мест лишения свободы, стали возникать подозрительные политические оттенки. Приведем текст заявления Светланы в ленинградский Горлит от 1 апреля 1983 года (написано оно, смеем предположить, при деятельном участии супруга):

> Уважаемые товарищи!
>
> Обращаюсь к Вам за разъяснением по следующему поводу.
>
> 19 февраля 1981 г. я была осуждена Куйбышевским районным судом г. Ленинграда по ст. 224 ч. 3 на срок 1 год 6 месяцев. 7 апреля 1982 г. я была освобождена досрочно по решению Автозаводского районного суда г. Горького и возвратилась в Ленинград.
>
> 28 марта 1983 г. при получении своих личных вещей, изъятых у меня при производстве обыска 20 декабря 1980 г., я с удивлением узнала от следователя СО Куйбышевского РУВД лейтенанта милиции Каменко Е.Э., что принадлежащие мне книги не могут быть мне возвращены на том основании, что все это – антисоветские издания, не подлежащие распространению в СССР.
>
> После этого я обратилась к пом. начальника СО Куйбышевского РУВД капитану милиции Горощеня С.М., который сообщил мне, что по поводу изъятых у меня книг существует заключение Вашего Управления, на основании которого все они признаны антисоветскими и «уничтожены». Однако с самим документом он меня не ознакомил.
>
> Все это вызывает у меня сомнения. Во-первых, в моем уголовном деле подобного документа нет и во время следствия и суда в 1981 г. никто не предъявлял мне никаких обвинений относительно хранения антисоветской литературы. С другой стороны, изъятые у меня книги при всем желании не могут быть признаны «антисоветскими».
>
> Речь идет о следующих изданиях (согласно протоколу обыска):
>
> 1. Журнал «Звезда», 1934, № 1, 2 и 3. В этих номерах содержатся произведения советских писателей (проза П. Далецкого, С. Колбасьева, Г. Фиша, поэзия Н. Брауна, О. Берггольц, А. Гитовича, В. Саянова, критические статьи и рецензии В. Десницкого, Б. Казанского, Инн. Оксенова, В. Гофмана и др.), причем среди них нет ни одного автора, дискредитировавшего себя чем-либо впоследствии, как нет и материалов, выражающих тенденции периода «культа личности».
>
> 2. Книга «В дни войны». М.—Л., «Искусство», 1943. Книга представляет собой сборник одноактных пьес с оборонной тематикой (авторы: Л. Иткин, Ю.

Мокреев, Н. Добычин, С. Вольский и Л. Ленч). В годы Великой Отечественной войны из этой книги черпали свой репертуар армейские самодеятельные коллективы.

3. Книга «Совещание деятелей советской музыки в ЦК ВКП(б)». М., 1948. По поводу этого совещания и принятого тогда же постановления ЦК ВКП(б) от 10 февраля 1948 г. в Большой Советской энциклопедии говорится, что оно «имело огромное значение для развития советской музыки в реалистическом направлении» (БСЭ, т. 50, М., 1957, с. 614).

4. Книга С. Маковского «Год в усадьбе» (Париж, 1949). Содержит стихи русского поэта и художественного критика С.К. Маковского, обращенные к его сыну Ивану. Стихи – сугубо личного, интимного характера; издание выпущено на средства автора; никакого предисловия, никаких рекламных упоминаний о других эмигрантских авторах книга не содержит. Имя С.К. Маковского часто упоминается в различных советских изданиях, встречаются ссылки на его статьи и мемуары эмигрантского периода (см., напр.: Александр Бенуа размышляет. М., 1968, с. 630 и др.; К.А. Сомов. Письма. Дневники. Суждения современников. М., 1979, с. 581), публикуется его переписка (см. Ежегодник Рукописного отдела Пушкинского Дома на 1976 год. Л., 1978, с. 232–242). Ничего «антисоветского» в этом издании нет.

5. Книга Г. Зиновьева «В.И. Ленин. Его жизнь и деятельность» (Л., 1923). В отношении данного издания я готова согласиться с тем, что оно действительно не подлежит распространению в СССР. Однако называть его «антисоветским» – безграмотно. (Замечу, кстати, что данная книга принадлежит не мне, а моей соседке по квартире З.И. Ткачевой, о чем свидетельствует надпись на обложке.)

6. Книга «Pierre Bonnard» (на французском языке), изданная в 1975 г. в Париже в серии «The Little Library of Art». Работы известного французского живописца П. Боннара экспонируются в музеях СССР (напр. в Гос. Музее изобразительных искусств в Москве). Предисловие к книге (на франц. и англ. языках) содержит основные биографические сведения о художнике. Книга куплена в г. Ленинграде в магазине «Старая книга» (о чем свидетельствует штемпель на обложке). На каком основании подлежит она изъятию и уничтожению?!

7. Роман А. Камю «L’Étranger» (на французском языке) в серии Livre de poche. Роман «Посторонний» был полностью переведен на русский язык и опубликован в СССР. (См.: А. Камю. Избранное. М., 1969, с. 51–131.) Произведения А. Камю и в настоящее время продаются в СССР (книги на французском языке, выпущенные в издательствах кап. стран). На каком основании это издание расценивается как «антисоветское»?

8. Книга Kitch. Anthologie. Ed. par Jacques Sternberg et Pierre Chapelot. Paris, 1971. Это – антология «кича», которая содержит образцы массового искусства Запада. Могу согласиться с тем, что произведения, представленные в этом издании, лишены художественно-эстетической ценности и не подлежат пропаганде и распространению в нашей стране. Однако что в этом издании «антисоветского»? И наконец: если уж работниками милиции было принято решение не возвращать мне «Антологию», то не целесообразней было бы передать это ценное и дорогостоящее издание в одну из государственных библиотек СССР? Зачем надо было его «уничтожать»?! Ведь это нечто иное, как варварство! (То же можно сказать и о редкой книге «Год в усадьбе», отсутствующей в библиотеках СССР и недоступной даже для специалистов.)

9. Журнал «L’Observateur» – орган правой французской печати. К сожалению, я не помню года и номера изъятого у меня журнала, но могу утверждать, что никаких материалов антисоветского характера в нем не содержалось.

Сотрудники УВД г. Ленинграда допустили в отношении меня в 1980 г. целый ряд грубейших нарушений законности, которые частично были выявлены и зафиксированы в судебном заседании. Куйбышевский районный суд вынес постановление о «ненадлежащей профессиональной подготовке» сотрудников УВД, производивших обыск. Однако в этом частном определении, признавшем недействительным протокол обыска, ничего не было сказано об изъятой у меня

литературе, о той тенденциозности и предвзятости, которую проявили сотрудники УВД (например, находившийся у меня западный журнал мод был изъят и описан в протоколе обыска как «порнографический»).

И несмотря на все это теперь (т. е. два года спустя) те же самые сотрудники УВД предъявляют мне обвинение в хранении «антисоветской» литературы!

В связи со всем вышеизложенным обращаюсь к Вам и прошу ответить: действительно ли названные мной издания поступили в свое время в Леноблгорлит и в отношении них было вынесено какое-либо заключение? В случае, если такое заключение все же существует и все издания, изъятые у меня, признаны «антисоветскими» и «не подлежащими распространению в СССР», то я убедительно прошу ознакомить меня с доводами экспертов.

Вскоре раздался звонок из главного цензурного ведомства – Ленобгорлита. Светлану приглашали 19 апреля лично посетить этот храм. Встретил ее начальник отдела, принял весьма вежливо и объяснил, что все написанное в заявлении не имеет к его ведомству никакого отношения, поскольку никаких материалов после обыска у Светланы к ним не поступало и никаких заключений по перечисленным книгам они не давали. Светлана попросила предоставить ей официальный ответ, который и был выдан 21 апреля.

Когда же после жалобы в прокуратуру относительно пропавших книг Светлану пригласили в октябре к прокурору В.К. Муравьеву, тот ознакомил ее с результатами проверки. Во-первых, он вернул ей четыре книги из девяти, а насчет еще четырех предъявил заключение Леноблгорлита от 7 января 1983 года за подписью все того же главного цензора города – Б.А. Маркова, где было указано, что эти четыре издания «не подлежат ввозу и распространению в СССР». А девятая книга – роман Альбера Камю «Посторонний» на французском языке – была объявлена утраченной.

В этот момент Светлана вынула из рукава козырь: ответ из Леноблгорлита о том, что никакой литературы в связи с ее уголовным делом в цензуру на отзыв не поступало. Тогда «прокурор высказал предположение, что на начальника Управления было, вероятно, оказано давление и он выдал заключение “задним числом”».

На вопрос, какие же органы обладают такой силой, что могут оказать давление даже на главного цензора города, прокурор только усмехнулся. И 15 ноября Светлане был послан официальный ответ (за подписью зампрокурора города), подтверждающий все вышесказанное.

Если в случае с изъятыми у Лепилиной книгами царила неразбериха, то в деле Азадовского была все-таки, как мы знаем, относительная определенность: заключение Б.А. Маркова, а также подчистка с указанием заказчика экспертизы в лице УКГБ СССР по ЛО. Тут уже можно было продолжать разговор.

Нужно отдать должное квалификации экспертов цензурного ведомства, которые не смогли увидеть в изъятой при обыске у Азадовского «фотографии с неизвестной картины политически вредного содержания» знаменитого полотна Ильи Глазунова «Мистерия XX века» (1977) либо намеренно квалифицировали эту вещь как анонимную, дабы облегчить себе основную задачу: признать ее «политически вредной». Эта характеристика придавала письмам Азадовского, и без того обычно язвительным, явную издевательскую ноту.

Основной целью своих обращений Азадовский видел, конечно же, не возвращение книг – они были уничтожены в 1981 году, и 30 ноября 1983 года Азадовский получил официальное уведомление по этому поводу (хотя и подвергал его сомнению, усвоив за эти годы привычку не доверять никаким бумагам). Но прежде всего он пытался если не отменить заключение Горлита, то уж точно подвергнуть его сомнению, изменить, смягчить… Зачем ему это было нужно? Вероятно, с самого начала он думал о перспективе пересмотра приговора, ради которой необходимо было установить ничтожность доказательств и свидетельств, принимавшихся судом в расчет при рассмотрении дела.

Кроме того, он помнил и о подчищенном адресате заключения ленинградской цензуры – была вероятность, что нет-нет да и выплывет какой-нибудь документ, доказывающий

причастность КГБ к его уголовному делу.

Итак, 20 декабря 1983 года Азадовский направил в Главное управление по охране государственных тайн в печати (Главлит СССР) мотивированную жалобу. Опуская общую часть этого документа, приведем возражения Азадовского на пункты экспертного заключения. Обращает на себя внимание сам стиль, который был избран Азадовским: поскольку он отдавал себе отчет, в какую инстанцию обращается, то старался говорить на советском суконном языке, используя штампы вроде «руководители Коммунистической партии и советского государства», «враги нашей страны» и т. п., а также сомнительные, если отвлечься от контекста, рассуждения по поводу «злобных антисоветчиков» Н. Мандельштам и А. Солженицына и пр. Тем самым он придавал своему запросу официоз, который бы препятствовал простой отписке.

> …Хочу, однако, обратить Ваше внимание на явные неточности и передержки, допущенные сотрудниками Леноблгорлита.
>
> 1. Б. Пильняк. Соляной амбар. Главы из этого незавершенного романа публиковались в СССР в журнале «Москва» (1964, № 5). Публикация в США представляет собой таким образом лишь перепечатку. Экспертиза основывает свое утверждение на том, что на обложке издания воспроизведена заметка из газеты «The New York Times», в которой «тенденциозно освещаются факты биографии и творчества Пильняка». Насколько помню, в заметке указано лишь, что в годы культа Пильняк было необоснованно репрессирован (о чем можно узнать из любого справочника, изданного в СССР). Считаю, что данное издание может импортироваться в СССР и храниться в частном книжном собрании.
>
> 2. Альбом-фотобиография «Цветаева». В качестве основного аргумента экспертиза указывает на то, что альбом содержит фотографии Н. Гумилева и В. Ходасевича. Может ли такое обстоятельство служить доводом, учитывая, что в советском литературоведении (особенно в «академических» изданиях) эти имена в последнее время появляются сравнительно часто? В заключении экспертизы относительно этого издания говорится: «Альбом сопровождается комментариями злобных антисоветчиков В. Набокова и Н. Мандельштам». Не убежден, что В. Набокова можно причислить к разряду «злобных антисоветчиков». Сомневаюсь также, что В. Набоков и Н. Мандельштам могли «комментировать» это издание, появившееся уже в самом конце 1980 г., когда обоих не было в живых.
>
> 3. Рекламные проспекты западногерманских издательств «Люхтерханд» и «Ханзер», изъятые у меня, были в свое время получены мной по почте. Тем не менее, проспект издательства «Ханзер» не подлежит, по мнению экспертизы, ввозу в СССР на том основании, что он «рекламирует книги Мао». Такой аргумент может вызвать только улыбку. Что же касается проспекта издательства «Люхтерханд», то он, согласно заключению Леноблгорлита, «рекламирует книги антисоветчиков А. Солженицына и Г. Лукача». Повторяю, что я не оспариваю выводов экспертизы, но мне совершенно непонятно, как можно ставить в один ряд имена Солженицына и Лукача, который, как известно, был коммунистом с 1919 г., видным деятелем международного рабочего движения, автором статей об эстетических взглядах Маркса и Энгельса, о реализме XIX века и т. д. Несмотря на известные колебания во время мятежа 1956 г. и в последующий период, Лукач никогда не принадлежал к числу врагов нашей страны.
>
> 4. Отдельно хочу коснуться упомянутой выше фотографии с картины И. Глазунова «Мистерия XX века». В заключении экспертизы Леноблгорлита она охарактеризована следующим образом: «Фотография с неизвестной картины политически вредного содержания, на которой изображены главари фашизма, диссидент-антисоветчик Солженицын и другие одиозные личности. Изданию и распространению в СССР не подлежит». Такая трактовка, мягко выражаясь, неточна: ведь на картине И. Глазунова изображены, наряду с «главарями фашизма» и «одиозными» личностями, также покойные руководители Коммунистической партии и Советского государства: И.В. Сталин, Н.С. Хрущев. Изображен на картине и В.И. Ленин. Считаю, что для объективной оценки этого документа

> следовало бы найти другие выражения. То, что по своему содержанию картина Глазунова является «политически вредной», для меня – бесспорный факт. Однако в свое время это произведение экспонировалось в СССР. И наконец: как можно инкриминировать кому бы то ни было хранение фотографии с работы, автор которой – член Союза художников СССР?! Ведь это абсурд! Почему и на каком основании эта фотография вообще стала объектом экспертизы Леноблгорлита?
>
> По результатам экспертизы, проведенной Леноблгорлитом, следователь Куйбышевского РУВД г. Ленинграда лейтенант Каменко Е.Э. вынес постановление, в котором сказано, что при проведении обыска в моей квартире были обнаружены и изъяты «различные издания зарубежных антисоветских издательств, содержащие клеветнические измышления в отношения Советского государства, являющиеся злобными памфлетами на Советское государство…» (л. дела 55). Категорически протестую против этих формулировок: изданий подобного рода я никогда не хранил. Я имел дело только с изданиями, необходимыми мне для научной работы как специалисту по русской литературе XX века. Книги, изъятые у меня, невозможно назвать «антисоветскими» при всем желании. Постановление следователя содержит неправомерные обобщения и в сущности представляет собой фальсификацию.

Однако ни на это заявление, отправленное 20 декабря 1983 года, ни на его дополненный вариант ответов получено не было. Никаких новых сведений тогда узнать не удалось, и только в 1986 году он собственными глазами увидит подлинный акт, которым засвидетельствовано сожжение в 1981 году изъятых у него книг как «не подлежащих ввозу и распространению в СССР, а также не представляющих научной и исторической ценности».

Свое отношение к столь дикому способу идеологической борьбы Азадовский со свойственной ему смелостью выразил во втором послании в Главлит от 12 марта 1984 года – в тот момент он еще не был ознакомлен с актом:

> …Как я теперь вижу, подобные действия – не могу назвать их иначе как варварскими! – все же возможны. Категорически протестую против этого как ученый, как литератор, как культурный человек. Зачем уничтожать, например, такие дорогостоящие издания как фотоальбом «Цветаева» или «Антология кича»? Не целесообразней было бы передать их в отдел специального хранения одной из государственных библиотек СССР, где к этим книгам получили бы доступ специалисты. Да и кому могло понадобиться уничтожение произведений советских писателей Зощенко, Замятина, Пильняка, ценной в документальном отношении книги «Письма З. Гиппиус к Берберовой и Ходасевичу»? Кем подписан акт об уничтожении книг? И наконец: действительно ли они уничтожены? Ведь ни решения суда, ни постановления следственных органов по поводу изъятых у меня книг не существует.

Дело о характеристике

Одним из самых вопиющих документов, полученных следствием и затем принятых в расчет судом при вынесении приговора Азадовскому, была характеристика с места работы. Полное представление о том, как возник этот документ, Азадовский получил лишь после возвращения из заключения.

Оказалось, что вскоре после его ареста, 13 февраля 1981 года, состоялось расширенное заседание Совета и партийного актива Мухинского училища. На этом заседании Каменко информировал членов Совета о личности Азадовского, затем, как водится, выступали сотрудники Мухинского училища, а под занавес состоялись выборы общественного обвинителя.

В результате к уголовному делу был приобщен протокол заседания Совета, но ни одно из выступлений, в которых завкафедрой характеризовался с положительной стороны, не

было в нем отражено; выступления других были изменены до неузнаваемости, и лишь речи тех, кто клеймил Азадовского, были даны в полном соответствии с оригиналом. Отдельно нужно отметить, что парторг, чтобы оправдать свои филиппики, даже назвал Азадовского «фарцовщиком», делая вид, что имеет для этого веские основания (однако в протокол это не попало, поскольку потребовало бы от следствия процессуальных действий).

Приведем основную часть этого фальсифицированного протокола, в свое время скопированного Азадовским:

> Андреевская Г.А., член кафедры иностранных языков, ст. преподаватель, беспартийная.
>
> Указала в своем выступлении, что кафедра глубоко обеспокоена фактом ареста Азадовского и члены кафедры практически не располагали сведениями и фактами о «втором» лице Азадовского и его жизни вне Училища.
>
> Письма кафедра писала не в защиту Азадовского, а лишь для того, чтобы получить сведения о его нынешнем состоянии.
>
> Тов. Андреевская Г.А. не смогла, однако, внятно ответить на вопросы присутствующих, почему они обратились с письмом к следователю, а не в ректорат и партийное бюро Училища, где смогли бы получить должную информацию.
>
> Бобов В.Я., секретарь партбюро Училища.
>
> Довел до сведения присутствующих, что партийное бюро, ректорат располагали сведениями и сигналами от лиц и организаций о нарушениях Азадовским общественного порядка, подозрительных знакомствах и связях с лицами, с которыми он как заведующий кафедрой вуза мог бы и не поддерживать связи. Ректорат и партбюро внимательно следили за деятельностью Азадовского в вузе, стараясь нейтрализовать его влияние на коллектив. Несмотря на то что научный потенциал Азадовского высок (кандидат наук, много печатных работ), ректорат и Совет вуза не переизбрал его на новый 5-летний срок, дав тем самым понять коллективу вуза и членам кафедры оценку его «двойной» жизни.
>
> Тов. Бобов В.Я. сказал, что факт ареста Азадовского свидетельствует о слабой идейно-воспитательной работе в профессорско-преподавательской среде, близорукости ректората в вопросах кадровой политики в вузе, которая привела к тому, что несмотря на известные ректорату нарушения Азадовским правопорядка он был в 1975 г. принят по конкурсу в вуз.
>
> Далее секретарь партбюро сказал, что партийному бюро училищных кафедр нужно срочно укрепить кафедру членами КПСС и создать там партийную группу.
>
> Семченко А., доцент кафедры скульптуры, беспартийный.
>
> Сказал, что трудно представить, что в идеологическом вузе зав. кафедрой мог вести «двойную игру» и длительное время руководить кафедрой.
>
> Тов. Семченко призвал присутствующих сделать определенные выводы из случившегося и рассматривать этот факт как тяжкий случай, бросающий тень на здоровый коллектив проф. – преп. состава Училища.
>
> Марков В.Ф., профессор, зав. кафедрой керамики и стекла, заслуженный художник РСФСР, коммунист.
>
> Высказал в своем выступлении тревогу за уровень кадровой политики на некоторых кафедрах. Призвал к необходимости более серьезно изучать кадры, принимая их в Училище, которое является идеологическим вузом.
>
> Призвал всех присутствующих на собрании укреплять трудовую и учебную дисциплину на кафедрах, внимательно рассматривать каждый сигнал, характеризующий личность сотрудников вуза.
>
> Всячески в своем выступлении поддержал решение о необходимости строго наказать Азадовского.
>
> Снетков Н.К., зав. мастерскими ЛВХПУ, коммунист.
>
> Обратил особое внимание на особенность морально-психологического климата на кафедре, где работал Азадовский.
>
> Видимое благополучие на кафедре создало атмосферу беспринципности, отсутствия критики, фальшивого спокойствия.

Многие члены кафедры, как отметил коммунист Снетков, знали о «сложной» личности Азадовского и некоторых непристойных его делах. Отсутствие должной профилактической работы на кафедре привело к аресту т. Азадовского.

Шистко В.И., доцент, зав. кафедрой рисунка, проректор по УПР.

Обратил внимание собрания на то, что коллектив кафедры должен занимать более принципиальную позицию по отношению к Азадовскому. Просил партийную организацию Училища всячески помочь в отборе кадров на руководящее звено.

Рассматривает арест Азадовского как своевременный шаг для того, чтобы нейтрализовать его от коллектива и воспитательного процесса со студентами.

Степанов Г.П., ректор ЛВХПУ им. В.И. Мухиной, доктор искусств., профессор.

Просил каждого руководителя внимательно относиться к исполнению своих служебных обязанностей. Не забывать, что у нас идеологический вуз, где не может быть второстепенных вопросов, все вопросы, решаемые коллективом вуза, играют величайшую роль в деле формирования личности каждого молодого художника декоративно-прикладного искусства.

По третьему вопросу собрание единогласно избрало общественного обвинителя на судебный процесс по делу Азадовского.

Общественным обвинителем единогласно избран коммунист Шистко В.И., проректор по учебно-производственной работе, доцент, коммунист.

Протокол был подписан председателем собрания В.Я. Бобовым и секретарем собрания С.А. Антоновым, заведующим учебной частью ЛВХПУ.

Приняв решение оспорить оба этих документа, Азадовский стал отстаивать свою честь в советском суде, «самом справедливом в мире». Впрочем, выбора не оставалось, к тому же Азадовский видел в этой чудовищной лжи хотя бы малый шанс для решения суда в свою пользу. Ему удалось убедить некоторых своих бывших коллег выступить в качестве свидетелей, если это будет необходимо. И, написав текст искового заявления, 25 ноября 1983 года Азадовский подал его в Дзержинский районный народный суд. Приведем его основные положения:

В феврале 1981 г. в связи с привлечением меня к уголовной ответственности по ст. 224 ч. 3 УК РСФСР администрация Ленинградского Высшего художественно-промышленного училища им. В.И. Мухиной, где я работал с 1975 г. в должности заведующего кафедрой иностранных языков, представила в следственный отдел Куйбышевского РУВД мою служебную характеристику, подписанную и.о. проректора доц. В.И. Шистко, секретарем партбюро В.Я. Бобовым и председателем месткома Л.Н. Бабушкиной (текст характеристики прилагаю). Данный документ от начала и до конца является клеветническим: он содержит целый ряд утверждений, не имеющих под собой никакой документальной основы и порочащих меня как личность и гражданина СССР.

1. В характеристике утверждается, что за время моей работы в ЛВХПУ им. В.И. Мухиной успеваемость студентов по иностранному языку «не выросла». Это не соответствует действительности. Если первоначально, в 1975/76 и 1976/77 уч. гг. количество студентов, не аттестованных в конце семестра по иностранному языку, равнялось 30–40 человек, то в последующие годы число это снизилось до 12–15 человек, что отражено в соответствующих документах (зачетных и экзаменационных ведомостях), хранящихся на кафедре и в учебной части Училища.

2. Утверждается, что я «попустительствовал» бывшему преподавателю кафедры иностранных языков Равичу М.М., уволенному в октябре 1975 г. за пьянство и систематические нарушения трудовой дисциплины. Это утверждение носит заведомо клеветнический характер. Преподаватель Равич был уволен по моему настоянию и моим докладным запискам, которые я систематически подавал в ректорат института. «Попустительствовали» же Равичу бывший проректор

Училища П.П. Литвинский и секретарь партбюро В.Я. Бобов, что и было выявлено в судебном заседании Дзержинского райсуда г. Ленинграда в ноябре 1978 г. Суд признал увольнение Равича справедливым и вынес в адрес администрации Училища два частных определения…

3. В характеристике заявлено, что мое поведение «разбиралось ректоратом и партийной организацией, однако воспитательная работа не дала желаемых результатов». Это утверждение заведомо клеветническое. За пять с лишним лет моей работы в институте я не имел ни одного замечания, ни одного взыскания или выговора со стороны администрации. Лица, подписавшие характеристику, естественно, не могли этого не знать. Проректор Шистко еще осенью 1980 г. предлагал мне подать заявление о приеме в ряды КПСС. Зачем же предлагать это человеку, чье поведение еще недавно «разбиралось ректоратом и партийной организацией»?

4. В характеристике утверждается, что для меня «характерны факты пьянства и дебоша, завязывания случайных знакомств с иностранцами». Однако ничего подобного не было. Нет ни одного документа, где были бы зафиксированы такого рода «факты». Нет ни одного свидетеля, который мог бы сказать, что видел меня пьяным или пристающим к иностранцам. Данное утверждение – циничная и заведомая ложь!

5. Характеристика содержит ссылки на заявления гр. Ходиной от 16.7.1975 и Ткачевой от 15.1.1979. Кто такая Ходина, мне неизвестно; с письмом этой гражданки – если оно в действительности и существует, – меня никто и никогда не знакомил. Не говорю уже о том, что в июле 1975 г. я в ЛВХПУ им. В.И. Мухиной еще не работал, а потому обращаться в администрацию Училища по моему поводу эта гражданка не могла. Считаю данный документ фальсификацией. Что касается заявления гр. Ткачевой, то с этим документом, поступившим в Училище в январе 1979 г., в то время меня также никто не ознакомил. Администрации Училища, однако, было хорошо известно, что по моим заявлениям в РУВД Дзержинского р-на и Ленгорпрокуратуру против гр. Ткачева А.А., сына З.И. Ткачевой, было возбуждено уголовное дело… Считаю, что при данных обстоятельствах ссылка на заявление гр. Ткачевой З.И. необоснована и не может быть принята во внимание.

6. В характеристике сказано, что администрация «ставила меня в условия», не позволяющие мне «пропагандировать мои взгляды». В этой формулировке все искажено. Во-первых, я считаю себя советским педагогом, ученым и литератором и не понимаю, почему я не имею права «пропагандировать» свои взгляды. Во-вторых, о моих «взглядах» никто из администрации или сотрудников Училища со мной никогда не спорил, по той простой причине, что никакого расхождения во взглядах не было. Я работал как все сотрудники без каких бы то ни было ограничений. Данное утверждение – намеренное и злостное искажение действительности.

7. В характеристике не назван ни один из фактов, характеризующих меня с положительной стороны. Не считаю возможным ставить что-либо себе в заслугу, но как объясняет администрация Училища тот факт, что на заседании Совета Училища 8 сентября 1980 г. мой отчет о работе кафедры, которую я возглавлял, за период 1976–1980 гг. был единодушно одобрен, а 3 ноября 1980 г. моя кандидатура была рекомендована конкурсной комиссией Училища к переизбранию на следующий пятилетний срок?! (Комиссию возглавлял В.И. Шистко.)

В моем уголовном деле, хранящемся в архиве Куйбышевского райсуда, находится и другой документ: протокол совместного расширенного заседания Совета и партийного актива Училища им. В.И. Мухиной от 13 февраля 1981 г. Данный документ также содержит лживые, клеветнические измышления в мой адрес. Более того: это фальсификация. Как мне стало известно в 1983 году из рассказов лиц, присутствовавших на заседании Совета, разговор обо мне шел совсем не в том духе, как это изображено в протоколе…

В связи о вышеизложенном прошу: Привлечь В.И. Шистко и В.Я. Бобова к уголовной ответственности по ст. 130 УК РСФСР за фабрикацию и распространение заведомо ложных, порочащих меня измышлений.

5 декабря 1983 года судья М.П. Булыгина, рассмотрев исковое заявление Азадовского, не нашла в действиях сотрудников, выдавших характеристику, состава преступления. «Считаю, – написала она в своем решении, – что нет оснований к возбуждению уголовного дела, т. к. указанные документы составлены коллегиально, приняты так же коллегиально, являлись предметом рассмотрения в уголовном деле, вступившем в законную силу и исполненном».

Уже 9 декабря Азадовский обжалует это решение в частной жалобе в Коллегию по уголовным делам Ленгорсуда:

> 1. В постановлении указывается, что «нет оснований к возбуждению уголовного дела, т. к. указанные документы составлены коллегиально». Это утверждение является принципиально неверным. Если, говоря о коллегиальности, судья Булыгина имеет в виду совместные действия граждан Шистко и Бобова, то было бы правильнее назвать такую «коллегиальность» преступным сговором. Если же под коллегиальностью понимать мнение или действия коллектива, по крайней мере его большинства, то ничего подобного в данном случае не было: и характеристика, и протокол были составлены двумя указанными мною лицами. Никто другой из сотрудников Училища в этом участия не принимал…
>
> 2. Судья Булыгина далее утверждает, что обжалуемые мной документы «были приняты коллегиально». Хотелось бы знать, на чем основывается такое утверждение? Как можно писать об этом в официальном документе, не изучив и не исследовав все материалы, не вызвав свидетелей и т. д.? Кто, где и когда «принимал коллегиально» текст характеристики? Где, когда и кем она хотя бы обсуждалась? Ничего этого не было. Что касается протокола заседания Совета, то он также никем не обсуждался и ни с кем не согласовывался. Никакого голосования в пользу того или иного решения на Совете не было.
>
> 3. Третий довод судьи Булыгиной состоит в том, что указанные документы якобы «являлись предметом рассмотрения в уголовном деле». Стоило обратиться к материалам моего уголовного дела, чтобы увидеть, что «предметом рассмотрения» в нем был вопрос о незаконном хранении мною по месту жительства 5 гр. наркотического вещества анаша. Что же касается моей личности, никакого «рассмотрения» не было, хотя об этом ходатайствовали и я сам, и адвокат Розановский. Ни в протоколе судебного заседания, ни в материалах дела невозможно найти даже отдаленных следов «рассмотрения» вопросов, затронутых ныне в моем заявлении. Ни один аргумент, свидетельствующий в мою пользу, не был рассмотрен или приобщен к делу…
>
> 4. Ссылка на то, что приговор «вступил в законную силу и исполнен», также несостоятельна, так как вопрос об обжаловании приговора в моем заявлении не поднимается. Я прошу лишь привлечь к ответственности двух клеветников и фальсификаторов.

Но коллегия по уголовным делам Ленгорсуда так же без промедления – 15 декабря – отказала Азадовскому. Судьи решили, что «граждане Шистко и Бобов приняли участие в составлении характеристики и выступали на Совете, выполняя свой служебный долг и общественные обязанности, но не как частные лица. При таком положении они не могут нести ответственности в порядке частного обвинения».

24 января 1984 года Азадовский подает обращение в Президиум Ленгорсуда, требуя вынести протест на эти решения ленинградских судей, но и тут 4 апреля 1984 года заместитель председателя Ленгорсуда Н.С. Исакова подписывает очередной отказ в возбуждении уголовного дела. Несмотря на первоначальный оптимизм Азадовского, а также наличие многих свидетелей, все попытки если не обвинить клеветников, то хотя бы оспорить характеристику оказались тщетными. Судьи всех уровней посчитали, что изложенные в характеристике факты – «глас народа», а подписавшие – лишь избранные ими ответственные лица, то есть совершенно ни за что не ответственные…

Уравнение с тремя неизвестными

Один из самых трудных вопросов, которым задавался Азадовский на протяжении долгих лет: кто же на самом деле проводил обыск у него в квартире 20 декабря 1980 года? Казалось бы, что сложного – согласно статье 141 УПК, все лица, производящие обыск, а также присутствующие при нем должны быть поименованы в протоколе обыска.

В этом-то и состояла загвоздка. Обыск производили пятеро сотрудников милиции (четверо были с самого начала, пятый приехал позднее); все пятеро были в штатском; присутствовали также двое понятых. Однако в протоколе обыска были указаны только понятые (Константинов и Макаров) и двое сотрудников милиции (Арцибушев и Хлюпин). Кроме того, как мы помним, в протокол по настоянию Азадовского был вписан еще один из милиционеров, толкнувший его при попытке снять трубку телефона; так появился в протоколе сотрудник милиции В.И. Быстров. Ни четвертый милиционер, ни приехавший позднее пятый («специалист») упомянуты не были. Не осталось их следа и в уголовном деле.

Поскольку даже в день обыска Азадовский понимал важность фиксации всех участников, он лично записал фамилии всех визитеров, однако к моменту окончания обыска, когда он хотел передать этот лист Лидии Владимировне, он не смог найти его на письменном столе. Больше этого листка Азадовский не видел.

В каждой из его «больших» жалоб этому обстоятельству уделялось особое внимание: указывалось на явное процессуальное нарушение, допущенное сотрудниками милиции при обыске, и содержалось требование выявить остальных его участников. Впрочем, конкретного ответа по данному поводу он так ни разу и не получил – фамилии всегда замалчивались, начиная с первого ответа от 27 января 1984 года, полученного Азадовским от городской прокуратуры в связи с поданной им жалобой на имя прокурора РСФСР.

> Установлено, что 19.12.80 г. на основании постановления дежурного следователя ГУВД ЛО Закруткиной <sic! Правильно – Замяткиной. – *П.Д.* > от 18.12.80 и по ее поручению обыск по месту Вашего проживания производился сотрудниками 15 отдела УУР ГУВД ЛО в присутствии понятых в установленном законом порядке. Присутствие при обыске указанных Вами пяти сотрудников милиции было вызвано оперативной необходимостью. Посторонних лиц при этом не было. Таким образом, в действиях сотрудников милиции нарушений социалистической законности не усматривается.

«Не будет вам на родине житья»

Активность супругов Азадовских довольно быстро утомила ленинградские правоохранительные органы. В качестве встречных доводов им говорилось, что они получили «всего лишь» полтора и два года: на фоне прочих судебных решений по уголовным делам в СССР эти сроки казались служителям советской юстиции пустяковыми, не стоящими внимания. А то обстоятельство, что Азадовский ни разу не признал себя виновным, не имело для них ровно никакого значения. Уж если советский суд осудил кого-то по уголовной статье, то, значит, осужденный действительно виновен. «У нас просто так не сажают!»

И хотя Азадовские постепенно возвращались к прежней жизни, особенно в перспективе погашения (снятия) с них судимости (спустя три года после освобождения из мест лишения свободы), они все равно воспринимались правоохранительными органами как «семейная пара уголовников».

Не будем вдаваться в вопрос, что такое «погашенная судимость». Само это понятие по сути является надругательством над правами человека: если некто отбыл наказание за содеянное, искупил, так сказать, свою вину, то что же значит после этого клеймо, именуемое

«непогашенной судимостью»? Ведь при наличии судимости, погашенной или нет, у человека навсегда сохраняется ореол уголовщины.

Тем возмутительнее казалась активность четы Азадовских, тормошивших все возможные инстанции. Чтобы как-то поумерить их пыл, их периодически вызывали в различные органы как с процессуальными, так и с профилактическими целями, напоминая об их действительном статусе.

Казалось, что жизнь на родине так и будет состоять из поиска работы и писания заявлений и жалоб с последующими вызовами в милицию, прокуратуру и суд. О преподавании, как мы уже говорили, нужно было навсегда забыть. И тогда Азадовские приняли решение – навсегда покинуть страну. Оставить все и уехать. Почему? Эту ситуацию довольно точно в свое время описал Е.Г. Эткинд, сам вынужденный навсегда уехать из СССР:

> Уезжает интеллигенция.
>
> Прежде было иначе. Так называемая первая эмиграция была классовой: духовенство, дворянство, офицерство, буржуазия, связанные с ними круги литераторов и художников; в ту пору из России стремились уехать все, кто не принимал социалистической революции и страшился ее, даже еще не представляя себе, что принесет она стране. Революция была направлена против них; понятно, что они ударились в эмиграцию.
>
> Вторая эмиграция была вызвана войной: на Западе остались «перемещенные лица», пленные, беглецы. Это были главным образом «невозвращенцы», и руководствовались они не столько сознательным политическим выбором, сколько нежеланием оказаться жертвами сталинского террора, который ждал всех побывавших в плену или вообще по ту сторону.
>
> А теперь – третья. Не классовая, как первая, и часто не вынужденная внешними обстоятельствами, как вторая. Это люди, из которых большинство сами решили покинуть свою страну и уехать в другую, за плотно замкнутую границу, без надежды на возвращение. Есть среди них шкурники и обыватели… Есть категория промежуточная: уехали потому, что на Западе и лучше, и вольнее, и жить легче, можно путешествовать по разным странам, читать газеты разных партий, не бояться стукачей, топтунов, микрофонов в потолке, ночных звонков в дверь… Их можно понять и оправдать: страна сделала многое, чтобы они утратили даже подобие патриотических чувств…
>
> Уезжают и другие: те, кто верит в свои духовные силы и знает, что на родине эти силы развернуть не удастся. Отделы кадров на работу их не берут. В аспирантуру их проваливают, хотя заведомо ясно, что они созданы для научных исследований. На конгрессы не пускают. Их книги стараются не публиковать… Это горько и страшно. Разъезжаются деятели русской культуры по странам Запада, распадается наша культура. Поэт творит в языке, и когда вокруг него звучит чужая речь, он постепенно немеет, чувство языка притупляется, слова гаснут. Ученый формировался внутри своей школы, у него свои противники и свои союзники. Оказавшись в чужом мире, он – наедине с самим собой – нередко чахнет; утратив учителей и учеников, оппонентов и читателей, он теряет и чувство пути, и чувство цели…
>
> Когда нитку вытаскивают из ткани, то и сама нитка теряет смысл своего существования, и ткань изуродована – она расползается. Уезжать нужно, когда на шею твою накинута петля, когда оставаться и гибельно, и бесполезно. Когда нитку без того уж из ткани вытянули и назад не вплетут.

Думая об отъезде, Азадовский имел возможность выбирать. Остановился он на предложении Канского университета, одного из старейших университетов Франции (Нижняя Нормандия), где ему была предложена должность professeur associé (доцент или адъюнкт-профессор) на кафедре славистики. После долгих колебаний Азадовский ответил согласием. Ему хотелось вернуться к педагогической деятельности, отрыв от которой переживался им

крайне болезненно, а кроме того, привлекала возможность оказаться в центре западноевропейской культуры, используя в своей работе и повседневной жизни два языка помимо русского: французский и немецкий.

Отъезд в то время – не просто переезд в другую страну. Это оставление жилплощади государству, автоматическое лишение гражданства (и той части пенсии, что была заработана в СССР), оплата пошлины 500 рублей на каждого, невозможность вывезти с собой практически ничего… К счастью, фактически перестал действовать указ Президиума Верховного Совета СССР от 3 августа 1972 года «О возмещении гражданами СССР, выезжающими на постоянное жительство за границу, государственных затрат на обучение», по которому при оставлении родины выпускник ЛГУ должен был выплатить государству рабочих и крестьян 6000 рублей (МГУ – 12 200), а кандидат наук дополнительно 5400 (доктор наук – 7200). Это означает, что Азадовскому пришлось бы заплатить за себя 11 400 рублей (стоимость двух автомобилей «Жигули»). Это были по тем временам совершенно заоблачные цифры, но государство знало, что люди – не все, так многие – пойдут на любые жертвы и продадут все имущество, лишь бы уехать. Только введение поправки Джексона – Вэника в 1974 году несколько охладило пыл Москвы…

Поскольку письмо старейшего французского университета никакой роли для ОВИРа не играло, необходим был официально заверенный вызов в Израиль от «родственников», который и был получен в начале весны 1984 года. Но 24 апреля умирает Лидия Владимировна, и хлопоты, неизбежные в такой ситуации, долгое время не дают им возможности собрать необходимые документы. Затем начинается долгая процедура, известная как «подача документов». Наконец уже зимой 1985 года Азадовские регистрируют в ОВИРе Куйбышевского района (все в том же здании – переулок Крылова, 3) свои заявления на выезд из СССР.

Казалось бы, можно паковать вещи. Но увы – процедура «отъезда» как раз в то время чрезвычайно осложнилась, а сам факт подачи документов совершенно не гарантировал успех. Прождав несколько месяцев, они могли получить и разрешение, и отказ. После XXVI съезда КПСС (1981) отношение к потенциальным эмигрантам резко меняется, и уже никакие крики мировой общественности не влияют на репрессивную политику государства по отношению к «изменникам». Начало 1980-х годов характеризуется резко возросшим числом отказов – он доходил до 80 % от числа всех поданных документов. Приход к власти М.С. Горбачева (март 1985 года) поначалу не изменил ситуации, а даже усугубил: уменьшалось число выданных разрешений, ужесточались правила выезда. Многие граждане, в особенности кандидаты и доктора наук, вообще не имели никаких шансов – у них просто не принимали документы.

Видя общую ситуацию, друзья Азадовского на Западе старались помочь. Во-первых, надо было организовать вызов, разумеется фиктивный – близких родственников в Израиле у Азадовских не было. Правда, советские власти не придавали этому «кровному» обстоятельству большого значения, хорошо зная, что далеко не все «отъезжанты» направляются на историческую родину. Израильский вызов был вскоре получен – он прибыл в почтовом конверте. После этого в дело вмешался Лев Копелев, пользовавшийся в то время в немецкоязычном мере немалой популярностью: о нем писали газеты, он часто появлялся на телеэкране, давал интервью. Летом 1984 года Копелев посетил (вместе с Генрихом Беллем) бывшего австрийского канцлера Бруно Крайского, продолжавшего играть заметную роль в европейской политической жизни, и сообщил ему о «деле Азадовского». Последствия этого ходатайства не замедлили сказаться: с ним связались сотрудники австрийского посольства в Москве и предложили свое содействие.

Впрочем, все это ничуть не способствовало успеху. Через несколько месяцев их пригласили в ОВИР и сообщили: «Отказано». По какой причине? «Нецелесообразно». Таким образом они оба попали в разряд «отказников». Это была в то время особая категория граждан, не имевших ни малейшего шанса устроиться на работу по специальности, оставшихся без средств к существованию и т. д. Люди творческие не могли публиковаться,

выставляться, давать концерты… К этому добавлялся общественный аспект.

Каждый «отказник» воспринимался как человек с незримым клеймом изменника Родины. Трудность состояла и в том, что даже при положительном решении виза на выезд действовала ограниченное время, обычно не более месяца, и за это время невозможно было распорядиться всем имуществом, тем более что квартиру тоже нужно было сдать государству. Люди готовились к этому заранее. И потому в 1985–1986 годах Азадовские практически ликвидировали свое имущество, продав в том числе и коллекцию живописи и графики.

Лишь в конце 1986 года – с возвращением А.Д. Сахарова в Москву из ссылки – начинается медленное свертывание репрессивной политики государства по отношению к потенциальным эмигрантам, а в 1987 году щупальцы наконец размыкаются, и массовый исход граждан из «страны победившего социализма» возобновляется. Особенно это касается не отягощенных «секретностью».

Впрочем, эйфория демократических преобразований так сильно захлестнула либерально настроенных граждан, что некоторые из них, поверившие в будущее своей Родины, передумали уезжать. Азадовские разделили эту участь.

Ты твердишь: «Я уеду в другую страну, за другие моря.
После этой дыры что угодно покажется раем.
Как ни бьюсь, здесь я вечно судьбой обираем.
Похоронено сердце мое в этом месте пустом.
Сколько можно глушить свой рассудок, откладывать жизнь на потом!
Здесь куда ни посмотришь – видишь мертвые вещи,
чувств развалины, тлеющих дней головешки.
Сколько сил тут потрачено, пущено по ветру зря».

Не видать тебе новых земель – это бредни и ложь.
За тобой этот город повсюду последует в шлепанцах старых.
И состаришься ты в этих тусклых кварталах,
в этих стенах пожухших виски побелеют твои.
Город вечно пребудет с тобой, как судьбу ни крои.
Нет отсюда железной дороги, не плывут пароходы отсюда.
Протрубив свою жизнь в этом мертвом углу, не надейся на чудо:
уходя из него, на земле никуда не уйдешь.

К. Кавафис. «Город». Пер. Г. Шмакова

Дыхание времени

Не теряя надежды сменить Ленинградскую область на Нормандию, Азадовские все-таки продолжали свои письменные сражения с властями государства рабочих и крестьян. Исподволь уже чувствовались новые времена, хотя неповоротливая система не поспевала за инициативами руководителей партии и правительства. Между тем послания Азадовского в инстанции постепенно начали приносить результаты. В том числе и его жалоба на имя главного милиционера Ленинграда – генерала А.А. Куркова, датированная 8 декабря 1987 года:

> В 1980 году против меня и моей жены, С.И. Лепилиной, ленинградскими органами было сфабриковано уголовное дело. 19 декабря 1980 года во время обыска в моей квартире (он проводился незаконно и с грубейшими нарушениями УПК) сотрудник 15-го отдела ГУВД ЛО Хлюпин подложил мне на полку с

книгами наркотик (5 гр. анаши). На этом основании я был арестован, а 16 марта 1981 г. Куйбышевский народный суд вынес необоснованный приговор, осудив меня к двум годам лишения свободы по ст. 224 ч. 3 УК РСФСР. Я был отправлен в Магаданскую область.

Вернувшись, я предпринял ряд попыток добиться восстановления законности, столь грубо нарушенной в отношении меня и моей семьи ленинградскими органами. Мне приходилось неоднократно обращаться в Прокуратуру г. Ленинграда и Прокуратуру РСФСР, к Начальнику ГУВД ЛО и Министру Внутренних Дел СССР. К сожалению, даже по частным вопросам мне не всегда удается добиться соблюдения законов, охраняющих интересы граждан. Совершенно очевидно, что ленинградские органы власти, располагая в отношении меня неверной информацией, продолжают относиться ко мне предвзято, необъективно, желают «отыграться» за грубо сфальсифицированное уголовное дело.

К числу проявлений такого рода «предвзятости» я отношу и ряд необоснованных вызовов в следственные органы. Так, 3 ноября 1986 г. я был вызван телефонным звонком к следователю Зыбиной в 27-е отделение милиции (пер. Крылова, 3), которая задала мне ряд вопросов насчет гр. Седлецкого В.С., постоянно проживающего в г. Бийске Алтайского края…

Позднее от самого Седлецкого мне стало известно, что его вызывали в г. Бийске лица, не имеющие отношения к милиции, и расспрашивали исключительно обо мне. Пытаясь получить от Седлецкого дискредитирующие меня показания идеологического порядка, они оказывали на него давление. Разговор с Седлецким не был оформлен протоколом допроса. Считая эти действия незаконными, я обратился 12 февраля 1987 г. с жалобой в Прокуратуру г. Бийска. Ответа не получено.

19 октября с.г. я был вызван телефонным звонком в УБХСС ГУВД ЛО к сотруднику Борохову. Являться по телефонному звонку я отказался, попросил прислать мне повестку. Через полчаса Борохов на машине доставил мне повестку и на той же машине отвез меня на Каляева 19. Зачем потребовалась эта оперативность, мне стало ясно позднее. Борохов расспрашивал меня о музыкантах из группы «Аквариум», которых я не знаю и никогда не видел. Сообщил мне, что в записной книжке одного из них, П. Трощенкова, якобы обнаружен номер моего телефона (впоследствии я выяснил, что это ложь). Борохов называл мне также несколько фамилий иностранных граждан, из которых мне была известна лишь одна. Кроме того Борохов вел со мной разговоры, которые я считаю провокационными. Кто уполномочил его на это? В заключении Борохов подстроил мне в коридоре незаконную (не оформленную протоколом) очную ставку с гр. Трощенковым.

Аналогичные действия совершаются и в отношении моей жены. В 1983–1985 гг. ее неоднократно, без всякой причины, вызывали «на беседу» в 5-е отделение [милиции] (Лиговский пр. 41). В конце концов я был вынужден обратиться с устной жалобой…

7 декабря 1987 г. моя жена была вызвана повесткой в ПНД Фрунзенского района (Подъездной пер., 21); там ей было сказано, что по требованию сотрудника Хохлова из 27 отделения [милиции] ей надлежит обследоваться у врача-нарколога. Лепилина обратилась за разъяснениями к Хохлову, который сослался на указание, якобы поступившее к нему из 12-го отдела ГУВД ЛО. Хохлов разговаривал грубо, заявил моей жене, что доставит ее в ПНД «с участковым», поставит ее «на особый контроль» и т. д.

На каком основании сотрудники милиции травмируют мою жену? Судимость с нее давно снята, не говоря уже о том, что она вообще ни разу в жизни никаких наркотиков не употребляла, ни разу в жизни никакому обследованию не подвергалась (хотя и требовала этого в тот период, когда против нее фабриковалось уголовное дело). Почему вызывают именно ее и не вызывают меня? Ведь я был судим в то же самое время и по той же самой статье? Ответ на все эти вопросы только один: это делается для того, чтобы оказать на мою жену

> психологическое давление.
>
> Категорически протестую против незаконных действий сотрудников милиции в отношении меня и моей жены. Вместо того, чтобы честно признать допущенное в свое время вопиющее нарушение законности, делаются попытки воздействовать на нас или «присоединить» к каким-то новым уголовным делам. Прошу оградить меня и мою жену, С.И. Лепилину, от противозаконных действий ленинградских органов.

Эта жалоба – всего лишь одна из многочисленных, которые были написаны в те годы Азадовскими. Ответы вполне соответствовали жанру, в котором развивалась их ситуация. Например, Светлане прокуратура предложила обратиться с жалобой на имя начальника городского наркологического диспансера; Константину – обращаться в прокуратуру Алтайского края… И только письмо на имя А.А. Куркова положило конец периодическим вызовам.

Вообще наступление нового времени достаточно хорошо прослеживается по ответам из органов суда и прокуратуры. Когда Азадовский получил с Литейного ответ на это письмо Куркову, датированный 19 января 1988 года, он не поверил своим глазам: оно начиналось с обращения «Уважаемый Константин Маркович!». Это был едва ли не первый случай, когда он в подобных бумагах был назван иначе, чем «гр. Азадовский К.М.».

Ответ содержал также много необычного, в том числе и признание вины за неоправданные вызовы, а заканчивался словами: «За допущенные указанные нарушения работниками милиции Бороховым В.Е. и Хохловым В.П. принято решение о предании их товарищескому суду чести по месту службы».

Хотя формулировка «товарищеский суд чести» вызывала тогда (и вызывает ныне) только улыбку, для Азадовских был важен сам факт признания милицией какой-либо вины. Воистину наступала новая эпоха.

Бинго!

Когда Азадовский цеплялся за какой-либо эпизод уголовного дела, он практически шел вслепую: нарушений закона было много, вероятность признания за следствием какой-либо вины – ничтожна. Но Азадовский упрямо, несмотря на удивление или смешки окружающих, продолжал разрабатывать отнюдь не золотоносную жилу своего семейного уголовного прошлого.

Конечно, он не слишком верил в свой успех, да и первоначальный запас энергии постепенно иссякал, а потраченные на борьбу годы тяготили… Но не бороться он просто не мог, потому что не мог простить искалеченных жизней – и Светланы, и своей собственной. Не говоря уже о Лидии Владимировне, которой эта история, безусловно, сократила жизнь; вместо счастливой старости она получила новый 1937 год.

Как мы уже знаем, в сутяжничестве Азадовского были не только поражения – была и небольшая победа, например когда он умудрился отсудить у государства рабочих и крестьян 315 рублей 50 копеек.

Однако советское государство, десятилетиями отбирая посредством правоохранительных органов у своих граждан деньги, имущество и даже жизнь, оказалось совершенно не готово к тому, чтобы вернуть хотя бы копейку. Обратный клапан в этом случае срабатывал мгновенно. И то обстоятельство, что Азадовский отсудил у государства 315 рублей 50 копеек, повлекло за собой массу неприятностей для виновников такого немыслимого ущерба.

В данном случае свою роль сыграла надзорная инстанция – прокуратура. Если в уголовном деле Азадовского она не делала совсем ничего или же, случалось, откровенно закрывала глаза на нарушения органов следствия и суда, то в другом случае – когда выяснилось, что органы внутренних дел нанесли ущерб государству, – прокуратура, сама до конца этого не сознавая, оказалась как бы на стороне Азадовского.

У них, безусловно, были разные мотивы: у Азадовского – найти слабое звено, пробить брешь хотя бы в одном месте, у прокуратуры – продемонстрировать независимость и найти ту «паршивую овцу», чтобы не позволить Азадовскому отсудить у государства указанную денежную сумму.

Оказалось, что, пока Азадовский барахтался в судебной казуистике, государство не дремало: и прокуратура Ленинграда, и инспекция по личному составу Ленинградского ГУВД тоже вели свою работу. Дело в том, что значительное число жалоб Азадовского в Москву (во все возможные инстанции – от МВД до ЦК) возвращались к автору в виде отписок, но по некоторым из жалоб все-таки проводились служебные проверки и в районном, и в городском УВД.

Сколько было этих проверок и как они проводились на самом деле – этого мы в точности не знаем. Первая проверка была проведена силами следственного отдела ГУВД ЛО в ноябре 1983 года, другая, более масштабная, – совместная проверка следственного отдела Куйбышевского РУВД и инспекции по личному составу ГУВД ЛО – закончилась в марте 1986 года.

Контролировались эти проверки, по крайней мере формально, надзорной инстанцией в лице прокуратуры. Более того, в 1986 году прокурор Куйбышевского района Ленинграда Б.И. Воробьев возглавил самостоятельную проверку, вызванную обращением Азадовского на имя министра внутренних дел СССР, в которой жалобщик требовал привлечь следователя Каменко к уголовной ответственности за халатность. Итоговое постановление прокуратуры по этой проверке было подписано старшим помощником прокурора района Е.С. Мавриной 16 сентября 1986 года.

И тогда, чтобы полностью отчитаться о проделанной работе перед прокуратурой РСФСР, районная прокуратура вызвала Азадовского телефонным звонком в свои хоромы. Азадовский должен был под расписку ознакомиться с актом проверки, после чего прокуратура уже спокойно бы отчиталась перед главком о проделанной работе.

Азадовский был уведомлен, что прокуратура признала законным отказ в возбуждении уголовного дела в отношении следователя Каменко в связи с утратой имущества, изъятого при обысках у Лепилиной и Азадовского. Однако это было не столь важно на фоне того, чем обернулся этот его визит в районную прокуратуру.

Дело в том, что по закону Азадовский имел право ознакомиться с материалами дела – речь шла даже не о его уголовном деле, а именно о гражданском иске к Куйбышевскому РУВД о возмещении нанесенного ущерба, третьим лицом в котором был признан Е.Э. Каменко. А к материалам этого дела и были подшиты результаты проверки.

Однако ему никак не удавалось ознакомиться с делом. Точнее, не удавалось получить разрешения для ознакомления. Тогда Азадовский направил жалобу в прокуратуру города, и разрешение было получено. В результате сотрудник прокуратуры не только ознакомил Азадовского с актом об окончании проверки, подтвердившим законность отказа в возбуждении уголовного дела против Е.Э. Каменко, но и не возражал против того, чтобы Азадовский ознакомился с материалами. Не веря своим глазам, Азадовский сделал выписки из открывшихся ему бумаг, а также получил разрешение прийти еще раз.

Но в следующий раз ему уже ничего не показали, как и в дальнейшем. Впрочем, и сделанных выписок оказалось достаточно. В материалах прокурорской проверки, приложенных к уголовному делу, Азадовский нашел ответы на вопросы, занимавшие его с конца 1980 года.

Мы уже писали, что он был уверен в причастности органов КГБ к фабрикации дела о наркотиках. Да и какие могли быть в этом сомнения – после событий на сусуманской зоне, беседы с В.А. Кобзарем и т. д.? А рукописные визитные карточки работников УКГБ Безверхова и Кузнецова, оставленные после бесед с друзьями Азадовского. Они хранились у него дома в отдельной папке; иной раз, когда это казалось полезным, он копировал их и прилагал к жалобам. Но разве их можно было считать доказательствами? Всего лишь клочки бумаги с автографами чекистов (и чекистов ли?)… То есть до этого памятного дня в

прокуратуре Куйбышевского района все его мысли в сторону КГБ не имели никакого документального подтверждения и воспринимались исключительно как «мания» (так, во всяком случае, интерпретировали его активность органы прокуратуры). Единственным физическим следом присутствия КГБ в уголовном деле, да и то полустертым, оставалась подчистка на заключении Главлита.

Что же он увидел в материалах прокурорской проверки № 225?

Во-первых, сведения о «сотрудниках милиции», принимавших участие в обыске 19 декабря 1980 года. Согласно документам проверки, «при производстве обыска присутствовали сотрудники УКГБ Архипов, Шлемин и др.». Пометка «и др.» говорила о том, что и третий был также сотрудником КГБ, однако ни в одном из документов его фамилия не была названа. Учитывая тот факт, что чекисты, явившись к Азадовскому на обыск, представились «сотрудниками милиции», нетрудно было сделать вывод, что все они не только принимали непосредственное участие в обыске, но и использовали «документы прикрытия» – фальшивые милицейские корочки.

Во-вторых, он узнал, что все изъятые у него при обыске материалы – книги, рукописи, фотографии – были в тот же день увезены сотрудниками УКГБ и что этим же ведомством была произведена экспертиза (вот откуда подчищенный адрес в заключении Горлита). Далее было написано: «…Работниками УКГБ произведены соответствующие экспертизы, после чего фотографии возвращены следователю Каменко, а остальное – уничтожено, что подтверждается актом, составленным работниками УКГБ». Кроме того, относительно фотографий имелась объяснительная Каменко, в которой он, в частности, указывал:

> Через день или два кто-то из работников УКГБ привез мне конверт с несколькими фотографиями, имеющими штамп Госархива, и сказал, что эти фотографии Азадовский получил незаконно, в антисоветских целях переправки за границу, и что они возвращению родственникам Азадовского не подлежат.

В-третьих, он получил подтверждение, что изъятые у него книги были действительно уничтожены, и одновременно – доказательство вовлеченности в его дело еще как минимум трех сотрудников КГБ: к материалам проверки был приложен (в копии) акт о «полном уничтожении путем сжигания материалов, не подлежащих ввозу и распространению в СССР, а также не представляющих научной и исторической ценности»; этот акт подписали трое сотрудников УКГБ ЛО: замначальника отдела Володин Э.В. и «давние знакомые» Азадовского – замначальника отдела Безверхов Ю.А. и оперуполномоченный Кузнецов А.В.

Не менее ценные сведения Азадовский получил и об уголовном деле своей супруги. По крайней мере, судьба изъятого при задержании и обыске рисовала ее уголовное дело в новых красках.

Капитан Арцибушев, задерживавший Светлану и производивший на другое утро обыск у Азадовского, заявил при проверке 28 ноября 1983 года, что «сумочка изымалась в целях закрепления связи Лепилиной с Азадовским», а изъятое при обыске у Светланы он доставил в кабинет начальника РУВД, где находились сотрудники КГБ. Далее следовала расписка, датированная 22 декабря 1980 года: «Мною, Архиповым В.И., сотрудником УКГБ ЛО, получены, согласно протокола обыска у Лепилиной, вещи, изъятые во время обыска». Иными словами, в деле Светланы также участвовали сотрудники КГБ, притом те же самые, что и в деле Азадовского.

А по поводу того, что вещи, изъятые у Светланы, никак не фигурировали в ее уголовном деле, в заключении следственного отдела РУВД значилось:

> …В связи с тем, что изъятые у Лепилиной вещи и документы к ее преступной деятельности отношения не имели, следователь Каменко по окончании расследования и составлении обвинительного заключения направил дело в суд, не затребовав из КГБ изъятых у Лепилиной вещей и документов и не затребовав документов о судьбе указанных вещей.

То есть «крайним» был назначен, как можно видеть, следователь Каменко.

Относительно возврата вещей можно процитировать также объяснение самого Каменко от 24 ноября 1983 года:

> Вещи, изъятые у Лепилиной при обыске, я не видел, их сразу забрали работники УКГБ… В 1983 г. ко мне явилась Лепилина и потребовала вернуть мне вещи, изъятые при обыске. Я созвонился с работниками УКГБ, и они мне привезли мешок, в котором находились вещи, которые Лепилина опознала как принадлежащие ей, и эти вещи я ей вернул под расписку. Кроме указанных в расписке вещей больше мне ничего из УКГБ возвращено не было.

Таким образом, Азадовский документально установил факт участия сотрудников КГБ в его деле и притом узнал массу фамилий. Это – поразительный факт. Несмотря на законное право гражданина знакомиться с материалами проверок, проведенных по его обращению, Азадовскому не должны были показывать эти документы: по действовавшему тогда законодательству, их следовало считать строго секретными (поскольку секретными являлись все материалы, содержащие сведения об оперативной работе КГБ).

Эта в общем-то случайная удача в действительности была результатом его поистине титанических усилий на протяжении нескольких лет.

Глава 13
Юрий Щекочихин

Юрий Петрович Щекочихин (1950–2003) оказался тем человеком, благодаря которому удалось сдвинуть дело Азадовского с мертвой точки. Именно Щекочихину – мужественному, профессиональному и честному журналисту – мы обязаны расследованием всего того комплекса обстоятельств, что образуют сегодня «дело Азадовского». И по своим профессиональным, и по нравственным качествам Юрий Щекочихин был, можно сказать, единственным в своем поколении. Не случайно он воспринимается в наши дни как символ целой эпохи в новейшей истории России – эпохи Свободы.

Семнадцатилетним юношей, первокурсником вечернего отделения журфака МГУ, он пришел в газету «Московский комсомолец»; в 1972 году перешел в «Комсомольскую правду», где вел рубрику для подростков, что давалось ему не просто: постоянно возникали трения с начальством. Стремление привлечь общественное внимание к проблеме правонарушений среди молодежи и вообще к невеселой жизни подрастающего поколения в Стране Советов, особенно в провинции, сделало его имя и рубрику «Алый парус» широко известными. В 1980 году, когда обстановка в редакции «Комсомольской правды» необратимо ухудшилась, журналист перешел в «Литературную газету». Именно здесь он стал заниматься главным делом своей жизни – журналистскими расследованиями. Начав с молодежной тематики, правда, не в литературно-творческом аспекте, а в сугубо злободневном – от подростковой наркомании до молодежных преступных группировок, он постепенно втянулся и в проблемы «взрослой» жизни и организованной преступности. В 1988 году он позволил себе печатно признать актуальность понятия «мафия» для советского государства. Причем не образно-романтически, а именно в качестве уже возникшего в СССР прочного союза организованной преступности с государственным аппаратом. Он первым употребил этот термин в печати.

Возникает вопрос: какое касательство к проблемам законности и правопорядка имела «Литературная газета» – печатный орган Правления Союза писателей СССР? В действительности выходящая по средам «Литературка» была наделена на удивление широкими полномочиями. Да и сотрудников она имела столько, что без труда могла бы стать

ежедневной.

Она была первой в СССР «толстой» газетой; в сферу ее интересов входили различные стороны жизни, которые можно отразить в литературно-публицистическом очерке. Именно «Литературная газета» и существовавшие в ее редакционной структуре два отдела – «отдел коммунистического воспитания» (переименованный затем в «отдел морали и права») и «социально-бытовой отдел» – дали жизнь такому жанру, как «журналистское расследование». В этом плане особую известность получил отдел коммунистического воспитания.

В середине 1980-х годов в отделе морали и права трудилась группа талантливых и смелых журналистов (Аркадий Ваксберг, Евгений Богат, Ольга Чайковская, Игорь Гамаюнов, Александр Борин); в их числе был и Юрий Щекочихин. Благодаря их публикациям (расследованиям, судебным очеркам, статьям о коррупции) «Литературную газету» стали читать даже те, кто был далек от литературы, а тираж газеты к концу 1980-х годов вырос до 6 миллионов экземпляров.

Юрий Щекочихин – бесстрашный и бескомпромиссный – получил вскоре общесоюзную известность; его имя знали все. Для нас, однако, важен в этой связи принцип работы редакционного механизма.

Работа журналистов начиналась обычно с писем читателей. Вообще жанр «писем в редакцию» был в прежние годы широко распространен, и чем большей популярностью пользовалась газета, тем больше она получала корреспонденции. Зачастую письма адресовались не просто редакции или же конкретному отделу, но и персонально – как авторам, так и героям газетных публикаций. Из ворохов (мешков) писем, которые разбирались заведующим отделом и журналистами, отбирались наиболее животрепещущие или же просто требующие вмешательства сюжеты.

Однако в отделе права, где работал Щекочихин, были свои особенности. Поступавшие письма не сразу передавались кому-либо из журналистов («корреспондентов»), а поступали так называемым «разработчикам», которых в разное время насчитывалось в отделе до пяти и более человек. Это были внештатные сотрудники редакции, преимущественно отставники органов внутренних дел или прокуратуры. Они знали принципы работы правоохранительных и судебных органов и могли оценить истинную картину дела с точки зрения формального уголовного или административного права. Это было тем более важно, поскольку письмо читателя – это всегда лишь субъективная картина, которую следует еще прояснить и осмыслить, прежде чем журналист вдохнет в сюжет свой литературный талант. Именно «разработчики» ехали на места, ходили по инстанциям, пробивая себе путь служебным удостоверением милиционера или прокурора, хотя бы и состоящего в запасе. Такие люди уберегали и редакцию, и журналистов от возможных последствий в случае публикации непроверенной, а иногда и заведомо ложной информации. Из командировок они привозили ворохи копий и выписок – подлинных документов, на которые потом должен был опираться журналист в своем тексте.

Сейчас даже трудно себе представить, как в «Литературной газете» мог вообще сложиться такой отдел. Главная роль тут принадлежит главному редактору – А.Б. Чаковскому, который, будучи членом ЦК КПСС, Героем Социалистического Труда и прочая и прочая, руководил работой газеты с 1962 по 1988 год, и его авторитет гарантировал редакции определенный «иммунитет» в случае противодействия как партийных, так и государственных органов.

Конечно, в начале 1980-х годов не могло быть и речи о том, чтобы газета занялась разработкой сюжета, подобного истории Азадовских, где недвусмысленно проглядывали комитетские уши. Однако времена стремительно менялись, либерализация горбачевской эпохи, несмотря на трудности в экономике, заметно набирала ход.

Но даже на фоне пропагандируемой гласности события 1987 года разворачивались с удивительной быстротой. Если говорить о литературе, то именно в этом году Политбюро дало согласие на публикацию романа Анатолия Рыбакова «Дети Арбата».

Когда в апрельском номере «Дружбы народов» вышло начало романа, то не было уверенности, что он будет издан до конца; тем не менее все четыре книжки журнала, ожидаемые читателями с трепетом, вышли в свет. Стало возможным говорить о многом, что совсем недавно считалось запретным.

Выход такого произведения, как «Дети Арбата», причем именно в СССР, а не за границей, был не каким-то случайным событием. И хотя до полной литературной свободы, символом которой можно считать издание «Колымских рассказов» и «Архипелага ГУЛАГ» и отмену цензуры, оставалось еще два года, наступление новой эпохи казалось современникам неизбежным. Оставалось только гадать, как далеко сможет зайти «горбачевская оттепель».

По стечению обстоятельств именно в «Дружбе народов», даже совпадая в двух летних номерах, состоялась почти полная публикация знаменитой тройственной переписки Б. Пастернака, М. Цветаевой и Р.М. Рильке 1926 года, подготовленной к печати К.М. Азадовским в соавторстве с Е.Б. Пастернаком и Е.В. Пастернак и предваренной кратким вступлением академика Д.С. Лихачева. Как впоследствии вспоминал А.Н. Архангельский, который работал тогда редактором в «Дружбе народов» и вел эту публикацию, она проходила не без трудностей:

> …Азадовский тогда только что вышел из лагеря, и начальство смертельно боялось печатать что-либо под его фамилией; Пастернак твердо отказался сотрудничать с журналом, если Азадовского попытаются прикрыть псевдонимом. Публикаторы поговорили с Лихачевым, я срочно написал от имени академика предисловие с упоминанием Константина Марковича, утренним поездом письмо переслали Дмитрию Сергеевичу, а на следующее утро, поездом же, оно вернулось с подписью, которая тогда могла служить охранной грамотой.

Разговор напротив Бутырской тюрьмы

Каким образом и почему Юрий Щекочихин стал заниматься делом Азадовского? Дадим ему слово:

> О самой этой истории я узнал куда позже, чем она началась. Хотя в Ленинграде (так назывался раньше Санкт-Петербург – так и тянется рука к исторической сноске) о ней знали многие – особенно те, кого с легкой руки агитпропа называли творческой интеллигенцией. Но то ли потому, что суд над Константином Азадовским – формально, по крайней мере – был не политическим, а, так сказать, чисто уголовным (и потому не вызвал такого резонанса, которого он заслуживал, не только в Ленинграде, но и в Москве и других крупных центрах СССР), то ли по причине моего собственного отчуждения от Ленинграда как от города, куда хочется приезжать, я бы пропустил мимо себя эту историю, если бы не одно обстоятельство: услышал я ее впервые не от кого-нибудь, а от Натана Эйдельмана.
>
> По-моему, я даже помню, когда он рассказал о ней впервые. Это был один из тех московских вечеров, воспоминания о которых впоследствии не теряют своей яркости, ты и сейчас, спустя много лет, ясно различаешь и лица за столом, и разбираешь сказанные тогда слова и даже слышишь то нарастающий, то смолкающий гул за окном (а за окном Натана располагалась знаменитая Бутырка, притом та ее сторона, куда выходили окна камер, и каждый вечер начиналась звонкая перекличка арестантов). Наверное, тот вечер крепко отложился в памяти еще и потому, что было это 19 октября, то есть пушкинский, лицейский день…
>
> Да… Ну вот, а тогда, в паузе между новой поэмой Фазиля Искандера и старой, гимновой песней Юлия Кима, Натан и рассказал мне впервые историю Константина Азадовского. А спустя несколько дней Натан пришел ко мне домой и спросил, не попробует ли газета размотать этот сплетенный КГБ клубок.

Не отвечая ни «да», ни «нет», Щекочихин захотел встретиться с главным героем лично. Тем более что эмоциональность Тоника, как друзья звали Натана Яковлевича, была хорошо известна. И вот во время одного из своих визитов в Москву, куда Азадовский с завидной частотой приезжал для занятий в архивах и библиотеках, он пришел в гости к Щекочихину.

Это была их первая встреча и первый разговор в квартире на Лесной улице, где жил тогда Щекочихин, в двух шагах от Натана Эйдельмана, и дом этот также упирался в Бутырку.

Они не были знакомы. Разница в возрасте, еще больше – в жизненном опыте. Выпили по сто грамм. Константин Маркович начал свой рассказ, стараясь не вносить в него особых эмоций. Юра курил, сменяя сигареты одну за одной, внимательно слушал… Вероятно, он много чего наслушался за годы своей журналистской работы, но история Азадовского задела его за живое. (Щекочихин, несмотря на свою твердость и бесстрашие, был щедро наделен чувством сострадания, он был душевным и искренним человеком, даже часто наивным.) Когда Азадовский кончил рассказ, Юра молчал, затем выпустил табачный дым и прервал затянувшуюся паузу восклицанием: «Какие же они все-таки суки!»

Кто «они»? Щекочихин тогда не слишком знал, кто были те люди, которые сломали жизнь Константину и Светлане. Но он понимал, что за всей этой историей стоит не только «система» или таинственный КГБ… Потому что за каждой подобной ситуацией всегда стоят конкретные люди, много их или мало, но они есть.

И Щекочихин согласился взяться за это дело. Вскоре созрел и план действий. Филологические способности Азадовского были для Щекочихина как нельзя кстати – предстояла большая бумажная работа.

Письма в редакцию

Чтобы иметь формальное основание, Щекочихин попросил Азадовского написать письмо в редакцию «Литературной газеты». Оно датировано 14 сентября 1987 года. Азадовский в этом письме заметно меняет тон – он впервые не столько просит, сколько обвиняет. Приведем несколько фрагментов:

> В конце 1980 г. ленинградскими органами КГБ и МВД было сфабриковано против меня уголовное дело: во время обыска в моей квартире мне был подброшен пакет с анашой. Обыск проводился с вопиющими нарушениями УПК; достаточно сказать, что в нем участвовали сотрудники КГБ, назвавшиеся сотрудниками милиции и не занесенные в протокол обыска…
>
> Вопрос о наркотиках был лишь камуфляжем, прикрытием. В действительности дело носило политический характер. Его вели и направляли сотрудники КГБ (фамилии их известны). Они вызывали наших знакомых, склоняли их к даче ложных, порочащих нас показаний, оказывали давление на следователя, которому было поручено вести дело, и т. д.; во всех инстанциях г. Ленинграда про меня и мою жену распространялись клеветнические сведения о том, что мы якобы «враги», «антисоветчики», хранили «антисоветскую литературу» и т. д. Могло ли при таких условиях происходить объективное судебное разбирательство?
>
> Сразу же хочу уточнить: никаких оснований для подобных обвинений в наш адрес у сотрудников ленинградского КГБ не было и не могло быть. Ни я, ни моя жена никогда не совершали действий, которые бы даже отдаленно носили политический характер…
>
> С первых же дней, как только я оказался под стражей, я протестовал как мог против каждой незаконной акции: количество моих жалоб, ходатайств, написанных за эти годы, давно уже превысило число моих научных и литературных работ. Куда я только не обращался! Но все мои бумаги оказываются в конце концов в прокуратуре, откуда я неизменно получаю отписки в несколько строк: моя вина «полностью доказана». Ни один из моих аргументов еще ни разу не был

рассмотрен по существу. Как же мне добиться правды?

С этим вопросом я обращаюсь в редакцию. У меня создалось впечатление, что дела, к которым причастны сотрудники КГБ, до сих пор находятся как бы вне закона…

…Живя в Ленинграде, я не могу получить работу, соответствующую моей квалификации (я – кандидат наук, доцент, имею практически готовую докторскую, которую, естественно, не могу защитить). Ленинградские власти относятся ко мне настороженно; они предпочли бы, чтобы после всего случившегося я уехал за границу. Но зачем мне покидать СССР? Ведь я – русский советский ученый и литератор, пишу на русском языке и занимаюсь русской культурой. А кроме того,

Я НИ В ЧЕМ НЕ ВИНОВАТ,

Я НЕ СОВЕРШАЛ НИКАКОГО ПРЕСТУПЛЕНИЯ

Сейчас мы переживаем период обновления – время перемен и надежд. Мы явственно избавляемся от ошибок прошлого. Мы восстанавливаем памятники нашей старины, заново открываем для себя отечественную культуру. Идет упорная борьба за сохранение наших духовных ценностей. Но скоро ли дойдет дело до живых людей?!..

В моем сфабрикованном от начала до конца уголовном деле в полной мере отразилось то безобразное, уничижительно-пренебрежительное отношение к культуре, которым мы страдали долгие годы (и не только в Ленинграде!). Как в капле воды, преломились в нем и другие негативные явления нашей жизни в предыдущий период: безнаказанность отдельных полуграмотных чиновников, облеченных властью, попустительство их действиям со стороны прокуратуры и партийных органов, наличие «зон», закрытых для критики. Впрочем, эти «зоны» сохраняются, как видно, и в наши дни.

Я требую восстановления справедливости в отношении меня и моей жены, столь грубо попранной и попираемой в г. Ленинграде. Прошу «Литературную газету» содействовать мне в деле реабилитации.

Я верю в помощь со стороны «Литературной газеты», которая так решительно выступает за Правду. Ведь Правда – это прежде всего – Законность. Правда – именно то, к чему движется сейчас наше общество и в чем нуждаемся мы, я и моя жена, – два человека, безвинно осужденные по лживому обвинению.

Но одного этого письма было мало. Во-первых, оно оказалось достаточно резким, что в той ситуации могло возыметь обратный эффект: такой тон должен был насторожить редакцию. Во-вторых, нужно было заручиться более серьезной поддержкой, потому что фамилия Азадовского ассоциировалась скорее с его отцом, нежели с самим Константином. Именно для этого Щекочихин, хорошо понимавший, как работают советские механизмы, предложил Азадовскому подкрепить крик своей души коллективным письмом ленинградских и московских писателей на имя главного редактора. Азадовский тогда мог только предполагать, кого из писателей ему удастся склонить к участию в этом предприятии…

Вернувшись в Ленинград, он поделился новостями с близким другом – писательницей Ниной Катерли; в ее же квартире при деятельном участии ее мужа Михаила Эфроса был составлен текст письма главному редактору:

Уважаемый Александр Борисович!

Ознакомившись с письмом К.М. Азадовского в редакцию «Литературной газеты», мы, нижеподписавшиеся, просим Вас отнестись к его жалобе с особым вниманием. Уголовное дело, возбужденное в свое время в г. Ленинграде против К.М. Азадовского, действительно, вызвало общественный резонанс, и есть все основания полагать, что имели место грубые нарушения законности.

Мы знаем К.М. Азадовского как широко образованного человека, автора многих работ, изданных в СССР и за рубежом, талантливого литературоведа и переводчика. Совсем недавно в журнале «Дружба народов» (1987, №№ 6–9) публиковалась переписка Б. Пастернака, М. Цветаевой и Р. – М. Рильке,

привлекшая к себе широкое внимание. К.М. Азадовский – один из участников этой интересной и ценной работы. Мы не сомневаемся, что К.М. Азадовский – если бы в отношении его была полностью восстановлена справедливость – способен принести реальную пользу советской культуре, особенно на нынешнем этапе развития нашего общества.

«Литературная газета» зарекомендовала себя в последние годы как авторитетнейший рупор гласности в нашей стране, как печатный орган, открыто выступающий за демократические преобразования в СССР. Надеемся, что и в данном случае мы можем рассчитывать на Вашу поддержку.

С уважением, члены Союза писателей СССР

Начался сбор подписей. Азадовскому пришлось обойти всех тех, кто согласился его поддержать. Начало положили ленинградцы: Яков Гордин, Даниил Гранин, Нина Катерли, Александр Кушнер, Дмитрий Лихачев, Борис Стругацкий. Затем Азадовский отправился в Москву и прежде всего к Вениамину Каверину. Проведя вечер на его переделкинской даче, он поведал Вениамину Александровичу подробности своей невеселой истории и очертил нынешнее положение дел. Каверин не только поставил свою подпись, но и позвонил другим, кому счел возможным. В результате под письмом появилось еще семь подписей: Григорий Бакланов, Вениамин Каверин, Вячеслав Кондратьев, Булат Окуджава, Анатолий Приставкин, Анатолий Рыбаков, Аркадий Стругацкий. Всего 13 подписей. Казалось бы, не так много, но они стоили целой адресной книги.

Нужно отдать должное и редактору «Нового мира» Сергею Залыгину, который по просьбе Каверина согласился написать самостоятельное письмо в редакцию «Литературной газеты» (этим текстом мы не располагаем, знаем лишь сам факт).

Несмотря на все знамения нового времени, в стране еще сохранялась прежняя власть, работали КГБ и ЦК КПСС – словом, соблюдались привычные для советского человека и гражданина правила игры. И подпись под письмом, где речь шла о фальсификации уголовного дела сотрудниками КГБ, причем не в далекие 1930-е, а в совсем недавние годы, была, безусловно, актом гражданского мужества.

И не будем задаваться вопросом, в какой мере все эти люди – в большинстве уже живые классики и знаменитые писатели – испытывали сомнения и о чем-то задумывались, прежде чем взять шариковую ручку и поставить подпись.

Ожидание

В тот же самый день, когда Азадовский послал в «Литературную газету» письмо писателей, он отправил и жалобу на имя генпрокурора СССР А.М. Рекункова. Копия этого письма была приложена и к обращению в газету.

Александр Михайлович Рекунков занимал пост генпрокурора с 9 февраля 1981 года. Ветер перемен постепенно достиг и его ведомства. В февральском номере журнала «Социалистическая законность» за 1987 год генеральный прокурор выступил с программной статьей «Пути и перспективы перестройки в органах прокуратуры», а в июле выступил на расширенном заседании Коллегии, признав недостатки ведомства и призвав сменить прежний стиль прокурорской работы. Он был даже более откровенен и с укором говорил о том, «насколько серьезно под воздействием местничества многие прокуроры стали отходить от принципа единства законности, как в угоду ведомственности и личному благополучию скатывались с партийных позиций. Беспринципность разъедала как ржавчина…». И опять забрезжила малая вероятность того, что в условиях провозглашенной гласности и демократизации общества высшая надзорная инстанция обратит внимание на нарушения в деле Азадовского.

Тем временем «Литературная газета», получив согласие главного редактора, начала свое расследование. Первым шагом стало опять же официальное письмо, написанное на имя заместителя генерального прокурора СССР О.В. Сороки и отправленное со многими

приложениями. Редакция просила тщательно разобраться в жалобе Азадовского.

Затем, уже зимой, в дело вступил «разработчик», направленный в командировку в Ленинград. Для этого задания был использован наиболее серьезный кадровый ресурс Щекочихина – генерал-майор милиции Иван Матвеевич Минаев.

Перед тем как Минаева «наградили» строгим выговором по партийной линии, он занимал должность заместителя начальника ГУВД Москвы, курировал работу следствия и УБХСС, с 1976 года возглавлял комиссию по борьбе с наркоманией при Исполкоме Моссовета, в 1980-м отвечал за правопорядок в городе при проведении Олимпийских игр. Его уважали за честность. Но разразилось «торговое дело», по которому 30 ноября 1982 года был арестован, а 11 декабря 1984 года приговорен к расстрелу директор Елисеевского гастронома Ю.К. Соколов. Следствие велось органами КГБ СССР. Истинная причина такой показательной жестокости заключалась в другом: предчувствуя скорую схватку за первый пост в государстве, Ю.В. Андропов пытался объявить косвенным виновником безобразий в столице главу МГК КПСС В.В. Гришина. Старшинство главы московских коммунистов в Политбюро ЦК было головной болью для Андропова, который твердо двигался к своей цели.

Когда в декабре 1984-го под овации зала был оглашен смертный приговор Соколову, последовали многочисленные оргвыводы для столичных чиновников самого разного калибра – теперь Гришин должен был доказать, что понял урок. Одним из оргвыводов стало приглашение на заседание бюро МГК КПСС генерал-лейтенанта Минаева. Члены бюро, долгие годы получавшие продовольственные заказы в гастрономе № 1, вдруг спросили, отчего же ГУВД не изобличило преступников до того, как вступили в дело органы КГБ СССР. Не слишком гуттаперчевый Минаев не стал ничего говорить – он понимал, что раз его выбрали в качестве козла отпущения, то и оправдываться бесполезно. Он вышел из горкома со строгим выговором и, дойдя до Петровки, подал рапорт об отставке.

Уже в «Литературной газете» генерал Минаев узнал, что по стечению обстоятельств именно редакция газеты стояла у истоков этого громкого дела – статью о систематическом недовесе в главном гастрономе столицы начал писать журналист Анатолий Рубинов, завотделом социально-бытовых проблем. Он присутствовал в Елисеевском и в тот момент, когда туда пришла торговая инспекция, но делом довольно быстро занялось Следственное управление КГБ СССР, а статья о «недовесе» так и не вышла в «Литературке».

На работу в милицию, несмотря на приглашение в 1986 году, после смены Гришина, Минаев не вернулся. Но сидеть без дела ему было тягостно, идти на работу в прокуратуру, куда без труда можно было устроиться, не захотел. В результате один из бывших коллег познакомил его со Щекочихиным. Уже тогда журналист пользовался в милиции заслуженным уважением. Да и вообще начиная с середины 1980-х сотрудники силовых ведомств – от армии и милиции до КГБ и прокуратуры – относились к Щекочихину с неподдельным уважением; благодаря такой репутации Юрий Петрович получал подчас исключительно важные сведения и документы для своих расследований.

Итак, генерал-майор запаса Минаев отправился в командировку в Ленинград. Командировочное удостоверение от редакции «Литературной газеты», а в особенности красная генеральская книжечка открыли ему нужные двери. Но тут оказалось, что уголовные дела Азадовского и Лепилиной уже не посмотреть – их затребовала Генеральная прокуратура СССР. Этот факт был сам по себе не так и огорчителен – дела наконец-то вырвались за пределы Ленинграда, появился призрачный шанс на то, что их внимательно изучат в Генеральной прокуратуре.

Однако Минаев, идя по пути, проторенному Азадовским, получил на руки гражданское дело по иску к Куйбышевскому РУВД – то самое, в котором находились материалы прокурорской проверки, где был отражен факт участия в обыске сотрудников КГБ. То, для чего Азадовскому понадобились годы, потребовало от Минаева нескольких дней и книжечки, удостоверяющей генеральское звание.

Теперь «Литературная газета» отправила заместителю генпрокурора уже аргументированное письмо с выписками из материалов прокурорской проверки, сообщая об

успехах в редакционном расследовании. Однако Олег Васильевич Сорока был не тем чиновником, который стал бы ввязываться в конфликт с КГБ, да еще по такому делу. К тому же Генеральная прокуратура в тот момент, мягко говоря, имела чем заняться: в поле зрения общественности оказались следственные действия бригады Т.Х. Гдляна и Н.В. Иванова, преступления в горячих точках и т. д.

Да и работа с обращениями граждан велась тогда в Генеральной прокуратуре своеобразно. Довольно откровенно об этом пишет В.И. Илюхин, занимавший в 1986–1989 годах пост заместителя начальника Главного следственного управления Генпрокуратуры, которого вряд ли можно упрекнуть в предвзятом отношении к ведомству. О работе с письмами он пишет следующее:

> …Их по существу никто глубоко не проверял. Могу утверждать, что при разрешении жалоб и заявлений граждан в следственной части допускались серьезные нарушения требований законов и приказов Генерального прокурора.
>
> Во-первых, отсутствовал какой-либо их учет. По этим причинам и нам не удалось установить в полном объеме их поступление и прохождение.
>
> Во-вторых, многие жалобы рассматривались формально, зачастую без проверки доводов заявителей и изучения материалов дела, поэтому нарушения не вскрывались и давались отписки.
>
> Нам пришлось просмотреть ряд надзорных производств с жалобами. Как правило, в них отсутствовали справки, заключения прокуроров, свидетельствовавшие об изучении дел перед дачей ответа. Десятки жалоб приобщались к уголовным делам без проверки изложенных в них сведений. Встретились мы и с такими фактами, когда ответы заявителям давались на основании сообщений, полученных от следователей по телефону.
>
> Нередко заявления граждан рассматривались теми следователями, чьи действия в них обжаловались. Поэтому не могло быть и речи об объективности и полноте проверок и принятии соответствующих мер.

Примерно так это и происходило. Прошел месяц, потом другой, потом третий… Наступил новый, 1988 год. Ответа не было. Вообще такая реакция была объяснима и без подоплеки дела: ведь по данным, которые были озвучены на Съезде народных депутатов СССР 8 июня 1989 года, в 1988 году Прокуратура СССР рассмотрела 110 тысяч (сто десять тысяч) жалоб, писем и ходатайств граждан. Можно ли было при таком количестве обращений надеяться на объективное и всестороннее исследование дела Азадовского?..

Из редакции время от времени звонили в Генеральную прокуратуру, там отвечали: «Ждите». Но журналисты так и не дождались ответа. Между тем 26 февраля 1988 года Президиум Верховного Совета СССР назначает нового первого заместителя генерального прокурора СССР – им становится бывший министр юстиции РСФСР А.Я. Сухарев. Что делает Щекочихин? Сразу же, в марте 1988-го, из редакции отправляется еще одно письмо (уже на имя нового первого заместителя генпрокурора), в котором газета сетует на то, что Генеральная прокуратура в лице О.В. Сороки пять месяцев хранила молчание, и «Литературная газета» надеется, что Александр Яковлевич в своей работе на столь важном посту будет более внимателен к обращениям граждан, как того требует курс страны на демократизацию и гласность.

Одновременно «Литературная газета» пересылает А.Я. Сухареву копию письма Азадовского от 10 марта 1988 года. Это письмо, написанное по просьбе Щекочихина, и было формальным основанием для повторного обращения «Литературной газеты». Заканчивалось оно словами:

> Ответа из Прокуратуры СССР, куда были направлены все названные выше бумаги, я не имею до сих пор. Тем временем в г. Ленинграде меня по-прежнему не оставляют в покое: сотрудники милиции систематически вызывают меня и мою жену, ведут со мной провокационные разговоры. Их действия я не раз обжаловал в

> законном порядке, что видно из прилагаемых документов.
>
> Хочу обратить Ваше внимание на следующее обстоятельство: Инспекция по кадрам ГУВД Леноблгорисполкомов, разобравшись в деле по существу, признала обжалуемые мной вызовы необоснованными. Однако Ленгорпрокуратура – инстанция, казалось бы, призванная надзирать за действиями ленинградских органов – постоянно отделывается в отношении меня отписками.
>
> Прошу «Литературную газету» довести это мое письмо до сведения сотрудников Прокуратуры СССР, непосредственно занятых проверкой по моему заявлению и письму группы писателей.

Неверно думать, что Щекочихин возлагал какие-то особые надежды на Сухарева. Правильнее будет сказать, что он попытался сыграть на кадровой перестановке в Генеральной прокуратуре. Ведь он не мог слишком рассчитывать на Сухарева, отношение которого к либеральной части интеллигенции было известно давно.

Дело в том, что 27 октября 1976 года в «Литературной газете» было напечатано пространное интервью А.Я. Сухарева (он занимал в тот момент пост первого заместителя министра юстиции СССР) корреспонденту газеты В. Александрову. Это интервью получило тогда поистине всемирную известность: Сухарев в нем давал оценку Владимиру Буковскому, который в тот момент находился во Владимирской тюрьме. При этом суждения Сухарева сильно отличались от тех, которые предъявило обвинение, и не в лучшую сторону. В заявлении Московской Хельсинкской группы, принятом по этому поводу, отмечалось: «Во всем, что говорит Сухарев о Буковском, бесспорно соответствует действительности только то, что Буковский родился в 1942 г. и окончил среднюю школу». Все остальное – что Буковский «нигде постоянно не работал», «призывал к свержению советского государственного строя», что «его деятельность направлялась из-за рубежа пресловутым НТС» и т. д. – было чистым вымыслом.

В том же году журнал «Новое время» поместил выступление Сухарева под говорящим заголовком «О некоторых недобросовестных ревнителях “прав” советского человека». На этот раз замминистра юстиции утверждал, что в СССР «в области реального обеспечения прав человека уже давно достигнут такой уровень, о котором рядовые граждане в так называемом “свободном” мире могут только мечтать». Сухарев коснулся в этой беседе и судебного разбирательства по делу С.А. Ковалева (Вильнюс, 9–12 декабря 1975), которое, по его словам, «было проведено тщательно, глубоко и объективно».

Когда же в 1978 году Сухарев защищал в Академии общественных наук при ЦК КПСС кандидатскую диссертацию на тему «Правовое воспитание трудящихся в развитом социалистическом обществе», он не преминул в своем автореферате отметить:

> Очередным политическим фарсом является, в частности, спекулятивная шумиха вокруг надуманного вопроса о «нарушениях прав человека» в социалистических странах, призванная ввести в заблуждение мировое общественное мнение, оправдать произвол и репрессии против трудящихся в капиталистических государствах…

Что же можно было ожидать от А.Я. Сухарева? С учетом сказанного выше – только чуда.

Протест А.Я. Сухарева

И вот происходит невероятное. 30 марта 1988 года первый заместитель Генерального прокурора СССР А.Я. Сухарев, как обладающий полномочиями опротестовывать приговоры, определения и постановления любых судов РСФСР (согласно статье 371 УПК), направляет в адрес Президиума Ленгорсуда документ, в котором ставит вопрос об отмене судебных решений 1981 года в отношении Азадовского. По действовавшему УПК это означало, что

Президиум Ленгорсуда рассмотрит в ближайшее время этот протест в порядке надзора и либо примет его во внимание (с отменой приговора и дальнейших определений), либо оставит без удовлетворения. Последнее было практически невозможно – Ленгорсуд не стал бы открыто ссориться с Генеральной прокуратурой. То есть уголовное дело в отношении Азадовского подлежало пересмотру.

Нужно отдать должное Сухареву, который 26 мая 1988 года будет утвержден в должности Генерального прокурора СССР: его деятельность в тот исторический момент сопровождалась важными свершениями. Выступая 9 июня 1989 года на Съезде народных депутатов СССР, Сухарев заявил, что только за 1988 год

> 2182 человека мы вынуждены были отпустить или из следственных изоляторов, или из зала суда, потому что эти люди неправильно были арестованы, потому что они были неправильно репрессированы. Это же безобразие! А всего шесть с половиной тысяч таких людей пострадало. Я говорю только о тех людях, которые уже, как говорится, под стражей находились. Это – вопрос принципа. (Аплодисменты.)

Среди народных депутатов, которые в тот день задавали Сухареву вопросы, был академик Сахаров, напомнивший Сухареву о памятном интервью, посвященном делу Ковалева. И вот каков был ответ:

> Я допускаю и не исключаю, что, возможно, в 1975 году, давая интервью, у меня могла быть соответствующая оценка. Товарищ Сахаров, хочу, чтобы Вы поняли мое кредо, мое отношение к делам по так называемой «антисоветской агитации и пропаганде» по известной статье 190-1. Это отношение давно известно. Многие присутствующие юристы его знают. Это принципиальное отношение, мы должны многое пересмотреть в этих вопросах, и я был одним из авторов их решения на демократических путях. Думаю, что это правильно.

Весть о вынесенном Сухаревым протесте достигла «Литературной газеты» – редакция получила письменный ответ Генеральной прокуратуры. Щекочихин тут же позвонил в Ленинград – это была невероятная новость. Однако суть протеста оставалась не совсем ясной до тех пор, пока в начале мая Азадовский сам не получил по почте письмо за подписью А.Я. Сухарева от 25 апреля. Прочитав этот документ, Азадовский, уже отпраздновавший внутренне эту победу, на самом деле скорее расстроился. Из-за Светланы.

> Гр-ну Азадовскому К.М.
>
> Ваши жалобы, поступившие из редакции «Литературной газеты», рассмотрены Прокуратурой Союза ССР. Истребованы и проверены в порядке надзора уголовные дела в отношении Вас и Лепилиной С.И.
>
> Ваше утверждение, что наркотическое вещество Лепилиной передал провокатор, а основным доказательством ее виновности были показания соседки Ткачевой, данные ею из мести, является несостоятельным. Ткачева в суд не вызывалась и им не допрашивалась, никаких ссылок на ее показания в приговоре нет, а на предварительном следствии она была допрошена лишь о круге знакомых Лепилиной. Сама Лепилина как на предварительном следствии, так и в суде виновной себя признала и рассказала, как и при каких обстоятельствах она приобрела у одного испанского гражданина изъятое у нее наркотическое вещество. Оснований для опротестования приговора в отношении ее не имеется.
>
> Что касается судебного следствия по Вашему делу, то оно действительно проведено односторонне и неполно. По этим основаниям в Президиум Ленинградского городского суда принесен протест, в котором поставлен вопрос об отмене судебных решений в отношении Вас и возращении дела на новое судебное рассмотрение.

29 апреля состоялось заседание Президиума Ленгорсуда, проходившее под председательством все того же В.И. Полуднякова (подписавшего в свое время отказ в пересмотре дела Азадовского). Первый заместитель прокурора Ленинграда (в тот момент и.о. прокурора города) В.А. Немченко, представлявший это дело, дал свое заключение, дублировавшее позицию московского начальства. Соблюдая букву закона, Президиум Ленгорсуда, а также прокурор Ленинграда должны были основывать свое заключение на подлинных материалах уголовных дел Азадовского и Лепилиной, которым надлежало вернуться на берега Невы одновременно с сухаревским протестом. Но как это было на самом деле, не совсем ясно. Возможно, в эти дела никто и не заглядывал, потому как одного только протеста А.Я. Сухарева было достаточно для решения вопроса. Оспаривать Москву никто не собирался.

Итак, 29 апреля Президиум Ленгорсуда признал справедливым протест А.Я. Сухарева и констатировал нарушение 20-й статьи УПК, положения которой требуют от органов следствия, суда и прокуратуры «всестороннего, полного и объективного исследования обстоятельств дела». В постановлении, окончание которого мы приводим, об этом было сказано более конкретно:

> …Проверив материалы дела и обсудив доводы протеста, Президиум находит, что протест подлежит удовлетворению, так как судом не выполнены требования ст. 20 УПК РСФСР.
>
> Основанием для производства обыска в квартире Азадовского послужило задержание 18 декабря 1980 г. во дворе его дома Лепилиной С.И., близкой знакомой Азадовского, в сумочке которой обнаружено наркотическое вещество – анаша. Такое же наркотическое вещество и примерно такого же веса согласно протоколу обыска обнаружено на книжной полке в квартире Азадовского, а также при осмотре карманов его дубленки и пиджака. Азадовский сразу же заявил, что к наркотическому веществу он никакого отношения не имеет и считает, что оно было подброшено сотрудниками милиции во время обыска.
>
> В связи с этим важное значение для установления истины имел допрос инспектора уголовного розыска Хлюпина Н.Н., который обнаружил пакет с анашей. Однако суд не обеспечил явку Хлюпина в судебное заседание и не допросил его.
>
> Из показаний в суде Азадовского и понятого Макарова видно, что помимо понятых в производстве обыска участвовало пять человек, а в протоколе обыска указаны только двое. Суд не выяснил, кто эти люди, что они могут сказать об обыске в квартире Азадовского и почему не занесены в протокол обыска…
>
> Наконец, судом не устранены существенные противоречия в показаниях Хлюпина, данных на предварительном следствии, и понятого Константинова о месте нахождения наркотического вещества в квартире Азадовского, на какой конкретно книжной полке оно обнаружено. По изложенным мотивам приговор и определение судебной коллегии подлежат отмене.
>
> При новом рассмотрении надлежит учесть изложенное, тщательно исследовать обстоятельства дела в соответствии с требованиями ст. 20 УПК РСФСР, принять обоснованное решение.
>
> Руководствуясь ст. 378 УПК РСФСР, Президиум Ленинградского городского суда
>
> Постановил:
>
> Приговор Куйбышевского районного народного суда г. Ленинграда от 16 марта 1981 года и определение судебной коллегии по уголовным делам Ленинградского городского суда от 16 апреля 1981 г. в отношении Азадовского Константина Марковича отменить, дело направить на новое судебное рассмотрение в тот же суд в ином составе судей со стадии судебного разбирательства.

Это было долгожданное решение. Победа уже не столько Азадовского, сколько

Щекочихина и «Литературной газеты». Но для Азадовского это означало шанс доказать свою невиновность – правда, всего лишь шанс, и далеко не стопроцентный. Барахтаясь уже долгие годы в советской юридической клоаке, Азадовский хорошо усвоил принципы советского правосудия, которые были далеки от тезисов 20-й статьи УПК, да и гроза, подчас нависавшая над московским начальством, в Ленинград добиралась уже в виде облачка.

К тому же судьи, которые в 1981 году так блистательно справились с вынесением Азадовскому обвинительного приговора, а затем и отказывали в его пересмотре, были по-прежнему в строю; парторг Мухинского училища, подписавший характеристику, перешел на работу в обком КПСС в качестве инструктора… Можно было предположить, что и сотрудники УКГБ также не вышли на пенсию. То есть не было оснований надеяться на легкую победу.

При этом ветер перемен сметал гнилую листву, и идея гласности, так греющая и Азадовского, и Щекочихина, все-таки придавала им уверенность, что вердикт будущего суда не будет обвинительным. Можно сказать, что Азадовский – несмотря на усмирение Колымой – оставался неисправимым оптимистом.

Юрий Щекочихин, официально проводивший журналистское расследование, теперь должен был дождаться итогов этого процесса. И ленинградский городской суд, и прокуратура, и УКГБ – словом, все заинтересованные инстанции понимали, что гласности в этот раз избежать не удастся. Вопрос был в том, повлияет ли гласность на исход дела.

Глава 14
Процесс

Итак, после постановления Президиума Ленгорсуда от 29 апреля 1988 года стало ясно, что предстоит новое судебное разбирательство. Целесообразность такого решения – спустя восемь лет – может показаться сомнительной с точки зрения здравого смысла, но таковы процессуальные требования. Впрочем, Азадовский видел в новом судебном разбирательстве и положительные стороны. Ведь если суд будет протекать гласно, с соблюдением процессуального законодательства, то ему удастся установить ничтожность «доказательств вины» и выявить истинные причины уголовного дела. Кроме того, он не терял надежды вызвать и допросить сотрудников КГБ. При этом Азадовский не сомневался, что теперь-то приговор 1981 года будет пересмотрен и его оправдают; это, в свою очередь, открывало долгожданную для него возможность поднять вопрос о пересмотре приговора по делу Светланы.

В том, что ожидается такого рода процесс, было вообще что-то новое и необычное, так же как новое и необычное происходило в стране. Да и сам факт протеста Генпрокуратуры на приговор воспринимался как символ тех изменений, что происходили вокруг. «Дело Азадовского», которое вдруг стало разваливаться, также питало эти радужные настроения. Ожидалось, что в Куйбышевском райсуде состоится некий показательный процесс, олицетворяющий отказ от советского прошлого: под гнетом неопровержимых доказательств рухнет система лживого судопроизводства и уступит место, сообразно требованиям времени, подлинному правосудию.

Азадовский, избранный к тому времени членом Союза писателей СССР, готовился даже не к суду, а именно к процессу, к торжеству правосудия. Архипов, Шлемин, Арцибушев, Хлюпин, Каменко, Бобов, Шистко, Ткачева… Все эти фамилии вызывали в нем чувство горечи, взывающее к восстановлению справедливости. Да и можно ли было все забыть! Страдания матери, скончавшейся в 1984 году, искалеченную жизнь Светланы, здоровье которой было подорвано в арматурном цехе Горьковского автозавода, наконец, собственное хождение по мукам – полгода в Крестах, двухмесячный этап, сусуманскую зону…

И, по совести говоря, ничего не предвещало иного развития событий, тем более что

А.Я. Сухарев, лично вынесший протест по делу Азадовского, стал в скором времени Генеральным прокурором СССР. К тому же, напомним, 13 мая судья Куйбышевского районного суда Л.А. Донецкая удовлетворила иск Азадовского к Куйбышевскому РУВД о возмещении материального ущерба, нанесенного утратой имущества, изъятого при обыске у него и у Светланы.

Для предстоящего процесса был приглашен адвокат – Наталья Борисовна Смирнова, только в 1984 году начавшая адвокатскую практику. Она была высокопрофессиональным юристом, имела за плечами почти двадцатилетний опыт работы в органах юстиции.

В начале лета 1988 года уголовные дела Азадовского и Лепилиной прибыли из Президиума Ленгорсуда в районный суд. Там Азадовский смог в очередной раз ознакомиться со своим делом, поступившим на рассмотрение к судье Куйбышевского районного суда Н.А. Цветкову. А представлять государственное обвинение прокуратура назначила относительно молодого, но уже безусловно опытного А.Е. Якубовича. Он смотрелся на процессе много уверенней судьи, который был и младше, и косноязычнее, и сдержаннее. И вот 21 июня состоялось предварительное слушание дела, так называемое распорядительное заседание. Азадовский уже 10-го числа подал в канцелярию суда обширное ходатайство, в котором просил об истребовании ряда документов – уголовного дела Светланы, материалов прокурорской проверки, документов из Мухинского училища и т. д. В том же ходатайстве он просил о вызове в судебное заседание лиц, причастных к его судьбе, – следователя Каменко, милиционеров Арцибушева и Хлюпина, сотрудников УКГБ Архипова и Шлемина, а также Шистко и Бобова, подписавших его служебную характеристику. Одновременно он просил суд сделать запрос в «Ленинградскую правду» относительно статьи 1969 года, посвященной делу Славинского, и подтвердить достоверность экспертизы, данной Горлитом по поводу изъятых у него при обыске книг. И, наконец, было подано ходатайство об идентификации сотрудника милиции по фамилии Быстров, чья фамилия значилась в протоколе обыска.

Одним словом, Азадовский решил представить все доказательства предвзятости следствия и суда в 1981 году и фальсификации улик. В своих бумагах того времени он часто употреблял это слово – «фальсификация», такое хлесткое и даже несколько эпатажное, но для Азадовского оно было единственно верным определением сути событий. И для разоблачения именно фальсификации открытый судебный процесс был, с его точки зрения, наилучшим средством.

Заседание 19 июля 1988 года

Итак, начинался открытый процесс. Эта характеристика вполне соответствует истине – если на суд 1981 года смогли чудом просочиться лишь несколько человек, то в 1988-м зал заполнили те, кто долгие годы пристально и сочувственно следил за перипетиями Константина и Светланы, их коллеги и единомышленники, представители прессы…

Разумеется, и сама обстановка разительно отличалась от марта 1981 года. Стояла невыносимая жара, окна были распахнуты настежь, проезжающие по улице Толмачева (ныне – Караванная) машины и шум соседней стройки хотя и мешали, но одновременно вносили в судебное заседание ощущение спектакля: казалось, это не совсем суд, во всяком случае, ничего страшного не ожидалось. Все пришедшие на суд это явственно ощущали, хотя и знали, что формально Константин Азадовский вновь – после возвращения дела в стадию следствия – стал обвиняемым. Но это не слишком принималось всерьез. Азадовский видел в зале суда немало знакомых лиц: Яков Гордин, Нина Катерли, Александр Нинов… Из Москвы приехал Григорий Забельшанский.

Можно сказать, что судья Н.А. Цветков пытался, во всяком случае поначалу, соответствовать требованиям нового времени. Первое, что он сделал, – удовлетворил ходатайства Азадовского о видеофиксации и звукозаписи на процессе. (Сохранившаяся звукозапись, представляющая собой стопку бобин магнитной ленты, помогла нам

восстановить ход процесса.) И когда включились микрофон и камера, началось рассмотрение заявленных ходатайств. Дух истинного правосудия воцарился в зале Куйбышевского суда. Зал приготовился к объективному судебному разбирательству.

Но вдруг, несмотря на оптимистическое начало, дух правосудия улетучился, ощущение ленинградского знойного лета отошло на задний план. В зал вернулась все та же атмосфера Куйбышевского народного суда восьмилетней давности, когда прокурор и судья сообща выполняли одну и ту же задачу – противостоять обвиняемому. И хотя Азадовский занял не скамью подсудимых, одиноко пустовавшую под сенью металлической решетки, а сел в первом ряду зала, он, как и в марте 1981 года, сразу почувствовал, что от представителей ленинградской Фемиды не следует ждать ничего хорошего.

Что же произошло? Согласившись с мнением прокурора, что допрос в качестве свидетелей сотрудников УКГБ Архипова и Шлемина, а также истребование материалов прокурорской проверки, в которой зафиксировано их участие в обыске, «не имеют прямого отношения к формуле предъявленного обвинения Азадовскому», судья отклонил эти принципиально важные ходатайства.

Напомним обстоятельства обнаружения пакета с наркотиком на полке с книгами. Непосредственно этого момента ни один из понятых не видел – факт был зафиксирован лишь тогда, когда милиционер Хлюпин, вынув книги, увидел, что за книгами спрятан пакетик из фольги, вытащил его из-за книг, сдвинул на край полки, а затем переложил на другую… И только после этого Азадовский, увидев, что Хлюпин возится с каким-то пакетиком, громко выразил свое недоумение и позвал понятых. Сам факт, что сотрудник угрозыска, который, как мы теперь знаем, окончил высшую школу милиции и четыре года занимался оперативной работой, так вел себя на обыске при обнаружении предположительного «вещдока», удивителен. Ведь Хлюпин, по всем инструкциям, должен был не жонглировать уликой, перекладывая ее с места на место, а немедленно, едва увидев за книгами пакетик из фольги, призвать понятых. При этом и показания понятых в деле были путаными и никак не согласовывались между собой. Таким образом, вызов других свидетелей был, хотя бы формально, необходим для всестороннего и объективного судебного расследования.

Но в судебном заседании сразу же стало ясно, что и прокурор, и судья имеют своей целью повернуть дело так, будто никакого КГБ и в помине не было. И если уголовное дело 1980–1981 годов вовсе не содержало упоминаний о сотрудниках КГБ, то теперь, в 1988 году, когда участие сотрудников КГБ стало доказанным фактом, судья с прокурором вопреки очевидности стали продолжать ту же линию; видимо, и помыслить не могли о том, чтобы тронуть «неприкасаемых».

Заседание продолжалось. Судья огласил обвинительное заключение 1981 года. Азадовский подтвердил, что не признает себя виновным, повторил свои тезисы о фальсификации дела, об искусственном разделении двух уголовных дел – его и Светланы, сказал о подброшенном наркотике. Постарался дать объяснение и той самой записки, которая стала в его уголовном деле едва ли не главным доказательством. «Но доказательством чего именно она в действительности является?» – спросил Азадовский. Версия следствия, принятая судом, сводилась к тому, что записка доказывает давление обвиняемого на Лепилину, попытку фальсификации ее показаний и, соответственно, вину Азадовского в совершенном преступлении. Какова же была его собственная позиция, высказанная в суде 19 июля 1988 года?

> Я находился в следственном изоляторе более двух месяцев, следователь ко мне ни разу не являлся, вплоть до закрытия дела. После закрытия дела я написал Лепилиной записку, которую пытался передать нелегальным путем. Поскольку в приговоре и в некоторых последующих документах эта записка фигурирует едва ли как не главное доказательство моей вины, я остановлюсь на этой записке и сделаю подробное объяснение по этому поводу…
>
> После закрытия дела я написал официальное заявление, адресованное в

следственный отдел Куйбышевского РУВД, что мне стало известно, что Лепилина дала такие показания, и я прошу либо предоставить материалы по этому делу, либо разрешить мне очную ставку с Лепилиной. На свое заявление в Куйбышевское РУВД я ответа не получил, и это неудивительно – я писал довольно много заявлений в следственном изоляторе, и естественно ни на одно из них я ответа не получал; а когда я получил ответ Каменко на ходатайства Хейфеца о том, что эти материалы никакого отношения к делу не имеют, то есть показания Лепилиной никакого отношения к делу не имеют, я считал, что это можно объяснить только одним – желанием скрыть от меня эти показания Лепилиной, то я естественно решил связаться с ней своими путями. Для того чтобы иметь возможность вызвать Лепилину на суд, я написал ей записку, в которой просил ее подтвердить, – эта записка присутствует в деле, как и мое заявление о том, что я прошу очной ставки, адресованное в Куйбышевское РУВД, все это присутствует в деле, – и в этой записке я прошу Лепилину подтвердить то, что она показала на суде и на предварительном следствии, что именно она была источником наркотика, обнаруженного у меня в квартире.

Моя записка начинается со слов «Не отказывайся от своих показаний», и эта мысль проходит сплошь через всю записку. Никакого основания считать, что я склоняю Лепилину к каким-то показаниям, в этой записке нет. Интерпретировать, конечно, записку можно различно, что и старались делать суд и прокуратура (и вероятно еще будут стараться), но в записке нет, во всяком случае, самого главного – нет никаких данных, подтверждающих мою вину: да, я прошу Лепилину подтвердить то, что она показала, т. е. косвенным образом, конечно, прошу ее взять на себя то, что она не делала, чью-то вину, но чью вину? Где явствует из записки, что я прошу ее взять мою вину? Там есть фраза: «Они хотят посадить меня на три года». Конечно, когда я писал эту записку, я был запуган, сбит с толку в какой-то мере, и это неудивительно, передо мной была стена беззакония, которую пробить легальными, официальными способами я никак не мог до 86-го года, и поэтому написал ту записку. Я, конечно же, понимал, когда писал записку Лепилиной, что все пути в следственном изоляторе ненадежны, схема весьма примитивна, и пути-дороги, по которым там порхают записки, тоже довольно примитивны, и я предполагал, что эта записка может оказаться в руках оперчасти или следствия; но мне, конечно, в голову не приходило, что записка может быть интерпретирована, истолкована совершенно превратным образом. Интерес к записке, который проявил суд и проявили последующие надзорные организации, мне совершенно понятен. Никаких других доказательств нет, все остальное рассыпается при ближайшем рассмотрении. Поэтому пусть будет хоть записка!

Затем стал вопрос о понятых на обыске. Прокурор пытался узнать у подсудимого, каковы его аргументы при утверждении, что один из понятых, Константинов, тоже был заинтересованным лицом и выступал на стороне милиции. По крайней мере, именно так трактовались его действия Азадовским.

Прокурор: У меня будет еще один практический вопрос, пока последний на данный момент. Как вы считаете, вернее, я так поставлю вопрос: есть ли у вас какие-либо основания не доверять показаниям свидетелей Константинова и Макарова?

Азадовский: У меня есть основания не доверять, и я говорил об этом в суде 81-го года, показаниям Константинова. Мне непонятно, как он оказался в моем районе, проживая в другом месте, работая в другом месте. Но это в конце концов вопрос праздный, как он оказался… А вот чем вызвана такая заинтересованность Константинова, из его показаний явствующая, любой ценой выгородить работников милиции и КГБ, которые участвовали в обыске, – это мне действительно непонятно. И поэтому я его показаниям не доверяю…

Прокурор: Что конкретно вы имеете в виду, так сказать, действия или показания Константинова? Что, по-вашему, свидетельствует ваше недоверие к нему, его, так сказать, заинтересованность: его показания, которые он дал в

судебном заседании по вашему делу, либо его действия при производстве обыска у Вас 19 декабря 80-го года. Вот таков мой вопрос.

Азадовский: Действия Константинова носили заинтересованный характер, и это частично проявляется в его показаниях. Показания его противоречивы: в одних случаях он говорит больше правды, в других меньше правды… Константинов говорит, как и Макаров, что он ничего не видел и ничего не знает. Вот что оба сказали на суде. Какое у меня к этому может быть отношение?..

Прокурор: Ясно. Тогда еще один вопрос. Какие именно действия, вы считаете, свидетельствуют о его заинтересованности в этом деле, какие конкретно его действия?

Азадовский: Во-первых, то, что он принимал участие не как понятой. Он исследовал литературу, все время выбегал из комнаты, где шел обыск, обращался к книгам, которые стоят в коридоре, и требовал: посмотрите вот это, посмотрите вот это. Помогал именно работникам КГБ (а потому вот на это нужно обратить внимание, говорил он). А в показаниях его зафиксировано то, что я уже процитировал, в показаниях на следствии, в суде он этого не говорил: «Я наблюдал за всеми работниками одновременно». – Как это можно, для меня непонятно? – «Я гарантирую, что никто из работников милиции руки из карманов в течение обыска не вынимал». Ну, что это за детский лепет?

Прокурор: Ясно. Я вас понял. У меня к вам больше нет вопросов.

Тогда в дело вступила защита. Наталья Борисовна Смирнова методично и без робости выявляла нарушения УПК, а также необъективность и односторонность следствия и суда. Она пыталась подвести суд к необходимости вызова дополнительных свидетелей, подразумевая сотрудников КГБ, а также обращала внимание на тот факт, что самого момента обнаружения наркотика милиционером Хлюпиным никто из лиц, давших показания, не видел.

Адвокат: Теперь скажите, пожалуйста, чем объяснить ваше замечание, сделанное при производстве обыска, о том, что, по вашему мнению, понятыми не совсем верно были поняты их права, не так разъяснены?

Азадовский: Потому что понятые вместо того, чтобы хоть как-то участвовать в том, что происходит, всячески от этого уклонялись.

Адвокат: Как вы представляете их участие?

Азадовский: Я представлял, что они хотя бы будут наблюдать за действиями сотрудников милиции. Макаров сидел и дремал. Он, конечно, не признается, что он дремал, но он дремал – человека разбудили в половину восьмого утра. Константинов все время входил и выходил из комнаты. Когда я Хлюпина уличил в содеянном, то я сразу сказал, чтобы понятые подошли.

Адвокат: В какой момент появилось это ваше заявление, что наркотики вам подложены?

Азадовский: В устной форме оно появилось, как только пакет был развернут и обнаружилось, что в нем анаша [в протоколе было указано, что это порошок бурого цвета, с пряным запахом, но милиция сразу сказала, что экспертиза будет только формальностью и что это, по всей видимости, анаша. – *П.Д.*], а в письменном виде – когда составлялся протокол обыска.

Адвокат: Можете ли вы суду описать, что из себя представлял этот пакет: какой был размер?

Азадовский: Я его видел всего лишь несколько минут. Он представлял собой что-то вроде спичечного коробка по площади, но, естественно, меньшей высоты, завернут был в такую серебристо-серую фольгу.

Адвокат: Не более спичечного коробка. Простите, пожалуйста, вы можете припомнить, какой вид имел этот пакет или сверток: был ли он помят, был ли он разглажен, какие-то трещины были ли на этой фольге, но если не помните, можете ничего не говорить. Можете ли вы сказать что-либо по этому поводу?

Азадовский: Фольга как из-под шоколада, в которую был завернут порошок.

Такой свежестью первозданной, по-моему, она не отличалась. Больше ничего сказать не могу.

Адвокат: Скажите, пожалуйста, в чем были одеты, ну, Хлюпин например? Припомните, пожалуйста.

Азадовский: В комнате он находился в костюме, а вот снимали ли они пальто… Вероятно, снимали, потому что был декабрь. Но оставляли ли они в прихожей пальто, я не помню. Я не думал об этом. В комнате они все находились в костюмах.

Адвокат: Я имею в виду, была ли на нем одежда с длинными рукавами или с короткими?

Азадовский: Да, на нем был пиджак и брюки – в костюме и в рубашке.

Адвокат: Скажите, пожалуйста, с вашей точки зрения, по размерам этот пакет мог бы поместиться свободно в рукавах рубашки?

Азадовский: Где угодно: в кармане рубашки, за рукавом рубашки, в кармане брюк.

Адвокат: По своим размерам его вполне можно было бы упрятать?

Азадовский: Конечно, можно, ведь он был меньше спичечного коробка.

Адвокат: Теперь скажите, пожалуйста, кто первый обратил внимание на этот пакет? Ну так, гласно, будем говорить.

Азадовский: По сути, я обратил внимание на этот пакет и воскликнул: «Что это такое?»

Далее присутствующим пришлось выслушать диалог Азадовского и Якубовича о «деле Славинского», подробности которого, как выяснилось, прокурор знал не понаслышке. Во-первых, Якубович заявил, что материалы 1969 года следует, бесспорно, рассматривать как характеристику личности Азадовского. Ведь в решении суда 1969 года, в описательной части, Азадовский перечислен в числе лиц, которым Славинский «сбыл» по 0,25 грамма гашиша. «Это документ, он имеет характер закона, почему вы его не стали обжаловать в 1969 году?» Этот вопрос поставил Азадовского в тупик: когда в 1969 году его отчислили из аспирантуры и он переехал в Петрозаводск, он вряд ли имел возможность и время заняться обжалованием этой фразы в описательной части приговора, тем более что в резолютивной части его имя вообще не упоминалось. Да и мог ли он тогда подумать, что это упоминание будет ему когда-нибудь вменяться в вину?

Затем, продолжая наступление, Якубович спросил, в курсе ли он того, что в 1969 году, при расследовании дела Славинского, ставился вопрос о предъявлении ему, Азадовскому, обвинений сразу по трем статьям Уголовного кодекса: 224-й, 228-й и 70-й. Что это за статьи и на чем основывалось тогда следствие?

Статья 224 нам известна; доказательств вины Азадовского по этой части тогда не было найдено. Статья 228 – «Изготовление, распространение или рекламирование порнографических сочинений, печатных изданий, изображений или иных предметов порнографического характера» – появилась как следствие изъятых при обыске у Азадовского иностранных журналов, среди которых был номер журнала «Playboy»; однако статья эта подразумевает наказание за *сбыт* или *распространение* , по этой причине состава преступления не имелось. Основанием же для статьи 70-й («Агитация и пропаганда, проводимая в целях подрыва и ослабления Советской власти… распространение в тех же целях клеветнических измышлений, порочащих советский государственный и общественный строй, а равно распространение либо изготовление или хранение в тех же целях литературы такого же содержания») служили изъятые у Азадовского тома сочинений Анны Ахматовой и Осипа Мандельштама, изданные за границей и «запрещенные к ввозу в СССР»; однако и здесь дело не возбуждалось, поскольку не был установлен факт использования Азадовским этих изданий для антисоветской агитации и пропаганды.

Последнее обстоятельство представляется немаловажным. Из вопроса прокурора Якубовича явствовало, что еще в 1969 году следствие подумывало о том, чтобы предъявить Азадовскому 70-ю статью и что в каких-то бумагах – непонятно, в каких именно, – это

стремление было зафиксировано документально. Однако важнее в данном случае другое: следствие 1969 года хотя и ставило вопрос о предъявлении Азадовскому обвинений по этим трем статьям, однако не нашло оснований ни для одного из них. И прежде чем напоминать Азадовскому о событиях двадцатилетней давности, прокурору Якубовичу следовало бы вспомнить про статью 13-ю УК РСФСР, формулирующую принцип презумпции невиновности: «Никто не может быть признан виновным в совершении преступления и подвергнут уголовному наказанию иначе как по приговору суда».

Однако целью Якубовича было бросить тень на обвиняемого. Ведь сам факт того, что еще в 1969 году Азадовскому пытались предъявить обвинение по *трем* статьям, должен был, по логике прокурора, вполне однозначно характеризовать его личность.

Голос совести

Главным событием заседания 19 июля стал допрос свидетелей. Несмотря на то что ни один из сотрудников КГБ не был вызван, суд имел возможность допросить тех, чьи следственные действия или свидетельские показания легли в основу обвинительного приговора 1981 года. Милиционеры Арцибушев и Хлюпин, понятые Константинов и Макаров, следователь Каменко… Они предстали перед судом как свидетели. Наиболее содержательными и чуть ли не сенсационными стали показания одного из них – Олега Николаевича Арцибушева, который в 1980 году работал старшим инспектором в Управлении уголовного розыска ГУВД и занимался незаконным оборотом наркотиков (в 1988 году он работал помощником начальника 45-го отделения милиции г. Ленинграда).

Еще ранее, в 1983 году, ему пришлось – в связи с прокурорской проверкой – давать объяснения по поводу участия сотрудников КГБ в обыске, и его показания, отложившиеся в материалах проверки, Азадовский смог увидеть в деле о возмещении нанесенного ущерба. Правда, в суде эти три заколдованные буквы Арцибушев произнести не отважился, хотя и без того сказал в этот день достаточно много. Из его обширных показаний, данных 19 июля и сохранившихся на магнитной ленте, мы выбрали несколько принципиально важных мест.

Во-первых, Арцибушев дал пояснения относительно задержания Светланы, носившего – это не вызывало сомнений – заранее спланированный характер, о чем, согласно материалам ее уголовного дела, недвусмысленно свидетельствовали понятые (в действительности – дружинники), принимавшие участие в ее задержании:

> Петров: Нас попросили задержать гражданку Лепилину; Лепилину нам описали, мы ее задерживали по приметам. Мы не видели, как она выходила из кафе, мы стояли во дворе.
>
> Михайлова: Я участвовала в рейде. Нас попросили задержать гражданку по приметам. Мы ее задержали, когда она вошла во двор.

Опираясь на эти факты, адвокат пыталась обратить внимание суда на то, что задержание Лепилиной повлекло за собой экстренный обыск у Азадовского. Вместо того чтобы искать «испанца», производить обыск по месту жительства задержанной и т. д., следствие отправилось искать наркотики у Азадовского.

> Адвокат: Она вам объяснила, у кого она получила наркотик?
>
> Арцибушев: Сперва она не говорила, потом сказала, что какой-то иностранец.
>
> Адвокат: Какой-то иностранец. Вам известно, она сообщила данные этого иностранца – как его зовут, где он живет?
>
> Арцибушев: Я сейчас не помню, я его никогда не видел, я не знаю…
>
> Адвокат: Вы сотрудник уголовного розыска, специализирующийся по борьбе с наркотиками; что вас, как сотрудника, должно в первую очередь интересовать при задержании лица с наркотическим веществом?

Арцибушев: Ну, я понимаю, источник приобретения.

Адвокат: Источник приобретения и цель приобретения. Цель приобретения она вам не сказала?

Арцибушев: Она сказала вначале, что она взяла этот наркотик как лекарство от головной боли, не как наркотик, а как порошок от головной боли; но когда ее задерживали, раскрылась сумочка и все выпало…

Адвокат: Понимаете, в материалах дела есть четкие первоначальные данные Лепилиной, где она источник приобретения называет сразу. Меня интересует, почему вы как лицо, призванное бороться с наркоманией, не проявили достаточного интереса к источнику получения этого наркотического вещества и не приняли абсолютно никаких мер к обнаружению и задержанию этого источника?

Арцибушев: Нет, дело в том, что в тот момент мы звонили в отдел спецслужбы, тогда он так назывался, но там что-то они нам ничего не нашли, этого человека.

<…>

Адвокат: Правильно ли я вас поняла, что решение произвести первоначально обыск у Азадовского исходило от следователя.

Арцибушев: Ну, я боюсь это утверждать, во всяком случае, постановление исходило от него…

Адвокат: Вы проявили какое-то профессиональное недоумение, почему Вы идете вначале на обыск к Азадовскому?

Арцибушев: Мне объяснили, что Лепилина человек, которая выполняет определенное поручение.

Адвокат: Следователь?

Арцибушев: Да нет, я сейчас не помню, но так стоял вопрос.

Адвокат: Так стоял вопрос, неизвестно от кого, что Лепилина выполняет посреднические функции при передаче наркотиков?

Арцибушев: Нет, нет, вообще. То, что она наркоманка, я никогда даже не предполагал.

Адвокат: Каким образом и кто обосновал немедленное производство обыска именно у Азадовского?

Арцибушев: Ну раз шла к нему, как мне пояснили.

<…>

Адвокат: И вы лично ездили к прокурору?

Арцибушев: Я сказал, что без санкции прокурора мы не поедем на обыск.

Адвокат: Без санкции вы не поедете на обыск?

Арцибушев: По-моему, руководство, куйбышевское, договаривалось, звонили, и я ночью ездил домой к прокурору в другой район.

Адвокат: Но все-таки ночью – это когда, постарайтесь припомнить время, уточните?

Арцибушев: До двух часов ночи или в час ночи, не знаю…

Адвокат: Какие исключительные обстоятельства обнаружились при задержании Лепилиной, которые позволяли бы ночью предпринять такую деятельность?

Арцибушев: Я так понял, что руководство Куйбышевского РУВД, в частности начальник следствия, сам договаривался с прокурором, для того, чтобы он ждал; он был дома, по-моему, еще собака у него была, у прокурора…

Адвокат:…Кто, как фамилии, должность того руководства, на которое вы все время ссылаетесь, кто вам давал такие указания?

Арцибушев: Я вас понял. Начальник следствия был, по-моему, Сапунов, полковник Сапунов, он принимал участие в этом…

Адвокат: Но лично вы докладывали…?

Арцибушев: Ну, конечно, докладывал. Знал об этом и Бадаев Юрий Михайлович, бывший начальник 12-го отделения.

Адвокат: Когда он знал, ночью?

Арцибушев: Они все находились, все находились в это время на работе.

Адвокат: Ну вот, кому лично и что вы докладывали?

Арцибушев: Ну, во-первых, о том, как Лепилина была задержана, сразу по телефону позвонили, то ли из штаба ДНД, не помню. И что ее повезли. Ну, все были в курсе дела, вплоть до того, что Кокушкин [начальник ГУВД, генерал. – *П.Д.*] был в курсе дела, да все были в курсе.

Вопросы относительно других участников обыска задавал Арцибушеву судья Цветков. Но здесь Арцибушев старался держаться официальной версии. О том, что в обыске принимали участие сотрудники КГБ, он, конечно, знал. Знал в декабре 1980 года, помнил, само собой, и сейчас. Но страх сболтнуть лишнее был слишком велик…

Арцибушев: Обыск у Азадовского проводили: я, Хлюпин, потом были еще двое сотрудников; и понятые были, кажется, из комсомольско-оперативного отряда, сейчас я точно не помню… Константинов, я вспомнил, молодой, небольшого роста, по-моему, на заводе работает. Из сотрудников были Николай Николаевич [Хлюпин], сейчас за дверью находится, и были, значит, еще сотрудники, их нам начальник, по-моему, дал, вот они с нами и поехали.

Судья: Ну, а фамилии их?

Арцибушев: Я не помню, но знаю, что не с нашего отдела, но их с нами послал кто-то из наших руководителей из Управления уголовного розыска.

Судья: Но вы знали, кто они такие?

Арцибушев: Нет, я с ними не общался, но я их видел, так как работаю давно.

Судья: И вы знаете их как работников аппарата УВД?

Арцибушев: Нет, я, честно говоря, не знаю, кем они работают.

Судья: А удостоверения у них были какие?

Арцибушев: Удостоверения я их посмотрел, удостоверения были работников милиции…

[Тем самым Арцибушев косвенно подтверждает, что сотрудники КГБ действительно имели при себе документы прикрытия. – *П.Д.*]

Судья: Значит, ваше руководство дало вам их в помощь. А еще кто-либо из сотрудников приезжал?

Арцибушев: В конце, по-моему, [мы] позвонили Зигаленко, в то время начальник уголовного розыска (позже заместитель Куркова); позвонили с квартиры, просили машину, потому что обыск длился долго, кажется, с восьми утра. На обыск, значит, брали какую-то женщину, которая звонила в квартиру, чтобы открыли, она сказала, что телеграмма. Двое человек понятых, шесть человек всего было.

Судья: Шесть человек с понятыми, а вот пятый кто-нибудь из работников был?

Арцибушев: Сейчас я не помню, но, по-моему, кто-то приезжал.

Судья: Но тот, который приезжал, вы его знаете?

Арцибушев: Может быть, с Куйбышевского РУВД. Может, с Управления, не знаю. Нам прислали машину, чтобы увезти [Азадовского и изъятое при обыске] в Куйбышевское РУВД.

Особенное внимание обращено было на обстоятельства обнаружения наркотика. Здесь Арцибушев фактически встал на сторону обвиняемого, и это было, конечно, из ряда вон выходящим событием.

Арцибушев: Во время обыска Николай Николаевич Хлюпин достал со стеллажа наркотик.

Судья: Вы видели?

Арцибушев: Да, я рядом стоял, и Константин Маркович сказал: «Вы покраснели, вам стыдно, что вы, мол, делаете?» Такая вот реакция была. А Николай Николаевич говорит, я и сам удивился, действительно покраснел, в недоумении был… (Смех в зале.)

Судья: А почему вы считаете, что он растерялся и покраснел даже. Это

отчего?

Арцибушев: А удивился! Я находился рядом, и у Константина Марковича создалось такое впечатление, что это Хлюпин подложил ему пакет, но фактически он не мог этого сделать… То, что пакет был и он взял его, наткнувшись на него, в руки, – это я утверждаю точно…

Судья: А в какой момент Азадовский произнес свои слова?

Арцибушев: Где-то буквально сразу, почти следом. Он сказал, что знал, слышал, что такие вещи делаются, но что с ним такое произойдет, – не ожидал.

<…>

Арцибушев: Да я практически сразу говорил, что у нас впечатление такое создалось, у сотрудников, что кто-то ему наркотик подложил.

Адвокат: Значит, у вас создалось впечатление, что кто-то ему наркотик подложил?

Арцибушев: Кто-то был заинтересован в том, чтобы он был арестован.

Адвокат: А кто именно, у вас не создалось такое впечатление?

Арцибушев: Я думаю, что враги его, у каждого человека есть враги.

Интерес присутствующих вызвал также допрос понятого Константинова, который, как и ранее, утверждал, что совершенно случайно оказался в 8 утра у вестибюля станции метро «Площадь Восстания». А тот факт, что он возглавлял у себя на предприятии оперативный комсомольский отряд дружинников (ОКОД), было случайным совпадением. Приведем фрагмент, опубликованный впоследствии Юрием Щекочихиным:

Вопрос к Константинову. Как вы оказались понятым?

Ответ. При выходе из метро «Площадь Восстания» ко мне подошел работник милиции и попросил помочь.

Вопрос. Где вы живете?

Ответ. На Васильевском острове.

Вопрос. Как вы оказались в такой ранний час на площади Восстания, то есть в другой части города?

Ответ. (Пауза.) С целью пройтись…

Вопрос. Какой общественной работой вы занимались в 1980 году?

Ответ. Я был руководителем комсомольского отряда у себя на предприятии.

Вопрос. Вы продолжаете утверждать, что оказались понятым при обыске случайно?

Ответ. (Пауза.) Да…

Вопрос к сотруднику милиции Арцибушеву. Случайно ли вы подошли к Константинову?

Ответ. Еще вечером было договорено, что ребята из комсомольского оперативного отряда поедут с нами в качестве понятых на обыск. Мы договорились встретиться возле станции метро «Площадь Восстания».

Вопрос к Константинову. Когда вы пришли домой к Азадовскому, вас не удивило, почему у него собираются делать обыск?

Ответ. Я обратил внимание, что у него в доме очень много книг на иностранных языках…

Финальный аккорд прозвучал при допросе Николая Николаевича Хлюпина, 1953 года рождения, который, ссылаясь на несовершенную память (что в общем-то могло быть близко к истине – прошло как-никак семь с половиной лет), стал рассказывать, как он обнаружил пакетик с наркотиком. Хлюпин знал, что Азадовский подозревает именно его в подбросе зелья, и пытался, само собой разумеется, отвести от себя всяческие подозрения. Но поскольку к тому времени суд уже выслушал показания Арцибушева, фактически поддержавшего Азадовского в том, что наркотик ему кем-то подложен, то Хлюпин оказался как бы приперт к стенке.

И когда Азадовский, задавая вопросы, начал на него наседать, Хлюпин в ответ

произнес фразу, зафиксированную в протоколе: «Книжные полки, где я обнаружил пакет с наркотиками, до меня осматривали сотрудники КГБ, и у Вас есть те же основания подозревать их, как и меня!»

Эти откровения Арцибушева и Хлюпина если и не решили исход дела, то серьезно его предопределили. Если уж старший в группе, производившей обыск, специалист по борьбе с незаконным оборотом наркотиков в утвердительной форме заявляет, что обнаруженная улика подброшена обвиняемому неизвестным лицом, значит, дело принимает совсем иной оборот. А заявление Хлюпина подтвердило, что в обыске принимали участие не зафиксированные в протоколе и процессуально не идентифицированные лица, да еще сотрудники КГБ. Слова Хлюпина, хотя бы и сказанные в запальчивости, напрямую связывали с этими сотрудниками появление наркотика в квартире Азадовского.

О том, что Арцибушев в какой-то мере стыдится своего участия в этом деле и что ситуация, в которой он оказался, не доставляет ему особого удовольствия, Азадовскому было известно давно. Ведь еще в день ареста Арцибушев признался в коридоре 27-го отделения милиции, что «все это» ему самому не по душе: капитан Арцибушев, безусловно, уже сознавал, что его руками будут упрятаны за решетку люди, вина которых, мягко выражаясь, не очевидна. Но что на суде он пойдет дальше душевных переживаний и ударится в откровения, оказалось полной неожиданностью.

Что же заставило Арцибушева, который был одним из тех, с чьей помощью вершилось в те времена «правосудие», кто руководил обысками у Льва Друскина и Константина Азадовского, работал рука об руку с сотрудниками КГБ и считался, видимо, надежным солдатом родины, дать такие показания? Конечно, он сказал не всю правду, но и того, что он сказал, было достаточно. И хотя он не «сдал» сотрудников КГБ, но упомянул тем не менее милицейское руководство города, курировавшее операцию, поименно назвав и начальника УУР ГУВД генерала Г.Д. Зигаленко, и начальника ГУВД генерала В.И. Кокушкина.

Если открыть рассказ Салтыкова-Щедрина «Первый шаг» (1857), вошедший в «Губернские очерки», то можно прочитать описание подобного феномена. С одной лишь разницей, что у Салтыкова-Щедрина это следователь, а Арцибушев – старший оперуполномоченный. Однако за 130 лет, прошедших со времени написания рассказа до этого судебного процесса, зарисовка писателя, отображающая «казусные обстоятельства» российской судебной практики, совершенно не потускнела:

> Положение следователя, вообще говоря, очень тяжелое положение. Разумеется, оно далеко не может сравниваться ни с положением фельдмаршала во время военной кампании, ни даже с положением гарнизонного прапорщика во время осады Севастополя; но личный взгляд следователя может придать всякому мало-мальски важному делу интерес, не изъятый своего рода тревожных ощущений. Бывают, конечно, следователи, которые смотрят на свои обязанности с тем же спокойствием, с каким смотрят на процесс пищеварения, дыхания и тому подобные фаталистические отправления своего организма; но до такого олимпического равнодушия не всякий может дойти. Иногда случается, что в голову нахлынут тысячи самых разнообразных и даже едва ли не противозаконных соображений и решительно мешают вышеозначенному спокойствию. Шевельнется, например, ни с того ни с сего в сердце совесть, взбунтуется следом за нею рассудок, который начнет, целым рядом самых строгих силлогизмов, доказывать, как дважды два – четыре, что будь следователь сам на месте обвиняемого, то… и так далее. Ну, и раскиснешь совсем…

Именно в таком положении и оказался, видимо, Арцибушев. По неведомому стечению обстоятельств он остался «один на один со своею совестью» и… прислушался к ее голосу. Вряд ли это было легким решением для Олега Николаевича, старшего офицера ленинградской милиции.

И здесь мы должны согласиться с Юрием Щекочихиным: даже в таких специфических областях, как уголовный розыск или органы государственной безопасности, встречаются

люди, для которых понятие «совесть» не является пустым звуком.

Заседание 20 июля 1988 года

Второй день вернул ситуацию в нормальное правовое русло, не допускающее подобных сбоев. Арцибушев, который накануне начал было говорить, казался в этом заседании если не полностью другим человеком, то, во всяком случае, изменившимся. Всем присутствующим стало очевидно, что накануне вечером с ним «побеседовали». Арцибушев не стал отказываться от своих предыдущих показаний, но перестал отвечать по существу.

Прокурор Якубович тактики своей не изменил – он последовательно и педантично отклонял ходатайства, касавшиеся сотрудников КГБ и истребования материалов проверки. Свое несогласие с просьбой вызвать в суд Архипова и Шлемина прокурор мотивировал тем, что «суд рассматривает исключительно вопрос по обвинению Азадовского по ст. 224».

Выступление «юрисконсульта автоколонны» Е.Э. Каменко, который вел уголовные дела Азадовского и Лепилиной, напоминало скорее «игру в молчанку». Каменко ссылался на давность событий, а на вопросы Азадовского вроде «вы писали в объяснительной записке 1983 года об участии сотрудников КГБ» скупо отвечал: «Раз писал, значит, так и было»; но ничего нового добавить не мог.

Вернувшись к вопросу о появлении наркотиков в квартире Азадовского, прокурор не стал рассматривать версию Арцибушева (о «врагах») и, уж конечно, не вспомнил слова Хлюпина (о сотрудниках КГБ). Для обоснования своей обвинительной тактики он выбрал другого подозреваемого – «гражданку Лепилину, осужденную за хранение наркотиков и признавшую свою вину». Этот демарш прокурора лишь добавил нервозности в обстановку судебного слушания, и без того достаточно накаленную.

Светлана была допрошена в качестве свидетеля. Она подробно рассказала о том, что происходило в день задержания, о тех унижениях, которым была в тот же день подвергнута, и ее показания с предельной ясностью обнажили и циничный расчет, и масштаб провокации, осуществленной против нее и Азадовского. Выступление Светланы стало наиболее заметным событием второго дня. Цитируем по сохранившейся записи:

> Познакомилась с Азадовским в 1975 г. Жили в одном дворе на ул. Желябова. В ноябре 1980 г. в ресторане на банкете я познакомилась с одним человеком. Он назвался испанцем по имени Хасан. Говорил мне, что физик, учится в Ленинградском университете. В ноябре – декабре 1980 г. он несколько раз заходил ко мне на работу; других встреч у нас не было.
>
> 18 декабря он позвонил мне по телефону на работу и сказал, что уезжает, хочет попрощаться. (Утром этого дня я разговаривала с Азадовским по телефону, сказала, что, может быть, зайду к его маме.) Мы условились о встрече. Место встречи назначил он сам: в кафе на ул. Восстания. Около 6 часов вечера мы с ним встретились. Сидели недолго, где-то около получаса, так как у меня болела голова. Хасан сказал, что у него есть хорошее средство от головной боли, называется «горная трава», ее можно употребить в чай или покурить. Мы вышли из кафе, Хасан проводил меня немного по ул. Восстания, простился со мной и ушел. А я пошла домой на ул. Желябова. Шла я через проходной двор дома № 10. Заходить к матери Азадовского я передумала, шла к себе домой через проходной двор. Во дворе стояли четыре человека (трое мужчин и одна женщина), один из мужчин (вот он здесь сейчас находится в суде, его фамилия Арцибушев) подошел ко мне, показал удостоверение и попросил пройти в соседний дом, где находится опорный пункт [народной] дружины, они взяли меня под руки, я возмущалась, пыталась освободиться, и в это время у меня из сумки упали на землю перчатки, книги и пакетик, который дал мне Хасан, – все то, что лежало сверху сумки, сумка была полна вещей. Они бросились поднимать это, говоря, что же это я пытаюсь выбросить. (Впоследствии это было использовано как чуть ли не основная улика против меня.) Меня привели в дружину, первым же делом развернули пакетик, и

один из сотрудников, его фамилия Матняк, сказал, что это анаша. Так я впервые услыхала, чтó было завернуто в этот маленький пакет.

Дружинница стала меня раздевать догола и обыскивать, я ничего не могла поделать, пришлось раздеться, хотя кругом стояли мужчины, но ничего обнаружено не было. Когда я оделась, меня вывели на улицу, там уже стояла наготове черная «Волга». Арцибушев сел спереди, остальные, в том числе и я, сзади. Арцибушев повернулся ко мне и сказал: «Вот и получила три года!»

Меня привезли в 27-е отделение милиции на пер. Крылова. Это было примерно в 7 часов вечера. До 11 часов вечера я сидела в камере и ждала, пока меня вызовут. В 11 часов начался допрос, следователь Замяткина опять зачем-то раздела меня, в комнате находились другие мужчины, мне незнакомые. Во время допроса Замяткина стала спрашивать меня, к кому я шла в доме 10. Кто там живет? Я ответила, что там живет Азадовский, но что заходить к нему в этот вечер я не собиралась. Допрос закончился около 12 часов.

Меня переместили в КПЗ, где я провела двое суток. Затем меня отправили в следственный изолятор. И там сразу же обрили наголо. Мне не хочется об этом говорить подробно, но именно это меня, что называется, совершенно «доконало». Не все ведь знают, что значит войти в тюрьме в женскую камеру наголо обритой. (Бреют тех, у кого вши, и женщина, обритая наголо, вызывает в камере определенное отношение…)

Когда на закрытие дела пришел адвокат Брейман, я, естественно, ухватилась за него, как утопающий хватается за соломинку. Я очень в него поверила, а он, готовя меня к суду, сказал: «Делать нечего, ты должна признать свою вину, Азадовскому все равно ничем не поможешь, дело его ведет КГБ, и его песенка спета». Брейман сказал мне, что если я признаю свою вину, то, может быть, «получу полгода и сохраню квартиру», поэтому я на суде признала свою вину. Мои показания на суде были самооговором, впрочем, в том состоянии, в котором я тогда находилась, я могла признать что угодно и подписать что угодно. Я признала себя виновной под давлением той страшной ситуации, которая вокруг меня была искусственно создана. В тот момент у меня наступило тупое безразличие к происходящему.

Я никогда не употребляла наркотиков, никакого отношения к ним не имела. Пакет у Хасана я взяла как лекарство. Меня осудили абсолютно безвинно. В деле нет ни одного факта, подтверждающего мое отношение к наркотикам…

Азадовский продолжал заявлять ходатайства, касающиеся вызова в суд сотрудников КГБ и истребования материалов проверки. И тогда судья, которому в очередной раз предстояло вынести решение по этому поводу, нашел спасительный выход. Он неожиданно согласился с Азадовским: «Нет никакого сомнения, что сотрудники госбезопасности участвовали в обыске. Да, участвовали, я в Ваших словах не сомневаюсь». Этим он весьма озадачил сторону защиты; Азадовский просто не мог понять, почему это судья так легко с ним согласился. Но Цветкову в сложившейся ситуации было легче признать правоту Азадовского (в которой он, конечно, ничуть и не сомневался), чем бесконечно обсуждать одни и те же ходатайства, в которых упоминалась вся та же организация. «В этом просто нет необходимости», – сказал судья, имея в виду вызов в суд сотрудников КГБ, и посоветовал Азадовскому направить все его претензии по данному поводу в городскую прокуратуру.

Следует также упомянуть, что Азадовский в этот день окончательно изменил свою прежнюю точку зрения, которой придерживался все предыдущие годы, – о том, что наркотик был подброшен ему при обыске. Ведь еще на суде 1981 года он допускал (во всяком случае, сказал это вслух), что наркотик мог быть подброшен не милицией, а в квартиру «попал без его ведома от его знакомых», что отражено в описательной части приговора. Но на суде 1988 года, выслушав Хлюпина, он стал решительно склоняться к версии о том, что наркотик на полке с книгами появился в рамках какой-то более крупной провокации. «Я могу гипотетически допустить, – сказал Азадовский, – что это сделал кто-то из моих знакомых, конечно, не по своей воле, а осуществляя всю эту цепь». Это прозвучало весьма невнятно, да

и сам он в этот момент вряд ли мог объяснить, какую «цепь» он имеет в виду. В конце концов судья огласил решение о переносе судебного заседания на 11 августа.

Реакция зала

Скепсис судьи и прокурора, их откровенные попытки вывести за рамки дела сотрудников КГБ, их предвзятость и тенденциозность носили откровенный, подчас даже вызывающий характер. Становилось очевидным, что если даже суд не признает Азадовского во второй раз виновным по статье 224, то и оправдательного приговора ожидать не приходится. Позиция судьи и прокурора явно сдвигалась в сторону затягивания дела («все-таки попытаться узнать, каким образом наркотик попал в квартиру Азадовского»).

Этот судебный демарш не мог не вызвать тревогу и возмущение как у самих участников процесса, так и у тех, кто сидел в зале. Неудивительно, что сразу же после второго заседания было написано несколько обращений в контролирующие инстанции. Так, 27 июля в отдел юстиции Ленсовета подал свою жалобу Азадовский. Но особенно хочется обратить внимание на коллективное письмо в прокуратуру Ленинграда:

> Мы, нижеподписавшиеся, граждане СССР, присутствовали на слушании дела по обвинению гр. Азадовского К.М. в совершении преступления, предусмотренного ст. 224, ч. 3, УК РСФСР. Дело слушалось в Куйбышевском народном суде 21 июня, 19 и 20 июля с.г.; ближайшее слушание назначено на 11 августа 1988 г.
>
> Нас поразило, что действия государственного обвинителя Якубовича носят антиконституционный характер. Как видно из всего происходящего в суде, на обыске у Азадовского присутствовали двое сотрудников КГБ. Другие сотрудники КГБ были причастны к расследованию дела, которое формально было поручено следователю Каменко.
>
> Азадовский неоднократно заявлял, что все эти факты подтверждаются материалами служебных проверок, которые Азадовский много раз цитировал. Только благодаря этим материалам, как видно, вскрывается истинный характер сфабрикованного против него уголовного дела. Эти материалы уже были приобщены к гражданскому делу по иску Азадовского к Куйбышевскому РУВД и секретными не являются.
>
> Вопреки очевидности, прокурор Якубович систематически, целенаправленно выводит из дела все, что имеет отношение к материалам проверки. Протестует против истребования этих материалов, искажая тем самым всю общую картину уголовного дела. Неужели в нашей стране есть организация или отдельные граждане, которые не могут быть вызваны в суд? Неужели Закон не обязателен для всех? Тем более что Президиум Ленгорсуда, отменив приговор, предложил суду при рассмотрении дела установить и допросить всех лиц, присутствовавших при обыске. Нас чрезвычайно встревожило все, что мы видели и слышали во время суда.
>
> В эпоху демократизации и реформы правоохранительных органов в нашем обществе такие тенденции, на наш взгляд, совершенно недопустимы. Почему суд вызвал всех участников обыска кроме сотрудников КГБ, которые, как мы поняли, были на обыске главными лицами?

Заседание 11 августа 1988 года

За три недели между заседаниями произошло несколько важных событий. Главное из них – письмо на имя председателя Куйбышевского народного суда Р.К. Клишиной, поступившее 1 августа 1988 года из прокуратуры Ленинграда. Появление этой бумаги имеет свою предысторию, заслуживающую нашего внимания.

Еще в распорядительном заседании 21 июня Азадовский понял, что ни прокурор, ни

судья и слышать не хотят про аббревиатуру из трех букв, и решил действовать привычным для него способом – писать. 14 июля он подал в приемную прокуратуры г. Ленинграда заявление, адресованное «прокурору по надзору за действиями органов КГБ», в котором просил «немедленно вмешаться, установить местонахождение названных сотрудников КГБ и принять меры к тому, чтобы обеспечить их явку в Куйбышевский народный суд 19 июля».

И хотя формально в прокуратуре Ленинграда не существовало такой должности, как ее указал Азадовский, прокурор И.В. Катукова, руководившая в те годы Отделом по надзору за следствием в органах госбезопасности (в 1989 году он будет переименован в Отдел по надзору за исполнением законов о государственной безопасности), приняла, как ни удивительно, меры по его заявлению.

Прокурор Инесса Васильевна Катукова получила публичную известность после событий начала семидесятых годов. В 1970-м она помогала прокурору Ленинграда С.Е. Соловьеву, который был назначен государственным обвинителем в нашумевшем «самолетном деле», в 1971 году уже сама представляла в Ленгорсуде обвинение на «околосамолетном» деле (по обвинению группы граждан, получивших отказ на выезд в Израиль, в создании в Ленинграде сионистской антисоветской организации), в 1975-м представляла государственное обвинение на процессе Владимира Марамзина. Ее перу принадлежит ряд пособий по борьбе с идеологическими диверсиями.

Однако именно тот факт, что сама И.В. Катукова, долгие годы руководившая надзором за следствием в УКГБ ЛО и хорошо известная в этом качестве «всему Ленинграду», вхожая во все без исключения кабинеты Большого дома, отправила председателю Куйбышевского суда Р.К. Клишиной предписание, оказался явной неожиданностью.

Вот что «предписала» Инесса Васильевна Раисе Корнеевне:

> …Направляю вам для рассмотрения по существу заявление гр. Азадовского К.М. [от 14 июля 1988] о принятии мер к вызову в Народный суд и допросе в качестве свидетелей сотрудников Управления КГБ СССР по Ленинградской области.

Неизвестно, что двигало прокурором Катуковой: уверенность ли в том, что даже попытка вызова сотрудников КГБ в суд не принесет результатов, или же какие-то иные обстоятельства, связанные с процессом демократизации общества (те же самые, что позволили заместителю Генерального прокурора СССР опротестовать приговор по делу Азадовского), – в любом случае видно, что новые веяния, еще не затронувшие деятельность районных судов, уже витали на городском уровне.

1 августа 1988 года, получив, видимо, от председателя суда соответствующее указание, народный судья Н.А. Цветков направляет начальнику УКГБ по Ленинградской области генерал-майору В.М. Прилукову письмо, формулируя свою просьбу в довольно ультимативной форме:

> В связи с рассмотрением уголовного дела № 1–460 по обвинению Азадовского К.М. прошу срочно сообщить:
>
> С какой целью сотрудники УКГБ Архипов и Шлемин находились в квартире Азадовского 19.12.80 г. и где они находятся в настоящее время? Прошу обеспечить их явку в суд в качестве свидетелей на 11.08.88 г. к 11.00.

Ответ не заставил себя долго ждать, и заседание 11 августа началось с того, что судья Цветков огласил письмо, полученное им 8 августа из отдела кадров Большого дома:

> Сотрудники Управления КГБ СССР по Ленинградской области Архипов В.И. и Шлемин В.В. 19.12.80 г. находились в квартире Азадовского во время производства у него сотрудниками ГУВД Леноблгорисполкомов обыска по уголовному делу.

О производстве обыска на квартире Азадовского в Управление КГБ сообщил начальник 15 отделения УУР ГУВД т. Бадаев Ю.М. и просил на основании имеющегося у него заявления направить сотрудников для оценки материалов, относящихся к компетенции органов КГБ, в случае их обнаружения в ходе обыска.

В настоящее время тт. Архипов В.И. и Шлемин В.В. находятся в очередных отпусках вне пределов Ленинграда, в связи с чем обеспечить их явку в суд в качестве свидетелей 11.08.88 не представляется возможным.

Далее судья зачитал ответ из управления кадров ГУВД относительно милиционера Быстрова, толкнувшего Азадовского в ходе обыска и внесенного по его требованию в протокол:

На ваш запрос сообщаем, что по данным управления кадров ГУВД Ленгорисполкома Быстров Виктор Иванович на 19 декабря 1980 года не служил и в настоящее время не служит.

На этой интригующей ноте был объявлен перерыв до следующего утра.

Заседание 12 августа 1988 года

В этот день суд задавал свидетелям последние вопросы, причем Арцибушев повторил – после допроса Хлюпина – свой основной тезис:

Я согласен с мнением Хлюпина, что наркотик обнаружен в нехарактерном месте, наркоман не станет хранить его там, где он обнаружен. Из этого можно сделать вывод, что у него есть враги, или кто-то из знакомых там был, которые подложили ему наркотик.

Затем начались судебные прения, то есть речи участников процесса – прокурора, адвоката, обвиняемого. Прокурор выступил кратко, но его выступление ошеломило зал: он ходатайствовал о направлении уголовного дела на дополнительное расследование. До последнего момента оставалась надежда, что прокурор попросит оправдать Азадовского – ведь доказательства его вины были явно несостоятельны. Но он не сделал этого. Более того, он повторил свой тезис о том, что раз следствием все-таки доказано, что в тот момент Лепилина жила в квартире Азадовского, а она осуждена по той же статье и свою вину признала, то необходимо, в частности, проверить, не принадлежал ли и этот наркотик Лепилиной…

Выступление адвоката Смирновой было ярким и наверняка запомнилось всем, кто сидел в тот день в зале. Оно было продолжительным, и мы не будем воспроизводить его целиком, потому как жанр судебных речей – отдельная область литературы, а многочисленные нарушения и подтасовка доказательств в деле Азадовского нам уже известны. Однако приведем фрагмент, по которому можно видеть и оценить энергичную и бескомпромиссную манеру этого адвоката:

Уважаемые товарищи судьи! Каков бы ни был стаж работы судебного работника, сколько бы ему дел ни приходилось за свою жизнь рассматривать, каждое дело индивидуально по своим особенностям, и, перефразируя слова великого русского писателя, можно сказать, что каждый обвиняемый и подсудимый несчастны по-своему. Именно поэтому, основываясь на особенностях настоящего, данного дела, я позволю себе категорически возразить против того ходатайства, которое сейчас было заявлено представителем государственного обвинения. Надо сказать, что такое ходатайство лично у меня не могло не вызвать ничего другого, кроме чувства горестного изумления. Действительно, весь этот процесс мы слышали совершенно четко и определенно проводимую позицию

представителя государственного обвинения, по которому целый ряд ходатайств моего подзащитного был отклонен, а эти ходатайства были заявлены именно для того, чтобы установить причастность других лиц к фальсификации, по словам моего подзащитного, данного доказательства. Позиция представителя государственного обвинения постоянно и совершенно, так сказать, четко сводилась к тому, что мы решаем сейчас вопрос исключительно о виновности или невиновности Азадовского и всех обстоятельствах, которые могут свидетельствовать о производстве обыска другими лицами. Другие обстоятельства, связанные с делом, во всяком случае все, что касается причастности органов Комитета госбезопасности, так или иначе, по заключению прокурора, к данному делу отношения не имеют. Надо сказать, что чувство горестного изумления у меня это вызвало прежде всего потому, что мы здесь несколько дней, в условиях полной гласности и демократии, с учетом, так сказать, лучших требований перестройки, с учетом лучших требований и стремлений установить у нас действительно правовое государство, исследовали обстоятельства дела. Здесь у нас в судебном заседании без всякого ограничения, как по количеству, так, да простят меня присутствующие, и по качеству, находились любые лица, которые проявляли интерес к рассмотрению данного дела, которые имели возможность не только вести записи процесса путем применения и звукозаписывающей, и видеозаписывающей техники, и вот все эти условия гласности и демократии оканчиваются на сегодняшний день ходатайством, заявленным в лучших традициях периода застоя. Потому что и в период застоя, товарищи судьи, не каждое дело, попадающее на стол суда, оканчивалось обвинительным приговором. Но вот единицы и по городу, и по РСФСР, и по Советскому Союзу, я не делаю из этого, так сказать, никаких открытий, это все равно стало предметом гласности в печати, единицы дел оканчивались оправдательным приговором. А сплошь и рядом тогда, когда по делу не было доказательств вины и нужно было выносить оправдательный приговор, дело направлялось для производства дополнительного расследования, для того, чтобы уже не в условиях гласности, не в условиях открытости судебного заседания, а в условиях безгласности это дело бы прекращалось. Потому что я не сомневаюсь, товарищи судьи, что результат, если вы согласитесь с позицией государственного обвинения, направления такого дела на доследование не может быть не чем иным, кроме как прекращением дела…

На сегодняшний день ни для кого не является секретом, что отмена этого приговора была вызвана не тем, что какие-то органы проверяли полностью или частично деятельность и качество или некачество вынесения приговора Куйбышевского районного нарсуда г. Ленинграда, что повторное рассмотрение дела вызвано не тем, что в органах прокуратуры Союза каким-то образом полностью или частично обобщались дела, связанные с хранением или вообще относящиеся к преступлениям, связанным с наркоманией. Нет, результатом сегодняшнего рассмотрения дела является многочисленные жалобы Азадовского. Я повторяю, что прошло уже шесть лет с того момента, как Азадовский полностью отбыл наказание. Если бы мы сейчас с вами не сидели в этом процессе, даже та судимость, которую он получил, была бы у него на сегодняшний день, с точки зрения закона, погашена. Он уже считался бы не судимым. Так что заставило Азадовского все эти шесть лет, перенесшего уже и позор и унижение этого обыска, и стресс, когда человек, занимающий ответственное положение и никогда, так сказать, не попадавший в орбиту хотя бы каких-то административных правонарушений, с момента обыска оказался заключенным в следственный изолятор, надежды и отчаяния, связанные с вынесением приговора, суровые условия, невыносимо суровые условия полугодового этапа следования из Ленинграда в Магадан через всю страну? Что же его заставило вновь здесь переживать все эти перипетии? Товарищи судьи, это может быть только одно: это жажда справедливости. Это стремление обелить себя как невиновного в глазах не только своих близких и родственников, что вообще нормально и естественно для любого человека, но в данном случае, пожалуй, и в глазах мировой общественности, потому что личность Азадовского, занимающегося и

литературоведением, и переводом, известна далеко за пределами нашего Советского Союза. Так именно цель оправдать себя, реабилитировать привела его сегодня здесь на скамью подсудимых и заставляет его по второму разу все это переживать. Достаточно ли у вас сейчас доказательств и обстоятельств для того, чтобы вынести Азадовскому оправдательный приговор? Я считаю, что этих доказательств, этих обстоятельств вполне, и даже слишком, более чем достаточно.

Речь ее, продолжавшаяся более получаса, произвела сильное впечатление на зал. Расшифровка магнитофонной записи позволяет нам узнать о реакции присутствующих, разразившихся продолжительными аплодисментами. Что вызвало, в свой черед, реакцию государственного обвинителя, пытавшегося прервать овацию выкриком: «Я еще раз повторяю, это не цирк и здесь не клоуны!»

По окончании судебных прений прозвучало последнее слово подсудимого:

В течение всего процесса я постоянно говорил о подлоге и фальсификациях, о совершенном против меня и моей жены уголовном преступлении. Все, о чем я говорил с самого начала, нашло полное подтверждение в ходе слушания дела. Все основополагающие материалы дела: постановление на обыск, протокол обыска, заключение экспертизы, служебная характеристика и другие материалы – фальсифицированы.

Теперь совершенно ясно, что суд 1981 года, вынесший мне обвинительный приговор, отнюдь не стремился к выяснению объективной истины. Выявленные Прокуратурой СССР односторонность и неполнота судебного расследования в 1981 году не были, однако, результатом частных ошибок или заблуждений суда. Судья Луковников выполнял возложенное на него ленинградскими органами задание: любой ценой – вопреки очевидности – осудить меня на двухлетний срок. Осудить заведомо невиновного человека!

В деле есть еще одна фальсификация, которую и нынешний суд, к сожалению, предпочел игнорировать. Это – фальсификация, которая придает всему делу беспрецедентный характер. Я имею в виду уголовное дело Лепилиной. Не подлежит сомнению, что мое уголовное дело и дело Лепилиной – это одно дело. И начиналось дело, естественно, как совместное. Однако в конце января 1981 года дела были намеренно разведены с целью разобщить материалы, неразрывно связанные своим содержанием, исказить, затемнить существо дела, а также приуменьшить масштаб затеянной провокации. Надо быть слепым, чтобы этого не видеть!

Не могу согласиться с позицией, занятой по этому поводу судом летом 1988 года. Суд не желает видеть, что в деле Лепилиной содержатся материалы, имеющие непосредственное отношение не к Лепилиной, а к Азадовскому. Суд не желает видеть, что фраза об «отсутствии преступного сговора между мной и Лепилиной» абсолютно нелепа, абсурдна. Подход к единому уголовному делу как к двум различным делам предопределил, на мой взгляд, ту явную тенденциозность и неполноту, которыми и на этот раз отличалось слушание дела.

Тенденциозность проявилась прежде всего в намерении вывести из дела сотрудников КГБ. Суд то принимал решение о вызове в суд Архипова и Шлемина, то отклонял мои ходатайства по этому поводу, мотивируя это тем, что сотрудники КГБ якобы «не имеют отношения к формуле предъявленного мне обвинения». Между тем из материалов дела явствует, что именно сотрудники КГБ, скорей всего, подбросили мне наркотики. На это непосредственно указывают показания Хлюпина. Таким образом, я не могу считать, что судебное следствие было проведено с надлежащей полнотой. Истинные виновники всего случившегося были намеренно удалены из дела.

Материалы, добытые в настоящем процессе, окончательно убеждают в том, что все основные действия по моему делу и делу Лепилиной производились сотрудниками КГБ. Они изымали у меня в ходе обыска книги и фотографии, которые даже с позиций 1980 года нельзя было признать антисоветскими. Они

сфабриковали заключение экспертизы. С их участием изготавливалась характеристика. По их указанию я был отправлен в Магаданскую область. Сотрудники ленинградского УКГБ прекрасно сознавали, что их действия носят противозаконный характер. Иначе зачем приходить ко мне на обыск под чужими фамилиями? Зачем удалять название своей организации с заключения экспертизы? Зачем ссылаться на мнимый рапорт, якобы поступивший в УКГБ от начальника 15-го отделения ГУВД?

Для того, чтобы «посадить» меня, организаторы моего уголовного дела не пощадили другого, ни в чем не повинного человека – С.И. Лепилину. Ее использовали как предмет, как неодушевленную вещь; использовали лишь для того, чтобы создать повод для производства обыска в моей квартире.

Я не знаю, в какой мере сотрудники КГБ и МВД действовали самостоятельно или выполняли распоряжение партийного руководства г. Ленинграда. Ясно одно: дело против меня и моей жены было сфабриковано ленинградскими органами власти в предыдущий период. Дело вышестоящих органов – разобраться и привлечь виновных к ответственности.

В связи с вышеизложенным прошу суд:

1. Вынести мне оправдательный приговор, поскольку никакого преступления я не совершал.

2. Направить представление по поводу дела Лепилиной в вышестоящие судебные инстанции, поскольку материалы обоих уголовных дел, соединенные вместе, свидетельствуют о ее полной невиновности.

3. Вынести частное определение о нарушении закона сотрудниками милиции УУР ГУВД и Куйбышевского РУВД при производстве следственных действий. Поскольку в судебном заседании выяснилось, что к делу причастны высокопоставленные сотрудники ленинградской милиции, направить копию в Министерство внутренних дел СССР.

4. Вынести частное определение о нарушении закона сотрудниками УКГБ по Ленинградской области. Направить его непосредственно в КГБ СССР для проверки тех обстоятельств, которые не были проверены в Куйбышевском районном суде.

Суд удалился для вынесения решения. Юрий Щекочихин, присутствовавший в зале суда, описал дальнейшее:

…И вот тянутся, тянутся томительные часы ожидания. Давно опустело здание суда, заперты двери, уборщица прошла с пустым ведром (какая-то примета, кажется, плохая?), и только мы заполняем коридор, лестницы, застывший в ожидании зал суда. И – телефонные звонки из-за дверей совещательной комнаты.

Привык ли я к таким ожиданиям? Привык, привык… И – понимаю, и готов понимать. И – не готов.

И, наконец, по лестнице, по коридору: «Идут, идут…» Суд идет…

По коридору, не глядя по сторонам, идет, переваливаясь с боку на бок, прокурор Якубович…

Чтение определения суда занимает минуты две, не больше: «Без проверки возможности появления наркотических веществ в квартире Азадовского с помощью других лиц нельзя сделать вывод о виновности или невиновности Азадовского по предъявленным ему обвинениям…»

Дело направляется на доследование, чтобы потом (тихо, без шума, в тиши кабинетов) закрыть его. В этом никто из присутствующих и не сомневался.

Гул в зале… Судья быстро исчезает в совещательной комнате…

О чем я тогда подумал? Да вот о чем. Что за срок – восемь лет! Еще в полном расцвете сил и здоровья находятся те, кто начал фабриковать дело Азадовского, да и таблички на многих кабинетах – те же самые. А те, кто даже ушел на пенсию, тоже вряд ли сменили свой привычный образ жизни…

Ну, а что было потом, после судебного заседания?

Помню, поздно вечером после суда я сидел дома у Константина и Светланы, дожидаясь, когда наступит мой час отправляться в аэропорт. Светлана плакала. Я,

как мог, утешал ее…

Послевкусие

Конечно, Азадовские и их друзья были глубоко разочарованы. Достаточно много сил, физических и душевных, отняли у них эти месяцы. Жизнь, закалявшая их в последние годы, подготовила их и к любому исходу; впрочем, в этот раз никто не посягал на их свободу. Однако надежда на справедливость, не покидавшая Азадовского в течение всех последних недель, оказалась иллюзией.

Надо было продолжать действовать. 15 августа, через три дня после окончания суда, он дает телеграмму на имя Генерального секретаря ЦК КПСС Горбачева, в которой просит срочно вмешаться и «прекратить беззаконие». А 22 августа им была подана мотивированная жалоба в Президиум Ленгорсуда, которая заканчивалась словами:

> Не желая видеть, что все материалы дела говорят о моей полной невиновности, суд трусливо уклонился от вынесения мне оправдательного приговора. Суд отказался дать оценку заведомо неправомерным действиям сотрудников КГБ, поставил их вне Закона. Считаю такую позицию суда антиконституционной.

Но наиболее важной по своим последствиям оказалась его мотивированная жалоба на имя В.М. Чебрикова, председателя КГБ СССР и члена Политбюро, отправленная 15 августа. В этой жалобе Азадовский писал:

> Несмотря на всю очевидность добытых судом доказательств, суд трусливо уклонился от принятия решения. Вместо того чтобы оправдать меня, поручил отправить дело на доследование и обязать следственные органы выявить лиц, которые, якобы относясь ко мне враждебно, могли подложить мне наркотики. Для какой же цели предпринимается теперь, спустя восемь лет, попытка найти «предполагаемых преступников»? Для того, чтобы вывести из дела реальных виновников, ваших подчиненных, которые незаконно явились ко мне на обыск…

Вероятно, именно после этого письма московское начальство «зашевелилось» и начало собственную проверку. И, видимо, именно тогда руководством КГБ было принято решение – признать ошибку. Частную, локальную, не слишком затрагивающую авторитет организации, но тем не менее ошибку, позволяющую ставить под сомнение всю процессуальную сторону уголовного дела. Такое было возможно только в эпоху перестройки и гласности.

И уже 29 сентября Азадовский получает сообщение из Следственного отдела КГБ СССР, которое подписал «сотрудник КГБ СССР В.П. Попов»:

> Установлен факт неправомерного участия двух сотрудников УКГБ СССР по Ленинградской области в проведении органами милиции 19 декабря 1980 года обыска у вас в квартире. В связи с этим по изложенным вами в жалобе фактам проводится служебное расследование, о результатах которого вам будет сообщено дополнительно.

Этот документ можно было рассматривать как победу. Официальное признание «неправомерных» действий со стороны сотрудников КГБ свидетельствовало о серьезности перемен в стенах Лубянки и Большого дома. Никогда и ни при каких обстоятельствах эта невидимая и непогрешимая организация не признавала своих ошибок (разве что ритуально, при смене очередного политического курса).

Лаконичность подписи – «сотрудник» – не вызывала в тот момент ненужных вопросов. Однако сейчас мы имеем возможность сообщить о нем основные сведения. Это был старший

следователь по особо важным делам Следственного отдела КГБ СССР, майор госбезопасности Владимир Павлович Попов. Ранее он работал следователем в УКГБ по Москве и области, вел политические дела диссидентов: В.Л. Гершуни, В.А. Сендерова и др., а напоследок – дело своего однофамильца Кирилла Николаевича Попова, сотрудника Института химической физики АН СССР, арестованного 19 июня 1985 года, осужденного 18 апреля 1986 года по 70-й статье и отправленного на знаменитую пермскую 36-ю зону. Словом, это был весьма квалифицированный «сотрудник», которому после отмены политических статей было, значит, поручено расследовать промахи своих коллег.

В ответ на это сообщение В.П. Попова Азадовский отправил в Следственный отдел КГБ СССР уже более подробное заявление, где он перечислял подвиги ленинградских чекистов, не упомянутых в первоначальном заявлении:

> В ходе предварительного следствия Безверхов и Кузнецов «курировали» следователя Куйбышевского РУВД Каменко, которому – чисто формально – было поручено ведение обоих уголовных дел. Фактически же все следственные действия направляли именно Кузнецов и Безверхов. В июле с.г. (1988), будучи допрошенным в судебном заседании, Каменко публично признал, что по данному уголовному делу у него были постоянные контакты с сотрудниками КГБ. 24 ноября 1983 г. Каменко письменно показал начальнику следственного отдела ГУВД ЛО Петрову, что в ходе следствия один из сотрудников КГБ привозил ему изъятые у меня при обыске фотографии и при этом утверждал, что «эти фотографии Азадовский получил незаконно, в антисоветских целях переправки за границу»… и т. д.

В своих жалобах на решение Куйбышевского суда Азадовский был далеко не одинок. Пишущая братия, все лето наблюдавшая «торжество справедливости», совершенно не была готова проглотить такой приговор. И если даже после событий 1981 года нашлись те, кто не побоялся вступиться за Азадовских, то в 1988 году число таковых значительно возросло. Трудно сказать, сколько было тогда в действительности направлено писем и по каким адресам, ибо даже в нашем распоряжении имеется целая стопка обращений в различные инстанции – от Ленинградского обкома до ЦК КПСС. Остановимся на нескольких.

14 августа филолог и переводчик с английского Азалия Александровна Ставиская (1927–2014) отправила письмо первому секретарю Ленинградского обкома Ю.Ф. Соловьеву; оно заканчивалось словами:

> У меня, зрителя, сложилось впечатление, что суд с самого начала решил любой ценой оставить в тени главных организаторов дела 1980 года, хотя показания бывших свидетелей обвинения были полны противоречий, несуразностей и откровенной лжи, в чем они были уличены в ходе судебного разбирательства. Кроме того, суд выявил огромное количество процессуальных нарушений, допущенных восемь лет назад. Однако все эти факты суд игнорировал и без всяких оснований, отказавшись от вынесения оправдательного приговора, отправил дело на доследование – хотя всем очевидно, что через восемь лет никаких новых обстоятельств следствие выявить не может.
>
> У присутствовавших было чувство, что суд этот происходит не в 1988 году, в эпоху гласности, когда мы пытаемся создать правовое государство, а в самый мрачный период застоя, когда сплошь и рядом попиралось правосудие. Трудно доверять такому суду – он не оставляет надежды на восстановление справедливости. Я считаю своим долгом довести это до сведения партийного руководства города.

Театроведы Нелли Бродская и Татьяна Хаджинова направили большое и достаточно любопытное письмо Генеральному прокурору СССР А.Я. Сухареву. Цитируем его фрагмент:

> …Мы не знаем, как слушалось дело в 1981 году, но результат процесса 1988

года у всех присутствующих, а в зале ежедневно было от 50 до 80 человек, вызвал реакцию от негодующего возмущения до полного отчаяния. Трудно переоценить «урок», который прокурор Якубович и судья Цветков – эти стражи закона – преподали не только К.М. Азадовскому, на протяжении 8 лет безуспешно добивающемуся восстановления своего честного имени, но всем нам. Процесс по делу Азадовского стал поистине наглядным открытым уроком бессмысленности для всех тех, кто желает установить истину с помощью закона и услышать в зале советского суда аргументированное справедливое решение…

…Почему ничего не значащим оказался для суда сам Азадовский, живой конкретный человек, а в данном случае – значительная талантливая личность, подлинный человек науки, литературовед, переводчик, член Союза писателей СССР, являющийся для всех, кто знаком с ним и его трудами, образцом морально-нравственной и профессиональной честности!?

Чем бы ни объяснять решение прокурора Якубовича и судьи Цветкова – профессиональной некомпетентностью, служебной зависимостью, формализмом, доходящим до цинизма (нельзя же не почувствовать, что для Азадовского крушение карьеры, здоровья, жизни, клеймо уголовника – это трагедия и боль), нам кажется, что люди эти не соответствуют занимаемым должностям.

Когда на неосторожный вздох или шорох в зале прокурор реагирует восклицанием: «Здесь не цирк, и мы не клоуны», становится понятно, что такая нездоровая подозрительность – не лучшая гарантия в деле правосудия, тем более что в данном случае зал был наполнен не уличной шпаной, а писателями, журналистами, искусствоведами, кандидатами и докторами наук.

И вот, когда, оставив за пределами решения суда все вскрытые по делу факты, прокурор и судья вышли из здания суда, дружески беседуя, обгоняя подавленных и даже плачущих людей, ожидавших от них внимания, добросовестности, справедливости, нам подумалось: «А действительно, не цирк ли это, и не выступали ли мы все в роли клоунов, чтобы кто-то еще раз посмеялся над идеей правового государства, гарантией прав человека и его достоинства».

Особенно же хочется сказать о том, что процесс возмутил не только знакомых и друзей Азадовского; даже коллеги Якубовича были поражены ходом и результатом судебного разбирательства. Об этом свидетельствует заявление Галины Иосифовны Шифриной (1941–2002) на имя Генерального прокурора СССР А.Я. Сухарева. Оно кажется нам особенно важным как в контексте данного судебного процесса, так и в качестве взгляда профессионального советского юриста, многолетнего работника прокуратуры, на уголовное дело Азадовского:

Я, Шифрина Г.И., с 1958 г. работала в правоохранительных органах: секретарем суда, секретарем судебного заседания, с 1966 г. пом. прокурора в Вологодской обл., с 1969 г. по 1978 г. пом. прокурора Кировского и Петроградского районов Ленинграда.

Мое обращение к Вам вызвано тем, что мне как юристу стыдно за то беззаконие, которое имеет место в Ленинграде в отношении Азадовского К.М. с 1980 г. по сей день. Не буду занимать Ваше внимание фабулой дела, так как она Вам известна. Одиозность происходившего и происходящего очевидна любому объективному человеку хотя бы исходя из следующего.

На обыске у Азадовского, кроме работников уголовного розыска и понятых, присутствовали и принимали в нем активное участие три человека, фамилии которых в протоколе обыска не указаны, подписи их также отсутствуют, чем безусловно нарушена ст. 141 УПК РСФСР.

Более того, в процессе обыска один инкогнито толкнул Азадовского и по требованию последнего предъявил ему документ на имя сотрудника милиции Быстрова, что было занесено в протокол. Как видно из справки, представленной в Куйбышевский районный народный суд Ленинграда отделом кадров УВД ЛО, человек с такой фамилией в 1980 г. в органах МВД Ленинграда не работал.

Понятые, присутствовавшие при производстве обыска, момент обнаружения пакетика с анашой не видели, что лица, подписавшие протокол обыска, признают и скромно именуют своей ошибкой.

Вот так выглядит не основное, а единственное «доказательство» по делу, которое в силу ст. 87 УПК РСФСР доказательством являться не может.

Несмотря на это, в отношении Азадовского, доцента, не судимого, имеющего постоянное место работы и жительства, избирается мера пресечения – содержание под стражей, а затем определяется мера наказания почти максимальная, предусмотренная санкцией ч. 3 ст. 224 УК РСФСР, – 2 года лишения свободы (Азадовскому вменялось незаконное приобретение и хранение 5 граммов анаши).

Уголовное дело в отношении Азадовского возбуждается через 1 месяц и 8 дней после начала производства следственных действий. За это время в отношении него без возбуждения уголовного дела, то есть в нарушение ст. 129 УПК РСФСР, избирается мера пресечения, ему предъявляется обвинение, проводятся иные следственные действия.

Такое вопиющее пренебрежение законом возможно лишь в случае абсолютной уверенности в безнаказанности. И в самом деле, надзирающий прокурор не замечает столь очевидных нарушений и направляет дело с обвинительным заключением в Куйбышевский районный народный суд Ленинграда.

Обстановка в народном суде была такова, что с первой минуты стало ясно: и здесь закон соблюдать никто не собирается. Коридоры были забиты работниками милиции в штатском и народными дружинниками, как будто речь шла не о преступлении, даже не являющемся тяжким в силу ст. 7–1 УК РСФСР, а об убийстве при отягчающих обстоятельствах, совершенном особо опасным рецидивистом. Такая бдительность казалась тем более странной, что пришли послушать судебное разбирательство друзья и коллеги Азадовского, то есть в основном писатели, переводчики, редакторы и т. д., так что кого и от кого столь тщательно охраняли, осталось загадкой.

К тому же, увы, эти люди в зал судебного заседания попасть не смогли, так как почти все места оказались заняты заранее привезенными слушателями средней школы МВД, чем сразу была нарушена ст. 18 УПК РСФСР.

Поскольку для Азадовского существует индивидуальное законодательство, он со сроком 2 года лишения свободы ИТК общего режима был этапирован в Магаданскую область.

С 1980 г., со дня ареста, и в особенности после освобождения, Азадовский систематически направлял заявления в правоохранительные органы, надеясь, что когда-нибудь справедливость восторжествует. В апреле 1988 г. Вами внесен протест в Президиум Ленгорсуда, который удовлетворен, и дело направлено на новое судебное разбирательство в тот же Куйбышевский райнарсуд Ленинграда. Слушание состоялось в июне – августе этого года.

Основная мысль протеста и постановления Президиума – установить и допросить всех лиц, присутствовавших при производстве обыска у Азадовского. Выполнить это указание Президиума не составляло труда, так как в прокуратуре Куйбышевского района Ленинграда имеется материал проверки, из которого видно, что по крайней мере двое из этих лиц являются сотрудниками КГБ, известны и их фамилии.

Азадовский неоднократно в судебном заседании заявлял ходатайства об истребовании материала проверки, но все они были отклонены, хотя изучение этого материала чрезвычайно важно и для того, чтобы понять, каким образом вообще возникло уголовное дело против Азадовского.

Упорство суда и государственного обвинителя в этом вопросе не понятно, так как, во-первых, содержание материалов проверки не является секретом для Азадовского и общественности, так как он (материал) был в свое время приобщен к гражданскому делу по иску Азадовского к Куйбышевскому РУВД.

Несмотря на это, суд предпочел опираться на показания оперативных работников Арцибушева и Хлюпина, которым доверять нельзя, поскольку они оба

после такого количества допущенных нарушений заинтересованы в исходе дела, что сами в судебном заседании и продемонстрировали, говоря правду только тогда, когда их припирали к стенке.

Тем не менее в ходе судебного разбирательства со всей очевидностью установлено, что никаких доказательств виновности Азадовского в материалах дела нет. Казалось бы, и результат должен быть только один: оправдательный приговор.

Вопреки здравому смыслу и профессиональной порядочности суд 12.08.1988 г. по ходатайству государственного обвинителя вынес определение о направлении дела для производства дополнительного расследования, предлагая установить, кто из знакомых Азадовского подбросил ему наркотики.

Это определение лишено всякого здравого смысла, так как человеку с высшим юридическим образованием и опытом практической работы должно быть ясно, что если такой факт и имел место, то только с ведома и одобрения работников милиции или КГБ, так как за ним последовал обыск и «обнаружение» маленького пакетика в многотомной библиотеке.

Тем более что в ходе повторного судебного разбирательства бесспорно установлено следующее: оперативная группа для производства обыска у Азадовского формировалась до того, как были получены показания, послужившие формальным основанием для обыска.

Еще раз повторяю, что мне, юристу, бывшему прокурорскому работнику, стыдно за моих коллег.

Очень прошу Вас принять меры к тому, чтобы в Ленинграде юстиция начала возвращаться к своему первоначальному назначению – справедливости.

Также было отправлено несколько коллективных писем и телеграмм. Прежде всего – телеграмма ленинградских писателей и ученых Генеральному прокурору СССР, которую подписали: академик Д.С. Лихачев, писатели А. Арьев, Я. Гордин, А. Нинов, филологи и историки А.А. Долинин, Ю.А. Клейнер, А.В. Лавров, М.А. Турьян, Т.В. Черниговская «и др.». Они сообщали о событиях в Куйбышевском райсуде и завершали словами:

Ход процесса убедил нас в том, что искать правовой защиты в органах ленинградской прокуратуры бесполезно. Ввиду ограниченности сроков принесения кассационного протеста убедительно просим Вас срочно разобраться в правильности определений и принять меры к принесению кассационного протеста.

Эта важная тема – о специфике Ленинграда – неоднократно затрагивалась и в жалобах самого Азадовского. Однако то, как она была отражена в другом коллективном письме, которое подписали Я. Гордин, Н. Катерли, В. Мусаханов, Б. Стругацкий и М. Чулаки, казалось в 1988 году неслыханной смелостью. Подписанты увидели в этом уголовном деле еще один подводный камень.

В редакцию «Литературной газеты»

Некогда Герцен составил знаменитый мартиролог, показав, как российское правительство и общество последовательно расправлялось со своей интеллигенцией.

Наблюдая судьбу ленинградской интеллигенции последних десятилетий, тоже хочется обнародовать хотя и менее трагический, но очень невеселый перечень. Речь не идет, естественно, о кровавых расправах сталинских времен или терроре первых послереволюционных лет. Речь идет о шестидесятых – восьмидесятых годах.

В 1964 году, на исходе «оттепели», наш город прославился на весь мир позорным «делом Бродского»: талантливого поэта и переводчика, будущего Нобелевского лауреата, несмотря на протесты Ахматовой, Маршака, Чуковского, Шостаковича и многих других деятелей культуры, осудили и отправили в ссылку как тунеядца.

Это в нашем городе много лет не могли найти себе работу такие режиссеры, как Гета Яновская и Кама Гинкас, ныне успешно работающие в Москве.

Случайно ли «эмигрировали» в Москву А. Райкин и С. Юрский?

Случайно ли стали москвичами А. Битов, А. Гельман, А. Галин и многие другие литераторы?

Случайно ли не задержался в Ленинграде М. Жванецкий?

Случайно ли по сию пору подвергается оскорбительным нападкам в ленинградской печати академик Лихачев? (См. Ленинградскую правду от 6 марта 1988 года, где развязный журналист поучает выдающегося ученого и общественного деятеля, по каким вопросам ему можно высказываться, а по каким нельзя.)

Случайно ли в Ленинграде родилось и широко пропагандировалось письмо Нины Андреевой, столь же антиперестроечное, сколь и антиинтеллигентское?

Случайно ли в издательстве Ленинградского обкома КПСС вышла массовым тиражом в 1986 году расистская книга А. Романенко [«О классовой сущности сионизма»]?

Случайно ли в Румянцевском саду Ленинграда летом сего года полтора месяца проходили, охраняемые милицией, митинги «Памяти», распространялись списки членов творческих союзов – «сионистов» или «продавшихся сионистам»?

Случайно ли в Ленинграде был запрещен организованный интеллигенцией и назначенный на 28 августа митинг в защиту интернационализма и национального взаимоуважения?

В эту стройную систему органично вошло в 1980 году и вопиющее «дело Азадовского», литератора и ученого с европейским именем, которому подбросили при незаконном обыске наркотик и лишь на этом основании осудили на два года, которые ему пришлось отбывать на Колыме.

После того как весной этого года Генеральный прокурор Сухарев опротестовал обвинительный приговор восемьдесят первого года, а Президиум Ленинградского городского суда этот протест удовлетворил, в Куйбышевском районном суде и июне – августе состоялся пятидневный пересмотр дела. При новом слушании дела была полностью выявлена фальсифицированность обвинения, грубейшие нарушения законности в ходе следствия и судебного разбирательства в 1981 году, грязная подоплека травли и осуждения К. Азадовского. И, тем не менее, суд не решился вынести оправдательный приговор и отправил дело на доследование, совершенно бессмысленное спустя восемь лет. Цель этой акции может быть только одна: не допустить публичного оправдания невинно осужденного человека и, соответственно, наказания фальсификаторов.

События последних месяцев – от митингов в Румянцевском саду [имеются в виду митинги общества «Память». – *П.Д.*] до исхода процесса К. Азадовского – наводят на тревожные размышления и заставляют нас обратить внимание общественности на драматическую ситуацию в Ленинграде, которая чревата самыми печальными последствиями для культурной и политической атмосферы нашего города.

Закрытие дела

Получив на руки определение Куйбышевского райсуда о направлении дела на дополнительное расследование, Азадовский написал несколько жалоб на это решение. Что будет дальше, казалось непредсказуемым. Он имел все основания ожидать, что заведомо обреченные на безрезультатность следственные действия по поиску лица, подложившего наркотик, продолжатся в кругу его друзей и знакомых; начнутся, пускай формальные, вызовы к следователю, бессмысленные допросы… Но ничего, абсолютно ничего не происходило – ни один его знакомый не получил повестки, даже телефонного звонка. Номинально расследование должно было проводить Следственное управление ГУВД, надзор же, как и полагается, был закреплен за прокуратурой города. Проверка внутри Следственного отдела КГБ СССР, вероятно, тоже шла своим чередом.

Наступившая передышка позволила Азадовскому заняться другими делами: осенью он

закончил – по договору с издательством «Советский писатель» – книгу о поэте Николае Клюеве. А в середине октября впервые в своей жизни получил разрешение выехать по частному приглашению за пределы любезного отечества и провел полтора месяца в Федеративной Республике Германия.

В Западной Европе имя Азадовского было к тому времени достаточно известно. Европейская общественность, проявившая внимание в начале 1980-х годов к его «уголовному делу», имела представление о нем и как об ученом. Германия дружелюбно встретила известного ученого-германиста, предоставив ему возможность выступить с лекциями в университетах Тюбингена, Карлсруэ, Кельна.

Из своей первой в жизни зарубежной поездки Азадовский возвратился в Ленинград 4 декабря 1988 года. Пока Константин Маркович вещал с европейских кафедр, родина приняла в отношении его ряд судьбоносных решений. Прежде всего, 14 ноября следователь 3-го отдела СУ ГУВД капитан милиции О.Б. Крючкова вынесла постановление о прекращении уголовного дела № 35590 по пункту 2 статьи 208 УПК, то есть по причине «недоказанности участия обвиняемого в совершении преступления, если исчерпаны все возможности для собирания дополнительных доказательств».

Нужно ли говорить, что эта мотивировка была совершенно неприемлемой для Азадовского – он все-таки ожидал, что будет оправдан по крайней мере «за отсутствием состава (события) преступления», то есть по пункту 1 или 2 статьи 5 УПК.

Из этого постановления он узнал и о том, что ему все-таки удалось дотянуться до сотрудников КГБ:

> В ходе дополнительного расследования были допрошены сотрудники УКГБ по Ленинградской области Архипов В.И. и Шлемин В.В., присутствовавшие 19.12.1980 года в квартире Азадовского при производстве обыска, подтвердившие факт изъятия в квартире Азадовского наркотического вещества – гашиш в количестве 5 гр.

И хотя в постановлении ни слова не говорилось о том, что эти сотрудники явились на обыск под вымышленными фамилиями и тем самым их «присутствие» следовало расценивать как незаконное, сам факт вызова их к следователю был опять-таки положительным моментом этого затянувшегося циничного действа. В том числе и по отношению к Светлане:

> При оценке доказательств следствие также учитывает, что в квартире Азадовского, кроме него самого, в указанный период времени проживала гражданка Лепилина (Азадовская), осужденная за незаконное приобретение и хранение наркотических веществ по приговору Куйбышевского районного народного суда Ленинграда в тот же период времени, что и Азадовский, однако ее причастность к незаконному приобретению и хранению изъятых в квартире Азадовского наркотических веществ также материалами дела не доказана, и оснований для предъявления ей по данному факту обвинения не имеется.

Итак, уголовное дело Азадовского было прекращено «за недоказанностью». Одновременно было вынесено другое постановление: «Уголовное преследование в отношении Азадовской Светланы Ивановны, работающей инспектором Ленинградского отделения Союза архитекторов СССР, по данному факту прекратить за недоказанностью». Таким образом, со Светланы официально сняли подозрение в том, что она могла подложить Азадовскому наркотик.

7 декабря копия постановления была вручена Азадовскому капитаном милиции Крючковой. В течение пяти суток оно могло быть обжаловано прокурору РСФСР, и Азадовский, естественно, воспользовался этой возможностью. 8 декабря он подал на имя прокурора РСФСР С.А. Емельянова мотивированную жалобу, поясняя, что «в деле имеются

все основания для вывода о том, что в моих действиях не было и не могло быть состава преступления, который, напротив, усматривается в действиях должностных лиц». Несмотря на просьбу не пересылать жалобу обратно в прокуратуру Ленинграда, она именно туда и была направлена.

Но на дворе стояла уже другая погода. 25 января 1989 года прокуратура отменяет решение Следственного управления ГУВД и возвращает дело обратно – на новое расследование. И все пошло по тому же кругу. 13 февраля подполковник милиции А.Г. Крамарев, который в недалеком будущем возглавит милицию города и получит звание генерал-майора, прекращает уголовное дело на прежнем основании – «за недоказанностью».

Прокуратура вторично не согласилась и уже на следующий день, 14 февраля 1989 года, сама изменила это постановление, закрыв уголовное дело Азадовского по части 2 стаьи 5 УПК – «за отсутствием в деянии состава преступления».

Так, спустя почти восемь лет, Константин Маркович Азадовский был признан полностью невиновным.

Светлана

Если в отношении Азадовского все-таки удалось ценою невероятных усилий добиться отмены приговора, то дело Светланы – по причине признания ею на суде 1981 года своей вины – стояло нерушимо. Попытки Азадовского объединить эти дела как искусственно и неправосудно разъединенные не принесли результата, хотя во время процесса 1988 года и мерцала порой такая надежда, тем более что допрос свидетелей фактически касался дел обоих осужденных. Азадовский даже вслух упомянул 20 июля о том, что «следом за пересмотром дела Азадовского должно быть пересмотрено и дело Лепилиной».

10 февраля 1989 года на допросе в Следственном управлении ГУВД Азадовский заявил ходатайство: отменить приговор по делу его жены Азадовской С.И. (бывшей Лепилиной), соединить дело с настоящим делом и расследовать в одном производстве, отрабатывая версию о подлоге наркотиков как в отношении его, так и Лепилиной. Однако уже 13 февраля в упомянутом выше постановлении полковник А.Г. Крамарев отказал в удовлетворении этого ходатайства, мотивируя свое решение тем, что отмена вступившего в законную силу приговора лежит вне компетенции следствия, «а поэтому не может быть решен и вопрос о соединении уголовных дел».

По этому же вопросу Азадовский обращался и в прокуратуру РСФСР. 2 ноября 1989 года он получил подробный ответ, который не раз повторится и в дальнейшем:

> Прокуратурой РСФСР проверено уголовное дело в отношении Лепилиной С.И.
>
> Осуждение ее за незаконное приобретение и хранение наркотического вещества без цели сбыта признано обоснованным. Доводы о самооговоре осужденной являются несостоятельными. Лепилина на предварительном следствии и в ходе судебного заседания последовательно показывала, о том, что пакетик с наркотическим веществом ей передал ее знакомый по имени Хасан и что этот пакетик при задержании она пыталась выбросить. Объективно ее показания подтверждаются показаниями свидетелей Петрова и Михайловой, другими доказательствами, проверенными судом.
>
> На предварительном следствии и в суде интересы Лепилиной защищал адвокат Брейман, заявлений о нарушении законности в отношении Лепилиной ни от него, ни от осужденной не поступало. Суд, проанализировав собранные по делу доказательства в совокупности, пришел к обоснованному выводу о виновности Лепилиной в предъявленном обвинении. Действиям ее дана надлежащая правовая оценка. Наказание назначено в соответствии с требованиями закона. Оснований для опротестования этого приговора не имеется.

Помочь Азадовским вновь и вновь пытался Юрий Щекочихин. Уже в 1992 году, будучи

народным депутатом СССР, он направил в Прокуратуру СССР «депутатский информативный запрос» о деле Светланы. Уголовное дело опять отправилось в Москву, была проведена проверка, и 27 апреля Щекочихин получил обстоятельный ответ, подписанный заместителем Генерального прокурора СССР Я.Э. Дзенитисом:

> Осуждена Лепилина законно. Ваши доводы о том, что при расследовании обстоятельств содеянного Лепилиной были допущены существенные нарушения уголовно-процессуального закона, подтверждения не нашли.
>
> Из материалов дела видно, что Лепилина совершила самостоятельное преступление, не связанное с действиями Азадовского, а поэтому решение о расследовании этих дел отдельно друг от друга принято в соответствии с законом.
>
> Хотя следствием и судом не установлено лицо, сбывшее Лепилиной наркотик, однако это обстоятельство не влияет на обоснованность принятого судом решения в отношении Лепилиной.
>
> Не имеют значения для правовой оценки ее действий и первоначальные показания Лепилиной о том, что пакет она не выбросила, а он случайно выпал, когда она доставала перчатки.
>
> Действия работников милиции, принимавших участие в обыске по месту жительства Лепилиной, не связаны с ее обвинением. Кроме того, на предварительном следствии и в суде интересы Лепилиной защищал адвокат Брейман, заявлений о нарушениях законности ни от него, ни от осужденной не поступало. Оснований для опротестования состоявшихся судебных решений не имеется.

Пути к отмене приговора в отношении Светланы были, казалось, окончательно отрезаны. Крылатая фраза «признание – царица доказательств» была постулатом советской юриспруденции.

Тем не менее сам факт проходившего летом 1988 года судебного процесса, на котором открыто говорилось о противозаконных действиях КГБ, свидетельствовал о наступлении новой эпохи. Ведь раньше об этом нельзя было даже помыслить. Не случайно этот суд вызвал столь бурный общественный резонанс, выплеснувшийся далеко за пределы Ленинграда.

Глава 15
Эхо процесса

Несмотря на то что процесс проходил в «мертвое» время года, интерес к нему был действительно очень велик. В зале суда присутствовали, помимо друзей и знакомых подсудимого, журналисты, писатели, правозащитники. При этом возможности прессы в 1988 году были, разумеется, ограниченными: эпоха гласности в СССР еще только начиналась. Несмотря на то что участие КГБ в деле Азадовского было принято судьей как данность и даже отражено в протоколе судебного заседания, были все основания полагать, что сведения эти так и не выйдут за пределы Куйбышевского районного суда. Дело в том, что даже для упоминания в печати взрывоопасной аббревиатуры из трех букв требовалось согласование всей статьи с той самой организацией (отсюда – обилие эвфемизмов в публикациях застойного периода: «уполномоченные», «компетентные органы» и т. п.). И весьма показателен был тот факт, что о процессе в Куйбышевском суде не посмела сообщить ни одна ленинградская газета. Впрочем, оставалась надежда на Юрия Щекочихина, который в последние дни процесса приехал в Ленинград.

Расследование «Литературной газеты»

Собственно, Щекочихин и был в известном смысле «детонатором» состоявшегося судебного процесса, ведь протест заместителя Генерального прокурора СССР был вынесен лишь после вмешательства «Литературной газеты». А теперь, воочию наблюдая продолжение этого «ленинградского дела», Юрий Петрович обдумывал статью для рубрики «Расследования “ЛГ”».

Текст был написан быстро, и уже в конце августа 1988 года Щекочихин закончил статью, назвав ее «Ленинградское дело образца восьмидесятых». Это было журналистское расследование на всю полосу мелким газетным шрифтом без иллюстраций – так много в эти шесть столбцов петитом втиснулось текста – и авторского, и документального. Статья предполагалась в сентябрьский номер, но произошло… нет, вовсе не неожиданное. Произошло вполне ожидаемое. Предоставим слово автору:

> Уже висела сверстанная полоса на стенах редакционного начальства, уже я позвонил в Ленинград Косте и Светлане: «Все, наконец-то!», уже я представлял, какая реакция будет на следующий после выхода газеты со статьей день.
>
> И вдруг вечером, буквально за два дня до выхода номера в печать, статья исчезает из планов газеты и оказывается на столе у председателя КГБ В.А. Крючкова.
>
> – Зачем? Что вы наделали? – помню, чуть не плача спрашиваю у тогдашнего главного редактора Ю.П. Воронова.
>
> – Ну, они проверят, разберутся, – смущенно отвечал главный, человек с порядочной биографией, но давно уже сломленный жизнью.
>
> – Да что уж тут разбираться? Газета уже полтора года разбирается! Прокуратура разбиралась! Суд уже был!
>
> – Да что вы так волнуетесь! Ведь Крючков – не Чебриков. Крючков – из разведки. Да, из разведки, из разведки… – И главный почему-то открыл лежавший на столе правительственный справочник и стал настойчиво тыкать пальцем в столбик «В.А. Крючков», под которым была изложена биография этого нашего Зорге.
>
> Потом, помню, я долго не мог идти из редакции, сидел, смотрел в зимнее ночное окно и никак не мог решиться набрать ленинградский номер…
>
> Ох, как тяжело было в тот момент! Казалось бы, давно нужно было к такому привыкнуть: сколько раз в жизни моих друзей и в собственной жизни случалось подобное… То цензура, то перепуганный редактор, то вообще какие-то неведомые силы, но каждое новое происшествие ломало тебя, как будто все это случилось с тобой впервые.
>
> Каким был для меня тот вечер? Забыл, не помню… Скорее всего, купил бутылку водки, пошел к кому-нибудь из друзей… Помню только одно: в тот вечер я так и не решился позвонить в Ленинград. Позвонил только в понедельник, когда уже твердо решил сам для себя: нет, этот номер так не пройдет, пусть зубами, но обязательно вырву статью из пасти Крючкова.
>
> Чем было славно наше редакционное начальство, так это тем, что оставляло журналиста один на один с властью, государством, целой вселенной.
>
> Но что я мог тогда сделать?
>
> И потянулись дни, недели, месяцы.
>
> Время от времени я заглядывал в наши командирские кабинеты. Начальники пожимали плечами: «Ну, сам знаешь, где статья…» А один наш тогдашний заместитель главного, человек достаточно циничный, чтобы всерьез воспринимать судьбы всяких там газетных героев, откровенно сказал: «Да это же никогда не будет напечатано, ты уж мне поверь. Я никогда не ошибаюсь».
>
> Крючков молчал, а мои начальники без его позволения не хотели и слышать о том, чтобы рискнуть опубликовать статью даже при уже ликвидированной цензуре.
>
> Наверное, в мае или в начале июня меня вызвал тогдашний первый заместитель главного редактора Ю. Изюмов и протянул мне текст.
>
> – Что это? – спросил я его.

– Звонили из КГБ. Передали свои замечания. Я их записал. Чудом этот лист бумаги, написанный рукой Изюмова, сохранился в моем архиве:

«1. Некая предвзятость в подходе к материалу. Автор настраивает читателя на восприятие дела Азадовского как политического, якобы инспирированного КГБ. Пытается провести параллель с массовыми процессами 1937 г. Оснований для этого нет (там – внесудебное, пытки и т. д.). Здесь – нарушение УПК, работники КГБ не внесены в протокол, за это наказаны (об этом не сказано).

2. Недостаточная объективность в изложении. Следствием и на суде вопрос о политических нарушениях не поднимался, только о наркотиках. Не ставится автором под сомнение версия Азадовского о причастности сотрудников КГБ к обнаружению наркотиков, а прокуратура это не подтвердила.

3. Автор сообщает о письме прокурора Ленинграда Азадовскому, но не говорит об отказе в возбуждении уголовного дела в отношении работников МВД и КГБ за отсутствием состава преступления (т. е. подлог с наркотиками судом не признан, как же можно им оперировать)».

Помню, меня тогда удивило, что КГБ хотя бы признал нарушение УПК.

Все же остальное в этой «телефонограмме» было ложью. И тогда я сделал то, что никогда не делал до этого: при всей моей ненависти к писанию писем – написал письмо Крючкову, а копию – Горбачеву.

Письмо получилось длинным – пять с половиной страниц. Заканчивал я его так:

«Не хочу больше вдаваться в подробности этого дела. Другое меня беспокоит, честно, возмущает. Ваши сотрудники могли бы дать ответ газете после ее выступления (за, против – неважно). Могли бы опровергнуть меня. Могли бы подать в суд на автора, обвинив его в клевете. Ведь так делается в правовом государстве, создать которое мы так стремимся! Нет – все тем же старым, проверенным способом: запретом, телефонным звонком, шепотом! Пользуясь сложившимися привилегиями КГБ СССР.

Лично мне это напоминает действия небезызвестного Чурбанова, который, используя родственные связи, добился того, что газетам указаниями Главлита было запрещено критиковать МВД СССР.

Не знаю, дойдет ли до Вас мое письмо, не утонет ли в канцелярии. Но в любом случае история с запретом статьи «Ленинградское дело 1980 года» для меня сегодня – удар по гласности, которую партия провозгласила основой перестройки. Потому-то копию письма к Вам я направил М.С. Горбачеву. Сообщаю также, что об истории запрещенной статьи я сообщил (кому устно, кому письменно) некоторым писателям – народным депутатам».

Число, подпись…

В этом письме – вижу я сегодня – отразились наши настроения той поры, счастливого времени надежд, когда можно было еще с гордостью за собственную страну произносить слово «перестройка» и дарить своим западным друзьям майки с надписями на них «Гласность», «Горбачев». Да и не только западным…

…Да, ну а дальше, дальше что… Писал еще кому-то письма, ждал ответов, иногда звонил Косте и Светлане, не зная, чем их утешить…

И вдруг – вечер, звонок домой, Галина Старовойтова (а к ней я тоже обращался с письмом): «Мы прижали Крючкова к стенке! Он сказал, что публиковать статью – дело редакции, а не КГБ»…

Эта статья была опубликована, повторяю, в августе 1989 года. В среду, 9-го… Накануне, в воскресенье, ко мне приехала из Ленинграда съемочная группа телепрограммы (тогда очень популярной) «Пятое колесо». Я давал интервью с уже сверстанной газетной полосой и, рассказывая историю Константина Азадовского, несколько раз повторил: «Если эта статья не выйдет, то кто в этом виноват – известно: КГБ СССР».

И казался себе ужасно смелым. Да…

Таким вот невероятным образом, год спустя после написания, вышла в свет статья Щекочихина. Называлась она в конечном итоге «Дело образца восьмидесятых». Сам автор

объяснял метаморфозу так: «Из названия исчезло слово “ленинградское”, наверное, потому, что тогдашний главный редактор, Юрий Воронов (ныне уже, увы, умерший), сам был родом из Ленинграда».

Участие в этом деле Галины Старовойтовой было отнюдь не случайным – она много лет дружила с Азадовскими, хорошо знала их драматическую историю, а потому принимала все происходящее близко к сердцу и, как могла, способствовала выходу статьи в свет. Но не она одна.

Приведем письмо, которое 3 марта 1989 года написал Ю.П. Воронову академик Д.С. Лихачев и которое, возможно, также способствовало появлению статьи:

> Глубокоуважаемый Юрий Петрович!
>
> Со слов К.М. Азадовского мне известна ситуация, сложившаяся в «Литературной газете» вокруг статьи Ю.П. Щекочихина «Ленинградское дело образца восьмидесятого», а также содержание этой статьи.
>
> Дело, сфабрикованное ленинградскими органами против К.М. Азадовского и его жены, привлекло к себе в свое время внимание широкой общественности, и я, как и другие советские писатели и ученые, не раз высказывал свое возмущение неправомерными действиями ленинградских властей в отношении семьи Азадовских.
>
> В настоящее время – после долголетних общих усилий – уголовное дело против Азадовского наконец прекращено за отсутствием в его действиях состава преступления. Однако «ленинградское дело образца восьмидесятого» вряд ли сводится к этой запоздалой реабилитации Азадовского и возмещению нанесенного ему материального ущерба. Оно имеет и немаловажный общественный смысл. Мы должны исключить возможность подобного рода провокаций в будущем, а добиться этого можно только одним путем – гласностью. Поэтому я обращаюсь к Вам с убедительной просьбой: способствовать тому, чтобы правдивая и принципиально нужная статья Ю.П. Щекочихина увидела свет в ближайшее время.
>
> С уважением, Д.С. Лихачев, Ленинград.

Повествование Юрия Щекочихина о деле и суде вызвало такую волну, что впору понизить наш стиль до слова «сенсация»; по крайней мере именно так была воспринята эта история современниками. И тут дело не только в таланте журналиста (хотя и в этом тоже) и не только в упоминании КГБ, который все еще оставался мощнейшей спецслужбой мира… Дело в том, что история Азадовского для людей 1989 года была вовсе не «историей» – она была современностью. Массовый читатель готов был узнавать новое о трагедиях Гражданской войны или 1937 года, делать выводы и проводить аналогии, но был категорически не готов слышать о том, что эпоха бесправия не прекратилась в 1953 году, что она продолжается и поныне. И мало кто готов был принять за правду тот факт, что всякий оказавшийся по каким-либо причинам неугодным для действующей власти может быть перемолот ее правоохранительной мясорубкой.

Чтобы представить себе широту аудитории «Литературной газеты», приведем строки письма из Улан-Удэ, от сибирского фольклориста И.З. Ярневского (1933–1991). 17 августа 1989 года он писал Азадовскому:

> …Вот уже неделю мы с Эвелиной Наумовной (особенно) находимся в потрясении после статьи в «Лит. газете». Эвелина Наумовна в буквальном смысле слова не спит и плачет, возмущается и все на свете критикует. Мы настолько были взволнованы (и это чувство не покидает нас и сегодня), что просто не находили себе места. Перечитали статью много раз, обсудили все детали. Мне многие звонили, просили рассказать подробности, зная, что я нахожусь с Вами в переписке, но я ведь ничего не знал и не знаю. Все мои познания в этом черном деле ограничиваются сведениями (на мой взгляд, весьма ограниченными) Щекочихина. Дорогой мой, сколько же пришлось Вам и Светлане Ивановне выстрадать??? Конечно, Ваш арест раньше времени согнал в могилу мать. Ах,

СУКИ! Что они натворили! Подлецы! Что, не хватило выпитой крови у М.К.? Возмущению моему нет предела. Очень хорошо было бы довести «дело» до конца и посадить на скамью подсудимых лжесвидетелей и тех, кому выгодно было отправить Вас в заключение. Ведь кому-то это надо было? Если бы Вы знали, как мы с Эвелиной переживаем… Если случится нам встретиться, я Вам расскажу историю, которая была у меня связана с КГБ. Это, конечно, кошмар, но у меня не было ни ареста, ни преследований. Пожалуйста, напишите мне, хоть пару слов, как сейчас развивается «дело». Неужели все закончено? Мне кажется, что Щекочихин многого не рассказал, хотя ему дали страницу. В любом случае он молодец, что написал об этом.

По стопам Юрия Щекочихина

Учитывая популярность Юрия Щекочихина, авторитет «Литературной газеты», неординарность самого сюжета, история получила дальнейшее публичное развитие. Вслед за статьей в «Литгазете» Ленинградское радио сделало специальный сюжет.

Поскольку к тому времени Азадовский был избран в Союз писателей СССР, писательская организация приняла решение посвятить уголовному прошлому своего коллеги отдельное мероприятие. Вечер под названием «Дело Константина Азадовского», состоявшийся 17 октября 1989 года в Доме писателя имени Маяковского на улице Воинова (Шпалерной), открывал цикл встреч с ленинградской интеллигенцией, озаглавленный «Писатель и новейшая история». Вел вечер Яков Гордин. Анонсированное в приглашениях выступление Юрия Щекочихина, к сожалению собравшихся, не состоялось – оратор в тот момент выступал перед избирателями в связи с выдвижением его в народные депутаты СССР жителями Ворошиловграда (Луганска).

Тем не менее вечер прошел при большом стечении публики и прессы и в очередной раз обозначил основную проблему: «судебная ошибка» признана, а виновные не только не понесли наказание, но даже полностью и не выявлены. Для того чтобы осветить такого рода вопросы, писательская организация пригласила на этот вечер представителей суда, прокуратуры, адвоката Н.Б. Смирнову, а также… Анатолия Алексеевича Куркова – известного ленинградского чекиста, генерал-лейтенанта госбезопасности, в 1983–1989 годах занимавшего пост начальника ГУВД, а с апреля 1989 года – начальника УКГБ по городу Ленинграду и Ленинградской области.

Приглашение Куркова на такой вечер являлось само по себе дерзостью, которую позволили себе устроители. Всем было ясно, что появление генерала КГБ перед публикой в таком контексте немыслимо (хотя Дом писателя находился под боком у Большого дома). Тем не менее отдадим должное главе ленинградских чекистов – он прислал в адрес вечера свое письмо и оговорил возможность огласить его публично. Текст письма зачитал ведущий. Приведем его и мы:

> Ваше приглашение принять участие в вечере, «посвященном уголовному делу ленинградского писателя Константина Азадовского», надо сказать, меня несколько удивило и даже озадачило.
>
> Что это? Попытка провести общественное разбирательство уголовного дела Азадовского, ревизовать решения самого недавнего времени судебных и прокурорских органов по этому вопросу? Кстати, решения в пользу Азадовского.
>
> При всем уважении к Правлению ленинградской писательской организации, при всех симпатиях к Юрию Щекочихину как автору многочисленных публикаций на правовую тему, я не нахожу возможным принять участие в такого рода вечере.
>
> Что касается отношения ленинградского Управления КГБ к делу Азадовского, то оно изложено в письменном ответе ему. Некоторые положения нашего письма, а также ответов КГБ СССР использованы в статье Щекочихина «Дело образца восьмидесятых».

> Мне хотелось бы закончить свой ответ на Ваше приглашение выражением готовности встретиться с ленинградскими писателями для обсуждения любых вопросов, не исключая встречи и на вечерах из цикла «Писатель и новейшая история». Если такая заинтересованность будет проявлена, то дайте, пожалуйста, знать об этом заблаговременно.

Известие об этом вечере дошло даже до Парижа, и 20 октября 1989 года газета «Русская мысль» поместила отклик Сергея Дедюлина, сообщившего, в частности, о том, что К. Азадовский «прочел главу "Пять граммов анаши" из автобиографической книги, которую он сейчас заканчивает». Информация была не вполне точной: Азадовский читал на том вечере не «главу», а всего лишь небольшой фрагмент из задуманной книги, которая так и осталась замыслом. Истратив годы на писание жалоб и заявлений, Константин Маркович отказался от своего намерения и предпочел заниматься историей русской литературы и сравнительным литературоведением…

Сюжет о деле Азадовского появился также и в одной из самых читаемых в тот момент советских газет – еженедельнике «Совершенно секретно», издаваемом под редакцией Юлиана Семенова. В номере за декабрь 1989 года сюжету было посвящено три (!) газетных полосы с анонсом на первой – «Эхо одного процесса. Беседа нашего корреспондента с ленинградским ученым Константином Азадовским». Очерк был подготовлен ленинградским историком В.Е. Кельнером, но идея публикации обсуждалась с редактором издания Юлианом Семеновым. Он лично беседовал с Азадовским и после его реплики о том, что «Литературная газета» потратила год на согласование, ответил, что будет «утрясать» публикацию с руководством ленинградского управления КГБ, конкретно же – с заместителем начальника В.Н. Блеером, которого «знает хорошо и давно». Так что «все беспокойства», сказал писатель, излишни. Автор романов о советских чекистах, не говоря уже о многосерийных фильмах «Семнадцать мгновений весны» и «ТАСС уполномочен заявить…», безусловно, не преувеличивал: его связи с руководителями тогдашнего КГБ хорошо известны.

Лед тронулся

Не стоит думать, что Азадовский воспринял решение о признании его невиновным со скепсисом. Конечно, если бы суд занял позицию близкую к стороне защиты, он был бы удовлетворен в большей степени; с другой стороны, Константин Маркович с самого начала отдавал себе отчет в том, с кем он вступил в противоборство, и на скорую и безусловную победу не надеялся. Он рассчитывал прежде всего на гласный процесс, а оправдание, в случае если оно состоится, рассматривал лишь как шаг к тому, чтобы расколоть еще один, более твердый орешек – дело Светланы.

Однако прекращение уголовного дела «за отсутствием состава преступления» открывало перед Азадовским и новые перспективы: можно было попытаться еще раз оспорить в суде характеристику из Мухинского училища, поставить вопрос о моральной и материальной компенсации за уголовное преследование и т. п. Что касается последнего, Азадовскому еще 16 ноября 1988 года было послано извещение из ГУВД с указанием на «Положение о порядке возмещения ущерба, причиненного гражданину незаконными действиями органов предварительного следствия, прокуратуры и суда». Кроме того, Азадовский имел право обратиться с требованием «о предоставлении прежней работы, а при невозможности этого – другой равноценной работы», «о возмещении утраченного заработка, выплаченных штрафов, судебных издержек, сумм за указание юридической помощи и др.». Не будем погружаться в пучину судебных бумаг, а лишь обозначим то, чего ему удалось достичь.

Во-первых, 14 февраля 1989 года было подписано постановление Следственного управления ГУВД «о возмещении материального ущерба, причиненного гр. Азадовскому действиями органов предварительного следствия и суда в сумме 6795 руб. 89 коп.».

Несмотря на набирающую обороты инфляцию, сумма эта в 1989 году казалась астрономической. Откуда же она появилась? Дело в том, что, согласно закону, подлежал возмещению заработок, которого гражданин был лишен в результате незаконных действий, а с учетом ежемесячного оклада заведующего кафедрой в ЛВХПУ имени В.И. Мухиной в размере 384 рубля в месяц за период с 1 июня 1981 по 18 декабря 1982 года (день освобождения) ему полагалось, за вычетом подоходного налога, 6293 рубля 59 копеек плюс 212 рублей, уплаченных за юридическую помощь в ходе следствия и суда, и еще два месячных оклада за время его вынужденного тунеядства – со времени вступления приговора в законную силу до момента прибытия в Сусуман, хотя, если отвлечься от формальностей, все два года заключения Азадовского были не чем иным, как вынужденным тунеядством.

Во-вторых , Азадовский начал по второму кругу дело о фальсифицированной характеристике, и эта долгая тяжба завершилась наконец решением Дзержинского районного народного суда от 25 сентября 1989 года (судья Т.И. Сапоткина). Суд в полном объеме удовлетворил требования истца о защите чести и достоинства, предъявленные им к ЛВХПУ имени В.И. Мухиной и лицам, подписавшим служебную характеристику. Приведем резолютивную часть решения:

> Исковые требования Азадовского Константина Марковича удовлетворить, обязать администрацию ЛВХПУ им. В.И. Мухиной исключить из характеристики, выданной Азадовскому К.М. 24 декабря 1980 г. по запросу начальника Следственного отдела Куйбышевского районного Управления внутренних дел Ленинграда, следующее:
>
> «Успеваемость студентов по кафедре иностранных языков за этот период не выросла»,
>
> «При попустительстве Азадовского среди сотрудников кафедры имеются случаи нарушения трудовой дисциплины и пьянства»,
>
> «Поведение Азадовского разбиралось ректоратом и партийной администрацией»,
>
> «Материалы, которыми располагает администрация вуза (письмо гражданки Ходиной от 16 июля 1975 г., объяснительная Азадовского от 15 июля 1975 г., заявление гражданки Ткачевой от 15 января 1979 г.), свидетельствуют о низком моральном облике Азадовского, для которого характерны факты завязывания случайных знакомств с иностранцами, пьянства и дебоша»,
>
> «Администрация вуза, понимая, что личность Азадовского выпадает из ряда “штатных случаев” нарушения общественного порядка, внимательно следила за “вторым лицом” Азадовского К.М., стараясь ограничить возможность его нежелательного влияния на коллектив вуза, ставя Азадовского в условия, не позволяющие ему пропагандировать свои взгляды», и выдать ему новую объективную характеристику.
>
> Обязать Шистко Владимира Ивановича и Бобова Владислава Яковлевича принести Азадовскому Константину Марковичу устные извинения на общем собрании ЛВХПУ им. В.И. Мухиной.

К немалому удивлению Азадовского, лица, которые подписали в свое время лживую характеристику (и тем самым внесли посильный вклад в приговор суда) и которым следовало бы сидеть затаив дыхание, чтобы не будить лиха, стали, наоборот, высказывать свое возмущение таким исходом дела. Владимир Иванович Шистко, который запомнился нам выкриком на суде 1981 года («Дайте ему побольше!»), направил в Коллегию по гражданским делам Ленгорсуда кассационную жалобу. 28 ноября 1989 года Коллегия рассмотрела жалобу Шистко, но оставила приговор без изменений. Наконец 20 февраля 1990 года Азадовский получил новую характеристику, на этот раз положительную, завершавшуюся словами: «Пользовался уважением товарищей в коллективе, показал себя принципиальным и морально устойчивым человеком» и т. п.

Несмотря на кажущуюся мелочность этого дела, оно также имело резонанс. Прежде

всего потому, что к ответственности были привлечены конкретные лица – проректор и парторг Мухинского училища, которые в свое время возвели напраслину на своего коллегу. И то обстоятельство, что отчасти по их доброхотству Азадовский отправился на два года за решетку, делало этот процесс неординарным. Обстановку накаляло еще и то обстоятельство, что В.Я. Бобов в момент суда и приговора работал инструктором Ленинградского обкома КПСС, то есть ощутимо продвинулся по партийной линии. Неудивительно, что попытки Азадовского привлечь Бобова и Шистко к уголовной ответственности за клевету и дискредитацию так и не увенчались успехом.

В качестве некоторой моральной компенсации можно рассматривать тот факт, что пресса восславила этих людей, причем в достаточной мере: на их именах образовалось несмываемое пятно. 10 ноября 1989 года в газете «Ленинградский рабочий» появилась статья ленинградского журналиста Сергея Михельсона «Оговор»; целая газетная полоса была отдана описанию гражданского процесса в Дзержинском суде. А 13 апреля 1990 года в той же газете было напечатано продолжение – «Синдром доносительства», где С.В. Михельсон описывал исполнение решения суда, состоявшееся 29 марта 1990 года, публичное извинение перед Азадовским на совете училища и т. д.

Резонанс «Оговора» был таков, что в 1990 году правление ленинградской организации Союза журналистов назвало эту работу среди победителей творческого конкурса статей ленинградских журналистов, о чем 5 мая (в День печати) появилось сообщение в «Ленинградской правде».

В-третьих , согласно решению суда, Азадовского следовало восстановить на работе в прежней либо равноценной должности. Но поскольку Константин Маркович после всего случившегося вряд ли помышлял о преподавании в стенах Художественно-промышленного училища, факт восстановления его в должности заведующего кафедрой воспринимался им исключительно как принципиальный момент в обретении status quo. Впрочем, осуществить судебное решение в реальности оказалось задачей не из легких.

Сначала ректорат вообще пытался уйти от такого решения, затянув дело перепиской; после этого, 5 апреля 1989 года, Азадовский получил уведомление о том, что «администрация не располагает возможностью рассмотрения вопроса» о восстановлении на равноценную работу. Причина такого поведения ректората понятна: должность заведующего кафедрой иностранных языков не была вакантной, и для восстановления Азадовского пришлось бы увольнять другого человека, законно избранного по конкурсу.

В итоге ректорат училища предложил ему восстановление на должность доцента. Но поскольку решение суда было все-таки выше мнения ректората, Азадовский с таким предложением не согласился и продолжал донимать свое прежнее место работы разного рода бумагами. В конце концов 13 июля 1989 года ректор Н.Ф. Марков подписал следующий приказ:

> 1. Азадовского Константина Марковича, 14 сентября 1941 года рождения, восстановить на работе в должности зав. кафедрой иностранных языков с 14.02.1989, считать работающим с 14.07.1989.
> 2. Приказ № 81-II от 21.05.1981 об увольнении К.М. Азадовского аннулировать.
> 3. Начальнику Отдела кадров в связи с отменой приказа внести соответствующие записи в трудовую книжку К.М. Азадовского.
> 4. Азадовскому К.М. выплатить компенсацию в размере среднемесячного заработка за время вынужденного прогула с 14.02.1989 по 14.05.1989 (3 месяца).

Итак, будучи уволен из ЛВХПУ с 19 декабря 1980 года по статье 29 КЗОТ (вступление в законную силу приговора суда), он с 13 июля 1989 года вновь считался доцентом и заведующим кафедрой иностранных языков. Впрочем, Константин Маркович недолго наслаждался своей прежней должностью – вскоре он подал заявление об увольнении по собственному желанию и 14 октября 1989 года навсегда простился с Мухинским училищем,

как и вообще с какой бы то ни было службой в советском (российском) учреждении.

Таинственный пятый

Как мы уже знаем, практически все наиболее важные сведения о подоплеке уголовного дела были добыты Азадовским собственными усилиями – он сам узнал фамилии сотрудников КГБ Шлемина и Архипова, участвовавших в обыске, озвучил имена их коллег Безверхова и Кузнецова и т. д.

Но оставался еще один неизвестный – «специалист», приехавший в день обыска 19 декабря 1980 года на той самой машине, которая увезет Азадовского в участок. Этот пятый, напомним, был вызван коллегами в ходе обыска, после того как были обнаружены книги иностранных издательств и коллекция фотографий русских поэтов. Фамилия его также была выписана Азадовским на листок (с милицейского удостоверения), но листок этот, как мы помним, пропал бесследно.

Арцибушев, который на суде не мог вспомнить ни одной из фамилий этих троих «милиционеров», впрочем, оговорился, что «все они были с простыми фамилиями». Здесь капитан, кажется, говорил правду: первая фамилия была Быстров – таким удостоверением козырял Архипов. Но если подлинные фамилии первых двух «милиционеров» Азадовский углядел в материалах прокурорской проверки, то последнего участника обыска ему никак не удавалось идентифицировать. Никакие ходатайства, никакие вопросы на суде не помогли ему прояснить этой ситуации.

Однако летом 1989 года ему удалось внести уточнение и в этот вопрос. Дело в том, что еще 24 мая 1988 года Константин Маркович по рекомендации В.Г. Адмони, В.А. Каверина и Д.С. Лихачева был избран членом Союза писателей СССР. Это положило начало его активному участию в деятельности ленинградской писательской организации. И вот на одном из писательских вечеров Азадовский увидел человека, лицо которого показалось ему знакомым. Человек этот казался среди писателей «своим» – многие подходили к нему здороваться, да и сам он вел себя в Доме писателя на улице Воинова в общем-то без стеснения. «Кто этот человек, в усах?» – «Да это ж Павел Кренёв! Разве вы не знакомы?»

Оказалось, что его знают почти все ленинградские литераторы. Павел Григорьевич Кренёв, автор рассказов для детей и юношества (в 1986 году у него вышла книга «Краски моего моря»), был, как и Азадовский, членом Союза писателей СССР.

Но была у него и другая биография: писатель Кренёв именовался в обыденной жизни Павлом Григорьевичем Поздеевым. Он родился в 1950 году в Онежском Поморье – деревне Лопшеньга Архангельской области, хорошо учился в школе, а по окончании восьмилетки, в 1966 году, сдал непростые экзамены и стал курсантом Ленинградского суворовского военного училища, по окончании коего получил специальность военного переводчика (этот курс был введен в ЛСВУ в начале 1960-х годов и включал пять часов английского языка и два часа военного перевода в неделю). Затем отслужил в армии и после демобилизации трудоустроился в военизированную охрану. В 1972 году поступил на заочное отделение факультета журналистики ЛГУ, которое окончил в 1976-м. Учась в университете, он «работал журналистом в Ленинграде, в узкоспециализированной научной газете, где освещал новости, связанные с технологиями судостроения».

С 1 декабря 1975 года П.Г. Поздеев – в штате УКГБ СССР по Ленинграду и Ленинградской области, на оперативной работе. Он был сотрудником Пятой службы – в ее компетенцию входила контрразведка и борьба с идеологическими диверсиями. В 1980-е годы Поздеева хорошо знали в ленинградском Доме писателя, причем не столько как литератора, сколько в качестве сотрудника КГБ, «узкоспециализированного» на работе Союза писателей, членом которого он и становится в 1987 году.

Именно в Павле Григорьевиче Кренёве (Поздееве) Азадовский опознал того самого таинственного незнакомца – пятого «сотрудника милиции», «специалиста», который участвовал в обыске 19 декабря 1980 года, осматривал его фотографии и личные бумаги,

откладывая в сторону то, что будет затем изъято.

И вот 14 августа 1989 года фамилия Поздеева появляется в очередной жалобе Азадовского в прокуратуру РСФСР:

> В течение ряда лет я неизменно ставил перед прокуратурой вопрос: кто был пятый сотрудник, производивший обыск в моей квартире? Но получить официальный ответ на этот вопрос оказалось невозможно. Лишь недавно я, опять-таки собственными силами, смог установить, что этот «пятый» был сотрудник КГБ П.Г. Поздеев.

Если не лениться и обратиться к литературному творчеству Павла Кренёва, то можно увидеть в его чувственной прозе совершенно четкий автобиографический след (что ж, собственная жизнь писателя, как известно, – неисчерпаемый источник литературных сюжетов). Почти все его ранние сочинения посвящены красоте и самобытности Русского Севера. Однако в 1980-е годы творчество Кренёва устремляется в другое русло: писатель обращается к темам, отражающим его профессиональную деятельность. Именно в эти годы он создает ряд «узкоспециализированных» текстов, в частности, повесть «Знак на шоссе» – она вошла в антологию под названием «Ради безопасности страны», выпущенную в 1985 году Лениздатом и посвященную деятельности чекистов. В аннотации к этой повести сказано:

> Недавно советское телевидение ознакомило зрителей с ходом и результатами судебного процесса над распорядителем так называемого «Русского общественного фонда помощи политзаключенным и их семьям» Репиным. Материалы этого процесса послужили основой повести П. Кренева «Знак на шоссе».
>
> Используя средства художественной прозы, П. Кренев показывает как бы изнутри процесс и истинную цель создания пресловутого «фонда помощи узникам совести в СССР», его несомненную финансовую и политическую зависимость от ЦРУ США, дает меткие и точные характеристики как создателям и распорядителям «фонда», так и «узникам совести», а в действительности уголовникам всех мастей.
>
> В повести убедительно раскрыт процесс падения главного распорядителя «фонда» Семена Солоника – бесталанного и неудавшегося художника: по указке сотрудников иностранных спецслужб он постепенно переходит от добывания мелких лживых «сведений» об «ущемлении» прав человека в Советском Союзе, поставляемых ему за небольшую плату различными уголовниками, до государственного преступления. Через одного из таких «информаторов» Солоник выходит на «некоего подонка», который за очень значительную плату передает ему материалы по судостроению. Материалы нужно в течение трех дней передать иностранной разведке, используя хитроумный способ связи.
>
> Чекистам пришлось провести большую и математически точную работу, чтобы в предельно короткие сроки определить местонахождение тайника и захватить иностранного разведчика с поличным. Солоник обезврежен, секретные материалы не попали за границу, несколько иностранных разведчиков разоблачены – так заканчивается повесть П. Кренева.

Автор аннотации имеет в виду фильм «Заговор против Страны Советов», показанный телезрителям этой самой страны 19 февраля 1985 года. В этой картине – о ней мы уже упоминали ранее – выступали и публично каялись ленинградские сотрудники «Фонда Солженицына», в том числе провокатор Вадим Розенберг, подсаженный в 1981 году в камеру к Азадовскому в Крестах.

Писатель Кренёв не слишком скрывает своих пристрастий. Черной краской вымазан, например, один из главных персонажей повести «Знак на шоссе» – некий Довлат Горелов, сбежавший на Запад ради литературной славы, но вынужденный из-за отсутствия работы в газете работать на Радио Свобода и наносить вред своей родине… Читатель без труда

догадается, о каком «Довлате» идет речь. Кроме таких сюжетных линий, в которых можно угадать проявления сальеризма, небезынтересны и наблюдения автора, почерпнутые из собственного жизненного опыта:

> Знать имя человека при знакомстве с ним – это уже наполовину обеспечить доброе развитие знакомства. Людям всегда нравится, когда незнакомый человек оказался настолько тактичным, что, видя тебя впервые, уважительно произносит твое имя. Это поднимает человека в собственных глазах. Особенно это важно, когда приходится знакомиться с кем-либо от имени органов КГБ. Тогда у человека сразу зарождается уважение не только к тебе, но и к организации, которую ты представляешь.

Но еще больший интерес представляет собой повесть Павла Кренёва «Гостья из-за океана», вошедшая в следующую антологию того же «узкоспециального» цикла Лениздата: «Схватка: Повести о чекистах» (1987). Основная тема произведения – контрабанда и подделки антиквариата, что, понятно, граничит с изменой родине. Повествование ведется частично от лица молодого сотрудника КГБ, которому хорошее знание английского языка позволяет выдавать себя за переводчика, обслуживающего шпионов-иностранцев. То есть версия о неглубоком залегании прототипов действующих лиц в прозе П.Г. Кренёва не только подтверждается, но в некоторые моменты прямо-таки напрашивается, особенно в контексте нашего повествования о деле Азадовского. Повесть «Гостья из-за океана» начинается сценой пограничного досмотра иностранных граждан (шпионов и контрабандистов), следующих поездом Москва – Берлин:

> По вагонам пошли люди в военной и служебно-форменной одежде. Начался обычный, повторяющийся по нескольку раз за смену таможенный контроль. В шестнадцатый вагон вошли трое: пограничники – лейтенант Архипов, старший сержант Шлемин и инспектор Брестской таможни.

Нарочно такое не придумаешь! Трудно сказать, все ли герои и положения в произведениях Кренёва (Поздеева) столь же реальны, но здесь-то, во всяком случае, мы видим откровенный подарок автора своим ближайшим коллегам по Пятой службе УКГБ – Виктору Ивановичу Архипову и Владимиру Владимировичу Шлемину, которые вместе с ним явились 19 декабря 1980 года к Азадовскому. Значит, в 1987 году они уже стали героями повести о разведчиках, изданной тиражом в 200 тысяч экземпляров! Конечно, рядовой читатель вряд ли мог узнать в этих бдительных пограничниках сотрудников УКГБ ЛО, но в Большом доме – нет сомнений! – об этом знали все и, добродушно посмеиваясь, живо обсуждали находчивость своего коллеги.

Осведомленность автора, хотя и не слишком глубокая, в вопросах антиквариата дает нам основания предположить, что в Ленинградском управлении специалисты Пятой службы могли параллельно заниматься и вопросами контрабанды и культурных ценностей, что, строго говоря, входило в компетенцию Второй службы. Таким образом, мы можем найти объяснение словам Арцибушева, сказанным им на допросе 1988 года, когда он характеризовал участников обыска: «Один, я понял, связан с антиквариатом, по литературе работал, потому что его интересовало все, что связано с книгами, работал как специалист, как специалист по западной литературе». На подобные мысли нас наводит и тот факт, что замначальника Пятой службы УКГБ ЛО в 1976–1979 годах Ф.А. Мясников был в 1979 году повышен и назначен замначальника Второй службы, а в 1980-м возглавил ее.

Эрудиция Поздеева в вопросах литературы, впрочем, не поражает нас своей глубиной. Приведем пример. В ткань своей повести он вплетает шифрованное письмо контрабандистов, в котором названы «ведущие представители русского и советского символизма и высшей его стадии – акмеизма… – Блок, Белый, Вяч. Иванов, Сологуб, Брюсов, Баратынский, Гумилев, Ахматова, Мандельштам… Что ни имя – жемчужина, нет,

бриллиант в короне мировой поэзии».

Сегодня эта фраза кажется довольно обычной, но в тот момент – в 1987 году – это был откровенный сарказм, да и термин «советский символизм» тоже достоин внимания. Однако главное – в том, что, демонстрируя образованность, автор вместо неведомого ему Балтрушайтиса, который должен бы стоять в этом перечне, с легкостью вписал Баратынского.

Впрочем, высокий слог повествователя довольно быстро редуцируется до «генетических выродков, которые любой ценой стремятся поставить себя выше других. До Эйнштейна, Ломоносова и Леонардо да Винчи не подпрыгнуть: скудновато с серым веществом, не одарила мать-природа талантами…». И т. д. и т. п. Дальнейший разбор поздеевской прозы оставим специалистам по истории советской литературы.

Мы не можем сказать, имел ли Азадовский личный разговор с этим господином в усах. Однако нам известно интервью Азадовского, опубликованное в архангельской газете «Правда Севера» от 3 декабря 1996 года – в то самое время, когда бывший полномочный представитель президента РФ в Архангельской области полковник госбезопасности Павел Поздеев баллотировался на пост губернатора Архангельской области.

Интервью вошло в статью «Военная тайна полковника Поздеева», написанную известным архангельским журналистом Алексеем Павловичем Пешковым, в 1990 году окончившим факультет журналистики ЛГУ. В Архангельске он был, если можно так сказать, местным Щекочихиным (правда, в отличие от Юрия Петровича, он в конце 1990-х уехал в США, где до сих пор работает по специальности). Благодаря собственному бесстрашию Пешков незадолго до выборов вытащил на свет правду о человеке, за которого агитировал даже небезызвестный генерал А.И. Лебедь (чей образ Кренёв позднее воссоздаст в своей прозе). Статья состояла из ряда интервью, в том числе и с самим Поздеевым.

Журналист спросил у кандидата в губернаторы об участии в деле Азадовского, но тот «непринужденно открестился, заявив, что, во-первых, он Азадовского очень уважает и готов с ним встретиться, во-вторых, что в Питере тогда не был и, в-третьих, что это легко проверить». После этого настойчивый журналист позвонил Азадовскому и получил его комментарий, который и был напечатан:

> Да, Павел Григорьевич имел близкое отношение к моему делу… Это тот самый Поздеев, который курировал нашу писательскую организацию. То, что он отмежевывается от своего участия, мне, в общем, понятно. Вся процедура обыска и ареста была абсолютно незаконной. Дело было грязным. Естественно, он не хочет признавать свою причастность. Ну а встречаться с ним? Я не вижу смысла. Если человек, глядя мне в глаза, будет утверждать: «Нет, вы путаете, Константин Маркович», – то как мне доказать, что Земля круглая?

Статьи архангельских журналистов и телеинтервью с Азадовским, показанное архангелогородцам перед самыми выборами, сыграли тогда свою роль – Поздеев не прошел в губернаторы.

Тщетное

Констатируя вынужденную перемену советской правоохранительной системы к делу Азадовского, мы не можем не задаться вопросом: коль скоро приговор отменен и осужденный оправдан, то какова судьба тех людей, стараниями которых Азадовский совершил такое «несентиментальное путешествие» длиною в два года?

В одном из интервью Азадовский сформулировал свое видение правосудных мер, которые надлежит применить к тем, кому он и его жена были столь многим обязаны:

> Я буду добиваться того, чтобы люди, участвовавшие в разработке и осуществлении моего процесса: обысках, арестах, допросах – были признаны

> виновными в нарушении законов, которые действовали в 1980–1981 гг., и были названы уголовными преступниками.

Здесь ученый не кривит душой – именно этого он и пытался добиться. Однако ему было, разумеется, не под силу сдвинуть махину. Его последующая борьба за уголовное преследование тех, кто сделал его уголовником, проходит, собственно, в том же правовом пространстве, в котором возникло и оказалось возможным и само «дело Азадовского», – в пространстве закрытого общества, социализма с нечеловеческим лицом, всесилия и вседозволенности спецслужб.

Комментируя в 1994 году статью Нины Катерли «Расправа» (см. ниже), известный российский адвокат и правозащитник Юрий Шмидт писал, что в действиях сотрудников КГБ имеется и состав уголовного преступления, статья 176 УК РФ: «Привлечение заведомо невиновного лица к уголовной ответственности».

Но сколько ни бился Азадовский над тем, чтобы привлечь хоть кого-то из виновных к ответственности, все было тщетно. В тот момент, когда прокуратура прекратила его собственное уголовное дело за отсутствием состава преступления, зампрокурора Ленинграда Д.М. Веревкин сообщил ему:

> Одновременно прокуратурой Ленинграда вынесено постановление об отказе в возбуждении уголовного дела в отношении сотрудников УУР ГУВД Леноблгорисполкомов и УКГБ по Ленинградской области, проводивших обыск у Вас в квартире 19.12.80, за отсутствием в их действиях состава преступления.

И точка. Никакие попытки опротестовать это решение успеха не имели. В качестве иллюстрации приведем лишь несколько примеров, по одному на каждую структуру власти, которая участвовала в его деле, – исполнительную, судебную, партийную…

Начнем со следователя Каменко. Вскоре после своего оправдания Азадовский узнал, что Евгений Эмильевич, так ловко слепивший, а позже разъединивший два уголовных дела, его и Светланы, и уволенный из МВД в 1983 году «по несоответствию», вполне комфортно чувствует себя на юридическом факультете ЛГУ и готовится получить диплом юриста. 29 апреля 1989 года Азадовский обратился с заявлением в Ленинградский университет сразу в три инстанции: в деканат юридического факультета, партком ЛГУ и редакцию газеты «Ленинградский университет». Изложив факты «вопиющих отступлений от принципов социалистической законности» в работе бывшего следователя, он закончил свое обращение словами:

> Может ли человек, запятнавший себя в прошлом серьезными правовыми нарушениями, учиться на юридическом факультете? Как будет использован диплом юриста в таких руках? Сколько безвинных людей окажется опять за решеткой? Считаю, что юристами в нашей стране могут быть только люди, безупречные в профессиональном и нравственном отношениях.

Реакция на это заявление была незамедлительной. Уже 3 мая Азадовского пригласил для беседы декан заочного отделения юридического факультета ЛГУ профессор Вадим Семенович Прохоров – обещал разобраться, просил предоставить дополнительные документы… Во время их второй встречи уверил, что сделает все возможное. Но единственное, что он сделал, – положил письмо и бумаги Азадовского под сукно, а затем… выдал Е.Э. Каменко диплом об окончании юрфака.

Однако, как мы сказали, Азадовский послал свое письмо в три инстанции. Реакция юридического факультета ЛГУ известна; партком ЛГУ предпочел отмолчаться; зато газета «Ленинградский университет» ответила письмом, в котором сообщила о решении редакции: наблюдать за дальнейшим развитием событий.

Как только Азадовский узнал, что все обещания В.С. Прохорова не имели последствий,

если не считать, конечно, выданный Каменко университетский диплом, он вторично обратился в партком ЛГУ и редакцию университетской газеты. «Следовало бы крепко задуматься, – вопрошал Азадовский, – кому вручил Прохоров диплом юриста?! И как он будет использован в таких руках?»

Тогда редакция газеты решила осветить инцидент и выделила для этой цели молодого талантливого журналиста – студента юридического факультета Евгения Никандровича Тонкова (в 1990 году он окончит ЛГУ по специальности «правоведение» и в том же году начнет адвокатскую практику по уголовным делам). Нужно отдать должное мужеству студента, который, еще не окончив университет, занялся расследованием подобного дела. В номере от 6 октября 1989 года этому сюжету был посвящен целый разворот. Статья называлась так, что ее нельзя было не прочесть: «Порча человеческая». Без всяких реверансов студент Тонков писал правду о профессоре своего факультета В.С. Прохорове, хотя шел, конечно, на определенный риск – он вполне мог, в отличие от Каменко, остаться после публикации этой статьи без университетского диплома.

Но больше всего автора волновала судьба человека, жизнь которого была изувечена системой:

> …Пытаться сопротивляться злу, даже если оно превосходит наши силы. И тут я впервые подумал о стойкости Константина Марковича, увидел ее. Эта история сейчас обрастает статьями, радиопередачами, телевыступлениями. Его историю можно было бы назвать «Азадовский против зла»… Сможет ли Азадовский доказать то, что против него было совершено преступление, преступление, виновниками которого оказались стражи закона?.. Заставить Систему принять его доказательства – мне кажется это до сих пор невозможным! А потому вдвойне страшно… Ведь в такую ситуацию может попасть любой человек, и его вырвут из привычной структуры, сошлют на Колыму, упрячут за решетку, выплюнут из жизни. Потом может появиться реабилитация… Но время необратимо – здоровье подорвано, раны не заживут никогда. Что-то в жизни искалечено безвозвратно…

Как можно видеть, автор уходит от частностей, переключаясь на более важные вопросы. Если он смог увидеть типичность судьбы Азадовского, искалеченного и выброшенного на обочину страны победившего социализма, то и коллегам по alma mater, выпускникам юридического факультета ЛГУ, к которым теперь присоединился и бывший следователь Каменко, Евгений Тонков уделил несколько слов:

> Что касается «независимых» юристов, то это сочетание – ложно! Можно говорить о независимом кооператоре или независимом бомже, – это как-то понятно, но, говоря о независимом юристе, нужно объяснить хотя бы, от чего он не зависит – от ночной погоды или утреннего желания руководства… Идея правового государства, подхваченная энтузиастами масс, приобрела характер острова Утопии… Но зла не становится меньше, преступники не исчезают, Фемида все так же, как и всегда и везде, подглядывает через повязку, и юристы, получающие диплом, не равны архангелам. Они также несут с собой из университетов официальные принципы, утвержденные в обществе пороки – их так научил фальшивый солярис… Разве может юрист Каменко быть иным, чем его среда?.. Вытащить из строя больных одного – и отрубить ему голову! Это очень легко и заманчиво. Но больны-то в этом строю все!

Коснемся судьбы еще одного выпускника юридического факультета ЛГУ – народного судьи А.С. Луковникова, которому Азадовский был обязан обвинительным приговором. По его поводу Азадовским тоже было потрачено немало чернил.

В 1989 году Президиум Ленгорсуда разбирал по жалобе Азадовского вопрос о служебном соответствии Луковникова, в тот момент – народного судьи в Выборгском

районном суде. Однако каких бы то ни было причин к прекращению его полномочий Президиум не усмотрел. Кстати, в отношении этого судьи депутатское заявление в Генеральную прокуратуру подавал и Юрий Щекочихин, но и оно не имело никаких последствий. Когда же в 1990 году Ленсовет должен был утверждать состав районных судов на очередной срок, Азадовский обратился туда 26 апреля со следующим заявлением:

> …Всего несколько часов понадобилось тогда А.С. Луковникову, чтобы «рассмотреть» дело и приговорить меня к двум годам лишения свободы, после чего я был отправлен этапом через все страну в лагерь общего режима на Колыму (в Магаданскую область).
>
> Все действия Луковникова в отношении меня носили умышленный и предвзятый характер. Готов привести, если потребуется, целый ряд доказательств. Все, что в материалах дела свидетельствовало о моей невиновности, начисто игнорировалось судом. Напротив: к делу приобщались любые, в том числе и фальшивые документы, бросающие на меня тень…
>
> К сожалению, и Ленгорсуд, и Ленгорпрокуратура делали и делают все возможное для того, чтобы придать действиям Луковникова в данном случае характер неумышленной судебной ошибки и тем самым снять основной вопрос – о сознательно сфабрикованном против меня уголовном деле. Но улики неопровержимы, и я не сомневаюсь, что рано или поздно, преодолевая преграды, воздвигнутые ленинградскими «правоохранительным» аппаратом, Закон скажет наконец свое слово…
>
> Беспринципный судья, хладнокровно отправляющий в лагерь ни в чем не повинного человека, – характерная фигура нашего печальной памяти прошлого. И если такие «исполнители» останутся сидеть в своих судейских креслах, мы вряд ли можем надеяться на перемены в нашей общественной жизни!

Излишне говорить, что и Ленгорсовет не внял увещеваниям Азадовского. А.С. Луковников был утвержден народным судьей в очередной раз, а в 1994 году сменил судейскую мантию на кресло нотариуса.

Еще один яркий пример: бывший парторг Училища имени В.И. Мухиной Вячеслав Яковлевич Бобов, один из авторов клеветнической характеристики. Мы уже знаем, что все попытки привлечь его к ответственности оказались безуспешными. Даже в 1989 году, когда он оказался в числе ответчиков по иску Азадовского, он так же, как и в 1988 году, просто не являлся в суд по повестке. Тогда Азадовский 31 июля написал обращение в обком КПСС, в котором изложил суть дела и просил партийное начальство обязать своего сотрудника соблюдать законы. Это письмо завершалось словами: «А может быть, для сотрудников Обкома КПСС действительно существуют иные нормы и требования Закона, нежели для остальных советских граждан?»

В результате этого обращения В.Я. Бобов все-таки вынужден был явиться в суд, хотя никакого наказания в уголовном порядке он, разумеется, так и не понес – «за отсутствием в его действиях состава преступления».

Невозможно было дотянуться и до сотрудников Комитета государственной безопасности – они были и вовсе неприкасаемы. В этой связи необходимо сказать о событиях 1992 года, когда в руководстве ленинградского Управления начались кадровые перестановки.

5 октября 1992 года генерал-лейтенант Сергей Степашин, заместитель министра безопасности РФ и одновременно начальник Управления МБ РФ по Санкт-Петербургу и Ленинградской области, был освобожден от своей должности – он готовился переехать в Москву для работы в Верховном Совете. На его место в Петербурге, но уже без ранга замминистра, был назначен полковник госбезопасности В.В. Черкесов. Последний был хорошо известен в городе: в прежние годы он служил в Пятой службе, лично расследовал дела диссидентов и «политических». В городе на Неве поднялась волна протеста. С.В. Степашин, автор кандидатской диссертации на тему «Партийное руководство

противопожарными формированиями Ленинграда в годы Великой Отечественной войны», защищенной на истфаке ЛГУ в 1986 году, а затем преподаватель в Высшем пожарном училище МВД СССР, воспринимался в те годы как представитель новой России и ее первого президента. И не случайно. С.В. Степашин был хотя и сдержанным, но демократически настроенным чиновником; свою позицию он убедительно проявил в 1991 году, когда отказался поддержать ГКЧП. За это его одни порицали, другие поощряли; в целом же его некровожадная, с гуманитарным уклоном личность, не имеющая никакого шлейфа, кроме пожарного дыма, вызывала симпатии в городе Ленина.

И тут на гребне демократической волны появляется кадровый чекист Виктор Черкесов, в 1975–1988 годах профессиональный борец с инакомыслием, и становится приказом министра безопасности РФ В.П. Баранникова руководителем управления. 20 ноября 1992 года городской совет принял письмо граждан к президенту России Б.Н. Ельцину, в котором отмечалось, что новый начальник «участвовал в качестве следователя… в политических процессах против инакомыслящих в 80-х годах в Ленинграде». При этом игнорировалось то обстоятельство, что в дни ГКЧП Черкесов примкнул к Собчаку. Но президент ответил молчанием, и Черкесов сохранил свое место. Сам факт, что кандидатура Черкесова была согласована с мэром Санкт-Петербурга, вызывала тогда всеобщее недоумение. Относительно этого скандального назначения петербургский историк Р.Ш. Ганелин (1926–2014) рассказывал о своей беседе с Анатолием Собчаком автору этих строк:

> Р.Г. Анатолий Александрович, ну неужели это было так необходимо?
> А.С. Знаете, Рафаил Шоломович, у меня просто не было выбора.

В петербургских газетах начинается атака на нового начальника Большого дома. Демократические газеты изничтожали Черкесова за принадлежность к чекизму; черносотенные – за сдержанность и «мягкотелость». Тогда же выяснилось, что кроме В.В. Черкесова в кадровом резерве министра находится и А.В. Кузнецов, начальник отдела по борьбе с терроризмом. Нужно отметить, что отделы по борьбе с терроризмом были организованы КГБ на развалинах 5-й службы: 11 августа 1989 года Пятое управление было преобразовано в Управление по защите советского конституционного строя (Управление «З»), которое было ликвидировано в сентябре 1991 года, но, конечно, не испарилось, а мутировало в Управление по борьбе с терроризмом МБ РФ, а впоследствии сменило еще несколько ипостасей.

Вот что писал журналист Виктор Резунков в газете «Час пик» 7 декабря 1992 года:

> …Не могу не вспомнить о высказывании министра безопасности Баранникова в связи с уходом С. Степашина… Министр сказал, что в этом аппарате нет не запятнавших себя в прошлом кандидатур на этот пост, и это, похоже, соответствует действительности. Кроме В. Черкесова, претендентом на пост начальника был А. Кузнецов, ныне возглавляющий отдел по борьбе с терроризмом. Сколько террористов поймали сотрудники этого недавно созданного отдела, неизвестно, зато известно другое. А. Кузнецов активно участвовал в фабрикации уголовных дел против ленинградских писателей. В частности, одно (и, пожалуй, единственное) раскрытое дело – против известного ленинградского историка литературы и переводчика Константина Азадовского…

Известная своим трепетным отношением к национальному чувству московская газета «День» поместила тогда же статью Н.М. Анисина «Погром на Литейном»; в ней прямо говорилось о выполненном Степашиным на Литейном, 4 «социальном заказе антигосударственных сил… для защиты оккупационной власти». Другая часть статьи была посвящена новому руководству:

> …На должность начальника управления назначен полковник Черкесов –

> кагэбешник с 17-летним стажем. Сумеет ли он угодить сегодняшним марионеточным хозяевам России, специалистам пока не ясно [не совсем ясно и то, о каких специалистах тут автор ведет речь. – *П.Д.*]. Но если не сумеет, первую скрипку в борьбе с главным противником правящего режима – русским национализмом, вероятно, возьмет на себя Александр Кузнецов, нынешний начальник службы по борьбе с терроризмом.
>
> Кузнецов… – не только опытный профессионал, но и сильная личность. В свое время он занимался борьбой с еврейским национализмом и добивался превосходных результатов. Евреи-диссиденты, наверное, помнят Кузнецова как человека умного и хваткого… Повторим еще раз: Кузнецов – сильная личность и способен на многое. Лет десять назад он вел дело писателя Константина Азадовского, который в конце концов схлопотал срок за наркотики. Кузнецов получил за операцию по Азадовскому денежную премию…

И, наконец, в «Московских новостях» от 13 ноября 1992 года появилась статья Нины Катерли «Кто такие “друзья народа”», где также было рассмотрено славное прошлое Черкесова и Кузнецова. Но, как можно видеть, никакого значения для Азадовского такое паблисити одного из исполнителей его уголовного дела не имело.

Н. Катерли в своей статье привела емкое высказывание Черкесова на одной из пресс-конференций: «Приговор диссидентам выносил суд, а вовсе не следственный отдел КГБ». Это объяснение Виктора Васильевича как бы возвращает нас к тому, о чем говорилось выше, – о попытках Азадовского привлечь к ответственности судью Луковникова. Неутешительный результат известен.

Без лишних пояснений, а особенно из списка документов, помещенного в конце этой книги, можно понять, сколь много времени и сил, душевных и физических, было затрачено ученым ради призрачного «правосудия». Как реагировать на эту «одержимость»? С юмором? Или спокойно? Писаниной такого рода занимаются обычно городские сумасшедшие, коих мы нет-нет да и встречаем на почте – они всегда приметны внешне, вооружены кипой замусоленных бумажек, что-то пишут и отправляют. Адрес получателя известен: Москва, Кремль…

Но Азадовский! Ведь он имел чем заняться: разъезды по миру, научная работа, семья, друзья… Каким образом он продолжал, не отступая, вести эту «вторую жизнь»? А главное, зачем?

Как нам кажется, было несколько источников, питавших этот «вечный двигатель». Первый – какая-то наивная, совершенно безосновательная в России, идеалистическая вера в правосудие. Можно только удивляться, что Азадовскому удалось пронести ее через годы – «вопреки всему» и «несмотря ни на что». Второй относится к иной области. Азадовский совершенно верно рассчитал, что если дать истории своего уголовного дела покрыться слоем пыли, то не останется уже абсолютно никаких перспектив узнать «всю подноготную», назвать и наказать виновных. И второй импульс, хотя и не в полной мере, в конце концов оправдал себя. Игра, как покажет дальнейшее, все же стоила свеч.

Глава 16
Реабилитация

Новая Россия

В ночь с 18 на 19 августа 1991 года группа высших должностных лиц СССР образовала ГКЧП и фактически отстранила президента СССР М.С. Горбачева от исполнения обязанностей. 19-го числа президент РСФСР Борис Ельцин подписал указ, в котором квалифицировал образование ГКЧП как государственный переворот. Во вторник, 20 августа 1991 года, в наиболее массовом независимом печатном органе Ленинграда – газете «Невское

время» – на первой полосе появились несколько материалов: заявление членов ГКЧП, указ Б.Н. Ельцина, а также воззвание «К гражданам России» от ее руководителей – президента Ельцина, председателя Совета Министров И.С. Силаева, и.о. председателя Верховного Совета Р.И. Хасбулатова. Внизу полосы был размещен фрагмент выступления А.А. Собчака на чрезвычайной сессии Ленсовета – «Предать суду тех, кто встал на пути свободы».

На той же полосе, в ее центре, был и третий материал – голос ленинградской прогрессивной интеллигенции, под которым стояло всего шесть подписей: М.М. Молоствов, С.А. Лурье, М.М. Герман, Н.С. Катерли, Г.Ф. Николаев, К.М. Азадовский. Вот его текст:

> Сограждане!
>
> Неужто нам только померещилось, будто наша жизнь имеет смысл, а у нашей великой родины есть будущее? Неужто полдюжины изменников отнимет у наших детей последнюю надежду увидеть родную страну свободной, цивилизованной, счастливой? Неужто отдадим их в полное распоряжение партийных, полицейских, армейских начальников – сытых, бездарных, бесчестных?
>
> Заговорщики задумали погубить страну. Если мы это им позволим – мы заслужили свою судьбу.
>
> Не позволим!
>
> Нас – 300 миллионов
>
> Мы – не рабы!

О том, как рождалось это обращение и почему его подписали всего шесть ленинградцев, позднее вспоминала Нина Катерли:

> У Мариинского дворца собиралась толпа. Здесь лица были другими – взволнованными. Первым, кого я увидела, был Михаил Молоствов, рядом Константин Азадовский. Мы стояли в толпе, по которой волнами прокатывались слухи – к нам движутся войска, Собчак вот-вот прилетит из Москвы, нет, уже прилетел, нет, он будет в четвертом часу… Потом я слышала, будто, прилетев около трех часов дня в Пулково и чудом избежав ареста сперва в Москве, а потом и в Ленинграде, куда за ним выехала группа захвата, Собчак прямо с самолета отправился в штаб военного округа, на Дворцовую площадь. В штабе у командующего округом генерала Самсонова собрались руководители города, склонные поддержать путчистов и ввести в Ленинграде чрезвычайное положение. Этим-то людям Собчак и объяснил, что юридических оснований для введения чрезвычайного положения в городе нет, для этого как минимум необходимо решение Президента и согласие парламента. Так что выполнение указаний незаконно захватившего власть ГКЧП – преступление. После этого, оставшись вдвоем с генералом Самсоновым, Собчак имел с ним долгий разговор, в результате которого Самсонов дал слово не вводить в Ленинград войска. И сдержал это слово.
>
> Но мы этого знать не могли, мы, стоя на площади, все ждали мэра. Не помню, кому первому пришла в голову мысль пойти пока в редакцию газеты «Невское время», расположенную по соседству. Придя туда, мы увидели бледного Самуила Лурье, правившего какой-то текст. Это был текст обращения, под которым он тут же поставил свою подпись. Мы подписали это обращение тоже. Лурье, усмехнувшись, сказал мне: «А вы понимаете, Нина, что, может быть, сейчас вы подписали себе путевку в тюрьму?» Я понимала. И – чего уж греха таить – в первый момент моя рука дрогнула. Насколько легче было бы мне расписаться, если б я знала, что через несколько часов мэр города в кабинете генерала Самсонова так же, как мы, назовет ГКЧП – преступниками… Так или иначе, мы, несколько человек, поставили под обращением подписи, на следующий день оно появилось в «Невском времени», а еще, напечатанное в виде листовки, было ночью с 19-го на 20-е расклеено по городу и наутро роздано пришедшим на митинг.

Среди ленинградских чиновников, поддержавших ГКЧП, оказался и прокурор города А.Д. Васильев. Это обстоятельство побудило Азадовского выступить 3 сентября 1991 года в том же «Невском времени» со статьей «Не обманитесь!», обращенной к депутатам Ленсовета. Коснувшись подробностей многолетнего попирания его прав Прокуратурой Ленинграда, он завершал следующими словами:

> Обращаюсь к согражданам. Обращаюсь к депутатам Ленсовета.
>
> Не думайте, что случай такого рода – единственный. Таких случаев множество. Ленгорпрокуратура, точнее – руководящая ее часть, была долгие годы служанкой КГБ, неотъемлемой и существенной структурой того самого партийно-бюрократического аппарата, в недрах которого и созрел антиправительственный заговор. Как же можно доверять этим людям расследование его причин и последствий? Как могут они сегодня вершить правосудие – они, столпы и опоры «социалистической законности», охранявшие прежний порядок, душившие любое инакомыслие? Где и по какому принципу будут они выискивать нарушителей Закона? И главное – по какому праву? Разве сами они защитили Закон в роковые дни 19–21 августа? Выразили хотя бы поддержку законно избранным органам власти? Отреклись от предателей? Разве они оградили нас в предыдущие годы от пропаганды ненависти и насилия, проповедей национализма и антисемитизма в нашем городе? Почему же вы доверяете им? Почему разрешается им по-прежнему вызывать и допрашивать, освобождать от ответственности членов комиссии по чрезвычайному положению, иметь допуск к опечатанным архивам КПСС и КГБ? Кто – по умыслу или недомыслию – поручает им ту великую очистительную работу, которая единственно может создать предпосылки и гарантии, что фашизм не воскреснет? Что не всплывут на поверхность – когда все «успокоится» – новые янаевы и крючковы?
>
> Нам нужна обновленная городская прокуратура! Задумайтесь! Да послужит вам, народные депутаты, отрезвляющим уроком то, что произошло с бывшим прокурором города А.Д. Васильевым, открыто поддержавшим путчистов. Не дайте обмануть себя! Обманувшись снова, вы заплатите слишком дорогой ценой.

Впрочем, как мы теперь знаем, «становление демократии в Петербурге» под руководством А.А. Собчака имело свою специфику. Основную свою задачу Анатолий Александрович видел не только в ликвидации коммунистической оппозиции, но и в утверждении собственного единовластия в городе. Избранный 23 мая 1990 года председателем Ленсовета, Собчак еще вынужден был считаться с городским парламентом, но после 12 июня 1991 года, когда его избирают мэром города, Ленсовет становится мощным противником мэра. Впрочем, в той ситуации поначалу трудно было понять, насколько ошибочны или действительно необходимы действия мэра по усмирению органа городской законодательной власти. Тем не менее демократизация Петербурга проводилась способом весьма необычным для традиционных демократических процедур, а именно с привлечением, как уже говорилось, старых чекистских кадров.

В этой связи, конечно, не было особой надежды, что А. Собчак будет по такому частному поводу, как дело Азадовского, дергать и теребить ту структуру, которая теперь, в условиях Новой России, оказалась его важнейшим и верным союзником.

На волне демократических преобразований возникла в то время фигура генерала госбезопасности в запасе Олега Калугина – выдвиженца Ю.В. Андропова, бывшего разведчика, «сосланного» в Ленинград на должность заместителя начальника УКГБ, каковую он и занимал с января 1980 до 1987 года, а в феврале 1990 года был уволен в запас, позднее – в отставку. Однако Калугин, который еще в 1987 году написал Горбачеву о необходимости реформирования КГБ, не захотел быть в 55 лет пенсионером и примкнул к демократическому движению. В 1990 году он был избран народным депутатом СССР, в 1991-м, после августовских событий, был несколько месяцев советником председателя КГБ В.В. Бакатина, затем, в 1995 году, выехал в США, где и получил постоянное

местожительство. В 2002 году заочно приговорен к 15 годам лишения свободы за разглашение государственной тайны.

Так вот, в 1990 году российские и иностранные журналисты неоднократно задавали Калугину вопрос: знает ли он подробности дела Азадовского – ведь оно разворачивалось как раз в тот момент, когда он был в руководстве Большого дома? На это Калугин неизменно отвечал, что дело Азадовского действительно готовилось в Большом доме, а непосредственным вдохновителем и организатором был, по его словам, первый заместитель начальника УКГБ по Ленинградской области генерал В.Н. Блеер.

Казалось бы, назван главный виновник. Однако нам не хотелось бы опираться только на эту версию. И не потому, что бывшие и нынешние сотрудники госбезопасности считают генерала Калугина предателем. Дело в том, что Калугин сам, наряду с В.Н. Блеером, руководил тогда ленинградским главком (ему были вверены контрразведка в Ленобласти, пограничная служба и Комиссия по выезду за рубеж), и эта его должность – первого заместителя начальника УКГБ – открывала перед ним почти неограниченные возможности. «С точки зрения решения оперативных вопросов, – рассказывал Калугин, – я был наделен весьма большими полномочиями, имел право давать санкции на заведение дел по проверке советских и иностранных граждан, подслушивание их телефонов и квартир, перлюстрацию корреспонденции, организацию визуального наблюдения, тайное проникновение и обыски в жилищах проверяемых лиц». Касалось это и «подопечных» 5-й службы – Калугин не отрицает, что контакты с сотрудниками этой службы были у него постоянно. То есть нельзя полностью исключить, что Калугин и сам до известной степени мог быть причастен к этому делу.

Но еще более сомнительна противоположная точка зрения, будто дело Азадовского инициировал или контролировал генерал Калугин, – эта версия выдвигалась впоследствии самими чекистами. При всех своих «контактах» с 5-й службой Калугин не курировал ее напрямую; всю работу с «диссидентами» возглавлял генерал В.Н. Блеер. И как раз следы В.Н. Блеера мы и обнаруживаем в деле Азадовского…

Прежние привычки

18 октября 1991 года Б.Н. Ельцин подписал Закон РСФСР «О реабилитации жертв политических репрессий», а 16 декабря Президиум Верховного Совета принял постановление о создании Комиссии ВС по реабилитации жертв политических репрессий. Полномочия этой Комиссии были достаточно широки, но особенно следует подчеркнуть следующие пункты, оговоренные в постановлении: свободный доступ к архивам судов, военных трибуналов, органов прокуратуры, государственной безопасности, внутренних дел и другим архивам, а также возможность «запрашивать от органов государственной власти… документальные материалы и иную информацию, необходимую для деятельности Комиссии».

Формально Азадовский подпадал под действие этого постановления, поскольку хронологически политические репрессии имели теперь лишь нижнюю границу – 25 октября (7 ноября) 1917 года. То обстоятельство, что он был осужден по уголовной статье, также не являлось преградой, потому что новое законодательство обязывало Комиссию изучать дела «лиц, реабилитированных в общем порядке, когда имеются основания рассматривать факт привлечения их к ответственности и осуждение как политическую репрессию».

Кроме того, незадолго до подписания этого важного закона – 3 сентября 1991 года – Азадовский сам обратился к председателю Комиссии Верховного Совета РСФСР по безопасности С.В. Степашину (который, возможно, был в курсе дела Азадовского по своей прежней должности в Большом доме); копия письма была послана и председателю В.В. Бакатину. Завершая свое обращение, Азадовский писал:

> Я хорошо представляю себе, что сотрудники КГБ руководствовались в

> 1980 г. совершенно иными инструкциями, чем, скажем, в середине или второй половине 80-х годов. И все же меры, примененные ко мне и моей жене, нельзя оправдать никакими ссылками на «то время». Я – ученый-филолог, переводчик и литературовед, никогда не занимался так называемой «диссидентской» деятельностью, не распространял «антисоветской» литературы, мои контакты с иностранными гражданами всегда носили сугубо профессиональный характер. То же относится и к моей жене. Так почему же, на каком основании сотрудники КГБ так жестоко (и притом – противозаконным способом!) искалечили наши жизни?!

Просьба, изложенная в обращении, – «исследовать обстоятельства дела, установить истинные причины и наказать виновных» – была спущена из секретариата С.В. Степашина в Прокуратуру РСФСР, где уже не раз рассматривались обращения Азадовского. Тем не менее 27 февраля 1992 года Прокуратура РСФСР ответила Азадовскому в прежнем ключе:

> …Работники правоохранительных органов, причастные к расследованию, к дисциплинарной ответственности привлечены быть не могут, поскольку истекли предусмотренные законом сроки давности. Ваше предложение о том, что наркотические вещества могли быть вам подброшены работниками милиции либо УКГБ, проверялись, но объективного подтверждения не нашли. В связи с этим оснований для привлечения указанных лиц к уголовной ответственности не имеется. Доводы жалобы о невиновности Лепилиной в совершенном преступлении несостоятельны. Осуждение Лепилиной… признано обоснованным. В опротестовании принятых по делу судебных решений руководством Прокуратуры Российской Федерации отказано.

Но когда была создана и начала свою работу Комиссия по реабилитации жертв политических репрессий, Азадовский попытался в очередной раз апеллировать к отечественному правосудию. 10 сентября 1992 года он отправил в Москву на имя председателя Комиссии А.Т. Копылова многостраничное заявление. В частности, он писал:

> Что можно исправить теперь, спустя 12 лет? Утверждая, что все возможности установить истину «исчерпаны», прокуратура стремится лишь к одному – замять это дело, уклониться от его анализа. Между тем, любому непредвзятому юристу, знакомому с материалами дела, сразу же становится ясно, что действия следователя, прокурора и судьи с самого начала (задержание Лепилиной, обыск и т. д.) носили заведомо преступный, умышленный характер. Нетрудно было бы, произведя соответствующие следственные действия, установить, кто именно из лиц, производивших обыск, подложил мне наркотик. Но этого-то и старается не допустить прокуратура всеми возможными способами!
>
> Не подлежит сомнению, что данное уголовное дело, разыгранное по сценарию госбезопасности и ею, по сути, осуществленное, является делом политическим. Но почему именно в отношении меня и моей жены был затеян в 1980 г. весь этот спектакль с наркотиками?..
>
> Данное уголовное дело получило широкий резонанс и в нашей стране, и за рубежом. Все писавшие или выступавшие по данному поводу были единодушны, оценивая это дело как политическое.
>
> Прошу Комиссию по реабилитации жертв политических репрессий ВС РФ изучить прилагаемые материалы (на 54-х листах) и признать меня жертвой политической расправы, учиненной надо мною органами КГБ. Прошу также ходатайствовать перед Прокурором РФ о реабилитации моей жены С.И. Лепилиной (Азадовской).

В конце декабря 1992 года Азадовский отправил по тому же адресу еще одно письмо, в котором просил Комиссию по реабилитации затребовать в Министерстве безопасности РФ материалы проверки, проведенной в Ленинграде осенью 1988 года (после его обращения на имя В.М. Чебрикова) следователями центрального аппарата КГБ СССР.

Однако в качестве подарка на 1993 год Константин Маркович получил письмо из Генеральной прокуратуры, датированное 31 декабря 1992 года. Заместитель генпрокурора Е.К. Лисов сообщал Азадовскому, что его заявление в Комиссию Верховного Совета по реабилитации жертв политических репрессий рассмотрено… в Генеральной прокуратуре. Как такое могло произойти, Азадовский не знал, но его вновь охватило ощущение обреченности. Евгений Кузьмич Лисов, издавший в 1992 году в соавторстве с Генеральным прокурором В.Г. Степанковым книгу о деле ГКЧП под названием «Кремлевский заговор: Версия следствия», повторял в письме Азадовскому прежние, уже набившие оскомину строки:

> Уголовные дела в отношении Вас и Лепилиной С.И. изучались в Прокуратуре Российской Федерации, и Ваши доводы о том, что они сфабрикованы органами госбезопасности, не нашли объективного подтверждения.
>
> К задержанию Лепилиной с наркотическим веществом, возбуждению и расследованию уголовного дела сотрудники КГБ отношения не имели. В ходе предварительного следствия и судебного заседания Лепилина вину свою признала… Оснований для принесения протеста на судебный приговор по делу Лепилиной не имеется.
>
> Обыск в Вашей квартире был произведен сотрудниками милиции в связи с тем, что Лепилина хранила там свои вещи. Сотрудники КГБ принимали участие в этом обыске с согласия начальника 15 отделения управления уголовного розыска ГУВД Леноблгорисполкомов Бадаева Ю.М. для изъятия изданной за рубежом и запрещенной к распространению в СССР литературы. Такая литература действительно была изъята во время обыска и впоследствии по указанному факту в возбуждении уголовного дела отказано ввиду отсутствия данных о ее распространении Вами. В ходе дополнительного расследования уголовного дела о приобретении и хранении наркотических веществ, обнаруженных в книжной полке Вашей квартиры, новых доказательств Вашей виновности получено не было и уголовное дело прекращено по реабилитирующим основаниям.
>
> Прокуратурой г. Ленинграда проводилась проверка по Вашему заявлению о подбрасывании наркотика во время обыска, которое не подтвердилось. Вместе с тем установлено, что при производстве обыска нарушены требования ст. 141 УПК РСФСР – участвовавшие в его производстве сотрудники КГБ не были внесены в протокол. Это нарушение не образует состава преступления, в связи с чем в возбуждении уголовного дела в отношении работников милиции и госбезопасности отказано обоснованно.
>
> Установить конкретные основания этапирования Вас для отбывания назначенного судом уголовного наказания в Магаданскую область не представилось возможным ввиду уничтожения личного дела осужденного и документов на этапирование за истечением срока хранения.

Конечно, Азадовский привык к таким ответам. И, в сущности, он был даже не слишком обескуражен – все эмоции к тому времени давно притупились. Всего мучительней была для него мысль о том, что, если даже при новой власти невозможно доказать свою правоту, значит, это не новая власть, а только иллюзия. И, значит, кошмар его жизни никогда не закончится.

Решение комиссии Верховного Совета

Александр Терентьевич Копылов был одним из немногих депутатов, не испорченных высокими административными постами в годы советской власти. Он родился в деревне Маношкино Сорокинского района Алтайского края, после службы в рядах советской армии окончил юридический факультет Алтайского университета, а с 1975 года работал на Барнаульском заводе резинотехнических изделий – крупнейшем предприятии химической промышленности на Алтае. С наступлением перестройки и демократизации Копылов стал

активным участником Алтайского краевого отделения «Демократической России», баллотировался на выборах народных депутатов СССР в 1989 году, но проиграл; в 1990-м, возглавив краевое отделение «Демократической России», он опять баллотировался на выборах в Верховный Совет РСФСР и выиграл их во втором туре, обойдя с небольшим перевесом председателя Барнаульского горисполкома. Во время путча 1991 года он вместе с В.А. Рыжковым, своим заместителем по краевому отделению «Демократической России», проводил митинги демократических сил против ГКЧП; тем самым Барнаул стал одним из немногих городов России, где имел место публичный организованный протест.

На Съезде народных депутатов РСФСР в июне 1990 года А.Т. Копылов был избран в Конституционную комиссию, после чего принимал участие в работе Комитета по правам человека ВС РСФСР по подготовке закона о реабилитации жертв политических репрессий. Когда же в 1991 году из недр Комитета по правам человека родилась и сама Комиссия по реабилитации жертв политических репрессий, то Копылов возглавил ее и был, собственно, единственным руководителем этой Комиссии до событий осени 1993 года. Вот почему Комиссия 1991–1993 годов часто именуется Комиссией Копылова.

То обстоятельство, что прокуратура направила свой ответ на запрос Азадовского в Комиссию Копылова, было обычной практикой того времени, поскольку именно бумага из прокуратуры являлась тем документом, который принимали на рассмотрение органы социального обеспечения при назначении льгот или пенсий.

Комиссия не сразу смогла наладить свою работу. Удостоверения репрессированных долго не печатались (особенно трудно с этим было почему-то в Петербурге); их стали выдавать только с ноября 1992 года. В своем интервью «Российской газете» от 26 февраля 1993 года («Расстрелянное поколение просит пощады») Копылов указывал, что исполнение закона о реабилитации встречает наибольшую трудность именно в городе на Неве: «У нас много жалоб из Санкт-Петербурга. Мы обратились к прокурору принять меры для соблюдения закона».

В другом своем интервью Копылов отмечал, что Комиссия, разбирая то или иное дело, постоянно наталкивается на препятствия при получении необходимых документов. А в своем выступлении в «Российской газете» от 18 сентября 1992 года («Унижали беззаконием. А теперь – законом?») А.Т. Копылов поднял проблему, к тому времени уже отчасти преодоленную, – о доступе к грифованным документам:

> Почему же так мучительно долго тянется сам процесс реабилитации жертв политических репрессий и восстановления их прав? Дело в том, что с конца двадцатых годов и до недавнего времени в стране широко применялись закрытые (секретные) нормативные акты, устанавливавшие уголовную и другие виды юридической ответственности. Их цель очевидна – скрыть репрессивную сущность законодательства, его несоответствие принципам международного права и нормам нравственности. По инициативе Комиссии Верховного Совета по реабилитации жертв политических репрессий Президент России издал Указ о снятии ограничительных грифов с законодательных и иных актов, служивших основанием для массовых репрессий и посягательств на права человека.
>
> Сейчас задача состоит в том, чтобы государственные органы, где хранятся такие документы (Министерство безопасности, Министерство внутренних дел, Генеральная прокуратура и др.), достаточно быстро провели работу по исполнению Указа Президента.

Речь идет об Указе Б.Н. Ельцина № 658 от 23 июня 1992 года «О снятии ограничительных грифов с законодательных и иных актов, служивших основанием для массовых репрессий и посягательств на права человека». В 3-м пункте этого указа (что особенно важно в контексте нашего повествования) уточнялось, что речь идет не только о законодательных и нормативных актах, но и о документах более частного порядка – открывались «протоколы заседаний внесудебных органов, служебная переписка и другие

материалы, непосредственно связанные с политическими репрессиями».

Таким образом, несмотря на то что в конце 1992 года прокуратура уже дала Константину Марковичу очередной заряд бодрости своим отказом, Комиссия Копылова имела все основания еще раз рассмотреть его заявление – самостоятельно и непредвзято.

Результатом этого рассмотрения стало письмо на бланке Верховного Совета РСФСР от 17 июня 1993 года:

> **Уважаемый Константин Маркович!**
>
> Ваше заявление Комиссией Верховного Совета Российской Федерации по реабилитации жертв политических репрессий рассмотрено.
>
> Своим решением от 24 мая 1993 г. Комиссия признала, что в 1981 году Вы подверглись репрессии по политическим мотивам, в связи с чем на Вас распространено действие статей 12–16 Закона РСФСР «О реабилитации жертв политических репрессий». Справка Комиссии при этом высылается.
>
> Уведомляем Вас, что Комиссией направлено письмо Генеральному прокурору Российской Федерации Степанкову В.Г. с просьбой провести по делу Вашей жены С.И. Лепилиной (Азадовской) дополнительную проверку и рассмотреть вопрос о ее реабилитации. О результатах Вы будете поставлены в известность Генеральной прокуратурой РФ.
>
> Выражая глубокое сочувствие в связи с необоснованной политической репрессией, допущенной по отношению к Вам со стороны тоталитарного государства, желаю Вам, Константин Маркович, доброго здоровья и благополучия в жизни.
>
> С уважением,
>
> Председатель Комиссии, народный депутат Российской Федерации А.Т. Копылов

О состоявшейся реабилитации Азадовского сообщено было в «Российской газете» от 6 августа 1993 года – в статье А.Т. Копылова «Возвращенные имена»:

> Комиссия Верховного Совета России по реабилитации жертв политических репрессий проверяет и анализирует дела сталинских времен и более поздних лет. Незаконно осуждались инакомыслящие и политические противники советского тоталитарного режима. Как правило, их привлекали к уголовной ответственности по сфальсифицированному обвинению, вот конкретные материалы, рассмотренные на одном из последних заседаний.
>
> К. Азадовского, известного в Санкт-Петербурге правозащитника, в 1981 году осудили на два года лишения свободы, как сказано в приговоре, за приобретение у неизвестного лица и незаконное хранение наркотика. Прокуратура Ленинграда уголовное дело прекратила за отсутствием состава преступления только в 1989 году – уже после того, как он полностью отбыл свой срок, причем в Магаданской области.
>
> Комиссия же установила, что причиной ареста Азадовского была прямая и явная провокация органов безопасности, под негласным надзором которых он находился с 1976 года за антисоветские высказывания.

Поскольку Азадовский никогда не встречался с А.Т. Копыловым лично, никогда не был на приеме в Верховном Совете РСФСР и все их общение происходило исключительно письменно, у него не было никакой возможности узнать, что же стояло за строками этой статьи. Ведь, делая в главной газете страны заявление о том, что причиной уголовного преследования Азадовского стала провокация органов КГБ, под негласным надзором которых он находился с 1976 года, глава Комиссии утверждал это на основании официальных и весьма надежных документов.

На что же в действительности опиралась Комиссия Копылова? В первую очередь – на документы бывшего КГБ, о которых речь пойдет далее. Но есть еще один штрих, который мы можем добавить в наше повествование со слов непосредственного участника описанных

ниже событий.

В 1992 году в Ленинград прибыла парламентская делегация из Москвы – председатель Комитета по правам человека ВС РСФСР С.А. Ковалев, заместитель ответственного секретаря Конституционной комиссии ВС РСФСР В.Л. Шейнис, эксперт Комитета по правам человека ВС РСФСР А.Б. Рогинский. В числе ведомственных помещений, которые они посетили, был кабинет начальника Управления на Литейном С.В. Степашина. Посетители явились к нему не только в качестве двух известных депутатов и не менее известного правозащитника, но и в качестве членов образованной распоряжением Президиума ВС РСФСР от 14 октября 1991 года Комиссии по организации передачи – приема архивов КПСС и КГБ СССР на государственное хранение и их использованию, председателем которой был Д.А. Волкогонов, а секретарем – Р.Г. Пихоя. Ковалев и Шейнис были утверждены членами этой комиссии как депутаты Верховного Совета, а Рогинский значился привлеченным к ее деятельности экспертом (списочный состав комиссии утвердил своей подписью Р.И. Хасбулатов). Степашина же правозащитники воспринимали в тот момент как своего коллегу и единомышленника, ведь в 1991 году он был назначен председателем Временной депутатской комиссии парламентского расследования причин и обстоятельств государственного переворота в СССР, в поле зрения которой входили секретные архивы КПСС и КГБ.

Одно из поручений Комиссии Волкогонова заключалось в том, чтобы «определить объем и типы архивных документов КГБ (в том числе хранящихся в действующих подразделениях), подлежащих передаче на государственное хранение». С этой целью, прибыв в Ленинград, парламентская делегация и направилась в Большой дом, где была принята Степашиным.

Для помощи гостям Степашин мобилизовал своего помощника В.Л. Шульца (который впоследствии станет заместителем начальника Управления). Шейнис и Рогинский были препровождены в архив, расположенный в том же комплексе Большого дома.

Успеху дела способствовало то обстоятельство, что Шейнис и Шульц были знакомы еще по Ленинградскому университету, где в конце 1960-х Шейнис уже преподавал, а Шульц был еще студентом. Возможно, именно этот момент оказался решающим; во всяком случае, Шульцу хотелось сделать для Шейниса все, что было в его силах, Шейнис же попросил, чтобы Рогинскому показали в архиве «что ему там нужно». В результате Шульц оставил Рогинского в архиве Управления, препоручив его одному из сотрудников и передав тому пожелание Степашина не препятствовать работе эксперта московской комиссии.

Опытный архивист и бывший политзаключенный, Арсений Рогинский пожелал в первую очередь увидеть собственное Дело оперативной разработки (ДОР). Однако выяснилось, что к тому моменту все оперативные дела уже уничтожены (сожжены).

Оказалось, что еще 6 сентября 1990 года председатель КГБ СССР В.А. Крючков подписал приказ № 00111 – «О совершенствовании системы учета и хранения документов на агентуру органов госбезопасности». Этот приказ предписывал до конца 1990 года уничтожить многие тысячи дел центрального архива и территориальных архивов КГБ, фиксировавших политический сыск: личные и рабочие дела агентов, лиц, исключенных из агентуры, содержателей конспиративных квартир, резидентов, оперативные подборки, картотеки на оперативные материалы… А 24 ноября 1990 года в дополнение к вышесказанному Крючков подписал приказ № 00150, согласно которому подлежали уничтожению дела оперативной разработки и дела оперативного наблюдения с окраской «антисоветская пропаганда и агитация», то есть как раз все дела, подведомственные Пятому управлению КГБ. Так ведомство сжигало мосты, отрезало темное прошлое от светлого будущего.

Узнав о том, что дела действительно уничтожены, Рогинский попросил показать ему журнал учета этих дел по 5-й службе, который и был ему выдан. Не слишком толстый журнал, начатый в 1967 году (когда было организовано Пятое управление КГБ), содержал в хронологическом порядке сведения о фигурантах оперативной разработки: подлинные

фамилию, имя и отчество, год рождения, оперативный псевдоним, дату заведения дела и дату его закрытия, число томов. В каждой графе стоял штамп об уничтожении дела, однако и сам перечень конкретных данных был очень важен. В нем Рогинский нашел практически всех своих ленинградских знакомых, ну и, конечно, себя самого.

Рогинский отметил тогда интересную особенность, характерную именно для Ленинградского УКГБ: псевдоним, который давался объекту ДОР, всегда начинался с той же буквы, с какой и настоящая его фамилия, и зачастую имел уничижительный оттенок. А.Б. Рогинский – «Референт», Я.А. Гордин – «Гном», Ю.Н. Вознесенская – «Вобла»; в том же списке нашлось и упоминание о человеке, которому был дан псевдоним «Азеф». Это был Константин Маркович Азадовский, 1941 года рождения. Впрочем, не исключено, что, наделяя то или иное лицо псевдонимом, чекисты имели в виду и семантику образа: «Референт» был редактором самиздатских исторических сборников, публиковавшихся за границей; «Гном» был действительно невысокого роста; «Вобла» выделялась худобой. Что же касается предателя «Азефа», то припомнился, видимо, его отказ от сотрудничества в ту далекую пору, когда его, юного переводчика в «Интуристе», сотрудники госбезопасности считали своим «агентом».

Конечно, в целом это была не такая уж ценная находка – ведь само-то дело уничтожено! Но и факт наличия Азадовского в таком перечне уже говорил о том, что он был объектом разработки 5-й службы, а это, в свою очередь, однозначно свидетельствовало о политической составляющей. Однако еще красноречивее были сохранившиеся (и, вероятно, хранящиеся там до сих пор) отчеты 5-й службы, в которых сообщалось о «реализации» ДОР – и в отношении «Азефа», и в отношении «Референта».

Сведения, выписанные Рогинским из архивных дел Ленинградского УКГБ, были содержательны, но не затрагивали самой сути: механизма провокации. Как выяснилось позднее, Комиссия по реабилитации жертв политических репрессий располагала куда более важной документацией на этот счет.

Итак, Азадовский был признан жертвой политических репрессий. Ценою многолетних сражений со всеми возможными инстанциями он получил наконец доказательство своей невиновности, притом на бланке Верховного Совета. С другой стороны, он окончательно убедился, что где-то существуют документы, подтверждающие прямую причастность органов КГБ к его судьбе и к судьбе Светланы. Однако что это за бумаги? Он так и не смог их увидеть. Да и само письмо А.Т. Копылова и справка о реабилитации, что прилагалась к письму, могли служить лишь доказательством его победы в войне за собственное честное имя. Официальные органы в 1990-е годы не торопились с признанием решений, принятых давно не существующим Верховным Советом. И только в 2001 году Азадовский получит от Прокуратуры Санкт-Петербурга официальный документ, окончательно признающий его репрессированным по политическим мотивам.

Пересмотр приговора Светланы

Реабилитация Азадовского открывала перспективы для пересмотра дела Светланы, и на это возлагались большие надежды. Да и фраза А.Т. Копылова относительно обращения к Генеральному прокурору уже не звучала столь безнадежно, как прежде, ведь механизм, казалось, уже был запущен.

В результате требования Генеральной прокуратуры 10 августа 1993 года Прокуратура Санкт-Петербурга вынесла постановление о возобновлении производства по делу Лепилиной «по вновь открывшимся обстоятельствам». «Стали известны сведения о том, – говорилось в постановлении, – что Лепилина могла быть жертвой провокации». Однако прокуратура города – не совсем понятно, по какой причине, – поручила это дело прокуратуре Московского района, и 31 декабря 1993 года районный прокурор А.М. Бородин вынес постановление о прекращении дополнительного расследования «за отсутствием оснований к возобновлению дела». Приводим заключительную часть этого документа:

> Изучение материалов уголовного дела в отношении Лепилиной показало, что как в ходе следствия, так и в ходе судебного рассмотрения дела Лепилина признала себя виновной в совершении преступления, предусмотренного ч. 3 ст. 224 УК РСФСР. Кроме того в материалах дела имеется кассационная жалоба Лепилиной, написанная ею собственноручно, в которой она также признает себя виновной в приобретении и хранении наркотиков.
>
> Таким образом, необходимо прийти к выводу, что в отношении Лепилиной провокации не было, она сама без чьего-либо принуждения просила передать ей наркотики и сознательно приобрела их. Кроме того в действиях Лепилиной доказан состав преступления, за что она и была осуждена. То, что ее задержание явилось результатом оперативного мероприятия, не имеет какого-либо значения.

То есть прокурор района Александр Михайлович Бородин (впоследствии он пойдет на повышение и будет работать в Управлении Генеральной прокуратуры Северо-Западного федерального округа) прекратил расследование, не усомнившись в правильности прежнего приговора, и отчитался перед Генеральной прокуратурой о проделанной работе.

Но когда дело вернулось в Москву, то оно по счастливой случайности попало в руки Николая Николаевича Дедова, старшего прокурора Управления по надзору за следствием и дознанием. Это был опытный и честный прокурор (вскоре он перейдет в Конституционный суд РФ на должность главного консультанта судьи Н.В. Витрука), и он не согласился с выводом петербургского коллеги:

> Изучение материалов дела в Генеральной прокуратуре Российской Федерации показало, что это постановление не основано на собранных доказательствах. Как видно из материалов дела, Лепилина на всем протяжении предварительного следствия не признавала себя виновной и утверждала, что 18 декабря 1980 в кафе ее пригласил знакомый иностранец по имени Хасан, которому она ранее передавала варенье и лекарства. Он сообщил, что уезжает из СССР, и в благодарность подарил ей джинсовые брюки, две пачки сигарет и передал ей пакетик, сказав, что в нем горная трава, которую можно курить. О том, что в пакетике находится анаша, она не догадывалась, так как наркотические вещества не употребляла.

Более того, Н.Н. Дедов затребовал дополнительных объяснений от Азадовской (Лепилиной).

Однако ничего из того, о чем мы сейчас рассказали, Азадовские в тот момент не знали. Все прокурорское расследование проводилось втайне от них, и они терпеливо продолжали ждать вердикт от Генеральной прокуратуры. Но никаких новостей не было с июня 1993 года, и их ненадолго пробудившиеся надежды стали – уже в который раз – иссякать и гаснуть. Однако в начале марта 1994 года раздался телефонный звонок из прокуратуры города – Светлану просили срочно прийти на прием. Сотрудник интересовался подробностями ее уголовного дела, а затем попросил Светлану изложить некоторые факты письменно.

> В объяснении на имя прокурора г. Санкт-Петербурга от 04 марта 1994 г. Азадовская (Лепилина) С.И. заявила, что изменила эти показания в суде по совету ныне умершего адвоката Бреймана в целях смягчения меры уголовного наказания. С этой же целью в кассационной жалобе, написанной ею при участии адвоката, она не оспаривала своей вины, хотя фактически не подозревала, что Хасан передал ей анашу, назвав горной травой, которую она считала средством курения от головной боли.

И опять тишина…

Но Генеральная прокуратура не бездействовала – тем временем Н.Н. Дедов продолжил прокурорскую проверку и пришел к совершенно неожиданным, после почти

четырнадцатилетнего однообразного течения этого дела, выводам:

> При указанных обстоятельствах нельзя прийти к выводу о доказанности умысла Азадовского (Лепилиной) С.И. на приобретение и хранение наркотического вещества. В соответствии с принципом презумпции невиновности все сомнения должны быть истолкованы в ее пользу, т. е. обвинительный приговор и кассационное определение подлежат отмене, а уголовное дело – прекращению.

И вот 5 апреля 1994 года Н.Н. Дедов выносит решение, которое опровергает не только решения органов суда, но даже прежние решения Генеральной прокуратуры:

> Постановление прокурора Московского района г. С. – Петербурга Бородина А.М. от 31.12.93 о прекращении расследования вновь открывшихся обстоятельств по уголовному делу в отношении Азадовской (Лепилиной) С.И. – отменить.
>
> Дело передать в Управление по надзору за законностью судебных постановлений по уголовным делам Генеральной прокуратуры РФ для составления заключения и направления в суд в соответствии с ч. 1 ст. 387 УПК РСФСР.

18 апреля 1994 года это постановление было утверждено старшим помощником Генерального прокурора РФ В.А. Титовым, и дело отправилось обратно – в Санкт-Петербург. Такие решения Генеральной прокуратуры, не слишком привычные для Азадовских, были связаны с тем обстоятельством, что в тот момент, когда дело с заключением А.М. Бородина прибыло из Петербурга, Генеральным прокурором РФ стал Алексей Иванович Казанник, и дело не пошло по привычному пути. В тот короткий период времени неожиданно стало приниматься в расчет такое странное понятие, как «презумпция невиновности». И хотя 26 февраля 1994 года А.И. Казанник, не в силах выдержать давление на свое ведомство со стороны Президента и его администрации, подаст в отставку, делу Лепилиной-Азадовской уже будет дан ход в противоположном направлении.

Азадовские же, повторимся, ни о решении прокурора А.М. Бородина, ни о постановлении Генеральной прокуратуры не знали в то время ровным счетом ничего. Не знали они и о том, что 1 июня 1994 года состоялось судьбоносное для них заседание Президиума Санкт-Петербургского городского суда под председательством Н.Г. Власова, на котором заместитель прокурора Петербурга Е.В. Шарыгин представлял «спущенное» из Москвы уголовное дело Лепилиной и вынужден был поддержать точку зрения Генеральной прокуратуры. Экземпляр постановления Светлана Ивановна получила по почте в конце июня. Сказать, что она была удивлена, – значит не сказать ничего.

> **Постановление**
>
> *Президиума Санкт-Петербургского городского суда от 1 июня 1994 года*
>
> Президиум Санкт-Петербургского городского суда в составе: Председателя – Власова Н.Г., членов – Дюкановой В.И., Агапитова С.В., Яковлевой Т.И., Вишневской Л.Н., с участием зам. прокурора гор. Санкт-Петербурга – Шарыгина Е.В. рассмотрел по заключению прокурора города дело по обвинению Лепилиной С.И. в преступлении, предусмотренном ст. 224 ч. 3 УК РСФСР.
>
> Заслушав доклад члена Президиума Дюкановой В.И., заключение прокурора Шарыгина Е.В., Президиум
>
> Установил:
>
> Приговором Куйбышевского районного народного суда Ленинграда от 19.02.81 Лепилина С.И. осуждена по ч. 3 ст. 224 УК РСФСР к 1 году 6 месяцам лишения свободы. Определением судебной коллегии Ленгорсуда от 05.03.81 года приговор оставлен в силе. Судом Лепилина признана виновной в том, что 18.02.80 года около 18 часов в помещении кафе, расположенного в д. 3/5 по ул. Восстания в

Ленинграде, незаконно приобрела у неустановленного лица для личного потребления 4 гр. наркотического вещества – анаши и хранила его при себе до момента задержания – 18 час. 20 мин. во дворе д. 10 по ул. Восстания.

В заключении прокурор просит отменить приговор и кассационное определение в отношении Лепилиной и о прекращении производства по делу. Президиум, рассмотрев материалы дела, находит заключение обоснованным. 10.08.93 года по настоящему делу была возбуждено производство по вновь открывшимся обстоятельствам в связи со ставшими известными сведениями о том, что Лепилина могла быть жертвой провокации.

На предварительном следствии Лепилина утверждала, что 18.12.80 года в кафе ее пригласил знакомый иностранец по имени Хасан, которому она ранее передавала варенье и лекарства. Он сообщил, что уезжает из СССР, и в благодарность подарил ей джинсовые брюки, две пачки сигарет и передал пакетик, сказав, что в нем горная трава, которую можно курить. О том, что в пакетике находится анаша, она не догадывалась, так как наркотические вещества не употребляла.

В ходе расследования вновь открывшихся обстоятельств к материалам дела приобщены сохранившиеся архивные документы бывших КГБ СССР и УКГБ СССР по Ленинградской области, из которых усматривается, что Лепилина попала в поле зрения УКГБ СССР по Ленинградской области как сожительница Азадовского К.М., состоящего с 1978 года на оперативном учете по подозрению в антисоветской агитации и пропаганде.

При посредничестве Лепилиной получить легализованные материалы об этой деятельности Азадовского не представилось возможным, и в октябре 1980 года УКГБ приняло решение о привлечении Азадовского и Лепилиной к уголовной ответственности за общеуголовное преступление, и тогда же Куйбышевское РУВД Ленинграда было проинформировано о том, что Азадовский и Лепилина занимаются приобретением, хранением и употреблением наркотических веществ. Фактически же в материалах УКГБ таких сведений не имелось. 18.12.80 года сотрудниками РУВД было проведено задержание Лепилиной после получения ею от иностранца – агента УКГБ – джинсовых брюк и пакета с анашой.

В справке КГБ СССР от 21.09.88 года указано, что привлечение Азадовского и Лепилиной к уголовной ответственности явилось результатом провокационных действий агента-иностранца (Хасана), который передал Лепилиной полученные от сотрудника УКГБ джинсы, а также приобретенную им самим анашу (л.д. 137–138).

В заключении УКГБ СССР по Ленинградской обл. от 22.12.88 года указано, что решение о реализации оперативной разработки на Азадовского путем привлечения к уголовной ответственности было принято руководством подразделения УКГБ без достаточных оснований, при отсутствии каких-либо данных. Действия агента-иностранца по передаче Лепилиной джинсов и пакета с анашой являлись провокационными, так как ранее такой договоренности между агентом и Лепилиной не было (л.д. 162–168).

Допросить Хасана не представилось возможным, так как он находится вне пределов России.

При указанных обстоятельствах нельзя придти к выводу о доказанности умысла Лепилиной С.И. на приобретение и хранение наркотического вещества. Таким образом, при наличии обстоятельств, неизвестных суду и свидетельствующих об отсутствии в действиях Лепилиной состава преступления, предусмотренного ст. 224 ч. 3 УК РСФСР, приговор и кассационное определение подлежат отмене по вновь открывшимся обстоятельствам. На основании изложенного, руководствуясь ст. 389 п. 2 УПК РФ, Президиум

Постановил:

Приговор Куйбышевского районного народного суда Ленинграда от 19.02.81 года и определение судебной коллегии по Уголовным делам Ленгорсуда от 05.03.81 года в отношении Лепилиной Светланы Ивановны отменить, в соответствии с п. 2 ст. 5 УПК РФ производство по делу прекратить за отсутствием в ее действиях состава преступления.

Текст этот, поразивший Константина Марковича еще более, чем его супругу, таил в себе много нового и неизведанного, причем решительно нельзя было понять, что же происходит на самом деле. Особенно их заинтриговали слова: «Привлечение Азадовского и Лепилиной к уголовной ответственности явилось результатом провокационных действий». Какие именно действия? С чьей стороны? Что за справка? Неужели это результаты той самой проверки, которая проводилась в 1988 году выездной комиссией КГБ СССР? Это было странно вдвойне, потому как им КГБ отвечал с точностью до наоборот.

Глава 17
Главный вопрос

Сопоставляя ситуацию 1988 года, когда был отменен приговор Азадовскому, с ситуацией 1994 года, нельзя не видеть различий: это были разные исторические эпохи. Азадовские жили в новой стране, их благосостояние заметно упрочилось благодаря участию Константина Марковича в зарубежных и «совместных» проектах – словом, оправдание Светланы не могло иметь для них никаких материальных последствий. Это была исключительно моральная победа.

Тем не менее это событие поставило перед обоими вопросы более высокого порядка, на которые им хотелось получить ответы. Первое, что Азадовские попытались сделать, – ознакомиться с уголовным делом Светланы. Ведь из постановления Президиума суда становилось ясно, что и таинственная «справка из КГБ СССР», и не менее таинственное «заключение УКГБ СССР по Ленинградской обл.» были присоединены к ее уголовному делу и находятся в нем (л. 137–138 и 162–168). Указание номеров листов документов свидетельствовало, что и между ними также находятся какие-то бумаги…

Иначе, впрочем, и быть не могло – материалы проверок обычно присоединялись к уголовному делу. В деле Азадовского также наличествовали подобные суплементы – на их основании Комиссия Копылова и приняла свое решение (материалы проверки лета 1988 года, как свидетельствуют некоторые отсылки в документах суда и прокуратуры, располагались в этом деле начиная с 260-го листа).

Но уголовные дела оказались наглухо недоступны – их не было ни в архиве Куйбышевского суда, ни в прокуратуре города.

Генеральский щит

Как реагировал на «дело Азадовского» Комитет государственной безопасности? Было бы неверным сказать, что ведомство отмалчивалось. Напротив, оно удостаивало ответом все жалобы и претензии Константина Марковича. Правда, бойцы невидимого фронта предпочитали не письменный, а устный жанр – вспомним сусуманскую беседу с В.А. Кобзарем в конце 1982 года. Во второй половине 1980-х годов его тоже однажды вызвали для душеспасительной беседы в приемную КГБ (в помещении на углу Литейного и ул. Чайковского). Это был не лишенный угроз разговор о том, что его, Азадовского, действия «затрагивают честь Комитета». В дальнейшем, однако, его обращениям уделялось большее внимание: они, безусловно, проверялись «на предмет соблюдения социалистической законности», тем более что Азадовский имел обыкновение адресовать их «на самый верх» – Ю.В. Андропову (1982), В.М. Чебрикову (1988), В.А. Крючкову (1989) и др., и неизменно сопровождались тем или иным письменным ответом.

Однажды утром, 30 марта 1989 года, Азадовский обнаружил в почтовом ящике письмо замначальника УКГБ ЛО В.Н. Блеера, датированное 27-м числом. Письмо это, правда, совершенно не напоминало официальный ответ – оно было напечатано не на бланке, а на простой бумаге, не имело ни номера, ни углового штампа, ни печати; лишь внизу второго листа рукой автора были проставлены подпись и дата. Что бы это значило?.. Получить

личное письмо от генерал-лейтенанта госбезопасности Владлена Николаевича Блеера (1928–2003), многолетнего первого заместителя УКГБ ЛО, курировавшего 5-ю службу, было для «антисоветчика» и «наркомана» большой неожиданностью.

Имя генерала Блеера было овеяно в памяти Азадовского не самым светлым ореолом: он впервые услышал эту фамилию в июле 1988 года в кулуарах Куйбышевского районного суда, когда милиционер Арцибушев в перерыве между заседаниями упомянул о тех, кто в Большом доме планировал уголовное дело. И вот генерал сам пишет Азадовскому письмо:

> По поручению Комитета госбезопасности СССР Управлением КГБ по Ленинградской области проведено служебное расследование по обстоятельствам, изложенным в Ваших жалобах от 15 августа, 12 октября и 8 декабря 1988 года на имя Председателя КГБ СССР и в Следственный отдел КГБ СССР.
>
> При этом подтверждено, что органы КГБ не имели отношения к возбуждению в декабре 1980 года уголовного дела по обвинению Вас и гражданки Лепилиной в преступлении, предусмотренном ст. 224 УК РСФСР. Не получено каких-либо данных об их вмешательстве в расследование этих дел.
>
> УКГБ ЛО в ходе проверки ряда приезжавших в то время в СССР причастных к зарубежным спецслужбам иностранных граждан были получены данные о контактах некоторых из них с Вами, в том числе передаче Вам зарубежных изданий клеветнического содержания. Сотрудники Управления с согласия органов милиции приняли участие в проводившемся обыске по месту Вашего жительства, имея целью подтвердить или опровергнуть эти данные.
>
> Изъятая во время обыска у Вас литература Леноблгорлитом была признана (на тот период) клеветнической, не подлежащей к ввозу и распространению на территории СССР. Эта литература уничтожена в установленном порядке.
>
> Ваша версия о причастности сотрудников УКГБ ЛО, принимавших участие в обыске на Вашей квартире, к обнаруженным в ней наркотикам в ходе проведенного прокуратурой города расследования по Вашему заявлению, а также нашей проверки подтверждения не нашла.
>
> Вместе с тем установлено, что решение об участии сотрудников УКГБ в проведенном милицией обыске было принято недостаточно обоснованно. При проведении обыска были допущены нарушения требования ст. 141 УПК РСФСР – сотрудники УКГБ не были внесены в протокол обыска. Виновные, допустившие указанные нарушения, привлечены к дисциплинарной ответственности.
>
> Сотрудники УКГБ действительно проверяли поступившее в правоохранительные органы заявление гражданки Ткачевой З.И., сообщившей о Ваших и Лепилиной С.И. подозрительных контактах с иностранцами.
>
> В этой связи были проведены беседы с рядом лиц. Однако, как установлено, каких-либо неправомерных действий при этом не допускалось, информации, подтверждающей подозрения заявительницы, получено не было. Данных о распространении сотрудниками УКГБ клеветнических сведений в отношении Вас и Лепилиной С.И. также не получено.
>
> После 1981 года УКГБ ЛО какой-либо проверки по отношению к Вам не проводило, ограничительных мер до и после этого времени не принимало. В Магаданскую область по месту отбытия Вами уголовного наказания никто из сотрудников Управления не направлялся.
>
> В связи с проводимыми прокуратурой следственными действиями по Вашему уголовному делу и расследованием в отношении сотрудников ГУВД и УКГБ, к нему причастных, ответ на Ваши заявления не мог быть дан нами ранее принятия ею соответствующих решений.
>
> За нарушение сотрудниками УКГБ нормы УПК приносим Вам извинения.

Азадовский, конечно же, воспринял такое «извинительное» письмо как очередное оскорбление и реагировал привычным для него способом. 5 мая 1989 года он направляет многостраничное письмо на имя председателя КГБ СССР В.А. Крючкова и, пользуясь материалами уголовного дела и суда 1988 года, пытается доказать лживость письма Блеера:

По существу же оно является ничем иным, как отпиской. Каждый его пункт опровергается документально…

Сотрудники УКГБ ЛО Архипов и Шлемин, проводившие обыск у меня в квартире, нарушили не только нормы УПК РСФСР, но и УК РСФСР. Они явились ко мне на обыск под фальшивыми документами, выдавая себя за сотрудников милиции…

По поводу своих контактов я уже заявлял, что они всегда носили либо профессиональный, либо дружеский характер, если же в КГБ было известно о причастности моих знакомых к зарубежным спецслужбам, то следовало – чтобы пресечь нежелательные, с точки зрения КГБ, связи – вызвать меня на беседу, а не являться ко мне на обыск под чужими документами! Никаких изданий «клеветнического содержания» я ни от кого никогда не получал…

Утверждение зам. начальника УКГБ ЛО о причинах обыска у меня в квартире полностью расходится с другими официальными документами, находящимися в уголовном деле… и т. д.

Далее жалобщик и вовсе переходит в наступление:

Летом 1988 г. в помещении Куйбышевского районного суда Арцибушев (при свидетелях) уверял меня, что еще задолго до задержания Лепилиной и обыска у меня в квартире он обсуждал с руководителями УКГБ ЛО «схему» действий против меня и Лепилиной (наркотики). Точно такая же «схема», по словам Арцибушева, была применена и в отношении ленинградского писателя Л.С. Друскина, у которого весной 1980 г. Арцибушев по поручению КГБ производил обыск под предлогом обнаружения наркотиков.

В какой мере справедливы эти заявления Арцибушева? Полученное мной письмо за подписью В.Н. Блеера подтверждает их в достаточной мере.

В феврале 1989 г. сотрудник УКГБ ЛО Варфоломеев Б.М. пригласил меня на беседу в приемную начальника УКГБ. В беседе принимал участие другой сотрудник, назвавшийся Гордеевым. В ходе беседы было в частности сказано, что мои действия (т. е. заявления и жалобы) «затрагивают честь Комитета».

Считаю такую точку зрения в корне неправильной. Честь органов заключается, по моему убеждению, в их умении самоочищаться от наследства периодов культа личности и застоя. Никакая огласка фактов, даже и не слишком «выигрышных» для репутации Комитета, повредить ему не может, если эти факты правдивы. И главное: разве в этом деле не затронута честь моя и моей жены? Кто дал право ленинградским органам унижать нас и пренебрегать нашей честью, двух безвинно репрессированных советских граждан?!

Вопрос этот достаточно серьезный. Известные ныне факты – если, конечно, не игнорировать очевидное – полностью изобличают сотрудников ленинградского УКГБ в фальсификации уголовного дела против меня и моей жены. Ответ зам. начальника УКГБ ЛО удовлетворить меня ни в коей мере не может, и поэтому я вынужден продолжать переписку с КГБ СССР.

Переписка действительно продолжилась. 2 июня 1989 года Азадовскому ответил «начальник управления» КГБ СССР С.В. Толкунов:

Ваша жалоба от 5 мая с.г. в отношении нарушении законности, допущенных в связи с Вашим делом сотрудниками УКГБ по Ленинградской области, рассмотрена. По ранее поступившим от Вас жалобам сотрудники КГБ СССР дважды проводили служебное расследование с выездом в Ленинград. Их выводы не расходятся с теми, о которых Вам сообщено УКГБ по Ленинградской области 27 марта с. г…

При проведении обыска в Вашей квартире 19 декабря 1980 года работники УКГБ по Ленинградской области действительно допустили нарушение ст. 141 УПК

> РСФСР, суть которого в том, что их фамилии не были внесены в протокол обыска, к тому же они выступали под видом сотрудников милиции. Расследовавшая это нарушение Прокуратура г. Ленинграда в возбуждении уголовного дела в отношении виновных сотрудников ГУВД и УКГБ отказала.

Нужно пояснить, что Сергей Васильевич Толкунов имел звание генерал-лейтенанта госбезопасности и долгие годы (с 1971 по 1990 год) возглавлял Инспекторское управление КГБ СССР, важнейшее звено в структуре центрального аппарата Комитета. В числе его заместителей в тот момент был генерал-майор госбезопасности Федор Алексеевич Мясников, который как никто другой должен был знать подробности дела Азадовского. Ведь Ф.А. Мясников, начинавший в ленинградском главке в 1967 году младшим оперуполномоченным 5-й службы, был заместителем ее начальника в 1976–1979 годах, в 1979 году был переведен на ту же должность во 2-ю службу и с 1980-го по 1985-й был ее начальником. То есть он лично знал практически всех, кто мог принимать участие в деле Азадовского.

Однако весь чекистский генералитет занял глухую оборону. В этом же стиле было и письмо от 21 октября 1990 года, подписанное генерал-майором госбезопасности Александром Аввакумовичем Олейниковым, служившим в 1988–1990 годах старшим инспектором в Инспекторском управлении КГБ СССР. Он сообщал Азадовскому, что

> данных о воздействии КГБ СССР и УКГБ по Ленинградской области на правоохранительные органы при возбуждении, расследовании и пересмотре уголовных дел на Вас и Вашу жену Лепилину С.И. в результате проведенных проверок и служебных расследований не получено.

В том же 1990 году в сей стройный ряд людей с лампасами встал и Анатолий Алексеевич Курков – начальник УКГБ ЛО, славившийся своей честностью и принципиальностью. 27 декабря он отвечал на запрос по делу Азадовского, который был отправлен депутатом Ленсовета, заведующей молодежной редакцией Ленинградского телерадиокомитета Натальей Александровной Уховой. Собственно, ничего нового генерал-лейтенант Курков не привнес: он лишь повторил, что сотрудники УКГБ не были внесены в протокол обыска, за что и были впоследствии «наказаны в дисциплинарном порядке»…

Перечисляя эти ответы по делу Азадовского, мягко выражаясь, далекие от истины, остается опять-таки только одно – вспомнить слова Салтыкова-Щедрина: «Смотрели генералы на эти мужицкие старания, и сердца у них весело играли».

Доказательства найдены

После постановления Президиума Санкт-Петербургского суда по делу Светланы стало совершенно очевидно, что приведенные выше ответы из КГБ были абсолютно лживыми отписками. Это подтверждалось решением Президиума Ленгорсуда, в котором упоминалась, в частности, «справка» 1988 года, якобы доказывающая, что «привлечение Азадовского и Лепилиной к уголовной ответственности явилось результатом провокационных действий».

Недосказанность будоражила воображение Азадовского, не давала ему покоя – он так долго доказывал всем, что именно КГБ сломал ему жизнь, узнал наконец какую-то полуправду и не может докопаться до всей правды…

Как добраться до уголовного дела? Ответа на этот вопрос не было. Однако, получив извещение о реабилитации Светланы, Азадовские первым делом позвонили Щекочихину, ведь в течение всех этих лет, уже став депутатом Государственной думы, Юрий Петрович не забывал о «деле образца восьмидесятых». Сдружившись с Азадовскими, он по-прежнему принимал их дела близко к сердцу и, узнав о постановлении Президиума Ленгорсуда, в полной мере разделил их радость. Одновременно он задумался и над тем, как получить упомянутые в постановлении документы. Именно Щекочихин, в то время еще занимавший

пост редактора отдела расследований «Литературной газеты», помог Светлане в осуществлении ее законного права. Ценой невероятных усилий она получила в архиве Куйбышевского районного суда свое уголовное дело для ознакомления. В течение недели она переписывала от руки те самые приложения, которые наросли в ее деле в результате ведомственных проверок. Каждый день, сдавая уголовное дело, она думала, что этот день ознакомления – последний и что она не успеет переписать всё. Тем не менее ей удалось скопировать самое необходимое.

28 сентября 1994 года выдержки из этих документов были напечатаны в «Литературной газете» – в статье под названием «Ряженые». Эту публикацию Щекочихина можно рассматривать как триумф журналистского расследования – версия об участии сотрудников КГБ в деле Азадовских, которой журналист еще в 1989 году посвятил целую газетную полосу, получила наконец документальное подтверждение. Доказательства были неопровержимы.

Глава 18
Доказательства

Расследование 1988 года

В конце 1980-х годов КГБ СССР, будучи вынужден реагировать на «обращения граждан», провел не одно собственное расследование. Первая серьезная проверка состоялась в августе – сентябре 1988 года по жалобе Азадовского, поданной на имя В.М. Чебрикова – председателя КГБ СССР, члена Политбюро ЦК КПСС, курировавшего в свое время Пятое управление КГБ. Доклад о проделанной работе был представлен 28 сентября 1988 года. Ознакомившись с ним, председатель согласился со всеми его пунктами и, в частности, с теми предложениями, которые содержались в конце документа. Текст приводится нами полностью, без купюр.

Тов. Чебрикову В.М.
доложено
Дано согласие. Иванков 28.IX.88

По результатам проверки жалобы Азадовского К.М

В КГБ СССР поступила жалоба от жителя гор. Ленинграда Азадовского К.М., 1941 г. рождения, члена Союза писателей СССР, в которой он обращается к руководству Комитета государственной безопасности с просьбой «пресечь недопустимые противозаконные действия сотрудников УКГБ по Ленинградской области». Заявитель утверждает, что он никогда «не занимался никакой противоправной деятельностью», однако сотрудники УКГБ «в течение ряда лет держат его под контролем… распространяют о нем клеветнические сведения… не дают возможности жить и работать нормально».

Далее Азадовский заявляет, что в 1980 г. он и его жена Лепилина С.И. (в тот период – его сожительница) были необоснованно привлечены к уголовной ответственности за незаконное приобретение и хранение наркотических веществ. По мнению Азадовского, уголовное дело на него и жену формально расследовалось Куйбышевским РУВД Ленгорисполкомов, а «фактически его направляли сотрудники КГБ Володин, Безверхов и Кузнецов». Кроме того Азадовский сообщает о своем подозрении в совершении подлога с наркотиками сотрудниками УКГБ Архиповым и Шлеминым, участвовавшими в декабре 1980 г. в обыске у него в квартире под видом сотрудников милиции.

По указанию руководства КГБ СССР с выездом в Ленинград представителями Инспекторского управления и Следственного отдела КГБ СССР произведена проверка жалобы Азадовского, в ходе которой были изучены все имеющиеся в

УКГБ оперативные материалы, по которым в 1961–1986 гг. проходил Азадовский, а также архивные уголовные дела на Азадовского и Лепилину.

Установлено, что Азадовский в 1961–63 гг., будучи студентом филологического факультета ЛГУ, являлся агентом органов КГБ и использовался для изучения иностранцев, прибывших в СССР по линии молодежного туризма, однако в связи с отказом сообщать в КГБ информацию об объектах заинтересованности из агентурной сети был исключен.

В 1967 г. Азадовский попал в поле зрения органов КГБ как лицо, поддерживающее контакты с иностранцами, подозреваемыми в принадлежности к спецслужбам противника, и в том же году взят в разработку по ДГОР «Переправа» с окраской «антисоветская агитация и пропаганда». В ходе работы по ДГОР было установлено, что Азадовский и его близкая связь Славинский на протяжении ряда лет передавали иностранцам произведения «непризнанных» ленинградских поэтов и в устной форме – клеветническую информацию о происходящих в СССР событиях. От иностранцев они получали идеологически ущербную литературу, которую распространяли среди своего окружения. Кроме того Азадовский неоднократно посещал притон для потребления наркотиков, содержателем которого являлся Славинский. В 1969 г. Славинский за содержание притона и сбыт наркотических веществ был осужден к 4 годам лишения свободы. После отбытия наказания он выехал из СССР, в настоящее время является сотрудником радиостанции Би-би-си.

Азадовский на основании легализованных материалов, полученных в процессе этой разработки и следствия по делу Славинского, был профилактирован через общественность и исключен из аспирантуры Ленинградского государственного педагогического института им. Герцена. С 1969 по 1974 г. он проживал и работал в Петрозаводске, где в Карельском педагогическом институте защитил диссертацию. В 1974 г. возвратился в Ленинград и устроился работать заведующим кафедрой иностранных языков Ленинградского высшего художественно-промышленного училища им. Мухиной.

В сентябре 1978 г. в отношении Азадовского заведено дело ДОР «Азеф» с окраской «антисоветская агитация и пропаганда с высказываниями ревизионистского характера». В материалах этого дела имеются данные о том, что Азадовский являлся автором ряда идеологически ущербных литературных материалов, распространял в своем окружении устные измышления, порочащие основателей и руководителей Советского государства, поддерживал связи с иностранцами, в беседах с ними компрометировал проводимые советским правительством внутриполитические мероприятия и активно использовал их для связи с выехавшими из СССР лицами и получения из-за границы идеологически вредной литературы. В качестве посредника для встреч с иностранцами Азадовский использовал свою жену Лепилину, которая по его поручению выезжала в Москву для контактов с сотрудниками дипломатических представительств капиталистических государств.

В процессе работы по ДОР легализованных материалов о проведении Азадовским враждебной и иной противоправной деятельности получить не представилось возможным. Тем не менее руководством 5 Службы УКГБ в октябре 1980 г. было принято решение о реализации этого дела путем привлечения объекта к уголовной ответственности за совершение общеуголовного преступления. Тогда же УКГБ проинформировало Куйбышевский РУВД г. Ленинграда о том, что Азадовский и Лепилина занимаются приобретением, хранением и употреблением наркотических веществ, хотя данных об этом в материалах ДОР не имелось.

18 декабря 1980 г. сотрудниками указанного РУВД проведено задержание Лепилиной с поличным после получения ею от иностранца носильных вещей и 4 гр. наркотика (анаша), что явилось основанием для возбуждения уголовного дела в отношении Лепилиной по признакам преступления, предусмотренного ч. 3 ст. 224 УК РСФСР, ее задержания в процессуальном порядке и проведения обыска по местам жительства Лепилиной и Азадовского. При обыске в квартире Азадовского сотрудниками милиции было обнаружено 5 гр. наркотика (анаша). Кроме того

изъяты 10 наименований различных изданных за рубежом книг и проспектов, запрещенных к ввозу в СССР. На следующий день в помещении отделения милиции в карманах дубленки Азадовского было обнаружено еще 0,2 гр. анаши, а при обыске у Лепилиной в кармане ее куртки 0,06 гр. такого же наркотика. Азадовский был арестован, а 27 января 1981 г. уголовное дело на него из дела Лепилиной выделено в отдельное производство.

В ходе следствия и в суде Азадовский виновным себя не признал и заявил, что приобретением и хранением наркотиков не занимался, а обнаруженные у него в квартире и карманах одежды наркотики подложены работниками милиции или попали к нему без его ведома от кого-либо из его знакомых, в том числе, возможно, от Лепилиной С.И.

Лепилина на следствии и в суде признала себя виновной полностью, пояснив, что 18 января 1980 г. получила от иностранца для личного употребления пакет с наркотическим веществом. 19 февраля 1981 г. Куйбышевским райнарсудом Лепилина была осуждена к 1 году 6 месяцам лишения свободы, а Азадовский 16 марта того же года – к 2 годам лишения свободы. Ленинградским городским судом, рассматривавшим указанные дела в кассационном порядке, приговоры оставлены без изменения.

В декабре 1981 г. Сусуманским райотделом УКГБ по Магаданской области по месту отбытия наказания Азадовским на него заведено дело оперативного наблюдения. В ходе работы по делу была поручена информация о том, что Азадовский, находясь в заключении, предпринимал попытки установить связи с лицами, проживающими на Западе, чтобы сообщить им о своем осуждении. Данных о том, что он ведет враждебную работу в местах лишения свободы, не получено. Несмотря на это, в декабре 1982 г. была проведена профилактика Азадовского в форме беседы оперативного работника с последующей постановкой его на учет в 10 группе УКГБ по Магаданской области.

После отбытия наказания в конце 1982 г. Азадовский вернулся в г. Ленинград и установил контакты с рядом иностранцев, с помощью которых намеревался выехать за границу на постоянное жительство. В 1984 г. он получил официальное приглашение из Австрии. В том же году Азадовский обратился с заявлением о разрешении выехать в Израиль. В связи с отсутствием родственников за границей ему в этом было отказано. В мае 1986 г. ДОН в отношении Азадовского было прекращено, так как каких-либо данных о его враждебной деятельности не имелось.

30 марта 1988 г. Прокуратурой СССР состоявшиеся ранее судебные решения в отношении Азадовского были опротестованы в порядке надзора и Ленинградским городским судом отменены. Уголовное дело на него ввиду односторонности и неполного судебного следствия направлено на новое судебное рассмотрение. 12 августа с.г. определением Куйбышевского районного народного суда г. Ленинграда уголовное дело направлено на дополнительное расследование обстоятельств обнаружения и изъятия наркотика у Азадовского и проверки доводов подсудимого об умышленном занесении анаши сотрудниками МВД или КГБ в его жилище. В настоящее время уголовное дело на Азадовского расследуется прокуратурой Куйбышевского района г. Ленинграда.

Как выяснилось в ходе настоящей проверки, привлечению Азадовского и Лепилиной к уголовной ответственности предшествовали провокационные действия агента-иностранца «Берита» 5 службы, который в ноябре – декабре 1980 г. был подставлен УКГБ Лепилиной.

В соответствии с заданием, полученным от сотрудников Управления т.т. Ятколенко И.В. и Федоровича А.М., «Берит» по предварительной договоренности вечером 18 декабря 1980 г. встретился с Лепилиной в кафе около дома Азадовского и передал ей для реализации джинсы и пакет с наркотиком, который по химическому составу являлся идентичным с наркотиком, обнаруженным в последующем у Азадовского. Из сообщения «Берита» от 20 декабря 1980 г. усматривается, что Лепилина при этом проявила интерес к наркотикам и пообещала его продать. Как пояснил в ходе настоящего разбирательства т.

Федорович, указанные джинсы были приобретены им в оперативных целях для передачи «Беритом» Лепилиной, а т. Ятколенко пояснил, что упомянутый наркотик принадлежал находившемуся у него на связи агенту «Бериту». Во время указанной встречи агента с Лепилиной сотрудники 5 Службы т.т. Кузнецов А.В. и Ятколенко И.В. зафиксировали факт передачи ей джинсов и наркотика, о чем сообщили в службу НН.

В тот же день Лепилина была задержана в подъезде дома Азадовского сотрудниками милиции и доставлена в опорный пункт, где у нее изъяли пакет с наркотиком. Задержание Лепилиной с наркотиком было использовано как основание для проведения 19 декабря 1980 г. обыска по месту жительства Азадовского.

В обыске у Азадовского совместно с сотрудниками уголовного розыска ГУВД Арцибушевым и Хлюпиным с санкции руководства 5 Службы УКГБ приняли участие оперативные работники т.т. Архипов В.И. и Шлемин В.В., которые представились сотрудниками милиции и предъявили соответствующие документы прикрытия. Позже на обыск Арцибушевым для оценки имеющейся у Азадовского литературы был официально приглашен сотрудник УКГБ т. Поздеев П.Г., однако вопреки требованиям ст. 141 УПК РСФСР указанные сотрудники УКГБ как участники этого следственного действия в протокол обыска не включены. Опрошенные сотрудники УКГБ по поводу утверждений Азадовского пояснили, что никто из участников обыска наркотик не подбрасывал, утверждения об этом Азадовского они рассматривают как попытку скомпрометировать следствие и уйти от уголовной ответственности за хранение наркотика.

Из имеющейся в материалах ДОР сводки мероприятия «С» видно, что накануне обыска Азадовского (после задержания Лепилипой) его квартиру посетил агент 5 Службы УКГБ «Рахманинов». Однако никаких документальных данных о цели и результатах посещения им Азадовского в ДОР не имеется. Сотрудник 5 Службы т. Кузнецов А.В., у которого источник находился на связи, в беседе пояснил, что «Рахманинов» направлялся домой к Азадовскому по его заданию с целью выяснения обстановки в квартире, хотя это не вызывалось оперативной необходимостью, так как в августе 1980 г. в его жилище проводилось мероприятие «Д».

Указанные выше неправомерные действия сотрудников УКГБ в отношении Азадовского и Лепилиной стали возможными вследствие следующих причин. Решение о реализации дела оперативного учета на Азадовского руководством 5 Службы названного Управления принято в нарушение требований указаний Председателя КГБ СССР № 5/с – 79 г. без согласования с соответствующим подразделением центра. Более того, оперативные материалы на Азадовского в Следственный отдел УКГБ для изучения и дачи рекомендаций по правовым вопросам не представлялись, в том числе – в период подготовки и проведения реализации дела. План реализации не составлялся. В результате неквалифицированных и непродуманных действий оперативных работников УКГБ в ходе реализации произошла расшифровка перед Азадовским проводимых в отношении него мероприятий, связанных с его привлечением к уголовной ответственности, что в последующем и послужило поводом для написания им жалоб. Этому же способствовали грубые тактические просчеты и нарушения норм уголовно-процессуального законодательства, допущенные следователем Куйбышевского РУВД Каменко, расследовавшим уголовные дела на Азадовского и Лепилину. В частности, при обыске в квартире Азадовского обнаруженный пакет с наркотиком сотрудником милиции был изъят неквалифицированно, в присутствии лишь одного понятого, работники УКГБ, как указывалось ранее, в протокол внесены не были. Указанные и другие изъяны и явились в последующем основанием для протеста и отмены судебного решения по делу Азадовского.

Необходимо отметить, что при судебных рассмотрениях данного дела в июле – августе 1988 г. в суд в качестве свидетелей вызывались сотрудники УКГБ по Ленинградской области Архипов и Шлемин. Однако по решению руководства Управления <они> в суд не явились, что еще более усилило подозрение

Азадовского о причастности органов КГБ к привлечению его к уголовной ответственности. Этому же способствовали непоследовательные показания понятых в суде, а также пояснение работника милиции Хлюпина, который заявил, что наркотик в квартире Азадовского он обнаружил в том месте, которое перед этим осматривали сотрудники УКГБ. Бывший следователь милиции Каменко, будучи допрошенным в качестве свидетеля, заявил, что все решения по делу Азадовского он принимал самостоятельно, давление на него со стороны органов КГБ не оказывалось. Кроме того он пояснил, что поддерживал контакты в период следствия с оперативными работниками УКГБ по Ленинградской области, которым передавал для оценки содержания литературу, изъятую при обыске у Азадовского. Эта литература была признана идеологически вредной, не подлежащей распространению на территории СССР, в связи с чем сотрудники УКГБ тт. Володиным Э.В., Безверховым Ю.А. и Кузнецовым А.В. она была уничтожена, а подписанный акт приобщен к уголовному делу Азадовского.

Таким образом, при проверке доводы Азадовского о причастности сотрудников УКГБ по Ленинградской области к осуждению его и Лепилиной за приобретение наркотических средств нашли свое подтверждение. Утверждения жалобщика о фальсификации доказательств его вины путем подбрасывания наркотика в его жилище в настоящее время исследуются органами прокуратуры в рамках уголовного дела по обвинению Азадовского.

Учитывая изложенное, считаем целесообразным поручить УКГБ по Ленинградской области после принятия окончательного решения по уголовному делу Азадовского произвести служебное расследование неправомерных действий сотрудников Управления, о результатах и принятых мерах доложить в КГБ СССР.

По поводу настоящей жалобы Азадовского сообщить ему, что установлен факт неправомерного участия сотрудников УКГБ по Ленинградской области в проведенном у него обыске, и разъяснить заявителю, что к ним будут применены меры дисциплинарного воздействия.

Старший инспектор
Инспекции Управления КГБ СССР
полковник В.И. Васильев
22 сент. 1988 г.

Согласен:
Начальник Инспекторского Управления КГБ СССР
генерал-лейтенант С.В. Толкунов
22 сент. 1988 г.

Старший следователь
ОВД Следственного отдела КГБ СССР
майор В.П. Попов
21 сент. 1988 г.

Согласен:
Начальник Следственного отдела КГБ СССР
генерал-майор Л.И. Барков

Приведенный документ, радикально меняющий картину «уголовного дела» Азадовских, требует некоторых оговорок и пояснений.

Главная оговорка заключается в том, что доверять точке зрения Инспекторского управления КГБ СССР можно лишь отчасти, то есть не в полной мере. Нельзя не учитывать, что проверка хотя и проводилась московской комиссией, но проходила в основном в Ленинграде, а потому ряд позиций, отраженных в этом документе, был изложен со слов сотрудников Ленинградского УКГБ, пытавшихся, конечно, коль скоро дело дошло до служебной проверки, максимально снять вину с себя и нагрузить ею Азадовского и Лепилину, а заодно и следственные органы МВД. Другими словами, документ этот содержит определенную долю лжи, недвусмысленно направленной на то, чтобы доказать: граждане

Азадовский и Лепилина были осуждены не случайно и не зря отбыли свои сроки.

Теперь – пояснения. В основном они касаются расшифровки сокращений и объяснения чекистских терминов, а также напоминания хронологии событий, то есть соотнесения фактов в том виде, как они изложены в приведенном документе, с реальными фактами. Все специфические чекистские термины и сокращения мы раскрываем по «Контрразведывательному словарю», изданному в 1972 году Высшей школой КГБ под грифом «Совершенно секретно». Итак:

Относительно вербовки Азадовского в 19-летнем возрасте мы уже писали выше; относительно его отказа сотрудничать – тоже. В том виде, как это изложено в данном документе («был агентом», «использовался» и т. д.), информацию следует признать умышленно искаженной.

ДГОР – Дело групповой оперативной разработки. «Заводится с целью выявления, предупреждения и пресечения враждебной деятельности группы лиц из советских граждан, а также постоянно проживающих в СССР иностранцев и лиц без гражданства, о совместном проведении которыми шпионской или иной враждебной работы получены достоверные данные».

Слова «Азадовский и его близкая связь Славинский» позволяют уточнить, какой именно группе было присвоено кодовое название «Переправа» при ее разработке органами УКГБ «с окраской антисоветская агитация и пропаганда». Речь идет о компании ленинградской молодежи, которая собиралась у Ефима Славинского в 1966–1969 годах.

Относительно того, что Азадовский и Славинский «в течение ряда лет передавали иностранцам произведения “непризнанных” ленинградских поэтов», можно заметить, что один из «непризнанных» уже был к тому времени лауреатом Нобелевской премии по литературе.

Слова «в Карельском педагогическом институте защитил диссертацию» не точны – Азадовский защитился в ЛГПИ имени А.И. Герцена, работая в то время в Карелии.

ДОР – Дело оперативной разработки. «Заводится с целью выявления, предупреждения и пресечения враждебных проявлений отдельных советских граждан, о преступной деятельности которых получены достоверные данные».

«Азеф», как мы уже упоминали, – псевдоним, который был присвоен оперативниками КГБ «объекту разработки», то есть Азадовскому. Каждый разрабатываемый, как и каждый агент-осведомитель, имели псевдонимы во избежание расшифровки оперативной работы и агентурной сети. Из известных можно сразу вспомнить псевдонимы «Аскет» академика Сахарова и «Лиса» Елены Боннэр.

По той причине, что зашифровка как сотрудников и агентов, так и оперативников является важнейшей и обязательной частью оперативно-разыскной работы КГБ (как и других спецслужб мира), особенно болезненно на Литейном и Лубянке воспринимался тот факт, что Азадовский самостоятельно раскрыл в конце концов чуть ли не десяток подлинных фамилий штатных сотрудников УКГБ, вовлеченных в его дело.

Фраза «данные о том, что Азадовский являлся автором ряда идеологически ущербных материалов» не соответствует действительности – ни его стихотворные сочинения или переводы, ни труды по истории литературы или истории искусства не могли даже по советским меркам считаться «идеологически ущербными».

Утверждение о том, что Лепилина по поручению Азадовского «выезжала в Москву для контактов с сотрудниками дипломатических представительств капиталистических государств» является чистым вымыслом, что, в частности, подтверждается и самой этой справкой, в которой указано, что «легализованных материалов о проведении Азадовским враждебной или иной противоправной деятельности получить не представилось возможным», то есть таких материалов попросту не существовало.

Формулировка «Руководством 5 службы УКГБ в октябре 1980 г. было принято решение о реализации этого дела путем привлечения объекта к уголовной ответственности за совершение общеуголовного преступления» является, на наш взгляд, самой вопиющей в

этом документе. Получается следующее: не сумев доказать вину Азадовского по политической линии, сотрудники УКГБ решили, что раз уж они потратили свое время на разработку «объекта», то осудить его и отправить в лагерь следует в любом случае.

Такое решение потянуло за собой и поиск подходящей статьи УК. Она нашлась тут же, в деле оперативной разработки Азадовского: если были наркотики в 1969 году, значит, они будут и в 1980-м. Отсюда и умышленная дезинформация, отправленная из УКГБ в Куйбышевский РУВД – «о том, что Азадовский и Лепилина занимаются приобретением, хранением и употреблением наркотических веществ». И надо отдать должное Инспекторскому управлению КГБ: они честно сообщают В.М. Чебрикову о том, что эта дезинформация была направлена в МВД, хотя «данных об этом в материалах ДОР не имелось». Да и не могло быть таких «данных», потому как даже Славинский в 1969 году дал показания на суде, что Азадовский – единственный из всех свидетелей, кто не употреблял наркотики. И теперь легко объяснить, почему следствие в 1980–1981 годах наотрез отказалось провести обследование Азадовского и Лепилиной на предмет употребления ими наркотиков – отрицательный результат существенно ослабил бы на суде позицию обвинения.

Подтверждается и подозрение Азадовского, что во время отбывания срока в сусуманской колонии он продолжал разрабатываться органами КГБ. Фантастическим, однако, выглядит в этой связи утверждение, что «Азадовский, находясь в заключении, предпринимал попытки установить связи с лицами, проживающими на Западе». Достаточно вспомнить, где географически находится городок Сусуман Магаданской области.

Единственная достоверная информация в этом документе касается намерений Азадовского выехать за границу после освобождения. Азадовскому, как мы знаем, поступали в то время приглашения от разных европейских университетов, и на одно из них он в принципе дал согласие. Но формально он мог выехать только в Израиль, хотя «еврейство» Азадовского (русского по паспорту) было условное, а для израильских законов и вовсе неподходящее – иудеем считается либо рожденный от матери-иудейки, либо иудей по вере. Но мать Константина Марковича была полунемкой, а отец был рожден в семье евреев-выкрестов и крещен в трехлетнем возрасте. Однако еврейство тут было ни при чем – либо «компетентные органы» санкционировали (или даже сами инспирировали) выезд гражданина за рубеж, либо нет: никакой, даже самый ближайший родственник не мог повлиять на решение ОВИРа.

Далее доклад Чебрикову описывает непосредственно механизм провокации. При сопоставлении этого текста с показаниями Лепилиной и Азадовского и прочими материалами обоих дел мы можем восстановить практически поэтапно ее реализацию.

«Испанец Хасан» был агентом 5-й службы УКГБ под псевдонимом «Берит». «Подставлен» – это обычный чекистский термин: «Подстава агента – разновидность внедрения агента в агентурную сеть иностранных разведок, в зарубежные антисоветские организации, в антисоветские группы внутри страны и т. д., при которой инициатива в установлении контакта с агентом исходит от противника. При такой “подставе” органы КГБ используют известные им данные о намерении противника установить контакт с лицом, располагающим, с его точки зрения, возможностями для совершения подрывной деятельности (если не сейчас, так в будущем)».

Как свидетельствуют показания Лепилиной 1988 года, она познакомилась с «Хасаном» на банкете, и, если пользоваться все той же специальной терминологией, это была не «подстава», а скорее «ввод» агента.

«Ввод агента – разновидность внедрения агента, при которой инициатива в установлении доверительных отношений с разрабатываемым, проверяемым и другими лицами, интересующими органы госбезопасности, исходит от агента, действующего по указанию оперативного работника. Ввод агента является по существу процессом постепенного формирования отношений, основанных на доверии разрабатываемого и других объектов оперативных действий к агенту». Главная цель ввода агента – завязывание отношений, «позволяющих решать оперативные задачи».

Так и произошло. «Хасан» через посредника познакомился со Светланой на банкете, представился студентом ЛГУ, взял номер телефона, несколько раз заходил к ней на работу (в ее показаниях 1980 года указано даже его место жительства – гостиница «Спутник» на проспекте Мориса Тореза). Далее – цепочка событий 18 декабря 1980 года:

«Утром этого дня, – указывает в показаниях Лепилина, – я разговаривала с Азадовским по телефону, сказала, что, может быть, зайду к его маме».

Именно этот звонок дает начало операции УКГБ, и «Хасан» сразу же приступает к работе: «Он позвонил мне по телефону на работу и сказал, что уезжает, хочет попрощаться. Мы условились о встрече. Место встречи он назначил сам: в кафе на ул. Восстания».

То есть сотрудники УКГБ ждали того момента, когда Светлана по телефону договорится с Азадовским о посещении его квартиры, чтобы непосредственно перед этим организовать ее встречу с «Хасаном». И хотя Константин и Светлана, как отмечалось, в тот момент жили порознь, Светлана все-таки решила навестить в тот день Лидию Владимировну. Она позвонила утром и сообщила об этом. Не нужно быть профессиональным разведчиком, чтобы понимать, что телефон Азадовских прослушивался (как впоследствии и будет документально установлено). И как только чекисты узнали, что Светлана вечером планирует быть у Азадовских, они «включили» агента и дали ему соответствующее задание.

«Хасан» позвонил Светлане на работу и практически не оставил ей выбора: дескать, он уезжает, и, быть может, навсегда, и хотел бы проститься. Трогательно и душевно он решил воздействовать на добрую русскую женщину. А чтобы отрезать Светлане пути к отступлению, Хасан предложил ей встречу в непосредственной близости от дома Азадовского: предполагалось, что, расставшись с ним, Светлана наверняка направится в дом 10 по улице Восстания.

Оперативники подготовились основательно: один «приобрел в оперативных целях для передачи “Беритом” Лепилиной» джинсы, другой обеспечил наличие наркотика для той же цели.

Интересен факт, неоднократно встречающийся в материалах следствия: наркотики, изъятые у Лепилиной и у Азадовского, были не только одинаковы по своему химическому составу, но и одинаково завернуты, с использованием фольги одного типа. И это становится – в рамках нашего исследования – важной уликой: раз уж КГБ признает, что наркотик, изъятый у Лепилиной, был получен ею от агента «Берита», которого контролировали сотрудники КГБ, то и «пакетик», найденный при обыске у Азадовского, безусловно должен иметь аналогичное происхождение.

То есть сейчас, при ретроспективном взгляде на события той поры, эта идентичность двух порций наркотика доказывает их общее происхождение – от сотрудников КГБ. Но если бы следствие в 1980–1981 годах направило их на экспертизу для установления не химического состава, а *схожести* , то был бы доказан факт одного и того же источника для двух изъятых образцов наркотика (и тем самым два уголовных дела слились бы в одно – групповое).

Указание сотрудника УКГБ на то, «что упомянутый наркотик принадлежал находившемуся у него на связи агенту “Бериту”», не опровергает этого принципиально важного наблюдения. И все же это и звучит неправдоподобно, и само по себе удивляет: сотрудники УКГБ равнодушно констатируют тот безусловно криминальный факт, что их агент имеет в своем распоряжении (или пользовании) наркотики!

Что дальше?

Светлана: «Около 6 часов вечера мы с ним встретились. Сидели недолго, где-то около получаса, так как у меня болела голова. Хасан сказал, что у него есть хорошее средство от головной боли, называется горная трава, ее можно употребить в чай или покурить. Мы вышли из кафе, Хасан проводил меня немного по ул. Восстания, простился со мной и ушел. А я пошла домой на ул. Желябова. Шла я через проходной двор дома № 10. Заходить к матери Азадовского я передумала, шла к себе домой через проходной двор».

Сотрудники КГБ тем временем «зафиксировали факт передачи ей джинсов и наркотика, о чем сообщили в службу НН».

Служба НН: «Наружное наблюдение – негласное наблюдение за поведением и действиями разрабатываемых и других интересующих органы госбезопасности во время их нахождения на улице, в общественных местах или при передвижении на транспорте, осуществляемое силами разведчиков службы наружного наблюдения органов КГБ по заданию оперативных подразделений».

Далее служба НН «довела» Светлану до двора дома 10, где «передала» ее сотрудникам РУВД.

Описание обыска у Азадовского также содержит немало нового. Что в нем участвовал сотрудник УКГБ П.Г. Поздеев, было установлено Азадовским самостоятельно и теперь получило документальное подтверждение (ранее этот факт ни разу не подтверждался официально, а сам П.Г. Поздеев пытался его даже отрицать).

То обстоятельство, что сотрудники УКГБ, участвовавшие в обыске, отводили от себя обвинение в подбрасывании наркотика, удивления не вызывает, поскольку трудно представить себе сотрудника любого ведомства, который взял бы на себя добровольно ответственность за такие действия. Однако возникает резонный вопрос: как же все-таки пакетик попал в квартиру Азадовского, коль скоро оба пакетика с наркотиком происходили из одного источника, находившегося под контролем оперативников УКГБ?

Здесь время вспомнить слова Арцибушева: «Поищите среди своих друзей»; и тогда текст доклада председателю КГБ верифицирует эти слова: квартиру Азадовского посетил агент 5-й службы УКГБ под псевдонимом «Рахманинов», «однако никаких документальных данных о цели и результатах посещения им Азадовского в ДОР не имеется». Любопытно, зачем же он туда приходил накануне обыска?

Действительно, 18 декабря 1980 года примерно в семь часов вечера Азадовскому позвонил Михаил Орехов (1950–1997), музыкант, работавший в Малом театре оперы и балета (б. Михайловском). Азадовский встречался с ним несколько раз в компании друзей Светланы. Михаил попросил разрешения зайти – дескать, он хотел бы узнать мнение Азадовского относительно двух старинных рисунков. Он пришел около восьми часов вечера; Константин Маркович пригласил его пройти в кабинет. Но никаких рисунков Орехов не принес и зашел «просто чтобы извиниться»; немного поболтав, он попросил хозяина принести из кухни стакан воды («что-то в горле першит»), опорожнил его, простился и ушел.

И то обстоятельство, что позднее сотрудник УКГБ А.В. Кузнецов письменно указал, что «“Рахманинов” направлялся домой к Азадовскому с целью выяснения обстановки в квартире, хотя это и не вызывалось оперативной необходимостью», достаточно красноречиво отвечает на вопрос, откуда у Азадовского на стеллаже с книгами появился пакетик из фольги, обнаруженный на другое утро.

В документе упоминается также, что 18 декабря в квартире Азадовского состоялось мероприятие «С», а в августе у него же проводилось мероприятие «Д». Что это такое? Речь идет о так называемых литерных мероприятиях – каждой литере соответствует вид оперативно-технического действия органов госбезопасности.

Мероприятие «С» – «слуховой контроль телефонных переговоров», то есть, проще говоря, прослушка, которую должен был, по правилам того времени, санкционировать кто-либо из руководства УКГБ. Мероприятие «С» подтверждает нашу версию о том, что именно утром 18 декабря после звонка Светланы, зафиксированного сотрудниками УКГБ, было решено начать операцию. Важно также упоминание о том, что в ДОР Азадовского имелась «сводка мероприятия “С”», то есть стенографическая запись *нескольких* телефонных разговоров.

Мероприятие «Д», или негласный обыск, – «метод оперативной деятельности, применяемый сотрудниками органов госбезопасности с целью отыскания и отображения в оперативных документах материальных следов (документов, предметов) преступной деятельности лица (группы лиц), проверяемого или разрабатываемого органами

государственной безопасности». Негласный обыск «тщательно готовится, принимаются меры, исключающие возможность появления на месте обыска разрабатываемых и других лиц. Соблюдаются необходимые меры предосторожности, чтобы после обыска не оставалось следов. В процессе обыска обнаруженные документы и предметы, имеющие значение для дела, фотографируются».

Таким образом, уже в августе 1980 года, воспользовавшись редким отсутствием хозяев: Лидия Владимировна уехала на отдых в Ленинградскую область, Константин же был в тот момент у приятеля в Литве, – сотрудники УКГБ нелегально проникли в квартиру Азадовских. Возможно, 19 декабря 1980 года Шлемин и Архипов пришли забрать именно то, что привлекло их внимание еще летом. Однако, как мы помним, в ходе обыска был вызван еще один сотрудник – Поздеев, поскольку осенью 1980 года, когда Лидия Владимировна была дома неотлучно, Азадовский принес домой фотографии русских поэтов из коллекции погибшего М.А. Балцвиника, и они-то оказались для сотрудников КГБ полной неожиданностью. Их не было летом, и об этом наверняка знали те, кто пришел к нему с обыском 19 декабря.

Вместе с массой подробностей мы можем теперь ответить на вопрос, который занимал нас с самого начала: раз уж у Светланы нашли наркотик, задержав ее во дворе дома Азадовского, то почему нужно было ждать еще 12 часов, до утра следующего дня, чтобы провести обыск у Азадовского? Санкция прокурора не могла быть препятствием – согласно УПК (статья 168), «в случаях, не терпящих отлагательства, обыск может быть произведен без санкции прокурора, но с последующим сообщением прокурору в суточный срок о произведенном обыске».

Объяснение простое: в тот момент, когда Светлана была задержана, наркотика на книжной полке в квартире Азадовского еще не было.

И, наконец, ДОН – Дело оперативного наблюдения. «Заводится на отбывших наказание особо опасных государственных преступников, которые своими возможностями могут заинтересовать противника, а также на лиц, которые в связи со своей прошлой враждебной деятельностью могут представлять опасность для советского государства».

Документ содержателен и в части возможных «оргвыводов» в отношении виновников. Но виновников чего? Вспомним Положение о КГБ СССР, в пункте 12 которого написано:

> Органы государственной безопасности во всей своей деятельности должны строго соблюдать социалистическую законность. Они обязаны использовать все предоставленные им законом права, чтобы ни один враг советского государства не уклонился от заслуженной кары и чтобы ни один гражданин не подвергся необоснованному привлечению к ответственности. Должны сурово пресекаться нарушения социалистической законности и произвол как действия, посягающие на социалистический правопорядок и права советских граждан.

Доклад Чебрикову свидетельствует, что на права советских граждан комиссии КГБ было попросту наплевать. В большей степени чекистов беспокоил тот факт, что «высокий профессионализм» сотрудников и руководства ленинградского УКГБ обернулся «расшифровкой перед Азадовским производимых в отношении него мероприятий, связанных с его привлечением к уголовной ответственности, что в последующем и послужило поводом для написания им жалоб». И вся эта немыслимая для КГБ ситуация усугубилась еще и тем, что во время суда 1988 года Архипов и Шлемин «по решению руководства Управления в суд не явились, что еще более усилило подозрения о причастности органов КГБ к привлечению его к уголовной ответственности».

При этом наиболее серьезные промахи – «грубые тактические просчеты и нарушения норм уголовно-процессуального законодательства» – авторы доклада вменяют в вину не своим сотрудникам, а следователю из РУВД. Даже милиционеру Хлюпину, проводившему обыск, ставится в упрек, что при обыске в квартире Азадовского он изъял обнаруженный им пакет «неквалифицированно, в присутствии лишь одного понятого».

Последняя претензия довольно красноречива. Получается, что Хлюпин, вероятно заранее осведомленный о том, куда приблизительно «Рахманинов» сунул пакет с наркотиком, должен был подвести понятых к стеллажу с книгами и устроить театр: обнаружить и вынуть на их глазах пакет с анашой таким образом, чтобы понятые видели момент обнаружения наркотика и не было затем разговоров о том, что, мол, Хлюпин вынул этот пакетик из кармана или же его подложили Архипов или Шлемин.

И, наконец, нужно отметить, что отнюдь не «реализация» операции в отношении Азадовского и Лепилиной была причиной доклада председателю КГБ СССР, положенного ему на стол 28 сентября 1988 года, за два дня до избрания его секретарем ЦК КПСС. Причиной был полный и публичный провал этой «операции», и докладная записка председателю КГБ представляла собой попытку комиссии объяснить и даже оправдать действия ленинградских чекистов.

Расследование УКГБ

В те дни, когда готовился доклад для Чебрикова, Азадовский, согласно постановлению Куйбышевского райсуда от 19 августа 1988 года, все еще числился подследственным. В связи с этим авторы докладной записки указали в заключение на то, что «целесообразно» дождаться «окончательного решения по уголовному делу» и лишь затем «произвести служебное расследование неправомерных действий сотрудников Управления», а о результатах и принятых мерах доложить в КГБ СССР. Председателем КГБ на это было «дано согласие».

И когда 14 ноября 1988 года СУ ГУВД прекратило дело Азадовского, госбезопасность начала свое «внутреннее расследование» под личным контролем начальника УКГБ по Ленинградской области генерал-майора госбезопасности В.М. Прилукова. Цель расследования заключалась не в том, чтобы выяснить новые подробности – комиссия из Москвы уже все выяснила, – а в уточнении списка конкретных виновных для оргвыводов.

Практически все участники событий 1980 года должны были представить в декабре 1988 года объяснительные записки на имя начальника УКГБ; кроме того, они опрашивались устно. Читая эти бумаги, также отложившиеся в деле Светланы, невозможно отделаться от впечатления, что все опрошенные, словно заранее сговорившись, излагают свои показания в одном и том же ключе. Во-первых, каждый из сотрудников пытается уйти от личной ответственности, а во-вторых, чтобы как-то оправдать действия «Берита», обманным путем вручившего наркотик Светлане, оперативники не стесняются в выражениях, желая ее оговорить и опорочить.

В результате 22 декабря 1988 года генерал-майор В.М. Прилуков утвердил заключение, подготовленное комиссией. Поскольку оно, особенно в своей первой части, повторяет содержание доклада Чебрикову, мы помещаем этот документ с сокращениями.

«Утверждаю»
Начальник Управления
КГБ СССР по Ленинградской области генерал-майор
В.М. Прилуков
22 декабря 1988 г.
№ 61/7942
Ленинград

Заключение

по результатам служебного расследования фактов неправомерных действий сотрудников УКГБ СССР по Ленинградской области в отношении Азадовского К.М.

Служебное расследование по фактам неправомерных действий сотрудников УКГБ СССР по Ленинградской области в отношении жителя Ленинграда Азадовского К.М. 1941 г.р. назначено начальником Управления генерал-майором Прилуковым В.М. по указанию Председателя КГБ СССР на основании выводов, сделанных представителями Инспекторского управления и Следственного отдела КГБ СССР в ходе проверки жалобы Азадовского на имя руководства Комитета государственной безопасности СССР… При проверке жалобы Азадовского представителями КГБ СССР изучены и оценены все имеющиеся в УКГБ ЛО в отношении его оперативные материалы (ДГОР «Переправа», ДОР «Азеф», ОП «Берит»), а также архивные уголовные дела на Азадовского и Лепилину. По существу жалобы Азадовскому предварительно сообщено об установленном факте неправомерного участия сотрудников УКГБ по Ленинградской области Архипова и Шлемина в проведении у него обыска, а также разъяснено, что к ним будут применены меры дисциплинарного взыскания…

14 ноября 1988 г. Следственным управлением ГУВД Ленгороблисполкомов после дополнительного расследования вынесено постановление о прекращении уголовного дела в отношении Азадовского и уголовного преследования в отношении Азадовской (Лепилиной) за недоказанностью. 7 декабря Азадовский ознакомился с данным постановлением, которое воспринял крайне отрицательно. Намеревается добиваться полной реабилитации путем обращения в инстанции, а также привлечения прессы.

В ходе настоящего служебного расследования по вскрытым представителями Инспекторского управления и Следственного отдела КГБ СССР нарушениям установлено следующее:

Решение о реализации дела оперативной разработки на Азадовского с окраской антисоветская агитация и пропаганда с высказываниями ревизионистского характера путем привлечения объекта к уголовной ответственности за совершение общеуголовного преступления – приобретение, хранение и употребление наркотических веществ – начальником 1 отдела 5 Службы Алейниковым В.П. было принято без достаточных оснований. Каких-либо данных об указанных действиях объекта на период реализации в материалах ДОР не имелось. Оперуполномоченным Кузнецовым А.В., в производстве которого находилось ДОР, а также начальником отделения Николаевым Ю.А. план реализации не составлялся. В нарушение требований указания Председателя КГБ СССР № 5/С–79 решение о реализации дела оперативного учета было принято без согласования с соответствующими подразделениями центра и Следственного отдела КГБ СССР. На оценку в Следственный отдел УКГБ ЛО материалы ДОР также не представлялись.

В объяснении по поводу реализации дела т. Алейников В.П. указывает, что «в утвержденном руководством УКГБ ЛО плане работы на “Азефа”, помимо проверки основной версии, предусматривались мероприятия по документации и возможной реализации дела по общеуголовным статьям. Вероятно, исходя из этого, отдельного плана реализации ДОР на “Азефа” не составлялось». Вместе с тем, в плане работы по ДОР, подписанном т. Алейниковым В.П. за полтора месяца до реализации дела, каких-либо мероприятий, связанных с документированием фактов приобретения, хранения и употребления объектом наркотиков, не предусматривалось.

Согласно разработанному плану агентурно-оперативных мероприятий по ДОР «Азеф» (октябрь 1980 г.) предусматривалось ввести в разработку загранисточника «Берита» по отдельному рапорту. Основной целью ввода загранисточника в разработку Азадовского являлся перехват каналов связи объекта с иностранными связями, кроме того предусматривалось выявление фактов возможных действий объекта, связанных с совершением преступлений общеуголовного характера.

По утверждению начальника отделения т. Николаева Ю.А., решение о вводе в разработку агента-иностранца было принято руководством отдела тт. Алейниковым В.П. и Володиным Э.В. Ими же был и подобран загранисточник

«Берит», находившийся на связи в этом отделе.

Вопреки утвержденному руководством 5 Службы плану об использовании загранисточника, начальником 1 отдела 5 Службы т. Федоровичем А.М. в присутствии ст. оперуполномоченного этого же отдела т. Ятколенко И.В., у которого агент находился на связи, было отработано задание передать сожительнице Азадовского Лепилиной джинсы и пакет с наркотиком для дальнейшей реализации. Указанные действия «Берита» являлись провокационными, так как заранее на предыдущих встречах такой договоренности между агентом и Лепилиной не было. Как следует из объяснений т. Николаева Ю.А., задание «Бериту» на передачу Лепилиной наркотика было разработано им совместно с начальником отдела Алейниковым В.П. В свою очередь Алейников В.П. в представленном объяснении данный факт не указывает, однако в личной беседе он заявил, что «к комбинации с участием агента-иностранца “Берита” он непричастен».

Настоящим расследованием установлено, что сотрудники Управления тт. Архипов В.И. и Шлемин В.В. после задержания Лепилиной с наркотиками были привлечены Куйбышевским РУВД для участия в обыске на квартире Азадовского под видом сотрудников милиции по указанию начальника отделения т. Николаева Ю.А. и начальника отдела т. Алейникова В.П. Данное мероприятие проведено в нарушение указания Председателя КГБ СССР № 5/С–79 г., которое предусматривает «в порядке исключения принимать участие оперативных и следственных работников КГБ в производстве процессуальных действий (обыски, осмотры, допросы и т. д.) по просьбам прокуроров и с согласия соответствующих оперативных подразделений Следственного отдела КГБ СССР».

Т. Николаев Ю.А. в своем объяснении указывает, что решение о включении сотрудников Управления Архипова В.И. и Шлемина В.В. в оперативно-следственную группу милиции для производства обыска им было принято совместно с начальником отдела т. Алейниковым В.П. Последний, в свою очередь, объясняет, что это решение им было согласовано с руководством Службы, однако с кем именно – назвать в настоящее время не может.

Как следует из объяснений тт. Алейникова В.П., Николаева Ю.А., Архипова В.И. и Шлемина В.В., при инструктаже последним ставилась одна задача – оценка и отбор интересующих органы КГБ антисоветских и идеологически вредных документов (литературы и т. п.), имеющих значение для реализации ДОР. Указанные сотрудники, по поводу утверждений Азадовского, настаивают, что никто из участников обыска наркотик не подбрасывал, утверждения об этом Азадовского они расценивают как попытку скомпрометировать следствие и уйти от уголовной ответственности за хранение наркотика.

При подготовке и проведении обыска со стороны тт. Алейникова В.П., Николаева Ю.В., Архипова В.И. и Шлемина В.В. были допущены грубые нарушения норм уголовно-процессуального законодательства. Вопреки требованиям ст. 141 УПК РСФСР тт. Архипов В.И. и Шлемин В.В. как участники этого следственного действия в протокол обыска включены не были, что вызвало у Азадовского вполне естественные подозрения. Кроме того, в самой основе данное мероприятие было обречено на провал и расшифровку, так как Шлемин вообще не имел документов прикрытия.

Указанные и другие изъяны и явились в последующем основанием для протеста и отмены судебного решения по делу Азадовского.

Грубые просчеты, в частности, были допущены тт. Безверховым Ю.А. и Кузнецовым А.В., в производстве которых находилось дело оперативной разработки на Азадовского. Так, в целях получения заявительных материалов о противоправной деятельности Азадовского ими были проведены беседы со связями объекта и Лепилиной без их предварительного изучения и проверки, без учета характера их отношений с Азадовским и Лепилиной… Справки по беседам с указанными лицами тт. Безверховым Ю.А. и Кузнецовым А.В. не составлялись. Беседы с другими связями, указанными Азадовским в жалобе и заявлении, тт. Безверхов Ю.А. и Кузнецов А.В. категорически отрицают.

Расследованием установлено, что кто-либо из сотрудников Управления к месту отбытия Азадовским наказания в Магаданскую область не выезжал, ограничительных мер к нему с нашей стороны не применялось.

Таким образом, в ходе настоящего служебного расследования данные о причастности сотрудников УКГБ СССР по Ленинградской области к осуждению Азадовского и Лепилиной нашли свое подтверждение. Подозрения жалобщика о подбрасывании наркотика в его жилище сотрудниками КГБ подтверждения не нашли.

Неправомерные действия указанных сотрудников Управления в отношении Азадовского стали возможными прежде всего вследствие упрощенного, в ряде случаев безответственного их подхода к требованиям приказов КГБ СССР, регламентирующих работу по делам оперативного учета, недостаточного контроля со стороны бывшего руководства 5 Службы за работой подчиненных, а также руководства Управления за деятельностью оперативных подразделений.

С учетом изложенного комиссия считает, что тт. Алейников В.П., Николаев Ю.А., Архипов В.И., Шлемин В.В., Кузнецов А.В. и Ятколенко И.В. за допущенные серьезные нарушения и неправомерные действия заслуживают дисциплинарных взысканий.

Одновременно комиссия отмечает, что в связи с увольнением из органов КГБ бывшего начальника 5 Службы полковника Полозюка В.И. и оперуполномоченного капитана Федоровича А.М. дисциплинарных взысканий к ним не применять. Бывший зам. начальника 1-го отдела 5 Службы полковник Володин Э.В. в 1988 г. умер. При определении степени виновности Алейникова В.П., Николаева Ю.А., Архипова В.И., Шлемина В.В., Кузнецова А.В. и Ятколенко И.В. и назначения им меры наказания комиссия считает необходимым учесть, что за последние 8 лет они характеризуются в основном положительно, нарушений в оперативной служебной деятельности с их стороны не было. Кроме того т. Кузнецов А.В. принял к производству дело оперативного учета на Азадовского на стадии реализации в должности младшего оперуполномоченного.

Зам. начальника
оперативно-технической службы
УКГБ ЛО полковник В.Д. Ермаков

Зам. начальника отдела кадров
УКГБ ЛО майор В.К. Кузнецов

Ст. инспектор

Инспекции УКГБ ЛО полковник О.К. Шумов

Поскольку в данном случае речь идет о распределении ответственности между сотрудниками Управления, в основном сотрудников 1-го Отдела 5-й Службы, пояснить мы должны лишь аббревиатуру «ОП». Имеется в виду так называемая «оперативная подборка» – «дело, где концентрируются материалы в отношении заслуживающих оперативного внимания иностранцев, приезжающих в СССР из капиталистических и развивающихся стран на какое-то время (независимо от срока и цели приезда), в том числе и в отношении лиц, с которыми проводится работа в плане идеологической обработки, подготовки их вербовки и т. п.».

То есть «Берит» не был собственно агентом, потому как на него не было агентурного дела, а была только ОП, которая так и не переросла в нечто большее. Возможно, он и пойман

был органами КГБ на наркотиках или фарцовке и фактически, так сказать, «по случаю», внедрен к Светлане. Но что мы знаем точно – он готов был выполнить ответственное задание советских спецслужб и добросовестно его выполнил.

Довольно важные сведения находятся не в итоговом документе, составленном более сухо и грамотно, с пониманием того, что нужно и чего не нужно писать, потому как лишние или неточные фразы могут вызвать вопросы или недоумение Центра, а в объяснительных записках сотрудников на имя начальника Управления. Вероятно, при составлении итоговой записки такие пассажи убирались, поскольку в Центре работали не новички и сказками их накормить было сложно, а некоторые подробности были попросту сочтены ненужными.

Так, 7 декабря 1988 года давал свои объяснения «офицер действующего резерва» КГБ подполковник И.В. Ятколенко. Сперва поясним, что такое институт «офицеров действующего резерва», который был весьма распространен в СССР. Это такой вид деятельности, когда кадровый чекист работал в какой-то организации, оставаясь при этом сотрудником КГБ СССР и даже получая зарплату (любопытно, что если зарплата в организации превышала зарплату в КГБ СССР, то он был обязан вернуть излишки, а если нет, продолжал получать зарплату по штатам КГБ). В новое время такое совместительство получило наименование «прикрепленного сотрудника».

Вот несколько цитат из его текста:

> Осенью 1980 года руководством 1 отдела 5 Службы УКГБ ЛО было принято решение использовать агента-иностранца «Берита» из числа обучающихся в Ленинграде граждан Колумбии в разработке объекта ДОР «Азефа» с окраской «антисоветская агитация и пропаганда». С этой целью «Берит», находившийся тогда на связи у оперработника, был подставлен на нейтральной основе сожительнице «Азефа» Лепилиной… В соответствии с отработанной ему руководством 1 отдела 5 Службы УКГБ ЛО линией поведения, агент-иностранец выступал перед Лепилиной в роли гражданина Испании, склонного к совершению контрабандно-противоправных действий (это соответствовало ее образу жизни). Перед «Беритом» была поставлена задача по выявлению с ее стороны конкретных фактов возможных каналов связи с заграницей и иных противоправных проявлений.
>
> С санкции руководства 1 отдела 5 Службы УКГБ ЛО во встречах с «Беритом» совместно со мной принимал участие сотрудник 1 отдела тов. Федорович, который непосредственно отрабатывал «Бериту» линию поведения в отношении Лепилиной. Кроме того, в одной из встреч с «Беритом» участвовал начальник 1 отдела 5 Службы УКГБ ЛО тов. Николаев. Как мне было им разъяснено, из материалов дела оперативной разработки усматривалось, что «Азеф» и его сожительница Лепилина склонны к совершению действий, носящих общеуголовный характер, в том числе занимаются употреблением и, возможно, распространением наркотиков, которые «Азеф» хранит по месту жительства.
>
> Насколько мне известно, в декабре 1980 г. руководством [1] отдела 5 Службы УКГБ ЛО была разработана агентурно-оперативная комбинация, направленная на возможное задержание Лепилиной с поличным. Накануне «Берит» условился о встрече с ней в кафе на улице Восстания. Ему тов. Федоровичем была отработана линия поведения, направленная на выявление с ее стороны возможных фактов противоправной деятельности, носящих общеуголовный характер (в том числе по проверке ранее полученных данных об употреблении и возможном распространении ею наркотиков).
>
> Учитывая, что сам «Берит» ранее употреблял наркотики и имел дома небольшой запас анаши, купленной от неустановленного лица (об этом иностранец рассказал в ходе одной из предыдущих с ним встреч), ему тов. Федоровичем было разрешено принести наркотики на встречу с сожительницей «Азефа» Лепилиной… 18 декабря 1980 г. «Берит» встретился с Лепилиной в кафе на ул. Восстания… Контроль за ее действиями осуществлялся службой НН. Сам я в момент проведения мероприятия по указанию руководства 1 отдела 5 Службы УКГБ ЛО

находился в помещении кафе на ул. Восстания на случай непредвиденной ситуации. С материалами дела оперативной разработки на «Азефа» я никогда не знакомился. Самостоятельно инструктажа агента «Берита» по данному делу не проводил. В каких-либо других мероприятиях по делу, за исключением связанных с использованием в нем агента-иностранца «Берита», не участвовал.

Из показаний Ятколенко (а у нас в данном случае нет особых оснований не доверять офицеру госбезопасности) явствует, что «Берит» был в действительности колумбиец, а не испанец.

Начальник 7-го направления 5-й службы майор А.В. Кузнецов 6 декабря сообщил В.М. Прилукову в объяснительной записке много более, чем его коллега. Эта «справка», как ее назвал А.В. Кузнецов, дает нам немало свежих сведений:

В июне 1980 г. после окончания Высших курсов КГБ СССР в Ленинграде я приступил к работе в бывшем 4 отделении 1 отдела 5 Службы УКГБ ЛО в должности младшего оперуполномоченного. Мне была поручена организация контрразведывательной работы по линии Ленинградского отделения Союза композиторов СССР и Ленинградской государственной консерватории им. Римского-Корсакова.

В середине октября 1980 г. по указанию руководства отделения и отдела мне бывшим зам. начальника отделения тов. Безверховым Ю.А. было передано в производство дело оперативной проверки на «Азефа», заведенное в октябре – ноябре 1978 г. После принятия этого дела оперативного учета в производство мною, на основании имеющихся в ДОР материалов, было подготовлено постановление о заведении на «Азефа» дела следственной разработки, подготовлен план агентурно-следственных мероприятий по ДОР, в соответствии с которыми мною проводилась работа по делу.

К работе по делу на «Азефа» были привлечены другие сотрудники отделения, каждому из которых было поручено определенное направление в работе по объекту и его связям. Мною в работе по делу на «Азефа» использовались агенты «Юнга» и «Рахманинов», которые практически близких контактов с Азефом не имели, а поддерживали дружеские связи с его сожительницей Лепилиной. Все полученные мною по делу оперативные материалы докладывались руководству отдела и отделения и приобщены к ДОР.

План агентурно-оперативных мероприятий по делу с целью выяснения характера контактов «Азефа» с иностранцами предусматривал подставу объекту через Лепилину агента-иностранца, находившегося на связи у тов. Ятколенко И.В. Организация работы с агентом-иностранцем была поручена сотруднику отделения тов. Федоровичу А.М. При организации подставы на меня была возложена обязанность вывода Лепилиной через агента «Юнгу» в ресторане гостиницы «Ленинград», что мною было выполнено. С агентом-иностранцем «Беритом» я не встречался, инструктаж агента и отработку ему линии поведения не проводил, с личными и рабочими делами агента не занимался.

После 10.12.80 года я ушел в календарный отпуск и находился в Ленинграде. Во время отпуска я находился на работе 18. и 20.12.80 года, что было связано с необходимостью моего участия в оперативных мероприятиях по делу. 18.12.80 года на коротком оперативном совещании у начальника отделения тов. Николаева Ю.А. передо мной была поставлена задача передачи Лепилиной под наблюдение 7 Службы [НН] после встречи с «Беритом» в кафе у станции метро «Площадь Восстания», куда я был направлен вместе с тов. Ятколенко И.В. Зафиксировав встречу Лепилиной с «Беритом» и получение ею от иностранца различных пакетов, я подал условный знак при выходе из кафе службе «НН», после чего вернулся в Управление. В какой-либо контакт с сотрудниками милиции я не вступал, такая задача мне руководством отделения не ставилась.

Об обнаружении наркотиков у «Азефа» во время обыска я узнал во время телефонного разговора из дома 19.12.80 года. Одновременно возникла

необходимость моего выхода на работу 20.12.80. для участия в обыске на квартире у Лепилиной. Обыск на квартире Лепилиной производили сотрудники милиции, они же приглашали на обыск понятых и представителей ЖЭУ. Об участии в обыске меня и тов. Поздеева П.Г. я получил указание от тов. Николаева Ю.А. На нас была возложена обязанность оценить возможно имевшиеся на квартире у Лепилиной рукописи и печатные материалы, принадлежащие «Азефу». Представлявшие интерес материалы были включены сотрудниками милиции в протокол обыска и переданы следователю, в производстве которого находилось уголовное дело на Лепилину. В какие-либо процессуальные действия сотрудников милиции во время обыска я не вмешивался, никакие другие предметы или вещи кроме печатных материалов не осматривал.

Со всей ответственностью могу заявить, что никогда никаких наркотических веществ не имел, в руках не держал и не видел их ни у кого из сотрудников отделения. Каких-либо разговоров в моем присутствии о наличии у кого-нибудь из сотрудников УКГБ подобных веществ не было.

После выхода из отпуска в январе 1981 года на меня совместно с тов. Архиповым В.И. была возложена организация внутрикамерной разработки «Азефа». В январе – феврале 1981 года я провел несколько встреч совместно с тов. Архиповым В.И. и сотрудником оперчасти СИЗО № 1 с внутрикамерным агентом, две-три встречи я провел с агентом самостоятельно, т. е. только с сотрудником милиции. Все полученные в ходе внутрикамерной разработки материалы докладывались начальнику отдела тов. Алейникову В.П. и начальнику отделения тов. Николаеву Ю.А. и приобщены к ДОР.

Литературу, изъятую на обыске у «Азефа» и Лепилиной, я в следственном отделе Куйбышевского РУВД не получал, каких-либо устойчивых контактов со следователем Каменко не поддерживал, так как такой задачи передо мной не ставилось. Один-два раза меня направляли к Каменко для передачи или получения текущих материалов. Оценка литературы, насколько мне известно, проводилась по указанию тов. Алейникова В.П. тов. Поздеевым П.Г. через Горлит. В дальнейшем мною был подписан составленный тов. Володиным Э.В. акт об уничтожении ряда изъятых у «Азефа» изданий, не подлежавших, по заключению Горлита, ввозу и распространению в СССР.

В ходе работы по ДОР на «Азефа» я проводил несколько встреч с Цакадзе, которая использовалась в тот период органами КГБ на доверительной основе. Доверительные отношения с Цакадзе были ранее установлены тов. Безверховым Ю.А. во время ее работы в Ленконцерте. Об использовании Цакадзе на доверительной основе по делу мною был написан рапорт на имя начальника отдела, и на это была получена санкция… Исаметдинова прошла по сообщению внутрикамерного агента как несовершеннолетнее лицо… После доклада агентурного сообщения мне руководством отделения была поставлена задача установить Исаметдинову и провести с ней ознакомительную беседу, что мною было выполнено. Вторая беседа с Исаметдиновой была проведена совместно с тов. Николаевым Ю.А… С супругой Балцвиника я никогда ни при каких обстоятельствах не беседовал. В командировку по месту отбытия «Азефом» наказания не выезжал. Моя фамилия стала известна «Азефу» из акта об уничтожении литературы, с которым, по неизвестной мне причине, он был ознакомлен.

Судя по тому, что нам уже известно, автор этого текста был наиболее близок ко всему, что касается реализации дела Азадовского. Он курировал участие в операции агента «Рахманинова» и даже был отозван из отпуска ради такого масштабного дела – одного из первых в послужном списке чекиста Кузнецова.

Что бы ни говорилось относительно знакомства Светланы с «Беритом», теперь мы определенно знаем, что в окружении Светланы был еще один агент – «Юнга»; он-то и познакомил ее с «Хасаном». Именно поэтому версия о «подставе» агента не выдерживает критики.

Кроме того, мы знаем, что днем 18 декабря на Литейном состоялось оперативное совещание, на котором были согласованы дальнейшие действия чекистов; это произошло, вероятно, сразу после телефонного разговора Светланы с Азадовским и оперативного сообщения по результатам «прослушки». Всем участникам совещания было ясно, что нынче вечером мышеловка захлопнется.

Попутно возникает риторический вопрос: что же происходило в том самом кафе на улице Восстания? Кто находился там в момент встречи Светланы с «Беритом»? Какие-то посетители или только сотрудники КГБ? Ведь там присутствовали одновременно и «Берит», и два оперативника, и сотрудники из службы наружного наблюдения…

Открываются также подробности обыска у Светланы 20 декабря: и там, оказывается, тоже были сотрудники КГБ – все тот же П.Г. Поздеев и А.В. Кузнецов. Нужно ли говорить, что в протоколе обыска не нашлось следов их присутствия…

Однако и это не финал. Теперь мы имеем подтверждение тому, что Вадим Розенберг – та самая «наседка» в камере Азадовского в Крестах – был туда подсажен именно 5-й службой УКГБ.

Подтверждает Кузнецов и свои «встречи» с друзьями Азадовского, отразившиеся в жалобах последнего.

И в заключение А.В. Кузнецов останавливает внимание на том, что «расшифровка» его была произведена Азадовским на основании «акта об уничтожении литературы, с которым… он был ознакомлен». На самом деле с этим актом Азадовский смог ознакомиться намного позже, чем узнал фамилии Кузнецова и Безверхова, которые он упоминал в своих жалобах, прилагая опять же фотокопии их «визиток».

Что касается Ю.А. Безверхова, к тому времени подполковника госбезопасности, то он давал свое объяснение В.М. Прилукову 13 декабря:

> В отношении жалобы Азадовского К.М. на сотрудников КГБ и меня лично могу сообщить следующее. Дело оперативной разработки на Азадовского К.М. было заведено в октябре 1978 г. с окраской «Измена Родине в форме оказания помощи иностранному государству в проведении враждебной деятельности против СССР».
>
> В процессе работы по делу, ведение которого было поручено мне, были получены данные о том, что объект распространял в своем окружении устные измышления, порочащие наш строй, поддерживал обширные контакты с иностранцами, ряд из которых являлись эмиссарами антисоветских организаций, большинство из них враждебно или негативно относились к нашему строю и руководителям нашего государства.
>
> Встречи Азадовского К.М. с иностранцами проходили в основном на квартире сожительницы Азадовского – Лепилиной С.И. в вечернее и ночное время.
>
> В 1980 г. в адрес Дзержинского РО УКГБ ЛО было получено заявление соседки Лепилиной С.И. по квартире – Ткачевой, в котором она сообщала, что Лепилина С.И., Азадовский К.М., их связи из числа советских и иностранных граждан устраивают на квартире оргии, и просила оградить ее от этого.
>
> С санкции руководства отдела т. Володиным Э.В. было принято решение провести беседу с какой-либо из связей Лепилиной С.И. с целью возможного получения и документирования указанных Ткачевой действий.
>
> В ходе предварительного изучения круга знакомых Лепилиной С.И. выбор пал на ее связь Цакадзе М.Г., работавшую в то время артисткой в «Ленконцерте» и характеризовавшуюся положительно. Цакадзе М. меня представил директор «Ленконцерта» Садовников К.П. как «куратора». Об интересе органов КГБ к Цакадзе М. как связи Азадовского К.М. и Лепилиной С.И. не говорилось. С учетом положительной характеристики Цакадзе М. и моего впечатления о ней на основании беседы, в ходе встречи я оставил ей свою фамилию и телефон, написав их на листе бумаги. Цакадзе в свою очередь оставила свой адрес (в то время она снимала комнату). Мы договорились с ней о том, что если у нее будет какая-либо информация о противоправных действиях ее связей, она позвонит мне. Затем

> встречи с ней проводил Кузнецов А.В., которому было поручено дальнейшее ведение дела. Из его рассказов о беседах с ней я знаю, что он никаких провокационных вопросов ей не ставил.
>
> Мною были проведены две встречи с Цакадзе, в ходе которых она рассказала о своих связях, поддерживающих контакты с иностранцами, в том числе и о Лепилиной С.И. Никаких провокационных вопросов Цакадзе М.Г. я не задавал, акцент на интересе органов КГБ к Лепилиной С.И. и Азадовскому К.М. не делался. С Исаметдиновой, Петровой, а также женой Балцвиника я не встречался и не беседовал.
>
> В конце ноября 1980 г. я ушел в очередной отпуск с выездом в Кисловодск и вернулся в конце декабря. Реализация дела была проведена в мое отсутствие.
>
> По возвращении из отпуска мне было поручено оказать помощь в уничтожении литературы, оцененной Главлитом как идеологически вредной и не подлежащей распространению в СССР. Акт уничтожения, подписанный Володиным Э.В., мною и Кузнецовым, был передан в следственный отдел Куйбышевского РУВД.
>
> В Сусуман Магаданской области, где Азадовский К.М. отбывал наказание, я не выезжал. В мероприятиях, связанных с привлечением агента «Берита», я не участвовал.

Письменные объяснительные начальнику УКГБ представили также наши давние знакомцы Шлемин и Архипов. Владимир Владимирович Шлемин к 1988 году уже был подполковником госбезопасности и возглавлял Кингисеппский горотдел КГБ Ленинградской области. Он сообщил следующее:

> Ориентировочно в декабре 1980 года по указанию тов. Николаева Ю.А., в ту пору начальника отделения 1 отдела 5 Службы УКГБ ЛО, я вместе со ст. оперуполномоченным тов. Архиповым В.И. был направлен на обыск, который проводился сотрудниками 15 отделения Управления уголовного розыска ГУВД Леноблгорисполкомов на квартире Азадовского К.М. Перед тем как мы отправились на обыск, я и тов. Архипов В.И. получили инструктаж от тов. Николаева Ю.А., который ориентировал нас на поиск в квартире Азадовского антисоветской или иной политически вредной литературы…
>
> Так как меня интересовала литература, с самого начала обыска и до его окончания я осматривал все книги и рукописи, находящиеся в книжном шкафу. Азадовский сидел у противоположной стены за моей спиной и постоянно «советовал» отложить ту или иную «антисоветскую книгу». Мною было отобрано несколько книг, изданных за рубежом как на русском, так и иностранном языках. Тов. Архипов В.И. и сотрудники милиции осматривали другие предметы, но указать, какие точно, сейчас не могу. Через некоторое время сотрудник милиции обратил внимание присутствующих, что на книжном стеллаже им обнаружен небольшой пакет с каким-то веществом. Повернувшись, я увидел пакет, лежащий на полке уже в развернутом виде. Подошел понятой, засвидетельствовавший факт обнаружения указанного пакета.
>
> Какие конкретно в этот момент Азадовский делал заявления, из-за давности я [указать] не могу. После этого Азадовский попытался позвонить по телефону, но был остановлен тов. Архиповым В.И. Азадовский потребовал внести в протокол, что с ним грубо обращаются, и предъявить тов. Архипова В.И. документы, что он и сделал. Протокол обыска вел сотрудник милиции. Мне известно, что в протокол обыска я как лицо, участвующее в производстве следственного действия, внесен не был. Объяснить причины, почему это произошло, я не имею возможности, однако сознаю свою вину в том, что не настоял на включении в протокол обыска своих данных. Будучи на обыске, я имел при себе только служебное удостоверение сотрудника УКГБ ЛО. После окончания обыска Азадовский был доставлен в 27 отделение милиции. В силу сложившихся обстоятельств в 27 отделении я находился с ним в коридоре. После того как Азадовский был приглашен на допрос, я возвратился в Управление.

Майор госбезопасности В.И. Архипов продолжал в 1988 году службу в главке – он был старшим оперуполномоченным 1-го направления 5-й службы УКГБ:

> Докладываю, что по существу обстоятельств работы в 1980 г. по делу оперативной разработки «Азеф» с окраской «антисоветская агитация и пропаганда» на Азадовского Константина Марковича, 1941 года рождения, в соответствии с устными указаниями начальника 4 отделения 1 отдела 5 Службы УКГБ ЛО майора тов. Николаева Ю.А. и начальника 1 отдела 5 Службы УКГБ ЛО майора тов. Алейникова В.П. мною осуществлялись следующие мероприятия:
>
> …По указанию тов. Николаева Ю.А. и тов. Алейникова В.П. я был подключен к оперативной группе милиции тов. Бадаева Ю.М. с целью участия в проведении обыска на квартире Азадовского К.М. под прикрытием работника милиции тов. Быстрова Виктора Ивановича. По требованию Азадовского К.М. во время обыска 19 декабря 1980 года я предъявил ему указанное удостоверение работника ГУВД. Согласно данных мне тов. Николаевым Ю.А. и тов. Алейниковым В.П. указаний, я не участвовал в поиске наркотических препаратов во время обыска на квартире Азадовского К.М., а занимался просмотром литературы, изданной за границей, и записей на предмет выявления документов политически вредного содержания. Часть обнаруженных документов и литературы были у Азадовского К.М. изъяты и включены в протокол обыска.
>
> Указанный протокол мною не подписывался, так как я выполнял только свои задачи, фактически не являясь работником ГУВД, не входил в состав оперативно-следственной группы милиции и не являлся специалистом по борьбе с наркоманией. Категорически отрицаю предположения Азадовского К.М. о моей причастности к якобы имевшему место факту подбрасывания наркотических препаратов в его квартиру во время обыска 19.XII.80 года, тем более что я не подходил к тому месту, где были обнаружены наркотики. Сотрудник ГУВД Хлюпин, в присутствии двух понятых, обнаружил наркотик (как потом выяснилось) на одной из книжных полок, зафиксировал это в протоколе обыска также сотрудник милиции Арцибушев…
>
> После обыска, по-моему 20.XII.80 г., я по указанию начальника отдела тов. Алейникова В.П. поехал и взял под расписку у следователя РУВД Куйбышевского района г. Ленинграда т. Каменко часть изъятых во время обыска вещественных доказательств по уголовному делу на Азадовского К.М., которые представляли интерес для работы на ДОР «Азеф», а именно – книги, изданные за рубежом, записи Азадовского К.М. и другие машинописные и рукописные документы обвиняемого. Эти вещественные доказательства при мне были упакованы в мешок вместе с описью, второй экземпляр описи остался у следователя т. Каменко. Данный мешок я в запечатанном виде передал начальнику 1 отделения 1 отдела 5 Службы тов. Николаеву Ю.А.

В результате полученных «сообщений» 2 февраля 1989 года начальник УКГБ ЛО В.М. Прилуков подписал приказ № 023 «О разработке дополнительного служебного расследования по фактам неправомерных действий сотрудников Управления в отношении Азадовского К.М.». В этом документе заключались и оргвыводы в отношении ленинградских чекистов – ведь нужно было как-то отчитаться перед Центром:

> 1. За допущенные нарушения юридических актов в ходе реализации дела оперативной разработки на Азадовского полковнику Алейникову Владимиру Петровичу объявить строгий выговор.
> 2. За неправомерные действия, допущенные при осуществлении оперативных мероприятий по реализации дела на Азадовского, подполковнику Николаеву Юрию Алексеевичу объявить строгий выговор.
> 3. Принимая во внимание, что бывший начальник 5 Службы полковник Полозюк В.Н. уволен в отставку по возрасту, а оперуполномоченный капитан

Федорович А.М. уволен без пенсии по ограниченному состоянию здоровья, за недостатки в работе и поведении, мер дисциплинарного воздействия к ним не применять.

4. За серьезные просчеты при осуществлении разработки и реализации дела на Азадовского, повлекшие расшифровку интереса органов госбезопасности к объекту, объявить подполковнику Безверхову Юрию Алексеевичу, майору Кузнецову Александру Валентиновичу замечание.

5. За допущенные нарушения норм уголовно-процессуального законодательства, выразившиеся в участии в обыске на квартире Азадовского без включения в протокол, майору Архипову Виктору Ивановичу и подполковнику Шлемину Владимиру Владимировичу объявить замечание.

6. За недостаточный контроль и упущения в руководстве подчиненными при проведении оперативных мероприятий по ДОР на Азадовского генерал-майору Новикову Валерию Стефановичу, работавшему в тот период зам. начальника 5 Службы, объявить выговор.

Прокурорское расследование

Кроме расследований КГБ, мы имеем данные о проверке, которая проводилась Генеральной прокуратурой по делу Светланы. Будучи «спущено» из Москвы в Петербург, оно было начато по постановлению начальника отдела по надзору за исполнением законов о федеральной безопасности Прокуратуры С. – Петербурга Н.А. Винниченко от 10 августа 1993 года; проводил его прокурор Московского района С. – Петербурга юрист 1-го класса А.М. Бородин.

Расследование проходило негладко. Когда 18 октября прокуратура города осведомилась о ходе расследования, выяснилось, что оно затягивается «по объективным причинам». 1 декабря 1993 года срок был вновь продлен до 31 декабря, «поскольку не явились для допросов работники Управления МБ Николаев Ю.А., Алейников В.П. и Федорович А.М.». Для того чтобы получить от них объяснения, потребовалось вмешательство прокуратуры города.

Расследование в этот раз проводилось в связи с многократными заявлениями Азадовского, Щекочихина и других о невиновности Светланы. Вероятно, встретившись с бывшими сотрудниками УКГБ, прокурор доверительно сообщил им, по какому поводу он вынужден был их обеспокоить. И нельзя не признать, что именно в этом ключе ими были даны показания: они охотно «вспомнили» новые подробности, доказывающие вину Лепилиной.

Нам придется разобраться в этих «доказательствах».

26 ноября 1993 года дал показания уже знакомый нам И.В. Ятколенко. В 1988 году он был офицером «действующего резерва», но, по-видимому, вернулся к любимому делу и значился теперь как замначальника отделения службы. Какой именно «службы» (в составе Министерства безопасности) – этого мы не знаем. Во всяком случае, не 5-й, потому что 11 февраля 1989 года постановлением Совмина СССР Пятое управление было преобразовано в Управление по защите советского конституционного строя (Управление «З»), а после событий августа 1991 года, в сентябре, оно было ликвидировано по частям путем расформирования отделов. «Не расформировать подразделения, прямо занимавшегося политическим сыском, – Управления “З” – было невозможно», – вспоминал впоследствии В.В. Бакатин.

На допросе в 1993 году Ятколенко подтвердил свои показания 1988 года, но с оговорками:

…В связи с тем, что прошло очень много времени с 1980 г., я не могу припомнить все подробности моего участия в указанных выше оперативных мероприятиях. В ходе допроса мне была предъявлена объяснительная записка на

имя начальника УКГБ СССР по Ленинградской области от 7 декабря 1988 г. от моего имени; ознакомившись с данной запиской, хочу заявить, что данная записка написана мною, я полностью подтверждаю то, что в ней записано. Одновременно я хочу дополнить, что сам момент передачи «Беритом» чего-либо Лепилиной я не видел. В настоящее время «Берит» находится за пределами России и не собирается к нам возвращаться…

Через день-два я встречался с «Беритом» и спросил его о встрече с Лепилиной. Я сейчас дословно не помню весь наш разговор, но, со слов «Берита», он не заставлял Лепилину брать наркотики, Лепилина взяла их сознательно сама, будучи осведомленной о том, что она берет именно наркотики. «Берит» мне письменно изложил обстоятельства этой встречи с Лепилиной. Этот документ может быть, видимо, в его личном деле, если оно не уничтожено по истечению сроков хранения, но в деле Азадовского его нет, так как один из проверяющих нашел ее в деле «Берита». Дополняю, что лично я не инструктировал «Берита» по поводу его линии поведения в отношении Лепилиной, этим занимались непосредственно те, кто вел дело в отношении Азадовского.

Здесь есть несколько важных смысловых моментов: во-первых, если в 1988 году Ятколенко сказал, что находился в помещении кафе, то в данном случае он оговаривается, что самого момента передачи наркотика не видел. Не вполне ясно, зачем в 1993 году он акцентировал внимание на этом обстоятельстве; возможно, опасался каких-то других показаний. Тем не менее красной нитью через все его показания проходит тема «умысла»: Ятколенко силится доказать, что Лепилина «сознательно» взяла у «Берита» пакет с наркотиком.

Далее Ятколенко вводит в оборот новое «доказательство» – письменные показания «Берита» с изложением подробностей операции; он даже указывает их былое местонахождение – дело «Берита». На этом следует задержаться. Во-первых, в конце 1993 года Ятколенко твердо знает, что дело «Берита» уничтожено. Во-вторых, он употребляет термин «дело», тогда как в отношении «Берита» существовала лишь «оперативная подборка» (а это, как мы объяснили выше, разные вещи).

Ятколенко хорошо помнил, что эта «оперативная подборка» на «Берита» рассматривалась проверкой 1988 года. Действительно так – это было отражено в акте проверки. Однако как раз в том акте вовсе не было указано, что факт умышленного получения наркотика доказывается показаниями агента; это, по нашему убеждению, означает, что такой бумаги ни в 1988 году, ни вообще когда-либо не существовало. Вряд ли инспекция КГБ СССР не отметила бы этого важного подтверждения вины Лепилиной. Однако в 1993 году, зная об уничтожении агентурных дел, Ятколенко мог позволить себе приводить несуществующее доказательство. Кроме того, возникает вопрос: если после встречи с Лепилиной «Берит» оставил письменное объяснение, то на каком языке оно было написано? Кто его переводил? Все это, случись такое в действительности, наверняка было бы зафиксировано и всплыло бы на поверхность в 1988 году. То есть эти показания умышленно искажают действительность.

Далее, после того как прокурор А.М. Бородин отдельным письмом к зампрокурора города Е.В. Шарыгину запросил «содействия в вызове на допрос» бывших сотрудников УКГБ, 15 декабря 1993 года к нему явились Алейников и Николаев.

Владимир Петрович Алейников, который в тот момент занимал должность консультанта в Совете по туризму и экскурсиям Санкт-Петербурга, подтвердил «каноническую» версию, но огласил еще одно имя:

Поскольку после событий, связанных с оперативными мероприятиями в отношении Лепилиной, прошло около 13 лет, я не могу вспомнить подробности этих мероприятий. Однако могу заявить, что, насколько мне известно, наркотики Лепилина взяла сама, она понимала, что берет именно наркотики, никто ее брать их не заставлял. Лицо, которое передало наркотики Лепилиной, был

> загранисточник. Могу отметить, что то, что произошло с Лепилиной, не могло быть проведено без разрешения руководства Управления КГБ по Ленинградской области. Насколько я помню, оперативное дело в отношении Азадовского, в рамках которого проверялась Лепилина, точнее, план по нему, утверждал Калугин Олег Данилович.

Причина того, что один чекист откровенно «сдает» другого, проста, и мы уже говорили о ней. Калугин после своих выступлений считался предателем и считается таковым до сих пор. Валить на него, как на мертвого, можно все что угодно.

Бывший начальник отделения 1-го отдела 5-й службы Юрий Алексеевич Николаев в 1993 году занимал пост заместителя председателя правления АО «Банк “Россия”». Он также подтвердил версию о заинтересованности Лепилиной в приобретении наркотиков, а кроме того, пояснил:

> …Когда в ходе дальнейших мероприятий не удалось реализовать информацию о том, что Лепилина используется Азадовским с целью передачи информации за границу, было принято решение, санкционированное кем-то из заместителей УКГБ по Ленинградской области, об организации мероприятий с целью привлечения Лепилиной к уголовной ответственности за хранение наркотиков…
>
> В день задержания Лепилиной загранисточник был оснащен аппаратурой, которая зафиксировала, что Лепилина сама спросила его, принес ли он ей наркотики, т. е. инициатива в получении наркотиков исходила от Лепилиной, ее никто брать наркотики не заставлял, она понимала, что приобретает именно наркотики.

Казалось бы, вот оно, неопровержимое доказательство того, что Светлана сознательно взяла наркотики: магнитофонная запись! Однако и это утверждение не более чем фантазия, призванная доказать вину Лепилиной. Дело в том, что Николаев оказался единственным, кто упомянул об этом важнейшем «доказательстве», да и то лишь в 1993 году! А что же все остальные? Ничего не знали про эту запись? Забыли? Тот же Ятколенко, например, показал в ноябре 1993 года, что «Берит» написал *отчет* … Зачем, спрашивается, нужен «отчет», когда есть достоверная запись! (Коллеги могли хотя бы договориться, избрав одну версию.)

Но как не было «отчета “Берита”», так не было и магнитофонной записи. Ровно по той же причине – сведения о записи содержались бы в документах проверок, и ее расшифровка была бы серьезным доказательством, которое бы никто не «забыл». Но тот факт, что все оперативные дела к 1993 году были уничтожены, давал участникам давних событий неограниченный простор для фантазий.

Относительно бывшего сотрудника 5-й службы А.М. Федоровича прокуратура 29 декабря сообщила, что ему была вручена повестка, но присутствовавшая при этом супруга чекиста пояснила, что он является инвалидом и «один приехать в прокуратуру не в состоянии, так как он все забывает и может заблудиться, а ей нет времени сопровождать его». Таким образом, опрос лиц, причастных к провокации против Светланы, был завершен без него.

Эти «фундированные» показания бывших сотрудников КГБ позволили прокурору А.М. Бородину сделать в своем постановлении от 31 декабря 1993 года упомянутый выше вывод о том, что Лепилина «без чьего-нибудь принуждения или провокации сознательно приобрела наркотическое вещество, а то, что ее задержание явилось результатом оперативного мероприятия, не имеет какого-либо значения», и, таким образом, прекратить производство по вновь открывшимся обстоятельствам – «за отсутствием оснований к возобновлению дела».

Но Генеральная прокуратура в лице Н.Н. Дедова нашла это постановление неверным и отменила его. Оправдательное решение по делу Светланы нам уже известно.

Комиссия верховного совета

Последняя группа документов, открывшихся летом 1994 года, – это копии входящей переписки председателя Комиссии Верховного Совета РСФСР по реабилитации жертв политических репрессий; они также были приобщены к уголовным делам. Именно благодаря этим письмам Азадовский был признан жертвой политических репрессий и, с другой стороны, стал возможен процесс нового и объективного расследования по делу Лепилиной.

Мы ограничимся лишь одним документом, который, собственно, и послужил основанием для положительного решения Комиссии. Это официальный ответ А.Т. Копылову на его запрос от 12 апреля 1993 года в Управление МФ РФ по С. – Петербургу и области, подписанный заместителем начальника Управления В.Л. Шульцем и датированный 26 апреля 1994 года.

Этот документ тем более ценен, если учесть, что при расстреле Дома правительства осенью 1993 года документы «Комиссии Копылова» пострадали серьезнейшим образом и значительная часть их была безвозвратно уничтожена огнем.

Согласно сохранившимся в Управлении МБ РФ по Санкт-Петербургу и области

архивным материалам житель г. Санкт-Петербурга
Азадовский Константин Маркович.
1941 года рождения, уроженец г. Ленинграда,
проживающий по ул. Восстания д. 10, кв. 51

состоял на оперативном учете Управления КГБ СССР по Ленинградской области с 18.09.1978 года в связи с поступившими в 5 службу оперативными материалами, дававшими основание подозревать его в «измене Родине в форме оказания помощи иностранному государству в проведении враждебной деятельности против СССР», однако 4.10.1980 года окраска дела оперативного учета была изменена на «антисоветскую агитацию и пропаганду с высказываниями ревизионистского характера».

Согласно сохранившейся справке, подготовленной Следственным отделом и Инспекторским управлением КГБ для доклада руководству КГБ СССР по результатам проверки жалобы Азадовского К.М., в материалах дела имелись данные о том, что Азадовский К.М. «являлся автором ряда идеологически ущербных литературных материалов, распространял в своем окружении устные измышления, порочащие основателей и руководителей Советского государства, поддерживал связи с иностранцами, в беседах с ними компрометировал проводимые советским правительством внутриполитические мероприятия и активно использовал их для связи с выехавшими из СССР лицами и получения из-за границы идеологически вредной литературы». В качестве посредника для встреч с иностранцами Азадовский К.М. использовал свою близкую связь Лепилину С.И.

В процессе работы по делу детализованных материалов о проведении Азадовским К.М. враждебной и иной противоправной деятельности получить не представилось возможным. Тем не менее руководством 5 службы УГКБ ЛО в октябре 1980 г. было принято решение о реализации этого дела путем привлечения объекта к уголовной ответственности за совершение общеуголовного преступления. Тогда же УКГБ ЛО информировало Куйбышевское РУВД г. Ленинграда о том, что Азадовский К.М. и Лепипина С.И. занимаются приобретением, хранением и употреблением наркотических веществ, хотя данных об этом в деле не имелось. Приговором 16.03.1981 года Азадовский К.М. был признан виновным в совершении преступления, предусмотренного ч. 3 статьи 224 УК РСФСР, и осужден к 2 годам лишения свободы. В дальнейшем приговор Куйбышевского райнарсуда г. Ленинграда от 16.03.1981 года и определение судебной коллегии по уголовным судам Ленгорсуда от 16.04.1981 года в

отношении Азадовского К.М. были отменены постановлением Президиума Ленгорсуда от 29.04.1988 г., а уголовное дело прекращено за недоказанностью.

По результатам проведенного в последующем служебного разбирательства неправомерных действий сотрудников УКГБ СССР по Ленинградской области в отношении Азадовского К.М. приказом начальника Управления от 2.02.1989 года ряд руководителей и оперативных работников УКГБ ЛО был наказан в дисциплинарном порядке.

С оперативного учета Управления МБ РФ по Санкт-Петербургу и области Азадовский К.М. был снят 17.07.1986 г. в связи с окончанием сроков оперативного наблюдения. Материалы дела оперативного учета в отношении Азадовского К.М. уничтожены в 1990 г. в соответствии с требованиями нормативных актов КГБ СССР, регламентировавших в тот период времени сроки хранения оперативных материалов.

Собственно, на этом кончается перечень доступных нам материалов о проверках органами КГБ и прокуратуры событий, связанных с Константином и Светланой Азадовскими. Предполагаем, что отдельные материалы этих проверок, как и показания сотрудников госбезопасности, до сих пор сохраняются в первом экземпляре проверочных дел.

А что же оперативные дела «Азефа», «Берита», «Рахманинова», «Юнги»? Какова их судьба? Они были, как мы помним, своевременно уничтожены в 1990 году…

Завершая этот раздел нашего повествования, мы хотели бы вспомнить четыре строки Николая Заболоцкого из стихотворения «Противостояние Марса»:

Дух, полный разума и воли,
Лишенный сердца и души,
Кто о чужой не страждет боли,
Кому все средства хороши.

Глава 19
Последствия разоблачения

Итак, «архивы открыли свои тайны». Это обстоятельство даже сейчас воспринимается как большая и неожиданная удача, а в 1994 году было просто сенсацией. И произошло это «открытие», конечно, не с ведома бывшего КГБ. Вообще, как мы уже заметили, председатель КГБ В.А. Крючков, будучи человеком проницательным и осторожным, постоянно заботился о сохранности архивов своего ведомства, и особенно – в «эпоху перемен». Результатом его предусмотрительности стало уничтожение значительной части архивного фонда КГБ. Как писал пришедший на его место В.В. Бакатин, «печи после сожжения проверены». Вместе с делами рядовых и никому не известных советских поднадзорных были уничтожены в огне, например, 550 (пятьсот пятьдесят!) томов, содержащих материалы оперативной разработки по академику А.Д. Сахарову.

Агентурные дела являются, конечно, важнейшим источником, особенно для установления фактов наблюдения госбезопасности за одними гражданами и сотрудничества с госбезопасностью всех остальных (хотя иногда один и тот же гражданин мог выступать в двух ипостасях одновременно). Но архивы КГБ хранят и безбрежное море других документов; среди них немало исторических свидетельств первостепенной важности. После событий августа 1991 года КГБ начал приоткрывать завесу тайны над той частью своих архивов, что не успела стать добычей пламени; впрочем, это длилось совсем недолго. Вот что сообщает В.А. Крючков в книге воспоминаний, вчерне набросанной им в камере «Матросской тишины»:

> Острейшей и важнейшей является проблема архивов [органов госбезопасности]. В 1992 году было принято решение об их опечатывании, они были взяты под строгий контроль. Решение вполне оправданное, но несколько запоздалое. И главный вопрос: кто будет иметь к архивам доступ, на каком уровне будет соблюдаться ответственность за сохранность секретов, за их неразглашение или, наоборот, предание гласности? Неосторожное обращение с архивами может нанести непоправимый ущерб не только всей системе органов госбезопасности, но и государству в целом…
>
> После августовских событий [1991 года] в средствах массовой информации были опубликованы многочисленные документы Комитета госбезопасности, его органов на местах, которым в период их подготовки были присвоены грифы «Совершенно секретно», а то и высший гриф секретности – «Особой важности». В печати появились доклады органов госбезопасности руководству страны и отдельных республик по самым различным вопросам. Были преданы гласности сведения, полученные в результате разведывательных и контрразведывательных операций. Под удар поставлены ценные источники, люди, помогавшие нашей стране. Практика беспрецедентная!
>
> Практически вся деятельность органов госбезопасности является необычной с точки зрения простого человека. Их формы и методы могут вызвать неоднозначное и притом нередко негативное восприятие. Поэтому при опубликовании материалов о деятельности органов, его сотрудников учет этого аспекта необходим, нужны объективные, добросовестные пояснения, комментарии.
>
> Оперативная сторона деятельности спецслужб не случайно строго оберегается во всех странах. Предание гласности сокровенных оперативных тайн может породить массу вопросов, вызвать недоумение у совершенно непосвященной части людей, привести к тяжелым последствиям.

Владимир Александрович совершенно прав, и публикация документов по делу Азадовского – лишнее тому подтверждение. Обычные люди вряд ли могут сочувственно воспринять все то, что позволили себе органы госбезопасности, превратив своими действиями жизнь Константина и Светланы в кромешный ад.

Однако обнародование этих документов относится к 1994 году, то есть к тому времени, когда доступ к документам органов госбезопасности, особенно документам последних лет, раскрывающим оперативные мероприятия, был уже наглухо закрыт. Кстати, мы полагаем, что в архивах бывшего КГБ документы по делу Азадовских до сих пор сохраняются в целости и сохранности (как минимум, материалы проверки Инспекторского управления – в ЦА ФСБ; служебного расследования УКГБ ЛО – в архиве петербургского УФСБ).

Проследим историю их публикации. Как случилось, что документы, «раскрывающие оперативную деятельность КГБ СССР», были напечатаны в газетах? Тут опять же нужно благодарить (или винить) эпоху. Первоначально сами чекисты предоставили в прокуратуру копии этих документов, выдали их, так сказать, добровольно; а прокуратура, завершив проверку, уже не знала, как с ними поступить: в годы существования КГБ СССР она бы вернула их в установленный инструкцией срок. Однако к 1994 году бывший КГБ был серьезным образом реформирован, разделен, а оставшаяся на Лубянке ее часть называлась уже Федеральной службой контрразведки РФ. То есть, с одной стороны, прокуратура бы и должна была вернуть откровения сотрудников КГБ, подробно описавших подготовку и ход «спецоперации»; с другой – еще не установилась заново система секретного делопроизводства, а возвращать их абы кому – не в правилах спецслужб. И в результате такой заминки материалы прокурорской проверки оказались подверстанными к несекретному уголовному делу, с материалами которого, по закону, обвиняемый по нему имеет право ознакомиться.

И, безусловно, обнаружение и копирование Светланой этих материалов своего уголовного дела воспринимается как подарок судьбы. И для Юрия Щекочихина, который не

побоялся предать их гласности. И для Азадовских – ведь именно с помощью этих документов им удалось добиться полного оправдания, а также узнать все скрытые пружины своего дела. Мало кому выпадает такой случай…

«Ряженые»

Теперь рассмотрим то, о чем говорит и председатель КГБ СССР, – те самые формы и методы работы органов госбезопасности, которые «могут вызвать неоднозначное и притом нередко негативное восприятие».

Юрий Щекочихин не стал медлить. Как только документы оказались у него в руках, он принялся готовить вторую публикацию. 24 сентября 1994 года в «Литературной газете» появилась его статья «Ряженые. Хроника одной провокации: 1980–1994», посвященная подлинным обстоятельствам дела. Материал занял целую полосу. Нужно учитывать, что в 1993 году Щекочихин имел уже не просто широкую известность, а всенародную славу; всем памятны были, в частности, его беседы с Горбачевым в 1991 году…

И эта популярность Щекочихина способствовала тому, что его статья, описывающая события недавнего прошлого, стала как бы символом победы человека над спецслужбами. Каждый, кто читал содержание документов КГБ, мог видеть, как готовилась и осуществлялась провокация против Азадовского и Лепилиной, и понимал, как много лет они мучились, не имея возможности доказать свою правоту и получая из года в год лживые отписки… Прямо как волшебник из цилиндра, Щекочихин предъявил миру доказательства того, что Азадовские ни в чем не виновны, что против них была разыграна такая комбинация, что сам черт бы сделал не хуже.

С чертом тягаться невозможно, но иногда происходят чудеса, когда чертовщина, державшая пятнадцать лет в своей круговерти Константина и Светлану, вдруг по мановению волшебника исчезает…

Описывая чекистскую операцию, а затем неприступность суда и прокуратуры, Юрий Петрович апеллировал к чувствам читателя, пытался донести всю бессмыслицу и в то же время бесчеловечность «специздевательств», произведенных над Азадовскими тоталитарной машиной – органами КГБ, суда, прокуратуры… Завершалась статья словами:

> Эту историю я хотел закончить одним – требованием возбудить уголовное дело против всех участников этой провокации по статьям Уголовного кодекса, карающим преступления против правосудия (и прошу Генеральную прокуратуру России рассматривать эту публикацию в качестве основания для возбуждения уголовного дела).
>
> Но потом понял, что эта история не только о том, как машина власти накатывается на человеческую личность. Нет, еще и о мужестве сопротивления истинного интеллигента.
>
> Повторяю, не был Константин Азадовский ни диссидентом, ни правозащитником, ни отказником. Он просто боролся за честь и достоинство себя и любимого им человека. Можно согнуть интеллигенцию (сколько сгибали!) – сломать невозможно. И нечего говорить, что все это прошло, кончилось, погибло в рыночном море. Не надо! Все есть, все осталось, все в крови, все в окружающем нас воздухе! И эта история, решил я, – еще одно тому свидетельство.
>
> Но потом подумал-подумал и решил: да нет! О другом эта история. О любви… Да, о любви!
>
> Жили-были ОН и ОНА. Для того чтобы арестовать ЕГО, нужно было арестовать ЕЕ. На следствии ОНА оговорила себя, что это ЕЕ пакет с пятью граммами анаши был найден на ЕГО книжной полке, думая, бедная, что этим ОНА спасет ЕГО, не подозревая тогда, что нужен-то был ОН…
>
> «Мой бесконечно родной, мой добрый и несчастный. Я ежедневно и ежечасно думаю о тебе. Сколько бы лет мы ни получили, где бы мы ни были, я всегда с тобой. Если освобожусь, сразу же найду тебя. Держись, роднуля».

Эту записку Константин написал Светлане из камеры в камеру. Ее перехватили в ленинградских «Крестах». Записка от НЕГО к НЕЙ так и осталась лежать в его уголовном деле. Тогда ОНА ее не получила.

12 октября 1994 года «Литературная газета» поместила на своих страницах комментарий к расследованию Щекочихина, написанный членом Конституционного суда РФ Эрнстом Аметистовым, который к тому времени был не только известным юристом, но и членом Московской Хельсинкской группы и одним из наиболее деятельных членов общества «Мемориал». Вот что он написал:

История, рассказанная журналистом Юрием Щекочихиным, отводит нас к годам восьмидесятым. Позади эпоха сталинских лагерей, хрущевская оттепель. История провокации против интеллигента, наглой, циничной, безнаказанной, наводит на размышления.

Больше всего волнует в связи с тем, что написал Юрий Щекочихин, продолжающийся сериал систематической безнаказанности спецслужб. Егор Гайдар на годовщине октябрьских событий 1993 года напомнил о работе наших органов, и, вместо того чтобы давать реальную информацию о состоянии дел, они сообщали о том, какие иностранные граждане и дипломаты находятся у Белого дома… Это подчеркивало их несостоятельность в контроле над ситуацией в стране. А ситуация была чрезвычайная. Но они и тогда полностью проявили свою состоятельность статуса безнаказанности.

После смерти Сталина, когда мы впервые узнали правду о преступлениях против народа, появилась надежда. Государство скажет свое слово, правосудие скажет… Что же мы получили? За исключением осуждения самых ярких представителей сталинского режима (их, кстати, осудили по сталинскому же трафарету «врагов народа», «агентов империализма») государство не покаялось перед народом. Череда безнаказанности продолжилась.

Офицер госбезопасности, который разрабатывал «мероприятие» против Константина Азадовского, героя «Ряженых», по-прежнему служит (ныне он возглавляет Санкт-Петербургское управление Федеральной службы контрразведки). Мы на всех перекрестках кричим о росте уголовных преступлений, разгуле мафии. Но эти преступления, даже самые гнусные, не идут ни в какое сравнение с преступлениями государственными. Последние приводят не только к ослаблению правопорядка, подрыву конституционного строя, но прежде всего к массовому безверию.

Здесь возникает вопрос: что же, мы хотим мщения, охоты на ведьм? Я думаю, это не выход. Нужен закон о подобных преступлениях. После войны в Германии прошли процессы над фашистскими офицерами. Наша пресса тогда возмущалась: почему многих оправдали? Да, оправдали. В конце концов мера наказания – это дело суда. Важно другое. Была подведена черта под теми кошмарными годами. Государство покаялось перед народом. Германия очистилась. У нас подобного не было. Бериевские слуги и сегодня заявляют: «Мы действовали правильно, время было такое». Самоамнистия привела к моральному разложению нового поколения органов.

И в старом, и в новом Уголовном кодексе есть глава «Преступления против правосудия». Наименее действующая глава законов. На мой взгляд, фундамент тотальной империи спецслужб – в нарушении принципа индивидуальности наказания. Когда ты лично отвечаешь за преступление. Верность уставу – всего лишь отговорка. У каждого был выбор: написать рапорт, когда тебе предлагали сделать гадость, и жить по совести или соучаствовать в преступлении против своего народа.

Эстафету подхватила пресса Петербурга. 27 октября 1994 года в одной из самых популярных газет города – «Вечернем Петербурге» – появился очерк Нины Катерли под выразительным названием «Расправа», где с еще большим эмоциональным напором

рассказывалась история Азадовских. Отталкиваясь от статьи Щекочихина и двигаясь по проложенному им следу, автор в то же время не скидывает со счетов и бытовую составляющую дела Азадовского:

> Кто-то совершенно сознательно принял решение посадить двух ни в чем не повинных людей исключительно из собственных карьерных соображений. И еще, может быть, из личной неприязни к таким, как Азадовский, – слишком образованным и независимым.
>
> Сермяжная правда состоит в том, что ведь совершенно незначительные (по меркам того времени, разумеется) причины позволили сломать людям жизни.

Посмотрим еще раз на протокол обыска: ну что такое книги Пильняка и Цветаевой? Какая в этом «клевета на советский строй»? А изъятые фотографии – «Блок в гробу», «Клюев у гроба Есенина», «труп Есенина», «труп Маяковского»… Это и есть «идеологическая диверсия»?

Другое дело – активное и постоянное общение с иностранцами, свободное владение несколькими иностранными языками (при этом без всякой пользы для спецслужб), демонстративный отказ от сотрудничества, машина «Жигули», дубленка, зарплата 384 рубля… Всего этого было вполне достаточно, даже более чем…

Важен в данном случае и «комментарий юриста», который дал для того же номера газеты «Вечерний Петербург» председатель Российского комитета адвокатов в защиту прав человека, выдающийся российский адвокат Юрий Маркович Шмидт (1937–2013):

> Дело Азадовского делали руками милиции, потому что не могли «вытянуть» на 70 ст. Это был тогда один из способов убирать неугодных. У КГБ всегда находилась ширма для прикрытия – ОВИР, паспортный отдел – если нужно было, например, отказать в прописке бывшему политзэку. Когда на процессе нежелателен был тот или иной адвокат, председатель коллегии адвокатов, получивший соответствующее указание, просто отказывал ему в подписании ордера на защиту. Суды тоже были послушной игрушкой КГБ. А приказы КГБ исполнялись беспрекословно. И для милиции, и для суда, и для прокуратуры КГБ был вышестоящей организацией. Ведь начальник УКГБ являлся членом бюро обкома, а начальник ГУВД, например, всего лишь рядовым членом обкома. Председатель же горсуда был всего-навсего членом ревизионной комиссии. Так что по партийной иерархии все они обязаны были подчиняться КГБ.
>
> А дело Азадовского осуществлялось по отработанному сценарию – как и дело Рогинского, Владимира Борисова и др. К Борисову на дачу шли с обыском, рассчитывая найти «ГУЛАГ», а не нашли ничего, кроме ржавых патронов времен войны, неизвестно кем и когда выкопанных из земли. И с досады, просто чтобы навредить Борисову, посадили на три года его брата, Олега. Ну а самого Владимира все равно позднее отправили в «психушку», а оттуда в наручниках выслали за границу. Другое дело, что и Вл. Борисов, и А. Рогинский были правозащитниками, Азадовский же политикой не занимался, вот в чем разница. И доказать его причастность к антисоветской деятельности КГБ не смог даже для самого себя. И тогда была организована провокация, сфальсифицированы улики. А это даже по законам того времени было преступлением. По сегодняшнему законодательству это ст. 176 УК России – «Привлечение заведомо невиновного лица к уголовной ответственности». Часть 2 этой статьи, где речь идет о том же деянии, соединенном с «искусственным созданием доказательств обвинения», предусматривает наказание в виде лишения свободы на срок от трех до десяти лет.

Попытки наказать виновных

Поскольку привлечение Азадовских к уголовной ответственности по

фальсифицированным доказательствам, как свидетельствует Ю. Шмидт, само по себе являлось уголовным преступлением, и Азадовский, и петербургские общественные организации стали требовать от государства расследования этих обстоятельств и их правовой оценки.

26 августа 1994 года, когда у Азадовского на руках уже были копии документов КГБ, он обращается в Комиссию по правам человека при Президенте России со следующим заявлением:

> …В процессе изучения и анализа двух уголовных дел, моего и С.И. Лепилиной (ныне – Азадовской), Комиссией по реабилитации жертв политических репрессий ВС РФ и впоследствии Генеральной прокуратурой РФ были получены сохранившиеся архивные документы бывших КГБ СССР и УКГБ СССР по Ленинградской области. Из этих материалов явствует, что в сентябре 1978 г. сотрудниками ленинградского КГБ на меня было заведено дело оперативной разработки. Подозревая меня – сразу же подчеркну, что это было совершенно необоснованно, – не более не менее как в измене родине, сотрудники КГБ держали меня под постоянным контролем, расспрашивали обо мне моих знакомых, прослушивали мою квартиру и т. д. Не получив материалов, подтверждающих мою «изменническую» деятельность, КГБ изменил первоначальную формулировку на другую: «антисоветская агитация и пропаганда».
>
> Поскольку «агитация и пропаганда» также не подтвердились, руководством бывшей 5 службы КГБ ЛО было принято решение привлечь меня, а заодно и мою жену, С.И. Лепилину, к уголовной ответственности… Для реализации этого предприятия в среду знакомых Лепилиной был внедрен агент-иностранец, выдававший себя за гражданина Испании. 18 декабря 1980 г. он передал Лепилиной обманным путем (под видом лекарства) пакет, в котором оказалась анаша. На этом основании Лепилина и была осуждена.
>
> Арест Лепилиной был использован как повод для обыска у меня в квартире. Накануне обыска (уже после задержания Лепилиной) ко мне в квартиру обманным путем проник агент КГБ: он и подбросил мне на полку с книгами пакет, «обнаруженный» на другой день во время обыска, который проводили сотрудники милиции совместно с сотрудниками КГБ, прикрывшимися служебными удостоверениями сотрудников милиции. Именно эта «находка» послужила основанием для обвинительного приговора…
>
> Президиум горсуда Санкт-Петербурга подчеркивает, что «решение о реализации оперативной разработки на Азадовского путем привлечения к уголовной ответственности было принято руководством подразделения УКГБ без достаточных оснований, при отсутствии каких-либо данных».
>
> Таким образом, желая «посадить» нас, сотрудники КГБ прибегли к провокации, подлогу, фальсификации доказательств вины и т. д. В этом им содействовали сотрудники милиции и – в известной мере – прокуратуры Куйбышевского района и горпрокуратуры. Все это было не чем иным, как откровенной расправой с двумя гражданами, подчеркиваю еще раз, ни в чем не повинными…
>
> В связи с вышеизложенным прошу Комитет по правам человека ходатайствовать перед Генеральной прокуратурой о возбуждении (по изложенным выше фактам) уголовного дела против виновных сотрудников КГБ, МВД и прокуратуры г. Ленинграда…

Ответа на это обращение Азадовский тогда не получил; оно было спущено в Генеральную прокуратуру, затем в Прокуратуру С. – Петербурга и рассматривалось уже вместе с тем обращением, которое 31 октября, сразу же после появления статьи Нины Катерли, направило по тому же адресу руководство общества «Мемориал» (В.В. Иофе и С.Д. Хахаев):

> 27 октября в газете «Вечерний Петербург» опубликована статья Н. Катерли

«Расправа» с комментарием адвоката Ю. Шмидта, посвященная истории фальсификации «дела Азадовского» 1980 года. В статье выдвинуты обвинения против ряда сотрудников КГБ: Кузнецова А.В., Николаева, Ятколенко и др. в привлечении заведомо невиновного лица (Азадовского К.М.) к уголовной ответственности с искусственным созданием доказательств обвинения (ст. 176 ч. 2 УК РФ). Просим возбудить уголовное дело в отношении поименованных в статье «Расправа» лиц.

Прокуратура твердо хранила молчание. 8 декабря 1994 года «Мемориал» повторил свой запрос. И только 23 декабря начальник отдела по надзору за исполнением законов о федеральной безопасности Н.А. Винниченко сообщил, что обращение «направлено для рассмотрения по существу в прокуратуру Ленинградского военного округа, осуществляющую надзор за законностью действий военнослужащих». Дальше опять молчание; вопрос, должно быть, оказался не из простых. 19 апреля 1995 года военная прокуратура ЛВО сообщила в «Мемориал», что «по указанию Генеральной прокуратуры РФ о привлечении к уголовной ответственности сотрудников бывшего КГБ СССР дело направлено обратно в прокуратуру С. – Петербурга». И лишь 20 июня 1995 года все тот же Н.А. Винниченко сообщил в «Мемориал» окончательное решение: в возбуждении уголовного дела в отношении бывших сотрудников КГБ СССР «отказано за отсутствием состава преступления».

Не без язвительности руководство «Мемориала» задавало тогда прокурору города В.И. Еременко следующий вопрос:

Просим уточнить, означает ли этот ответ, что по заявлению проводилась какая-нибудь проверка и факты не подтвердились (в этом случае какова оценка публикуемого в газете документа) или что, по мнению петербургской прокуратуры, фальсификация уголовного дела в принципе не образует состава преступления.

Но поскольку в 1990-е годы открытие уголовных дел вследствие подброса наркотика (патронов или иных улик) уже не было редкостью – способ, опробованный на Азадовских, оказался востребован в повседневной работе «органов», – создавать по этому поводу прецедент Генпрокуратура посчитала излишним. Лишним аргументом для прокуратуры стал и статус бывших сотрудников Ленинградского УКГБ, который с тех пор сильно изменился…

Франкфуртский международный аэропорт

Тем не менее нельзя сказать, что ситуация с опубликованием документов КГБ осталась незамеченной для наследников этой могущественной организации. Ведь не зря Азадовскому объясняли некогда в Большом доме, что подобные вещи «затрагивают честь Комитета».

Можно задаться вопросом уже иного, скорее философского плана: есть ли вообще у сотрудников госбезопасности честь и оперируют ли они когда-нибудь такими категориями, как нравственность/безнравственность и т. п.?

Александр Зиновьев в своем бессмертном произведении «Зияющие высоты» (1976) приводит интересное наблюдение над советскими людьми, занимающими номенклатурные посты: «Они суть социальные функции без человеческих примесей. Они проходят такой отбор и такую дрессировку, что в них ничего человеческого сначала не попадает, а потом совсем не остается». И если такое можно было сказать о советском чиновнике, то что уж говорить о сотруднике карательного ведомства?

Но мы видели, как мучила совесть милиционера Арцибушева, который, казалось, должен был, десятилетиями бултыхаясь в рассоле правоохранительных органов, полностью пропитаться их духом. Но вдруг выяснилось, что и у них, у «людей в погонах», тоже может взыграть совесть.

И ведь не кто иной, как бывший председатель КГБ СССР В.А. Крючков, после событий августа 1991 года писал из «Матросской тишины» М.С. Горбачеву: «Огромное чувство стыда – тяжелого, давящего, неотступного – терзает постоянно».

Терзало ли чувство стыда чекистов, которым Азадовские были обязаны своими невзгодами? Мы об этом не знаем. Но уж точно не было ничего сопоставимого с «огромным, тяжелым, давящим, неотступным» чувством… Не было у них и чувства страха – им ничто не угрожало, и они это твердо знали.

Но одно чувство у них точно было – чувство досады. Это ж надо такому случиться, чтобы «наркоман», «гнилой интеллигент» и «антисоветчик» смог их переиграть!

Никакой другой реакции на статью Щекочихина в той среде не было и не могло быть. А в том, что эта статья была прочитана везде, где надо, мы нисколько не сомневаемся. Во всяком случае, ее наверняка прочитали большинство сотрудников как в Ленинградском управлении, так и в центральном аппарате.

Дальше происходят события, которые Азадовский описывал 19 октября 1994 года в жалобе на имя и.о. генпрокурора Алексея Ильюшенко и начальника ФСК Сергея Степашина:

> 16 октября я возвращался из Германии, где был в командировке, в С. – Петербург, где живу постоянно. В международном аэропорту г. Франкфурт-на-Майне ко мне подошел незнакомый человек, обратился ко мне по-немецки и попросил меня взять у него посылку, предназначенную, якобы, для его жены в Петербурге. Я, естественно, отказался. Последующие события в аэропорту г. Франкфурта убедили меня в том, что если бы я согласился взять «посылку», то оказался бы жертвой провокации…
>
> Полагаю, что данная акция осуществлялась сотрудниками петербургской ФСК или бывшими сотрудниками УКГБ ЛО, ныне занятыми в других структурах. Начиная с 1978 г. указанные сотрудники вели за мной постоянное наблюдение, совершали в отношении меня и моей жены провокационные действия, прослушивали мои телефонные разговоры, негласно обыскивали мою квартиру, через своих агентов подбрасывали наркотики, незаконно отправили меня, безвинно осужденного, в колымский лагерь и т. п. и т. д. Различного рода нарушения законности в отношении меня и моей жены продолжались вплоть до 1993–1994 гг. (при вопиющем попустительстве прокуратуры).
>
> Я многократно обращался во всевозможные инстанции с заявлениями и жалобами, требовал пресечь клевету и ложь, дать мне возможность жить и работать нормально, а главное – разобраться в обстоятельствах уголовного дела, сфабрикованного против меня и моей жены в 1980–1981 гг. ленинградскими органами. Однако несмотря на формальное прекращение уголовного дела «за отсутствием состава преступления» противоправные действия против нас продолжаются. Сотрудники бывшего КГБ, как стало ясно после инцидента во франкфуртском аэропорту, готовы пойти на все, чтобы физически уничтожить или, в лучшем случае, скомпрометировать меня.
>
> Прошу незамедлительно принять меры по данному поводу и, в частности, установить: кто из сотрудников ФСК или бывшего УКГБ ЛО вылетал из Петербурга во Франкфурт утром 16 октября или возвратился обратно в тот же день и тем же рейсом?
>
> Прошу объективного и компетентного расследования… Хочу обратить Ваше внимание на то, что попытка провокации во франкфуртском аэропорту совпадает по времени с появлением статьи Ю. Щекочихина в «Литературной газете» (№ 39 от 28 сентября), где подробно, на документальной основе, изложена хроника направленных против нас провокационных действий КГБ, растянувшаяся на целых 15 лет.

Что же тогда произошло, что случилось при посадке на рейс 656 «Аэрофлота» из города Франкфурта-на-Майне в город Санкт-Петербург? Откуда у Азадовского эта уверенность, что подошедший к нему в аэропорту человек был провокатором? Подробности

этого инцидента изложены журналистом и писательницей Ольгой Кучкиной в «Новой ежедневной газете»:

> 16 октября 1994 года во Франкфуртском международном аэропорту к питерскому писателю и ученому Константину Азадовскому подошел человек и на чистом немецком языке обратился с просьбой взять сверток с лекарствами для больной жены, проживающей в Петербурге (у Азадовского мать немка, немецкий он знает в совершенстве)…
>
> «Простите, вы видите, у меня заняты руки, я не могу взять ваш сверток», – сказал он «немцу». Тот настаивал: «Сдайте одну из сумок в багаж». – «Тогда я сильно задержусь в аэропорту, жена будет беспокоиться». И Азадовский еще раз извинился.
>
> Служащие аэропорта торопили его с оформлением, оказалось, он последний пассажир и ждут только его. Ему еще показалось странным, что проситель пропустил всех, летящих этим рейсом, ожидая именно последнего. Краем глаза он увидел, как «немец» подошел к двоим мужчинам и что-то им сказал. Самолет не взлетал около получаса. Кто-то из нетерпеливых попросил стюардессу узнать у командира экипажа, в чем причина. Стюардесса по громкой связи объявила: «Причина техническая, ждем двух пассажиров, у них какая-то задержка с бумагами». Но Азадовский был последним! Через несколько минут в самолет вошли те двое и, не глядя, прошли мимо Азадовского. В руках у них не было никакого багажа. Теперь у Азадовского не оставалось никаких сомнений.

Даже как-то неловко, что наше повествование начинает скатываться к сюжету, более напоминающему книжки «про шпионов». Все было вроде понятно – ну, антисоветский элемент, ну, за ним следили, ну, подкинули ему улики, ну, упекли его в тюрьму вместе с его женщиной… Ну, потом чекисты сами же дали себя разоблачить…

Конечно, сама фабула, когда тайное становится явным, уникальна для дел с участием госбезопасности. Но тут совсем другой уровень – воистину «как в романах»: Франкфурт, аэропорт, таинственный настойчивый незнакомец, сверток с «лекарством», задержка рейса, тягучее ожидание…

Но все-таки: что же было в том свертке? Может, правда лекарства? Не показалось ли Константину Марковичу что-то фантастическое? Или им потихоньку овладевала мания преследования? Да и как, интересно, должен воспринимать реальность человек, который к тому времени уже 15 лет только и делал, что отвлекался от своей профессиональной деятельности на военные действия против ветряных мельниц?

Но почему-то думается, что именно настороженность, ставшая второй натурой, уберегла тогда Константина Марковича от больших неприятностей. Что могло быть в свертке? С учетом того, что мы уже знаем, практически нет выбора, даже есть доля гарантии: обычные наркотики. Вид их не имел значения – трава ли, порошок, ампулы… Скорее всего, та же анаша.

И как бы красиво это выглядело, если бы на досмотре – во Франкфурте или в Петербурге, где его встречали бы с нескрываемым чувством «торжества справедливости», – пограничник обратился бы к нему с вежливым вопросом: «Что у вас в свертке? Покажите, пожалуйста». Азадовский рассказал бы про немца с лекарствами… Вот тогда бы и выяснилось, что двое господ, ожидавших решения «проблем с документами», готовы свидетельствовать: никакого немца они не видели, зато точно помнят, что Азадовский вошел в терминал уже со свертком, опаздывал, «оглядывался, нервничал»… В общем, хорошо изученный «бродячий сюжет».

А еще красочнее могло получиться, если бы его остановили немецкие пограничники (предупрежденные о «мужчине со свертком» анонимным звонком). Это было бы совсем триумфально: член Германской академии, судимый в свое время за хранение наркотиков, обвиняющий злодеев-чекистов во всех смертных грехах, взят с поличным немецкими спецслужбами…

Но этого не случилось. Реакция Азадовского, как мы видим, была быстрой и адекватной. Ведь, однажды пропутешествовав от Крестов до Сусумана, он совершенно не тяготился ностальгией по колымским пейзажам. Тем более что для его беспокойства и настороженности была и реальная причина. Именно в то время подразделение по борьбе с терроризмом в петербургском отделении ФСК возглавлял один из его «злых гениев» – тот самый оперативник 5-й службы, для которого дело «Азефа» было первой серьезной победой в борьбе с «идеологическими диверсиями». Ольга Кучкина в своей статье так прямо и пишет: «Да, да, тот самый Кузнецов А.В., раскрутивший против Азадовского, по существу, преступное дело».

30 ноября 1994 года Азадовскому был отправлен ответ, подписанный «начальником подразделения» ФСК РФ Г.К. Крайновым:

> Константин Маркович!
>
> По поручению Директора Федеральной службы контрразведки Российской Федерации Ваша жалоба от 19 октября 1994 года о якобы продолжающихся провокациях и преследованиях со стороны сотрудников ФСК России рассмотрена и подтверждения не нашла.
>
> Федеральная служба контрразведки, созданная Указом Президента России от 21 декабря 1993 года, в своей деятельности строго руководствуется Законами Российской Федерации и Положением о ФСК, которое было опубликовано в средствах массовой информации.

И ни слова о конкретных обстоятельствах, подробно изложенных в жалобе Азадовского. Впрочем, он и не сомневался в подобном ответе, хотя и не ожидал столь высокого стиля. Чтобы добиться расследования этого инцидента, Азадовский 12 ноября, находясь в Мюнхене, обратился в соответствующий отдел Министерства иностранных дел ФРГ и изложил свою версию относительно причин произошедшего.

В дополнение к письму Азадовского 22 ноября 1994 года из Кельна в адрес МИДа Германии направил свое отдельное ходатайство Лев Копелев – он также в меру сил старался разъяснить немецким властям возможную подоплеку инцидента:

> Уважаемые дамы и господа,
>
> позвольте мне сопроводить письмо, которое направил Вам д-р Константин Азадовский, убедительной просьбой: отнестись к этому инциденту со всей серьезностью.
>
> Я знаком с д-ром Азадовским уже приблизительно 30 лет и знаю его как чрезвычайно одаренного германиста, чьи работы получили известность в Германии и Австрии и заслужили высокую оценку в профессиональном кругу; я знаю его также как достойного человека, выступавшего в защиту несправедливо арестованных, оклеветанных и преследуемых и вынужденного в конце концов заплатить за это. Я неоднократно писал и делал заявления в Германии и Австрии по поводу ареста и преследования Азадовского и его жены в 1981–1983 гг. Его история – пример абсолютно циничного произвола со стороны спецслужб, который лишь недавно был освещен в российской печати во всех подробностях; при этом выяснилось, что те самые люди, которые в качестве сотрудников спецслужб преследовали, шельмовали и бросали за решетку Азадовского и его друзей в 1970-е – 1980-е годы, все еще занимают высокие должности в аппарате госбезопасности или в новых, как бы частных хозяйственных структурах. Теперь, оказавшись названными по имени, они крайне раздражены и озабочены.
>
> Отдельные аналогичные случаи уже привели к ужасным последствиям: несколько журналистов подверглось нападению, некоторые из них убиты, другим поступают угрозы, тогда как лица, совершающие эти деяния, остаются не найденными.
>
> То, что произошло с Азадовским во Франкфуртском аэропорту, было, безусловно, попыткой вручить ему наркотик и тем самым подтвердить уже

опровергнутое обвинение 1981 года, придать ему, так сказать, новый импульс. Тогда это оказался случайный посетитель, спрятавший на книжной полке пакет с наркотиком, который и был «обнаружен» на другой день во время обыска. Представляется, что событие во Франкфурте организовано по тому же сценарию.

Вероятно, разведка ФРГ смогла без труда установить фамилии людей, которые, зная о наличии у Азадовского билетов в Петербург, специально прилетели во Франкфурт и вернулись в тот же день тем же самолетом. Вряд ли таких людей было много… Всегда существовали списки всех пассажиров. Но удалось ли немецким спецслужбам найти фактическое подтверждение тому, что сообщил Азадовский? Этого мы не знаем. Официального ответа так и не последовало.

С относительной уверенностью можно сказать лишь одно: после этой истории российская госбезопасность подобных действий в отношении Азадовского не предпринимала. Возможно, поступила команда: «Оставить в покое». А возможно, они с тех пор в своей деятельности действительно «строго руководствуются Законами Российской Федерации».

Время остановиться

За годы противостояния в Азадовском кристаллизовались те качества, которые были у него еще в молодости, а затем укрепились в тюрьме и на зоне: безоглядность в действиях и категоричность в суждениях, вера в справедливость мироустройства, преданность друзьям и ненависть, хотя иногда и скрытая, к недругам. Собственно, тот, кто с юности был максималистом и кто прошел столь тернистый путь: тюрьму, лагерь, многолетнюю изматывающую борьбу за очищение собственного имени, – не имел права на слабость и гамлетовскую нерешительность. Иначе он не мог бы победить.

Должно быть, именно тюрьма научила его сжимать зубы, выносить невыносимое. Былая порывистость уступила место терпению, порой многолетнему. И хотя практически ни один из тех, кто сломал ему и его жене жизнь, не ответил за свой поступок ни по «всей строгости закона», ни по каким-либо иным «понятиям» (а к примитивной «мести» Азадовский по своему происхождению и воспитанию оказался не способен), переступить через себя и остановиться он тоже не мог. И даже тогда, когда пора было твердо сказать: «Стоп! Хватит! Здоровье дороже!», он все равно брался за перо.

Да и жизненные обстоятельства не позволяли ему остановиться, то и дело напоминая о «днях минувших». Так, в начале «нулевых» вдруг оказалось, что справка о реабилитации недействительна без дублирующего решения прокуратуры; пришлось опять «взяться за старое» – вступить в переписку, чтобы получить надлежащий документ.

Что же касается попыток привлечь к ответственности бывших милиционеров и чекистов, то довольно скоро ему стала понятна вся бесплодность и неосуществимость этой идеи.

Хотя время от времени он совершал такого рода попытки. 4 августа 1995 года он подал развернутое заявление на имя мэра Петербурга Анатолия Собчака, характеризуя ситуацию, сложившуюся вокруг его «дела», как «правовой беспредел». Ему ответил начальник Управления административных органов мэрии Санкт-Петербурга В.П. Иванов, и этот ответ лишний раз убедил Азадовского в безрезультатности его действий. Процитируем содержательную часть документа:

> По результатам проводившегося в 1988 году комиссией КГБ служебного расследования действий сотрудников УКГБ по Ленинградской области в отношении Азадовского К.М., имевших место в 1980 году, ряд сотрудников Управления за допущенные просчеты и нарушения были привлечены к дисциплинарной ответственности. Приказом начальника УКГБ СССР по Ленинградской области Кузнецову А.В. было объявлено замечание. Прокуратура

> Санкт-Петербурга, вновь проверившая в 1995 году уголовные дела в отношении К. Азадовского и С. Лепилиной, признаков состава преступления в действиях сотрудников органов безопасности, в том числе и Кузнецова А.В., не установила. Нет оснований и к привлечению Кузнецова А.В. к повторному дисциплинарному взысканию. Дополнительно установлено, что другие сотрудники УКГБ по Ленинградской области, причастные к ведению в 1980 году дела К. Азадовского, в настоящее время в органах УФСБ по Санкт-Петербургу и области не работают.

Впрочем, было еще письмо (насколько нам известно, последнее) – Председателю правительства РФ В.В. Путину (с пометой «лично») от 1 ноября 1999 года. Изложив обстоятельства своей многолетней эпопеи, Азадовский просил направить его заявление в Генпрокуратуру для возбуждения уголовного дела в отношении бывших сотрудников госбезопасности и взять рассмотрение этого заявления под личный контроль…

Трудно объяснить, на что надеялся Константин Маркович, когда писал и отправлял этот текст. Мы сомневаемся, что его обращение дошло непосредственно до адресата, но оно действительно было передано в Генеральную прокуратуру, а оттуда направлено в Прокуратуру С. – Петербурга. Ну а там было установлено, что отказы в возбуждении уголовных дел «в связи с отсутствием состава преступления» направлялись Азадовскому уже неоднократно, и, стало быть, оснований для изменения позиции прокуратуры не имеется.

Этот ответ Константин Маркович получил ровно в канун нового, 2000 года – 31 декабря. Завершался последний год XX века, того самого, что оставил в отечественной истории море крови. Несколько революций, несколько войн… Моральное и физическое подавление личности… Век, насыщенный человеческой болью и страданием… Пришло время расстаться с ним. И больше не возвращаться.

Жить свою жизнь свободным человеком. Быть ученым. Дорожить своей семьей, прошедшей через горнило испытаний. Не писать больше жалоб.

Но ничего не забыть.

И никого не простить.

Заключение

Первую свою работу, посвященную стихотворению молодого Шиллера памяти Руссо, Азадовский написал еще в начале второго курса университета и представил ее на заседании студенческого научного общества. Это был полный перевод на русский язык, а также историко-литературный комментарий стихотворения, ранее известного в России лишь по сокращенному переложению Л.А. Мея.

Такое событие, по сути начало научного пути филолога-германиста, воспринималось Азадовским не без гордости (тем более что вскоре его работа была напечатана в московском журнале «Вопросы литературы»). И он не преминул упомянуть об этом в разговоре с Б.М. Эйхенбаумом, которого встретил в гостях у Б.Я. Бухштаба. Борис Михайлович посмотрел на молодого человека и довольно мрачно произнес: «Ну, смотрите, я вот тоже начинал с Шиллера. И ничего хорошего не получилось…»

Имел ли в виду Борис Михайлович, умудренный жизненным опытом, что компаративистика может быть опасна в качестве основной научной специальности, или это была свойственная ему горькая ирония? В любом случае слова эти для Азадовского стали пророческими. Сравнительное литературоведение, обрекающее исследователя на параллели и «контакты» между Востоком и Западом, на изучение памятников мировой литературы, на погружение в иностранные языки, на общение с их носителями… Все это было действительно сопряжено для советского ученого с известными опасностями. Особенно если этот ученый не желал следовать методологии, сложившейся в 1940-е годы: выпячивание всего русского в противовес иностранному; такой «научный подход» широко утвердился в эпоху гонений на его отца. Однако Азадовский, даже и на втором курсе Ленинградского университета, вряд ли собирался следовать таким путем.

Новые времена, наступившие в 1991 году, коснулись и гуманитарных наук. Свобода слова, свобода собраний, свобода волеизъявления, свобода передвижения, свобода научного творчества… Сегодня, когда эти свободы вновь постепенно отходят государству, трудно даже представить себе, сколь плодотворной была ситуация 1990-х годов для работы ученого-гуманитария.

Впервые выехав за рубеж в 1991 году, Азадовский становится частым гостем в зарубежных университетах. Современники не без оснований полагали, что он, «свободный от всех долгов», вот-вот навсегда оставит родину, сломавшую ему жизнь, и, устроившись на теплое профессорское место в западном мире, забудет свое прошлое как страшный сон. Действительно, у него неоднократно появлялась такая возможность, но неожиданно для окружающих он принял в конце концов другое решение: остаться в России. Эйфория от нахлынувшей свободы была так велика, что он (и не он один) поверил в будущее своей страны. Да и покинуть родину – это лишь звучит легко, в реальности же совсем иначе: чем более человек осознает свою связь с ней, чем глубже чувствует личную ответственность за ее судьбу, тем труднее ее оставить. Для него это оказалось невозможным. И сегодня уже мало кто помнит, что Азадовский – бывший «политзэк»; он известен в первую очередь как крупный российский ученый.

В 1990-е годы он был избран членом Германской академии языка и литературы, в 2000-е награжден высшей наградой этой страны – офицерским крестом «За заслуги перед Федеративной Республикой Германия», был отмечен рядом европейских премий, включая премию имени Фридриха Гундольфа за распространение немецкой культуры за рубежом. То обстоятельство, что его заслуги признаны куда выше в других странах, нежели в России, вполне укладывается в сюжет нашей книги: Константин Азадовский никогда не был нужен своей родине; однако родина до сих пор нужна и небезразлична ему.

*** * ***

Несколько слов о том времени, когда разворачивались описанные в книге события. Предварим их цитатой из «Тюремного реквиема» музыковеда Альфреда Мирека (1922–2009), отсидевшего почти год в Крестах по сфабрикованному обвинению:

> В народе говорят: «Правда рано или поздно восторжествует». Так оно и есть. Народная мудрость незыблема в своих утверждениях. Но лаконичные изречения обычно требуют уточнения.
>
> Принято считать, что рано – это когда униженный и оскорбленный еще жив и остатки сил употребляет на восстановление своей репутации и честного имени, отмываясь и отряхиваясь от всей той гнусности и пакости, в которые его так долго и усердно окунали. Это – лазурное «рано». Поздно же – когда человека уже нет, и обмывали его (в буквальном смысле) родственники перед похоронами. Имя же его робко и застенчиво, в большинстве своем мимоходом, «восстановили», объявив, что «так получилось» или еще лучше – «время было такое».
>
> Это очень удобно – все списывать на время. Особенно для тех, кому нужно было бы воздать должное за их физические и моральные преступления. Но они почему-то частенько в том же почете, при том же интересе и радостях. И самая большая радость для них – в том, что они-то живы и невредимы, а загнанные на тот свет возразить не могут.

Что же такое были 1980-е годы? Сегодня уже становится все труднее говорить о том, какой в действительности была жизнь в Советском Союзе. Вероятно, привычный и бесспорный тезис 1990-х годов – о том, что Советский Союз все годы своего существования оставался тоталитарным государством, – станет восприниматься через несколько лет как альтернативное мнение по отношению к позиции «историков-государственников». Впрочем, такое вопиющее искажение собственной истории приводит лишь к повторению тех же ошибок. Ведь и 1980-м годам тоже предшествовала эпоха относительной свободы.

Страна уже однажды отреклась от бесчеловечной практики советского прошлого: в 1956 году, на XX съезде КПСС, когда Н.С. Хрущев призвал «полностью восстановить ленинские принципы советского социалистического демократизма, выраженные в Конституции Советского Союза, и вести борьбу против произвола лиц, злоупотребляющих властью». И многие тогда понадеялись, что время тоталитаризма необратимо ушло.

Но оказалось, что нравственные изменения общества не лечатся лозунгами и что частичная реставрация – неизбежный атрибут эпохи перемен (вариативна лишь глубина возврата). Эпоха застоя дала с лихвой проявиться общей генетической памяти: навыки попрания прав личности, хорошо усвоенные в 1930-е годы, нашли свое применение и в 1970–1980-е годы. Возобновились преследования; система органов государственной безопасности, которую следовало сократить, еще сильнее разрослась, а восхождение на политический олимп ее начальника дало ведомству реальный повод почувствовать, с одной стороны, полную безнаказанность, а с другой – свою острую востребованность. В результате, как установит в 1991 году парламентская комиссия С.В. Степашина, «КГБ СССР стал самостоятельной политической силой с собственными интересами и объективно превратился в надгосударственный институт».

В деле Азадовского этот «институт» действовал даже не *над* государственными, а уж совсем *вне* государственными, то есть абсолютно незаконными методами: отправляя людей в тюрьму по политическим мотивам, он формально не марал руки сам, а делал эту грязную работу руками смежных государственных структур. Наверное, когда в кабинетах госбезопасности шел разговор о необходимости ареста Азадовского и Лепилиной с подбрасыванием им улик, использовались такие высокие и убедительные категории, как «безопасность страны», «происки западных спецслужб», «невозможность бездействия» и тому подобные. А в результате – череда бесконтрольных и беззаконных действий, которые наносят едва ли не смертельный удар по демократическим институтам (даже если говорить не о подлинной демократии 1990-х годов, а о так называемой советской демократии).

Возникает вопрос: если КГБ как «надгосударственный институт» действовал с нарушениями закона, то где же были ведомства, основной задачей которых являлась защита граждан, в первую очередь органы суда и прокуратуры? Ответ очевиден: они оказались, по крайней мере в данном деле, щупальцами того же самого единого организма, жестокого и беспощадного. И только перемена времен, совпавшая счастливым образом с событиями дела Азадовского, помогла ему оправдаться. Сохранись советская власть, он бы и сейчас вместе со своей женой считался бы «уголовником» и «наркоманом».

Не менее интересно выяснить, было ли «нарушение социалистической законности» работниками КГБ СССР, которые инициировали подброс наркотика двум мирным гражданам, принципиально новым методом спецработы ведомства или же это был единичный случай – исключение из кристально чистой деятельности госбезопасности в 1980-е годы. Факты подсказывают, что это была продуманная и санкционированная программа «контрразведывательной деятельности». И как раз в Ленинграде начала 1980-х годов прокатилась волна арестов, оказавшихся в центре общественного внимания. За решетку были брошены представители интеллигенции, обвиненные по «общеуголовным» статьям УК. Вспомним дела Арсения Рогинского, Льва Клейна, Альфреда Мирека… В любом случае при той жесткой системе органов КГБ, которая сложилась при Андропове, крайне трудно поверить, чтобы сотрудники Ленинградского управления могли начать такую многоступенчатую операцию без ведома руководства Управления КГБ СССР.

Арест Азадовского и его жены убедительно доказал, что ликвидация идеологических противников может осуществляться альтернативным способом, более простым и надежным, нежели осуждение по политическим статьям. И, что важно, от такого обвинения нелегко отмыться: защита «чистых уголовников», которые формально не являются политзаключенными, постоянно натыкалась на трудности, связанные с содержанием предъявленной им статьи. Неспроста ведь международные организации обычно испытывали робость перед *уголовным* статусом граждан, которых они порывались защитить.

Этот беспроигрышный способ – «пустить по общеуголовной статье» – вскоре был взят на вооружение и широко использовался в других управлениях КГБ. Можно отметить, к примеру, серию подобных дел в процессе «нейтрализации» известных еврейских отказников-активистов, которым раньше или в иной ситуации инкриминировались статьи 64, 70, 190-1 УК. Приведем три примера. *Первый:* 29 августа 1984 года был произведен обыск в московской квартире А.Г. Холмянского, задержанного в тот момент в Эстонии; в результате обыска, для производства которого к родителям Хомлянского приехали шесть человек, под нижней полкой стеллажа с книгами был обнаружен пакет, в котором находились пистолет («Вальтер», 1930-х годов) и 41 патрон. Профессионализм органов и тут был на уровне: в протоколе обыска не были указаны не только данные троих «сотрудников», но даже и номер изъятого оружия; однако и патронов оказалось достаточно для обвинительного приговора по статье 218 (полтора года лагерей, с этапом из Таллина, через Кресты и Свердловскую тюрьму, в колонию в г. Каменск-Уральский). *Второй:* 24 августа 1984 года в Москве сотрудники КГБ произвели обыск у Ю.Г. Эдельштейна, в результате которого было изъято несколько коробок книг и ряд личных вещей, в том числе «вещество в свертке». Вскоре экспертиза определит это «вещество» как наркотическое, и 4 сентября 1984 года ничего не подозревающий Эдельштейн будет арестован, а 19 декабря осужден по уже знакомой нам части 3 статьи 224 на три года (этап из Бутырок через Краснопресненскую пересылку в Бурятию, на Байкал, где он едва останется жив, оттуда в Улан-Удэ на строгий режим, далее – в Новосибирск на общий). *Третий:* 24 марта 1986 года в аэропорту Тбилиси был задержан музыкант А.В. Магарик. При посадке на рейс в Москву его, следовавшего без багажа, заставили сдать вещевую сумку, затем попросили подойти на пункт досмотра и присутствовать при досмотре той самой сумки. В ней был найден пакетик с 6 граммами вещества; экспертиза установит, что это анаша. 6 июля 1986 года он получил срок 3 года все по той же статье 224 части 3 (этапирован из Тбилиси на зону в Цулукидзе (ныне Хони), оттуда – в омскую колонию; освобожден досрочно в 1987 году).

В 1990-е годы подбрасывание патронов или наркотиков становится, увы, рядовым явлением. Практика, разработанная в 1980-е годы, пустила, как видно, глубокие корни…

Уникальность дела Азадовских, каким оно предстает на фоне всех выявленных к настоящему времени документов, заключается не в том, что их, двух советских граждан, не враждебно настроенных, но идеологически или политически чуждых, – осудили по уголовным статьям, а в том, что со временем удалось раскрыть и доказать эту вопиющую фальсификацию. Светлана и Константин Азадовские признаны репрессированными по политическим мотивам, они полностью оправданы. Их история воспринимается ныне как достояние минувшей эпохи, как еще одна иллюстрация той жуткой и абсурдной реальности, что породила в нашем отечестве бесконечное множество неотмщенных жертв и ненаказанных виновников. За этой историей, писал Юрий Щекочихин, «стоят тысячи, миллионы других»… Им никогда не будет ни оправдания, ни утешения; только вечный покой.

Но история Азадовских осталась в XX веке, она закончилась.

И все-таки… если бы не было той трагедии, были бы они вместе? Ведь если задуматься, этим двоим судьба как раз улыбнулась, они-то получили свою награду еще задолго до реабилитации – в Рождество 1981 года в Сусумане…

И вот, соединенные крестом,
они пошли, должно быть, прочь отсюда.
Вдвоем, ни слова вслух не говоря.
Они пошли. И тени их мешались.
Вперед. От фонаря до фонаря.
И оба уменьшались, уменьшались.

Список архивных источников

(Материалы официального характера)

1969, июня 1. Протокол обыска у гр. Азадовского К.М. (ул. Желябова, д. 13, кв. 83), произведенного с 6-30 до 14–30, с «результатом обыска» в составе 48 №№ изъятых книг, бумаг, медикаментов и проч. [В связи с уголовным делом по обвинению Славинского Е.М. и Биргера А.Г.]

1969, августа 12. Представление из ГУВД Леноблгорисполкомов (№ 8/4760), подписанное начальником 3-го отдела СУ УВД А.А. Евдовиным и направленное ректору ЛГПИ им. А.И. Герцена Боборыкину А.Д. в порядке ст. 140 УПК, об установленном в ходе расследования уголовного дела по обвинению Е.М. Славинского факте посещения аспирантом ЛГПИ Азадовским К.М. притонов, употребления им наркотиков и о прочем, с требованием принять к нему меры общественного воздействия и сообщить о них в месячный срок.

1969, сентября 24. Показания Азадовского К.М. по уголовному делу Славинского Е.М. в Смольнинском райнарсуде г. Ленинграда. Машинопись.

1969, сентября 29. Приговор Смольнинского райнарсуда г. Ленинграда (судья Федосеева Н.А.) в отношении Славинского Е.М. (ст. 15–224, ч. 1; ст. 224, ч. 1; ст. 226 УК РСФСР) и Биргера А.Г. (ст. 216 УК УзбССР; ст. 224 ч. 1 УК РСФСР).

1975, июля 16. Докладная записка Н. Ходиной генеральному директору ВАО «Интурист» относительно присутствия Азадовского К.М. в гостинице «Европейская» в вечернее время.

1978, января 4. Выписка из протокола № 4 заседания месткома ЛВХПУ им. В.И. Мухиной; слушали: О нарушении трудовой дисциплины преподавателем кафедры иностранных языков Равичем М.М., выразившемся в прогулах 20 часов учебных занятий в декабре 1977 г.; постановили: учитывая участие в сельхозработах осенью 1977 г., а также его раскаяние, объявить выговор с предупреждением об увольнении.

1978, ноябрь. Заявление Азадовского К.М. и Лепилиной С.И. на имя начальника РУВД Дзержинского района г. Ленинграда о привлечении Ткачева А.А. к уголовной ответственности за хулиганские действия, совершенные в ночь с 5 на 6 ноября 1978 г.

1978, декабря 18. Жалоба Азадовского К.М. в инспекцию по кадрам ГУВД Леноблгорисполкомов в связи с незаконным вмешательством майора милиции Баду М.А. в расследование дела в отношении Ткачева А.А., проводимое Дзержинским РУВД.

1979. Характеристика на К.М. Азадовского, выданная ЛВХПУ им. В.И. Мухиной для представления в Отдел учета и распределения жилой площади Куйбышевского райисполкома г. Ленинграда, за подписью ректора Я.Н. Лукина, секретаря партбюро В.Я. Бобова, председателя месткома Л.Н. Бабушкиной; в целом положительная.

1979, января 15. Заявление Ткачевой З.И., направленное одновременно начальнику Дзержинского РУВД г. Ленинграда, ректору и секретарю партбюро ЛВХПУ им. В.И. Мухиной, директору курсов машинописи и стенографии, относительно антисоветской и антиобщественной деятельности Азадовского К.М. и его пагубного влияния на Лепилину С.И.

1979, марта 13. Постановление Дзержинского райнарсуда г. Ленинграда (судья Б.Г. Гусаров) о признании Ткачева А.А. виновным в преступлении по ч. 2, ст. 206 УК (хулиганские действия); потерпевшими по делу признаны Лепилина С.И., Молчанов С.П., Азадовский К.М. (подсудимый в ночь с 4 на 5 ноября 1978 г. в состоянии алкогольного опьянения нанес удар по голове Азадовскому К.М., причинив ему легкие телесные повреждения); приговорен к одному году исправительных работ по месту работы, с удержанием 20 % заработка в доход государства, с сохранением меры пресечения в виде подписки о невыезде.

1979, мая 4. Ответ Азадовскому К.М. от прокурора Дзержинского района г. Ленинграда (№ Л–179), за подписью зам. прокурора Дзержинского района старшего советника юстиции А.А. Семченко, в ответ на жалобу относительно приговора Дзержинского райнарсуда в отношении Ткачева А.А., а также о возбуждении дела в отношении Ткачева А.А. по ст. 114 УК по факту незаконного хранения им огнестрельного оружия и боеприпасов; сообщается, что приговор является обоснованным и опротестованию не подлежит; вопрос о незаконном хранении огнестрельного оружия и боеприпасов передан на рассмотрение начальнику Дзержинского РУВД.

1979. Характеристика на Азадовского К.М., подписанная ректором ЛВХПУ им. В.И. Мухиной Я.Н. Лукиным, секретарем партбюро А.А. Соловьевым, председателем месткома С.И. Раинчик; положительная.

1980, августа 28. Отчет К.М. Азадовского о работе кафедры иностранных языков ЛВХПУ им. В.И. Мухиной за 1975–1980 гг., заслушанный и принятый единогласно на заседании кафедры иностранных языков 4 сентября 1980. Утвержден проректором по учебно-воспитательной работе В.И. Шистко.

1980, августа 29. График переизбрания профессорско-преподавательского состава ЛВХПУ им. В.И. Мухиной на 1979–80 учебный год, в т. ч. зав. кафедрой иностранных языков Азадовского К.М. (срок 24 сентября 1980 г.); согласован с председателем месткома Л.Н. Бабушкиной.

1980, сентября 8. Протокол № 1 заседания Совета ЛВХПУ им. В.И. Мухиной; заслушан и утвержден отчет К.М. Азадовского о работе кафедры иностранных языков ЛВХПУ за 1975–1980 гг.

1980, ноября 3. Решение конкурсной комиссии ЛВХПУ им. В.И. Мухиной; рекомендовано избрать Азадовского К.М. на должность зав. кафедрой иностранных языков на новый пятилетний срок.

1980, декабря 18. Постановление следователя дежурной группы СУ ГУВД ЛО майора милиции Замяткиной, санкционированное зам. прокурора Куйбышевского района С.В. Зборовским, на обыск и выемку в квартире Азадовского К.М.

1980, декабря 19. Протокол обыска, произведенного у К.М. Азадовского инспектором УУР ГУВД О.Н. Арцибушевым в присутствии инспектора Н.И. Хлюпина и понятых Г.С. Макарова и Д.А. Константинова.

1980, декабря 22. Доверенность, данная К.М. Азадовским «любому лицу по указанию Брун Лидии Владимировны», на управление принадлежащим ему автомобилем «Жигули», гос. № ЛДЛ-95-58; удостоверена следователем СО Куйбышевского РУВД лейтенантом милиции Е.Э. Каменко.

1980, декабря 22. Заключение экспертизы Леноблгорлита № 196-дсп, за подписью начальника управления Б.А. Маркова, на печатные материалы, изъятые при обыске на квартире К.М. Азадовского.

1980, декабря 22. Расписка сотрудника УКГБ ЛО В.И. Архипова в получении вещей, изъятых во время обыска у С.И. Лепилиной, согласно протоколу обыска.

1980, декабря 24. Характеристика на К.М. Азадовского, выданная ЛВХПУ им. В.И. Мухиной, за подписью и.о. ректора В.И. Шистко, секретаря партбюро В.Я. Бобова, председателя месткома Л.Н. Бабушкиной; в целом отрицательная.

1981, январь . Коллективное обращение сотрудников кафедры иностранных языков ЛВХПУ им. В.И. Мухиной к прокурору Ленинграда С.Е. Соловьеву (копия – следователю Куйбышевского РУВД Е.Э. Каменко) с положительной характеристикой К.М. Азадовского как заведующего кафедрой и ученого; просят учесть это как смягчающее обстоятельство при рассмотрении его дела, поднимают вопрос о целесообразности содержания его под стражей, просят взять расследование под личный контроль. Подписали сотрудники кафедры – Андреевская Г.А., Башкирова И.В., Иванова И.Н., Ивина О.А., Кривошеина С.Д., Кричевская Е.И., Мысовский В.С., Прохоров В.Т., Шабашова Н.С., Царева Л.В.

1981, января 6. Письмо председателя Международного комитета славистов академика

М.П. Алексеева прокурору Ленинграда советнику юстиции 2-го класса С.Е. Соловьеву, на бланке Международного комитета славистов; просит разобраться по существу дела К.М. Азадовского и вынести компетентное решение, а также изменить ему меру пресечения на время производства расследования.

1981, января 12. Квитанция № 094170, выданная юридической консультацией № 10, о получении от Ванаг З.Б. суммы в 20 рублей в уплату адвокату С.А. Хейфецу за ведение дела по защите Азадовского К.М. в стадии предварительного следствия.

1981, января 12. Заключение экспертной комиссии ИРЛИ АН СССР (в составе зам. директора А.Н. Иезуитова, мл. н. с. Холиной А.П. и лаборанта Логиновой В.С.) в Следственный отдел Куйбышевского РУВД на полученные от РУВД для экспертизы фотографии русских поэтов в количестве 20 шт.; сообщается, что в декабре 1979 г. по заказу Азадовского К.М. делались копии с фотографий из фондов музея ИРЛИ (но их в списке переданных на заключение комиссии не имеется).

1981, января 27 . Характеристика на Лепилину С.И., подписанная техником [Треста жилищного хозяйства] Пахомовой, отрицательная.

1981, января 27 . Постановление следователя СО Куйбышевского района лейтенанта милиции Каменко Е.Э. о выделении из дела 10196, по обвинению С.И. Лепилиной, в отдельное производство материалов в отношении К.М. Азадовского.

1981, января 27. Постановление следователя СО Куйбышевского района лейтенанта милиции Каменко Е.Э. о выделении из дела 10196, по обвинению С.И. Лепилиной, в отдельное производство материалов на не установленное следствием лицо, у которого К.М. Азадовский приобрел наркотическое вещество.

1981, февраля 3. Обращение Л.В. Брун-Азадовской в Президиум XXVI съезда КПСС в связи с арестом К.М. Азадовского и С.И. Лепилиной; указано на некомпетентность сотрудников милиции, арест считает несправедливым, обращает внимание на нарушения процессуальных норм; просит восстановить справедливость.

1981, февраля 4. Письмо Л.В. Брун-Азадовской председателю Правления ССП СССР Г.М. Маркову с просьбой о помощи в связи с арестом сына; упоминается давнее знакомство адресата с семьей Азадовских.

1981, февраля 6. Письмо Е.М. Славинского (69 Sandwich house, Sandwich street, London, WC1) к Петеру Альбергу Йенсену относительно реакции на арест К.М. Азадовского; дополнительно излагаются обстоятельства дела Е.М. Славинского 1969 г.

1981, февраль . Письмо докторов филологических наук Б.Я. Бухштаба, Л.Я. Гинзбург, Б.Ф. Егорова, Д.Е. Максимова, В.А. Мануйлова, И.Г. Ямпольского прокурору Ленинграда С.Е. Соловьеву с просьбой об изменении меры пресечения Азадовскому К.М. на время следствия.

1981, февраля 12 . Постановление следователя СО Куйбышевского РУВД лейтенанта милиции Е.Э. Каменко об отказе в привлечении К.М. Азадовского к уголовной ответственности по ст. 70 УК РСФСР, поскольку не установлено факта распространения им изданий зарубежных антисоветских издательств, изъятых при обыске.

1981, февраля 13. Протокол совместного расширенного заседания Совета и партактива ЛВХПУ им. В.И. Мухиной с осуждением деятельности арестованного К.М. Азадовского.

1981, февраля 18. Обращение представителей датских культурных организаций в Союз советских писателей СССР (Москва); выражается озабоченность репрессиями против некоторых писателей и ученых, в том числе Л. Копелева и В. Аксенова, и протест по поводу «сомнительных обвинений», выдвинутых К. Азадовскому; на бланке Danish P.E.N.

1981, февраля 19 . Приговор Куйбышевского райнарсуда г. Ленинграда (судья Лохов В.В., прокурор Позен В.А., общественный обвинитель Устинова К.Н., адвокат И.М. Брейман) по ч. 4. ст. 224 УК в отношении Лепилиной С.И.; признана виновной по ч. 3 ст. 224 УК, назначено наказание в виде лишения свободы сроком на один год шесть месяцев с отбыванием наказания в ИТК общего режима.

1981, февраля 19. Частное определение Куйбышевского райнарсуда г. Ленинграда

(судья Лохов В.В.) о процессуальных нарушениях, допущенных при производстве предварительного следствия по уголовному делу Лепилиной С.И.

1981, февраль. Копия записки, написанной К.М. Азадовским для передачи С.И. Лепилиной (изъята администрацией следственного изолятора и приобщена к уголовному делу Азадовского).

1981, февраля 26 . Ответ из прокуратуры Ленинграда, подписанный начальником отдела по надзору за следствием и дознанием в органах внутренних дел старшим советником юстиции В.Н. Тульчинской (№ 3–135–81), на коллективное письмо группы профессоров, поступившее в прокуратуру 11 февраля 1981 г.; направлено Л.В. Брун; сообщается, что во время предварительного следствия оснований для изменения меры пресечения Азадовскому К.М. не имелось.

1981, февраля 26. Аналитическая записка «Константин Азадовский под арестом», составленная Марио Корти (Радио Свобода: Материалы исследовательского отдела, на английском языке, RL 88/81, перевод с русского варианта – РС 163/83).

1981, марта 6. Определение судебной коллегии по уголовным делам Ленгорсуда (председатель Г.В. Ильенкова) об оставлении в силе обвинительного приговора Куйбышевского райнарсуда в отношении Лепилиной С.И. от 19 февраля 1981 г.

1981, марта 16 . Приговор Куйбышевского райнарсуда г. Ленинграда (судья А.С. Луковников, народные заседатели Запорожец Г.Р., Иванова И.П., прокурор Позен В.А., общественный обвинитель Шистко В.И., адвокат Розановский С.М.) по обвинению Азадовского К.М. в преступлении по ч. 3. ст. 224 УК; признан виновным в преступлении по ст. 224, ч. 2, назначено наказание в виде лишения свободы сроком на два года с отбыванием наказания в ИТК общего режима.

1981, марта 16. Запись П.М. Карпа, присутствовавшего на заседании в Куйбышевском райнарсуде по делу Азадовского, о ходе судебного заседания; сделана вечером того же дня по записям в зале суда. Машинопись.

1981, апрель . Докладная записка директора издательства «Наука» Г.Д. Комкова вице-президенту АН СССР П.Н. Федосееву о состоянии серии «Литературное наследство» и необходимых мерах по ее улучшению, с упоминанием изъятых работ Азадовского К.М., осужденного за антигосударственную деятельность (экземпляр с резолюцией П.Н. Федосеева от 2 апреля 1981 г., направленный академику-секретарю М.Б. Храпченко).

1981, апреля 3. Ответ гражданке Ванаг З.Б. из Юридической консультации № 10 Ленинградской городской коллегии адвокатов, подписанный заведующим юридической консультацией Д. Швецовым, в ответ на заявление о возврате гонорара по делу К.М. Азадовского, уплаченного 12 января 1981 г. за услуги Хейфеца С.А. Сообщается, что 18 февраля адвокат, «который посетил следственный изолятор ГУВД, имел свидание с Азадовским К.М. и совместно с ним выполнил требования ст. 201 УПК РСФСР по изучению материалов дела», исполнил свои обязанности; на основании изложенного гонорар возврату не подлежит.

1981, апреля 6. Кассационная жалоба Азадовского К.М. в коллегию по уголовным делам Ленгорсуда на приговор, вынесенный в отношении его 16 марта 1981 г. Куйбышевским райнарсудом г. Ленинграда.

1981, апреля 16. Квитанция № 105164, выданная юридической консультацией № 10, о получении от Ванаг З.Б. суммы в 15 рублей в уплату адвокату С.М. Розановскому «за ведение дела» Азадовского К.М.

1981, апреля 16 . Определение судебной коллегии по уголовным делам Ленгорсуда (председатель Овчаренко В.Г.) об оставлении без изменения обвинительного приговора Куйбышевского райнарсуда в отношении Азадовского К.М. от 16 марта 1981 г.

1981, мая 7. Квитанция № 112636, выданная Юридической консультацией № 4, о получении от Ванаг З.Б. суммы в 11 рублей в уплату адвокату И.М. Брейману «за составление бумаг, совет» по делу Лепилиной С.И.

1981, мая 21. Приказ ректора ЛВХПУ им. В.И. Мухиной (№ 81-л) об увольнении К.М.

Азадовского с должности заведующего кафедрой иностранных языков с 19 декабря 1980 г. по ст. 29 КЗОТ РСФСР (в связи со вступлением приговора суда в законную силу).

1981, августа 4 . Определение Тосненского горсуда Ленинградской области по п. 2 ст. 53 УК РСФСР об условном освобождении заключенной С.И. Лепилиной на стройки народного хозяйства сроком на 10 месяцев 14 дней.

1981, июня 18. Телеграмма Л.В. Азадовской на имя прокурора Ленинграда; жалоба относительно направления Азадовского К.М. для отбытия наказания в Магаданскую область.

1981, июня 23. Ответ Прокуратуры Ленинграда (№ 11–4741/81), подписанный старшим помощником прокурора города старшим советником юстиции А.А. Смирновым, на телеграмму Л.В. Брун-Азадовской относительно направления ее сына в Магаданскую область; сообщается, что вопрос о направлении осужденных в исправительно-трудовые учреждения решается органами внутренних дел и оснований для вмешательства прокуратуры не усмотрено.

1981, августа 4 . Справка об освобождении из мест лишения свободы условно, с обязательным привлечением к труду (бланк формы Б, серия ГА, № 091300), выдана учреждением УС–20/2 Лепилиной С.И., следующей к месту жительства: г. Горький, автозавод; с пометой об освобождении условно-досрочно от 7 апреля 1982 г.; с фотографией.

1981, августа 14. Ответ из прокуратуры Ленинграда (№ 11–4741/81), за подписью прокурора города государственного советника юстиции 2-го класса С.Е. Соловьва, на жалобу Брун-Азадовской Л.В. на судебные постановления по делу Азадовского К.М.; сообщается, что доводы жалобы не признаны обоснованными – наказание назначено в соответствии с тяжестью содеянного, оснований для удовлетворения жалобы не имеется.

1981, августа 26. Извещение Л.В. Брун-Азадовской из учреждения АВ–261/5, г. Сусуман Магаданской обл., подписанное начальником учреждения А.А. Ещенко; сообщается о прибытии Азадовского К.М. 21 августа 1981 г. для отбывания срока наказания.

1981, октября 12. Надзорная жалоба адвоката Е.С. Шальмана (юридическая консультация № 5, г. Москва) на приговор Куйбышевского райсуда от 16 марта 1981 г., представленная в Прокуратуру РСФСР.

1981, октября 14 . Приговор судебной коллегии по уголовным делам Рязанского областного суда (судья В.А. Чебаков, народные заседатели Кузьмищева В.И., Утленко Б.В., прокурор Силуянов В.В.) по обвинению Редина А.С. в совершении преступлений по ст. 209 ч. 1, 190-1, 227 ч. 1 УК; признан виновным, назначено наказание в виде лишения свободы сроком на пять лет с отбыванием наказания в ИТК общего режима.

1981, декабря 25. Свидетельство о браке К.М. Азадовского и С.И. Лепилиной, выдано ЗАГС г. Сусумана.

1981. Акт комиссии [внутренней службы УКГБ ЛО] в составе зам. начальника отдела службы Володина Э.В., зам. начальника отдела Безверхова Ю.А. и оперуполномоченного отдела службы Кузнецова А.В. об уничтожении материалов, «не подлежащих ввозу и распространению в СССР, а также не представляющих научной и исторической ценности», согласно заключению Леноблгорлита № 196-дсп от 22 декабря 1980 г., подписан членами комиссии. (Ксерокопия акта с закрытой при копировании верхней частью, на которой в оригинале помещался гриф ЛО УКГБ, дата и номер документа.)

1982, февраля 3. Жалоба заключенного ИТК-5 г. Сусумана Магаданской обл. Азадовского К.М. в Прокуратуру Сусумана на действия администрации ИТК-5, оформившей ему 1–3 февраля 1982 г. три нарушения режима содержания, в действительности не имевшихся. (Копия – в ОИТУ УВД Магаданской обл.)

1982, февраля 6. Надзорная жалоба К.М. Азадовского Прокурору РСФСР; сообщает о нарушениях, допущенных следствием, просит отмены приговора Куйбышевского райнарсуда и пересмотра уголовного дела.

1982, февраля 10. Жалоба заключенного ИТК-5 г. Сусумана Магаданской обл. Азадовского К.М. в Прокуратуру Сусумана на действия администрации ИТК-5; повторяет текст жалобы от 3 февраля.

1982, февраля 11 . Производственная характеристика на условно-освобожденную Лепилину С.И., работающую мойщицей в арматурном цехе Горьковского автозавода, выданная ст. мастером участка «Механическая обработка».

1982, февраля 12. Выписка из протокола собрания коллектива участка «Механическая обработка» арматурного цеха Горьковского автозавода; повестка дня – о рассмотрении заявления условно-освобожденной Лепилиной С.И. о досрочном освобождении; постановили – просить цеховой комитет и администрацию удовлетворить просьбу Лепилиной; решение принято единогласно.

1982, февраля 15 . Жалоба заключенного ИТК-5 г. Сусумана Магаданской обл. Азадовского К.М. в ЦК КПСС на «необоснованный и незаконный» приговор Куйбышевского райсуда от 16 марта 1981 г. (т. н. вторая редакция мотивированной жалобы).

1982, марта 2. Заявление К.М. Азадовского Прокурору РСФСР, в дополнение к надзорной жалобе от 6 февраля 1982 г.; сообщает о распространяемых администрацией ИТК слухах, будто причиной осуждения Азадовского стали политические обвинения, а также относительно слухов об «антисоветском характере» деятельности Азадовского до осуждения.

1982, марта 2. Жалоба К.М. Азадовского в Прокуратуру г. Сусумана Магаданской обл. на имя Прокурора по надзору за действиями органов МВД и КГБ; сообщает о сложившемся критическом положении его в колонии, о натравливании руководством колонии осужденных на Азадовского, об истребовании порочащих его сведений; просит рассмотреть вопрос о возможности его дальнейшего пребывания в ИТК-5.

1982, марта 3. Жалоба К.М. Азадовского членам Наблюдательной комиссии при ИТК-5; сообщает о противозаконных действиях руководства колонии при оформлении нарушений режима содержания, считает факты фальсификацией и требует изучить все материалы и вынести суждение об их законности; просит довести изложенные сведения до прокурора г. Сусумана, также просит рассмотреть вопрос об условно-досрочном освобождении, чтобы защитить его «от вопиющего беззакония».

1982, марта 17. Жалоба К.М. Азадовского в МВД СССР на имя министра внутренних дел СССР Н.А. Щелокова; сообщает о нарушениях, которые были допущены руководством ИТК-5 г. Сусумана, препятствующим отправке его жалоб в надзорные инстанции и в ЦК КПСС, просит обязать ОИТУ УВД Магаданской области обеспечить беспрепятственную отправку его жалоб в надзорные инстанции.

1982, марта 19 . Ответ Л.В. Брун-Азадовской из ГУИТУ МВД СССР, г. Москва (№ 7–Ж–2494), подписанный начальником отдела А.М. Корсакевичем, на заявление в ЦК КПСС относительно взысканий, наложенных на ее сына в колонии; сообщается, что заявление направлено на рассмотрение УВД Магаданского облисполкома.

1982, марта 25. Жалоба К.М. Азадовского в прокуратуру Сусуманского района на имя прокурора по надзору А.А. Нейерди (копия – начальнику ИТК-5 майору Ещенко А.А.) в связи с фальсификацией начальником 1-го отряда ИТК-5 ст. лейтенантом Зарубиным В.В. протокола внеочередного заседания Совета коллектива отряда от 24 марта, в котором зафиксировано решение об исключении Азадовского К.М. из культурно-массовой секции «в связи с системой допущенных им нарушений»; Азадовский поясняет, что не только не был на указанном заседании, но и никогда не был членом секции и не участвовал в ее работе.

1982, март. Жалоба заключенного ИТК-5 г. Сусумана Магаданской обл. Азадовского К.М. в ЦК КПСС на «необоснованный и незаконный» приговор Куйбышевского райсуда от 16 марта 1981 г. (т. н. третья редакция мотивированной жалобы).

1982, апрель. Ответ из Прокуратуры РСФСР на жалобу Азадовского К.М. в ЦК КПСС, отправленную в марте 1982 г. из ИТК-5 г. Сусумана; в результате рассмотрения жалобы установлено, что «приговор вынесен справедливо, опротестованию не подлежит».

1982, апреля 6. Заявление К.М. Азадовского членам Наблюдательной комиссии при ИТК-5; сообщает, что с 5 апреля им объявлена голодовка в связи с противозаконными действиями администрации ИТК.

1982, апреля 7 . Определение Ленинского нарсуда г. Горького (судья Н.И. Орлов) по рассмотрении материала спецкомендатуры № 1 Автозаводского РОВД г. Горького, в отношении Лепилиной С.И. об условно-досрочном освобождении; определено освободить Лепилину С.И. от отбывания дальнейшего наказания условно-досрочно на срок 2 месяца 11 дней.

1982, апреля 13. Ответ из Отдела исправительно-трудовых учреждений УВД Магаданского облисполкома (№ 25/ Б–1) на телеграмму, отправленную Брун-Азадовской Л.В. в отдел писем ЦК КПСС в связи с дисциплинарными взысканиями в отношении ее сына; сообщается, что жалоба рассмотрела ОИТУ, Азадовский К.М. действительно допустил ряд нарушений внутреннего распорядка, за что был подвергнут дисциплинарным взысканиям; его виновность подтверждается результатами проверки.

1982, апреля 13. Ответ К.М. Азадовскому из ОИТУ УВД Магаданской обл. (№ 25/Б-8) за подписью и.о. начальника ОИТУ Б.М. Шамрая на жалобу Азадовского; действия администрации ИТК-5 г. Сусумана в отношении осужденного признаны обоснованными.

1982, апреля 20. Жалоба заключенного ИТК-5 г. Сусумана Магаданской обл. Азадовского К.М. во 2-й сектор Особого отдела ЦК КПСС на вмешательство сотрудников КГБ СССР в расследование его уголовного дела, а также на приговор Куйбышевского райсуда от 16 марта 1981 г.

1982, апреля 26. Заявление К.М. Азадовского начальнику учреждения АВ 261/5 майору Ещенко А.А.; просит списать с его лицевого счета 87 руб. 34 коп. для оплаты подписки на газеты и журналы на второе полугодие 1982 г. (список прилагается).

1982, апрель. Пространная жалоба К.М. Азадовского в МВД СССР на имя министра внутренних дел СССР Н.А. Щелокова; сообщает о нарушениях, которые были допущены руководством ИТК-5 г. Сусумана в отношении его, что выразилось в предвзятом отношении, вменении мнимых нарушений режима содержания, провокационных разговорах с заключенными относительно его личности, о воздействии таким образом на Наблюдательную комиссию со стороны руководства ИТК с целью дискредитации Азадовского.

1982, апреля 29. Заявление К.М. Азадовского членам Наблюдательной комиссии при ИТК-5; сопровождает свое заявление от 6 апреля; сообщает, что начатая 5 апреля голодовка была им прекращена 7 апреля после разговора с руководством ИТК, однако, поскольку ситуация вокруг него за три недели не изменилась, то после беседы с прокурором по надзору Сусуманской районной прокуратуры А.А. Нейерди он посылает это заявление и возобновляет голодовку.

1982, мая 30. Обращение Л.В. Брун-Азадовской в ЦК КПСС; жалуется на предвзятое отношение следственных органов Ленинграда при расследовании дела Азадовского К.М., а также на действия администрации ИТК-5 (г. Сусуман Магаданской обл.), что выразилось в отказе в отправлении жалобы в ЦК КПСС, игнорировании просьб о врачебном осмотре и проч.; просит разобраться с нарушениями.

1982, июня 28. Жалоба Азадовского К.М. во 2-й сектор Особого отдела ЦК КПСС; сообщает, что ответ на его жалобу, поданную в апреле, с которым он был ознакомлен 10 июня, считает отпиской, требует квалифицированного расследования, указывая, что «в основе уголовного дела лежит не наркотик», а «взгляды и контакты», которые инкриминировались ему сотрудниками КГБ СССР. Жалуется на вмешательство сотрудников КГБ СССР в расследование его уголовного дела, а также на приговор Куйбышевского райсуда от 16 марта 1981 г.

1982, июля 1. Обращение Л.В. Брун-Азадовской в ЦК КПСС в связи с нарушением законности в ИТК-5 г. Сусумана в отношении Азадовского К.М., выразившееся в помещении его в ШИЗО на 30 суток и т. д.; просит о срочном вмешательстве.

1982, июля 27. Решение Дзержинского райисполкома г. Ленинграда, по ходатайству жилищной комиссии райисполкома, о предоставлении семье участницы Великой Отечественной войны Ткачевой З.И. трех комнат 9,77 кв. м, 6,79 кв. м и 25,17 кв. м по

адресу: ул. Желябова, д. 13, кв. 60 взамен комнаты 32,6 кв. м по тому же адресу.

1982, августа 18. Заявление Азадовского К.М. в КГБ СССР, с сообщением обстоятельств уголовного дела; просит ответить, «каковы реальные претензии» к нему со сторону КГБ СССР, с резолюцией от 24 августа о направлении заявления 23 августа начальнику Сусуманского райотдела КГБ В.А. Кобзарю «для выяснения вопроса по существу изложенного».

1982, августа 25. Заявление Азадовского К.М. прокурору Магаданской области Винокурову И.И. (копия – Прокурору РСФСР); сообщает, что руководство ИТК-5 в феврале 1982 г. «под давлением со стороны сотрудников Комитета госбезопасности» оформило ему ряд нарушений режима содержания, также сообщает подробности наказаний вследствие вскрытия вен в состоянии аффекта; просит дать ответы на предыдущие жалобы, отменить дисциплинарные взыскания, наложенные на него вследствие вскрытия вен, рассмотреть вопрос об условно-досрочном освобождении.

1982, сентября 8. Заявление К.М. Азадовского в прокуратуру Сусуманского района на имя прокурора по надзору А.А. Нейерди; сообщает, что «в связи с очередным актом беззакония и произвола», выразившегося в лишении его права получить присланную ему посылку с продуктами, он с 8 сентября отказывается от приема пищи; просит прокурора явиться в колонию для встречи с ним.

1982, сентября 14. Жалоба К.М. Азадовского в УВД Магаданского облисполкома на имя начальника УВД полковника Л.П. Пасечника; сообщает о действиях администрации ИТК-5 в отношении его, нарушающих Исправительно-трудовой кодекс РСФСР и Правила внутреннего распорядка ИТУ МВД; просит разобраться по существу и «обеспечить статус осужденного, который гарантируется советскими законами».

1982, сентября 14. Жалоба К.М. Азадовского начальнику Центральной больницы УВД Магаданского облисполкома подполковнику Несмелову В.А. на неподобающее обращение с ним прапорщика Теслюка, нарушающее Правила внутреннего распорядка ОИТУ МВД СССР; просит затребовать у прапорщика Теслюка объяснения об инциденте и принять меры.

1982, сентября 28. Заявление К.М. Азадовского начальнику учреждения АВ 261/5 майору Ещенко А.А.; сообщает, что лишение его продовольственной посылки было признано незаконным и опротестовано по его жалобе прокурором по надзору Сусуманского района А.А. Нейерди, и просит возместить расходы в сумме 50 руб., затраченные его семьей на сбор посылки, и разрешить приобрести продукты в магазине колонии на указанную сумму.

1982, сентября 28. Ответ К.М. Азадовскому из прокуратуры Сусуманского района Магаданской обл. (№ 209-ж–49-ж) за подписью зам. прокурора района юриста 1-го класса А.А. Нейерди на жалобу от 12 октября с.г. о незаконном наложении взысканий в феврале 1982 г; сообщается, что взыскания «были наложены обоснованно», но руководству колонии указано на недопустимость нарушений требований Исправительно-трудового кодекса РСФСР.

1982, сентября 29. Жалоба Л.В. Брун-Азадовской в ЦК КПСС на условия содержания Азадовского К.М. в исправительном учреждении АВ 261/5 г. Сусумана Магаданской области.

1982, октября 12. Жалоба К.М. Азадовского в прокуратуру Сусуманского района на имя прокурора по надзору А.А. Нейерди; сообщает, что до сих пор не получен ответ на его жалобы о взысканиях, которые были незаконно наложены на него в феврале 1982 г., а также просит квалифицировать лишение его свидания с женой и запрет на получение посылки, тогда как по закону он имел право на получение посылки и свидание с женой.

1982, октября 19. Заявление К.М. Азадовского в Прокуратуру Магаданской обл. (копия – в КГБ СССР, начальнику учреждения АВ 261/5 майору А.А. Ещенко); доводит до сведения тот факт, что в отношении его сотрудниками учреждения распространяются «порочащие сведения идеологического порядка», что его за глаза называют «антисоветчиком», «диссидентом», «сионистом»; утверждает, что он лично присутствовал

при том, как начальник производства ИТК майор Полин Р.И. при свидетелях заявил, что «Азадовский против Советской власти»; просит прекратить клевету и привлечь майора Р.И. Полина к дисциплинарной ответственности.

1982, октября 27. Жалоба К.М. Азадовского начальнику воинской части 6611 на действия прапорщицы Давиденко Л.И., работающей в учреждении АВ 261/5; сообщается, что ею был совершен подлог (приписка), в результате чего Азадовский был незаконно лишен продовольственной посылки; также сообщает, что в декабре 1981 г. прапорщик Давиденко Л.И. превратила проверку его жены Азадовской С.И. перед свиданием в унизительную процедуру, «издевалась над ней»; также сообщает о нарушениях его прав, которые были допущены прапорщиком Теслюком. Просит принять дисциплинарные меры к указанным лицам.

1982, октября 30. Обращение К.М. Азадовского в УВД Магаданского облисполкома на имя начальника УВД полковника Л.П. Пасечника. Сообщает, что до сих пор не получил ответ на предыдущую жалобу, переданную им через оперчасть ИТК-5; просит сообщить, была ли получена его жалоба от 14 сентября 1982 г.

1982, ноября 17. Ответ К.М. Азадовскому из Прокуратуры Ленинграда, подписанный старшим советником юстиции прокурором А.Д. Васильевым, на жалобу Азадовского К.М. на действия работников учреждения ИЗ 45/1 УИТУ ГУВД ЛО; сообщается, что в результате проверки фактов нарушения законности в отношении К.М. Азадовского не установлено.

1982, ноября 23. Жалоба К.М. Азадовского в прокуратуру Сусуманского района на имя прокурора по надзору А.А. Нейерди (копия – в УВД Магаданского облисполкома на имя начальника УВД полковника Л.П. Пасечника); сообщает, что, несмотря на признание руководством ИТК нарушения при лишении Азадовского положенной ему продовольственной посылки, меры к виновным не приняты, кроме того, он по-прежнему лишен права приобрести в магазине положенные ему по закону 5 кг продуктов; также сообщает о нарушении администрацией ИТК прав заключенных на производстве в колонии, в частности, о внеурочных работах в швейном цехе и т. д.

1982, ноября 24. Ответ К.М. Азадовскому из УВД Магаданской обл. на жалобу «о якобы имевших место неправильных по отношению к нему действиях со стороны сотрудников администрации учреждения»; сообщается о выездной проверке, проведенной сотрудником УВД в ИТК-5, установившей несоответствие действительности основных положений жалобы и признавшей «примененные меры дисциплинарного воздействия – обоснованными».

1982, декабря 9. Жалоба К.М. Азадовского в прокуратуру Сусуманского района Магаданской обл. на имя А.А. Нейерди; сообщает, что им 8 декабря были поданы заявления на имя начальника колонии с просьбой выдать справки и копии ответов из официальных инстанций, однако последовал отказ; просит отменить «незаконное и своевольное решение начальника учреждения».

1982, декабря 13. Заявление К.М. Азадовского в прокуратуру Сусуманского района Магаданской обл. на имя прокурора района Кувакина А.В.; сообщает, что, несмотря на его просьбы, администрация ИТК отказывается выдать ему на руки копии документов из его личного дела, которые необходимы для пересмотра дела, – в т. ч. копии ответов на его жалобы и ходатайства; сообщает, что вплоть до вмешательства прокуратуры он с момента подачи заявления отказывается от приема пищи.

1982, декабря 13. Заявление К.М. Азадовского начальнику учреждения АВ 261/5 Ещенко А.А.; уведомляет, что с 7 часов утра сего дня он отказывается от приема пищи, поскольку ему отказано в законных просьбах – в предоставлении положенного краткосрочного свидания с женой Азадовской С.И., а также в предоставлении копий ответов на его жалобы.

1982, декабря 14. Список личных вещей заключенного Азадовского К.М., переданных на досмотр в оперативную часть учреждения АВ 261/1 г. Сусумана Магаданской обл.

1982, декабря 16. Заявление К.М. Азадовского начальнику учреждения АВ 261/5

Ещенко А.А.; вторично просит предоставить положенное по закону краткосрочное свидание с женой Азадовской С.И.; сообщает, что, несмотря на заявления, уже длительное время не может добиться положительного решения этого вопроса.

1982, декабря 18. Справка об освобождении из мест лишения свободы по отбытии наказания (бланк формы Б, серия ВТ, № 085116), выдана Азадовскому К.М. учреждением АВ–261/5 в том, что он следует к месту жительства, г. Ленинград; с фотографией.

1982, декабря 18. Жалоба Азадовского К.М. на имя начальника ОИТУ Магаданского облисполкома полковника внутренней службы Б.М. Шамрая в связи с запрещением ему заранее согласованного личного свидания с женой в исправительном учреждении АВ 261/1 г. Сусумана Магаданской обл.

1983, января 6. Приказ начальника ГУВД Леноблгорисполкомов по личному составу, в т. ч. с объявлением Е.Э. Каменко строгого выговора «за допущенные ранее нарушения при расследовании уголовных дел».

1983, января 7. Заключение Леноблгорлита за подписью Б.А Маркова на печатные материалы, изъятые при обыске квартиры Лепилиной С.И. в 1980 г.

1983, марта 10. Объяснение Е.Э. Каменко помощнику начальника СО Куйбышевского РУВД Ленинграда капитану милиции С.М. Горощеня об изъятых при обыске у К.М. Азадовского и С.И. Лепилиной печатных материалах.

1983, марта 10. Заключение помощника начальника СО Куйбышевского РУВД г. Ленинграда капитана милиции С.М. Горощеня относительно проверки заявления К.М. Азадовского об изъятых при обыске печатных материалах.

1983, апреля 1. Заявление Лепилиной С.И. в Леноблгорлит относительно печатных материалов, изъятых у нее при обыске 1980 г., о невозврате по причине запрета указанных материалов на распространение в СССР; просит ознакомить с заключением Леноблгорлита по данному поводу.

1983, апреля 21. Ответ Лепилиной С.И. из Леноблгорлита, за подписью начальника отдела В.Н. Соколова (исх. 24); сообщается, что по вопросам, поставленным в заявлении от 1 апреля, каких-либо разъяснений в дополнение к сказанному в личной беседе 19 апреля «дать не можем», поскольку никаких печатных материалов в Леноблгорлит на экспертизу не поступало; рекомендует обратиться с запросом в органы, осуществлявшие их изъятие.

1983, апреля 27. Ответ К.М. Азадовскому из Ленгорсуда (№ 4у–487/83), за подписью председателя Ленгорсуда В.И. Полуднякова, на повторную жалобу на приговор Куйбышевского райнарсуда от 16 марта 1981 г.; сообщается, что вина К.М. Азадовского в совершенном преступлении установлена судом, дополнительно доказывается «запиской инструктивного содержания», адресованной С.И. Лепилиной; решение суда считает обоснованным.

1983, августа 8. Письмо из прокуратуры Куйбышевского района г. Ленинграда, за подписью прокурора района С.В. Зборовского, начальнику СО Куйбышевского РУВД г. Ленинграда подполковнику милиции В.А. Мясникову; направляется письмо К.М. Азадовского о возвращении ему вещей, изъятых при обыске. (Копия направлена К.М. Азадовскому.)

1983, августа 18. Аналитическая записка «Новые материалы по делу К.М. Азадовского: Личная месть сотрудника КГБ?», составленная Ю. Вишневской (Радио Свобода: Материалы исследовательского отдела, РС 163/83). Ротапринт.

1983, сентября 14 . Аналитическая записка «Новые материалы по делу К.М. Азадовского: Личная месть сотрудника КГБ?», составленная Ю. Вишневской. Английский вариант (Радио Свобода: Материалы исследовательского отдела, RL 343/83). Ротапринт.

1983, ноября 15. Ответ К.М. Азадовскому из прокуратуры Ленинграда, подписанный прокурором города А.Д. Васильевым, на жалобу Азадовского К.М. на действия Куйбышевского РУВД при проведении обыска у него дома и на необоснованное удержание изъятого при обыске имущества; сообщается, что в результате проверки установлены факты нарушения процессуальных норм при проведении обыска; относительно изъятых при обыске

книг сообщается, что часть их не подлежит возвращению по причине запрета Леноблгорлитом; указано, что к сотрудникам РУВД, допустившим нарушение норм УПК, приняты меры дисциплинарного характера.

1983, ноября 15. Сообщение заместителя прокурора Ленинграда (№ 16–1119–83) Лепилиной С.И. о том, что изъятая у нее при обыске книга Камю «Иностранец» будет возвращена ей «по установлению».

1983, ноября 24. Объяснение Е.Э. Каменко на имя начальника СО ГУВД Петрова А.В. относительно фотографий и печатных изданий, изъятых при обысках у К.М. Азадовского и С.И. Лепилиной. По поводу фотографий сообщается, что фотографии Азадовский К.М. «получил незаконно в целях переправки за границу».

1983, ноября 25. Исковое заявление Азадовского К.М. в Дзержинский райнарсуд г. Ленинграда с просьбой привлечь сотрудников ЛВХПУ им. В.И. Мухиной В.И. Шистко и В.Я. Бобова к уголовной ответственности за клевету по ст. 130 УК за выданную ими и приобщенную к уголовному делу фальсифицированную характеристику.

1983, ноября 28. Протокол беседы работников СУ ГУВД, в присутствии зам. начальника СУ ГУВД Волошенюка А.И., с сотрудниками УКГБ ЛО Архиповым В.И. и Шлеминым В.В. относительно вещей, изъятых при задержании Лепилиной С.И., при обыске на квартире Азадовского К.М. и в комнатах Лепилиной С.И.

1983, ноября 28. Заключение по результатам проверки жалобы К.М. Азадовского относительно изъятых при обыске фотографий и печатных материалов, проведенной СУ ГУВД, за подписью и.о. начальника СУ ГУВД Леноблгорисполкомов А.Ф. Анисимова и исполнителя капитана милиции А.П. Олюнина.

1983, ноября 30. Ответ Азадовскому К.М. из СУ ГУВД (№ 8/А–50), за подписью и.о. начальника СУ ГУВД Леноблгорисполкомов А.Ф. Анисимова, с извещением, что часть изъятых при обыске у Азадовского К.М. и Лепилиной С.И. ценностей утрачена по вине бывшего следователя РУВД Каменко Е.Э., уволенного из органов МВД по несоответствию, а изъятые печатные издания уничтожены, поскольку запрещены к ввозу и обращению в СССР.

1983, декабря 5. Постановление Дзержинского райнарсуда г. Ленинграда (судья М.П. Булыгина) об отказе в возбуждении уголовного дела по заявлению Азадовского К.М. в отношении сотрудников ЛВХПУ В.И. Шистко и В.Я. Бобова по ст. 130 УК за отсутствием в их действиях состава преступления.

1983, декабря 9. Частная жалоба Азадовского К.М. в Коллегию по уголовным делам Ленгорсуда на постановление судьи Булыгиной М.П. от 5 декабря 1983 г.; просит отменить постановление и рассмотреть заявление в заседании суда первой инстанции.

1983, декабря 15. Определение коллегии по уголовным делам Ленгорсуда (председателя В.И. Коваленко, членов – Шиловой В.И., Богословской И.И.) об оставлении без изменения решения судьи М.П. Булыгиной об отказе в возбуждении уголовного дела по заявлению Азадовского К.М. в отношении сотрудников ЛВХПУ В.И. Шистко и В.Я. Бобова и об оставлении частной жалобы Азадовского по этому вопросу без удовлетворения.

1983, декабря 16. Ответ Азадовскому К.М. из прокуратуры Ленинграда (№ 16–9–1952–83), за подписью начальника отдела по надзору за следствием и дознанием в ОВД младшего советника юстиции Д.И. Малькова, на жалобу в прокуратуру города на действия сотрудников Куйбышевского РУВД в связи с изъятым при обыске у Азадовского К.М. и Лепилиной С.И. имуществом, в т. ч. книгами; сообщается, что были изучены материалы служебной проверки, проведенной СУ ГУВД, уничтожение книг по акту признано законным, относительно пропажи вещей Лепилиной С.И., произошедшей по вине Е.Э. Каменко, приняты меры дисциплинарного воздействия.

1983, декабря 20 . Жалоба Азадовского К.М. в Главлит СССР на действия Леноблгорлита при экспертизе печатных материалов, изъятых у Азадовского К.М. и Лепилиной С.И. в 1980 г. при обысках.

1984, января 24. Обращение Азадовского К.М. в Президиум Ленгорсуда с требованием отменить постановление судьи Дзержинского райнарсуда М.П. Булыгиной от 5 декабря

1983 г. и определение судебной коллегии по уголовным делам Ленгорсуда от 15 декабря 1983 г., которыми отказано в возбуждении уголовного дела по признакам ст. 130 УК в отношении Шистко В.И. и Бобова В.Я.

1984, января 27. Ответ Азадовскому К.М. из прокуратуры Ленинграда (№ 16–9–1952–83), подписанный зам. начальника отдела по надзору за следствием и дознанием в органах внутренних дел младшим советником юстиции Д.И. Мальковым, на жалобу Азадовского К.М. в прокуратуру РСФСР относительно нарушения органами милиции социалистической законности при производстве обыска 19 декабря 1980 г.; сообщается, что присутствие при обыске пяти сотрудников милиции было вызвано оперативной необходимостью, нарушений социалистической законности не усматривается.

1984, января 31. Ответ Лепилиной С.И. из прокуратуры Дзержинского района г. Ленинграда (№ 592–Ж–83), за подписью пом. прокурора района Сапоткиной Т.И., на заявление в прокуратуру Дзержинского района относительно возвращения жилья – трех комнат по адресу ул. Желябова, д. 13, кв. 60; сообщается, что комнаты предоставлены гр. Ткачевой З.И. законно, на основании решения Дзержинского райисполкома от 29 июля 1982 г.

1984, марта 12 . Жалоба Азадовского К.М. в Главное управление по охране государственных тайн в печати (Главлит СССР) на действия Леноблгорлита при экспертизе печатных материалов, изъятых у Азадовского К.М. и Лепилиной С.И. в 1980 г. при обысках. (Дополненный вариант жалобы от 20 декабря 1983 г.)

1984, апреля 5. Ответ Азадовскому К.М. из Ленгорсуда (№ 4у–174), подписанный зам. председателя Ленгорсуда Н.С. Исаковой, на жалобу от 24 января 1984; сообщается, что отказ в возбуждении дела обоснован, оснований к принесению протеста на указанные решения не усматривается.

1986, января 26. Жалоба Азадовского К.М. министру внутренних дел СССР А.В. Власову на действия органов милиции Ленинграда, грубо попирающих социалистическую законность; требует возбудить уголовное дело в отношении Е.Э. Каменко, нанесшего своими действиями Азадовскому К.М. и его семье невосполнимый ущерб, а также привлечь к ответственности сотрудника ГУВД М.А. Баду за препятствование законным действиям следствия в 1978 г.

1986, января 31 . Обращение Азадовского в Президиум XXVII съезда КПСС с изложением обстоятельств уголовного дела; просит опротестовать приговор по уголовному делу его и его жены, отменить решение Леноблгорлита о признании изъятых при обыске материалов антисоветскими, рассмотреть заявление о привлечении работников ЛВХПУ им. В.И. Мухиной за клевету, устранить препятствия для устройства на работу по специальности.

1986, марта 10. Заключение инспекции по личному составу Управления кадров ГУВД по результатам проведенной проверки относительно материалов, изъятых у Азадовского К.М. и Лепилиной С.И. при обыске; подписано зам. начальника ГУВД Копенкиным В.Н.

1986, марта 26. Ответ Азадовскому К.М. из Управления кадров ГУВД Леноблгорисполкомов, за подписью начальника инспекции по личному составу УК ГУВД В.П. Копенкина, на жалобу Азадовского на имя министра внутренних дел СССР Власова А.В., перенаправленную в УК ГУВД; сообщается, что причастность М.А. Баду к расследованию уголовного дела А.А. Ткачева подтверждений не нашла; привлечение Е.Э. Каменко к уголовной ответственности за халатность, допущенную им при расследовании уголовного дела Лепилиной С.И., невозможно по причине несущественности нанесенного его действиями ущерба.

1986, июля 24. Обращение Азадовского К.М. к министру внутренних дел СССР А.В. Власову с несогласием на ответ УК ГУВД от 11 марта 1986 г. (по всем пунктам); просит принять меры к соблюдению законности при разбирательстве.

1986, сентября 16. Постановление прокуратуры Куйбышевского района, подписано старшим помощником прокурора района юристом 1-го класса Мавриной Е.С., вследствие

проведенной проверки обращения Азадовского К.М. к министру внутренних дел СССР А.В. Власову; сообщается об отказе в возбуждении уголовного дела в отношении следователя Каменко Е.Э. по ст. 172 УК. (В этом документе указывается, что при обыске присутствовали сотрудники УКГБ Архипов В.И. и Шлемин В.В.)

1986, сентября 17 . Сообщение К.М. Азадовскому из прокуратуры Куйбышевского района г. Ленинграда, за подписью прокурора Куйбышевского района младшего советника юстиции Б.И. Воробьева (№ 225-пр), о принятом 16 сентября постановлении прокуратуры Куйбышевского района об отказе в возбуждении уголовного дела в отношении Каменко Е.Э. за отсутствием в его действиях состава преступления.

1986, сентября 18. Ответ Азадовскому К.М. из Управления кадров МВД СССР, за подписью зам. начальника отдела С.А. Крюкова, на жалобу от 24 июня 1986 г.; сообщается, что в результате проверки установлена неправомерность действий М.А. Баду в 1978 г. при расследовании уголовного дела А.А. Ткачева, и о вынесении М.А. Баду строгого предупреждения; что материалы проверки действий Е.Э. Каменко направлены для вынесения решения в прокуратуру Дзержинского района г. Ленинграда; В.П. Копенкину вынесено замечание за некритичное отношение к рассмотрению жалобы Азадовского.

1986, сентября 30. Письмо из прокуратуры Куйбышевского района г. Ленинграда (№ 225-пр) за подписью прокурора района младшего советника юстиции Б.И. Воробьева с отказом направить Азадовскому К.М. копию постановления прокуратуры от 16 сентября 1986 г. или ознакомить с ним.

1986, октября 10 . Жалоба Азадовского К.М. прокурору Ленинграда, просит обязать прокуратуру Куйбышевского района ознакомить его с копией решения от 16 сентября 1986 г. по результатам проверки заявления Азадовского К.М. на имя министра внутренних дел Власова А.В. относительно привлечения следователя Каменко Е.Э. к ответственности за утрату вещей, изъятых при обыске у Азадовского К.М. и Лепилиной С.И., по ст. 172 УК.

1986, октября 17. Представление СО Бийского УВД, на бланке УВД Исполкома Бийского горсовета Алтайского края (№ 7–2395); предписано опросить К.М. Азадовского в связи с уголовным делом В.С. Седлецкого.

1987, января 12 . Кассационная жалоба гр. Каменко Е.Э., третьего лица по иску Азадовского К.М. к Куйбышевскому РУВД.

1987, февраля 9 . Определение Куйбышевского райнарсуда (судья Л.А. Донецкая) о приостановке дела по иску Азадовского К.М. к Куйбышевскому РУВД о возмещении ущерба, нанесенного органами следствия утратой книги А. Камю и фотографий, изъятых при обыске; предложено поручить оценку книги – ЛКО «Ленкнига», фотографий – Ателье кинофотолюбителей.

1987, февраля 10. Жалоба Азадовского К.М. в ГУВД Леноблгорисполкомов на действия Е.Э. Каменко, в результате которых были утрачены изъятые при обыске книги и фотографии, с требованием применения к виновнику мер дисциплинарного характера.

1987, февраля 12. Частная жалоба Азадовского К.М. в Ленгорсуд с выражением несогласия с п. 2 определения Куйбышевского народного суда от 9 февраля 1987 г. относительно привлечения Ателье кинофотолюбителей для проведения оценки фотографий русских писателей, изъятых при обыске у Азадовского и впоследствии утраченных органами следствия; просит изменить определение и назначить для уточнения стоимости фотографий искусствоведческо-товароведческую экспертизу.

1987, марта 19 . Уведомление от СУ ГУВД Леноблгорисполкомов, подписанное зам. начальника СУ ГУВД А.Ф. Анисимовым, о рассмотрении заявления Азадовского К.М. от 10 февраля 1987 г.; сообщается, что служебной проверкой установлена вина Е.Э. Каменко в пропаже вещей, изъятых у Азадовского К.М. при обыске 1980 г.

1987, сентября 4. Письмо Азадовскому К.М. из Куйбышевского райнарсуда (№ 2–420) за подписью народного судьи Л.А. Донецкой; обязывает срочно представить в суд список утраченных фотографий, необходимый для оценки их стоимости комбинатом «Ленфотообъектив».

1987, сентября 14. Письмо Азадовского К.М. в редакцию «Литературной газеты» с просьбой о помощи в деле восстановления справедливости в отношении его и жены; просит содействовать в реабилитации. (К письму приложена копия заявления на имя Генерального прокурора СССР А.М. Рекункова с подробным изложением обстоятельств дела, которое будет послано им в Генеральную прокуратуру СССР 28 сентября.)

1987, сентябрь. Коллективное письмо членов Союза писателей СССР главному редактору «Литературной газеты» А.Б. Чаковскому с просьбой отнестись с особым вниманием к жалобе Азадовского К.М., подписали: Г.Я. Бакланов, Я.А. Гордин, Д.А. Гранин, В.А. Каверин, Н.С. Катерли, В.Л. Кондратьев, А.С. Кушнер, Д.С. Лихачев, Б.Ш. Окуджава, А.И. Приставкин, А.Н. Рыбаков, А.Н. Стругацкий, Б.Н. Стругацкий.

1987, сентября 28 . Письмо Азадовского К.М. Генеральному прокурору СССР А.М. Рекункову с подробным изложением обстоятельств его уголовного дела (с указанием фамилий сотрудников УКГБ по ЛО, принимавших участие в фабрикации против него уголовного дела), с просьбой не отправлять жалобу для проверки в Ленинград, взяв проверку под личный контроль.

1987, октября 10. Жалоба Азадовского К.М. на имя прокурора г. Ленинграда А.Д. Васильева на действия прокуратуры Куйбышевского района г. Ленинграда, предвзято относящейся к Азадовскому К.М. и отказавшей в возбуждении уголовного дела против бывшего сотрудника МВД Каменко Е.Э.

1987, октябрь. Письмо редакции «Литературной газеты» в Генеральную прокуратуру СССР на имя зам. генпрокурора О.В. Сороки с просьбой отнестись с вниманием к жалобе Азадовского К.М., направленной на имя генпрокурора 28 сентября 1987 г.

1987, ноября 29. Жалоба Азадовского К.М. в прокуратуру Ленинграда в связи с необоснованными вызовами его в милицию, в т. ч. УБХСС ГУВД и в Куйбышевское РУВД.

1987, декабря 8. Жалоба Азадовского К.М. начальнику ГУВД Леноблгорисполкомов А.А. Куркову на систематические противоправные действия сотрудников милиции в отношении его семьи, в т. ч. сотрудника УБХСС ГУВД В.Е. Борохова, следователя С.Н. Зыбиной, сотрудника милиции В.П. Хохлова.

1987, декабря 10. Жалоба Лепилиной С.И. в прокуратуру Куйбышевского района г. Ленинграда в связи с неправомерными действиями работников наркологического кабинета ПНД Фрунзенского района, а также на действия сотрудников 27-го отделения милиции.

1988, января 10. Ответ Лепилиной С.И. из прокуратуры Ленинского района г. Ленинграда, подписанный прокурором района юристом 3-го класса А.П. Осиповым (№ 10Ж-99), на жалобу, поступившую из прокуратуры Куйбышевского района; разъясняется, что с жалобами на «якобы неправомерные действия» сотрудников наркологического кабинета и сотрудников 27-го отделения милиции надлежит обращаться в вышестоящие над ними организации.

1988, января 12. Ответ Азадовскому К.М. из прокуратуры Ленинграда, подписанный зам. прокурора города советником юстиции Е.В. Шарыгиным (№ 1616–1761–87), на жалобу от 29 ноября 1987 г.; сообщается, что нарушений социалистической законности при вызове Азадовского К.М. в правоохранительные органы прокуратура не усматривает.

1988, января 13. Письмо Азадовскому К.М. из Куйбышевского райнарсуда г. Ленинграда (№ 2–30) за подписью председателя суда Р.К. Клишиной; сообщается, что для проведения экспертизы стоимости фотографий, утраченных в СО Куйбышевского РУВД, необходимо представить их полное описание.

1988, января 19. Ответ из ГУВД Леноблгорисполкомов (№ 4/61–А–1643), за подписью начальника инспекции по л/с УК ГУВД Копенкина В.П., на жалобу Азадовского К.М. от 8 декабря 1987 г. на неправомерные действия сотрудников ГУВД; сообщается, что действия сотрудника ОБХСС ГУВД В.Е. Борохова и оперуполномоченного 27 о/м Хохлова В.П. признаны необоснованными, за допущенные нарушения принято решение «о предании их товарищескому суду чести по месту службы»; вызов Азадовского к С.Н. Зыбиной признан правомерным и произведен по запросу СО УВД г. Бийска.

1988, февраля 12. Жалоба Азадовского К.М. в прокуратуру г. Бийска относительно противоправных действий сотрудников КГБ, пытавшихся получить от В.С. Седлецкого показания, дискредитирующие Азадовского К.М.

1988, марта 10. Письмо Азадовского К.М. в редакцию «Литературной газеты», в котором он сообщает, что посланное одновременно с заявлением в редакцию газеты его письмо к Генеральному прокурору А.М. Рекункову до сих пор не удостоено ответа, а органы милиции Ленинграда «не оставляют в покое» его семью; просит довести содержание этого письма до сотрудников Прокуратуры СССР, занятых проверкой его заявления, подкрепленного письмом писателей.

1988, март. Письмо редакции «Литературной газеты» в Генеральную прокуратуру СССР на имя первого заместителя генпрокурора А.Я. Сухарева с просьбой прояснить судьбу обращений газеты, на которые несколько месяцев не поступает ответа, и рассмотреть дело Азадовского К.М. на предмет законности приговора и действий органов следствия.

1988, марта 30. Протест первого заместителя Генерального прокурора СССР А.Я. Сухарева в Президиум Ленгорсуда по делу Азадовского К.М. (в порядке надзора) на приговор Куйбышевского райнарсуда от 16 марта 1981 г. и на определение судебной коллегии по уголовным делам Ленгорсуда от 16 апреля 1981 г.

1988, апреля 25. Ответ Азадовскому из Прокуратуры Союза ССР (№ 12/6387–81) за подписью первого заместителя Генерального прокурора СССР государственного советника юстиции 1-го класса А.Я. Сухарева; сообщается, что полученные через редакцию «Литературной газеты» жалобы К.М. Азадовского рассмотрены Прокуратурой СССР, истребованы и проверены уголовные дела в отношении К.М. Азадовского и С.И. Лепилиной, в результате установлено, что оснований для опротестования приговора в отношении С.И. Лепилиной не имеется, а по приговору в отношении Азадовского в Президиум Ленгорсуда Прокуратурой СССР вынесен протест, в котором поставлен вопрос об отмене судебных решений и возвращении дела на новое рассмотрение.

1988, апреля 29. Постановление Президиума Ленгорсуда (председатель Полудняков В.И., дело № 44у–144) по протесту первого заместителя Генерального прокурора СССР об отмене приговора Куйбышевского райнарсуда от 16 марта 1981 г. и определения судебной коллегии по уголовным делам Ленгорсуда от 16 апреля 1981 г. в отношении Азадовского К.М. и направлении уголовного дела на новое рассмотрение в Куйбышевский райнарсуд в ином составе судей.

1988, мая 13. Постановление Куйбышевского райнарсуда г. Ленинграда (судья Донецкая Л.А.) об удовлетворении иска Азадовского К.М. к Куйбышевскому РУВД г. Ленинграда о возмещении материального ущерба, нанесенного утратой имущества Азадовского, изъятого при обыске (фотографии, личные вещи), на сумму 315 руб. 50 коп.; в качестве третьего лица по настоящему делу привлечен Е.Э. Каменко.

1988, июня 6. Кассационная жалоба Е.Э. Каменко на решение Куйбышевского райнарсуда г. Ленинграда от 13 мая 1988 г. по иску К.М. Азадовского к Куйбышевскому РУВД; не согласен с решением, просит освободить Куйбышевское РУВД от возмещения части ущерба.

1988, июня 6. Справка, выданная Азадовскому К.М. из объединенного комитета профсоюзов Дзержинского ЖКУ г. Ленинграда (№ 80), за подписью председателя профкома Н.Ф. Шпака, в том, что с 31 марта 1983 г. по 1 мая 1988 г. он работал по договору № 24 у нанимателя-писателя Грудининой Жанны Александровны в качестве литературного секретаря.

1988, июня 10 . Ходатайство Азадовского К.М. в канцелярию по уголовным делам Куйбышевского райнарсуда г. Ленинграда об истребовании ряда дополнительных материалов, необходимых при слушании дела, о вызове в судебное заседание ряда лиц, а также о необходимости сделать запросы в Леноблгорлит и газету «Ленинградская правда».

1988, июля 4. Ходатайство Азадовского К.М. в канцелярию по уголовным делам Куйбышевского райнарсуда г. Ленинграда об идентификации сотрудника милиции,

предъявившего 19 декабря 1980 г. удостоверение на имя В.И. Быстрова и внесенного на основании этого документа в протокол обыска, и о вызове его в судебное заседание 19 июля в качестве свидетеля.

1988, июль. Ответ ГУВД Леноблгорисполкомов на запрос Куйбышевского райнарсуда г. Ленинграда, за подписью заместителя начальника Управления кадров ГУВД Лебедева; сообщается, что сотрудник по фамилии Быстров на 19 декабря 1980 г. не служил в ГУВД и не служит в настоящее время.

1988, июля 14. Заявление Азадовского К.М. в прокуратуру Ленинграда, адресованное прокурору по надзору за действиями органов КГБ; сообщает обстоятельства уголовных дел: о пересмотре приговора в Куйбышевском райнарсуде, о препятствовании руководства УКГБ ЛО явке в суд сотрудников В.И. Архипова и В.В. Шлемина; просит немедленно вмешаться, установить местонахождение сотрудников УКГБ и обеспечить их явку в суд 19 июля 1988 г.

1988, июля 19. Ходатайство Азадовского К.М. в канцелярию по уголовным делам Куйбышевского райнарсуда г. Ленинграда о вызове в суд сотрудников УКГБ ЛО Ю.А. Безверхова и А.В. Кузнецова и о допросе их в качестве свидетелей, поскольку суд отказывается истребовать из прокуратуры Куйбышевского района материалы прокурорской проверки № 225-пр, в которых отмечено участие этих сотрудников в следственных действиях 1980–1981 гг.

1988, июля 19. Ходатайство Азадовского К.М. в канцелярию по уголовным делам Куйбышевского райнарсуда г. Ленинграда о позволении ему, во избежание возможных искажений протоколирования судебного процесса, уже зафиксированных в протоколе от 21 июня 1988 г., пользоваться звукозаписывающей техникой в заседании 19 июля 1988 г.

1988, июля 19. Стенограмма (расшифровка магнитофонной записи) судебного заседания в Куйбышевском райнарсуде (дело по обвинению Азадовского по ч. 3 ст. 224 УК РСФСР).

1988, июль (не ранее 21). Коллективное обращение к прокурору Ленинграда в связи с «действиями антиконституционного характера» со стороны государственного обвинителя А.Е. Якубовича на судебном процессе по делу Азадовского К.М.

1988, июля 27. Жалоба Азадовского в Отдел юстиции Ленгорсовета относительно отказа Куйбышевского райнарсуда вызвать и допросить в судебном заседании сотрудников КГБ В.И. Архипова и В.В. Шлемина, участвовавших в обыске 19 декабря 1980 г. под видом сотрудников милиции. (Копия направлена в прокуратуру Ленинграда.)

1988, август . Телеграмма ленинградских писателей и ученых в Генеральную прокуратуру СССР на имя генпрокурора А.Я. Сухарева относительно хода процесса К.М. Азадовского в Куйбышевском райнарсуде; подписана Д.С. Лихачевым и др.

1988, августа 1 . Письмо из прокуратуры Ленинграда (№ 13–10/88), подписанное прокурором И.В. Катуковой, надзирающей за следствием в органах госбезопасности, в Куйбышевский районный народный суд на имя председателя суда Р.М. Клишиной, с приложением заявления К.М. Азадовского от 14 июля 1988 г., и требованием рассмотрения этого заявления по существу и вызова сотрудников УКГБ ЛО в народный суд для допроса.

1988, августа 1. Ответ замначальника отдела кадров УКГБ ЛО на запрос из Куйбышевского райнарсуда относительно причин для привлечения сотрудников УГКБ к обыску у К.М. Азадовского в 1980 г.; сообщается, что причиной послужило обращение начальника 15-го отдела УУР ГУВД Ю.М. Бадаева.

1988, августа 1. Письмо из Куйбышевского райнарсуда г. Ленинграда (№ 1–460), за подписью народного судьи Н.А Цветкова, начальнику УКГБ по ЛО генерал-майору В.М. Прилукову; просит сообщить причину, по которой сотрудники УКГБ В.И. Архипов и В.В. Шлемин находились в квартире К.М. Азадовского 19 декабря 1980 г., и обеспечить их явку в суд в качестве свидетелей на 11 августа.

1988, августа 3. Ответ К.М. Азадовскому из отдела юстиции Исполкома Ленгорсовета, за подписью начальника отдела М.Р. Ракуты, на жалобу от 27 июля 1988 г.; сообщается, что вопрос истребования доказательств может быть удовлетворен только составом суда, а

воздействие на народных судей не входит в компетенцию отдела юстиции.

1988, августа 5. Ходатайства, поданные Азадовским К.М. в Куйбышевский райнарсуд в связи с результатами слушания дела 19 и 20 июля, в т. ч. сделать запрос в УКГБ ЛО относительно пятого сотрудника, производившего обыск 19 декабря 1980 г.

1988, августа 8. Ответ УКГБ СССР по ЛО, за подписью зам. начальника отдела кадров УКГБ ЛО Д. Коляды, на запрос судьи Куйбышевского райнарсуда г. Ленинграда Н.А. Цветкова (на № 1–460 от 1.8.1988); сообщается, что основанием для участия сотрудников УКГБ Архипова В.И. и Шлемина В.В. в обыске у Азадовского К.М. 19 декабря 1980 г. было обращение Ю.М. Бадаева к УКГБ с заявлением «направить сотрудников для оценки материалов, относящихся к компетенции органов КГБ, в случае их обнаружения в ходе обыска»; обеспечить явку их в суд в качестве свидетелей 11 августа 1988 г. не представляется возможным, поскольку оба находятся в очередных отпусках.

1988, августа 10. Ходатайство Азадовского К.М. в Куйбышевский райнарсуд, в котором он опровергает показания свидетеля Каменко Е.Э., данные им в заседании 19 июля, настаивает на причастности сотрудников УКГБ ЛО к экспертизе и изъятию печатных материалов при обыске, ходатайствует о запросе суда в Леноблгорлит на предмет поступления в декабре 1980 г. на экспертизу из РУВД печатных материалов, изъятых у него при обыске, а также об истребовании материалов служебных проверок 1986–1988 гг.

1988, августа 10. Замечания, поданные Азадовским К.М. в Куйбышевский райнарсуд на протоколы судебного заседания от 19 и 20 июля 1988 г., по результатам сверки протоколов с производившейся магнитофонной звукозаписью.

1988, августа 12. Определение Куйбышевского райнарсуда (судья Н.А. Цветков) об удовлетворении ходатайства прокурора и направлении уголовного дела Азадовского К.М. на дополнительное расследование.

1988, августа 12. Стенограмма речи адвоката Смирновой Н.Б. на заседании Куйбышевского райнарсуда.

1988, августа 12. Последнее слово подсудимого Азадовского К.М. Печатный текст, зачитанный в судебном заседании и приобщенный к делу.

1988, августа 14. Письмо А.А. Ставиской 1-му секретарю Ленинградского обкома КПСС Ю.Ф. Соловьеву относительно судебного процесса в Куйбышевском райнарсуде.

1988, августа 15. Телеграмма Азадовского К.М. в ЦК КПСС на имя М.С. Горбачева с просьбой вмешаться в происходящее в Куйбышевском райнарсуде при пересмотре его дела (с уведомлением о вручении в Общий отдел ЦК от 16 августа).

1988, августа 15. Телеграмма Азадовского К.М. в Генеральную прокуратуру СССР на имя генпрокурора А.Я. Сухарева относительно происходящего в Куйбышевском райсуде с просьбой вмешаться.

1988, августа 15. Телеграмма группы ленинградцев, присутствовавших в суде, в ЦК КПСС, с просьбой «немедленно вмешаться и положить конец творящемуся в Ленинграде беззаконию»; указан обратный адрес Латышевой А.Н.

1988, августа 15. Жалоба Азадовского К.М. на имя члена Политбюро ЦК КПСС, председателя КГБ СССР В.М. Чебрикова с требованием привлечь к ответственности сотрудников КГБ, виновных в фабрикации в 1980–1981 гг. уголовных дел против него и жены. (Одновременно экземпляры посланы на имя Генерального секретаря ЦК КПСС М.С. Горбачева и Генерального прокурора СССР А.Я. Сухарева.)

1988, августа 18. Заявление Азадовского К.М. на имя начальника ГУВД А.А. Куркова относительно расследования уголовного дела, с обжалованием неправомерных действий бывшего начальника 15-го отдела милиции ГУВД Ю.М. Бадаева, который передал следствию в 1980 г. клеветническое заявление З.И. Ткачевой и оказывал давление на следствие. (Одновременно экземпляр заявления послан в прокуратуру Куйбышевского района г. Ленинграда.)

1988, августа 22 . Запрос Азадовского К.М. в прокуратуру Ленинграда, относительно оснований содержания под стражей в период с 22 декабря 1980 г. по 27 января 1981 г.,

поскольку формально уголовное дело по обвинению Азадовского К.М. было возбуждено лишь 27 января 1981 г.

1988, августа 22. Жалоба Азадовского К.М. в Президиум Ленгорсуда на неполноту судебного разбирательства в Куйбышевском райнарсуде, при котором так и не были установлены все участвовавшие в следственных действиях по его делу; просит отменить определение Куйбышевского райнарсуда от 12 августа 1988 г. и направить дело на новое судебное разбирательство в ином составе судей.

1988, август. Заявление б. помощника прокурора Кировского и Петроградского районов г. Ленинграда Г.И. Шифриной на имя Генерального прокурора СССР А.Я. Сухарева по результатам процесса Азадовского К.М. в Куйбышевском райнарсуде; просит вмешаться.

1988, август. Письмо театроведов Н.А. Бродской и Т.А. Хаджиновой к Генеральному прокурору СССР А.Я. Сухареву по результатам слушания дела Азадовского К.М. в июне, июле и августе 1988 г. в Куйбышевском райнарсуде с просьбой о помощи и справедливом расследовании дела.

1988, август . Телеграмма С.С. Зилитинкевича, присутствовавшего на всех судебных заседаниях в Куйбышевском райнарсуде по делу К.М. Азадовского, в Прокуратуру РСФСР; просит способствовать отмене определения суда, завершить расследование в суде гласно.

1988, сентябрь. Коллективное обращение ленинградских писателей в редакцию «Литературной газеты»; обращают внимание на решение Куйбышевского райнарсуда от 12 августа 1988 г. по делу Азадовского К.М.; подписали: Я. Гордин, Н. Катерли, В. Мусаханов, Б. Стругацкий, М. Чулаки.

1988, сентября 5. Сопроводительное письмо председателя Ленгорсуда Н.С. Волженкиной председателю Куйбышевского райнарсуда г. Ленинграда Р.К. Клишиной; препровождается жалоба Азадовского К.М. в президиум Ленгорсуда от 22 августа 1988 г. (Копия послана К.М. Азадовскому.)

1988, сентября 14 . Ответ К.М. Азадовскому из ГУВД Леноблгорисполкомов, подписанный зам. начальника УУР ГУВД В.М. Егоршиным, на заявление от 18 августа 1988 г.; сообщается, что заявление направлено в прокуратуру Куйбышевского района для приобщения к уголовному делу.

1988, сентября 15. Сопроводительное письмо из прокуратуры Ленинграда, за подписью начальника отдела по надзору за рассмотрением уголовных дел в судах Ленинграда М.А. Ананьева, прокурору Куйбышевского района Н.П. Дудину с препровождением телеграммы Азадовского К.М. от 15 августа 1988 г. в Генпрокуратуру СССР и заявления А.А. Ставиской от 14 августа 1988 г. в обком КПСС для приобщения их к материалам уголовного дела.

1988, сентября 19. Письмо Азадовскому К.М. из прокуратуры Куйбышевского района г. Ленинграда за подписью прокурора Н.П. Дудина в ответ на запрос в прокуратуру Ленинграда от 22 августа 1988 г.; разъясняется, что уголовное дело по обвинению Азадовского К.М. 27 января 1981 г. «было выделено в самостоятельное производство» из дела Лепилиной С.И.

1988, сентября 21. Докладная записка о проверке жалобы К.М. Азадовского в КГБ СССР от 15 августа 1988 г., представленная председателю КГБ СССР В.М. Чебрикову; подписана старшим инспектором Инспекции Управления КГБ СССР полковником госбезопасности В.И. Васильевым (22 сентября 1988 г.), старшим следователем по особо важным делам Следственного отдела КГБ СССР майором госбезопасности В.П. Поповым (21 сентября 1988 г.); визы «согласен» – начальника Инспекторского управления КГБ СССР генерал-лейтенанта госбезопасности С.В. Толкунова (22 сентября 1988 г.) и начальника Следственного отдела КГБ СССР генерал-майора госбезопасности Л.И. Баркова (21 сентября 1988 г.). На первом листе резолюции: «Тов. Чебрикову В.М. доложено. Дано согласие. Иванков. 28 сентября 1988».

1988, сентября 28. Докладная записка УКГБ по ЛО в центральный аппарат КГБ СССР на имя Председателя В.М. Чебрикова с результатами рассмотрения жалобы К.М.

Азадовского; сообщается об установленных служебным расследованием фактах грубых тактических просчетов, нарушений уголовно-процессуальных норм, нарушений приказов и указаний КГБ СССР, расшифровке перед Азадовским К.М. проводимых в отношении его мероприятий и др.

1988, сентября 29 . Ответ Азадовскому К.М. из Следственного отдела КГБ СССР (№ 6/3983), подписанный «сотрудником КГБ СССР» В.П. Поповым, на жалобу от 15 августа 1988 г.; сообщается, что установлен факт неправомерного участия двух сотрудников УКГБ СССР по ЛО в проведении обыска 19 декабря 1980 г., а также о производимом по этому факту служебном расследовании.

1988, октября 11. Заявление Азадовского К.М. в прокуратуру Ленинграда, в ответ на письмо из прокуратуры Куйбышевского района от 19 сентября 1988 г. за подписью прокурора Н.П. Дудина, вследствие запроса К.М. Азадовского в прокуратуру Ленинграда от 22 августа 1988 г.; считает ответ Н.П. Дудина юридически несостоятельным, противоречащим материалам дела, требует разобраться по существу вопроса.

1988, октября 12. Заявление Азадовского К.М. в Следственный отдел КГБ СССР, в дополнение к заявлению на имя председателя КГБ СССР В.М. Чебрикова от 15 августа 1988 г., с указанием лиц, которым сотрудники УКГБ по ЛО Ю.А. Безверхов и А.В. Кузнецов распространяли клеветнические сведения в отношении Азадовского; с приложением фотокопий рукописных визитных карточек, которые были оставлены сотрудниками КГБ после упомянутых в заявлении бесед.

1988, октября 14. Письмо Азадовскому К.М. из прокуратуры Куйбышевского района г. Ленинграда (№ 786–ж) за подписью и.о. прокурора района юриста 2-го класса А.П. Сысоева; сообщается, что в связи с принятием уголовного дела к производству для дополнительного расследования, надзор за которым осуществляет городская прокуратура, письмо Азадовского К.М. «о якобы незаконных действиях» Ю.М. Бадаева и телеграмма с просьбой внести протест на определение Куйбышевского райнарсуда направлены в прокуратуру Ленинграда для дальнейшего рассмотрения.

1988, ноября 2. Ответ Азадовскому К.М. из Прокуратуры РСФСР (№ 16–51781), за подписью зам. Прокурора РСФСР государственного советника И.С. Землянушкина, на жалобы в Прокуратуру СССР; сообщается, что жалобы рассмотрены; в связи с тем, что судом не были установлены все лица, присутствовавшие при обыске, суд вправе возвратить дело для дополнительного расследования, о результатах которого последует уведомление от следователя; уточняется, что за расследованием установлен контроль в Прокуратуре РСФСР.

1988, ноября 14 . Постановление СУ ГУВД о прекращении уголовного дела № 35590 по обвинению Азадовского К.М., на основании п. 2 ст. 208 УПК РСФСР («При недоказанности участия обвиняемого в совершении преступления, если исчерпаны все возможности для собирания дополнительных доказательств»), вынесенное следователем 3-го отдела СУ ГУВД капитаном милиции Крючковой О.Б.

1988, ноября 16. Извещение Азадовскому К.М. из СУ ГУВД (№ 8/8716), подписанное следователем 3-го отдела СУ ГУВД капитаном милиции Крючковой О.Б., о принятом постановлении СУ ГУВД от 14 ноября 1988 г. о прекращении дела по п. 2 ст. 208, с разъяснением прав К.М. Азадовского обращаться с требованиями о предоставлении прежней работы, возмещении утраченного заработка, о возврате конфискованного имущества и о проч.

1988, ноября 23. Ответ из прокуратуры Ленинграда (№ 16–11–1990–88), подписанный и.о. начальника отдела по надзору за следствием и дознанием в органах внутренних дел младшим советником юстиции Н.М. Шумиловой, на заявления Азадовского К.М. относительно привлечения работников МВД и прокуратуры, действия которых привели к фабрикации против него уголовного дела, к ответственности; сообщается, что сотрудники милиции, производившие задержание в 1980 г., а также работники прокуратуры, надзиравшие за расследованием дела, «в настоящее время не могут быть привлечены к ответственности, так как не работают в органах внутренних дел и в прокуратуре района».

1988, декабря 6. Справка (объяснение) начальника 7-го направления 5-й службы УКГБ ЛО майора госбезопасности А.В. Кузнецова [начальнику УКГБ СССР по ЛО генерал-майору госбезопасности В.М. Прилукову] по существу вопросов, поднятых в жалобе Азадовского К.М. в КГБ СССР. (Копия от 1 сентября 1989 г., № 5–7/10969.)

1988, декабря 7. Объяснительная записка офицера действующего резерва КГБ СССР подполковника госбезопасности И.В. Ятколенко начальнику УКГБ СССР по ЛО генерал-майору госбезопасности В.М. Прилукову относительно разработки связей Азадовского К.М., в частности осуществления «агентурно-оперативной комбинации» по задержанию Лепилиной С.И. с поличным при помощи внедренного агента; в связи с обращением Азадовского К.М. в КГБ СССР. (Копия от 1 сентября 1989 г., № 5–5/10965.)

1988, декабрь (7?) . Объяснительная записка начальника Кингисеппского ГО УКГБ ЛО подполковника госбезопасности Шлемина В.В. начальнику УКГБ СССР по ЛО генерал-майору госбезопасности В.М. Прилукову относительно участия в обыске у Азадовского К.М. 19 декабря 1980 г. и осмотра им книг на предмет антисоветского содержания, а также причин невнесения его данных в протокол обыска. (Копия от 1 сентября 1989 г.,№ 5/10968.)

1988, декабря 8. Заявление Азадовского К.М. в Следственный отдел КГБ СССР с просьбой ознакомить с заявлением Ткачевой З.И. от сентября – октября 1980 г., на которое ссылались при служебной проверке сотрудники УКГБ ЛО и которое, по их словам, послужило причиной участия сотрудников УКГБ в обыске у Азадовского, чтобы опротестовать его в законном порядке, и проч.

1988, декабря 8 . Жалоба Азадовского К.М. на имя Прокурора РСФСР С.А. Емельянова с протестом и просьбой изменить постановление СУ ГУВД от 14 ноября 1988 г. о прекращении уголовного дела в части мотивировки решения.

1988, декабря 8 . Объяснение ст. оперуполномоченного 1-го направления 5-й службы УКГБ ЛО майора госбезопасности В.И. Архипова начальнику УКГБ СССР по ЛО генерал-майору госбезопасности В.М. Прилукову относительно участия в обыске у Азадовского К.М. 18 декабря 1980 г. (Копия от 1 сентября 1989 г., № 5–7/10966.)

1988, декабря 13. Объяснительная записка офицера действующего резерва КГБ СССР подполковника госбезопасности Ю.А. Безверхова начальнику УКГБ СССР по ЛО генерал-майору госбезопасности В.М. Прилукову относительно разработки связей Азадовского К.М. в связи с заведением на него дела оперативной разработки с окраской «измена Родине в форме оказания помощи иностранному государству в проведении враждебной деятельности против СССР», в частности, об изучении круга знакомых Лепилиной С.И.; сообщается, что реализация дела Азадовского производилась в то время, пока он был в отпуске в Кисловодске; дана в связи с обращением Азадовского К.М. в КГБ СССР. (Копия от 1 сентября 1989 г., № 5–1/10967.)

1988, декабря 16. Уведомление из Прокуратуры РСФСР (№ 16–517–88) Азадовскому К.М.; сообщается, что его жалоба на имя Прокурора РСФСР от 8 декабря 1988 г. направлена для рассмотрения в Ленгорпрокуратуру, откуда ему будет сообщено о решении.

1988, декабря 20. Извещение из СУ ГУВД Леноблгорисполкомов в адрес ректора ЛВХПУ им. В.И. Мухиной, подписанное следователем 3-го отдела СУ ГУВД капитаном милиции Крючковой О.Б., о постановлении СУ ГУВД от 14 ноября 1988 г. (в связи с прекращением уголовного дела по обвинению Азадовского К.М. по п. 2 ст. 208, и сообщением, что К.М. Азадовский имеет право в течение трех месяцев обращаться с требованиями о предоставлении прежней работы, а при невозможности этого – другой равноценной работы в ЛВХПУ им. В.И. Мухиной).

1988, декабря 21. Ответ Азадовскому К.М. из Следственного отдела КГБ СССР (№ 6/5024), за подписью «сотрудника КГБ СССР» В.П. Попова; сообщается, что заявление Азадовского К.М. в СО КГБ СССР от 8 декабря 1988 г. направлено для рассмотрения в УКГБ ЛО.

1988, декабря 22. Заключение по результатам ведомственной проверки УКГБ СССР по ЛО, вследствие вскрытых представителями Инспекторского управления и Следственного

отдела КГБ СССР нарушений, фактов неправомерных действий сотрудников УКГБ СССР по ЛО в отношении Азадовского К.М. № 61/7942; утверждено начальником УКГБ по ЛО генерал-майором В.М. Прилуковым; подписано зам. начальника оперативно-технической службы УКГБ ЛО полковником В.Д. Ермаковым, зам. начальника отдела кадров УКГБ ЛО майором В.К. Кузнецовым и ст. инспектором Инспекции УКГБ ЛО полковником О.К. Шумовым.

1988, декабря 31. Заявление Азадовского К.М. в СУ ГУВД Леноблгорисполкомов с требованием о возмещении ему материального ущерба, нанесенного незаконным привлечением к уголовной ответственности.

1988, декабря 31. Заявление Азадовского К.М. на имя ректора ЛВХПУ им. В.И. Мухиной Н.Ф. Маркова с просьбой, в соответствии с указом ПВС СССР от 15 мая 1981 г., об аннулировании приказа об увольнении и о восстановлении его на работе в прежней должности зав. кафедрой иностранных языков.

1989, января 18. Ответ из ЛВХПУ им. В.И. Мухиной (№ 08–75), за подписью проректора по учебной работе Суриной В.А., на заявление К.М. Азадовского о восстановлении в должности зав. кафедрой иностранных языков; сообщается, что ЛВХПУ им. В.И. Мухиной не имеет возможности восстановить Азадовского К.М. в этой должности по причине избрания на эту должность другого специалиста; также сообщается, что ЛВХПУ им. В.И. Мухиной готово рассмотреть возможность предоставления «другой равноценной преподавательской работы».

1989, января 25. Постановление прокуратуры Ленинграда об отмене решения СУ ГУВД от 14 ноября 1988 г. о закрытии дела в отношении Азадовского К.М. по п. 2 ст. 208 УПК и отправлении дела на новое расследование в 3-й отдел СУ ГУВД.

1989, января 27. Жалоба Азадовского К.М. Прокурору РСФСР; сообщает, что до сих пор не получил ответа на поданную на имя Прокурора РСФСР С.А. Емельянова жалобу от 8 декабря 1988 г., в отношении которой получил 16 декабря 1988 г. уведомление о направлении ее в Ленгорпрокуратуру; просит Прокуратуру РСФСР самостоятельно исследовать доводы и доказательства, изложенные в жалобе от 8 декабря 1988 г., и отменить постановление СУ ГУВД от 14 ноября о прекращении уголовного дела в части, касающейся основания прекращения.

1989, января 30 . Обращение Азадовского К.М. к начальнику ГУВД Леноблгорисполкомов А.А. Куркову с просьбой оградить новое расследование его уголовного дела от вмешательства сотрудников милиции и КГБ, список которых указан в обращении; требует ответа лично от А.А. Куркова с его личной подписью.

1989, января 31. Письмо из ЛВХПУ им. В.И. Мухиной (№ 08-125), за подписью ректора Н.Ф. Маркова, в ответ на заявление Азадовского К.М. о восстановлении в должности; сообщается, что ЛВХПУ им. В.И. Мухиной «считает возможным согласиться с приемом на работу в должности доцента кафедры иностранных языков».

1989, февраля 1. Ответ Бродской Н.А. и Хаджиновой Т.А. из прокуратуры Ленинграда (№ 16–11–1990–88), за подписью прокурора Ленинграда старшего советника юстиции Д.М. Веревкина, на заявление, адресованное Генеральному прокурору СССР; сообщается, что дело в настоящее время принято к производству, вопрос о принятии мер к виновным в нарушениях норм закона будет решаться по окончании расследования по делу.

1989, февраля 2. Приказ начальника УКГБ по ЛО генерала-майора В.М. Прилукова № 023 «О разработке дополнительного служебного расследования по фактам неправомерных действий сотрудников Управления в отношении Азадовского К.М.», в т. ч. с дисциплинарными мерами по отношению к виновным сотрудникам УКГБ.

1989, февраля 2. Сообщение Азадовскому К.М. из СУ ГУВД Леноблгорисполкомов (№ 8/А–1), за подписью начальника СУ ГУВД полковника милиции А.В. Петрова, о невозможности возмещения материального ущерба, причиненного необоснованным арестом и осуждением, в связи с направлении дела для дополнительного расследования, а также о рассмотрении заявления по окончании этого расследования.

1989, февраля 13. Постановление начальника 3-го отдела СУ ГУВД Леноблгорисполкомов подполковника милиции А.Г. Крамарева по ходатайствам, заявленным К.М. Азадовским на допросе 10 февраля 1989 г.: первое – об установлении и допросе в качестве свидетеля сотрудника, участвовавшего в обыске 19 декабря 1980 г.; второе – об отмене обвинительного приговора в отношении его жены и объединении уголовных дел в одном производстве; постановлено ходатайства отклонить.

1989, февраля 13 . Постановление начальника 3-го отдела СУ ГУВД Леноблгорисполкомов подполковника милиции А.Г. Крамарева о прекращении уголовного дела в отношении Азадовского К.М., направленного на дополнительное расследование, на прежнем основании – п. 2 ст. 208 УПК («при недоказанности участия в совершении преступления, если исчерпаны все возможности для собирания дополнительных доказательств»).

1989, февраля 13 . Определение судьи Дзержинского райнарсуда г. Ленинграда Сапоткиной Т.И. об оставлении без движения иска Азадовского К.М. о защите чести и достоинства и о необходимости до 21 марта 1989 г. предоставить в суд необходимые сведения об ответчиках, в противном случае заявление будет считаться неподанным.

1989, февраля 14. Письмо Азадовской С.И. из СУ ГУВД № 8/1179, за подписью начальника 3-го отдела СУ ГУВД подполковника милиции А.Г. Крамарева, с сообщением о неподтверждении факта принадлежности ей изъятых при обыске у Азадовского К.М. наркотических веществ и о вынесении постановления о непривлечении ее по этому факту к уголовной ответственности.

1989, февраля 14. Письмо Азадовскому К.М. из СУ ГУВД Леноблгорисполкомов (№ 8–1180), за подписью начальника 3-го отдела СУ ГУВД Леноблисполкомов подполковника милиции А.Г. Крамарева, с сообщением о принятии постановления от 12 февраля об отклонении заявленных 10 февраля ходатайств, с приложением копии, а также по другим вопросам дела.

1989, февраля 14. Решение прокуратуры Ленинграда об изменении постановления СУ ГУВД от 13 февраля о прекращении уголовного дела в отношении Азадовского и прекращении дела не по ч. 2 ст. 208 УПК, а по ч. 2 ст. 5 УПК («за отсутствием в деянии состава преступления»).

1989, февраля 14. Постановление Прокуратуры об отказе в возбуждении уголовного дела в отношении работников УУР ГУВД и УКГБ по ЛО, проводивших 19.12.1980 г. обыск у К.М. Азадовского, за отсутствием в их действиях состава преступления. Подписано начальником отдела по надзору за следствием и дознанием в органах внутренних дел юристом 2-го класса А.П. Сысоевым.

1989, февраля 14. Письмо начальника 3-го отдела СУ ГУВД подполковника милиции А.Г. Крамарева в ЛВХПУ им. В.И. Мухиной (№ 8/А-1) о прекращении уголовного дела в отношении Азадовского К.М. и о его законных правах на восстановление в прежней должности.

1989, февраля 14. Письмо Азадовскому К.М. из ГУВД Леноблгорисполкомов (№ 8/А–1), подписанное зам. начальника Следственного управления ГУВД полковником милиции А.Ф. Анисимовым, в ответ на заявление о возмещении материального ущерба, причиненного необоснованным арестом и осуждением; направляются копии постановления о возмещении материального ущерба.

1989, февраля 14. Постановление СУ ГУВД Леноблгорисполкомов о возмещении материального ущерба, причиненного гр. Азадовскому К.М. действиями органов предварительного следствия и суда, в сумме 6795 руб. 89 коп., вынесенное следователем 1-го отдела СУ ГУВД майором милиции А.М. Рогачевым с письменного согласия и.о. начальника 1-го отдела СУ ГУВД подполковника милиции С.А. Дмитриева и утвержденное начальником СУ ГУВД полковником милиции А.В. Петровым.

1989, февраля 20. Ответ Азадовскому К.М. из прокуратуры Ленинграда (№ 16–11–2363–88), подписанный зам. прокурора города Е.В. Шарыгиным, с извещением о решении

прокуратуры Ленинграда от 14 февраля 1989 г.

1989, марта 3. Письмо академика Д.С. Лихачева главному редактору «Литературной газеты» Ю.П. Воронову с убедительной просьбой о скорейшей публикации статьи Ю.П. Щекочихина «Ленинградское дело образца восьмидесятых», задержанной выпуском.

1989, марта 6. Ответ Азадовскому К.М. из Управления кадров ГУВД Леноблгорисполкомов, подписанный начальником инспекции по личному составу УК ГУВД В.П. Копенкиным, на письмо Азадовского К.М. от 30 января 1989 г. на имя А.А. Куркова; сообщается, что Ленгорпрокуратура прекратила производство по делу по ч. 2 ст. 5 УПК («за отсутствием в деянии состава преступления»); также сообщается о дисциплинарных мерах к оперуполномоченному УУР М.А. Баду и проч.

1989, марта 10. Телеграмма Азадовского К.М. на имя председателя КГБ СССР В.А. Крючкова с просьбой ускорить ответы по поданным им в КГБ СССР в 1988 г. жалобам от 15 августа, 12 октября и 8 декабря; также высказана просьба не пересылать эти жалобы в УКГБ ЛО по причине их объективного расследования в Ленинграде.

1989, марта 16. Ответ Азадовскому К.М. из прокуратуры Ленинграда, за подписью начальника отдела по надзору за следствием и дознанием в органах внутренних дел А.П. Сысоева, на жалобу Азадовского К.М. о неполучении им ответа на заявление от 8 декабря 1988 г.

1989, марта 27 . Письмо Азадовскому К.М. от замначальника УКГБ СССР по ЛО В.Н. Блеера, неофициальное (без номера, без бланка или углового штампа, без печати), в ответ на поданные Азадовским К.М. в КГБ СССР жалобы (от 15 августа, 12 октября, 8 декабря 1988 г.), с признанием факта неправомерного участия сотрудников УКГБ в обыске, а также нарушения ст. 140 УПК («Протокол следственного действия»).

1989, марта 30. Заявление Азадовского К.М. ректору ЛВХПУ им. В.И. Мухиной Маркову Н.Ф. с просьбой о восстановлении на работе в прежней должности заведующего кафедрой.

1989, апреля 5 . Ответ Азадовскому К.М. из ЛВХПУ им. В.И. Мухиной (№ 08–328), за подписью врио ректора В.А. Суриной, о невозможности рассмотрения вопроса о восстановлении на равноценной работе в связи с истечением срока.

1989, апреля 15. Письмо Азадовского К.М. на имя прокурора РСФСР С.А. Емельянова относительно фабрикации уголовных дел К.М. Азадовского и С.И. Лепилиной, прекращения дела Азадовского К.М. согласно п. 2 ст. 208 УПК, с требованием привлечь к ответственности виновных в фабрикации его уголовного дела, а также относительно отмены приговора по делу Лепилиной С.И.

1989, апреля 21. Выписка из протокола заседания комиссии по трудовым спорам при ЛВХПУ им. В.И. Мухиной относительно вопроса о восстановлении Азадовского К.М. в прежней должности.

1989, апреля 22. Письмо К.М. Азадовского к начальнику 3-го отдела СУ ГУВД А.Г. Крамареву с просьбой сообщить данные о том, когда были отправлены в ЛВХПУ им. В.И. Мухиной копии судебного решения относительно восстановления его в прежней должности.

1989, апреля 27. Заявление Азадовского К.М. в профком ЛВХПУ им. В.И. Мухиной с просьбой рассмотреть вопрос о восстановлении его на работе в ЛВХПУ.

1989, апреля 28 . Письмо Азадовскому К.М. из Следственного управления ГУВД Леноблгорисполкомов (№ 8/А–9), за подписью начальника 3-го отдела СУ ГУВД А.Г. Крамарева, в ответ на письмо Азадовского К.М. от 22 апреля; сообщается, что им направлены уведомления в ЛВХПУ им. В.И. Мухиной о судебном решении относительно восстановления Азадовского в прежней должности.

1989, апреля 29 . Письмо Азадовского К.М. декану юридического факультета ЛГУ, секретарю парткома ЛГУ (копия – редактору газеты «Ленинградский университет»), относительно Каменко Е.Э., студента 6 курса заочного отделения юридического факультета ЛГУ, в прошлом – следователя Куйбышевского РУВД г. Ленинграда, проводившего следствие «с вопиющими отступлениями от принципов социалистической законности»;

просит принять меры. (Копия, отправленная в редакцию газеты, датирована 28 апреля.)

1989, мая 5. Письмо Азадовского К.М. декану юридического факультета ЛГУ (копия – в партком ЛГУ и редакцию газеты «Ленинградский университет»), дополненный вариант письма от 29 апреля, с указанием о беседе с деканом заочного отделения юрфака В.С. Прохоровым и факте сокрытия Е.Э. Каменко перед ЛГУ причин увольнения из органов МВД.

1989, мая 5. Жалоба Азадовского К.М. председателю КГБ СССР В.А. Крючкову по фактам нарушения законности, допущенным сотрудниками УКГБ ЛО в связи с уголовным делом; просит разобраться в сути и наказать виновных сотрудников КГБ СССР.

1989, мая 5. Определение народного судьи Дзержинского райнарсуда г. Ленинграда Т.И. Сапоткиной об отказе в приеме искового заявления Азадовского к ЛВХПУ им. В.И. Мухиной о защите чести и достоинства «в связи с тем, что указанный спор неподсуден данному суду».

1989, мая 10. Выписка из протокола № 44 заседания профсоюзного комитета ЛВХПУ им. В.И. Мухиной относительно рассмотрения вопроса о восстановлении Азадовского К.М. в должности зав. кафедрой иностранных языков; постановлено отказать в связи с отсутствием вакансии зав. кафедрой, предложить администрации принять Азадовского К.М. на работу в должности доцента кафедры.

1989, мая 17. Исковое заявление Азадовского К.М. в Дзержинский райнарсуд г. Ленинграда к ЛВХПУ им. В.И. Мухиной о восстановлении в должности заведующего кафедрой иностранных языков в связи с незаконным арестом и осуждением, в соответствии с Указом ПВС СССР от 15 мая 1981 г. «О возмещении ущерба, причиненного гражданину незаконными действиями государственных и общественных организаций, а также должностных лиц…».

1989, июня 2. Ответ Азадовскому К.М. из КГБ СССР, подписан «начальником управления» С.В. Толкуновым (исх. 21/А–46), в ответ на жалобу от 5 мая 1989 г., подтверждающий выводы, сообщенные в письме из УКГБ ЛО 27 марта 1989 г.; сообщается, что кроме уже наложенных взысканий не найдено оснований для иных мер в отношении сотрудников УКГБ ЛО.

1989, июня 9. Ответ Азадовскому К.М. из Управления юстиции Ленгорисполкома (№ 1449–Ж), за подписью и.о. начальника управления В. Семенова, на жалобу Азадовского К.М. в Министерство юстиции СССР на действия народного судьи Дзержинского райнарсуда Т.И. Сапоткиной, отказавшейся рассматривать иск к ЛВХПУ о защите чести и достоинства; сообщается, что судье указано на необходимость соблюдения процессуальных сроков.

1989, июня 30. Ответ из прокуратуры Ленинграда за подписью прокурора города старшего советника юстиции Д.М. Веревкина (№ 16–11–2363–88) на заявление Азадовского К.М. прокурору РСФСР С.А. Емельянову от 15 апреля 1989 г.; сообщается, что дело повторно проверено, законность осуждения Лепилиной С.И. установлена верно, оснований для опротестования приговора не имеется; относительно дела Азадовского К.М. указано, что действия должностных лиц в 1980–1981 гг. в отношении его «не носили заведомо умышленного преступного характера» и законных оснований для уголовного преследования этих лиц не имеется.

1989, июля 13. Приказ ректора ЛВХПУ им. В.И. Мухиной Н.Ф. Маркова (№ 141) о восстановлении Азадовского К.М. в должности зав. кафедрой иностранных языков ЛВХПУ с 14 февраля 1989 г.; об отмене приказа о его увольнении от 21 мая 1981 г. и проч.

1989, июля 21. Письмо Азадовского К.М. в идеологический отдел Ленинградского обкома КПСС относительно неявки сотрудника обкома В.Я. Бобова в судебное заседание по повесткам.

1989, июля 21. Сопроводительное письмо Азадовского К.М. в Ленгорсуд с препровождением копии его письма в идеологический отдел Ленинградского обкома КПСС относительно неявки В.Я. Бобова в судебное заседание по повесткам.

1989, июля 31. Сопроводительное письмо из идеологического отдела Ленинградского обкома КПСС в Ленгорсуд с препровождением жалобы Азадовского от 21 июля 1989 г.

1989, июля 31. Письмо Азадовского К.М. в Ленинградский обком КПСС с требованием принять меры к инструктору обкома В.Я. Бобову, который игнорирует повестки из суда и не является на судебные заседания; просит обеспечить его явку в заседании 10 сентября.

1989, августа 14. Письмо Азадовского К.М. прокурору РСФСР С.А. Емельянову с требованием восстановления справедливости, нарушенной ленинградскими органами в 1980–1981 гг.; вторично просит рассмотреть свое заявление в прокуратуру РСФСР от 15 апреля 1989 г.

1989, августа 21 . Письмо Азадовского К.М. в редакцию газеты «Ленинградский университет» с выражением благодарности за внимание, проявленное к его письму от 5 мая 1989 г.; направляет новое письмо (в два адреса – партком ЛГУ и редакцию газеты), а также копию статьи Ю. Щекочихина «Дело образца восьмидесятых».

1989, августа 21. Письмо Азадовского К.М. секретарю парткома ЛГУ (копия – в редакцию газеты «Ленинградский университет»), вторичное, относительно Каменко Е.Э., получившего диплом юриста.

1989, сентября 25. Решение Дзержинского райнарсуда г. Ленинграда (судья Сапоткина Т.И.) по гражданскому иску Азадовского К.М. к ЛВХПУ им. В.И. Мухиной в лице Шистко В.И., Бобова В.Я., Бабушкиной Л.Н. (дело № 2-1145, 1989 г.) о защите чести и достоинства; решено исковые требования удовлетворить.

1989, октябрь. Письмо начальника УКГБ по ЛО А.А. Куркова к В.Н. Арро, пригласившему его участвовать 17 октября 1989 г. в вечере в ленинградском Доме писателя, посвященном уголовному делу писателя Константина Азадовского.

1989, ноября 2. Ответ Азадовскому К.М. из Прокуратуры РСФСР (№ 16/3–517–88), за подписью зам. начальника отдела по надзору за следствием и дознанием в органах МВД старшего советника юстиции В.И. Мишина на жалобу относительно дела С.И. Лепилиной; сообщается, что суд обоснованно вынес приговор о ее виновности, оснований для опротестования приговора не имеется.

1989, ноября 28. Определение судебной коллегии по гражданским делам Ленгорсуда (судья Белюсова Г.Н.) по кассационной жалобе В.И. Шистко на решение Дзержинского райнарсуда от 25 сентября 1989 г. по иску Азадовского К.М. о защите чести и достоинства; определено решение суда оставить без изменений, кассационную жалобу – без удовлетворения.

1990, февраля 20. Характеристика на К.М. Азадовского, работавшего в ЛВХПУ им. В.И. Мухиной с октября 1975 г. по декабрь 1980 г., подписанная ректором ЛВХПУ Н.Ф. Марковым, секретарем партбюро В.А. Козыревым, председателем профкома С.В. Куприяновым; в целом положительная.

1990, апреля 26. Заявление Азадовского К.М. в Ленгорсовет, поданное незадолго до обсуждения и утверждения сессией Ленсовета нового состава райсудов, относительно судьи Выборгского райсуда А.С. Луковникова, вынесшего в 1981 г. обвинительный приговор по делу Азадовского.

1990, апреля 27. Ответ народному депутату СССР Ю.П. Щекочихину из Прокуратуры Союза ССР (№ 12–6387–81), подписанный зам. Генерального прокурора СССР государственным советником юстиции 1-го класса Я.Э. Дзенитисом, на депутатский информативный запрос относительно незаконного осуждения Лепилиной С.И.; сообщается, что в результате проведенной проверки установлено, что виновность Лепилиной С.И. доказана и осуждена она законно, доводы о существенных нарушениях процессуальных норм подтверждения не нашли, оснований для опротестования судебных решений по делу Лепилиной С.И. не имеется.

1990, октября 19. Заявление Азадовского К.М. в Прокуратуру РСФСР с требованием возбуждения уголовного дела в отношении В.И. Шистко и В.Я. Бобова по ст. 130 УК (клевета) в связи с подписанием ими клеветнической характеристики, отразившейся на

приговоре суда в 1981 г.; обращение в Прокуратуру РСФСР объясняет отсутствием реакции прокуратуры Ленинграда на его заявления.

1990, ноября 20. Сопроводительное письмо из прокуратуры Ленинграда (№ 15–1761/87), подписанное зам. начальника следственного управления старшим советником юстиции А.Ф. Готовским, прокурору Дзержинского района Ленинграда младшему советнику юстиции Б.Д. Ларионову; направляется для проверки и решения вопроса о возбуждении уголовного дела по заявлению Азадовского К.М. от 19 октября 1990 г.

1990, декабря 17. Ответ Азадовскому К.М. из прокуратуры Дзержинского района г. Ленинграда (№ 340ж–90), подписанный старшим следователем Н.А. Литвиновой; сообщается, что в возбуждении уголовного дела по заявлению Азадовского К.М. с привлечением к уголовной ответственности В.И. Шистко и В.Я. Бобова отказано за отсутствием состава преступления в их действиях.

1990, декабря 27. Ответ из УКГБ СССР по ЛО, за подписью А.А. Куркова (№ 5–7/6308), депутату Ленсовета Н.А. Уховой на запрос относительно проверки обращений Азадовского К.М. о привлечении к ответственности работников КГБ, участвовавших в деле Азадовского К.М. и Лепилиной С.И.

1991, февраля 6. Ответ редактору молодежной редакции Комитета по телевидению и радиовещанию Ленинграда Н.А. Уховой из Прокуратуры РСФСР (№ 16–517–88) на письмо, адресованное в ЦК КПСС; сообщается, что оснований для возбуждения уголовного дела в отношении работников милиции, расследовавших дела Азадовских, не имеется; доводы о том, что наркотики им были подброшены сотрудниками милиции или КГБ, проверялись, но объективного подтверждения не нашли.

1991, сентября 3. Заявление Азадовского К.М. председателю комитета Верховного Совета РСФСР по безопасности С.В. Степашину с просьбой исследовать обстоятельства уголовного дела в отношении Азадовского К.М. и его жены, установить его причины и наказать виновных. (Копия направлена на имя Председателя КГБ СССР В.В. Бакатина.)

1991, октября 21 . Ответ Азадовскому К.М. из КГБ СССР (№ 21/145–А), подписанный первым заместителем председателя Комитета А.А. Олейниковым, на жалобу в КГБ СССР от 3 сентября 1991; сообщается, «что данных о воздействии КГБ СССР и УКГБ по ЛО на правоохранительные органы при возбуждении, расследовании и пересмотре уголовных дел на вас и вашу жену Лепилину С.И. в результате проведенных проверок и служебных расследований не получено».

1991, ноября 25. Ответ Азадовскому К.М. из прокуратуры С. – Петербурга (на бланке прокуратуры Ленинграда; № 16–1952/83), за подписью прокурора С. – Петербурга Д.М. Веревкина, в ответ на жалобу от 5 сентября 1991 г., поступившую из Прокуратуры РСФСР; сообщается, что оснований для привлечения к уголовной ответственности лиц, производивших обыск 19 декабря 1980 г. не имеется, что законность осуждения Лепилиной С.И. неоднократно проверялась, и проч.

1992, февраля 27. Ответ Азадовскому К.М. из Прокуратуры РСФСР за подписью зам. начальника управления по надзору за рассмотрением уголовных дел в судах Г.И. Бризицкой (№ 12–12834–81) на жалобу в Верховный Совет РСФСР (от 3 сентября 1991 г.); сообщается, что прекращение дела по реабилитирующим основаниям признано правильным, но работники правоохранительных органов не могут быть привлечены к ответственности за сроком давности; предположение о том, что наркотические вещества были подброшены, не нашли объективного подтверждения; доводы о невиновности Лепилиной С.И. несостоятельны, ее осуждение признано обоснованным; в опротестовании судебных решений отказывается.

1992, июля 16. Постановление Президиума Верховного Суда Российской Федерации (выписка № 98пс-92пр, за подписью Председателя Верховного Суда В.М. Лебедева) об отмене приговора Рязанского областного суда от 14 октября 1981 г. в отношении Редина А.С., осужденного по ст. ст. 209 ч. 1, 190-1, 227 ч. 1 УК РСФСР, о прекращении дела за отсутствием в его действиях состава преступления и о полной реабилитации Редина А.С. по

настоящему делу.

1992, сентября 10. Заявление Азадовского К.М. в Комиссию по реабилитации жертв политических репрессий Верховного Совета РСФСР относительно политической сути уголовных дел его и С.И. Лепилиной; просит изучить материалы дела и присланные им материалы на 54 листах и признать его жертвой политических репрессий, а также ходатайствовать перед Прокуратурой РФ о реабилитации жены.

1992, декабря 31. Ответ Азадовскому К.М. из Генеральной прокуратуры РФ (№ 16–517–88), подписанный зам. Генерального прокурора РФ Е.К. Лисовым, на заявление, поступившее в Генпрокуратуру из Комиссии по реабилитации жертв политических репрессий ВС РСФСР; сообщается, что доводы Азадовского К.М. о фабрикации уголовных дел Азадовского К.М. и Лепилиной С.И. органами госбезопасности не нашли объективного подтверждения; установление оснований для этапирования Азадовского К.М. в Магаданскую область уже невозможно по причине уничтожения личного дела осужденного за истечением срока хранения.

1993, апреля 26. Ответ зам. начальника УМБ РФ по С. – Петербургу и области В.Л. Шульца (№ 61/2617) на запрос председателя Комиссии Верховного Совета РФ по реабилитации жертв политических репрессий А.Т. Копылова (№ 7.20-418 от 12 апреля 1993 г.) с сообщением архивных сведений на К.М. Азадовского.

1993, мая 24. Решение Комиссии Верховного Совета РФ по реабилитации жертв политических репрессий (председатель А.Т. Копылов); признано, что Азадовский К.М. был репрессирован по политическим мотивам.

1993, мая 31 . Ответ начальника СУ МБ России С.Д. Балашова (№ 6/2099) на запрос председателя Комиссии Верховного Совета РФ по реабилитации жертв политических репрессий А.Т. Копылова (№ 7.20-336 от 7 апреля 1993 г.) с сообщением о проверке заявления Азадовского К.М. в КГБ СССР в 1988 г.

1993, июня 17. Ответ Азадовскому К.М. из Комиссии Верховного Совета РСФСР по реабилитации жертв политических репрессий (№ 7.20–920), за подписью председателя Комиссии народного депутата РФ А.Т. Копылова; сообщается о решении Комиссии от 24 мая 1994 г. о признании Азадовского К.М. репрессированным по политическим мотивам; также сообщается о том, что Комиссией направлено письмо Генеральному прокурору РФ Степанкову В.Г. с просьбой провести дополнительную проверку по делу Азадовской С.И. и рассмотреть вопрос о ее реабилитации.

1993, июня 17. Справка Азадовскому К.М. из Комиссии Верховного Совета РСФСР по реабилитации жертв политических репрессий (на бланке, без №), за подписью председателя Комиссии народного депутата РФ А.Т. Копылова; сообщается о решении Комиссии от 24 мая 1994 г. о признании Азадовского К.М. репрессированным по политическим мотивам.

1993, августа 10 . Постановление прокуратуры С. – Петербурга (исх. 13-106), подписанное начальником отдела по надзору за исполнением законов о федеральной безопасности прокуратуры С. – Петербурга юристом 1-го класса Винниченко Н.А., о возобновлении производства по уголовному делу в отношении С.И. Лепилиной по вновь открывшимся обстоятельствам, с поручением производства по делу прокурору Московского района г. С. – Петербурга.

1993, октября 28. Решение прокуратуры С. – Петербурга (исх. 13-107) о производстве расследования уголовного дела Лепилиной С.И. по вновь открывшимся обстоятельствам.

1993, ноября 26. Протокол допроса И.В. Ятколенко, в качестве свидетеля, проведенного прокурором Московского района С. – Петербурга юристом 1-го класса А.М. Бородиным, с пояснениями относительно оперативных мероприятий УКГБ по ЛО в отношении Лепилиной С.И.

1993, декабря 1. Ходатайство прокурора Московского района С. – Петербурга юриста 1-го класса А.М. Бородина (исх. 10196) на имя зам. прокурора С. – Петербурга старшего советника юстиции Шарыгина Е.В. о продлении срока производства расследования по вновь открывшимся обстоятельствам уголовного дела в отношении Лепилиной С.И. в связи с

неявкой для допросов сотрудников УМБ; просит оказать содействие в их вызове в прокуратуру для дачи показаний.

1993, декабря 15. Протокол допроса Ю.А. Николаева в качестве свидетеля, проведенного прокурором Московского района С. – Петербурга юристом 1-го класса А.М. Бородиным, с пояснениями относительно оперативных мероприятий УКГБ по ЛО в отношении Лепилиной С.И.

1993, декабря 15. Протокол допроса В.П. Алейникова в качестве свидетеля, проведенного прокурором Московского района С. – Петербурга юристом 1-го класса А.М. Бородиным, с пояснениями относительно оперативных мероприятий УКГБ по ЛО в отношении Лепилиной С.И.

1993, декабря 29. Справка зам. прокурора Московского района С. – Петербурга А.И. Козлова, направленная прокурору Московского района юристу 1-го класса А.М. Бородину; сообщается о причинах неявки по повесткам бывшего сотрудника КГБ А.М. Федоровича на допрос в прокуратуру.

1993, декабря 31. Постановление прокурора Московского района С. – Петербурга А.М. Бородина о прекращении производства уголовного дела в отношении С.И. Лепилиной на основании ч. 2 стр. 387 УПК РСФСР по вновь открывшимся обстоятельствам за отсутствием оснований к возобновлению дела.

1993, декабрь. Обращение Азадовского К.М. к председателю Комиссии по реабилитации жертв политических репрессий Верховного Совета РФ А.Т. Копылову с просьбой затребовать в МБ РФ результаты проверки 1988 г. по жалобе Азадовского К.М. и ознакомить с ними.

1994, марта 4. Объяснение Лепилиной С.И. на имя прокурора С. – Петербурга В.И. Еременко относительно причин изменения ею показаний, данных на предварительном следствии, на признательные, данные в судебном заседании 1981 г. и подтвержденные в кассационной жалобе на приговор суда.

1994, апреля 5. Постановление старшего прокурора Управления по надзору за следствием и дознанием Генеральной прокуратуры РФ старшего советника юстиции Дедова Н.Н., утвержденное 18 апреля 1994 г. старшим помощником Генерального прокурора РФ государственным советником юстиции 3-го класса В.А. Титовым, относительно материалов уголовного дела № 1–157/81 по обвинению С.И. Лепилиной по ч. 3 ст. 224 УК; установлено, что обвинительный приговор и кассационное определение подлежат отмене, а уголовное дело – прекращению; постановлено отменить постановление прокурора Московского района С. – Петербурга А.М. Бородина от 31 декабря 1993 г., дело передать в Управление по надзору за законностью судебных постановлений по уголовным делам Генеральной прокуратуры РФ для составления заключения и направления в суд.

1994, июня 1. Постановление президиума С. – Петербургского городского суда (председатель – Власов Н.Г.) о рассмотрении дела по обвинении Лепилиной С.И. в преступлении по п. 3 ст. 224 УК; постановлено: приговор Куйбышевского райнарсуда от 19 февраля 1981 г. и определение судебной коллегии по уголовным делам Ленгорсуда от 6 марта 1981 г. отменить в соответствии с п. 2 ст. 5 УПК, производство по делу прекратить за отсутствием в ее действиях состава преступления. (В мотивировочной части указано, что мера лишения свободы была применена по политическим мотивам.)

1994, августа 26 . Заявление Азадовского К.М. в Комитет по правам человека при Президенте РФ с просьбой ходатайствовать перед Генеральной прокуратурой РФ о возбуждении уголовного дела против виновных сотрудников КГБ, МВД, прокуратуры Ленинграда, организовавших его уголовное преследование.

1994, октября 9 . Телеграмма С.И. Азадовской и К.М. Азадовского в Прокуратуру РФ на имя А.Н. Ильюшенко; просят незамедлительно принять меры в связи с выходом статьи Ю. Щекочихина «Ряженые» (28 сентября).

1994, октября 19 . Жалоба К.М. Азадовского на имя и.о. Генерального прокурора РФ А.Н. Ильюшенко и начальника ФСК РФ С.В. Степашина, в которой он просит расследовать

провокацию в аэропорту Франкфурта 16 октября 1994 г., а также просит ответить, на каком основании прослушивается его телефон в С. – Петербурге.

1994, октября 31. Обращение общества «Мемориал» (№ 76) за подписями сопредседателей В.В. Иофе и С.Д. Хахаева в прокуратуру С. – Петербурга с просьбой возбудить уголовные дела в отношении бывших сотрудников КГБ СССР, виновных в привлечении заведомо невиновного лица к уголовной ответственности (ч. 2 ст. 176 УК), упомянутых в статье Н. Катерли «Расправа» (27 октября).

1994, ноября 12. Заявление Азадовского К.М. в Министерство иностранных дел ФРГ (Бонн) относительно провокации в аэропорту Франкфурта 16 октября 1994 г. (На немецком языке, отправлено из Мюнхена.)

1994, ноября 15. Ответ Азадовскому К.М. (Amalienstrasse 38, München) из Министерства иностранных дел ФРГ, за подписью Эрнста Рейхеля, о получении заявления от 12 ноября 1994 г. (На немецком языке.)

1994, ноября 22 . Заявление Льва Копелева в Министерство иностранных дел ФРГ (Бонн) относительно характеристики личности К.М. Азадовского и провокации в аэропорту Франкфурта 16 октября 1994 г. (На немецком языке, послано из Кельна.)

1994, ноября 30. Ответ Азадовскому К.М. начальника подразделения ФСК РФ Г.К. Крайнова (№ А-91, не на бланке) на жалобу от 19 октября на имя директора ФСК о преследованиях и провокациях; сообщается, что жалоба рассмотрена и подтверждения не нашла.

1994, ноябрь. Пространное интервью Азадовского К.М. А.Г. Алтуняну. Машинопись с редакционной правкой. В печати не появилось.

1994, декабря 8 . Обращение общества «Мемориал» (№ 177) за подписью сопредседателя В.В. Иофе в прокуратуру С. – Петербурга на имя прокурора города В.И. Еременко с просьбой о проверке по существу фактов противоправных действий в отношении Азадовского К.М. и Азадовской С.И., изложенных в статье Н. Катерли «Расправа» (27 октября), и о привлечении виновных сотрудников КГБ СССР к уголовной ответственности.

1994, декабря 23. Ответ прокуратуры С. – Петербурга (№ 13–3–94), за подписью начальника отдела по надзору за исполнением законов о федеральной безопасности Н.А. Винниченко, сопредседателю общества «Мемориал» В.В. Иофе в ответ на обращение от 8 декабря 1994 г.; сообщается, что обращение направлено для рассмотрения по существу в прокуратуру ЛВО, осуществляющую надзор за законностью действий военнослужащих.

1995, апреля 19. Ответ военной прокуратуры ЛВО (№ 28/2596), за подписью врио военного прокурора ЛВО полковника юстиции А.Г. Жмурко, сопредседателям общества «Мемориал» В.В. Иофе и С.Д. Хахаеву; сообщается, что обращение в прокуратуру о привлечении сотрудников КГБ СССР, причастных к незаконному осуждению Азадовского К.М. в 1981 г., к уголовной ответственности направлено прокурору С. – Петербурга.

1995, июня 20. Постановление прокуратуры С. – Петербурга об отказе в возбуждении уголовного дела в отношении бывших сотрудников КГБ СССР на основании п. 2 ст. 5 УПК – «за отсутствием состава преступления».

1995, июня 20. Ответ из прокуратуры С. – Петербурга (№ 13–10–88), за подписью начальника отдела по надзору за исполнением законов о федеральной безопасности младшего советника юстиции Н.А. Винниченко, сопредседателям общества «Мемориал» В.В. Иофе и С.Д. Хадаеву; сообщается, что обращение в прокуратуру о привлечении сотрудников КГБ СССР, причастных к незаконному осуждению Азадовского К.М. в 1981 г., рассмотрено прокуратурой города, в возбуждении уголовного дела отказано за отсутствием состава преступления.

1995, июль. Обращение общества «Мемориал» за подписями сопредседателей В.В. Иофе и С.Д. Хахаева к прокурору С. – Петербурга Еременко В.И. в ответ на полученный ответ из прокуратуры от 20 июня 1995 г.; просят уточнить, на каком основании вынесено постановление об отказе в возбуждении уголовного дела – неподтверждение указанных фактов или же то обстоятельство, «что, по мнению петербургской прокуратуры,

фальсификация уголовного дела в принципе не образует состава преступления».

1995, августа 4. Заявление Азадовского К.М. на имя мэра С. – Петербурга А.А. Собчака, в котором, в связи с проводимой проверкой заявления Азадовского Управлением административных органов мэрии города, он описывает сложившуюся с 1980 г. ситуацию, характеризуя ее как «правовой беспредел», просит принять меры к защите своих законных прав. (Копия заявления, с приложением на 87 листах, направлена на имя начальника Управления административных органов мэрии.)

1996, апреля 4. Ответ Азадовскому К.М. из Управления административных органов мэрии С. – Петербурга (№ 193/17.2–40372), за подписью зам. начальника управления Г.Г. Бернацкого; сообщается, что обращение Азадовского К.М. в мэрию С. – Петербурга получено, изложенная информация изучена, «по ней проводится необходимая работа».

1996, июня 4. Ответ Азадовскому К.М. из Управления административных органов мэрии С. – Петербурга (№ 193/17.2–40372), за подписью начальника управления В.П. Иванова; сообщается, что в действиях сотрудника УКГБ по ЛО А.В. Кузнецова в связи с уголовными делами Азадовского К.М. и Лепилиной С.И. не усматривается признаков состава преступления.

1997, января 13. Определение народного судьи Куйбышевского района С. – Петербурга Троицкой Н.В. об отказе в приеме заявления Азадовской С.И. об установлении факта репрессий по политическим мотивам; рекомендует обратиться для решения этого вопроса с заявлением в Комиссию по реабилитации жертв политических репрессий.

1997, мая 7. Ответ судьи С. – Петербургского городского суда Н.С. Волженкиной на заявление Азадовской С.И. с просьбой выдать справку о реабилитаци; отрицает факт каких-либо притеснений или лишения свободы Азадовской С.И. по политическим мотивам.

1997, мая 24. Протест, поданный Азадовской С.И. на имя председателя С. – Петербургского городского суда в связи с ответом судьи Н.С. Волженкиной от 7 мая 1994 г.

1998, июня 1. Постановление Президиума С. – Петербургского городского суда об отмене приговора Куйбышевского райнарсуда г. Ленинграда от 19 февраля 1981 г. и определения судебной коллегии по уголовным делам Ленгорсуда в отношении Лепилиной С.И. и о прекращении производства уголовного дела по ст. 5 п. 2 УПК РФ за отсутствием состава преступления.

1998, июня 20. Жалоба Азадовского К.М. Председателю Верховного Суда РФ В.М. Лебедеву на действия судьи Н.С. Волженкиной, зам. председателя С. – Петербургского городского суда; просит рассмотреть в Верховном Суде РФ вопрос о признании Азадовской (Лепилиной) С.И. жертвой репрессий по политическим мотивам.

1998, июля 8. Сопроводительное письмо из Верховного Суда РФ (№ 78ф98–306), подписанное судьей Верховного Суда РФ Ю.Г. Кеба, председателю С. – Петербургского городского суда В.И. Полуднякову; направляется поступившая в адрес Верховного Суда РФ жалоба Азадовского К.М. и Азадовской С.И., с приложениями на 32 л., на определение Куйбышевского райсуда от 13 января 1997 г., в которой они просят выдать Лепилиной С.И. документ о реабилитации; просит председателя С. – Петербургского горсуда проверить доводы жалобы и о результатах проверки сообщить заявителям и в Верховный Суд РФ, выслав в адрес Верховного Суда копию протеста или мотивированное заключение. (Копия послана К.М. Азадовскому.)

1998, сентября 7. Справка, выданная Лепилиной С.И. из С. – Петербургского городского суда (№ 44у–67/94), за подписью зам. председателя суда В.Н. Епифановой; сообщается, что на основании решения Президиума С. – Петербургского горсуда от 1 июня 1998 г. она считается по настоящему делу реабилитированной (без упоминания о том, что была репрессирована по политическим мотивам).

1998, сентября 9. Ответ Азадовскому К.М. и Азадовской С.И. из С. – Петербургского городского суда (б/№), за подписью и.о. председателя В.Н. Епифановой, на жалобу, поданную в Верховный Суд РФ на определение судьи Куйбышевского райсуда от 13 января 1997 г.; сообщается, что для отмены правильного по сути определения не имеется оснований,

однако мотивировочная часть постановления Президиума С. – Петербургского городского суда от 1 июня 1994 г. дает городскому суду основание для выдачи справки о реабилитации как репрессированной по политическим мотивам.

1998, сентября 9. Справка, выданная Лепилиной С.И. из С. – Петербургского городского суда (б/№), за подписью и.о. председателя В.Н. Епифановой, с указанием, что постановлением суда от 1 июня 1994 г. «установлено, что Лепилина С.И. была репрессирована по политическим мотивам» и по настоящему делу реабилитирована; справка выдана для предоставления в компетентные органы для решения вопроса о предоставлении установленных законом льгот для лиц, подвергшихся политическим репрессиям.

1999, ноября 1. Заявление Азадовского К.М. на имя Председателя правительства РФ В.В. Путина (лично) с подробным изложением обстоятельств фабрикации уголовного дела в отношении его и жены; просит обязать руководство ФСБ дать письменное разъяснение по поводу истинных причин уголовного преследования, направить это заявление в Генеральную прокуратуру РФ для возбуждения уголовного дела в отношении виновных в незаконном осуждении его и жены, взять это заявление под личный контроль.

1999, декабря 27. Ответ Азадовскому К.М. из прокуратуры С. – Петербурга (№ 13–10/88), подписанный первым заместителем прокурора города государственным советником юстиции 3-го класса Г.И. Резоновым; сообщается, что его заявление (поданное на имя Председателя правительства РФ В.В. Путина) о привлечении бывших сотрудников КГБ СССР поступило в Генеральную прокуратуру РФ, откуда было передано на рассмотрение в прокуратуру С. – Петербурга; сообщается, что в результате ранее проведенных проверок в действиях сотрудников КГБ не выявлено признаков состава преступления, оснований для отмены решений об отказе в возбуждении уголовных дел не усмотрено.

2001, ноября 20. Ответ Азадовскому К.М. из прокуратуры С. – Петербурга, подписанный начальником отдела по надзору за исполнением законов о федеральной безопасности старшим советником юстиции Е.В. Мироновой (№ 13–10–88), на обращение Азадовского К.М. и обращение отдела социальной защиты Центрального района С. – Петербурга; сообщается, что заявление о реабилитации рассмотрено прокуратурой; направляется справка о реабилитации.

2001, ноября 20. Справка Азадовскому К.М. о реабилитации, выданная прокуратурой С. – Петербурга (№ 13–10–88); подписана заместителем прокурора города, старшим советником юстиции А.П. Стукановым; Азадовский признается реабилитированным на основании п. «а» ст. 3 Закона «О реабилитации жертв политических репрессий» от 18 октября 1991 г.

Список печатных источников

Азадовский К.М. Homo soveticus: [Рец. на кн.: Клейн Л.С. Перевернутый мир. Изд. 2-е. Донецк, 2010] // Новое литературное обозрение. М., 2011. № 109. С. 343–350.

Азадовский К.М. Из «Сусуманских песен» [Стихотворения] // Третье зазеркалье: Альманах к семидесятипятилетию Эльги Львовны Линецкой. Л., 1984. Машинопись.

Азадовский К.М. Как сжигали Серебряный век // Литературная газета. М., 1993. 3 нояб. С. 6.

Азадовский К.М. Между тюрьмой и волей: (Об авт. и его кн.) [Вступ. к рассказам С.С. Зилитинкевича «Эй, профессор!»] // Звезда. СПб., 1994. № 1. С. 36–37.

Азадовский К.М. Не обманитесь / Свой взгляд // Невское время. Л., 1991. 3 сент. № 104. С. 3.

Азадовский К.М., Лавров А.В. Памяти Д.Е. Максимова (1904–1987) // Валерий Брюсов и его корреспонденты. Кн. 2 / Литературное наследство. Т. 98, кн. 2. М., 1994. С. 583–591.

Алексеева Вал., Вульфович Е. Пора бить тревогу! [Письма С. Довлатову в ответ на публикацию известия об аресте К.М. Азадовского] // Новый американец. 1981. 27 янв. – 2 февр. С. 4.

Амальрик А.А. Записки диссидента. М., 1991.
Аметистов Э.М. Необходимо подвести черту: Член Конституционного суда о проблеме, поднятой «ЛГ» [Отклик на статью Ю.П. Щекочихина «Ряженые»] // Литературная газета. М., 1994. 12 окт. № 41. С. 2.
Анисин Н.М. Погром на Литейном: «Перестройка» КГБ в городе на Неве // День. М., 1992. 18–24 окт. № 42. С. 4.
Архангельский А.Н. Евгений Пастернак † [Некрологическая заметка] // Интернет-ресурс http://echo.msk.ru/blog/archangelsky. 31 июля 2012.
Бакатин В.В. Избавление от КГБ. М., 1992.
Балцвиник М.А. Здесь хорошо, хотя с погодой мне не повезло…: Стихи, письма, фотографии. Воспоминания современников / Сост., вступит. статья и коммент. Б.Я. Фрезинского. СПб., 2006.
Белинский А.Н. Вспоминая Валентина Пикуля // Топос: Литературно-философский интернет-журнал. М., 2008. 29 февр.
Белов В.А. [Интервью] / «Пермь-36. Правда и ложь», ч. 11 // Интернет-ресурс eotperm.ru. 18 апр. 2013.
Блюм А.В. Как это делалось в Ленинграде: Цензура в годы оттепели, застоя и перестройки, 1953–1991. СПб., 2005.
Бобков Ф.Д. Последние двадцать лет: Записки начальника политической контрразведки. М., 2006.
Бродский И. [Арест Константина Азадовского (Заявление журналу В. Марамзина «Эхо», Нью-Йорк, 7 января)] // Русская мысль. Париж, 1981. 15 янв. № 3343. С. 3.
Бродский И. Заявление Иосифа Бродского [Заявление журналу «Эхо», опубликованное ранее в газете «Русская мысль»] // Новый американец. Нью-Йорк, 1981. 26 июля – 1 авг. С. 10.
Бродский И., Довлатов С. и др. Писателям, людям искусства, ученым [Воззвание по случаю ареста К.М. Азадовского] // Новый американец. Нью-Йорк, 1981. 14–20 янв. С. 4.
Буковский В.К. И возвращается ветер… [Мемуары.] М., 2007.
Васильев Г., Герман Р. «Узники совести»? Нет, люди без чести! // К новой жизни: Ежемес. журнал МВД СССР для работников ИТУ. М., 1979. № 1. С. 67–69.
Васильева И. Заседание клуба [книголюбов «Собеседник» в районной библиотеке, председатель М.С. Фейгинзон] // Горняк Севера. Сусуман, 1982. 27 июля. № 90. С. 2.
Вести из СССР: По материалам бюллетеня К. Любарского (№ 9–12) // Русская мысль. Париж, 1981. 23 июля. № 3370. С. 7.
Виньковецкая Д. Эхо выкликает имена. Яков. Иосиф. Борис. Сергей. Игорь… СПб., 2015.
Гампер Г.С. «На очной ставке с прошлым…» // Интернет-ресурс «Кошачий ящик», опубл. 06.12.2001.
Гаспаров Б.М. Потерянное поколение ученых // Новое русское слово. Нью-Йорк, 1981. 3 сент. (То же, перепечатано: // Русская мысль. Париж, 1981. 15 окт. № 3382. С. 7.)
Георгий Михайлов в ссылке // Русская мысль. Париж, 1981. 30 июля. № 3371. С. 6.
Гинкас К.М., Яновская Г.Н. История Кости Азадовского // Гинкас К.М., Яновская Г.Н. Что это было? Разговоры с Натальей Казьминой и без нее. М., 2014. С. 197–215.
Гордин Я.А. Рыцарь и смерть, или Жизнь как замысел: О судьбе Иосифа Бродского. М., 2010.
Горичева Т.М. «Я не могу черное назвать белым!»: К процессу над Натальей Лазаревой // Русская мысль. Париж, 1981. 5 февр. № 3346. С. 6.
Гражданский кодекс РСФСР. Официальный текст с приложением постатейно систематизированных материалов. С изменениями и дополнениями на 1 декабря 1975 г. М., 1976.
Дедюлин С.В. «Литературное наследство» и дело К. Азадовского // Русская мысль. Париж, 1981. 4 июня. № 3363. С. 6.

[Дедюлин С.В.] «Дело Константина Азадовского»: Вечер в Доме писателя // Русская мысль. Париж, 1989. 20 окт. С. 10.

[Дедюлин С.В.] Главным делом его жизни были поиски и сохранение материалов по истории культуры России [О М.А. Балцвинике] // Русская мысль. Париж, 1981. 29 янв. № 3345. С. 5.

Дело Константина Азадовского // Русская мысль. Париж, 1981. 26 февр. № 3349. С. 6.

Демидов Е. Если вы начальник… // К новой жизни: Ежемес. журнал МВД СССР для работников ИТУ. М., 1978. № 1. С. 8–11.

Довлатов С. Наступление на интеллигенцию продолжается // Новый американец. Нью-Йорк, 1981. 14–20 января. С. 4. © Сергей Довлатов (наследники), 1981 г.

Довлатов С. Речь без повода… или Колонки редактора. М., 2006.

Документы Московской Хельсинкской группы, 1976–1982 / Сост. Зубарев Д.И., Кузовкин Г.В. / Московская группа содействия выполнению Хельсинкских соглашений. Общество «Мемориал». М., 2006.

Друскин Л.С. У них работа такая // Друскин Л. Спасенная книга: Воспоминания ленинградского поэта. Лондон, 1984. С. 367–374.

Друян Б.Г. Том агатовый [Воспоминания] // Вопросы литературы. М., 2012. № 6. С. 387–426.

Жмаев А.М. Туда и обратно: Ретроспективный дневник / Подгот. к печ. Жмаевой Т.Я. [СПб.,] 1995.

Звягинцев А.Г. Руденко: Генеральный прокурор СССР. М., 2012.

Зильберштейн И.С., Розенблюм Л.М. Новое о Блоке / 100 лет со дня рождения А. Блока // Литературная газета. М., 1980. 26 нояб. № 48. С. 5.

Зильберштейн И.С., Розенблюм Л.М. От редакции // Александр Блок: Новые материалы и исследования / Литературное наследство. Т. 92, кн. 1. М., 1980. С. 5–7.

Золотарев Ю.Т. Уптар после ГУЛАГа [Воспоминания] // На Севере Дальнем. Магадан, 2003. С. 83–140.

Иванов В.А., Долгополова Е.В. Ленинградский городской суд во второй половине 1940-х – начале 1990-х годов // Россия в XX веке: человек и власть: Сб. статей / Отв. ред. М.В. Ходяков. СПб., 2013. С. 224–259.

Илюхин В.И. Вожди и оборотни. М., 1994.

Инструкция по учету в органах Комитета государственной безопасности при Совете Министров СССР уголовных дел и лиц, привлеченных по ним к уголовной ответственности. Секретно; приложение к приказу Председателя КГБ при СМ СССР Ю.В. Андропова № 0454 от 9 августа 1977 г. (Печатная, рассылалась циркулярно.)

К такой регистрации Совет церквей не призывал // Братский листок / Совет церквей евангельских христиан-баптистов. Б.м., 1979. № 4/5. С. 1–2.

Каминская Д.И. Записки адвоката. М., 2009.

Катерли Н.С. Вторая жизнь // Звезда. СПб., 2005. № 9. С. 11–79.

Катерли Н.С. КГБ руками милиции (Дело Азадовского) // КГБ: вчера, сегодня, завтра / V Международная конференция, 11–13 февраля 1995 г. / Общественный фонд «Гласность». М., 1996. С. 142–147.

Катерли Н.С. Кто такие «друзья народа» // Московские новости. М., 1992. 13 дек. № 50. С. 3.

Катерли Н.С. Расправа // Вечерний Петербург. СПб., 1994. 27 окт. № 228. С. 3; то же: Литературные вести. Москва. 1995. № 9. С. 1–2;

Катерли Н. Делай что должно, и будь что будет. Статьи разных лет. СПб., 2010. С. 184–200.

Клейн Л.С. Перевернутый мир. Изд. 2-е. Донецк, 2010.

Клейн Л.С. Трудно быть Клейном: Автобиография в датах и монологах. СПб., 2010.

Книга – источник знаний [Отчет о второй отчетно-выборной Колымской межрайонной конференции общества любителей книги, с выступлением М.С. Фейгинзона] // Горняк

Севера. Сусуман, 1981. 26 мая. № 62. С. 4.

Кононова Н. [Шарымова Н.Я.] Дело Константина Азадовского / Пресс-агентство «Защита» // Новый американец. Нью-Йорк, 1981. 26 июля – 1 августа. С. 10–11.

Контрразведывательный словарь / Предисл. С.К. Цвигуна. Отв. ред. В.Ф. Никитченко / Высшая краснознаменная школа КГБ при СМ СССР им. Ф.Э. Дзержинского. М., 1972. Издано под грифом «Совершенно секретно».

Копелев Л. «Не покладать оружия слова…»: Речь на церемонии вручения Премии Мира Немецкого общества книготорговли во Франкфурте 18 октября 1981 г. // Русская мысль. Париж, 1981. 5 нояб. № 3385. С. 8–9.

Копелев Л., Орлова Р. Заявления Льва Копелева и Раисы Орловой // Русская мысль. Париж, 1981. 19 февр. № 3348. С. 12.

Копылов А.Т. Возвращенные имена / В комиссиях Верховного Совета // Российская газета. М., 1993. 6 авг. № 150. С. 2.

Копылов А.Т., Зайцев Е.А. Унижали беззаконием. А теперь – законом? // Российская газета. М., 1992. 18 сент. № 207. С. 2.

Красавченко Т.Н. Восприятие России и русских в английской литературе на рубеже XX–XXI веков // Новые российские гуманитарные исследования [Интернет-журнал]. М., 2008. № 3.

Крючков В.А. Личное дело [Воспоминания]. М., 2003.

Кублановский Ю.М. К аресту Михаила Мейлаха // Русская мысль. Париж, 1983. 14 июля.

Кудрова И.В. Прощание с морокой. [Воспоминания]. СПб., 2013.

Кузьминский К.К. Тезка Азадовский // У Голубой Лагуны: Антология новейшей русской литературы. Newtonville, Mass., 1983. Т. 4-а. С. 521.

Купченко В.П. Двадцать лет в доме М.А. Волошина, 1964–1983: Воспоминания, дневники, письма. / Подгот. текста, вступит. слово и примеч. Р.П. Хрулевой. Киев, 2013.

Кучкина О.А. Возьмите профессора в оперативную разработку: Константин Азадовский обращается к мэру Собчаку с требованием оградить его от беспредела ФСБ / Спецслужбы // Новая ежедневная газета. М., 1995. 28 сент. – 4 окт. № 36. С. 4.

Лавров А.В. [О Дмитрии Сергеевиче Лихачеве] // Дмитрий Лихачев и его эпоха: Воспоминания, эссе, документы, фотографии / Сост., ред., предисл. – Е. Водолазкин. СПб., 2002. С. 111–113.

Лебедев Вит . Жизнь во славу университета [О ректоре ЛГПИ в 1964–1986 А.Д. Боборыкине] // Педагогические вести. СПб., 2001. Ноябрь. № 11. Приложение. С. 2.

Ленинградская милиция обвиняет КГБ [Судебный процесс 1988 года по делу Азадовского] / Из журнала «Гласность» № 27 [с прил. уточнений от редакции «Русской мысли»] // Русская мысль. Париж, 1988. 18 нояб. № 3751. С. 6.

«Литературное наследство»: Страницы истории. Из архива С.А. Макашина (К 80-летию основания издания) / Публ. и подгот. текста А.Ю. Галушкина, коммент. А.Ю. Галушкина и М.А. Фролова // Русская литература. СПб., 2011. № 2. С. 63–98.

Лосев Л.В. Иосиф Бродский: Опыт литературной биографии / Жизнь замечательных людей. М., 2008.

Лурье Л.Я. Андроповский зажим: [Воспоминания] // Звезда. СПб., 2000. № 4. С. 230–233.

Марамзин В. 23 декабря в Ленинграде арестован Константин Азадовский (9 января, Париж) // Русская мысль. Париж, 1981. 15 янв. № 3343. С. 3.

Материалы Самиздата / Архив Самиздата. Радио Свобода. Б.м., вып. № 30/83 от 22 июля 1983 г., документы [по делу Азадовского:] АС 5000–5010.

Мейлах М.Б. О Софии Викторовне Поляковой / Филологические воспоминания, 1 // Труды VI Международной летней школы на Карельском перешейке по русской литературе. Пос. Поляны (Усикирко) Ленинградской области, 2010. С. 173–185.

[Мейлах М.Б.] Михаил: Надежда Григорьева берет интервью у Михаила Мейлаха //

Звезда. СПб., 2002. № 8. С. 236–238.
Мирек А.М. Тюремный реквием: Записки заключенного / Предисл. Г.Е. Логвиновой. М., 1997.
Михельсон С.В. Оговор // Ленинградский рабочий. Л., 1989. 10 нояб. С. 12–13.
Михельсон С.В. Синдром доносительства / Возвращаясь к напечатанному [в продолжение статьи «Оговор», 10 ноября 1989 г.] // Ленинградский рабочий. Л., 1990. 13 апр. С. 6.
Морозова Н.А. Анатомия отказа. М., 2011.
Мосякин А.Г. Страсти по Филонову: Сокровища, спасенные для России. СПб., 2014.
Мурин Ю.Г. Двадцать центов за гостайну: Архив генерала Волкогонова оказался в США… // Совершенно секретно. М., 2008. № 1. С. 14.
Награды – журналистам / Сообщение ЛенТАСС [Вручение премий ленинградским журналистам, чьи работы победили в конкурсе ко Дню печати, в том числе С.В. Михельсону за статью «Оговор»] // Ленинградская правда. Л., 1990. 5 мая. С. 3.
Найман А.Г. Рассказы об Анне Ахматовой. М., 1989.
О совершенствовании издательской деятельности Академии: [Доклад директора издательства «Наука» Г.Д. Комкова на заседании Президиума АН СССР и прения членов Президиума по докладу] // Вестник Академии наук СССР. М., 1982. № 2. С. 16–25.
«Они ради имени Его пошли, не взявши ничего» // Братский листок / Совет церквей евангельских христиан-баптистов. Б.м., 1981. № 5. С. 2.
Орлов И.Б. Бюро международного молодежного туризма «Спутник»: между «Сциллой идеологии» и «Харибдой прибыли» // Проблемы российской истории. Вып. 10. М.; Магнитогорск, 2010. С. 142–154.
Пешков А.П. Военная тайна полковника Поздеева // Правда Севера. Архангельск, 1996. 3 дек. С. 3.
Подрабинек А.П. Диссиденты. М., 2014.
Подражайте вере их: 40 лет пробужденному братству [Совет церквей ЕХБ], 1961–2001. М., 2001.
Ради безопасности страны: Сб. художественных произведений о деятельности современных чекистов / Б-ка молодого рабочего. Л., 1985.
Разговор о поэзии [Доклад М.С. Фейгинзона в городской библиотеке] // Горняк Севера. Сусуман, 1981. 25 апр. № 49. С. 2.
Расплата неминуема / Происшествия [О задержании сотрудниками УВД Е.М. Славинского, на квартире которого собирались молодые люди для употребления наркотиков] // Вечерний Ленинград. Л., 1969. 5 июня. № 130. С. 4.
Расстрелянное поколение просит пощады: Интервью Ольги Карловой с А.Т. Копыловым // Российская газета. М., 1993. 26 февраля. № 39. С. 1–2.
Резолюция [конференции о деле Константина Азадовского] // КГБ: вчера, сегодня, завтра / V Международная конференция, 11–13 февраля 1995 г. / Общественный фонд «Гласность». М., 1996. С. 142–147.
Резунков В. «Мемориал»: письмо к Ельцину ушло, но рано получать поздравления // Час пик. СПб., 1992. 7 дек. № 49. С. 3.
Ронкин В.Е. На смену декабрям приходят январи…: Воспоминания бывшего бригадмильца и подпольщика, а позже политзаключенного и диссидента / Общество «Мемориал». М., 2003.
Руководство для следователей / Прокуратура СССР. Всесоюзный институт по изучению причин и разработке мер предупреждения преступности. М., 1971. Издано под грифом «Для служебного пользования».
Сахаров А.Д. Воспоминания / Редакторы-составители Е.С. Холмогорова, Ю.А. Шиханович. М., 1996. Т. 1.
Северюхин Д.Я. Самиздат Ленинграда 1950-е – 1980-е: Опыт литературной энциклопедии // Право на имя: Биографика XX века. Чтения памяти Вениамина Иофе.

Избранное, 2003–2012. СПб., 2013. С. 572–579.

Селиверстов К.Л. Рождество под шконкой: [Беседа с К.М. Азадовским] // В «Крестах»: К 100-летию Петербургской одиночной тюрьмы / Петербургский литератор. Специальный выпуск. СПб., 1993. № 10–11. С. 12.

Слосман Илья. Ленинградское «самолетное» дело. Версии Бутмана и Черноглаза // Заметки по еврейской истории: Сетевой журнал еврейской истории, традиции, культуры. Б.м., 2015. Январь. № 1(181).

Советское исправительно-трудовое законодательство: Систематизированный текст Основ исправительно-трудового законодательства Союза ССР и союзных республик… / Сост. Л.Г. Крахмальник, Н.А. Стручков. М., 1979.

Соколов А.А. Анатомия предательства: «Суперкрот» ЦРУ в КГБ: 35 лет шпионажа генерала Олега Калугина. [Изд. 2-е, доп.] М., 2005.

Сообщают [Первое сообщение об аресте Азадовского] // Русская мысль. Париж, 1981. 1 янв. № 3341. С. 5.

Степанков В.Г., Лисов Е.К. Кремлевский заговор: [Версия следствия по делу ГКЧП]. М., 1992.

Стихотворения К. Кавафиса в переводах Г. Шмакова под редакцией И. Бродского // Кавафис К. Полное собрание сочинений / Сост. и отв. ред. С.Б. Ильинская. М., 2011. С. 445–465.

[Сухарев А.Я.] Гарантировано законом: Первый заместитель министра юстиции СССР А.Я. Сухарев отвечает на вопросы специального корреспондента «Литературной газеты» В. Александрова // Литературная газета. М., 1976. 27 окт. № 43. С. 10.

Сухарев А.Я. Ответы на вопросы по поводу выдвижения его кандидатуры на пост Генерального прокурора СССР, 8 июня 1989 г. // Первый съезд народных депутатов СССР, 25 мая – 9 июня 1989 г.: Стенографический отчет. М., 1989. Т. III. С. 175–204.

Сухарев А.Я. Правовое воспитание трудящихся в развитом социалистическом обществе: Автореферат дис… канд. юр. наук / АОН при ЦК КПСС. М., 1978.

Схватка: Повести о чекистах. [Антология.] Л., 1987.

Тонков Е.Н. Порча человеческая // Ленинградский университет. Л., 1989. 6 окт. С. 8–9.

Топоров В. Дело Азадовского // Топоров В. Двойное дно: Признания скандалиста. М., 1999. С. 293–324.

[Фейгинзон М.С.] Пять стихотворений отца / Публ., предисл. и послесл. Ольги Аркадьевой // Мишпоха: историко-публицистический журнал. Витебск, 2013. № 32. С. 125–127.

[Фейгинзон М.С., о нем] Абрамова С.П. Короткие встречи // Мишпоха: историко-публицистический журнал. Витебск, 2013. № 32. С. 128–129.

«Хартия Пенклубов содержит неприемлемые для советских литераторов положения» / Документы свидетельствуют: Из фондов Центра Хранения Современной Документации // Вопросы литературы. М., 1996. № 1. С. 224–239.

Хейфец М.Р. Место и время // Хейфец М.Р. Избранное: В 3 т. / Харьковская правозащитная группа. Т. 1. Харьков, 2000.

Чайка Е., Беспокоева Т. В гостях у сказки, или Открытое письмо кандидату в губернаторы Архангельской области Павлу Поздееву // Северный комсомолец. Архангельск, 1996. № 24. С. 7.

Чаковская А.Э. Либеральные тенденции в печати в эпоху застоя, 1980–1985 гг. (на материалах «Литературной газеты»): Автореф. дис… канд. филол. наук / МГУ. Факультет журналистики. М., 2008.

Чурбанов Ю.М. Экзамен на профессиональную зрелость // К новой жизни: Ежемес. журнал МВД СССР для работников ИТУ. М., 1980. № 1. С. 2–6.

Шейнис В.Л. Поездка в город Чехов. Потаенные архивы // Шейнис В. Взлет и падение Парламента: Переломные годы в российской политике (1985–1993). М., 2005. Т. 1. С. 619–630.

Шмидт Ю.М. Комментарий юриста [к статье: Катерли Н.С. Расправа] // Вечерний Петербург. СПб., 1994. 27 окт. № 228. С. 3; то же: Литературные вести. Москва. 1995. № 9. С. 2;

Катерли Н. Делай что должно, и будь что будет. Статьи разных лет. СПб., 2010. С. 199–200.

Шнеерсон М.А. Человек и беззаконие // Новый американец. 1981. 26 июля – 1 авг. С. 11.

Шульц В. «Немецкое дело» в Эстонии // Heimat – Родина: Новая ежемесячная газета. [2006]. № 47.

Щекочихин Ю.П. Дело образца восьмидесятых / Расследование «ЛГ» // Литературная газета. М., 1989. 9 авг. № 32. С. 13.

Щекочихин Ю.П. Рабы ГБ. XX век. Религия предательства. Самара, 1999.

Щекочихин Ю.П. Ряженые: Хроника одной провокации: 1980–1994 / Расследование «ЛГ» // Литературная газета. М., 1994. 28 сент. № 39. С. 13; то же:

Щекочихин Ю.П. Три эпохи российской журналистики. М., 2010. С. 256–270.

Щелоков Н.А. Сверяя с временем дела свои // Воспитание и правопорядок. М., 1982. № 1. С. 2–6.

Эльга Львовна Линецкая: Материалы к биографии. Из литературного наследия. Воспоминания. Библиография. Фотодокументы / Сост. М. Яснов. СПб., 1999.

Эткинд Е.Г. Записки незаговорщика. Барселонская проза. СПб., 2001.

Эхо одного процесса [Беседа корреспондента с ленинградским ученым Константином Азадовским] // Совершенно секретно. М., 1989. Декабрь. № 7. С. 10–11, 23.

[Andersen H.] Leander. Et par borgerlige ord… // Morgenavisen Jyllands-Posten. Aarhus, 1981. 28 jan. S. 3.

Arrestation d’un universitaire à Leningrad // Le Monde. Paris, 1981. 7 janv. P. 3.

Azadovskij arrestato a Leningrado // La Repubblica. Roma, 1981. 8 gen. P. 10.

Bäckström A. Rysk litteraturforskare arresterad // Upsala Nya Tidning. Uppsala, 1981. 11 febr. S. 10.

Bjervig N., Jensen P.A., Møller P.U., Schacke L.T. Politisk fængsling // Vestkysten. Esbjerg, 1981. 21 Jan. S. 5.

Bjervig N., Jensen P.A., Møller P.U., Schacke L.T. Sovjetforsker fængslet // Aalborg Stiftstidende. Aalborg, 1981. 23 Jan. S. 6.

Bjervig N., Jensen P.A., Møller P.U., Schacke L.T. Sovjetforsker offer for kampagne // Kristeligt Dagblad. København, 1981. 20 jan. S. 5.

Brodsky J. The Azadovsky Affair // The New York Review of Books. New York, 1981. Vol. XXVIII. № 15. Oct. 8. P. 49.

[Deduline S.] Bibliographie [des travaux de K. M. Azadovskij] // Cahiers du monde russe et soviétique. Vol. 22. № 2–3. Avril – Septembre 1981. P. 339–342.

[Deduline S.] Complément à la bibliographie des travaux de K. M. Azadovskij] // Cahiers du monde russe et soviétique. Vol. 23. № 1. Janvier – Mars 1982. P. 117–118. (подп. S.D.)

Der sowjetische Rilkeforscher Konstanin M. Azadovskij (Eine Dokumentation) / Zusammengestellt von Joachim W. Storck // Blätter der Rilke-Gesellschaft. Heft 9. S.l., 1982. S. 79–92.

«Die Polen sind ein grossartiges Volk»: Der ausgebürgerte Sowjet-Schriftsteller Lew Kopelew über Dissidenten, die Sowjet-Union und Polen / Spiegel-Gespräch // Spiegel. Hamburg, 1981. 26 Jan. № 5. S. 112–114.

Elliott G., Shukman H. Secret Classrooms: An Untold Story of the Cold War. London, 2002.

[Ingold F. Ph.] If. K.M. Asadowski in Haft // Neue Zürcher Zeitung. Zürich, 1981. 8 Jan. S. 33.

Kopelew L. Hinterlist der Gewalt / Lew Kopelew fordert «Helft Arsenij Roginskij!» // Die Welt. Hamburg, 1981. 23 Oct. S. 19.

Kopelew [L.] Wir glauben an Russlands Zukunft // Süddeutsche Zeitung. München, 1981.

24/25 Jan. S. 49.

Leningrader Germanist verhaftet // Die Zeit. Hamburg, 1981. 16 Jan. S. 2.

Ljunggren M. Om arresteringen av litteraturvetaren Asadovskij: Så försvinner orden, bilderna, människan i maktens gömmor // Expressen. Stockholm, 1981. 11 fev. S. 4.

Livingstone A. and others. Plea for convicted Soviet scholar / Letters to the editor // Times. London, 1981. July 13. P. 11.

P.E.N. Soviet Center: Mr. Morgan’s warning of «Infiltration» // Times. London, 1955. June 15. P. 7.

Rilke-Forscher verhaftet wegen Auslandskontakten? // Der General-Anzeiger. Bonn, 1981. 12 Jan. S. 9.

Scammel M. The Azadovsky Case // The New York Review of Books. New York, 1982. Vol. XXIX. № 6. Apr. 15. P. 35–36.

Scammell M. Soviet professor says drug was planted on him // Times. London, 1981. March 31. P. 7.

Sowjetischer Germanist in Leningrad verhaftet / Associated Press, Leningrad // Die Welt. Hamburg, 1981. 9 Jan. S. 15.

Sowjetischer Germanist verhaftet // Der Tagesspiegel. Berlin, 1981. 9 Jan.

Spangenberg K. Dansk protest mod forfølgelse af Sovjet-forfattere: Brev til den sovjetiske forfatterforening // Politiken. København, 1981. 2 Mar. S. 4.

Spangenberg K. Sovjet-afviger i fængsel efter hash-dom… // Politiken. København, 1981. 21 Mar. S. 3.

Spangenberg K. Strenge straffe til Sovjet-afvigere // Politiken. København, 1981. 22 Jan. S. 2.

Sperling V. Litteraturforskeren Azadovskij idømt to år. Hans indsats i sovjetisk pragtværk om Alexander Blok fjernet i korrekturen // Information. København, 1981. 20 Mar. S. 6.

Thomsen J. Danske forskeres ven i Leningrad anholdt // Berlingske Tidende. København, 1981. 27 Jan. P. 5.

Verzeichnis der Arbeiten über Rainer Maria Rilke von Konstantin Markovic Azadovskij / Zusammengestellt von Joachim W. Storck // Blätter der Rilke-Gesellschaft. Heft 9. S.l., 1982. S. 93–94.

Иллюстрации

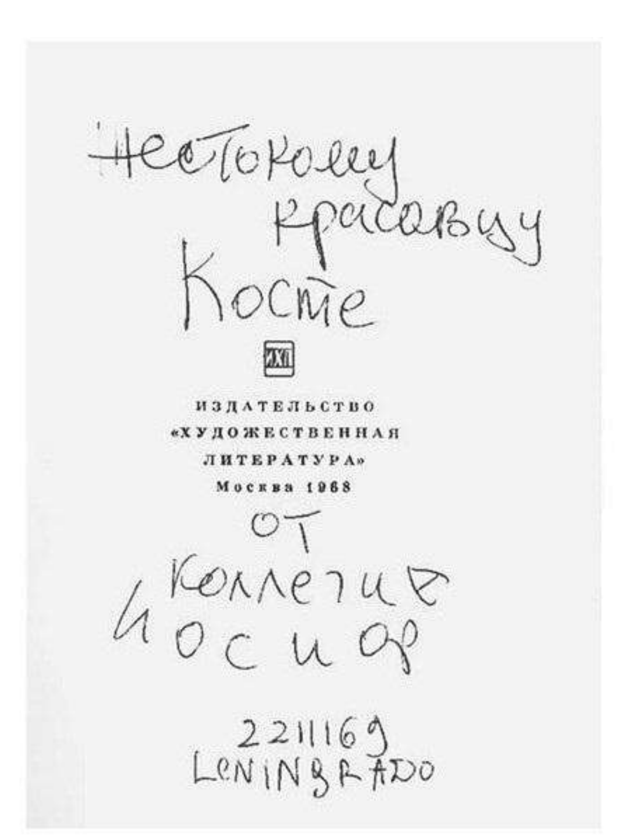
Константин Азадовский с группой туристов из ГДР. Ленинград, июль 1961

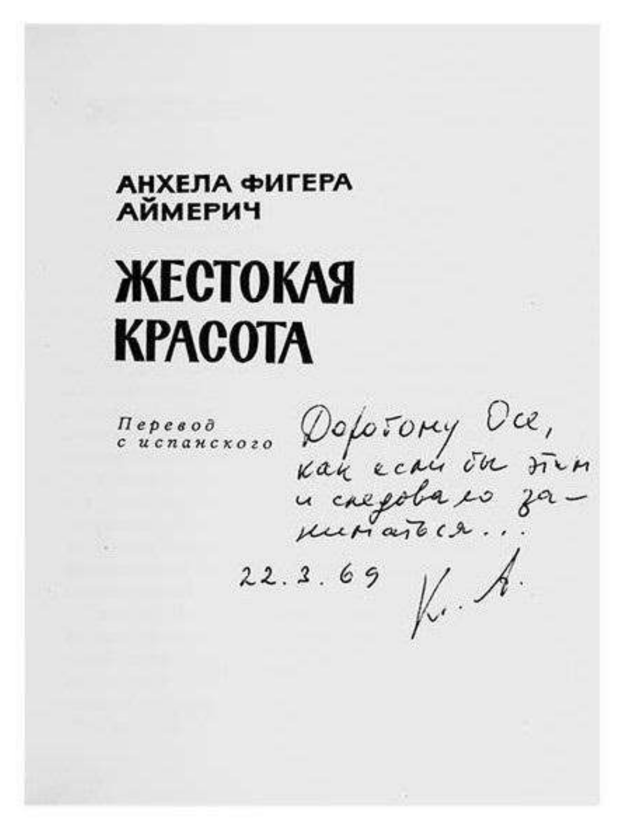
КОМИТЕТ МОЛОДЕЖНЫХ ОРГАНИЗАЦИЙ СССР
БЮРО МЕЖДУНАРОДНОГО МОЛОДЕЖНОГО ТУРИЗМА

УДОСТОВЕРЕНИЕ № 92

Выдано тов. Азадовскому К.М. –
в том, что он является переводчиком
группы иностранных туристов, путешествующих по
маршруту Москва-Ленинград-Киев-Брест
Действительно по „23" августа 1960 г.
М. П. Председатель бюро
„8" августа 1960 г.

Удостоверение переводчика Бюро международного молодежного туризма. Август 1960

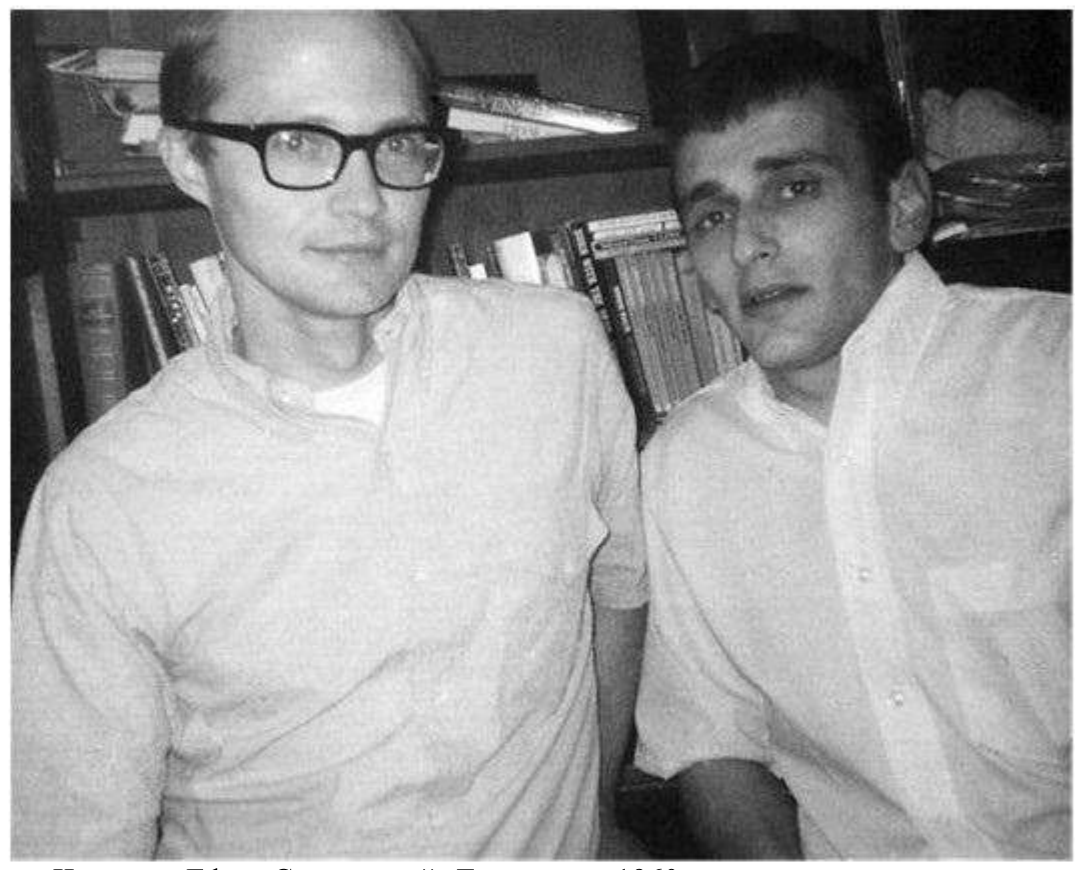

Книга Анхелы Фигеры Аймерич «Жестокая красота», 1968 (пер. с испанского). Экземпляр, подаренный И. Бродским К. Азадовскому и экземпляр, подаренный К. Азадовским И. Бродскому

Иосиф Бродский и Дмитрий Бобышев. Ленинград, 24 мая 1962

Уильям Чалсма и Ефим Славинский. Ленинград, 1960-е

AMERICAN TEACHER EXPELLED BY REDS

MOSCOW (AP) — The Soviet Union has expelled an American professor who had just completed several months of study in Leningrad, the American Embassy said Friday.

H. William Charlsma, assistant professor in the Department of Slavic Languages at Ohio State University, has been ordered to leave the country after a 12-hour interrogation by Soviet authorities.

An Embassy spokesman said the Embassy had been advised by the Soviet Foreign Ministry that Chalsma was being expelled "in connection with an investigation."

He emphasized that no charges had been made against Chalsma.

Ohio State Professor Is Expelled By Russia

MOSCOW (AP) — The Soviet Union has expelled an American professor who had just completed several months of study in Leningrad, the American Embassy said.

H. William Chalsma, assistant professor in the Department of Slavic Languages at Ohio State University, has been ordered to leave the country after a 12-hour interrogation by Soviet authorities.

Сообщения о высылке У. Чалсма из СССР в американских газетах от 7 июня 1969 – «The Corpus Christi Caller-Times» (Техас) и «The Fresno Bee The Republican» (Калифорния)

Ефим Эткинд, Иосиф Бродский, Генрих Белль. Ленинград, февраль 1972. *Фото Екатерины Зворыкиной*

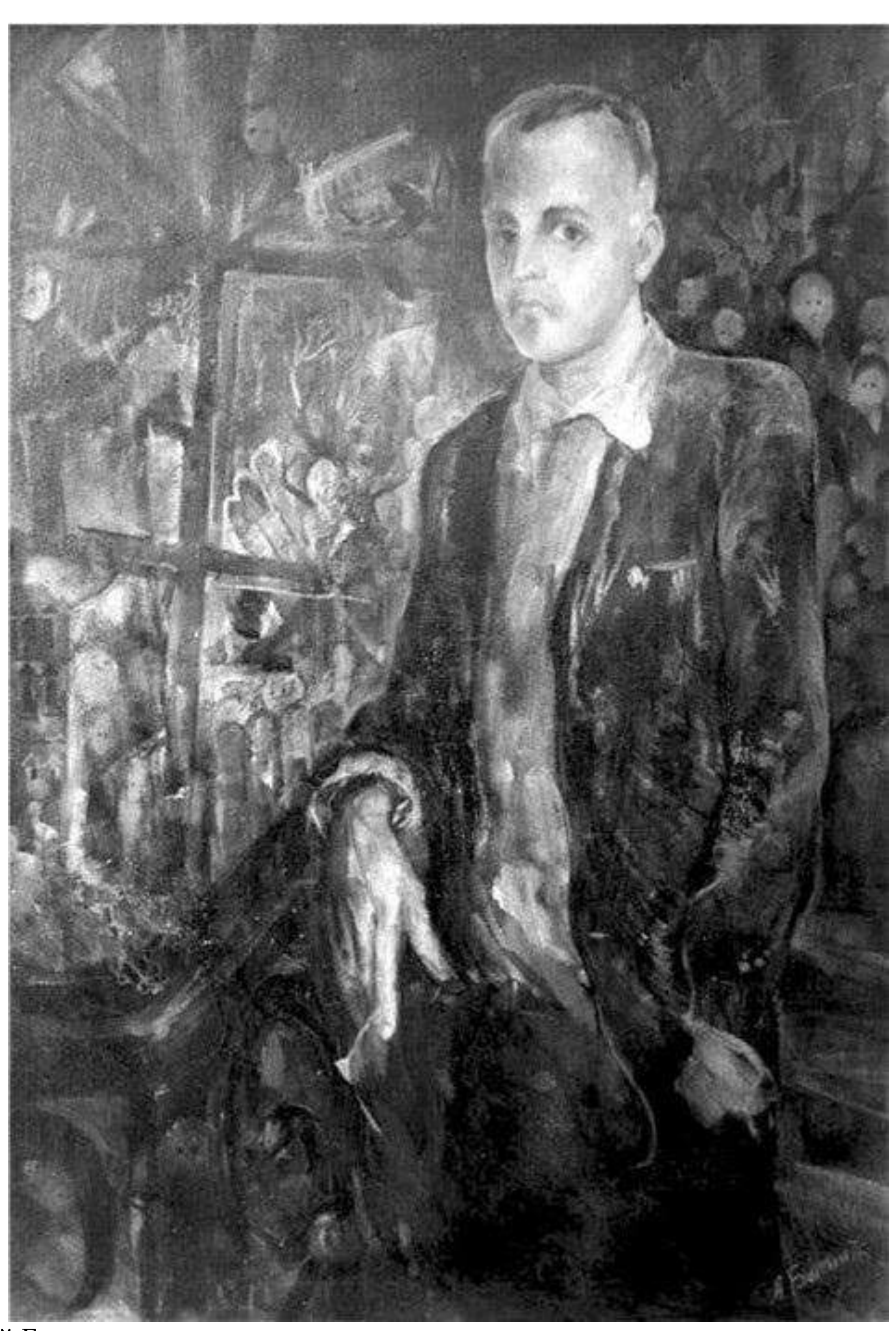

Константин Азадовский и Ефим Эткинд, прощание в аэропорту «Пулково». Ленинград, 16 октября 1974

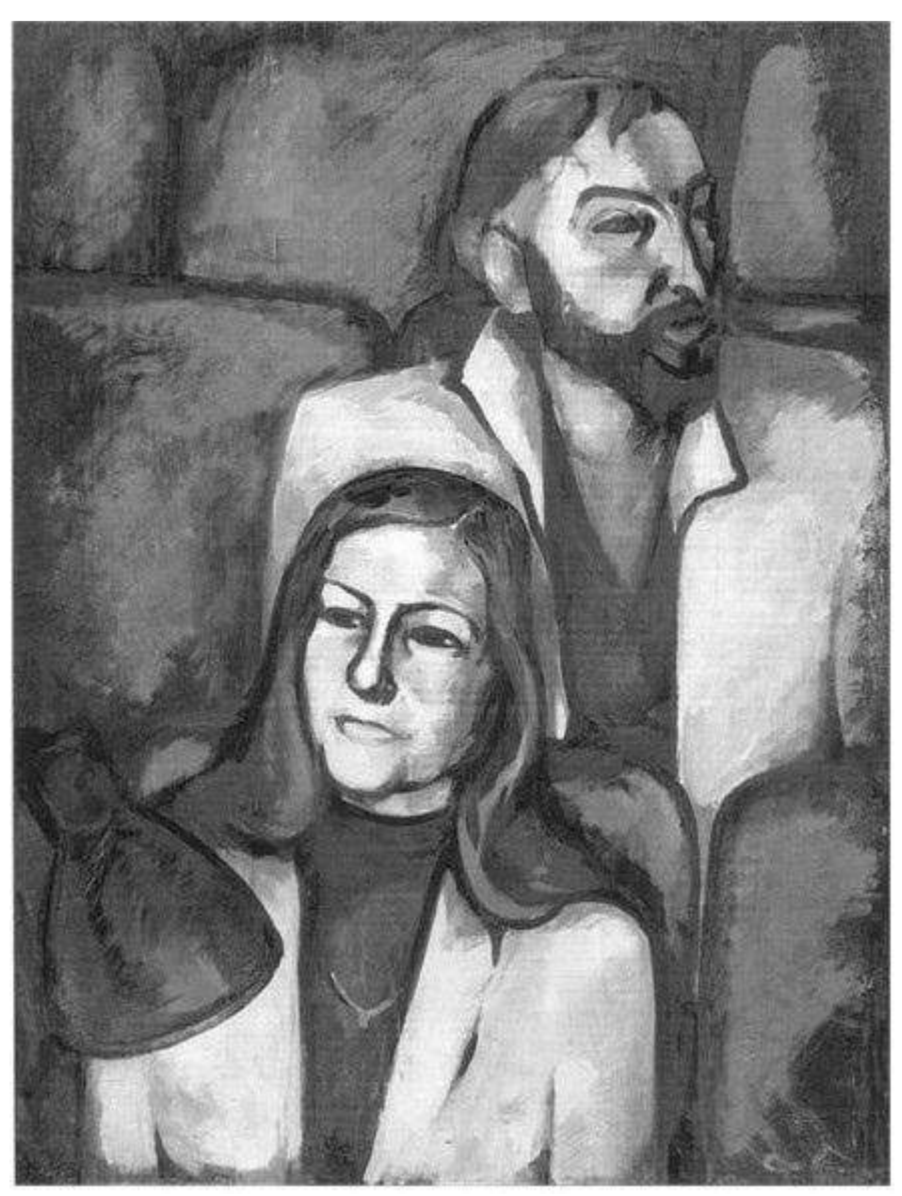

Участники I Всесоюзной Блоковской конференции. Тарту, апрель 1975.

Слева направо, верхний ряд: Леонид Столович, Георгий Дунаев, Александр Лавров, Зиновий Паперный, Михаил Мейлах, Константин Азадовский, Сергей Аверинцев, Николай Котрелев, Вадим Муллин, Сергей Гречишкин; средний ряд: Роман Тименчик, Гая Левитина, Елена Аболдуева, Наталья Ашимбаева, Наталья Фрумкина (Рогинская), Елена Душечкина, Александр Белоусов; нижний ряд: Георгий Левинтон, Татьяна Чудотворцева, Михаил Лотман

Анатолий Белкин.
Портрет Константина Азадовского.
Холст, масло, 1976

Ольга Саваренская.
Портрет Камы Гинкаса и Геты Яновской.
Холст, масло, 1982

Управление культуры Леноблисполкома

ЛЕНИНГРАДСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ

МАЛЫЙ ДРАМАТИЧЕСКИЙ ТЕАТР

Ш. ДИЛЭНИ

ВКУС МЕДА

Пьеса в 2-х действиях

Перевод **К. Азадовского** и **Т. Голенпольского**

Постановка **Г. Яновской**

Художник **Э. Кочергин**

Художник по костюмам **И. Габай**

Режиссер по пластике **К. Гинкас**

Музыка из произведений
А. Вивальди, Дж. Леннона и **П. Маккартни**

ПРЕМЬЕРА

14 июля 1973 г.

Главный режиссер театра **Ефим ПАДВЕ**

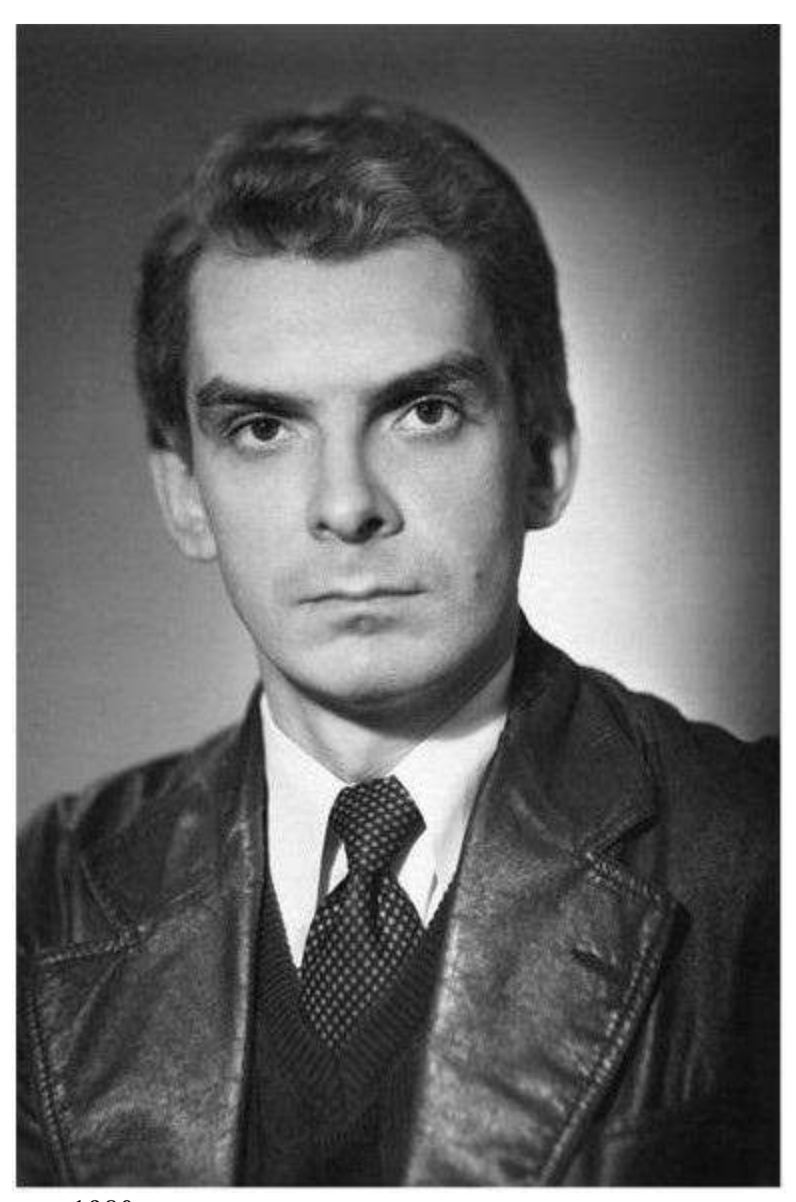
Афиша спектакля «Вкус меда» в постановке Г. Яновской. Ленинград, Малый драматический театр, 1973

Кама Гинкас, Даниил Гинкас, Гета Яновская, Роза Лазаревна Яновская, собака Джефф (по имени Джеффри Ингрэма – любимого героя Г. Яновской в пьесе «Вкус меда»). Москва, 1980-е

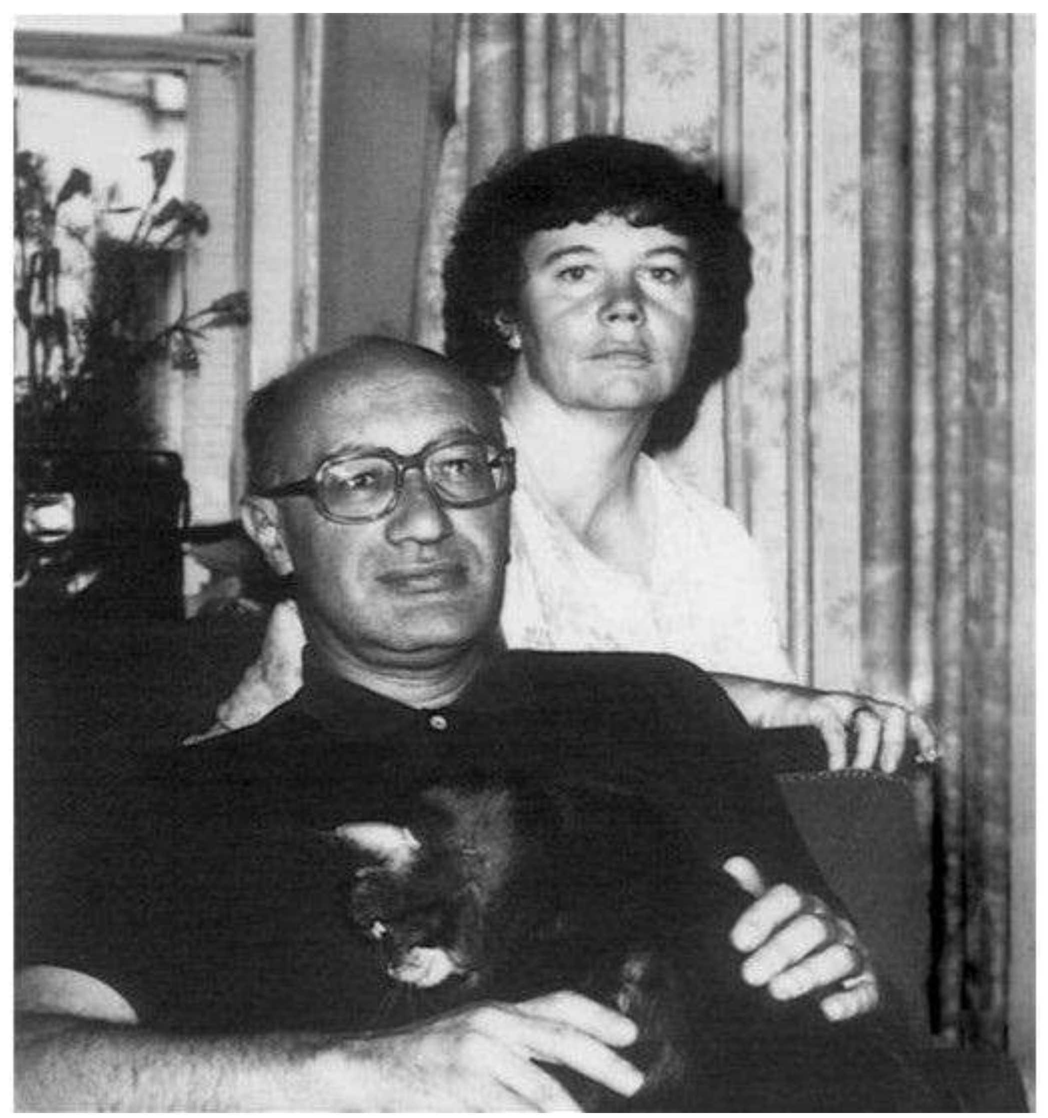
Константин Азадовский в квартире Аиды Хмелевой. Москва, 1973. Фото Владимира Сычева. На рояле – портрет Юрия Галанскова

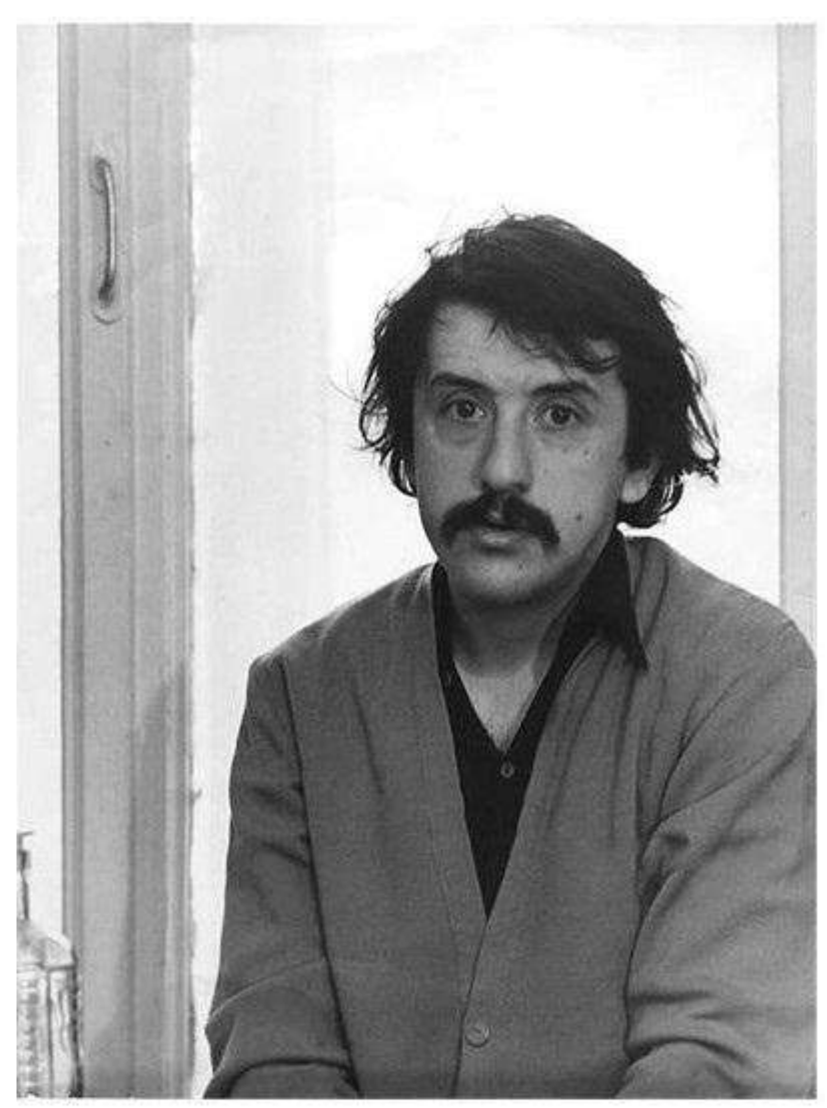
Сергей Гречишкин. 1980-е

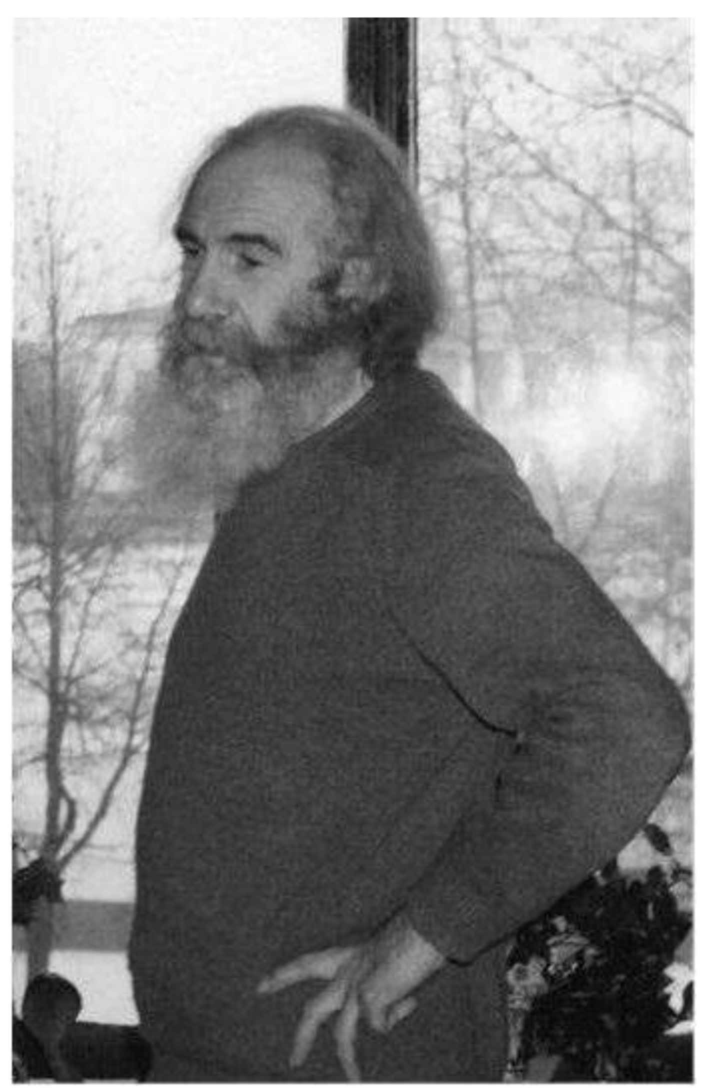
Лидия Капралова. 1980-е

Нина Катерли и Михаил Эфрос. 1980-е

Анатолий Белкин. 1970-е

Юрий Цехновицер. 1980-е. Фото Ольги Цехновицер

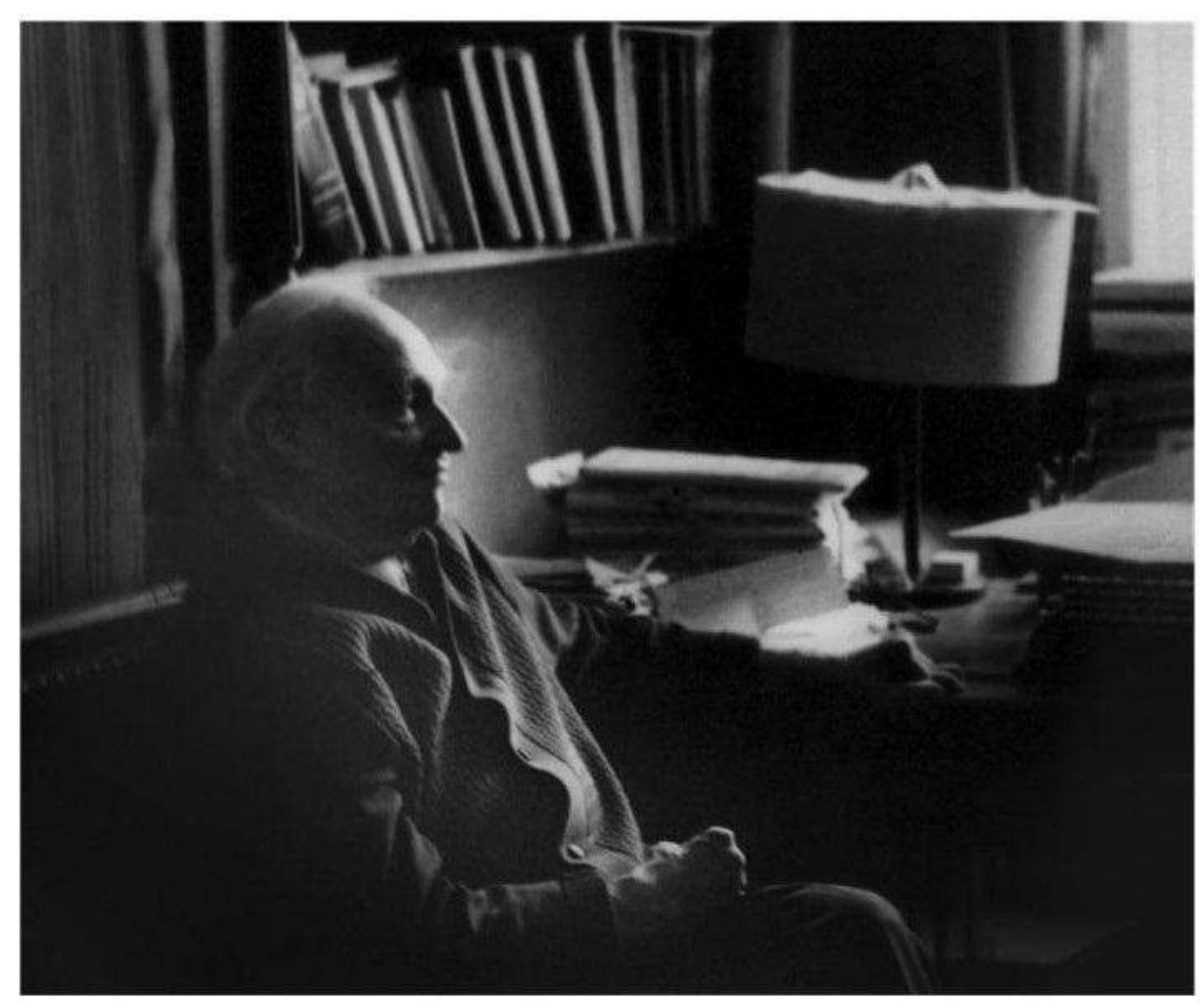
Ольга Саваренская. Конец 1970-х. *Фото Вилия Оникула*

Михаил Балцвиник. 1970-е

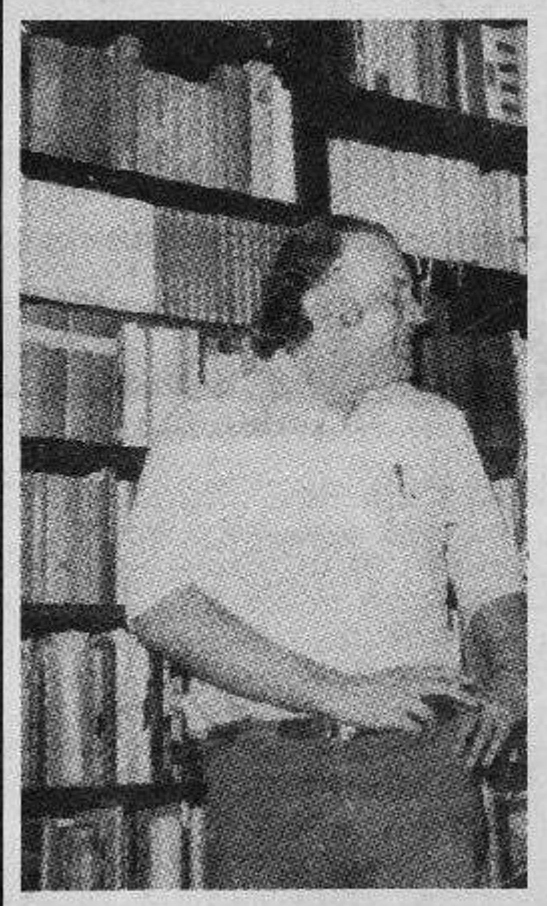

Лидия Владимировна Азадовская. 1970-е

Дмитрий Евгеньевич Максимов, 1970-е

НАСТУПЛЕНИЕ НА ИНТЕЛЛИГЕНЦИЮ ПРОДОЛЖАЕТСЯ

Я знаю Константина Азадовского лет двадцать. Трудно вообразить себе человека, более далекого от политики.

Блестящий молодой ученый, эрудит, ценитель изящной словесности, поглощенный академическими занятиями филолог. Разумеется, Азадовский был поборником духовной свободы, как все настоящие интеллигенты. Однако правозащитной деятельностью — не занимался. Да и не подходила ему, откровенно говоря, эта роль. Не обладал Костя железным характером, беззаветным мужеством, запасом аскетизма и самопожертвования.

Повторяю, это был типичный интеллигент, обаятельный, немного легкомысленный, честный и добрый.

И вот мы узнали, что Костя арестован органами госбезопасности. Эта новость поразила всех, кто его знал. Чем он мог восстановить против себя функционеров КГБ? Зачем понадобилось арестовывать безусловно невиновного (даже с их точки зрения), всеми уважаемого человека?!

Тут надо знать особенности работы Ленинградского КГБ. Компенсируя свою бездарность утроенной жестокостью, местные идеологические службы нарушают элементарную логику. В своем захолустном рвении они то и дело превышают генеральные установки Москвы.

Как известно, московская госбезопасность действует по-другому. Неугодных интеллигентов "сомнительного происхождения" вынуждают уехать за границу. Жестоким репрессиям подвергаются лишь те, кто активно сопротивляется режиму.

Мы не знаем, как будут развиваться дальнейшие события. Хочется думать, что зловещая ошибка ленинградских властей будет исправлена.

Чем еще можно утешаться?

С. ДОВЛАТОВ

Статья Сергея Довлатова в нью-йоркской газете «Новый американец» (фото, использованное в газете, сделано Ланой Форд, конец 1970-х). Январь 1981

Soviet professor says drug was planted on him

By Michael Scammell

News has reached London that Professor Konstantin Azadovsky, the noted Leningrad literary scholar, was sentenced on March 16 to two years in a labour camp on a charge of possessing drugs.

His close companion, Svetlana Lepilina, was last month sentenced on a similar charge to one and a half years in a labour camp.

Neither Professor Azadovsky nor Miss Lepilina has been involved with the dissident movement and their unusual case has been the subject of much comment in Leningrad literary circles.

In the first place, the charge of drug possession is comparatively rare in the Soviet Union, and there are strong suspicions that the drug was in both cases planted.

Miss Lepilina, who at her trial admitted possession, had been given a sealed packet containing four grams of marijuana by a Spaniard, named as Hassan, who told her that it was medicine for a third party.

Immediately the packet was handed over she was detained by a group of *druzhinniki* (civilian vigilantes) and taken to a police station to be searched. During the investigation of her case she was threatened with 10 years' imprisonment unless she made a confession of guilt, which she finally did.

In the case of Professor Azadovsky, it was claimed that he had been found with five grams of cocaine (later changed to marijuana) in his possession. From the start, he maintained that the drug had been planted.

During the search of his flat, two rooms were ignored completely, but his entire library was ransacked, and several books were removed, together with a priceless archive of photographs of twentieth-century Russian writers, which had been bequeathed to Professor Azadovsky by M. Boltsvinnik, a collector.

Professor Azadovsky holds the chair of foreign languages at the Mukhina College of Applied Arts in Leningrad, and is the leading Soviet specialist on Rilke, and on literary links between Germany, Austria, and Russia.

His conviction *is* thought by some to be a reprisal for his refusal to give evidence in 1969 against a friend who was also tried on a drugs charge. Others fear that his popularity with Westerners—his home was a meeting point for visiting literary specialists—may have had something to do with it.

Professor Azadovsky is also a prolific translator. Among other things, he translated into Russian Shelagh Delaney's *A Taste of Honey*, which ran for six years at the Maly Theatre in Leningrad.

Статья Майкла Скэммела о деле Азадовского в лондонской газете «The Times» от 31 марта 1981

Plea for convicted Soviet scholar

From Mrs Angela Livingstone and others

Sir, We write as a group of university teachers and translators of Russian and German, and more particularly as admirers of Rilke, to express our dismay at the arrest and imprisonment of the celebrated Leningrad scholar Konstantin Azadovsky. Azadovsky, a profoundly dedicated scholar and critic, who has published numerous studies (e.g. of Grillparzer, Dostoyevsky, Bryusov, Klyuyev, Blok, Pasternak) and is known as the leading Soviet Rilke scholar, was sentenced in March to two years' detention on a charge of possessing five grams of marijuana — a charge which he firmly denies, which consorts ill with all we know of his character and career, and which, from what we have now learnt of his trial, appears to have been quite inadequately substantiated by the prosecution and to have been upheld only through what amounts to a miscarriage of justice.

The interruption and perhaps destruction of Azadovsky's work must mean a severe loss to comparative literature. This is the kind of case, moreover, which is bound to cause damage to cultural relations between the Soviet Union and the West. We wish through your columns to urge the Soviet authorities to reconsider this case and to set Azadovsky free.

Yours faithfully,
ANGELA LIVINGSTONE,
Director of Russian Studies,
University of Essex,
J. P. STERN,
University College,
London,
MICHAEL HAMBURGER,
HENRY GIFFORD,
University of Bristol,
CHRISTOPHER BARNES,
University of St Andrews,
EDMUND PAPST,
University of Southampton,
DONALD RAYFIELD,
Queen Mary College,
London,
IRENE FROWEN,
University College,
London,
LEON BURNETT,
University of Essex,
Department of Literature,
University of Essex,
Colchester.

Коллективное письмо славистов Великобритании в газету «The Times», опубликованное 13 июля 1981

The Azadovsky Affair

To the Editors:

Eight months ago, on December 19, 1980, the Chairman of the Department of Foreign Languages at the Mukhina College of Applied Arts in Leningrad, Professor Konstantin Azadovsky, was seized on the street. Three months later he was tried on trumped-up charges of possessing drugs, and as you read these lines he is doing time—two years—in a labor camp near Magadan.

To simplify your search of this place on the map of the USSR, you may be advised to find first the Kolyma River that flows into the Arctic Ocean at approximately 62°NL. This name makes every Russian shudder, and not so much because of the temperatures peculiar to this region as because the permafrost basin of this river is the burial ground for millions of Soviet citizens who perished during Stalin's reign.

Even if the charges against Professor Azadovsky were real, he'd never end up in the said parts as a result of them, if only because the main principle of the Soviet penal policy in regard to petty criminals is that they should serve their terms within the administrative confines of their actual habitation. Destinations like Kolyma are traditionally preserved for political prisoners. Professor Azadovsky, however, hardly qualifies for that status either.

Professor Konstantin Azadovsky is one of the best Russian scholars of comparative literature today. He has to his name nearly ninety publications of various length covering a vast variety of subjects, including "Dostoyevsky in Germany," a monograph on Grillparzer, studies of Alexander Blok, and of the "new peasant poets" (Nikolay Klyuev and Sergey Esenin), an essay on "Rilke and Tolstoy," and so forth. He is unquestionably the leading Russian expert on Rilke, whom he has translated extensively, as well as on Paul Celan, Antonio Machado, Ruben Dario, René-Guy Cadou, and many others. Because of the nature of his professional interests, he also maintained scholarly ties with a number of Western specialists in corresponding fields.

The latter activity is in Russia an open invitation for harassment, unless, of course, such contacts are initiated or encouraged by the State itself. However, there is very little for any State in someone's study of folklore motifs in the works of Grillparzer. And throughout twenty years of his academic career Professor Azadovsky has been several times banned from publishing, transferred to teach in the North, interrogated, threatened with reprisals: the State has its own routine. So does a scholar who, if he is any good, doesn't allow anyone's routine to interfere with his own.

It's this typically academic negligence that helped bring Professor Azadovsky to his arrest and subsequent deportation to the Kolyma region. He had published in Italy earlier that year the collection of an unpublished correspondence between Boris Pasternak, Marina Tsvetaeva, and Rilke which Professor Azadovsky unearthed, edited, and for which he wrote a preface. The discovery of that great platonic triangle is one of the greatest events in the world of literary criticism, and Professor Azadovsky has contributed to this discovery greatly—to say the least, a decade of his life. The manuscript of this collection was submitted to a Western (and quite procommunist at that) publisher absolutely legally, through the offices of VAAP. But Professor Azadovsky was arrested on drug charges, severely beaten on his head by his guards with the metal door of his cell, and, while feeling ill, was taken to the courtroom. He stood trial, denied the charges, and was transported to the place you may have a hard time finding on the map. As for the drug charges, they make sense only as a spin-off of the Marxist dictum that "religion is the opium of the people"; in this sense, culture is drugs.

All this may seem odd to you, but it should be remembered that the whole thing took place in Leningrad, which enjoys the reputation of "the cradle of revolution" and therefore the local KGB apparatus is given an absolutely free hand. It's not that places with a lesser claim to fame lag very much behind Leningrad in the degree of exercised lawlessness—quite the contrary. Still, the authorities there may be mindful of occasional federal scrutiny. In Leningrad they are not, nor are they afraid of foreign journalists, as is often the case in Moscow.

It is bad enough when the State owns a watchdog; it is still worse when this watchdog falls prey to central planning. Like everywhere else, in a Socialist state the vigilance and efficiency of its police is measured by statistics. However, the reduction in crime rate isn't necessarily the KGB's idea of a good showing. Hence the character of so many cases and hence often their timing. Professor Azadovsky was arrested on December 19, 1980, not so much because the authorities had a case against him as because the year was drawing to a close and the KGB needed an extra case for its annual report. Furthermore, he was sent so far up North not so much because he had to be isolated as because of the KGB's desire to remind both the intellectual community and itself that the old track still may be put to use. Finally, in those remote parts it is easier to charge a man with whatever offense and extend his sentence. A polar bear would do for a witness.

This KGB decision to resort to its old paraphernalia is the most alarming aspect of Professor Azadovsky's case, and we urge everyone who reads this letter to use every available avenue to convince the Soviet authorities to reverse the verdict and to release the man. Apart from anything else, Professor Azadovsky is the sole source of support to his old and gravely ill mother, the widow of the famous Russian folklorist Mark Azadovsky, who in his own time became a victim during the campaign against "rootless cosmopolitans" in 1949. The chances for success in this case—as in so many others—are obviously quite slim, but your appeal still may prevent yet another metal pipe plunging into Professor Azadovsky's skull.

Joseph Brodsky

The Azadovsky Defense Committee
c/o *The New American Review*
500 Eighth Avenue, Suite 1204
New York, New York 10018

Статья Иосифа Бродского «Дело Азадовского» в еженедельнике «The New York Review of Books» от 8 октября 1981

Иосиф Бродский в своем кабинете на Мортон-стрит. Нью-Йорк, 1981. *Фото Натальи Шарымовой*

Leningrader Germanist verhaftet

Kontantin Asadowsi

Die Unterdrückung der Wissenschaftler in der Sowjetunion wird in jüngster Zeit verstärkt auf Intellektuelle ausgedehnt, die sich nicht oppositionell betätigen. In Leningrad sind der 39jährige Germanist Konstantin Asadowskij und seine Frau Swjetlana verhaftet worden. Asadowskij gilt in der internationalen Fachwelt als einer der fähigsten sowjetischen Literaturhistoriker. Seinen Nachforschungen war es unter anderem zu verdanken, daß in den letzten Jahren mehrere Briefe Rainer Maria Rilkes an die russische Lyrikerin Marina Zwetajewa wieder an das Tageslicht kamen. Der Wissenschaftler, der sich weder als Dissident betätigt noch politisch exponiert hatte, war an der Universität bisher nur gelegentlich auf Widerstände gestoßen, weil er in seinem Fachbereich für aufgeschlossene Positionen und internationale Kontakte eintrat. Als Vorwand für die Verhaftung dienten jetzt fünf Gramm Haschisch, die Milizbeamte angeblich in Asadowskijs Wohnung fanden.

Сообщение об аресте Азадовского в гамбургской газете «Die Zeit» от 16 января 1981

Azadovskij arrestato a Leningrado

MOSCA, 7 — Il 26 dicembre scorso è stato arrestato, nella sua casa di Leningrado, l'intellettuale russo Konstantin Azadovskij. L'accusa è di detenzione di stupefacenti. Durante la perquisizione che ha preceduto l'arresto, la polizia ha «trovato» un piccolo quantitativo di droga tra i libri. Trentanovenne, docente p presso l'università di Leningrado, figlio di un eminente folclorista, Azadovskij è uno dei più attenti e preparati studiosi dei rapporti tra la cultura russa e la cultura occidentale (tra l'altro, ha curato l'edizione della «Corrispondenza Rilke, Cvetaeva, Pasternak», «Il settimo sogno», pubblicata in Italia in «prima» mondiale nel 1979 presso gli Editori Riuniti). Prima dell'arresto Azadovskij era stato ripetutamente «invitato» dal Kgb a non intrattenere rapporti di alcun tipo con i suoi colleghi occidentali: cioè, in pratica, a non lavorare più, data la natura della sua specializzazione.

Сообщение об аресте Азадовского в римской газете «La Repubblica» от 8 января 1981

Danske forskeres ven i Leningrad anholdt

Af
Jens Thomsen

Blandt de senest anholdte under de sovjetiske myndigheders krig mod afvigere og intellektuelle er den kendte litteraturforsker Konstantin Azadovskij i Leningrad. Azadovskij, der er 39 år gammel, blev arresteret i sin lejlighed få dage før jul. En måned forinden havde politiet anholdt Azadovskijs veninde, Svetlana Lepilina.

I begge tilfælde hævder myndighederne, at man har fundet narkotika hos de anholdte. Azadovskijs danske venner og kolleger med nært kendskab til russeren hævder, at anklagen er opspind og kun har til formål at kriminalisere Azadovskij og frk. Lepilina. Efter sovjetiske forhold har Azadovskij usædvanligt mange og nære forbindelser med vestlige litteraturforskere.

Adskillige danske universitetsfolk har under ophold i Leningrad nydt godt af hans omfattende viden og hjælpsomhed. Foruden at være daglig leder af sprogundervisningen ved en højere læreanstalt i Leningrad, er han en meget produktiv og højst anerkendt litteraturhistoriker og oversætter af lyrik.

Konstan Azadovskij — kendt af mange danske.

For danske venner og bekendte fra det slaviske institut ved Københavns Universitet er meddelelsen om Azadovskijs arrestation kommet som et chok, og man siger rent ud, at anklagen for at være i besiddelse af narkotika forekommer utroværdig. Azadovskij kan risikere op til tre års fængsel.

Azadovskijs far, den berømte folklorist Mark Azadovskij, var sammen med andre professorer fra Leningrads Universitet blandt ofrene for den såkaldte »kamp mod kosmopolitismen« i 1949. Denne kampagne var rettet mod jøderne og mod akademikere og forfattere, der mentes at se for positivt på Vesten.

I en udtalelse fra lektorerne Peter Alberg Jensen, Peter Ulf Møller og Lene Tybjerg Schacke fra Københavns Universitet opfordrer man i dag de sovjetiske myndigheder til omgående at frigive Azadovskij og Svetlana Pepilina. Deres anholdelse er brud på Helsinki-aftalerne, hedder det.

Статья Йенса Томсена об аресте Азадовского в копенгагенской газете «Berlingske Tidende» от 27 января 1981

Dansk protest mod forfølgelse af Sovjet-forfattere

Brev til den sovjetiske forfatterforening

Af Kaj Spangenberg

I en henvendelse til den sovjetiske forfatterforening udtrykker medlemmer af den danske PEN-klub bekymring over den seneste tids indgreb over for sovjetiske videnskabmænd og forfattere, der på forskellig måde har arbejdet for at virkeliggøre hensigterne bag Helsingfors-aftalen af 1975, som også Sovjetunionen har tiltrådt.

Underskriverne af henvendelsen er præsidenten for Dansk PEN, forfatteren Ulle Harder, formanden for Dansk Forfatterforening, forfatteren Hans Jørgen Lembourn, professor Søren Egerod, der er medlem af Videnskabernes Akademi, forlagsdirektør Erik Vagn Jensen, der er medlem af hovedbestyrelsen for Landsforeningen Danmark-Sovjetunionen, samt medlem af præsidiet i samme forening og formand for Dansk Slavistforbund, professor Eigil Steffensen.

I brevet til den sovjetiske forfatterforening peges på landsforvisningen af forfatteren Lev Kopelev, der gennem mange år har virket for internationalt kulturelt samarbejde, og forfatteren Vasilij Aksjonov, der især gennem tidsskriftet 'Junost' med stort talent har bidraget til udviklingen af en ny ungdomskultur i sovjetlitteraturen.

Der protesteres også imod arrestationen af litteraturforskeren og oversætteren Konstantin Azadovskij, der var kandidatmedlem af den sovjetiske forfatterforening. Sigtelserne imod ham virker tyndbenede, mener de danske PEN-folk, som finder det helt uacceptabelt, at sporene efter hans videnskabelige indsats nu søges slettet, hvorved alment anerkendt arbejde diskrimineres.

Til slut opfordres den sovjetiske forfatterforening til at bidrage til at sikre, at 'grundlaget for normal udveksling af litteratur og videnskabelige tanker ikke bliver ødelagt eller alvorligt forrykket'.

Статья Кая Спангенберга в связи с протестом ученых в копенгагенской газете «Politiken» от 2 марта 1981

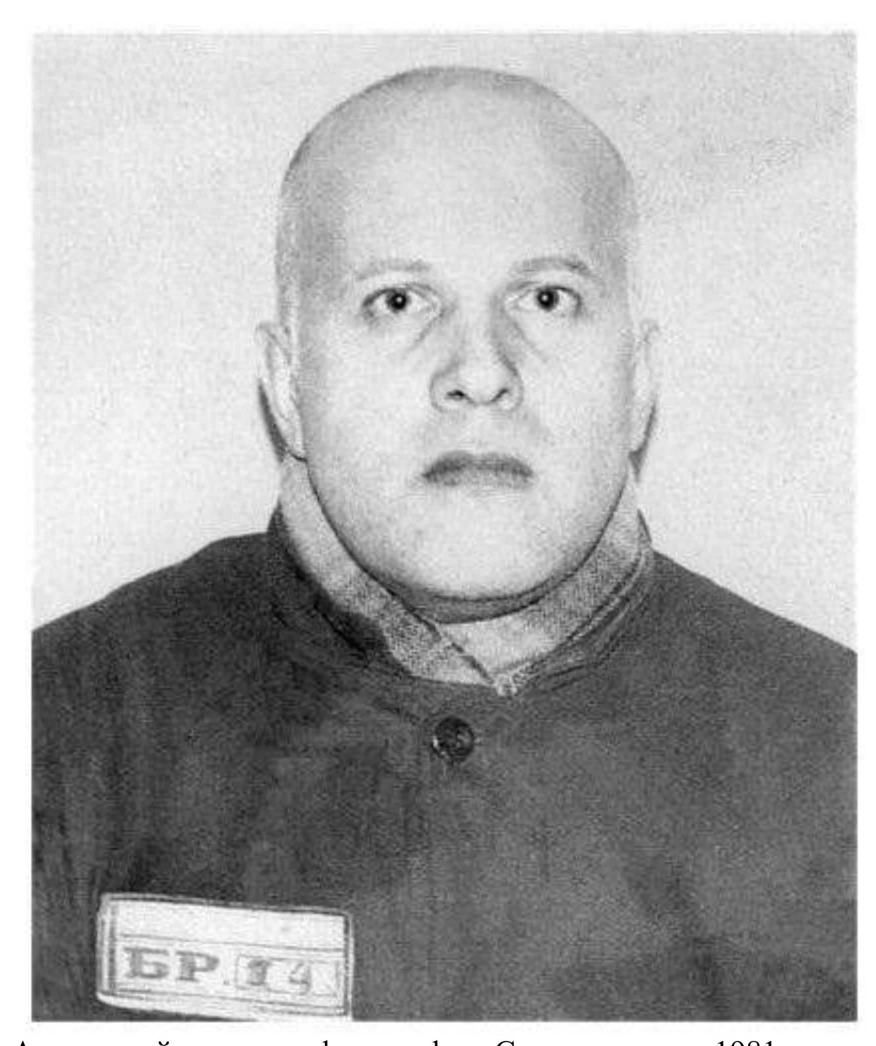

Светлана Лепилина, лагерная фотография. Ульяновка Ленинградской области. Лето

1981

Лагерная нашивка Светланы Лепилиной. 1981

Константин Азадовский, лагерная фотография. Сусуман, осень 1981

КАРТОЧКА

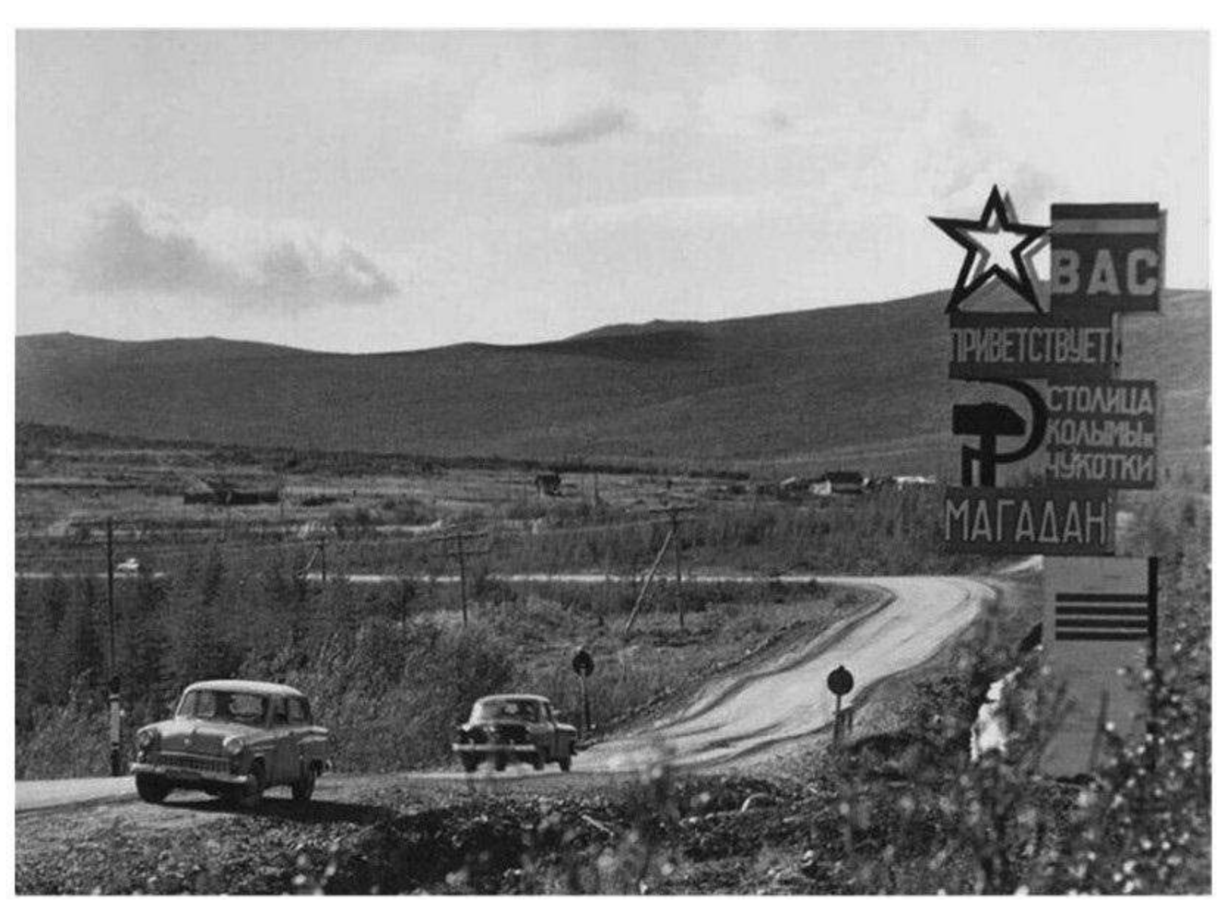
ОСУЖД. Азадовский

Константин Маркович

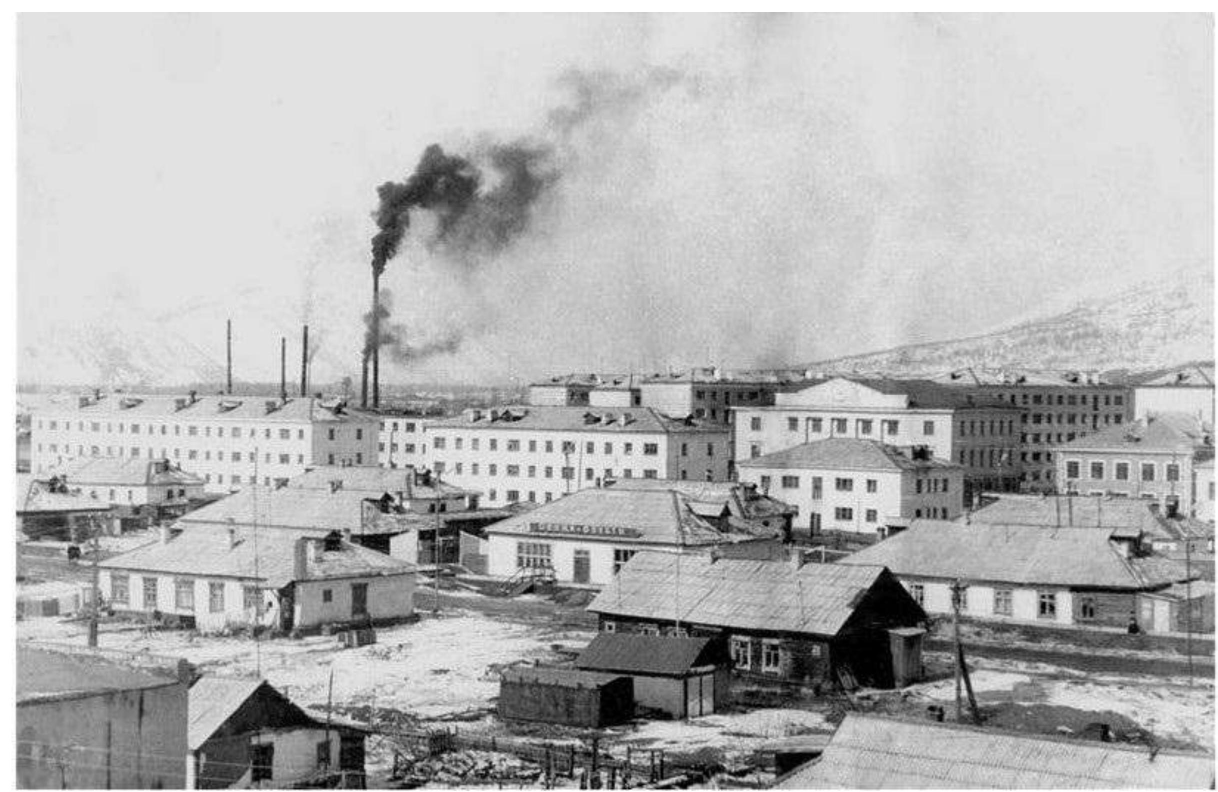
ОСВОБ. „10“ декабря 198 г.

ЗАМ. НАЧАЛЬНИКА
по РОР

Карточка осужденного Азадовского, выданная за несколько недель до освобождения. 1982

Колымская трасса летом. 1980-е

Сусуман, центр города. Конец 1970-х

Фамилия Лепилина
Имя Светлана Отчество Ивановна
1946 г. г. [illegible]
(год и место рождения)
условно осужден, условно освобожден по Указу ПВС СССР от 8 [illegible] 1977 г.
Паспорт серия XV-АК №572597
выданный Дзержинским РУВД г. Ленинград 27/V-80 г.
(когда и кем)
Место жительства г. Горький ул. Газовская д. 19а ком. 47.
Личная подпись С. Лепилина

Действительно по 18 июня 1982 г.
Действительно по 31 декабря 1982 г.
Пом. управляющего
Тип. автозавода, з. 1993, т. 5000, 1980 г.

Удостоверение условно-освобожденной С.И. Лепилиной, мойщицы арматурного цеха Горьковского автозавода. Осень 1982

Перстень-печатка, изготовленный заключенными сусуманской колонии в подарок на свадьбу. Латунь. Декабрь 1981

ЖЕЛАЮ ЖЕЛАЮ ЖЕЛАЮ УМОЛЯЮ ОТР... ИЦАЮ НЕ ЖЕЛАЮ

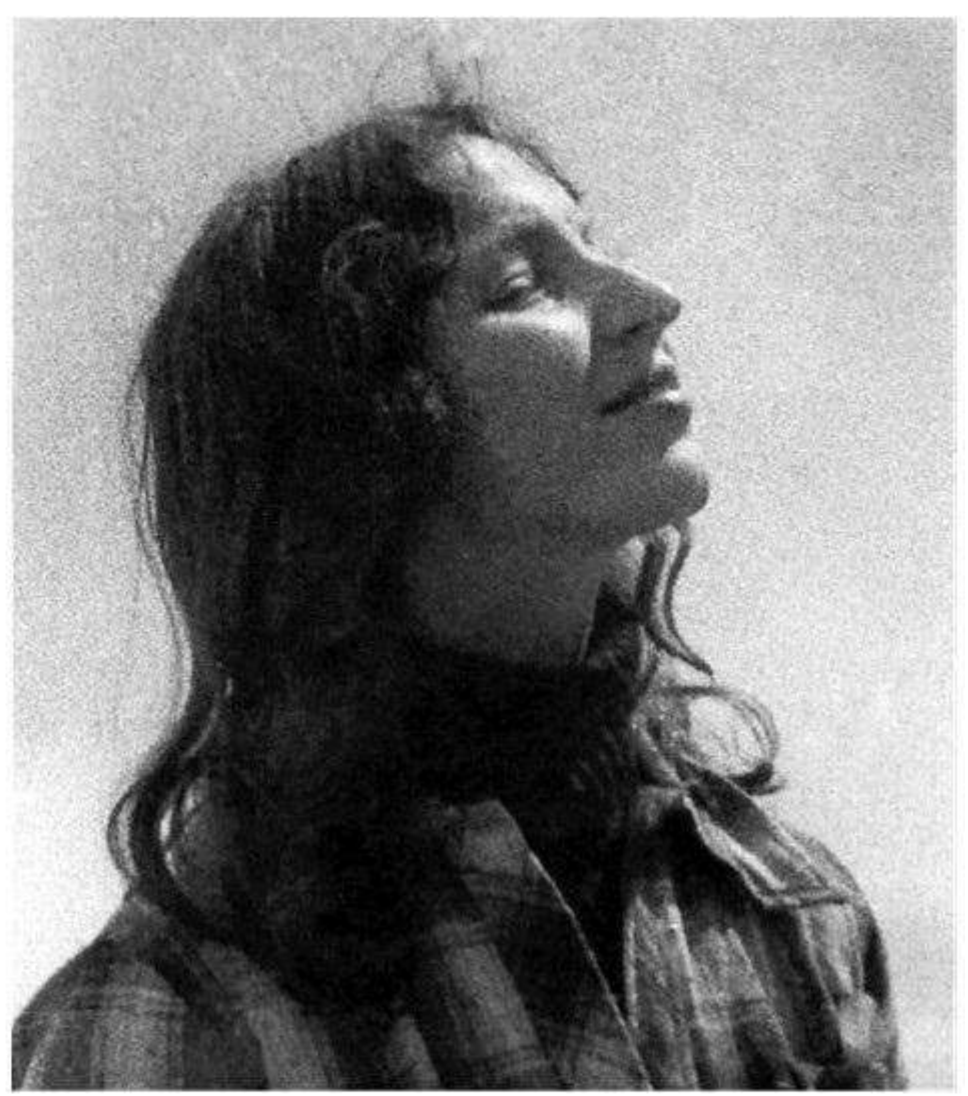
К
остя

ПОСЫЛАЮ ТЕБЕ ЭПИГРАММЫ ЛЕSSИНГА И СВОЮ ИНТЕРПРЕТАЦИЮ К НИМ
И К ЖИЗНИ В ЦЕЛОМ. У СВЕТЫ ЕСТЬ ШАНСЫ ВСКОРЕ ВЕРНУТЬСЯ В
ЭТОТ ГОРОД ЗНАКОМЫЙ ДО СЛЕЗ, ДО ПРОЖИЛОК, ДО..., КАК БЫ НАМ
ВСЕМ ХОТЕЛОСЬ УВИДЕТЬ И ТЕБЯ, НО НЕ БУДЕМ ЗАНИМАТЬСЯ МАНИ-
ЛОВЩИНОЙ. СПАСИБО ЗА ОТКРЫТКУ К НОВО... У ГОДУ. БЫЛ
НЕВЕРНЫЙ РЕЙН И ХВАСТАЛСЯ ДВУМЯ ПИСЬ... МАМИ ОТ ТЕБЯ.
ОТКРЫТКА ТВОЯ ЗАМЕЧАТЕЛЬНА ПО ЛЕГКОСТИ И ... ИЗЯЩЕСТВУ ИЗ-
ЛОЖЕНИЯ, КОТОРЫЕ Я СМОГ ОЦЕНИТЬ. НАЛЬ
СТАЛ РУКОВОДИТЕЛЕМ ЛИТ ОБЕД... НЕНИЯ
ПРИ МУЗЕЕ ДОСТОЕВСКОГО ПОДРОБНО С... ТИ
У ПУДОВКИНОЙ, НАМ ОН УСТРОИЛ ТЯП С САМО-
ГОНОМ. ЗИГОЧКА СТАЛА РАБОТАТЬ ОТ ... РОЛАН...
БЫЛА РОСКОШНАЯ ОТ... КРЫТКА
ПЕРЕД НОВЫМ ГОДО... И ВСЕ ... Я Е... МУ
НАПИСАЛ ТВО... АДРЕС
СООБЩИ ... ПИШЕТ
ЛИ ОН ТЕБЕ ... ЛИДИЯ В. Л.
ЖИВА И ЗДО... РОВА.
ЖМЕМ ТЕБЕ ... РУКИ
Ю. Ц

ФЕВРАЛЬ 1982 г
МЫ В ВОСХИЩЕНИИ
ОТ ГЕТИНЫХ СПЕК-
ТАКЛЕЙ ОСОБЕННО
ПО ВОЛОДИНУ. ПРИВЕТ... ТАЕТ.

ПИСЬМО ЗАДУМАНО, КАК
ПОЗДРАВИТЕЛЬНАЯ ОТКРЫТКА
НЕБОЛЬШОГО ТИРАЖА /ЧЕРНУХА/

Письмо Юрия Цехновицера Азадовскому. Февраль 1982

Зигрида Ванаг. 1980-е. Фото Юрия Цехновицера

Автопортрет Юрия Цехновицера с женой, выполненный в виде почтовой марки на письме к Азадовскому. Февраль 1982

Михаил Семенович Фейгинзон. Около 1980

Анатолий Сергеевич Редин в колонии. Сусуман, 1980-е

Форма Б

СССР
МИНИСТЕРСТВО
ВНУТРЕННИХ
ДЕЛ

Серия ГА

СПРАВКА № 091300

Учреждение
УС-20/2

„04" августа 1981 г.

Выдана гражданину(ке) Лепилиной
(фамилия)
Светлане Ивановне
(имя и отчество)
дата рождения 16 февраля 1946 г.
(число, месяц, год)
уроженцу(ке) г. Брянска
(город (селение), район,
область, край, республика)
национальность русская
семейное положение вдова
(если состоит в браке,
указать, каким органом ЗАГСа, когда и с кем
(фамилия, имя, отчество, год рождения) зарегистрирован брак)

отношение к военной службе нев/обязанная
осужденному(ой) 19.02.1981 г. Куйбышевским рай. н/с г. Ленинграда по ст. 224 ч. 3 УК РСФСР срок - 1 год 6 мес. л/св

имеющему(ей) в прошлом судимости
—

в том, что он(а) отбывал(а) наказание в местах лишения свободы
с „18" декабря 1980 г. по „04" августа 1981 г.,
откуда освобожден(а) по определению Тосненского гор. н/с Ленинградской обл. от 4.08.81 г на основании ст. 53-2 УК РСФСР условно на неотбытый срок 10 мес. 14 дн. с обязательным привлечением к труду в местах, определяемых органами ведающими исполнением приговора

Начальник учреждения
(подпись)

Начальник отдела
(части)
(подпись)

УС-20/2

Справка об условном освобождении Светланы Лепилиной. Август 1981

Форма Б

СССР
МИНИСТЕРСТВО
ВНУТРЕННИХ
ДЕЛ

Серия ВТ

СПРАВКА № 085116

Учреждение
АВ-261/5
„18" декабря 1982 г.

Выдана гражданину(ке) Азадовскому (фамилия,
Константину Марковичу (имя и отчество)
дата рождения 14 сентября 1941 г. (число, месяц, год)
уроженцу(ке) г. Ленинграда (город (селение), район,
область, край, республика)
национальность русский
семейное положение женат ЗАГС г. Сусумана (если состоит в браке,
25 декабря 1981 г. с гражд. Лепилиной С.И. – указать, каким органом ЗАГСа, когда и с кем
– 1946 г. рожд. (фамилия, имя, отчество, год рождения) зарегистрирован брак)

отношение к военной службе в/обязанный
осужденному(ой) 18 марта 1981 г. Куйбышевским райнарсудом г. Ленинграда по ч. III ст. 224 УК РСФСР к 2 год л/свободы

имеющему(ей) в прошлом судимости —

ВЫДАН ПАСПОРТ СЕРИИ V-АК N 610580

в том, что он(а) отбывал(а) наказание в местах лишения свободы
с „13" декабря 1980 г. по „18" декабря 1982 г.,
откуда освобожден(а) по отбытии наказания

Зам. Начальник учреждения
А. А. Еменко (подпись)

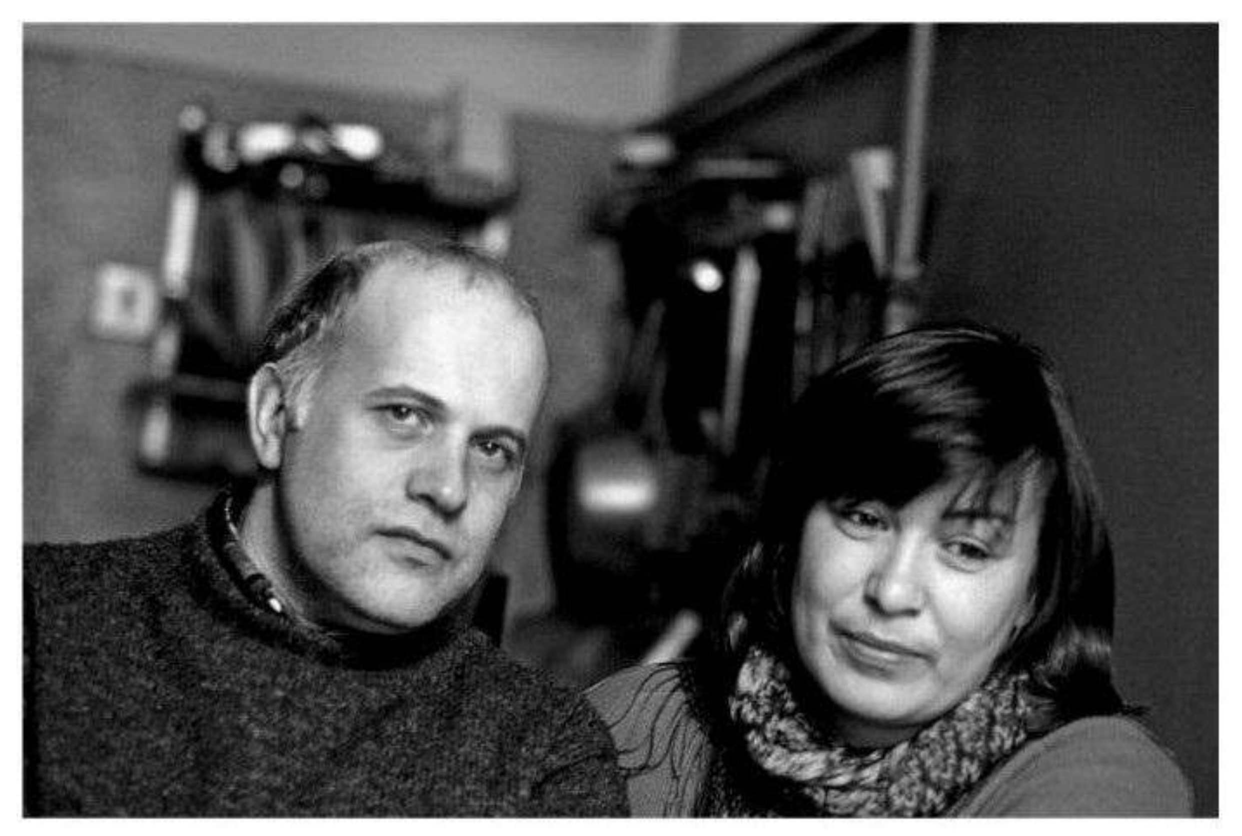
Начальник отдела (части)
В. Г. Дрыне (подпись)

Печать

Справка об освобождении Константина Азадовского. Декабрь 1982

Константин Азадовский после освобождения. Ленинград, начало 1983. Фото Сюзан Хьюмен

Светлана и Константин Азадовские. Ленинград, начало 1983. Фото Сюзан Хьюмен

У Лавровых.

Слева направо, нижний ряд: Георгий Левинтон, Игорь Смирнов; средний ряд: Татьяна Павлова, Светлана Азадовская, Дженевра Луковская, Ксения Кумпан; верхний ряд: Лариса Степанова, Альбин Конечный, Александр Лавров, Николай Котрелев, Сергей Гречишкин, Александр Осповат, Александр Долинин. В руках у Г. Левинтона – газета «The New York Review of Books» от 15 апреля 1982 со статьей М. Скэммела. Ленинград, 1982

Светлана Азадовская, Татьяна Павлова, Александр Лавров, Александр Парнис. Ленинград, 1982

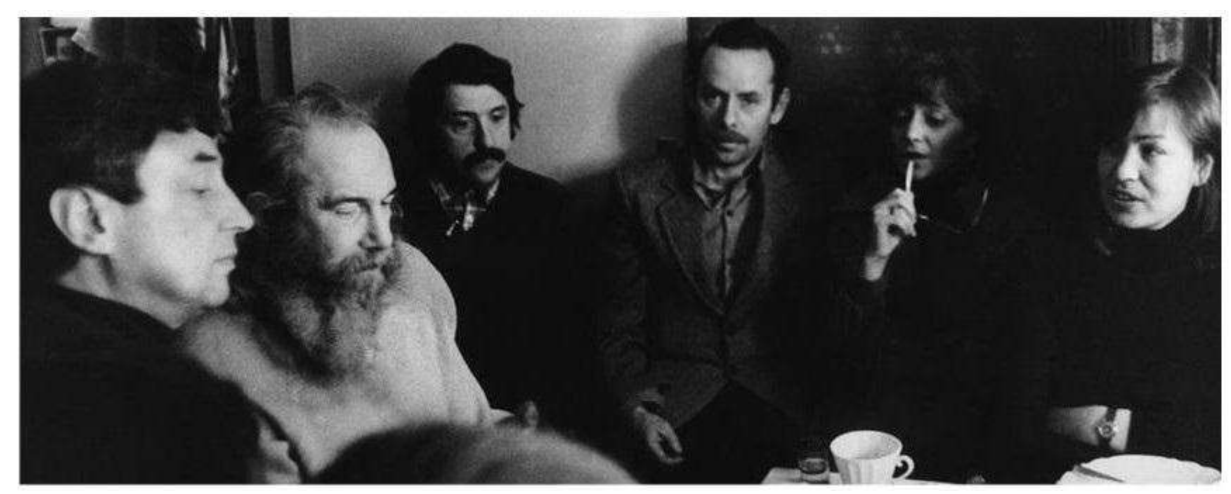
Роман Тименчик, Лариса Степанова, Александр Лавров, Георгий Левинтон. Ленинград, конец 1970-х

Прощание с Л.В. Азадовской. Слева направо: Б.Я. Бухштаб (выступает), далее – Б.Е. Чистова, Е.О. Путилова, Э. Аветисян, К.М. Азадовский, А.А. Аветисян, Б.Н. Путилов, К.В. Чистов. Большеохтинское кладбище (Ленинград), 27 апреля 1984. *Фото Юрия Цехновицера*

Прощание с Л.В. Азадовской. Слева направо: Б.Я. Бухштаб, К.М. Азадовский, Г.Г. Шаповалова, К.В. Чистов, Б.Н. Путилов, Л.Ф. Капралова, З.Б. Ванаг, Г.Н. Яновская, М.А. Турьян. Большеохтинское кладбище (Ленинград), 27 апреля 1984. *Фото Юрия Цехновицера*

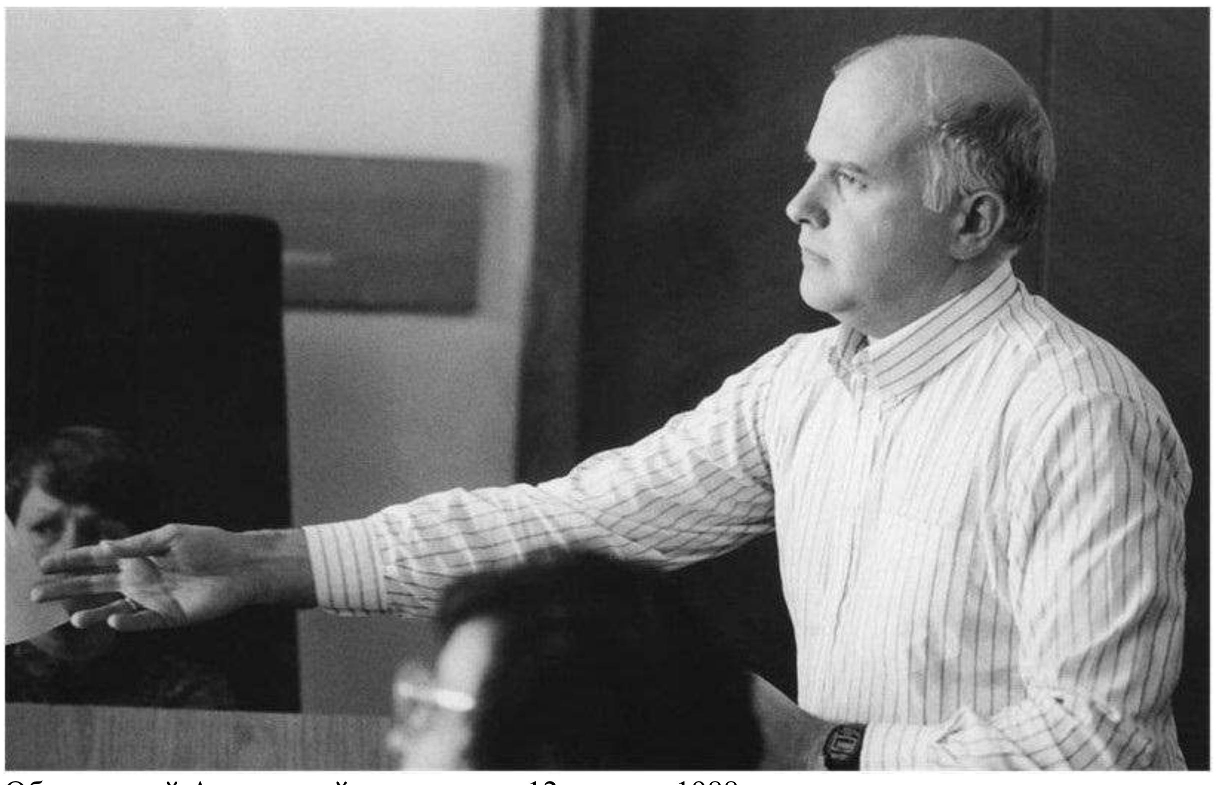
После похорон Л.В. Азадовской. Слева направо: Борис Филановский, Юрий Цехновицер, Анатолий Белкин, Яков Гордин, Мариэтта Турьян, Светлана Азадовская. Ленинград, 27 апреля 1984

После похорон Л.В. Азадовской. По часовой стрелке: Константин Азадовский, Александр Лавров, Георгий Левинтон, Марина Шустерман, Юрий Клейнер, неизвестная (спиной), Борис Ротенштейн (в очках), Татьяна Никольская, Борис Филановский, Владислав Косминский, Светлана Азадовская, Сергей Зилитинкевич, Татьяна Павлова, Татьяна Черниговская, Лев Щеглов. Ленинград, 27 апреля 1984. Фото Юрия Цехновицера

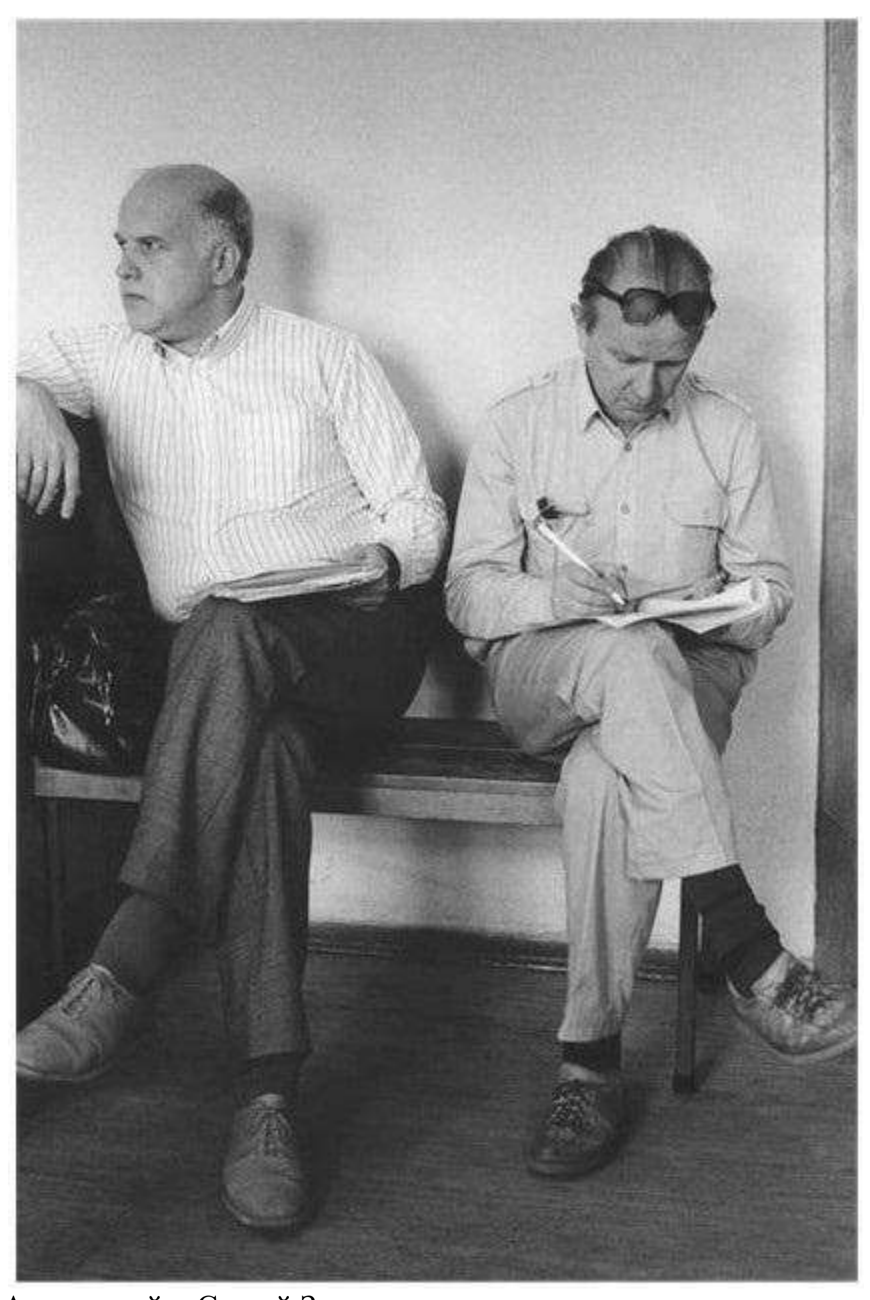
Куйбышевский районный суд г. Ленинграда. 12 августа 1988. Судья – Н.А. Цветков, слева – прокурор А.Е. Якубович, справа – адвокат Н.Б. Смирнова

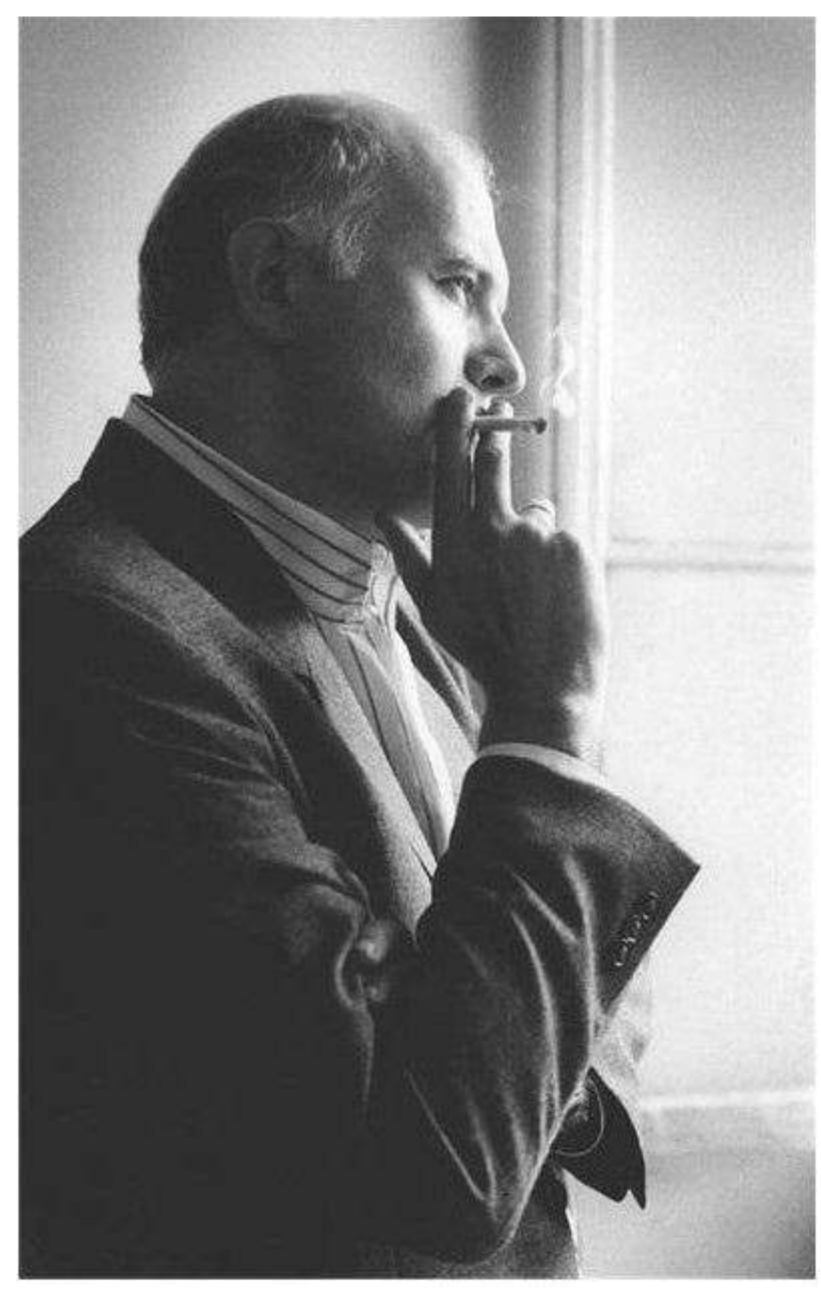
Обвиняемый Азадовский в заседании 12 августа 1988

Куйбышевский районный суд г. Ленинграда. 12 августа 1988. Чтение приговора

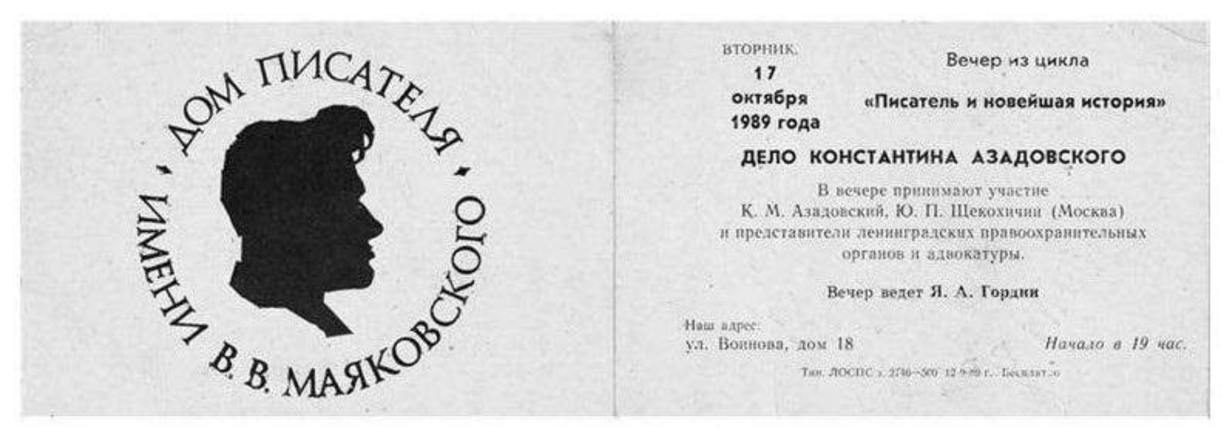
Константин Азадовский и Сергей Зилитинкевич в перерыве заседания

Константин Азадовский в перерыве заседания

Вечер «Дело Константина Азадовского» в ленинградском Доме писателя 17 октября 1989. У микрофона Яков Гордин, справа – Константин Азадовский

ДОМ ПИСАТЕЛЯ · ИМЕНИ В. В. МАЯКОВСКОГО ·

ВТОРНИК
17
октября
1989 года

Вечер из цикла
«Писатель и новейшая история»

ДЕЛО КОНСТАНТИНА АЗАДОВСКОГО

В вечере принимают участие
К. М. Азадовский, Ю. П. Щекохичин (Москва)
и представители ленинградских правоохранительных
органов и адвокатуры.

Вечер ведет Я. А. Гордин

Наш адрес:
ул. Воинова, дом 18

Начало в 19 час.

Тип. ЛОСПС з. 2746–500 12.9.89 г. Бесплатно

Пригласительный билет на вечер в Доме писателя 17 октября 1989

Главному редактору "Литературной газеты"
А.Б.ЧАКОВСКОМУ

Уважаемый Александр Борисович!

Ознакомившись с письмом К.М.Азадовского в редакцию "Литературной газеты", мы, нижеподписавшиеся, просим Вас отнестись к его жалобе с особым вниманием. Уголовное дело, возбужденное в свое время в г.Ленинграде против К.М.Азадовского, действительно, вызвало общественный резонанс, и есть все основания полагать, что имели место грубые нарушения законности.

Мы знаем К.М.Азадовского как широко образованного человека, автора многих работ, изданных в СССР и за рубежом, талантливого литературоведа и переводчика. Совсем недавно в журнале "Дружба народов" /1987, №№ 6-9/ публиковалась переписка Б.Пастернака, М.Цветаевой и Р.-М.Рильке, привлекшая к себе широкое внимание. К.М.Азадовский - один из участников этой интересной и ценной работы. Мы не сомневаемся, что К.М.Азадовский - если бы в отношении него была полностью восстановлена справедливость - способен принести реальную пользу советской культуре, особенно на нынешнем этапе развития нашего общества.

"Литературная газета" зарекомендовала себя в последние годы как авторитетнейший рупор гласности в нашей стране, как печатный орган, открыто выступающий за демократические преобразования в СССР. Надеемся, что и в данном случае мы можем рассчитывать на Вашу поддержку.

С уважением,
члены Союза писателей СССР

Письмо советских писателей главному редактору «Литературной газеты» А.Б. Чаковскому в поддержку обращения Азадовского. 1987

Главному редактору
"Литературной газеты"
Ю.П.ВОРОНОВУ

Глубокоуважаемый Юрий Петрович!

Со слов К.М.Азадовского мне известна ситуация, сложившаяся в "Литературной газете" вокруг статьи Ю.П.Щекочихина "Ленинградское дело образца восьмидесятого", а также содержание этой статьи.

Дело, сфабрикованное ленинградскими органами против К.М. Азадовского и его жены, привлекло к себе в свое время внимание широкой общественности, и я, как и другие советские писатели и ученые, не раз высказывал свое возмущение неправомерными действиями ленинградских властей в отношении семьи Азадовских.

В настоящее время – после долголетних общих усилий – уголовное дело против Азадовского наконец прекращено за отсутствием в его действиях состава преступления. Однако "ленинградское дело образца восьмидесятого" вряд ли сводится к этой запоздалой реабилитации Азадовского и возмещению нанесенного ему материального ущерба. Оно имеет и немаловажный общественный смысл. Мы должны исключить возможность подобного рода провокаций в будущем, а добиться этого можно только одним путем – гласностью. Поэтому я обращаюсь к Вам с убедительной просьбой: способствовать тому, чтобы правдивая и принципиально нужная статья Ю.П.Щекочихина увидела свет в ближайшее время.

С уважением Д.Лихачев

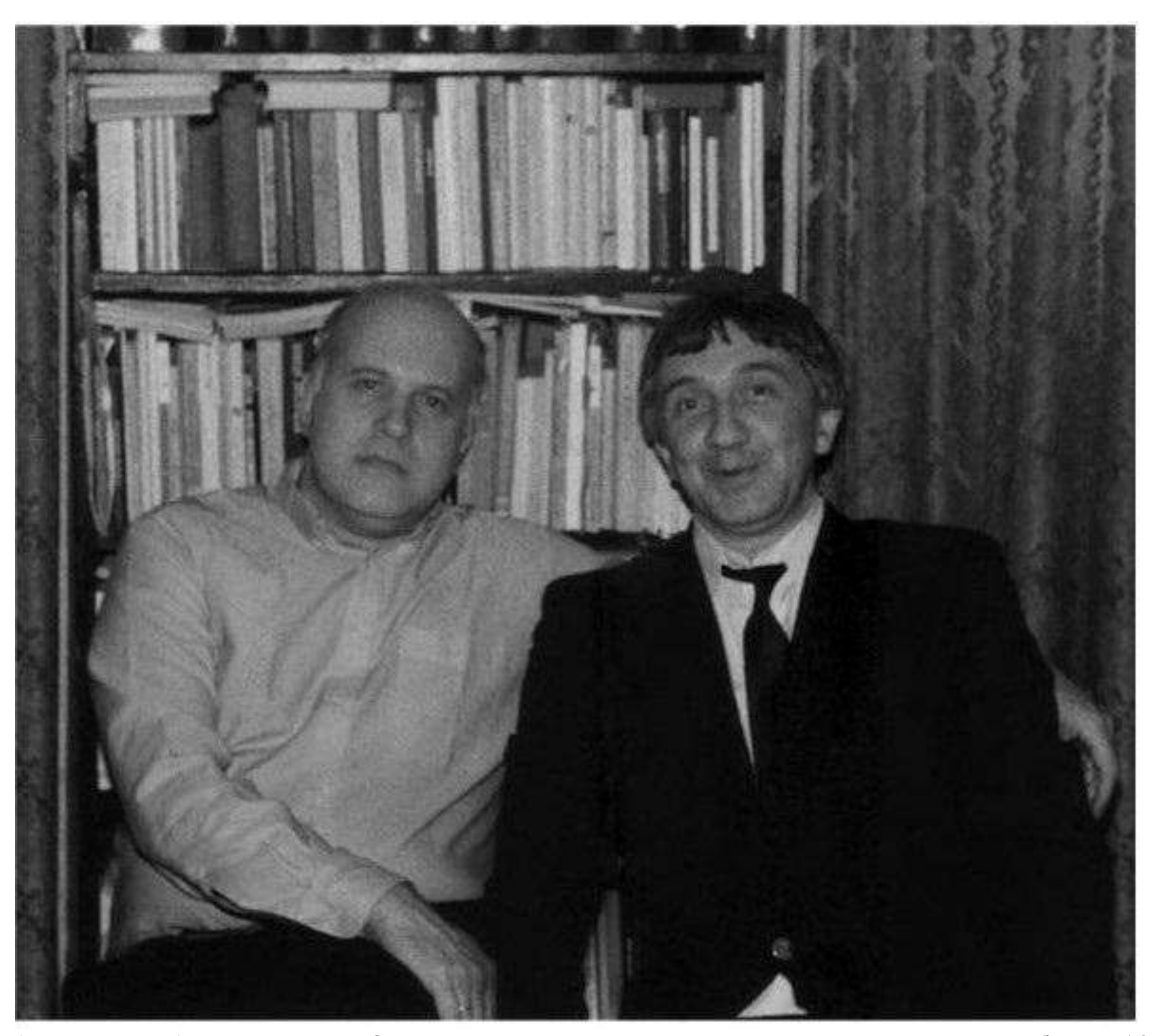
3 марта 1989 г.
г.Ленинград

Письмо академика Д.С. Лихачева главному редактору «Литературной газеты» А.Б. Чаковскому с просьбой содействовать опубликованию статьи Юрия Щекочихина. 3 марта 1989

Константин Азадовский и Галина Старовойтова. Вена, 1992

Константин Азадовский и Юрий Щекочихин у стеллажа с книгами, где при обыске 19 декабря 1980 был найден пакет с наркотиками. Ленинград, 1990

НА СЪЕЗДЕ НАРОДНЫХ ДЕПУТАТОВ СССР, НА ПЕРВОЙ СЕССИИ ВЕРХОВНОГО СОВЕТА ВПЕРВЫЕ ТАК ОТКРЫТО И ОСТРО ГОВОРИЛОСЬ О РОЛИ КГБ СССР В ЖИЗНИ СТРАНЫ, О НЕОБХОДИМОСТИ ПОСТОЯННОГО КОНТРОЛЯ ЗА ЕГО ДЕЯТЕЛЬНОСТЬЮ. ОБРАЗОВАН КОМИТЕТ ПО ВОПРОСАМ ОБОРОНЫ И ГОСУДАРСТВЕННОЙ БЕЗОПАСНОСТИ, ВНИМАНИЮ КОТОРОГО МЫ И ПРЕДЛАГАЕМ РАССЛЕДОВАНИЕ, ПРОВЕДЕННОЕ ГАЗЕТОЙ. ВОЗМОЖНО, ЭТО И РЕДКОЕ ДЕЛО, НО ДАЖЕ И ТАКОЕ НЕ ДОЛЖНО ПОВТОРИТЬСЯ. ОБЩЕСТВО ДОЛЖНО БЫТЬ ГАРАНТИРОВАНО ОТ НЕЗАКОННОГО ВМЕШАТЕЛЬСТВА КГБ В ВОПРОСЫ, КОТОРЫЕ НЕ НАХОДЯТСЯ В СФЕРЕ НАЦИОНАЛЬНОЙ БЕЗОПАСНОСТИ.

Юрий ЩЕКОЧИХИН

РАССЛЕДОВАНИЕ «ЛГ»

ДЕЛО ОБРАЗЦА ВОСЬМИДЕСЯТЫХ

книги были... уничтожены (я собственными глазами видел акт об их сожжении).

Все это звучит настолько неправдоподобно, что может показаться мысль, будто я, как человек пострадавший, сильно преувеличиваю. Увы! Стремясь сказать главное, я не имею возможности описать здесь все то, что в действительности совершалось в отношении нас: избиение в следственном изоляторе, издевательства над моей женой, камеры с «подсадными» и — как венец всему — этапирование меня через всю страну в Магаданскую область. Для чего понадобилось отправлять осужденного на два года (общий режим!) в Магаданскую область?

С первых же дней, как только я оказался под стражей, я протестовал, как мог, против каждой незаконной акции: количество моих жалоб, ходатайств, написанных за эти годы, давно уже превысило число моих научных и литературных работ. Куда я только не обращался! Но все мои бумаги оказываются в конце концов в прокуратуре, откуда я неизменно получаю отписки в несколько строк: «Доказать, вина моя полностью доказана».

Ни один из моих аргументов еще ни разу не был рассмотрен по существу. Как же мне добиться правды?

С этим вопросом я и обращаюсь в «Литературную газету». У меня создалось впечатление, что дела, к которым причастны сотрудники КГБ, до сих пор находятся как бы вне закона.

К. М. АЗАДОВСКИЙ

ЛЕНИНГРАД

Когда читал письмо, а потом, спустя несколько дней, слушал рассказ самого К. М. Азадовского, помню, мелькнуло спасительное: да это же по закону восьмидесятого! Какой судья сейчас, в 1988 году, отправил бы на Колыму за пять граммов анаши без цели сбыта? И статьи-то такой сейчас нет в Уголовном кодексе, есть нарушение, наказывают за которое не в уголовном, а в административном порядке: в худшем случае штрафом. Но потом о другом подумал. А по закону не восьмидесятого, а, допустим, 49-го или 37-го?! Да за одного Замятина на немецком языке тут же вкатили бы 25 лет с вечным клеймом пуэрториканского шпиона.

Но нет, ни при чем здесь анаша, ни при чем здесь Замятин! Они и связаны между собой были только лишь потому, что раз-

представитель «ЛГ», или К. М. Азадовскому стандартные ответы, что присутствовали при обыске только работники милиции. Напротив, знали, поэтому и отвечали так: «Были — значит, так надо. Но зачем же об этом вслух-то...»

И. М. Минаев вернулся в Москву, и в Прокуратуру СССР ушло еще одно редакционное письмо на имя заместителя Генерального прокурора СССР О. В. Сороки.

И снова — молчание. «Вы получили наше письмо?» — «Что вы все время звоните?». И так далее.

Прокуратура СССР хранила молчание, но из Ленинграда пришли тревожные вести от К. М. Азадовского: его начали приглашать в милицию якобы для разговоров о различных преступлениях, совершенных в городе, но на самом-то деле для другого — намекать, чтобы он... уехал за границу.

Закончился 1987 год. О. В. Сорока молчал. Прошел январь и февраль 1988-го — молчание. Просьба и напоминание редакции оставались без ответа, несмотря на то, что положенные по закону (закону, именно за соблюдением которого должна следить прокуратура!) сроки давно уже прошли. Что же мешает прокуратуре высказать свою точку зрения по этому делу? Мы были убеждены — та же магия от присутствия в деле работников КГБ.

Что же нам было делать дальше?

Но тут на должность первого заместителя Генерального прокурора СССР назначается Александр Яковлевич Сухарев, юрист, представляющий нашу страну на ведущих международных форумах. 17 марта 1988 года мы обратились уже к нему, указав и на то, что в течение пяти (пяти!) месяцев редакция так и не получила ответа от О. В. Сороки, и на то, что в Ленинграде вокруг К. М. Азадовского началась непонятная возня ленинградских правоохранительных органов.

И через полтора месяца А. Я. Сухарев, тогда еще не ставший Генеральным прокурором, сообщил редакции, что ее про-

Но на суд они не явились.

Судья Н. А. Цветков зачитал два оправдательных, так сказать, документа, пришедших в судебное заседание.

«Заместитель начальника управления кадров ГУВД Лебедев сообщил, что «по данным управления кадров ГУВД Ленгорисполкома Быстров Виктор Иванович на 19 декабря 1980 года не служил и в настоящее время не служит».

А заместитель начальника отдела кадров управления КГБ СССР по Ленинградской области А. Ковяда сообщил, что «в настоящее время тт. Архипов В. И. и Шлемин В. В. находятся в очередных отпусках вне пределов Ленинграда, в связи с чем обеспечить их явку в суд в качестве свидетелей не представляется возможным».

Из других событий мне хотелось бы отметить допрос понятого Константинова. Привожу стенограмму:

Вопрос к Константинову. Как вы оказались понятым? **Ответ.** По выходе из метро «Площадь Восстания» ко мне подошел работник милиции и попросил помочь. **Вопрос.** Где вы живете? **Ответ.** На Васильевском острове. **Вопрос.** Где вы работаете? **Ответ.** На Васильевском острове. **Вопрос.** Как вы оказались в такой ранний час на площади Восстания?.. **Ответ** (пауза). С целью прогулки. **Вопрос.** Вы утверждаете, что работники милиции подошли к вам случайно? **Ответ** (пауза). Да. **Вопрос.** Какой общественной работой вы занимались в 1980 году? **Ответ.** Я был руководителем комсомольского оперативного отряда у себя на предприятии. **Вопрос.** Вы продолжаете утверждать, что оказались понятым случайно? **Ответ** (пауза). Да. **Вопрос** (к работнику милиции Арцебушеву). Случайно ли вы подошли к Константинову? **Ответ.** Еще вечером было договорено, что ребята из комсомольского оперативного отряда поедут с нами на обыск в качестве понятых. Мы договорились встретиться возле станции метро «Площадь Восстания». **Вопрос** (к Константинову). Когда вы пришли домой к Азадовскому, вас не удивило, почему у него собираются делать обыск? **Ответ.** Я обратил внимание, что у него в доме очень много книг на иностранных языках.

Ну ладно, хватит...

Не в качестве еще одного доказательства фальсификации дела против К. М. Азадовского привел я свою блокнотную запись. «Понятой» Константинов свидетельствует о гражданстве — чувстве, приобретенном нами в самые трагические периоды нашей истории, когда исполнение самого бессовестного приказа оправдывалось государственной необходимостью, когда предательство отца, брата, друга, товарища по работе объявлялось

РАССЛЕДОВАНИЕ “ЛГ”

И потянулись дни, недели, месяцы... Чернота, темень...

Да кто из моих коллег не испытывал такого же тупого отчаяния, когда снимали твои статьи, кромсали тексты, резали по живому?! Твое же собственное начальство заставляло принимать эти правила игры, считая их непреложными...

Время от времени я заглядывал в наши командирские кабинеты. Начальники пожимали плечами: “Ну сам знаешь, где статья...” А один наш тогдашний зам. главного, человек достаточно циничный, чтобы всерьез принимать всякие судьбы всяких газетных персонажей, как-то откровенно сказал: “Да никогда не будет это напечатано, ты уж мне поверь. Я никогда не ошибаюсь...”

Раньше, когда коридоры власти проходили лишь по Старой площади, там, где ЦК, он действительно не ошибался. Но вдруг коридоры власти ушли в разных направлениях, загадочных даже для него, – уже прошли первые свободные выборы.

Теперь же он ошибся: о том, что КГБ запретило статью, я рассказал многим депутатам и даже зачем-то – кроме письма М.Горбачеву и В.Крючкову – написал письмо Е.Евтушенко. Но прижал Крючкова не он. А в прямом смысле этого слова в перерыве сессии Верховного Совета Галина Старовойтова.

– Крючков сказал, – позвонила она мне поздно вечером, – что КГБ не вмешивается в работу “Литгазеты”. Хотят печатать – пускай печатают...

Крючков, естественно, врал.

Наверное, в мае или в начале июня меня вызвал тогдашний наш первый зам. главного “ЛГ” Юрий Изюмов и протянул мне текст.

– Что это? – спросил я его.

– Звонили из КГБ. Передали свои замечания... Я их записал...

ми, в беседах с ними компрометировал проводимые Советским правительством внутриполитические мероприятия...”

Ну и так далее, что же медлить? По той самой, по политической?

Хочется, да, оказалось, не за что:

“В процессе работы по ДОР легализованных (?! – ***Ю.Щ.***) материалов о проведении Азадовским враждебной и иной противоправной деятельности получить не представилось возможным. Тем не менее руководством 5-й службы УКГБ в октябре 1980 г. было принято решение о реализации этого дела путем привлечения объекта к уголовной ответственности за совершение общеуголовного преступления. Тогда же УКГБ проинформировало Куйбышевский РУВД г. Ленинграда о том, что Азадовский и Лепилина занимаются приобретением, хранением и употреблением наркотических веществ, хотя данных об этом в материалах ДОР не имелось(?! – ***Ю.Щ.***)”...

И началась операция.

“Как выяснилось в ходе настоящей проверки, привлечению Азадовского и Лепилиной к уголовной ответственности предшествовали провокационные действия агента-иностранца “Берета” 5-й службы, который в ноябре – декабре 1980 г. был подставлен (!) УКГБ Лепилиной” – это из того же рапорта на имя Чебрикова.

Могла ли знать Светлана, что все – и приглашение на встречу с “испанским студентом” Хасаном в кафе неподалеку от дома, где жил Константин, и джинсы, которые он ей подарил, и “горная трава”, которую он дал под видом лекарства от головной боли, да и сам этот “испанский студент”, – все, абсолютно все было частью операции КГБ, в которой ей самой предназначалась лишь одна роль: стать поводом для того, чтобы провести обыск в квартире Константина.

дения обыска на квартире Азадовского К.М. под прикрытием работника милиции Быстрова Виктора Ивановича (грамотнее, наверное, было бы написать – под прикрытием документов никогда не существовавшего Быстрова. – *Ю.Щ.*)....

Ст. оперуполномоченный 1-го направления 5-й службы УКГБ ЛО майор Архипов”...

Еще об участниках этого маскарада?

Почему-то в объяснении майора Кузнецова была опущена одна существенная деталь, та, на которую потом обратила внимание московская комиссия, докладывавшая Чебрикову:

“Из имеющейся в материалах ДОР сводки мероприятия “С” видно, что накануне обыска Азадовского (после задержания Лепилиной) его квартиру посетил агент 5-й службы УКГБ “Рахманинов”. Однако никаких документальных данных о цели и результатах посещения им Азадовского в ДОР не имеется. Сотрудник т. Кузнецов А.В., у которого источник находился на связи, в беседе пояснил, что “Рахманинов” направлялся домой к Азадовскому по его заданию с целью выяснения обстановки в квартире, хотя это не вызывалось оперативной необходимостью, так как в августе 1980 г. в его жилище проводилось мероприятие “Д”...”

Мероприятие “С” – прослушивание телефона. Мероприятие” Д” – негласный обыск. А агент “Рахманинов” – тот самый странный визитер, который попросил Константина принести ему воды из кухни. Чтобы иметь возможность остаться одному возле книжных полок, на пятой из которых и был найден пакет с анашой. Те же 5 граммов, точно такого же состава, какой был накануне обыска найден у Светланы...

КАКАЯ все-таки гнусная история! В справке на имя Чебрикова действия сотрудников УКГБ были названы “неправомерными”. Но не потому, что была совершена провокация по отношению к двум ни в чем не повинным людям. Нет! Цитирую: “Рядом руководящих и оперативных сотрудников Управления были допущены серьезные нарушения приказов и указания КГБ СССР, что привело... к расшифровке (! – ***Ю.Щ.***) перед Азадовским проводимых в отношении него мероприятий, связанных с его привлечением к уголовной ответственности, что в последующем и послужило поводом для написания им жалоб”...

И без всякого стеснения сказано:

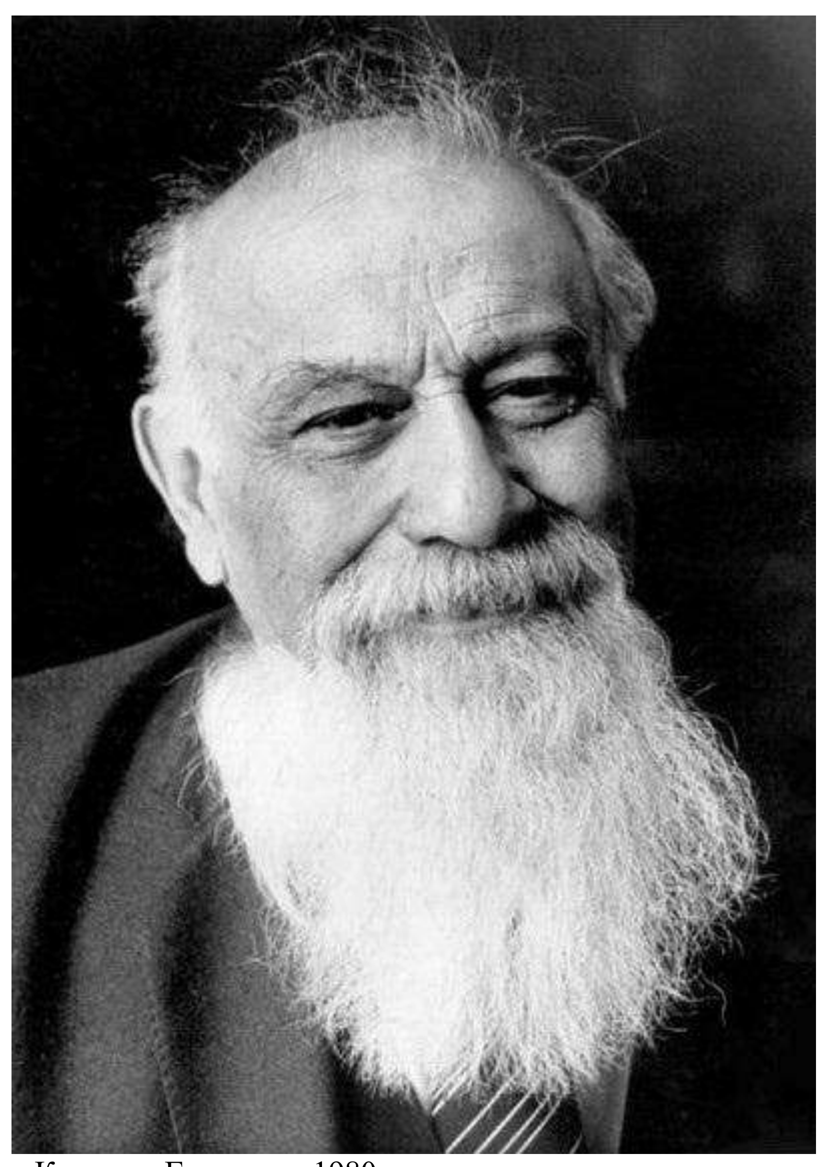
“За серьезные просчеты при осуществления разработки и реализации дела на Азадовского, повлекшие расшифровку (! – ***Ю.Щ.***) интереса органов госбезопасности к объекту, объявить подполковнику Безверхову Юрию Алексеевичу, майору Кузнецову Александру Валентиновичу замечание”.

Нет, не в том виноваты, что отправили Константина на Колыму, в лагерь Светлану, не в том, что сломали жизнь людям, а в том, что сработали грубо, засветились, не сумели спрятать себя.

И характерен финальный абзац справки, представленной Чебрикову: “По поводу настоящей жалобы Азадовского сообщить ему, что установлен факт неправомерного участия сотрудников УКГБ по Ленинградской области в проведенном и у него обыске (всего то! – ***Ю.Щ.***), и разъяснить заявителю, что к ним будут применены меры дисциплинарного воздействия”.

Формула, которая потом переходила из ответа в ответ. Из одного лживого ответа в другой

Статьи Юрия Щекочихина в «Литературной газете» от 9 августа 1989 и 28 сентября 1994, посвященные делу Азадовского

Лев Зиновьевич Копелев. Германия, 1980-е

Lew Kopelew 50 935 Köln, den 22. Nov. 1994
Neuenhöfer Allee 41

Sehr geehrte Damen und Herren,

dem Brief, den Dr. Konstantin Asadowskij an Sie richtete, möchte ich meine nachdrückliche Bitte folgen lassen: diesen Fall möglichst ernst zu nehmen.

Ich kenne Dr. Asadowskij seit etwa 30 Jahren, kenne ihn als einen äußerst begabten Germanisten, dessen Arbeiten in Deutschland und Österreich bekannt sind und von Fachkollegen hochgeschätzt werden, kenne ihn auch als einen integren Menschen, der selbst in schwersten Zeiten sich für ungerecht Verfolgte, Diffamierte und Verhaftete einsetzte und schließlich dafür büßen mußte. Über seine und seiner Frau Verhaftung und Verbannung während der Jahre 1981-1983 habe ich in Deutschland und in Österreich mehrmals geschrieben und gesprochen. Sein Fall war ein Beispiel absolut willkürlicher, zynischer Handlungsweise des Geheimdienstes. Doch erst vor kurzem wurde dieser Fall in der russischen Presse in allen Einzelheiten aufgerollt, und es erwies sich, daß dieselben Leute, die als Geheimdienstler in den 70er und 80er Jahren Herrn Asadowskij und seine Freunde bedrängten, verleumdeten und verhafteten, immer noch hohe Stellungen im Staatsapparat bei den Geheimdiensten oder in den neuen, angeblich privaten wirtschaftlichen Strukturen einnehmen. Nun sind sie namentlich bekannt gemacht worden und deswegen äußerst erbost und besorgt.

In einigen vergleichbaren Fällen sind bereits schreckliche Folgen bekannt: Mehrere Journalisten wurden überfallen, einige ermordet, andere bedroht; alle Täter blieben unbekannt.

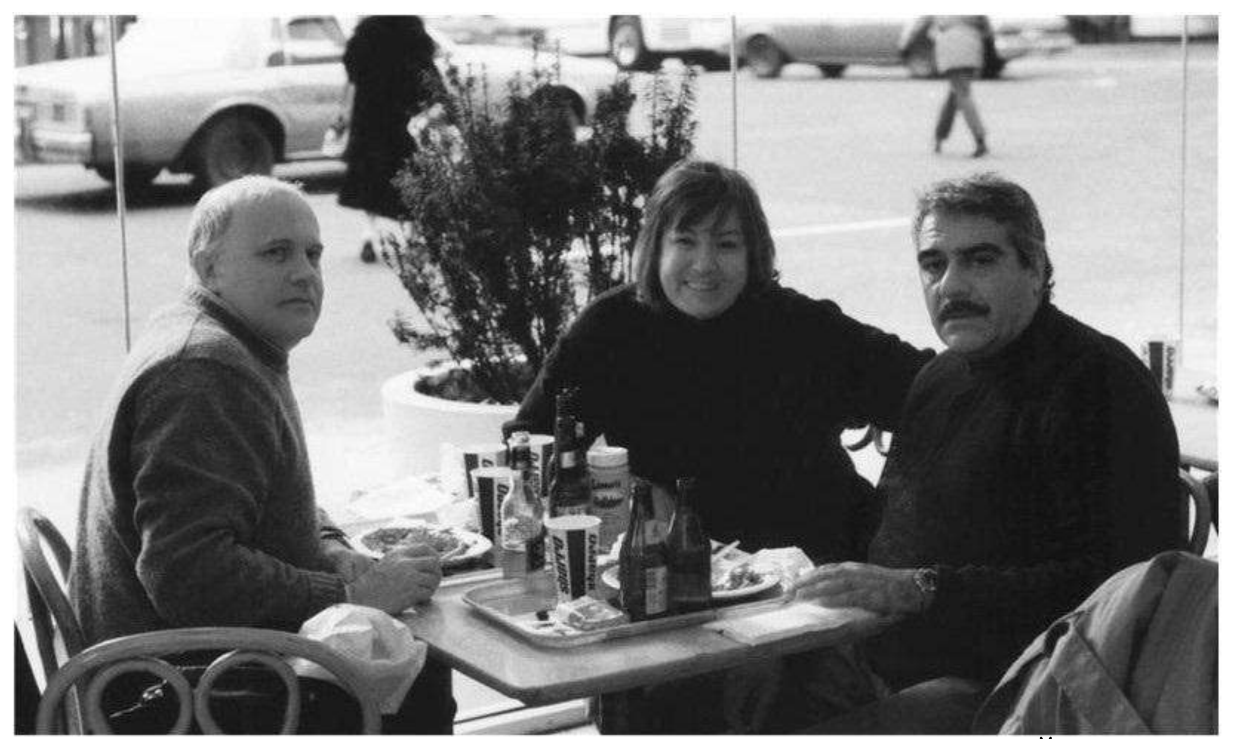
Was sich mit Herrn Asadowskij im Frankfurter Flughafen abspielte, ist bestimmt ein Versuch, ihm Drogen zuzuschieben, um damit die bereits widerlegte Anklage von 1981 zu rechtfertigen und sozusagen neu aufzulegen. Damals war es zuletzt ein zufälliger Besucher, der ein Päckchen Drogen auf seinem Bücherregal versteckte; schon am nächsten Tag wurde es bei der Hausuchung "gefunden". Der Frankfurter Vorfall scheint nach dem gleichen Muster arrangiert.

Bitte helfen Sie Herrn Dr. Asadowskij bei der Aufklärung der Hintergründe durch entsprechende deutsche Behörden.

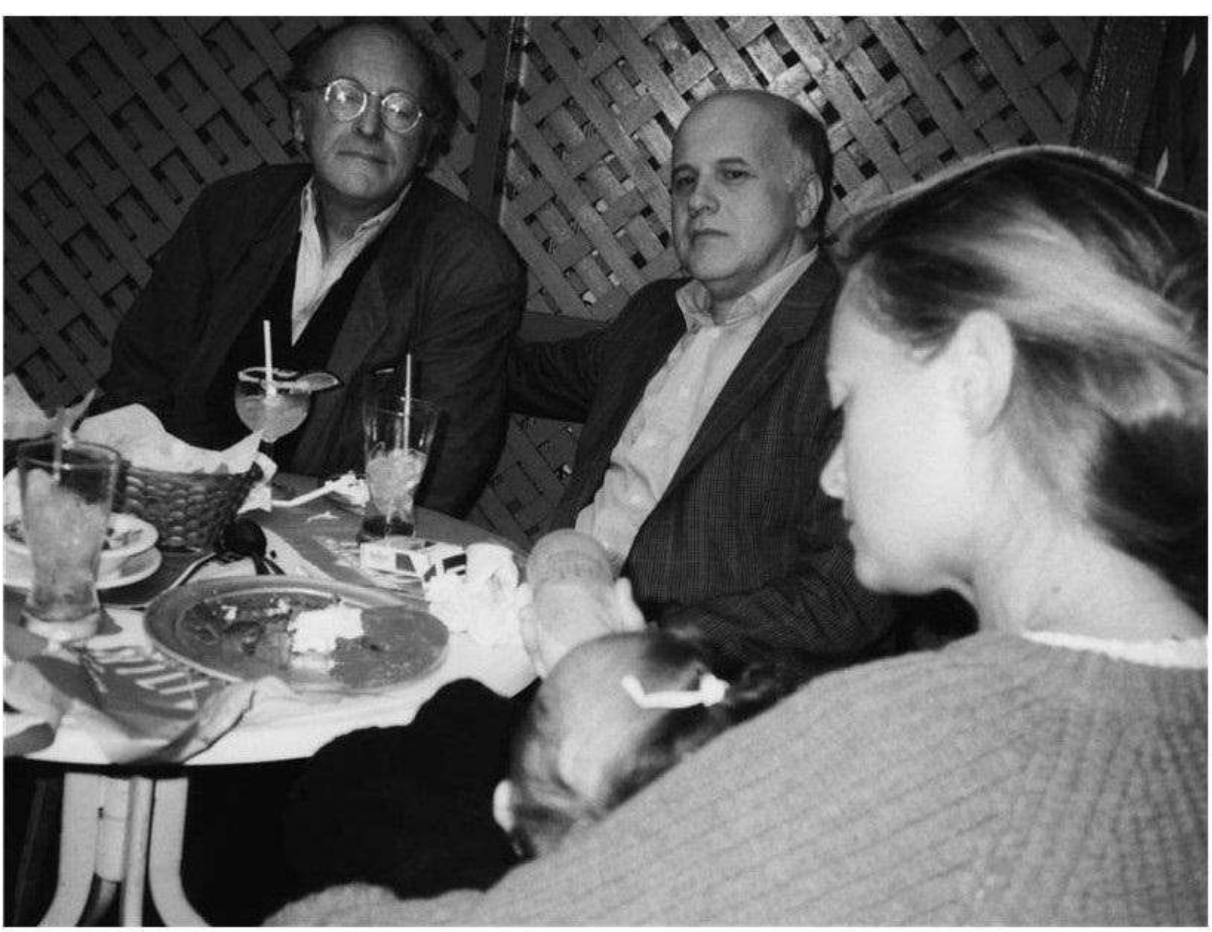
Mit freundlichen Grüßen

Ihr Lew Kopelew

Письмо Льва Копелева немецким властям от 22 ноября 1994 в связи с инцидентом в аэропорту Франкфурта-на-Майне

Константин Азадовский, Светлана Азадовская, Сергей Довлатов. Нью-Йорк, ноябрь 1989

Иосиф Бродский, Константин Азадовский, Мария Соццани с дочерью Анной на руках. Нью-Йорк, октябрь 1993

ВЕРХОВНЫЙ СОВЕТ
РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

КОМИССИЯ ПО РЕАБИЛИТАЦИИ ЖЕРТВ ПОЛИТИЧЕСКИХ РЕПРЕССИЙ

Москва, Дом Советов России — Площадь свободной России

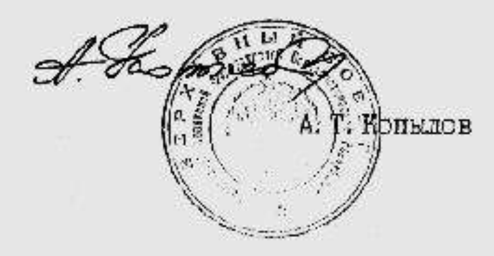
17 июня 1993г. №

СПРАВКА

Решением Комиссии Верховного Совета Российской Федерации по реабилитации жертв политических репрессий от 24 мая 1993 года признано, что **АЗАДОВСКИЙ** Константин Маркович, родившийся в 1941 году в городе Санкт-Петербурге, реабилитированный на основании постановления прокуратуры города Ленинграда от 14 февраля 1989 года, был репрессирован по политическим мотивам и в соответствии с частью второй статьи 19 Закона РСФСР "О реабилитации жертв политических репрессий" на него распространено действие статей 12-16 вышеназванного Закона.

Настоящая справка вместе с документом о реабилитации является основанием для получения денежной компенсации и льгот социально-бытового характера, установленных Законом РСФСР "О реабилитации жертв политических репрессий".

Председатель Комиссии
народный депутат
Российской Федерации

А. Т. Копылов

Справка о реабилитации Константина Азадовского, выданная 17 июня 1993

Санкт - Петербургский
ГОРОДСКОЙ СУД

191028, С.-Петербург, наб. реки Фонтанки, 16
Телефон: 272-29-74

09.09.98г. к.11

На № ______ от ______

АЗАДОВСКОЙ
/ЛЕПИЛИНОЙ/ С.И.
191014, Санкт-Петербург,
ул.Восстания, дом 10, кв.51.

СПРАВКА

Постановлением Президиума Санкт-Петербургского городского суда от 1 июня 1994 года приговор Куйбышевского районного народного суда г.Ленинграда от 19 февраля 1981 года и определение судебной коллегии Ленинградского городского суда от 5 марта 1981 года в отношении Лепилиной Светланы ~~Нико-~~ Ива-новны ~~лаевны~~, 1946 года рождения, уроженки г.Брянска, осужденной по ст.224 ч.3 УК РСФСР к 1 /одному/ году, 6 /шести/ месяцам лишения свободы, отменен, и дело производством прекращено на основании ст.5 п.2 УПК РФ за отсутствием в ее действиях состава преступления.

Постановлением Президиума Санкт-Петербургского городского суда от 1 июня 1994 года установлено, что Лепилина С.И. была репрессирована по политическим мотивам.

Лепилина С.И. по настоящему делу реабилитирована.

Справка выдана для предъявления в компетентные органы для решения вопроса о предоставлении установленных законом льгот для лиц, подвергшихся политическим репрессиям.

И.О. ПРЕДСЕДАТЕЛЯ
САНКТ-ПЕТЕРБУРГСКОГО
ГОРОДСКОГО СУДА — *В.Н. ЕПИФАНОВА*

Исправленному верить: Судья /Н.А. Антоневич/

Справка о реабилитации Светланы Лепилиной (Азадовской), выданная 9 сентября 1998